

Темные века, 476-918

Чарльз Оман

PERIODS OF EUROPEAN HISTORY
PERIOD I., 476-918

THE DARK AGES

BY

CHARLES OMAN, M.A., F.S.A.

FELLOW OF ALL SOULS COLLEGE
AND LECTURER AT NEW COLLEGE, OXFORD

Электронная книга проекта "Гутенберг" о темных веках, 476-918

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Темные века, 476-918

Автор: Чарльз Оман

Дата выхода: 29 февраля 2020 г. [Электронная книга № 61536]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Крис Карноу, Барри Абрахамсен и команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ТЕМНЫЕ ВЕКА", 476-918 ***

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

ПЕРИОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ПЕРИОД I., 476-918

Периоды европейской истории

Главный редактор АРТУР ХЭССАЛЛ, магистр медицины,

Студент Крайстчерч, Оксфорд.

Crown 8vo. С картами и планами.

Цель этой серии - представить в отдельных томах всеобъемлющий и заслуживающий доверия отчет об общем развитии европейской истории и полностью и тщательно рассмотреть наиболее выдающиеся события каждого столетия.

Считается, что подобных попыток представить Историю Европы английской публике еще не предпринималось, и есть надежда, что Серия сформирует ценную непрерывную историю Средневековой и Современной Европы.

Период I. — Темные века. 476-918 гг. н.э. К. У. К. Оман, магистр, член Колледжа всех душ, Оксфорд. 7с. 6д. [Уже опубликовано.]

Период II. —Империя и папство. 918-1273 гг. н.э. Т. Ф. Таут, магистр, профессор истории Колледжа Оуэнс Университета Виктории, Манчестер. 7с. 6д. *[Уже опубликовано.]*

Период III.—Завершение средневековья. 1272-1494 гг. н.э. Р. Лодж, магистр, профессор истории Университета Глазго. *[В стадии подготовки.]*

Период IV. — Европа в 16 веке. 1494-1598 гг. н.э. А. Х. Джонсон, магистр, преподаватель истории в Мертонском, Тринити- и Университетском колледжах Оксфорда. 7с. 6д. *[Уже опубликовано.]*

Период V. — Господство Франции. 1598-1715 гг. н.э. Х. О. Уэйкман, магистр, член Колледжа Всех душ и преподаватель Колледжа Кебл, Оксфорд. 6с. *[Уже опубликовано.]*

Период VI. —Баланс сил. 1715-1789 гг. н.э. А. Хассалл, магистр, студент Крайст-Черч, Оксфорд. 6с. *[Уже опубликовано.]*

Период VII. — Революционная Европа. 1789-1815 гг. н.э. Х. Морс Стивенс, магистр, профессор истории Корнельского университета, Итака, США 6с. *[Уже опубликовано.]*

Период VIII.—Современная Европа. 1815-1878 гг. н.э. Автор: Г. В. Протеро, доктор исторических наук, профессор истории Эдинбургского университета. *[В стадии подготовки.]*

ТЕМНЫЕ ВЕКА

476-918

ЧАРЛЬЗ ОМАН, магистр, Ф.С.А.

ЧЛЕН КОЛЛЕДЖА ВСЕХ ДУШ

И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЬЮ-КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ

АВТОР КНИГИ "История ГРЕЦИИ",

"ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА" И Т.Д.

ПЕРИОД I

РИВИНГТОНЫ

КИНГ-СТРИТ, КОВЕНТ-ГАРДЕН

ЛОНДОН

1898

Третье издание

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на весьма скромный масштаб, в рамках которого была написана эта книга, я надеюсь, что она может оказаться полезной для изучающих европейскую историю. Хотя существует несколько превосходных монографий, посвященных различным разделам периода 476-918 годов, на английском языке нет непрерывного общего очерка, охватывающего его целиком. Считается, что бессмертный труд Гиббона именно так и делает, но те, кто прочитал его наиболее внимательно, лучше всех знают, что это не так. Я не знаком ни с одной современной английской книгой, в которой исследователь мог бы найти рассказ о королях Ломбардии, или о мусульманских вторжениях в Италию и Сицилию в девятом веке, или о нескольких других не маловажных главах ранней истории Европы. Поэтому я надеюсь, что моя попытка охватить все поле между 476 и 918 годами может оказаться не совсем бесполезной для читающей публики.

Я должен признать свой долг двум ныне живущим авторам, чьи работы оказали мне максимально возможную помощь в изучении двух великих разделов этого периода, доктору Густаву Рихтеру, чья замечательная коллекция оригинальных источников в его *Анналах Французского государства* является таким прекрасным введением в изучение времен Меровингов и Каролингов, и профессору Бери из Дублина, чья *история поздней Римской империи* так много сделала для изучения восточноримских событий между 476 и 800 годами. Я также не могу не выразить своего долга добрым и прилежным рукам, которые потратили так много летних часов на кропотливую работу по составлению моего справочника.

, Пожалуй, следует добавить несколько слов по щекотливому вопросу о написании имен собственных. Говоря о местах, я всегда выбирал самую современную форму, но, говоря о людях, я использовал ту, которая используется современными авторитетами, за исключением нескольких очень известных имен, таких как Чарльз, Генри, Грегори, Льюис, где архаизм отдавал бы педантизмом.

Оксфорд, ноябрь 1893 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Автор должен выразить признательность за большую помощь в доработке этого второго издания, оказанную ему преподобным доктором Брайтом, региональным профессором церковной истории; мистером К. Х. Тернером, стипендиатом Колледжа Магдалины; преподобным Ф. Э. Брайтманом из Университетского колледжа; и неутомимым составителем указателя. Своими предложениями они существенно повысили точность книги.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИ ЦА
I. Одоакр и Теодорих, 476-493,	1
II. Теодорих, король Италии, 493-526,	19
III. Императоры в Константинополе, 476-527,	33
IV. Хлодовек и франки в Галлии, 481-511,	55
V. Юстиниан и его войны, 528-540,	65
VI. Юстиниан—(<i>продолжение</i>), 540-565,	89
VII. Ранние франкские короли и их организация Галлии, 511-561,	111
VIII. Вестготы в Испании, 531-603,	128
IX. Преемники Юстиниана, 565-610,	145
X. Упадок и гниение Меровингов, 561-656,	158
XI. Лангобарды в Италии и возвышение папства, 568-653,	181
XII. Ираклий и Магомет, 610-641,	204
XIII. Упадок вестготов, 603-711 гг. н.э.,	221
XIV. Борьба Восточной империи и Халифата, 641-717,	235
XV. История великих мэров дворца, 656-720,	256
XVI. Лангобарды и папство, 653-743,	272
XVII. Карл Мартелл и его войны, 720-41,	289
XVIII. Императоры—иконоборцы —государство Восточной империи в восьмом веке, 717-802,	300
XIX. Пиппин Короткие войны франков и лангобардов, 741-768,	322
XX. Карл Великий —ранние годы 768-785 — Завоевание Ломбардии и Саксонии,	335
XXI. Позднейшие войны и завоевания Карла Великого, 785-814,	357
XXII. Карл Великий и империя,	369
XXIII. Льюис Благочестивый, 814-840,	383
XXIV. Распад Франкской империи —пришествие викингов, 840-855,	405
XXV. Самый темный час, 855-887. От смерти Лотаря I до низложения Карла Толстого,	424

XXVI.	Италия и Сицилия в девятом веке, 827-924,	446
XXVII.	Германия, 888-918,	468
XXVIII.	Восточная империя в девятом веке, 802-912,	478
XXIX.	Конец девятого века в Западной Европе. Заключение,	496
	Индекс	519

Карты

№		СТРАНИ ЦА
1.	Персидско-римская граница при Юстиниане,	91
2.	Франкские королевства в 511 г.,	112
3.	Франкские королевства в 575 г.,	160
4.	Италия в 590,	189
5.	Азиатские темы,	243
6.	Саксония в девятом веке,	350
7.	Раздел- Верденский мирный договор, 853,	410
8.	Западная Европа в 890,	444 гг.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

1.	Короли Вандалов,	12
2.	Восточные императоры, 457-518,	39
3.	Дом Меровингов,	166
4.	Короли Ломбардии,	183
5.	Дом Ираклия,	236
6.	Мэры дворца Дома Св. Arnulf,	260
7.	Потомки Карла Великого,	413 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Имена и даты императоров в Константинополе, королей Остготов и вестготов, пап и халифов,	515-517
--	---------

ГЛАВА I

ОДОАКР И ТЕОДОРИХ

476-493

Важность 476 года—Император Зенон признает Одоакра патрицием в Италии—Позиция Одоакра—Разделение Европы в 476 году—Вандалы в Африке и король Гейзерих—Правление Одоакра в Италии—Его война с Теодорихом и падение.

Летом 477 года н.э. группа послов, утверждавших, что они выражают волю разложившегося тела, которое все еще называло себя римским сенатом, предстала перед судилищем императора Зенона, правителя Константинополя и Восточной империи. Они пришли сообщить ему, что армия Запада убила патриция Ореста и свергла с трона сына Ореста, мальчика-императора Ромула. Но затем они не стали сообщать Зенону, что на смену их покойному государю был должным образом избран другой цезарь. Посольства с подобными новостями были обычным делом в последние годы, но эта конкретная делегация, в отличие от любой другой, которая до сих пор посещала Босфор, прибыла, чтобы объявить восточному императору, что его собственного могущественного имени достаточно для защиты как Востока, так и Запада. Они возложили к его ногам диадему и пурпурную мантию Ромула и заявили, что выражают свое почтение и верность его августейшей особе. Затем, словно в качестве дополнения, они сообщили Зенону, что выбрали Флавия Одоакра своим губернатором и надеются, что их августейший повелитель соизволит утвердить этот выбор и присвоит Одоакру титул патриция.

В последние годы часто повторялось, что эта дата, 476 год н.э., не является особо заметной вехой в мировой истории, что ее единственным событием была передача номинального господства Западного мира от бессильного цезаря, жившего в Равенне, к бессильному цезарю, жившему в Константинополе. Нам напоминают, что патриций Одоакр и депутаты Римского сената заверили восточного императора не в том, что они отказались от верности императорскому имени, а в том, что Италия больше не нуждается в отдельном Августе и что единый правитель может снова править Востоком и Западом, как во времена Константина и Феодосия. [Патриций Одоакр в Италии.] И если представители западного королевства затем продолжили рекомендовать Зенону назначить своим наместником среди них "Одоакра, могущественного военачальника и человека, хорошо разбирающегося в политических вопросах, которого они выбрали для защиты своих интересов", они, по правде говоря, не делали ничего нового или поразительного; ибо подобные посольства часто прибывали в Константинополь, чтобы объявить не о выборе простого патриция, а об избрании независимого императора.

Чисто формально все это достаточно верно, и мы должны признать, что постоянное пребывание тевтонского правителя в Италии было лишь еще одним примером того, что уже произошло в Испании и Африке. До сих пор никто ни в одной из трех стран не утверждал, что Римская империя вымерла и была заменена во всех отношениях тевтонским королевством. Документы по-прежнему были датированы, а монеты по-прежнему чеканились с именем римского императора на них, как в Испании, так и в Африке и Италии. После 476 года подданные вестгота

Эврика, не меньше, чем подданные скиррийского Одоакра, начали гравировать грубый портрет Зенона на своих деньгах, точно так же, как они сделали несколькими годами ранее с грубым портретом Валентиниана III. Какое им было дело до того, что один жил к востоку от Адриатики, а другой к западу?

Но если историки прошлого столетия были слишком пренебрежительны к конституционному и теоретическому аспекту дел, когда они прямо утверждали, что Римская империя прекратила свое существование на Западе в 476 году, существует опасность того, что наше собственное поколение может стать слишком увлеченным формальным аспектом вещей и слишком мало осознавать реальные перемены, произошедшие в тот мрачный год. Исчезновение Западной Римской империи было, по правде говоря, длительным процессом, который начался еще в 411 году, когда Британия — прежде всего западные "епархии" — была отдана варварам, и, возможно, закончился только при Франциске II. король Австрии присвоил себе титул императора в 1806 году. И все же, если мы должны выбрать точку, в которой, а не в какой-либо другой, мы должны провести границу между старым и новым, если мы должны выбрать какой-либо год в качестве разделительной линии между древней историей и Средневековьем, невозможно выбрать лучшую дату, чем 476 год.

Вплоть до того дня, когда Флавий Одоакр сверг Августа, в Риме или Равенне всегда находился принц, который четко представлял императорскую преемственность, идущую от Октавиана, Траяна и Константина. Его корона могла быть хрупкой, его жизнь - в постоянной опасности; его слово могло иметь в Италии меньшую силу, чем слово какого-нибудь варвара Рицимера или Гундобада, стоявших за тронем. Тем не менее, он вступил в реальный контакт со своими подданными и был видимым, осязаемым персонажем, чья воля и характер все еще вносили некоторый вклад в управление государством. Самый слабый Гликерий или Олибрий никогда не превращались в простую марионетку, как король франков восьмого века или микадо семнадцатого века. Более того, до последнего существовала возможность — даже, может быть, вероятность, — что появится какой-нибудь сильный император, который освободится от власти своего германского премьер-министра. Майориану это почти удалось; и рассказы о падении готов, Гайны и Аспара, на Востоке показывают, что такая попытка не была безнадежным предприятием.

Но когда Одоакр захватил трон у мальчика Августа и стал с согласия, если не по доброй воле, константинопольского цезаря единственным представителем имперской системы на Западе, в статусе империи произошли очень серьезные изменения. Практическое значение позиции Одоакра. Флавий Одоакр был чем-то гораздо большим, чем патриций, правивший как представитель отсутствующего императора. Он был не только преемником Рицимера, но и предшественником Теодориха и Альбоина. Ибо, помимо того, что он был римским чиновником, он был германским королем, поднятым на щите и приветствуемым как 'тиуданс' всей тевтонской ордой, которая теперь представляла старые легионы Запада. Если он так и не принял титул 'короля Италии', то лишь потому, что подобные территориальные наименования еще не были известны. Эврик и Гейзерих, его современники, называли себя королями вестготов и вандалов, а не Испании и Африки. Итак, Одоакр, будучи королем страны и армии, но не нации, возможно, был в некотором замешательстве, как правильно назвать свое королевское прозвище. Он не снизошел бы до того, чтобы называть себя 'королем италиков'; называть себя королем скирри, или туркилингов, или любого другого из племен, составлявших часть его войска, означало бы

присвоить себе неподходящее имя. Озадаченные современные хронисты иногда называли его королем готов, хотя сам он никогда не пользовался таким титулом.

И все же он был королем, причем королем с оседлой территорией и организованным войском; не мигрирующим захватчиком Италии, каким был Аларих, а постоянным правителем страны. Таким образом, он, несомненно, был предшественником остготов и лангобардов, занявших его место, и, хотя этот титул прозвучал бы странно в его собственных ушах, мы вполне можем называть его королем Италии, как мы называем Теодориха, или Беренгара, или Виктора Эммануила. Ибо это была воля Одоакра, которой повиновались в стране, а не воля его титулованного начальника в Константинополе. Именно Одоакр назначал налоги и выбирал чиновников, вмешивался в выборы епископов Рима и объявлял войну ругианам или вандалам. В немногих сохранившихся документах его времени имя Зенона упоминается редко, и при подписании грантов он называет себя *Odovacar Rex*, а не *Odovacar Patricius*, как должен был предписывать строгий римский обычай. Точно так же итальянский чиновник признает свою *regia largitas*, а не свою *patricia magnitudo*. Таким образом, во всех отношениях правильно и удобно называть его первым немецким королем Италии и рассматривать его правление как начало новой эры. Если мы не решимся сделать это, то логически будем вынуждены отказаться признавать вестготских или франкских королей Испании и Галлии независимыми правителями до середины VI века и продлить существование Римской империи на Западе до тех пор, пока Леовигильд и Теудеберт официально не отрекутся от имперского превосходства (540-70).

В 476 году большая часть земель, которые ранее составляли Западную Римскую империю, приняла новые формы в виде шести больших тевтонских королевств. Италия и Норик образовали королевство Одоакра; Северная Африка - владения вандала Гейзериха. Вестготское королевство Эврик простиралось от Луары до Гибралтарского пролива. Король Бургундии Гундобад оккупировал долины Роны и Соны до самых их верховьев. Князья франков правили на Маасе, Мозеле и нижнем Рейне. Последним и самым маленьким из шести тевтонских государств было королевство свевов на территории, которая сейчас называется северной Португалией и Галисией. Среди этих германских королевств были разбросаны три или четыре остатка старой Римской империи, которые еще не были затоплены поднимающимся потоком тевтонства, хотя им было суждено вскоре исчезнуть под его поверхностью. | Состояние Западной Европы в 476 году. | Провинция Британия превратилась в группу маленьких и несчастных кельтских королевств, на границы которых англ и саксы пока не предпринимали сколько-нибудь заметных посягательств. Арморика, современная Бретань, также была грубой конфедерацией кельтских государств. Долина Сены и средняя Луара образовали романо-галльское королевство при Сиагрии, последнем правителе, признавшем верховенство империи за Альпами. Кантабрийцы и баски на своих холмах над Бискайским заливом сохранили свою независимость от вестготов, точно так же, как их предки пять столетий назад выстояли против римских завоевателей Испании. Наконец, на Адриатическом море все еще оставался фрагмент территории, который претендовал на то, чтобы представлять законную империю Запада. Император Юлий Непот, изгнанный из Рима и Равенны, бежал в Далмацию, где ему удалось сохранить небольшое королевство вокруг своей столицы Салоны. Из этих пяти разрозненных остатков территории, которые еще не попали в руки германцев, было два королевства, Сиагрий и Непот, которые были обречены на быстрое падение; для трех других была зарезервирована более долгая и неоднородная карьера.

Вокруг солидного участка земли, который когда-то составлял Западную империю, лежало кольцо германских племен, продвигавшихся с Севера и Востока к покинутым жилищам народов, которые уже перешли римскую границу. Фризы располагались в устьях рек Ваал и Лех, к северу от земель, недавно завоеванных франками. Аламанны, конфедерация племен севов, владели долинами Майна и Неккара, Шварцвальдом и берегами верхнего Дуная. К востоку от них снова лежали тюринги и руги, на землях, которые мы теперь должны были бы назвать северной Баварией и Богемией. За ними пришли лангобарды в Моравии и северной Венгрии, а также герулы и гепиды на среднем Дунае и Тайсе. Все эти племена, как и их собратья, ушедшие до них, проявляли общую тенденцию продвигаться на Запад и Юг и получать свою долю в добыче расчлененной Империи.

История Тевтонских королевств конца пятого и начала шестого веков делится на две отдельные половины. Рассказ о деяниях франков, вестготов, бургундцев и севов на Западе составляет одно целое. Очень слабо связанную с ней мы находим другую, историю о деяниях Одоакра в Италии и вандальских королей в Африке, чьи связи и интересы гораздо больше связаны с Восточной империей, чем с заальпийскими королевствами. Именно с этими двумя государствами нам сначала придется иметь дело, оставляя обсуждение дел германцев в Галлии и Испании для другой главы.

Гейзерихий, или Гензерихий, как иногда называли его римляне, первый из африканских королей-вандалов, все еще правил в Карфагене в тот год, когда Одоакр стал правителем Италии. Сорок восемь лет этот первый из тевтонских морских королей властвовал на завоеванной им земле и удерживал военно-морское господство в центральном Средиземноморье. Создание королевства Вандалов было одним из самых выдающихся подвигов времен великого переселения народов, и его следует полностью приписать личной энергии их долгоживущего короля. Его племя было одним из наименее многочисленных из многочисленных кочующих орд, вторгшихся в пределы империи, насчитывавших не более 80 000 душ, мужчин, женщин и детей, когда они впервые вторглись в Африку. [Вандалы в Африке, 439-77.] То, что такая маленькая армия захватила провинцию протяженностью в тысячу миль и стала ужасом всего побережья Западной империи, было триумфом способностей Гейзериха. Он был не одним из рослых, упорных, безмозглых вождей, которых обычно можно было встретить во главе германской орды, а человеком очень среднего роста, всю свою жизнь хромавшим из-за пинка, полученного им от лошади в ранней юности. Одни только его умственные способности делали его грозным, ибо он был не только выдающимся генералом, но и хитрым политиком, которому было чуждо не легкое и пьянящее непостоянство дикаря, а преднамеренное и злонамеренное предательство профессионального интригана. Он был одним из тех нередких примеров тевтонца, который, соприкоснувшись с империей, перенял все пороки ее приходящей в упадок цивилизации, не утратив при этом признаков своего первоначального варварства. Не без причины деяния Гейзериха оставили свой след в истории языка в виде современного слова 'Вандализм'. Страдания Италии и Африки от его рук ощущались более глубоко, чем бедствия, которые они перенесли от рук других захватчиков, из-за предательства и злобы, которые вдохновляли их. По сравнению Гейзерихом Аларих Гот казался образцом рыцарской вежливости, а Атила гунн - прямым, хотя и жестоким врагом. Особыми слабостями короля вандалов были заключение договоров и перемирий, которые он не собирался соблюдать, и явное пиратское пренебрежение к необходимости каких-либо предлогов или оправданий для своих набегов, за исключением, конечно, единственной ссылки

на то, что город или район, на который он напал, в данный конкретный момент был не в состоянии защитить себя.

Благодаря своим контактам с империей Гейзерих перенял характеристики двух самых одиозных типов того времени — сборщика налогов и преследующего церковных фанатиков. В Африке было более систематическое финансовое притеснение, чем в любом другом новогерманском королевстве, и гораздо более жестокие преследования религиозных врагов.

Система, по которой вандал организовал свое королевство, не была сравнительно милосердным 'разделением земель', которое Одоакр и Теодорих ввели в Италии. Он конфисковал все крупные поместья крупных африканских землевладельцев и превратил их в королевские владения, управляемые его судебными приставами. Из небольших поместий, обрабатываемых провинциалами, которым они принадлежали, он выделил две части: те, что находились в собственно провинции Африка, и лучшие из тех, что за ее пределами, были присвоены и превращены в военные феодалы для его тевтонских последователей. [Притеснения вандалов.] Эти *рода Вандалов*, как их называли, передавались по наследству и были свободны от всех видов налогов. Королевские доходы собирались исключительно за счет доходов более бедных и отдаленных провинциальных собственников, которые не были экспроприированы, и с них Гейзерих путем безжалостного налогообложения получал очень большой доход.

Но Гейзериха ненавидели именно за его преследования, гораздо больше, чем за финансовое притеснение. Вандалы, как и большинство других германцев, приняли арианство, когда были обращены, и Гейзерих, каким бы злобным он ни был, вознамерился заставить своих подданных следовать религии их хозяев. Он конфисковал все католические церкви в Африке и либо передал их арианам, либо разрушил. Он запретил посвящать в сан новых католических епископов и изгнал или заключил в тюрьму всех, кого обнаружил уже существующими в его владениях. Иногда он предавал смерти, а часто заключал в тюрьму или продавал в рабство видных сторонников православной веры. Если мученических смертей было немного, то "*Драконьих походов*" было много, и своей систематической жестокостью король и народ Вандалов навсегда снискали себе дурную славу на страницах истории.

Их ненавистное угнетение провинциалов сделало власть вандалов в Африке очень ненадежной. Их было слишком мало для могущественной страны, которую они завоевали, даже когда Гейзерих привлекал под свои знамена авантюристов всех мастей и даже завербовал диких мавров Атласа служить в своем флоте. Фанатичные африканцы, раса, породившая буйных сектантов-донатистов и диких циркумцеллионов, вряд ли безропотно подчинились бы своим новым хозяевам. Они ждали избавителя только для того, чтобы восстать против вандалов, и дважды, во время правления Гейзериха, казалось, что избавитель уже близко. В каждом случае Вандал добивался успеха благодаря своей хитрости и расторопности, когда все шансы на успех были против него. [Гейзерих в опасности.] В 460 году император Майориан собрал превосходящий по силе флот в Карфагене и уже собирал армию, которая должна была быть отправлена на нем. Но предупрежденный и поддержанный предателями, Гейзерих спустился на корабли до того, как они были укомплектованы людьми или снаряжены, и унес или сжег их все. В 468 году вандалам угрожала еще большая опасность; императоры Востока и Запада, Лев и Антемий, объединили свои силы, чтобы сокрушить гнездо пиратов в Карфагене. Они действительно послали в Африку армию, которая, как говорят, насчитывала почти 100 000 человек, и захватили всю страну от Триполи до ворот Карфагена. В час опасности храбрость и

вероломство Гейзериха были очевидны. После того, как он ввел в заблуждение слабоумного римского полководца Василиска, попросив и добившись пятидневного перемирия для установления условий подчинения, он ночью послал брандеры против вражеского флота, и, пока римские войска пытались спасти свои суда, напал на их неохранный лагерь. Потерпев поражение, трус Василиск снял свое вооружение, и вандал, спасенный чудом, снова смог дышать.

Последние десять лет правления Гейзериха были заполнены бесчисленными пиратскими набегами на Италию и Сицилию, которым не противостояли пять императоров-марионеток, правивших в Риме и Равенне в те злые дни. Гейзерих пережил падение Ромула Августула ровно настолько, чтобы позволить ему заключить договор с Одоакром. По этому соглашению вандал, всегда более жадный до денег, чем до земли, отказался от своих немалых завоеваний на Сицилии в обмен на ежегодную выплату от новоявленного короля Италии.

Гейзерих умер в 477 году, а вместе с ним и величие вандалов, хотя их королевству предстояло просуществовать еще пятьдесят лет. Он оставил после себя прекрасный флот и полную казну, а также дворец, сверкающий добычей, взятой при великом разграблении Рима в 455 году. Но власть его горстки сторонников-вандалов в Африке была все такой же ненадежной, как и прежде; их единственной гарантией безопасности были хитрость и мужество их престарелого короля, и когда он ушел, не осталось никакой защиты, способной предотвратить падение владений вандалов в тот момент, когда на них следовало напасть. Опасаясь восстания среди провинциалов, Гейзерих разобрал стены и ворота во всех африканских городах, кроме Карфагена. Одно проигранное сражение отдало бы всю страну в руки противника, и в недалеком будущем этот противник должен был прийти, чтобы отомстить за страдания трех несчастных поколений угнетенных подданных вандалов.

[Гуннерих, 477-84.] Гейзериху наследовал его сын Гуннерих, человек уже преклонных лет, который, как и его отец, был арианином и непримиримым гонителем. Он был женат на Евдокии, дочери императора Валентиниана III, узницы разграбления Рима в 455 году. Но его жена не оказала на него большого влияния; он не почерпнул от нее ни капли римской цивилизации, и ее стойкая ортодоксальность не отучила его от арианства. Прожив с ним шестнадцать несчастных лет и родив ему двух сыновей, она, наконец, ухитрилась тайно бежать из Карфагена, бежала в Иерусалим и умерла там, снова наслаждаясь католическим общением, которого она была так долго лишена.

Ханнерих был тираном худшего типа. Его отношения с семьей являются достаточным доказательством его характера. Гейзерих, чтобы избежать опасности меньшинства — обстоятельства, которое было бы фатальным для его шаткой монархии, — предписал, чтобы каждому вандальскому королю наследовал не его ближайший родственник, а его старший родственник. Такие наследования были очень обычным делом среди тевтонских племен, хотя раньше они никогда официально не становились правилом. Теперь у Хуннерика был взрослый сын Хильдекат, которого он предназначил своему преемнику; но принц был, конечно, моложе собственных братьев короля. Вместо того чтобы отменить закон своего отца, Ханнерик принялся за истребление своих братьев и убил их вместе со всеми их детьми, за исключением двух юношей, сыновей его следующего брата, Гензо, которые спаслись своевременным бегством.

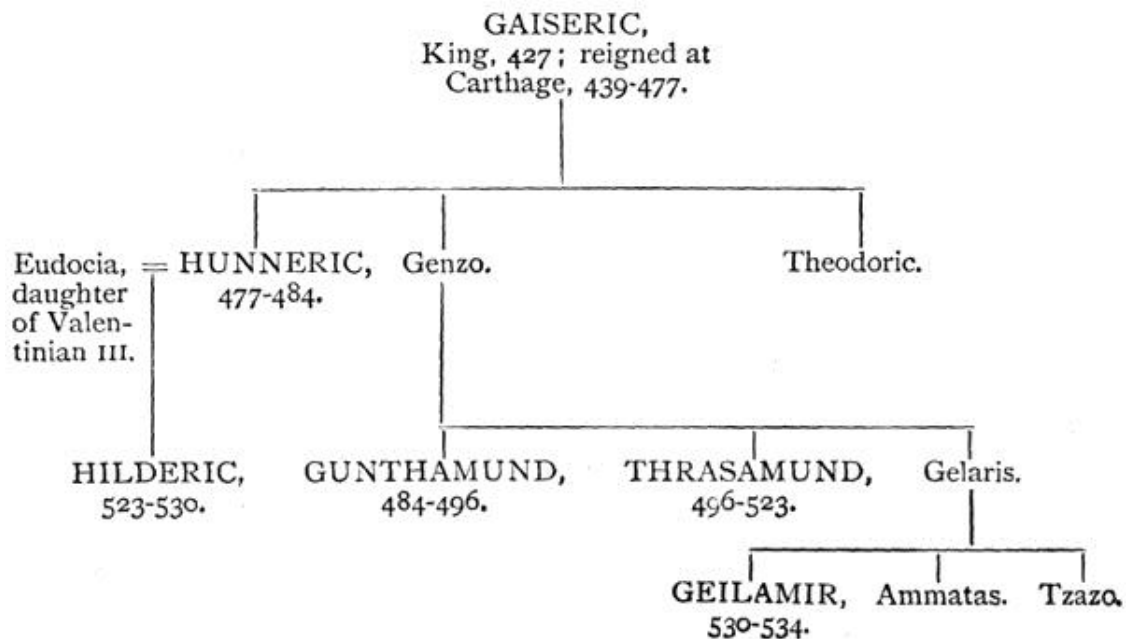
В течение семи лет своего правления (477-484) Гуннерих не вел войн; его флот больше не мог охотиться на умирающий остов Западной империи. Два грозных королевства вестготского

Эврика и скиррийского Одоакра не могли быть разорены так, как царства Максима или Гликерия. Они были оставлены в покое, в то время как энергия Гуннериха была направлена на преследование католиков в его собственном королевстве. Ортодоксы заявили, что он от начала до конца стал причиной смерти 40 000 человек, что является гиперболическим преувеличением, которое наполовину заставляет нас сомневаться в реальности того, что на самом деле было очень жестоким преследованием. Гуннерику больше нравилось калечить руки, глаза и языки, чем умирать от меча и веревки, но нет никаких сомнений в том, что в значительном количестве случаев он карал католиков высшей мерой наказания.

Пока Гуннерих работал таким образом, нет ничего странного в том, что он был раздосадован мятежами. Мавры горы Атлас восстали против него и, отнюдь не к огорчению жителей латиноязычных провинций, вторглись на южную границу королевства Вандалов и продвинули свои набеги до горы Аурасий в Нумидии. Готовясь напасть на них, царь умер, пораженный, если верить католическим хронистам, той же ужасной болезнью, которая положила конец Ироду Агриппе. Его старший и единственный взрослый сын, Хильдекат, умер раньше него, и вандалы сразу же посадили на трон Гунтамунда, старшего из двух его оставшихся в живых племянников, принца, который проявил большую снисходительность, учитывая обстоятельства, заключив в тюрьму двух младших детей Гуннерика, а не убив их.

THE VANDAL KINGS, 427-530.

[The names of kings in Capital letters.]

КОРОЛИ ВАНДАЛОВ, 427-530гг.

Когда мы переходим от королевства вандалов в Африке к владениям Одоакра в Италии, нас сразу поражает контраст между методами правления, применявшимися в этих двух странах. [Внутреннее правительство Одоакра в Италии.] В то время как Гейзерих и Гуннерих правили как простые варвары и отбросили весь древнеримский административный механизм, король Одоакр поддерживал всю систему в том виде, в каком он ее нашел. Он назначал преторианских префектов, *военных магистров* графов священных щедрот, точно так же, как это делали

императоры до него. Сенат по-прежнему заседал в Риме и издавал всевозможные указы, консулы по-прежнему называли год своими именами. Но его грандиозный план экспроприации, в результате которого треть земли каждого из самых богатых собственников Италии была конфискована в пользу его наемных войск, должно быть, вызвал много беспокойства и ожесточения. Любопытно, что мы находим так мало жалоб по этому поводу у историков того времени. Вероятно, мудрость Одоакра, позволившего оставить в покое мелких собственников, уберегла его имя от поругания, которое до сих пор цепляется за репутацию многих тевтонских завоевателей империи.

В целом жители провинций Италии, должно быть, почувствовали сравнительно небольшие перемены, когда ими стал править король-варвар, а не патриций-варвар, какими были Рицимер или Гундобад. Одоакр, по-видимому, был одним из тех мудрецов, которые могут оставить все как есть. Хотя сам он был арианином, он воздерживался от любых религиозных преследований; и, если он твердо отстаивал свое право утверждать избрание епископов Рима, мы не находим, чтобы он когда-либо навязывал духовенству и народу своих собственных кандидатов. Действительно, он был известен как сторонник отчуждения церковных земель и симонии.

Внешняя политика Одоакра, по-видимому, ограничивалась целью сохранить вместе старую 'Итальянскую епархию', то есть полуостров с его материковыми придатками Нориком и северной Иллирией. Он уступил вестготскому Эврику побережье Прованса, которое, как он обнаружил, все еще находилось в руках римлян, и не предпринял никаких попыток установить отношения с романо-галльским губернатором Сиагрием, который контролировал Среднюю Галлию, зажатую между Вестготом и Франком. С другой стороны, он проводил твердую политику на своей северо-восточной границе. Когда Юлий Непот был убит мятежниками в 480 году, Одоакр сразу же вторгся в Далматинское королевство и подчинил его себе, которое бывший император до последнего умудрялся удерживать. Дальше на север, в Норике, ругианцы в течение многих лет досаждали римским провинциалам и форсировали Дунай. Одоакр послал против них своего брата Хунвульфа, который прогнал их обратно за реку и взял в плен их короля Феву. Но, освободившись на мгновение от своих ругийских угнетателей, римские провинциалы воспользовались возможностью не для восстановления своих разрушенных городов, а для того, чтобы в массовом порядке переселиться в Италию. [Эвакуация Норика 487.] Под защитой армии Хунвульфа все население Норика со всем своим имуществом, своими сокровищами и даже эксгумированными телами своих святых устремилось на юг, за Альпы, и получило от Одоакра поселение на пустынных землях Италии, разоренных вандалами. Только в ретийских долинах сохранились некоторые остатки латиноязычного населения. Отсюда следует, что в южной Баварии и эрцгерцогской Австрии в наши дни говорят не на румынском, как в Энгадине, а на немецком языке ругианцев и герулов, которые перешли в пустынную провинцию Норик, когда несколько лет спустя она была оставлена армиями Одоакра.

В течение тринадцати лет, с 476 по 489 год, скиррийский царь правил Италией, Нориком и Далмацией с весьма значительным успехом. По мере того как годы шли без каких-либо катастроф, армия пребывала в хорошем настроении, а итальянцы были вполне довольны тем, что наконец-то освободились от набегов вандалов и готов, Одоакр, должно быть, начал верить, что основал королевство, столь же прочное, как у его соседей-бургундов или вестготов. Но в его положении была одна фатальная слабость: он зависел не от лояльности одного компактного племени, а от верности чисто наемной армии, состоящей из остатков дюжины распавшихся тевтонских кланов, которые смотрели на него как на генерала и казначея, а не как на законного

наследственного принца, произошедшего от богов и героев. Полки *Федератов*, провозгласивших его королем, ни в коем случае не были нацией; потребовалось бы много поколений, чтобы сплотить их в единое целое, и ткань новогоролевства подверглась сильнейшему потрясению еще до того, как ему исполнилось хотя бы полпоколения.

В 489 году против Одоакра выступил с Дуная и Иллирийских Альп Теодорих, сын Теодемира, король остготов, со всеми людьми своего племени за спиной — огромным войском с женами и детьми, рабами и скотом, заблокировав все горные перевалы северо-востока двадцатью тысячами повозок, запряженных волами, которые везли их мирское добро.

Теодорих, король той половины готской расы, которая задержалась на Балканском полуострове, когда Аларих повел другую половину на запад, находился как раз в конце длинной серии восстаний и опустошений, с помощью которых он довел Фракию и Мезию до состояния еще более жалкого, чем то, в котором их оставили орды Аттилы.^[1] Потерпев неудачу, как и все его предшественники, в взятии Константинополя, и заключив свой четвертый мир с императором Зеноном, он оказался с полуголодной армией на совершенно опустошенной земле. Он изо всех сил старался довести Восточную империю до того состояния, до которого Рицимер довел Западную, но неприступные стены Византии помешали ему. Молодой, способный и амбициозный, он стремился завоевать новые, более прибыльные области; в то же время восточный император изыскивал все возможные средства, чтобы отогнать готов как можно дальше от своих ворот. И у Зенона, и у Теодориха были свои причины желать зла Одоакру: император считал, что он поощрял позднее восстание в Азии, которое пошатнуло его трон;^[2] короля остготов подстрекали ругийские изгнанники, бежавшие от руки короля Италии.

1. См. стр. 40-43.

2. См. стр. 44.

Затем ни одну из сторон не пришлось долго убеждать, когда был выдвинут план вторжения остготов во владения Одоакра. Зенон, руководствуясь формальным основанием, что, по признанию Одоакра и италиков, он был императором как Запада, так и Востока, издал указ о низложении патриция, который теперь правил в Риме, и о его замене новым патрицием, королем остготов. Теодорих, в обмен на присвоение ему нового титула и предоставление доминиона над Италией, дал расплывчатое обещание осуществлять свои будущие завоевания в качестве представителя императора. Как далеко простиралось бы такое почтение, ни одну из сторон особо не волновало; император всего лишь хотел избавиться от короля готов; король готов знал, что, став хозяином Италии, он может оказывать императору столько уважения, сколько пожелает.

Осенью 488 года Теодорих созвал весь остготский народ в лагерь на среднем Дунае и приказал им готовиться к немедленному переселению. Суровое время года, которое он выбрал для этого похода, по-видимому, было продиктовано страхом перед голодом, поскольку война настолько опустошила Мезию, что у готов не хватило провизии до следующей весны. Итак, в октябре 488 года остготы, огромное множество в 200 000 или 300 000 душ, последовали по римской дороге вдоль Дуная, переправились у Сингидунума и двинулись маршем через Паннонию. Но вскоре они столкнулись с сопротивлением; Траустила, царь гепидов, который теперь занимал оба берега среднего Дуная, выступил против них со своим войском, чтобы помешать им пройти через его земли. Теодорих разбил его, но столкнулся с такими трудностями при продвижении

через враждебную страну, что ему пришлось перезимовать в Сейве, поддерживая все свое войско за счет разграбления ферм гепидов. [Теодорих вторгается в Италию, 489 год.] Весной 489 года он двинулся дальше и, преодолев перевалы Юлийских Альп, не встретив никакого сопротивления со стороны войск короля Италии, вышел, наконец, к тому месту, где Шенпасское ущелье спускается на равнину Венеции. Здесь, на берегах Изонцо, его ждал Одоакр со всем своим войском *федератов*, и там произошла могучая битва. Результат не вызывал сомнений; остготы, единый народ, сражавшийся за своих жен и семьи, которые остались позади них в переполненном ущелье, ведомые своим наследственным королем, рожденным небесами Амалом, и знавшие, что поражение означает уничтожение, были слишком отчаянно свирепы, чтобы их могла остановить разношерстная толпа наемников, следовавших за Одоакром. Король Италии был разбит, его лагерь взят штурмом, армия рассеяна. Только под стенами Вероны он смог собрать ее для второго похода. Всего через месяц после битвы при Изонцо Теодорих снова появился перед своим врагом и снова одержал быструю победу. Здесь погибло большинство старых полков *федератов*, которые обычно защищали Италию, поскольку Одоакр сражался, имея за спиной быстрый Адидже, и большая часть его армии была отброшена назад, в яростный поток.

Покинув северную Италию, Одоакр теперь отступил к окруженной болотами крепости Равенна, которая сбила с толку столько захватчиков полуострова. Теодорих тем временем продвигался вперед и занял Милан и всю долину реки По; его триумф, по-видимому, стал полным благодаря капитуляции Туфы, *военного магистра* войска Одоакра, который подчинился остготам с разгромом итальянской армии. (Осень, 489 год.)

Но войне было суждено продлиться еще три года: Равенна была неприступна, и Теодориха трижды отвлекали от осады беспорядки извне. Первый Тафа с остатками *федератов* нарушил верность и присоединился к своему старому учителю Одоакру. Затем, в следующем году, Гундобад, король бургундов, перешел через Альпы, и его пришлось повернуть обратно. Последний Фредерик, король ругиев, первый из многих Фредериков в истории Германии, поднял оружие в пользу Одоакра, хотя Теодорих приютил его три года назад, когда он бежал от армий короля Италии. | Осада Равенны. 491-93. | Только в июле 491 года Одоакр был в последний раз отброшен под прикрытие равеннских болот. Еще двадцать месяцев он продержался в его неприступных стенах, пока страшный голод не вынудил его просить мира в феврале 493 года.

Теодорих предложил своему поверженному врагу гораздо лучшие условия, чем тот мог ожидать, — сохранить свой королевский титул и долю в правлении Италией. Но когда Одоакр сложил оружие и прибыл в лагерь своего завоевателя, он был предательски убит на пиру, всего через десять дней после падения Равенны. Это было почти единственное низкое преступление за всю долгую и в остальном славную карьеру Теодориха: все его поведение во время капитуляции, по-видимому, доказывает, что он намеренно заманил своего соперника к себе с твердым намерением предать его смерти. (Март 493 г.)

Так умер Одоакр на шестидесятом году жизни; через семнадцать лет после того, как он убил Ореста, его постигла та же участь, что и его предшественника.

ГЛАВА II

ТЕОДОРИХ КОРОЛЬ ИТАЛИИ

493-526

Раса остготов—Характер Теодориха—Его управление Италией—Теодорих в Риме—Внешняя политика Теодориха—Его войны с франками и бургундами—Его господство в Западной Европе—Несчастья его последних лет—Смерть Боэция—Провал великих планов Теодориха.

С формальной и конституционной точки зрения замена короля Одоакра королем Теодорихом на посту правителя Италии не внесла никаких изменений в положение дел. С практической точки зрения это изменение было важным, поскольку новое Тевтонское королевство было намного сильнее старого. Его правителем был более молодой и гораздо более способный человек, самый мудрый и дальновидный из всех германцев пятого и шестого веков. Более того, военная мощь остготов была намного больше, чем у смешанного множества *федератов*, следовавших за Одоакром. Это было многочисленное племя, уверенное в собственной доблести после столетия успешных войн и преданно преданное королю, который за последние двадцать лет ни разу не подводил их к победе. Хотя они сохранили свое древнее мужество, за три поколения пребывания в пределах империи они достигли более высокого уровня цивилизации, чем любое другое тевтонское племя. Их одежда, доспехи, образ жизни свидетельствовали об их общении с Римом; они были христианами в течение столетия и забыли многие из старых языческих и варварских обычаев своих предков. Они также обладали, прежде всего тевтонские народы, зародышем письменной литературы в знаменитой готской библии Ульфила. Сохранились документы, написанные иероглифами, которые Ульфилла изобрел для своего народа, которые показывают, что существовало готское духовенство и даже миряне, которые могли запечатывать свои контракты на бумаге на своем родном языке. Сам Теодорих так и не научился писать, но, должно быть, многие из его подданных умели это делать. Хотя король фактически отговаривал готов от изучения книг, все же в поколении, которое последовало за ним, были готы, сведущие как в римской, так и в греческой литературе, - некоторые даже называли себя философами и утверждали, что следуют Платону.

Из всех германских народов казалось, что остготы больше всего подходят для формирования ядра нового королевства, которое должно вырасти молодым и сильным, но цивилизованным государством на руинах Римской империи. И если какой-либо один человек мог бы осуществить такое завершение, то Теодорих, несомненно, был наиболее приспособлен для этой задачи. [Характер Теодориха.] Десять лет, проведенных в качестве заложника в Константинополе, показали ему сильные и слабые стороны римской системы управления; двадцать лет, проведенных в полевых условиях во главе своих соплеменников, принесли ему опыт ведения войны, как с римлянами, так и с варварами, что сделало его непревзойденным полководцем. Итальянские государственные деятели сочли его выдающимся умом, способным понять все трудности управления империей. Готские воины смотрели на него не только как на самого

искусного командира войска, но и как на самого крепкого копейщика в его собственной армии. Точно так же, когда он разбил гепидов на Дунае, и когда он загнал *федератов* Одоакра в Адидже, король сам возглавил последнюю и решающую атаку, которая сломила стену щитов врага. Но Теодорих был даже больше, чем великим государственным деятелем и воином: он был человеком широкого ума и глубоких мыслей. Его практическая мудрость проявилась в многочисленных пословицах, которыми долгое время дорожили его подданные. И, несмотря на одно или два глубоких пятна на его характере, мы можем сказать, что его ум был вдохновлен здоровым и праведным сердцем. Сущностная справедливость и непредвзятость его ума просвечивает в его официальной переписке, даже когда она окутана туманным и высокопарным словоблудием его секретаря Кассиодора. Среди всех тевтонских королей он был *justissimus unus et servantissimus aequi*, который поставил перед собой задачу обуздать насилие готов не меньше, чем придирчивость римлян, и учил обоих, что он не уважает людей, а судья, восседающий на троне, чтобы вершить беспристрастное правосудие. Единственный среди всех правителей, римских или германских, в свое время, он был верующим, нисколько не стремясь стать гонителем. В ближайшие тысячу лет не нашлось бы ни одного монарха, который повторил бы великолепное заявление Теодориха о том, что "религия - это то, чему король не может приказывать, потому что ни одного человека нельзя заставить верить против его воли". Религиозные взгляды Теодориха. Хотя сам был арианином, он нанимал католиков, готских и римских, так же свободно, как и членов своей собственной секты. Даже евреи добились от него строгого правосудия, в то время как все остальные государства мира едва ли обращались с ними. Оскорбление, которому он подвергся от фанатичных христиан за возмущение нападением толпы на раввина или профанацией синагоги, является одним из высших свидетельств его похвалы. 'В благах справедливости, - сказал он, - нельзя отказывать даже тем, кто отступает от веры'. И все же он не был, как некоторые другие, терпимо относившиеся к евреям, полуязыком или агностиком; те самые рескрипты, которые даруют мирскую справедливость угнетенным евреям, заканчиваются призывом к ним оставить свое жестокосердие и бежать от грядущего гнева.

Управляя расселением своих победоносных соплеменников на земле Италии, Теодорих проявил большие способности. Трети земли, которую Одоакр конфисковал семнадцать лет назад, по-видимому, было достаточно для их основания. Большая часть *федератов*, удерживавших эту треть, пала в бою, а те, кто избежал готского меча, по-видимому, в основном погибли в результате одновременной вспышки бунта и убийств, которыми итальянцы отпраздновали низвержение Одоакра, когда услышали, что его наконец-то заперли в Равенне. [Поселение остготов.] Таким образом, Теодорих смог обеспечить своих соотечественников без дальнейшего разграбления местных собственников. На мгновение он действительно пригрозил лишить их земель и прав тех италиков, которые слишком долго придерживались Одоакра, но возобладал лучший совет, и даже эти люди были пощажены. Таким образом, готы обосновались без особых трений среди своих новых подданных: они густо расселились по долине реки По и в Пицене, более редко - в Тоскане и центральной Италии; на юг, по-видимому, проникли немногие. Почти все осели и стали заниматься сельским хозяйством; только в королевских городах Равенне, Павии и Вероне готы стали заметным элементом городского населения.

План Теодориха по борьбе с правительством завоеванной Италии заслуживает тщательного изучения. Он не упразднил остатки римской административной системы, которые, по его мнению, все еще существовали, и, с другой стороны, не пытался подчинить готов римскому

праву. Он был доволен тем, что на какое-то время две административные системы должны работать бок о бок. Готами должны были править и судить его 'графы', готские губернаторы, которых он поставил над каждой итальянской провинцией, его олдормены, как назвал бы их англосакс, в соответствии с традиционным народным правом их племени. Римляне искали справедливости у представителей своей собственной расы. Если гот и римлянин обращались в суд, дело рассматривалось графом и итальянским судьей, сидевшими вместе на одной скамье.

В центральной администрации наблюдалась та же смесь систем. Двор Теодориха во многом походил на двор другого германского короля; его окружала личная свита военных вассалов, королевских людей, которых готы называли Сайонами, но которых при написании нашей собственной английской истории мы должны были бы называть тег или гезиты. Сайоны выполняли поручения короля, прислуживали ему в бауэре и холле и выступали в качестве его телохранителей на поле битвы. | Центральное правительство. | Над их рядовыми рядами возвышались два или три более выдающихся последователя, которые, по-видимому, представляют великих чиновников двора позднего Средневековья; таковыми были камергер, *regiae praepositus domus*, и великие капитаны, которых в римском обиходе называли *magistri militum*, и королевский старший дворецкий и распорядитель.

Но помимо своего тевтонского двора — 'псов королевского чертога', как называл их Боэций, — Теодорих содержал целый штат римских чиновников, носивших старые титулы, которые использовались при империи, — преторианских префектов, магистров канцелярии, квесторов и нотариусов. Он проявил большое мастерство и осмотрительность, выбирая на эти посты самых честных из своих итальянских подданных, так что его придворные никогда не превращались в деспотичную официальную клику, как это обычно бывало при более поздних императорах. Он даже выбрал своим преторианским префектом Либерия, который был верен Одоакру до последнего, и сказал ему, что еще больше уважает его за верность своему первому хозяину. Лучшие люди Италии, несомненно, были поставлены управлять центральным правительством; но, к несчастью Теодориха, чем лучше был человек, тем больше у него было шансов предаваться тщеславным мечтам о былой римской славе и в глубине души возмущаться мудрым правлением остготов. Боэций, последний из римлян, как его можно назвать, служил Теодориху всю свою жизнь, так и не научившись истинной преданности ему.

У нас нет возможности рассмотреть и половину реформ Теодориха в управлении Италией. Самым мудрым из них было тщательное восстановление старых дорог, акведуков и дренажных каналов, которые были славой ранней империи. Сам он был великим строителем и воздвиг королевские дворцы в Вероне и Равенне, от которых, увы! сохранились лишь мельчайшие фрагменты. Но он еще больше заботился о сохранении древних сооружений. В Риме он ежегодно выделял двести фунтов золотых монет весом в двести фунтов на ремонт дворцов и общественных зданий. Он взял под свое покровительство даже статуи и монументы и добавил свои изображения к множеству изображений, украшавших Рим. Он настолько основательно поставил себя на место цезарей, что даже позаботился о том, чтобы проводить игры в цирке, и обратился с речью к собравшемуся народу на форуме. | Теодорих в Риме. | Он присутствовал на дебатах в сенате и пытался укрепить его, назначив нескольких готских сенаторов. Если он проявил некоторую неразумность, организовав возобновление пособия по безработице, которое было таким проклятием для Рима, он искупил это либеральной схемой перераспределения налогов, которая сразу же принесла облегчение народу и наполнила казну.

После его смерти королевские сокровища в Равенне составляли не менее 40 000 фунтов золота весом, то есть 1 600 000 фунтов стерлингов звонкой монетой.

Мудрое правление Теодориха дома сопровождалось столь же твердой и умелой внешней политикой. Его первой заботой было установить дружественные отношения с Восточной империей. Еще до того, как Одоакр встретил свою смерть, он отправил посольство, чтобы сообщить Зенону, что он выполнил свое поручение по завоеванию Италии и потребовал императорского подтверждения своего титула. Но посольство обнаружило Зенона просто мертвым, а его преемника, Анастасия, поглощенным подавлением бунтов. Только в 497 году император признал короля готов правителем Италии. Затем, однако, Анастасий компенсировал свое запоздалое признание, отправив Теодориху регалии, которые Одоакр переслал Зенону двадцать лет назад, - одежды и дворцовые украшения, которыми в последний раз пользовался мальчик Ромул Августул.

За тридцать три года правления Амала в Италии у него был только один спор с императором: это была пограничная ссора в 505 году, вызванная беспорядками в Иллирии. Теодорих взял в свои руки восстановление границ Западной империи на Востоке, и его полководцы, покорив Паннонию до Сирмия и Сингидунума, вторглись на мезийскую землю и вступили в соприкосновение с восточноримскими армиями. В течение трех лет были некоторые неприятности, но большой войны не было, хотя в 508 году два полководца Анастасия совершили разрушительный набег на Апулию. Но в конечном счете был заключен мир на условиях, что граница должна быть проведена, как во времена Западной империи, по реке Саве и Дунаю.

Гораздо важнее были отношения Теодориха со своими соседями на западе и севере. Он взял на себя задачу Одоакра по охране старых римских районов за Альпами, которые когда-то составляли провинции Реция и Норикум. Теперь обе страны становились скорее тевтонскими, чем латиноязычными. В Рецию бежали многие аламанны, или швабы, когда Хлодовех Франкский в 496 году изгнал их с их земель на Майне и Неккаре. Этот народ с радостью признал Теодориха верховным правителем в обмен на его защиту от преследующих его франков, которых остготы приказали остановить на линии верхнего Рейна, между Базелем и Констанцем. Дальше на восток, в Норике, место эмигрировавших римских провинциалов теперь заняло смешанное тевтонское население, остатки распавшихся кланов ругиев, скирриев и туркилингов, которые только начали называть себя общим именем баварцев, под которым мы их так хорошо знаем несколько лет спустя. Они тоже, как и алеманны, были рады признать Теодориха сюзереном и платить ему дань.

На западе Теодорих при восшествии на престол обнаружил, что его королевство ограничено Альпами, поскольку Одоакр уступил вестготам Марсель и другие города, которые подчинялись императору вплоть до 476 года. За Альпами Аларих Вестгот теперь владел устьями Роны и побережьем Прованса, в то время как Гундобад Бургундец правил средней и верхней Роной, от Авиньона до Безансона и Лангра. К северу от Бургундии и Вестготы, вдали от альпийских границ Теодориха, лежало новое франкское королевство Хлодовек, простиравшееся теперь до Луары и верхней Сены.

Со всеми этими тремя монархами король остготов имел много дел. В самом начале своего правления он попросил руки Аугофледы, сестры Хлодовека, и надеялся, что этим союзом он привяжет к себе умного и беспринципного Франка. От Аугофледы он стал отцом Амаласвинты,

единственного ребенка, рожденного им в законном браке, хотя до приезда в Италию у него были две старшие дочери от наложницы. [Браки семьи Теодориха.] Вскоре после своей собственной женитьбы на франкской принцессе Теодорих выдал замуж одного из своих внебрачных детей за Сигизмунда, сына и наследника бургундца Гундобада, а другого - за Алариха Вестготского. Таким образом, все его соседи стали его родственниками.

Но это не обеспечило мира между новыми родственниками Теодориха. В 499 году Хлодовех напал на Гундобада, чтобы лишить его владений, разбил его и запер в Авиньоне, самой южной из его цитаделей; но после многих успехов франки потеряли все, чего достигли, и вместо этого повернули против короля вестготов. Теодорих безуспешно пытался предотвратить обе войны и был немало недоволен, когда в 507 году его шурин Хлодовех захватил южную Галлию и убил в битве своего зятя Алариха. Бургунды и франки затем объединились, чтобы уничтожить вестготов, и могли бы сделать это, если бы не вмешался Теодорих. Наследником вестготского престола теперь был Амальрик, сын Алариха и дочери короля Италии. Чтобы защитить владения своего внука, Теодорих объявил войну Хлодовеху и Гундобаду и отправил свои армии за Альпы, чтобы спасти остатки вестготских владений в Галлии. Одно войско перешло Коттийские Альпы и напало на Бургундию; другое вошло в Прованс и разбило франкских и бургундских осаждавших Арль. Со свойственной ему удачей Теодорих вернул себе всю Галлию к югу от Дюранса и Севенн (509), так что завоевания Хлодовека были ограничены Аквитанией. Теперь остготским армиям был свободен путь для похода в Испанию, чтобы поддержать притязания малолетнего Амальрика на Джезалика, внебрачного сына Алариха II, который был провозглашен королем вестготов в Барселоне. После двух лет партизанских боев претендент был выслежен и убит, хотя он искал и получил некоторую помощь от короля вандалов Тразамунда (511).

Следующие четырнадцать лет, пока Амальрик не достиг совершеннолетия, Теодорих правил Испанией от имени своего внука. [Теодорих, король вестготов.] Он был признан королем вестготов вместе с Амальриком и правил обеими половинами готской расы, воссоединившимися после двухсотлетнего перерыва, с равной властью, и его королевские полномочия действовали как в Испании, так и в Италии. Его делегатом был граф Теудис, остготский дворянин, который был назначен регентом и правил в Нарбонне всем вестготским королевством к западу от Роны; в то время как римлянин Либерий, названный преторианским префектом Галлии, управлял вестготским Провансом из древнего города Арль.

Власть Теодориха теперь была абсолютной от Сирмия до Кадиса и от верхнего Дуная до Сицилии. Он правил большей половиной старой Римской империи на Западе и пользовался большим влиянием в Галлии и Африке - двух ее частях, которые не были полностью в его руках. После войны 507-10 годов франк Хлодовех умер, и его четверо сыновей, разделивших его владения, заключили мир с остготами; в то время как бургундский король Гундобад был рад последовать их примеру еще раньше.

Последовало двенадцать лет мира (511-523), прежде чем Теодориху, пребывавшему теперь в глубокой старости, представился случай вмешаться в дела Галлии. Сигизмунд, муж старшей внебрачной дочери Теодориха, теперь был королем бургундов. Он был мрачным и подозрительным тираном и навлек на себя гнев Теодориха, убив своего собственного наследника Сигериха, который был старшим внуком готского короля. Чтобы наказать за это преступление, Теодорих объединился с франками и напал на Бургундию. Он завоевал и взял в

качестве своей доли добычи земли между Дюрансом и Дромом, с городами Авиньон, Оранж и Вивье, самым дальним продолжением Остготской империи на северо-западе.

Круг семейных союзов, которые Теодорих заключил со своими европейскими соседями, простирался даже за пределы Средиземноморья. Он выдал замуж свою сестру Амалафриду, овдовевшую принцессу, уже не первой молодости, за Тразамунда, старого короля вандалов. В силу этой связи он, по-видимому, относился к Тразамунду как к младшему брату, если не как к вассалу. Когда вандал осмелился помочь узурпатору Джезалику в Испании, Теодорих обложил его данью и приказал впредь ничего не предпринимать без совета своей жены Амалафриды. Тразамунд не возмутился таким обращением и в будущем делал все, что мог, чтобы умиловить своего шурина.

Государство вандалов, действительно, было не в том состоянии, чтобы рисковать ссорой с Теодорихом. Со времени смерти Гуннериха оно неуклонно приходило в упадок. В правление Гунтамунда (484-496) и самого Тразамунда (496-523) он постоянно терял позиции из-за восставших мавров Атласа. Гунтамунд, который не был гонителем, как его предшественник Гуннерих, пытался завоевать расположение католиков, позволив им отозвать своих изгнанных епископов и открыть свои церкви. Но эти милости не остановили отпадения его подданных, и во время его правления мавры отвоевали у него все морское побережье от Танжера до ворот Кесарии. |Преследования вандалов в Африке.| Его брат Тразамунд предпринял противоположную политику, возобновил преследования, выслал двести католических епископов на Сардинию и возобновил ужасы времен Гуннериха. Естественно, ему повезло в борьбе с местными повстанцами не больше, чем его брату. Ссора с Теодорихом означала бы гибель, поэтому он воздерживался от любых иностранных войн. Он умер в 523 году в преклонном возрасте, убитый, как говорят, известием о крупном поражении, которое потерпели его армии от рук мавров. Его преемником стал его двоюродный брат Хильдерик, сын Гуннериха и римской принцессы Евдокии, последнего отпрыска дома Феодосия Великого. Воспитанный матерью-католичкой, Хильдерик сам стал первым ортодоксальным королем вандалов и положил конец долгим африканским гонениям. Но его правление было не более счастливым, чем правление двух его двоюродных братьев. Его восторженное отстаивание католического дела привело к столкновению с основной массой его подданных-вандалов, и на него напала мятежная партия, возглавляемая сестрой Теодориха, вдовствующей королевой Амалафридой, которая хотела провозгласить королем Африки одного из племянников своего покойного мужа. Хильдерик одержал верх в сражении, разгромил мятежников и захватил в плен Амалафриду, которую он отправил в темницу, к великому гневу ее брата, короля готов (523). Пока был жив Теодорих, он просто держал ее в тесном заключении, но в тот момент, когда он услышал о смерти старика в 526 году, он имел жестокость убить престарелую королеву, что навсегда оттолкнуло вандалов и остготов.

Пленение его сестры было не единственным горем, омрачавшим последние несколько лет долгой жизни Теодориха. У него возникли некоторые проблемы с наследованием короны. Он выдал замуж своего единственного законного ребенка, Амаласвинту, за вестготского принца по имени Эвтарик, от которого многого ожидали в благоразумии и доблести. Теодорих намеревался, чтобы он правил вместе со своей дочерью в качестве коллеги и короля-консорта, но в 522 году Эвтарих умер, оставив своим наследником мальчика всего пяти лет. Теодорих не мог не понимать, что после его смерти восшествие на престол женщины и ребенка было бы

сопряжено с серьезнейшей опасностью, тем более что его племянник Теодахат, ближайший наследник мужского пола из дома Амалов, был известен как беспринципный интриган.

Возможно, именно из-за характера, озлобленного этими семейными неурядицами, Теодорих в последние несколько лет своей жизни был втянут в неприятную ссору с некоторыми из лучших своих итальянских подданных. Правильно это или нет, но он вбил себе в голову, что итальянцы воспользуются его смертью, чтобы настроить императора в Константинополе против его малолетнего наследника. Идея была вполне оправданной, ибо, несмотря на всю мудрость и доброту Теодориха, большинство его римских подданных так и не научились благожелательно относиться к правителю, который был одновременно арианином и готом, и, похоже, по крайней мере, некоторые из сенаторов тайно переписывались с императором Юстином. Этот монарх, первый восточный император за пятьдесят лет, который был бесспорно православным, разжег энтузиазм католиков по всему миру своими попытками подавить арианство, и верующие в Италии, несомненно, противопоставляли его действия строгой беспристрастности Теодориха в ущерб последнему. Несчастья Боэция.] В 524 году патриций Альбин был обвинен Киприаном, *magister officiorum*, в отправке нелояльных писем в Константинополь. На суде его защищал консул Боэций, одновременно крупный чиновник и самый известный писатель того времени, известный как философ, теолог, астроном и механик — короче говоря, главный представитель интеллекта Италии. Боэций возмущался импичментом Альбина в самых пламенных выражениях. 'Если этот человек виновен,' воскликнул он, - тогда виновны и я, и весь Сенат'. Обвинитель, Киприан, поверил ему на слово и привел дополнительные доказательства того, что сам Боэций был одним из сенаторов, состоявших в переписке с Юстином, или, по крайней мере, сделал все возможное, чтобы скрыть улики против тех, кто действительно был в ней замешан.^[3] Такое обвинение, даже если оно не доказано полностью, похоже, разожгло гнев старого короля. Он не мог терпеть нелояльности со стороны человека, которого всегда отличал своей благосклонностью и предпочитал занимать высшие должности. По его приказу Боэций предстал перед сенатом и там был осужден. В течение года Теодорих держал его в тюрьме — года, бесценного для будущих веков, ибо за это время пленник сочинил свое *Философское утешение*, произведение, которому суждено было стать утешением для многих благородных, но несчастных душ в Средние века и найти бесчисленное множество читателей, от короля Альфреда до сэра Томаса Мора. По истечении года заключения Боэций был подвергнут пыткам и казнен. Возможно, он был совершенно невиновен в предъявленном ему обвинении в тайной переписке с Константинополем; но более вероятно, что он действительно писал безобидные письма, в которых злоба его обвинителей и страхи короля проглядывали изменнические намерения.

3. По-видимому, это было обвинение, которое высказал сам Боэций, сказав, что его обвинили в "попытке сохранить сенаторов".

За смертью Боэция последовала другая казнь - его престарелого тестя Симмаха, главы сената, которого Теодорих казнил по простому подозрению в том, что тот возмущен жестокой кончиной своего зятя. Похоже, что против него больше не было выдвинуто никаких обвинений и не было официального судебного разбирательства, так что это действие стоит в одном ряду с убийством Одоакра как второй непростительный грех в жизни Теодориха (525).

Другие также пострадали в течение последних двух лет правления старого короля. Разгневанный преследованием Юстином ариан, он пригрозил репрессиями католикам Италии

и приказал Иоанну, епископу Рима, немедленно отправиться в Константинополь и сообщить императору, что дальнейшее преследование будет означать войну с готами и повлечет за собой нападение на православных во всех остготских владениях. Тронутый этими угрозами, Юстин приостановил преследование ариан и обращался с папой с таким уважением и отличием, что возбудил подозрения короля Италии. Теодорих считал, что Иоанн был слишком дружен с императором, и подозревал, что почести и почитание, оказанные ему в Константинополе, были частью плана по лишению верности его римских подданных. Когда папа вернулся, его бросили в тюрьму, где, будучи уже слабым здоровьем, он вскоре скончался. Вся Западная церковь сразу же провозгласила его мучеником (526).

Итальянцы считали, что казнь Симмаха и тюремное заключение папы Иоанна предвещают всеобщее преследование по всей Италии. Ходили слухи, что ариане добились от короля согласия на указ о закрытии католических церквей и что готы должны были поднять оружие против своих собратьев-подданных. Учитывая характер всей предыдущей жизни Теодориха, крайне маловероятно, что у него в руках был такой дикий план нетерпимости. |Смерть Теодориха, 526. | Но он, безусловно, стал мрачным, подозрительным и жестким на склоне своих дней, и для его собственной славы, а также для его подданных было хорошо, что вскоре после смерти папы Иоанна он заболел дизентерией. Было бы еще лучше, как для короля, так и для народа, если бы конец наступил тремя годами раньше, до его первых жестоких столкновений с Боэцием. О его непопулярности в момент смерти свидетельствуют сохранившиеся несколько любопытных легенд, в которых рассказывается, как святые отшельники видели, как его душу утащили в ад раненые призраки Иоанна и Симмаха или унес сам дьявол.

Итак, после тридцати трех лет правления Италией и двенадцати - Испанией Теодорих умер в возрасте семидесяти двух лет и был похоронен готами в круглом мавзолее за воротами Равенны, который он построил для себя много лет назад. Его тело давно исчезло, но его пустая могила все еще сохранилась, став практически единственным совершенным и нетронутым памятником, напоминающим о шестидесяти годах готического владычества в Италии.

ГЛАВА III

ИМПЕРАТОРЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

476-527

Контраст судеб Восточной и Западной империй—Восток восстанавливает свои силы—Лев I. и исаврийцы—Император Зенон и восстание против него—Войны Зенона с двумя Теодорихами, 478-483 гг.— "Генотикон"—Характер императора Анастасия—Восстание исаврийцев—Война с

Персией, 503-5 гг.—Фракции "Синих и зеленых"—Восстание Виталиана—Восшествие на престол Юстина I.

В Риме императоры третьей четверти пятого века — все эфемерные цезари, чьи запятнанные кровью анналы заполняют промежуток между смертью Валентиниана III. и узурпация власти Одоакром — были всего лишь порождениями варварских или полуварварских "патрициев" и "повелителей солдат", которым они были обязаны как своим возвышением, так и безвременным концом. История тех смутных лет была бы более логично выстроена под именами создателей Цезаря - Рицимера, Гундобада, Ореста, чем под именами несчастных марионеток, которыми они манипулировали.

Но когда мы обращаем наш взор на восток, к Константинополю, мы с удивлением обнаруживаем, насколько совершенно иным был аспект происходящего. Западная империя быстро разваливалась на куски, провинция за провинцией выходили из-под власти императора и становились частью владений какого-нибудь готского, бургундского или вандальского князя, который оказывал самое призрачное почтение или вообще не оказывал никакого почтения эфемерному цезарю в Риме. [Контраст между Восточной и Западной империями.] Восточная империя, с другой стороны, сохраняла свои границы нетронутыми и медленно наращивала свои силы для возобновления деятельности в следующем столетии. В то время как правление девяти императоров в Риме длилось не более двадцати одного года (455-476), два императора правили на Босфоре тридцать четыре года (457-491). И характер правителей Востока и Запада был таким же разным, как и их судьбы: недолговечные римские цезари были либо бессильными ничтожествами, возведенными на трон по прихоти варвара, либо амбициозными молодыми солдатами, тщетно мечтавшими, что они еще смогут искупить зло и спасти государство. Их современники на Востоке, Лев, Зенон и Анастасий, были тремя пожилыми чиновниками, людьми опытными, если не с большими способностями, которые мирно сменяли друг друга и посвятили свои преклонные годы осторожной оборонительной политике, в результате чего они оставили после себя полную казну, сильную и верную армию и нетронутое королевство.

В начале пятого века казалось, что восточная половина империи с не меньшей вероятностью, чем западная, попадет под власть варваров и развалится на куски. Готы были расквартированы по всей Фракии, Мезии и Малой Азии, а готский полководец Гайнас овладел личностью и властью императора Аркадия. Будь он человеком более способным, он мог бы создавать и свергать императоров, как впоследствии это сделал Рицимер на Западе. Но планы Гайнаса потерпели крушение, и Империя была спасена великим бунтом в Константинополе в 401 году, когда готские *федераты* были вырезаны, а их лидер изгнан разъяренным населением, которое таким образом спасло не только свои собственные дома, но и весь Восток от опасности готского господства.

Хотя европейские провинции Восточной империи сильно пострадали от тевтонских опустошений в течение первых восьмидесяти лет века, больше никогда не возникало опасности, что варвары завладеют правительственным аппаратом и разрушат Империю изнутри. Задолгое правление Феодосия II (406-450) если и не было достигнуто никакого прогресса в укреплении королевства, то, по крайней мере, не было утрачено ни одной позиции.

В это время в пользу Восточной империи действовали две внешние причины. Первым была абсолютная неприступность Константинополя против любого захватчика, который мог напасть на него только со стороны суши: город нельзя было взять измором, как Аларих морил голодом

Рим, а его стены могли с презрением посмеяться над всеми осадными средствами, какие знала та эпоха. Хотя готы и гунны распространяли свои опустошительные действия повсюду на Балканском полуострове, они никогда всерьез не пытались посягнуть на великое центральное оружейное поле, на котором базировалась восточно-римская держава. [Важность Константинополя.] У Западной империи не было такого оплота — столицы, арсенала, гавани и торгового центра в одном лице. Равенна, где западные цезари находили убежище во времена бурь и стрессов, во всех отношениях уступала Константинополю как базе вооруженного сопротивления захватчику. Хотя его болота делали его сильным, он не покрывал и не защищал какой-либо значительный участок местности и находился достаточно далеко от своей гавани, чтобы позволить врагу перекрыть его поставки.

Вторым важным фактором жизнеспособности Восточной империи была длительная свобода от иностранных войн, которой пользовались ее азиатские провинции. После восстания Гайнаса в 401 году готы исчезли из Малой Азии, и в течение ста сорока лет никакие другие захватчики не вторгались ни на этот полуостров, ни в Сирию, ни в Египет. Две короткие персидские войны, в 420-421 и 502-505 годах, не привели ни к чему худшему, кроме частичного опустошения месопотамской границы. Верно, что меч не совсем пощадил азиатские провинции империи в пятом веке, но те беды, которые они пережили, были вызваны восстаниями местных жителей, главным образом исаврийцев в горах южной Малой Азии. Эти восстания были локальными и не привели кочень масштабному ущербу, и боевые действия, вызванные восстаниями мятежных императоров Василиска и Леонтия в правление Зенона, не были намного более разрушительными. [Процветание Востока.] В целом, четыре восточных "епархии" Восточной империи, должно быть, наслаждались в пятом веке гораздо большим миром и процветанием, чем они знали или должны были знать в предыдущую и последующие эпохи. Именно их богатство, должным образом поступившее в императорскую казну, придало императорам сил защищать свои европейские владения. Вскоре мы увидим, что их военные ресурсы также должны были самым эффективным образом учитываться при реорганизации восточноримской армии.

Но сила Константинополя и богатства Азии могли оказаться бесполезными, если бы они попали в руки ряда императоров, таких как Гонорий или Валентиниан III. Справедливости ради мы должны признать, что личные качества императоров Льва I, Зенона и Анастасия I. также оказали важнейшее влияние на империю. Эти три осторожных, настойчивых и осмотрительных принца, которые не подвергли империю опасности из-за чрезмерной предприимчивости и амбиций и не позволили ей развалиться на куски из-за недостатка энергии, были именно теми людьми, которые лучше всего подходили для того, чтобы пережить переходный период.

Лев, первый из этих трех императоров, был уже мертв, когда Ромул Августул был свергнут на Западе. Он оставил свой след в истории Константинополя, казнив Аспара, последнего из великих варварских 'повелителей солдат', поднявшихся на опасную высоту могущества на Востоке; и еще больше благодаря своему очень важному плану реорганизации армии, приняв в ее ряды значительную часть уроженцев империи. Осознавая опасность полного доверия к тевтонским наемникам — роковую ошибку, погубившую Западную империю, — Лев завербовал, в максимально возможном количестве, выносливых горцев Малой Азии, особенно исавров. [Лев и исаврийцы.] Его предшественники не доверяли их неуправляемым и хищническим привычкам, но Лео видел, что они поставляли хорошую и заслуживающую доверия боевую технику, и обращался с ними так, как Питт-старший обращался с горцами после восстания 1745

года, уча их использовать на службе правительству дикую храбрость, которая так часто оборачивалась против него. Лев действительно сделал для исавров все, что мог, и в конце концов выдал свою старшую дочь Ариадну замуж за Зенона, исаврийца по происхождению и одного из главных чиновников своего двора.

Именно этот Зенон восседал на троне Восточного королевства в тот момент, когда Одоакр провозгласил себя правителем Италии, и ему была адресована знаменитая петиция Римского сената, в которой он умолял его позволить Востоку и Западу в равной степени покоиться под сенью его имени, но доверить практическое управление Италией патрицию Одоакру. Зенон не был ни таким способным, ни таким респектабельным государем, как его тесть: два недостатка: осторожность, граничащая с настоящей трусостью, и склонность к низменному разврату подорвали его репутацию. | Император Зенон, 475-491. | Его враги никогда не уставали насмехаться над ним из-за его исаврийского происхождения и напоминать, что его настоящее имя было Таракодисса, сын Рузумбладеота, поскольку греческое имя Зенон он взял только тогда, когда попал ко двору. Но хотя по рождению он был неизвестным провинциалом, а по натуре немного трусом и прожигателем жизни, у Зенона были свои достоинства. Он был мягким, а не вымогательским администратором, обладал щедрой рукой, умел подбирать способных слуг, был оптимистичен и настойчив во всем, за что брался, и проводил в церковных делах политику умеренности и примирения, которая сейчас может принести ему пользу, хотя в его время это вызывало много нареканий со стороны православных. Самыми худшими обвинениями, которые можно предъявить ему, были действия, которые были вызваны робостью, а не какими—либо другими мотивами, - две или три произвольные казни офицеров, которых он справедливо или ошибочно подозревал в заговоре против его жизни. После трех мятежей, которые были близки к успеху, неудивительно, что он начал несколько нервничать по поводу собственной безопасности.

Правление Зенона в этом отношении было более беспокойным, чем правление его предшественника и преемника. Его хорошо известный недостаток смелости соблазнял людей устраивать против него заговоры, но они не считались с его хитростью и настойчивостью, и в каждом случае все заканчивалось плохо. Зенон мог рассчитывать на активную поддержку своих соотечественников исавров, которые теперь составляли наиболее надежную часть армии, и на пассивное повиновение или, в худшем случае, на нейтралитет торговых классов и бюрократии, которым не нравились любые перемены и беспорядок. Отсюда и вышло, что придворных заговоров или местных восстаний армейских частей было недостаточно, чтобы поколебать его трон.

Первую половину правления Зенона можно разделить на три части благодаря этим трем заговорам. Едва император взошел на трон, как вспыхнула первая из них: это была дворцовая интрига, затеянная вдовствующей императрицей Вериной, которая терпеть не могла своего зятя. Заговорщики застали Зенона врасплох, им не удалось поймать его, так как он бежал из Константинополя при первой тревоге, но они овладели столицей и провозгласили Василиска, брата Верины, Августом. [Восстание Василиска, 475-477.] Городская чернь, среди которой Зенон был очень непопулярен, присоединилась к восстанию и перебила исаврийские войска, находившиеся внутри стен; отсутствие их предводителя, по-видимому, парализовало сопротивление солдат. Зенон тем временем бежал в свою родную страну и собрал исаврийскую армию: Сирия и большая часть Малой Азии остались ему верны, и он приготовился к борьбе за свой трон. К счастью для него, Василиск был презренным созданием — именно он сорвал

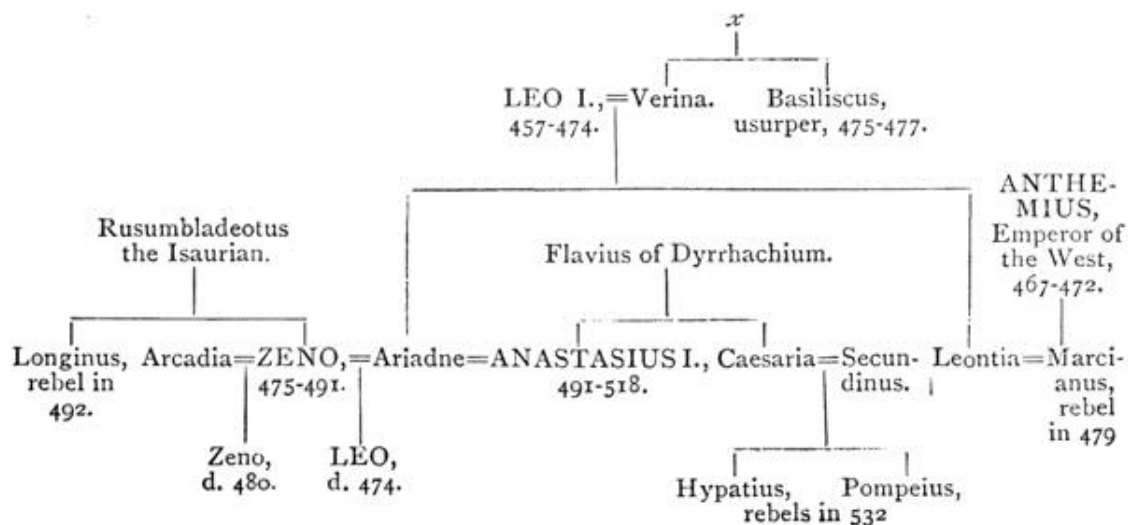
великую экспедицию против вандалов, которую Лев I отправил семь лет назад. Вскоре константинопольцы возненавидели его гораздо сильнее, чем когда-либо Зенона; сомнительно, что вызывало у него наибольшую ненависть - его высокомерие, финансовые поборы или пристрастие к монофизитской ереси. Армия, которую он послал против Зенона, была доверена — весьма неблагоразумно — генералу исаврийского происхождения, *военному магистру* Иллу, который поддался мольбам и взяткам законного императора и в конце концов перешел на его сторону. Вернув себе всю Малую Азию, Зенон затем поднял в Европе Теодориха Амала против его соперника и побудил готов осадить Константинополь с Запада, в то время как сам блокировал его с восточной стороны. Город распахнул свои ворота, и Василиск, после двадцатимесячного правления, был вытеснен из санктуария и предстал перед судом своего племянника. Зенон пообещал ему, что его кровь не будет пролита, но отправил его и его сыновей в заброшенный замок в Каппадокии среди горных снегов, где в одиночном заключении им давали такую скудную пищу и одежду, что вскоре они умерли от лишений (477).

Сразу после своего триумфа над Василиском Зенон принял послов Одоакра и был провозглашен императором Запада и Востока, несмотря на его совет римлянам вернуть себе в качестве цезаря их старого правителя Юлия Непота, который все еще владел частью Далмации, хотя и потерял Италию тремя годами ранее. Возможно, у Зенона возникло бы искушение вмешаться в дела Запада с чем-то большим, чем советы, если бы на него не обрушилась вторая порция неприятностей в виде длительной войны готов с двумя Теодорихами — сыновьями Теодемира и Триария, - которая началась через год после его реставрации.

THE EASTERN EMPERORS, 457-518,

WITH THEIR FAMILIES.

[Names of Emperors in Capitals.]

ВОСТОЧНЫЕ ИМПЕРАТОРЫ, 457-518гг.

Остготы никогда не ходили на запад, как их родственники вестготы. Они задержались на Дунае, сначала как члены огромной империи гуннов Аттилы, затем как самостоятельные жители Паннонии. Но в царствование Льва I. они перебрались через Сейв на территорию Восточных

императоров и надолго обосновались в Мезии. Там они обосновались и заключили соглашения с константинопольским правительством. Но они были самыми непокорными вассалами, и даже в мирное время на них нельзя было положиться в том, что они воздержатся от набегов во Фракию и Македонию. |Ранняя жизнь Теодориха.| Основная часть их племени теперь признала своим вождем Теодориха, сына Теодемира, представителя небеснорожденной расы амалов, королей готов с незапамятных времен. Теперь Теодорих был двадцатитрехлетним молодым человеком, энергичным и честолюбивым, который уже завоевал большую военную репутацию победами над болгарами, сарматами и другими племенами, обитавшими по ту сторону Дуная. Десять лет своего детства он провел заложником в Константинополе, где слишком хорошо изучил как слабые, так и сильные стороны Восточно-Римской империи. Его последующая жизнь показала, что там он проникся глубоким уважением к римскому закону, порядку и административному единству; но он также проникся презрением к робкому Зенону и был убежден, что его отважные соплеменники более чем достойны противостоять разношерстной наемной армии императора, столь значительная часть которой все еще состояла из готов и других германцев, которым нельзя было доверять в том, что они с добрым сердцем сражались против своих сородичей-остготов.

Но Теодорих Амал был не единственным вождем своего народа на Балканском полуострове. У него был тезка, Теодорих, сын Триария, более известный как Теодорих Одноглазый, который долгое время служил капитаном наемников в имперской армии и возглавлял тевтонские вспомогательные войска в лагере узурпатора Василиска. Когда Василиск пал, Теодорих Одноглазый собрал остатки сил повстанцев, усилил их разбитыми отрядами представителей различных рас, многие из которых были остготами, и удержал поле боя против Зенона. Он удалился на Балканы и время от времени спускался, чтобы опустошать фракийские равнины; но тем временем он отправил посольство к Зенону, предлагая подчиниться, если ему дадут титул *magister militum*, который он носил при Василиске, и возьмут со всей его армией на императорское жалованье.

Зенон с негодованием отказался принять такие условия и решил взять в свои руки уничтожение мятежника. |Два Теодориха.| Он послал азиатскую армию во Фракию, чтобы окружить сына Триария с юга, и приказал своему воинственному вассалу, сыну Теодемира, напасть на своего тезку с севера, со стороны Мезии. Младший Теодорих охотно согласился, ибо ему претило видеть на полуострове могущественным какого-либо другого готского вождя, кроме него самого, и он свысока смотрел на сына Триария как на выскочку низкого происхождения, потому что тот, как и он сам, не происходил из царской крови амалов.^[4]

4. Судя по его имени (Триарий), отец Теодориха Одноглазого, должно быть, был римлянином или романизированным готом, но сам Одноглазый женился на женщине, которая была близкой родственницей Теодориха Амала, поскольку его сына Речитаха называют двоюродным братом Амала.

Кампания против Теодориха Одноглазого обернулась катастрофой для имперских войск. Римская армия на юге упустила след мятежника, случайно или намеренно, в то время как Теодорих Амал со своими войсками запутался в Балканских ущельях и был окружен армией своего соперника. Ему было обещано содействие фракийской армии, но римляне так и не появились, и его планы начали выглядеть мрачными. Его одноглазый соперник, подъехавший верхом в пределах слышимости от его лагеря, насмеялся над ним за то, что он безрассудно

прислушивался к приказам и обещаниям императора. 'Безумец,' воскликнул он, 'предатель своего собственного народа, разве ты не видишь, что римский план всегда состоит в том, чтобы уничтожать готов за готами? Кто бы из нас ни пал, сильнее будут они, а не мы. Они никогда не окажут тебе реальной помощи, но пошлют тебя против меня, чтобы ты погиб здесь, в пустыне.' Тогда все воины Амала закричали, что Одноглазый прав и что они не будут сражаться против своих братьев в другом лагере. Сын Теодемира подчинился их воле и присоединился к сыну Триария. Объединив свои армии, они спустились в долину Гебра и двинулись к Константинополю. Они послали Зенону ультиматум, в котором Амал требовал больше территории для своего племени, а также запас зерна и денег, в то время как Одноглазый требовал *должностивоенного магистра* ежегодной выплаты в размере 2000 фунтов золота. Зенон, который очень хотел удержать младшего Теодориха на своей стороне, предложил ему большую сумму денег и руку дочери патриция Олибрия, если он откажется от своего тезки-мятежника. Но Амал отказался нарушить клятву, которую он дал своему союзнику, и двинулся на запад, чтобы опустошить Македонию до самых ворот Фессалоники. Зенон отправил свои войска на зимние квартиры, поскольку сезон был поздний, и предпринял последнюю попытку предотвратить надвигающуюся опасность, предложив условия Теодориху Одноглазому. Менее верный своему слову, чем Амал, старший Теодорих прислушался к предложению императора и, получив титул *военного магистра* и все доходы, которыми он пользовался при Василиске, повел свои войска в имперский лагерь (479).

В течение следующих двух лет сын Теодемира странствовал по всему Балканскому полуострову от Диррахия до ворот Константинополя, грабя и сжигая те части Македонии и Фракии, которые до сих пор избежали опустошений гуннов Атилы и остготов предыдущего поколения. Войны Зенона и Теодориха Амальского. | Генералам Зенона не повезло в их попытках остановить его, единственным успехом, которого они добились, была победа, одержанная неким Сабинианом в 480 году, который отрезал арьергард Теодориха, когда тот переходил Албанские горы, и захватил 2000 повозок и 5000 готских воинов. Но Зенон слишком сильно напугал Сабиниана, который по подозрению в предательстве приказал казнить его в следующем году. Только в 483 году Амал, опустошивший Фракию и Македонию настолько яростно, что даже его собственная армия больше не могла добывать пропитание, наконец договорился с Зеноном, став *военным магистром*, и предоставил своим соплеменникам дополнительные земли в Мезии и Дакии. Сын Триария умер годом ранее: он снова поднял восстание против императора и собирал армию на фракийском побережье, когда был убит странным образом. Норовистая лошадь отбросила его на копье, стоявшее у входа в его палатку, и он был пронзен в самое сердце. Его сын Речитах продолжил восстание, но Теодорих Амал, который не желал видеть на Балканском полуострове другого готского вождя, кроме себя, убил юношу и присоединил его воинов к основным силам остготов.

Полная беспомощность, которую Зенон проявил в общении с двумя Теодорихами, может быть в значительной степени объяснена его домашними неурядицами. В 479 году, когда он не смог поддержать Теодориха Амала на Балканах, его трон едва не был свергнут восстанием в Константинополе. Марциан и Прокопий, два сына Антемия, покойного императора Запада, пользовавшиеся популярностью у жителей столицы, организовали заговор с целью свержения императора, в который они вовлекли многих влиятельных людей. Они напали на дворец врасплох и перебили телохранителей, но Зенон сбежал, привел из Азии своих верных исавров и подавил восстание после ожесточенной уличной драки. В 482-3 годах у него было продолжительное недопонимание со своим главнокомандующим Илласом, исаврийским

полководцем, который подавил восстание Василиска пятью годами ранее. Зенон не изгнал его и не доверял ему полностью. Он оставил его на своем посту, но был настороже и всегда мешал своему министру. Говорят, что, с его согласия или без него, императрица Ариадна пыталась организовать убийство Илл.

В 483 году, когда Теодорих Амал заключил мир с Зеноном, некий Леонтий поднял восстание в Сирии. Иллас, которого послали усмирить его, устал служить своему подозрительному и неблагодарному хозяину и присоединился к восстанию. |Восстание Леонтия, 483. | Он и Леонтий захватили Антиохию, где последний был провозглашен императором, и получили во владение Каппадокию, Киликию и северную Сирию. Говорят, что они намеревались восстановить язычество, проект, который кажется абсолютно невероятным в самом конце пятого века, когда язычники были не более чем жалким остатком, рассеянным среди ревностного христианского населения. Вдовствующая императрица Верина, жившая в изгнании в Каппадокии, присоединилась к ним и усыновила Леонтия как своего сына. Но повстанцы предприняли более практические меры для поддержки своего дела, обратившись за помощью к королю Италии Одоакру и персидскому монарху Баласу. Оба обещали помощь, но прежде чем они смогли ее послать, Зенон подавил восстание. Он убедил своего покойного врага Теодориха присоединиться к его армии, и готы и исаврийцы, объединившись, легко одержали верх над Леонтием. Сирия покорилась, а мятежный император и Илл после долгой и отчаянной обороны в замке в Каппадокии были взяты в плен и убиты.^[5]

5. Говорят, что этот форт — он назывался *Castellum Papirii* — продержался невероятно долгий период в четыре года после того, как все остальные мятежные районы были покорены, и пал только в результате предательства.

Зенон наслаждался сравнительным миром после подавления восстания Леонтия, и ему повезло еще больше, когда в 488 году он убедил Теодориха Амала вывести своих остготов из Мезии и отправиться завоевывать Италию. О том, как Теодорих жил в Италии, мы уже рассказывали. Его уход принес огромную пользу империи, и впервые с момента своего восшествия на престол Зенон теперь мог осуществлять реальную власть над своими европейскими провинциями. Они были оставлены ему в самом ужасающем состоянии запустения: десять лет войны, охватившей все пространство к югу от Дуная и к северу от горы Олимп, превратили эту землю в дикую местность. Целые районы были лишены своих жителей, и огромные промежутки пустынной территории приглашали новых врагов вторгнуться на Балканский полуостров и оккупировать опустевшую сельскую местность. К северу от Балкан все население провинции, по-видимому, было практически истреблено. |Государство на Балканском полуострове. | Когда остготы покинули страну, между горами и Дунаем не осталось ничего, кроме нескольких военных постов и их гарнизонов, и страна не пополнялась жителями до тех пор, пока славяне не распространились по этой земле в последующую эпоху. Иллирии и Македонии жилось не так уж плохо, но конечным результатом столетия готской оккупации Балканского полуострова стало ужасающее сокращение латиноязычного населения Восточной империи. Вся внутренняя часть Фракии, Мезии и Иллирии до сих пор пользовалась латинским языком: с уменьшением численности населения империя стала гораздо более азиатской и греческой, чем это было раньше.

Когда остготы мигрировали в Италию, империя приобрела новых соседей на своей северной границе, кочевую угорскую орду болгар на нижнем Дунае и тевтонские племена гепидов,

герулов и лангобардов на среднем Дунае, а также тайсов и савов. Вопреки тому, что можно было ожидать, ни одна из этих рас не преодолела барьер из римских фортов вдоль реки, чтобы занять Мезию. Они досаждали империи не более чем случайными набегами и не собирались селиться в ее пределах.

Церковная политика Зенона требует особого внимания. Сам он был ортодоксальным, но не фанатичным: церковь в тот момент была сильно разделена монофизитским расколом, к которому присоединились Церкви Египта и Палестины, и он считал возможным и целесообразным заманить еретиков обратно в лоно церкви, слегка изменив католическое учение. В 482 году, хотя он был в разгаре своей борьбы с Теодорихом Амалом, он нашел время составить свой 'Генотикон', или Эдикт понимания. Монофизиты считали, что в нашем Господе была только одна природа, в противоположность ортодоксальной точке зрения, согласно которой в Его личности полностью присутствовали как человеческий, так и божественный элемент. | "Генотикон" Зенона. Зенон поместил в свой 'Генотикон' четкое утверждение о том, что Христос был одновременно Богом и человеком, но не вставил слова 'две природы', которые сформировали ортодоксальный шибболет. Но его благонамеренный план потерпел полный крах. Еретики не были удовлетворены и отказались подчиниться, в то время как католики считали, что это была слабая уступка неортодоксальности, и осуждали Зенона за игру с расколом. Патриарх Акакий, который помогал ему составить 'Хенотикон', был отлучен епископом Рима, и церкви Италии и Константинополя были лишены общения более тридцати лет из-за эдикта, который был призван объединять, а не разделять.

Последние годы правления Зенона были гораздо более спокойными от войн и восстаний, чем его предыдущая часть. Он дожил до 491 года, когда умер от эпилепсии, не оставив наследника, который унаследовал бы его трон. У него было двое сыновей, которых звали Лев и Зенон: первый умер, будучи еще ребенком, в 474 году; второй покончил с собой, ведя порочный образ жизни, на пороге зрелости, задолго до смерти своего отца.

Номинально право выбора преемника Зенона принадлежало сенату и народу, на самом деле - вдовствующей императрице Ариадне и Императорской гвардии. Дочь Льва сделала мудрый выбор, порекомендовав избирателям армии и народа Анастасия Диррахийского, офицера *силенциариев*,^[6] которого все уважали за его благочестие и добродетель.

6. Телохранитель, в обязанности которого входило соблюдать тишину в личных покоях императора.

Анастасий был мужчиной пятидесяти двух-пятидесяти трех лет, который большую часть своей жизни проработал на официальной работе в столице и был особенно хорошо известен как способный и экономный финансист. Он был искренне религиозен и проводил много свободных часов в качестве мирского проповедника в церкви Святой Софии, пока патриарх Евфимий не запретил ему давать наставления, обнаружив монофизитство в его проповедях. Однажды он предложил принять сан, и о нем говорили как о кандидате на епископство Антиохии. И все же, несмотря на его религиозный пыл, его никогда не обвиняли в том, что он не от мира сего или непрактичен. | Характер Анастасия. | Анастасий был человеком безупречной жизни, образованным и трудолюбивым, не склонным к гневу, добрым и либеральным хозяином и абсолютно справедливым во всех своих поступках. 'Царствуй так, как ты жил', - таков был клич народа, когда он впервые предстал перед ними, облаченный в императорский пурпур. Против него когда-либо выдвигались только два возражения: первое, что он склонялся к

монофизитской ереси; второе, что его двор был слишком степенным и пуританским на вкус толпы, любившей пышность и оргии распутного Зенона. Он заслужил непопулярность тем, что подавлял гладиаторские бои с дикими зверями и распущенные танцы.

Через шесть недель после своего восшествия на престол новый император женился на вдовствующей императрице Ариадне, которая была главным инструментом в его избрании. Она была принцессой безупречной жизни и многое сделала в предыдущее царствование, чтобы искупить дурную репутацию своего первого мужа. Большим несчастьем для империи было то, что она не родила своему второму супругу наследника, который унаследовал бы его трон.

Начало правления Анастасия было омрачено восстанием исаврийцев. Зенон не только сформировал Императорскую гвардию из своих соотечественников, но и заполнил ими государственную службу и призвал их поселиться в Константинополе в качестве торговцев. Они были очень раздосадованы, когда скипетр перешел к иллирийцу Анастасию, и вступили в заговор с целью захватить его лично и провозгласить императором брата Зенона, Лонгина. Через несколько месяцев после его восшествия на престол они восстали в столице и овладели частью города рядом с дворцом, но большинство народа и армии были против них, и они были подавлены после острой уличной драки, в результате которой был сожжен большой ипподром. Лонгин был схвачен и вынужден подчиняться приказам. Он умер много лет спустя в качестве священника в Египте. Анастасий после этого бунта уволил всех исаврийских офицеров с государственной службы. Они вернулись в свои дома в Малой Азии, и организовали восстание на своих родных холмах. Второй Лонгин, который был *военным магистром* во Фракии, поставил себя во главе восстания, которое продолжалось пять лет (491-496), но никогда не представляло серьезной опасности для империи. | Восстания в Исаврии, 492-496. | Мятежников разбивали всякий раз, когда они отваживались выйти на равнины, и так долго они держались только благодаря горным замкам, которыми была усеяна их суровая земля. В 496 году их последние крепости были взяты штурмом, а их глава, *бывший магистр*, схвачен и казнен. Анастасий наказал общины, наиболее упорствовавшие в восстании, переведя их во Фракию и поселив на опустошенных землях под Балканами, где он надеялся, что эти бесстрашные горцы окажутся эффективной охраной перевалов от варваров из-за Дуная.

В азиатских провинциях империи больше не было проблем до 502 года, когда разразилась война между Анастасием и персидским царем Кобадом. На границе Месопотамии в течение последнего столетия было на редкость спокойно; со времен неудачной экспедиции Юлиана в 362 году на Востоке не было серьезной войны с великой восточной монархией. Та же эпоха, на которую пришлось миграции тевтонов в Европу, была отмечена во внутренней Азии большим волнением гуннов и других туранских племен за Каспием, и пока римские императоры были заняты на Дунае, сасанидские короли усердно трудились, защищая границу Окса. Передохнув от своих восточных проблем, Кобад потребовал у Анастасия денег, на что император ответил отказом, и вскоре последовала война. Это началось с нескольких бедствий для римлян, и Амида, главная крепость Месопотамии, была взята штурмом в 503 году. | Война с Персией, 503-505. | Позже, в том же году, пал Нисибис, и когда Анастасий отправил подкрепление на Восток, он назначил так много военачальников с независимой властью, что вся римская армия никогда не могла быть объединена, и командиры позволили брать себя в руки и побеждать по очереди. Однако в 504 году военная удача повернулась к Целеру, *magister officiorum*, когда верховная власть на поле боя была передана ему; он отвоевал Амиду после долгой осады и начал продвигаться за пределы персидской границы. В то же время Кобад подвергся нападению

гуннов из-за Окса и с радостью заключил мир на условиях, которые восстановили границу обеих сторон на той линии, которую они занимали в 502 году. Анастасий обеспечил себя от будущих войн, построив две новые первоклассные крепости на персидской границе: Дарас в Месопотамии и Феодосиополь дальше на север, на границах Армении. Тридцать лет спустя, когда преемники Кобада и Анастасия снова подверглись нападению персов, эти места помогли им сдержать натиск персов. Персидская война, как и Исаврийская, затронула лишь очень ограниченный район - провинцию за Евфратом, — и никакие набеги не проникали так далеко в Сирию. Действительно, за все время правления Анастасия единственной серьезной проблемой, которой подверглась азиатская половина империи, был набег гуннов из-за Кавказа, который в 515 году нанес серьезный ущерб Понту, Каппадокии и Ликаонии. Это вторжение, однако, было единичной неудачей, за которой больше не последовало вторжений кочевников Северных степей.

Европейским провинциям — теперь, как и во времена Зенона, — выпала гораздо более тяжелая участь. Славяне и болгары неоднократно переправлялись через Дунай и продвигались по пустынным равнинам Мезии, чтобы напасть на Фракию. Болгары не раз побеждали римскую армию в полевых условиях, и в конце концов их опустошительные действия были отброшены так далеко на юг, что Анастасий построил в 512 году знаменитую стену, носящую его имя, протянувшуюся от Черного моря до Пропонтиды, в тридцати пяти милях к западу от Константинополя. Эти линии, протянувшиеся более чем на пятьдесят миль по восточному выступу Фракии, служили для защиты, по крайней мере, ближайших окрестностей столицы от неугомонных всадников из-за Дуная. Македония и Иллирия, по-видимому, пострадали в этот период гораздо меньше, чем Фракия; славяне, граничившие с ними, еще не были таким опасным врагом, как болгары, в то время как итальянские остготы, отвоевав Паннонию, оказались более спокойными соседями для северо-западных провинций империи, чем в предыдущем столетии.

Именно в правление Анастасия впервые на первый план выдвигается одна из наиболее характерных черт общественной жизни Константинополя. Это была растущая турбулентность "Синих и зеленых", фракций Цирка. Эти клубы существовали с самого зарождения Римской империи, но только в Константинополе они стали учреждениями высокого политического значения. Там соперничество Синих и Зеленых не ограничивалось цирковыми забегами, а проникло во все сферы жизни. К "фракциям" присоединялись уже не только молодые люди спортивных и светских наклонностей. Они служили клубами или политическими ассоциациями для всех классов, от государственных министров до беднейших механиков, и создавали узы союза между церковниками или сторонниками династических притязаний. | Синие и зеленые. | Англичанину трудно осознать это экстраординарное развитие того, что когда-то было простым соперничеством на Ипподроме. Чтобы провести параллель с этим, нам следовало бы предположить, что все, кто садился на светло-или темно-синюю форму в день лодочных гонок в Оксфорде и Кембридже, горько завидовали друг другу - скажем, например, что все темно-синие были консерваторами и англиканами, а все светло-синие - радикалами и диссидентами. Если бы это было так, мы могли бы представить, что во времена политического напряжения за каждой лодочной гонкой могла бы последовать гигантская вольная борьба. Это, однако, было именно то, что произошло в Константинополе; фракция 'Голубых' стала отождествлять себя с православием и с неприязнью к семье Анастасия. Фракция 'Зеленых' включала в себя всех монофизитов и другие неортодоксальные секты и была предана личности и династии Анастасия. В любое смутное время празднование игр на Ипподроме заканчивалось

ожесточенным бунтом двух фракций. Неудивительно, что справедливый и миролюбивый император стремился пресекать всякого рода демонстрации и особенно проявлял неприязнь к нелояльной фракции "Синих".

Худшие из домашних неприятностей Анастасия были вызваны подозрением в неортодоксальности, которое преследовало его. В 511 году, когда он добавил к гимну под названием "Трисвятое" строку ὁ ὁταυρωθεὶς δι' ἡμῶν в контексте, который, казалось, относился ко всей Троице, православное население Константинополя, возглавляемое фракцией "Синих", разразилось мятежом. Восстание было подавлено только тем, что старый император предстал перед народом на Ипподроме без короны и мантии и объявил о своем намерении отречься от престола. Столь велико было доверие, которое его справедливость и умеренность внушали людям всех рангов и классов, что это предложение привело всю толпу в смятение, и они единодушно поднялись, чтобы предложить ему снова надеть диадему.

Но недовольству монофизитскими тенденциями Анастасия не суждено было быть забытым. [Восстание Виталиана, 514.] В 514 году амбициозный полководец по имени Виталиан, командовавший Мезией, поднял оружие, назвав причиной своего восстания не только определенные проступки, совершенные в этой провинции племянником императора Ипатием, но и опасную неортодоксальность религиозных взглядов Анастасия. Когда Ипатия отстранили от должности, большая часть армии Виталиана вернулась к своей верности, и тогда мятежник показал, какое большое значение следует придавать его религиозным убеждениям, призвав на помощь язычников-болгар и гуннов. Во главе армии, состоящей из этих варваров, он некоторое время продержался в Мезии. Император, несколько неблагоразумно, заменил своего племянника Ипатия командующим и послал его с большой армией подавить мятеж; но, пока римляне стояли лагерем на берегу моря близ Варны, они были застигнуты врасплох ночной атакой врага и полностью рассеяны. Многие тысячи человек были сброшены со скал в море и раздавлены или утонули, а сам Ипатий был взят в плен (514). Беспокойство за жизнь своего племянника побудило старого императора заключить мир. Он выкупил Ипатия за 15 000 фунтов стерлингов. золота и предоставил Виталиану должность *военного магистра* во Фракии. Прощенный мятежник до конца правления Анастасия был занят укреплением своих позиций на Дунае, будучи полон решимости совершить смелый шаг к императорскому трону, когда старость свергнет восьмидесятилетнего правителя Константинополя.

Несмотря на все его проблемы с двумя Лонгиниями, королями Кобадом и Виталианом, Анастасия можно назвать успешным и процветающим правителем. Все эти восстания имели чисто местное значение, и в течение всех двадцати семи лет его правления большая часть империи наслаждалась миром и изобилием. Лучшим свидетельством его хорошего управления является тот факт, что при вступлении на престол он обнаружил, что расточительный Зенон опустошил казну, а после своей смерти оставил ее наполненной 320 000 фунтов стерлингов. на вес золота, или 15 000 000 фунтов стерлингов звонкой монетой. И это несмотря на то, что он был милосердным и снисходительным администратором и фактически отменил несколько налогов, включая одиозный Хрисаргирон, или подоходный налог. Деньги были собраны не за счет пренебрежения надлежащими расходами. Анастасий возвел много военных сооружений, особенно свою великую стену во Фракии и мощную крепость Дарас, и восстановил множество разрушенных городов. ' Он никогда не отсылал просителей с пустыми руками, независимо от того, представляли ли они город, крепость или морской порт. Он оставил армию в 150 000

человек в хорошем состоянии дисциплины и большую ее половину составляли местные войска, при этом граница оставалась нетронутой как на востоке, так и на западе и севере.

Добрый старик умер в 518 году; его жена Ариадна сошла в могилу тремя годами ранее. Он воздержался от назначения своим коллегой своего племянника Ипатия, которого многие ожидали от него усыновления, и империя осталась абсолютно без хозяина. Высшие государственные чиновники, Императорская гвардия и Сенат взвалили на свои плечи избрание нового цезаря. Наиболее очевидными кандидатами на трон были Ипатий, которого должна была поддержать фракция Зеленых, *ивоенный магистр* Виталиан, который сразу же взялся за оружие, чтобы двинуться на столицу. Но ни одному из них не суждено было добиться успеха. Военные мускулы находились в руках казначея Амантия; сам он не мог надеяться на царствование, потому что был евнухом, но у него был друг, которого он хотел короновать. [Восшествие на престол Юстина I., 518.] Соответственно, он послал за Юстином, командующим императорской гвардией, и выделил ему большую сумму, чтобы купить помощь солдатам. Юстин, пожилой и респектабельный человек, которого никто не заподозрил в честолюбии, спокойно взял золото, раздал его от своего имени, и обрадованные гвардейцы приветствовали его как Августа. Сенат согласился с этим назначением, и он взошел на трон без единого удара.

Юстин был иллирийцем по происхождению и пятьдесят лет прослужил в императорской армии; он получил повышение по службе благодаря хорошей службе в исаврийской и персидской войнах. Он был очень неграмотен — нам сказали, что он едва мог подписать собственное имя — и не знал ничего, кроме своей тактики и учебника по строевой подготовке. У него была репутация спокойного, хорошо воспитанного и честного человека; никто ничего не мог сказать против него, и он был строго ортодоксален в вопросах веры. Ему было шестьдесят восемь лет, на пятнадцать лет старше, чем был даже престарелый Анастасий на момент своего восшествия на престол.

Юстин прочно воссел на трон; он казнил казначея Амантия, но заключил соглашение с двумя людьми, которые могли быть его соперниками. Ипатий остался простым сенатором; Виталиан был утвержден в должности командующего в Мезии и получил консульство. Занимая этот пост и проживая в столице, он был убит; молва приписывала преступление племяннику императора Юстиниану, который считал, что *неспокойный магистр* слишком близок к трону.

О девяти годах правления Юстина сохранилось очень мало сведений, за исключением того, что он прекратил сорокалетний раскол, разделивший римскую и Константинопольскую церкви со времени публикации 'Генотикона' Зенона. Будучи бесспорно православным, он изъясил этот документ, и раскол исчез вместе со своей причиной. Единственное реальное значение Юстина заключается в том, что он подготовил путь для своего знаменитого племянника и преемника Юстиниана, которого он принял как коллегу и доверил те вопросы гражданского управления, в которых сам был некомпетентен. Он умер и оставил трон Юстиниану в 528 году нашей эры.

ГЛАВА IV

ХЛОДОВЕК И ФРАНКИ В ГАЛЛИИ

481-511

Франки в Северной Галлии — Их ранние завоевания—Государство Галлия в 481 году—Хлодовех завоевывает Северную Галлию, 486—Он покоряет аламанных, 495-6 —Обращение Хлодовеха, 496—Он отвоевывает Аквитанию у вестготов, 507—Он объединяет все франкские королевства, 511.

В то время, когда Одоакр все еще правил в Италии, а Теодорих Великий еще не покинул Балканы или берега Дуная, на Шельде и Маасе закладывались основы великого королевства. В начале пятого века союз болотных племен на реках Иссель и Лех, принявших общее название франков, двинулся на юг, на территорию Империи, и нашел себе новые пристанища в провинциях, которые римляне называли Белгика и Нижняя Германия. В течение многих лет власть легионов на этой земле ослабевала; и задолго до того, как она стала Франкским королевством, она была в значительной степени заселена франкскими колонистами, которых императоры допустили в качестве военных поселенцев на пустынные земли в пределах своей границы. В низменностях Токсандрии, которые в последующие века назывались Брабантом и Гелдерсом, не было крупных городов, которые нужно было защищать, не было больших крепостей, которые нужно было поддерживать, и, хотя римляне все еще прилагали усилия, чтобы удержать Треверы, Колонию Агриппина и Могунтиакум,^[7] они позволили равнинам дальше к северу и западу выскользнуть из их рук. | Франки в Нижней Германии. | Ко второй четверти пятого века франки прочно обосновались на Шельде, Маасе и нижнем Рейне, где римские гарнизоны больше не появлялись после того, как узурпатор Константин увел легионы с северной границы, чтобы помочь ему в его нападении на Италию (406). К этому же времени Колония Агриппина, первый из великих римских городов Рейнской области, по-видимому, уже попала в руки франков. Между 430 и 450 годами они продолжали продвигаться вперед до рек Сомма и Мозель, и когда во время великого вторжения Аттилы в Галлию последние имперские гарнизоны в Рейнской области были истреблены, а последние губернаторы изгнаны гуннами из Треверы, Могунтиакума и Меттиса, именно франки извлекли выгоду. После того, как гунны снова откатились на Восток, франкские короли, а не римские чиновники, завладели разоренными землями вдоль Мозеля и Рейна, а уцелевшие жители провинций должны были в будущем подчиняться тевтонскому хозяину недалеко от дома, а не губернатору, присланному из далекой Равенны.

7. Trier, Köln, and Mainz.

Теперь франки были разделены на две основные орды; салийцы, получившие свое название от Сала, старого названия реки Иссель, обитали от устья Шельды до Соммы и от Дуврского пролива до Мааса. Рипуарцы, чье название происходит от того факта, что они населяли берег (*рипа*) Рейна, располагались по обе стороны великой реки от ее слияния с Липпе до слияния с Ланом и простирались на восток до Мааса. Каждым из этих двух племен управляло множество королей, все из которых утверждали, что происходят от дома Меровингов, линии, затерянной в

безвестности, первоначальной главой которой, возможно, был вождь, который в третьем веке впервые научил объединению различные племена, образовавшие Франкскую конфедерацию.

Франки были одной из наиболее отсталых тевтонских рас, несмотря на их длительный контакт с римской цивилизацией вдоль Рейна. Короли и народ все еще были язычниками. Они не научились, как готы, носить доспехи или сражаться на лошадях, но отправились на войну полуголыми, вооруженными только дротиком с зазубренными концами, мечом и литейным топором или томагавком, называемым франциской по имени тех, кто им пользовался. В отличие от готов и вандалов, они не познали преимуществ политического союза, но подчинялись множеству мелких князьков вместо одного великого лорда. Все римские писатели упрекают их в вероломстве, превосходящем вероломство других варваров. Саксы, как нам говорят, были жестоки, аламанны - пьяницы, аланы - хищники, гунны - распутники, но особым грехом франков были предательство и лжесвидетельство.

Во время низложения Ромула Августа Одоакром салийские франки удерживали старые римские города Камбре, Аррас, Турне и Тонгерн, в то время как рипуарцы заняли Кельн, Трир, Майнц и Мец. |Разделение Галлии в 481 году. | К югу от Рипуариев лежало новое бургундское королевство, основанное Гундобадом в долинах Роны и Соны. К югу от Салианцев находился район Римской Галлии, который до последнего признавал верховенство эфемерных императоров Запада и держался свободным от варварских захватчиков под предводительством патриция Эгидия. После его смерти в 463 году его сын Сиагрий унаследовал его власть и правил в Суассоне, над всей долиной Сены и равниной центральной Галлии вплоть до Труа и Орлеана. После исчезновения последнего западного императора у Сиагрия не было надсмотрщика, но он был настолько сам себе хозяин, что франки называли его 'королем римлян', хотя сам он не носил никакого титула, кроме патрицианского. К югу от королевства Сиагрия лежало вестготское королевство Эврик, обширное государство, простиравшееся от Луары до Гибралтара и от Бискайского залива до Приморских Альп. Ее король жил в Тулузе, и галльская, а не испанская половина его владений считалась более важной. Действительно, его правление в Испании было еще неполным, поскольку свевы удерживали ее северо-западный угол, земли, которые мы сейчас называем Галисией и северной Португалией, а баски сохраняли свою независимость в западных Пиренеях.

В третьей четверти пятого века самым важным из франкских вождей рода Меровингов был салийский принц по имени Хильдерих, который жил в Турне и правил долиной верхней Шельды. Он умер в 481 году, оставив трон своему шестнадцатилетнему сыну и наследнику, принцу по имени Хлодовех или Хлодвиг, которому было суждено основать великое франкское королевство, уничтожив другие франкские княжества и завоевав южную и центральную Галлию.

Такое событие казалось крайне маловероятным во времена восшествия на престол Хлодовека, когда господствующей властью в стране был свирепый и способный король вестготов Эврик. Именно Эврик поднял вестготское королевство на самый высокий уровень, загнав свевов в угол Испании, завоевав последние римские провинции в центральной Галлии и получив Прованс из рук Одоакра, короля Италии. Он был первым вестготским королем, опубликовавшим свод законов, и оставил бы доброе имя в истории, если бы не убийство своего брата Теодориха и преследования католиков. Хотя он и не был таким угнетателем, как вандалы Гейзерих и Гуннерих, он вызвал к себе ненависть, отказавшись разрешить избрание католических епископов и закрыв или передав своим фаворитам, арианами, многие православные церкви.

Эврик умер в 485 году, как раз в тот момент, когда Хлодовех собирался начать свою завоевательную карьеру в северной Галлии, карьеру, которую вестготы, вероятно, остановили бы, если бы ему была дарована более долгая жизнь. Ему наследовал его сын Аларих, мальчик всего шестнадцати или семнадцати лет.

Именно в год смерти Эврика Хлодовек, которому сейчас исполнился двадцать один год, отправился в первую из своих военных экспедиций. Вместе со своим родственником Рагнахаром, королем Камбре, он вторгся во владения римского патриция Сиагрия. Галльские войска не смогли противостоять натиску франков, и их предводитель после короткой борьбы покинул свой дом и бежал в поисках безопасности ко двору Алариха Вестготского. Советники Алариха, то ли желая угодить своим соседям-тевтонам, то ли опасаясь войны, пока их король был еще так молод, заковали патриция в кандалы и отправили обратно к Хлодовеку, который тут же предал его смерти. |Хлодовеч побеждает Сиагрия, 486.| Долина Сены и крупные города Суассон, Париж, Руан и Реймс теперь перешли в руки франкского короля, и в течение следующих трех лет он распространил свою власть до Луары и границ Арморики, где романо-кельтам крайнего запада все еще удавалось удерживаться. Хлодовек забрал всю добычу себе, ни одна не досталась его соседям, другим королям Салианских франков. Именно эти князья следующими почувствовали силу его руки. Он затеял ссору со своими родственниками, королями Камбре и Теруана, один из которых не помог ему против Сиагрия, другой - за то, что претендовал на часть добычи римлян, и убил их обоих, одного из-за предательства, другого в открытом бою. Оставшиеся меровингские князья бельгийских равнин вскоре разделили их судьбу; затем Хлодовех двинулся на восток против рипуарских франков и в 491 году покорил торинги, их главное племя. За короткое время он завоевал все франкские королевства, за исключением своего союзника Сигеберта Хромого, короля Кельна. Он безжалостно убивал каждого принца крови меровингов, который попадался ему в руки, и делал все возможное, чтобы истребить все соперничающие линии. Когда ему больше нечего было убивать, он, как говорят, открыто оплакивал то, что остался один в целом мире и что королевскому дому франков угрожает вымирание; затем он приказал всем родственникам, которые еще могли выжить, приходить к нему без страха. Но им двигала жестокость, а не раскаяние, ибо его единственной целью было поймать и убить любого меровинга, который еще мог выжить.

Его завоевания в Рипуарии привели Хлодовича в соприкосновение с новыми соседями, бургундами на юге и конфедерацией аламанных на востоке, вдоль рек Майн и Неккар. С первой по имени он вступил в дружеские отношения и в 492 году женился на Хротехильде (Клотильде), племяннице короля Гундобада. Принцесса, в отличие от своего дяди и большей части своего племени, была набожной католичкой, и многое должно было произойти из ее союза с язычником Франком. Войны Хлодовека с аламанными. |С аламанными отношения Хлодовека с самого начала были враждебными; фактически, когда он довел свою границу до среднего Рейна, он был вынужден продолжить уже существующую вражду между рипуарцами и их восточными соседями. В течение нескольких лет он был вовлечен в борьбу с этой конфедерацией, которая удерживала восточный берег Рейна от Кобленца вверх, долины Майна и Неккара и весь Шварцвальд. Наконец, в 496 году он одержал верх над ними в решающей битве — по-видимому, под Страсбургом — и вынудил основные силы конфедерации оказать ему почтение и признать его верховным лордом. Упрямый остаток отступил за Рейн и укрылся в Реции под защитой великого Теодориха, но все остальные стали франкскими вассалами. В результате этой войны аламанны были вытеснены на юг из Главной долины, которая была

захвачена и заселена рипуарскими поселенцами и стала франкской страной под названием Восточная Франция, или Франкония.

С этими походами Хлодовека против аламаннов связаны наводящая на размышления легенда и важный факт. Церковные писатели следующего столетия утверждают, что в решающей битве с конфедератами Хлодовеч был отброшен назад и почти разгромлен. Затем, вспомнив слова своей жены Кротехильдис, 'которая никогда не переставала убеждать его, что он должен служить истинному Богу', что Господь - Господь Саваоф и вершитель битв, он громко воскликнул: 'О Христос Иисус, я молю Тебя о славной помощи; и если Ты даруешь мне победу над этими врагами, я поверю в Тебя и приму крещение во имя Твое'. Алеманны сразу же начали отступать, и король одержал полную победу.

Был ли это способ его обращения таким или нет, во всяком случае, несомненно, что Хлодовех, вернувшись из своего аламаннского похода, крестился в Реймсе на Рождество 496 года. Его сестра и 3000 его воинов последовали за ним к купели. Каждый читатель истории знает знаменитую историю о том, как архиепископ Ремигий приветствовал короля словами: 'Преклони шею, Сигамбриан, поклоняйся тому, что ты сжег, и сожги то, чему ты поклонялся'. Первым из обращенных тевтонских королей Хлодовек был принят в католическую церковь и не стал арианином, как его соседи. В этом мы можем, без сомнения, проследить влияние его ортодоксальной королевы Хротехильды. [Обращение Хлодовека, 496.] Последствия его обращения в православную веру были самыми важными; он был единственным тевтонским королем, который принял веру своих римских подданных, и поэтому они, и особенно их духовенство, служили ему с преданностью, которую никогда не мог завоевать ни один готический, вандальский или бургундский принц. Не последней причиной легких триумфов Хлодовека и постоянства его королевства можно считать его приверженность католицизму.

Нельзя сказать, что обращение короля внесло какие-либо благоприятные изменения в его характер или поведение. Он по-прежнему оставался жестоким, беспринципным, вероломным тираном, каким был всегда. Как будет видно, его последним зарегистрированным действием было тщательно продуманное подстрекательство к отцеубийству, за которым последовало ужасное убийство. И все же ему был дарован определенный успех, в котором было отказано королям с гораздо лучшим характером и гораздо более сильным интеллектом, таким как Теодорих Остготский или Атаульф Вестготский.

После обращения своего короля франки, как салийские, так и рипуарские, поспешили последовать за ним в лоно Церкви, и за одно поколение старое франкское язычество исчезло. Но, как с королем, так и с народом, перемена была почти полностью поверхностной; прошло много времени, прежде чем мы проследили влияние какой-либо христианской милости на нечестивую и вероломную расу франков.

После покорения аламаннов следующая война Хлодовека была с людьми дяди его жены, Гундобада, короля Бургундии. Он заключил тайное соглашение с Годегизлом, младшим братом Гундобада, вторгнуться в бургундское королевство и разделить его. В то время как вероломный брат развязал войну в Гельвеции, где у него был удел, король франков напал на Гундобада с фронта и вторгся в долину Соны. Казалось, что здесь, как и в землях дальше на север, Хлодовеч сметет все перед собой. Бургундский король был разбит и изгнан из Дижона, Лиона и Валенса в Авиньон, самую южную крепость своего королевства, в то время как его брат был провозглашен королем франками и стал его вассалом. Но в следующем году Гундобад вернул все, что потерял,

убил Годагизля при Вьенне и изгнал франков из Бургундии с таким успехом, что Хлодовех вскоре заключил с ним мир (501).

Но следующий поход франкского короля был гораздо более важным и успешным. Он был полон решимости попытаться против молодого короля вестготов, чья личная слабость и непопулярность среди римских подданных побудили его к вторжению в Аквитанию. Казалось бы, Хлодовех тщательно выбрал в качестве *повода к войне* арианские преследования Алариха, который, как и его отец Эврик, был плохим хозяином для своих католических подданных. [Хлодовех завоевывает Аквитанию, 507.] Первая ссора в 504 году была затеяна великим Теодорихом, который, как тесть вестгота и шурином франка, мог авторитетно апеллировать к каждому из соперников. Но в 507 году Хлодовех объявил войну вестготам. 'Я не могу вынести, - сказал он, - что эти ариане удерживают какую-либо часть Галлии. С Божьей помощью мы выступим против них и подчиним их земли нашей власти.' Зная силу вестготского королевства, Хлодовех объединил с собой в борьбе своего старого врага Гундобада Бургундского и Сигеберта Кельнского, последнего оставшегося в живых короля Рипуарии.

Продвигаясь из Парижа, Хлодовех пересек Луару и встретился с вестготами и их королем в Кампусе Вокладенсис, равнине Вугле, недалеко от Пуатье. То ли из трусости, то ли из недоверия к собственному полководческому мастерству, Аларих воздержался от сражения, но его армия вынудила его дать сражение. Он атаковал франков, потерпел наголову поражение и пал вместе с большей частью своих людей. Вестготы были настолько раздавлены этим бедствием, что Хлодовех смог захватить все провинции между Луарой и Гаронной, не нанеся нового удара. Он с триумфом въехал в Бордо и провел там зиму. Следующей весной он выступил походом на Тулузу, столицу Готов, и взял ее, а вместе с ней и огромные сокровища вестготских королей, включая многие римские трофеи, которые Аларих и Атаульф вывезли из Италии сто лет назад. Тем временем бургундские союзники Хлодовеха вторглись в Прованс и захватили все его города, кроме Арля. Вдобавок к бедам вестготов их отвлекли междоусобицы; одна партия признала королем Амальрика, малолетнего сына Алариха, от дочери Теодориха, его законной королевы; другая избрала Джезалиха, внебрачного сына Алариха, который укрепился в Нарбонне и Барселоне. Но франки и бургунды оттеснили Джезалиха за Пиренеи, и казалось, что вот-вот наступит конец всему могуществу вестготов к северу от этих гор.

Тем временем Хлодовех вернулся из Тулузы в Тур, где застал ожидавших его послов от императора Анастасия, которые по приказу своего господина приветствовали его титулами проконсула и патриция и подарили ему диадему и пурпурную мантию. Этими почестями Анастасий стремился завоевать союзника против Теодориха Остгота, с которым он недавно поссорился. Хлодовех с готовностью принял их из-за престижа, который они придавали ему в глазах его римских подданных, которые видели, что его власть над ними формально узаконена дарованием императора.

Это была кульминационная сцена в жизни Хлодовеха, ибо в следующем году фортуна несколько отвернулась от него. Великий Теодорих вмешался в Готскую войну в качестве опекуна и защитника своего внука Амальрика. Его армии разгромили объединенных франков и бургундов близ Арля, где, как говорят, они убили 30 000 человек. Затем они отвоевали Нарбонну и все средиземноморское побережье вплоть до Испании. Таким образом, завоевания Хлодовеха ограничивались землями к западу от Севенн, но по-прежнему охватывали большую часть Вестготской Галлии с тремя великими городами Пуатье, Бордо и Тулуза (510). Только Нарбоннцы

и Прованс были спасены от него Теодорихом, который теперь прогнал узурпатора Гезалика и правил всей Испанией и южной Галлией, пока его внук Амальрик не достиг совершеннолетия.

Остановленный на юге великим остготом, Хлодовех повернул на север, чтобы завершить свои владения приобретением последнего независимого франкского государства. Сигеберт Кельнский был уже очень стар, и Хлодовех убедил его честлюбивого сына Хлодериha не только свергнуть с престола, но и убить своего отца. Когда он захватил королевство, Хлодовех изобразил на нем великий гнев и негодование, добился его смерти от рук убийц, а затем аннексировал его королевство. [Хлодовех, король всех франков, 510.] Все франкские государства были теперь объединены под одной рукой, но Хлодовех недолго пережил этот последний успех, хотя, согласно странным словам его почитателя, епископа Григория Турского, "Господь день за днем подчинял своей власти своих врагов и увеличивал свое королевство, потому что он шел перед Ним с правым сердцем и делал то, что было угодно в Его очах!"

В 511 году этот кровавый негодяй, убийца и предатель умер сразу после того, как возглавил в Орлеане синод из тридцати двух галльских епископов, которые стремились подавить арианство и с радостью призвали на помощь светскую руку своего православного владыки. Хлодовех был морально гораздо худшим из всех тевтонских основателей королевств: даже Гейзерих Вандал выгодно отличается от него. И все же только его работе было суждено выстоять, не столько благодаря его собственным способностям, хотя они были достаточно значительны, сколько благодаря счастливой случайности, которая внушила его преемникам религиозную симпатию к своим подданным и сохранила молодое королевство в течение следующего поколения от любых конфликтов с такими могущественными врагами, как те, кому было суждено свергнуть монархии остготов, вестготов и вандалов.

ГЛАВА V

ЮСТИНИАН И ЕГО ВОЙНЫ

528-540 гг. н. э.

Характер Юстиниана—Его брак с Феодорой—Его первая война с Персией, 528-31—Возвышение Велисария—Юстиниан подавляет мятеж "Ника", 532—Его внешняя политика—Велисарий побеждает вандалов, 533-4—Упадок остготов в Италии—Юстиниан нападает на Теодахат—Велисарий завоевывает Сицилию, Неаполь и Рим—Осада Рима остготами (537-8)—Велисарий побеждает остготов и захватывает Равенну (540).

В течение трех четвертей века, во время правления четырех осторожных и пожилых цезарей, чьи анналы охватывают период с 457 по 527 год, Восточно-Римская империя восстанавливала свои силы и копила новую энергию для внезапного всплеска могущества при способном,

беспокойном и амбициозном правителе, следовавшем за престарелым Юстином I. Юстиниану — сыну Сабатия, брата Юстина I. Юстиниану было почти сорок лет, когда после смерти своего дяди он стал единоличным правителем империи. Он не был простым некультурным солдатом, как его предшественник; когда он получил повышение в армии, Юстин послал за своим племянником из дарданской деревни, где жила его семья, и воспитал его в столице во всех достижениях, подходящих наследнику большого состояния. Характер Юстиниана. | По признанию своих злейших врагов, Юстиниан обладал необычайной способностью усваивать знания всех видов: он проявлял живой интерес к управлению государством и архитектуре, к теологии и праву, к финансам и музыке. Когда его дядя вззошел на трон, студент вскоре превратился в практического администратора, поскольку Юстин доверял ему все те тонкости гражданского управления, которые сам он был не в состоянии понять или управлять ими. Вскоре стало известно, что наследник Юстина был человеком необычайных способностей и неутомимой жажды труда. В том возрасте, когда большинство молодых людей были бы соблазнены своим внезапным возвышением и окунулись бы в удовольствия, которые были открыты для императорского принца, Юстиниан посвятил себя освоению всех утомительных тонкостей управления империей. Мужчины с удивлением отмечали, что он никогда не казался счастливым, за исключением тех случаев, когда находился в своем кабинете, в окружении своих секретарей, своих реестров, своих папок с отчетами и депешами. Он был похож на аристотелевского персонажа, который был "слишком безразличен к вещам, приносящим удовольствие", поскольку ничто, кроме работы, казалось, не привлекало его. Он вставал рано, проводил день за административными обязанностями, а ночь — за чтением и письмом. Став старше, он, казалось, совсем отказался от сна, как будто освободился от обычных потребностей человеческой природы. Было что-то странное и ужасное в его хладнокровной, неутомимой энергии; суеверные люди шептались, что он был вдохновлен неугомонным демоном, который не давал ему покоя, или что он сам на самом деле был демоном. Разве запоздавший придворный не встретил его после полуночи, когда он расхаживал по темным коридорам дворца с испуганным и изменившимся выражением лица, которое больше не было человеческим, или даже — по мере развития истории — вообще без лица, бесформенной чудовищной тенью?

Но то, что Юстиниан был мужчиной, со всей присущей мужчине своеправностью и безрассудством, вскоре было доказано. К удивлению всего населения империи и крайнему ужасу и замешательству всех уважаемых людей, внезапно разнесся слух о том, что наследник империи объявил о своем намерении жениться на Феодоре танцовщице, главной звезде византийской комической сцены. Степенный, бесстрастный бюрократ обдумывал шаг, от которого Нерон или Гелиогабал содрогнулись бы от ужаса.

У нас есть подробные, но не заслуживающие доверия подробности скандальной юности Феодоры в книге "Тайная история", которая носит имя историка Прокопия, но, по всей вероятности, была написана не им.^[8] Она была дочерью Акакия Киприота, сотрудника 'Зеленой фракции' на Ипподроме, и в течение нескольких лет появлялась на сцене как актриса и танцовщица. Это многое мы можем принять за правду; зная общий характер римских актрис, мы можем предположить, что была какая-то основа для историй, над которыми злорадствует "Тайная история". | Феодора. Что касается конкретных предполагаемых фактов, мы можем заключить, что они не заслуживают доверия — среди тех, которые "Тайная история" приводит как наиболее достоверные, есть утверждения о том, что она была вампиром и часто вступала в сношения со злыми духами; остальное написано в том же духе глупой и суеверной злобности.

Но мы можем справедливо заключить, что женитьба Юстиниана была скандалом и чудом. Его мать и тетя, императрица Евфимия, как мы знаем, были категорически против этого; но он продолжал со своей обычной непоколебимой настойчивостью, постепенно подавил волю своего старого дяди Юстина и официально взял Феодору в жены. Императора даже побудили даровать ей высокий титул патриции.

8. Обсуждение этой гравюры см. в книге мистера Бери *"Поздняя Римская империя"*, том i, стр. 359, где он приходит к выводу — вместе с Рэнке, — что это произведение является подделанной компиляцией личного врага.

По уму и силе воли Феодора была достаточно подходящей претенденткой на императорский трон, какой бы ни была ее прошлая история. Она была такой же амбициозной, неугомонной и способной, как и ее муж, и вела себя так же, как его коллега, как и его супруга. Мы увидим, как в один из критических моментов она смело выступила вперед и встала между ним и разрушением. Ее злейшие враги не предполагают, что она была неверной или бесполезной супругой для него; сама 'Тайная история' называет ее после замужества роскошной, жестокой, капризной, высокомерной, но не обвиняет ее в порочном образе жизни или безрассудстве. Против этого мы можем привести хорошо установленные факты о том, что она была предана религиозным занятиям и основала множество благотворительных учреждений. Помня об опасностях своей юности, она основала великое учреждение для исправления падших женщин - первое в христианском мире. Она усердно покупала и освобождала рабов, заботилась о воспитании сирот и выдавала замуж девушек, не имеющих приданого.

Феодора, по общему мнению, была самой красивой женщиной своего возраста. Даже 'Тайная история' допускает это, добавляя только, что она была несколько ниже среднего роста, что цвет ее лица был несколько бледноватым и что она посвятила неисчислимые часы тайнам туалета. Сохранились два ее портрета: один в монастыре на горе Синай, другой в церкви Сан-Витале в Равенне — два места, настолько далекие друг от друга, что живо напоминают нам о широте ее влияния. К сожалению, иератический стиль искусства, в который давно погрузилась римская портретная живопись, и неподатливая природа мозаики как материала не позволяют нам судить по этим изображениям о том, какой была ее внешность на самом деле.

Юстиниан оставил после себя почти беспрецедентную репутацию завоевателя, строителя и законодателя, не считая менее удачной теологической деятельности. Однако нам придется заняться главным образом его внешней политикой: другие сферы его деятельности лучше подходят для другой работы. Но его отношения с Африкой, Италией и Испанией стали важной вехой и поворотным пунктом в истории южной Европы, и их результаты не были полностью исчерпаны до XI века. Его длительная борьба с Персией менее интересна и менее важна, но в глазах современных наблюдателей она занимала большое место и не была лишена своего значения.

Правление Юстиниана началось ожесточенной войной со старым персидским царем Кобадом. Борьба, которую этот монарх вел с Анастасием двадцать пять лет назад, была настолько нерешительной, что сасанид жаждал новой пробы оружия. Почти сразу после восшествия на престол Юстиниана он объявил войну, используя в качестве предлога возведение некоторых укреплений близ Нисибиса, которые возводил Велисарий, губернатор Дараса, молодой офицер, чьему имени было суждено быть тесно связанным со всей историей правления Юстиниана. [Первая война с Персией, 528-31.] Война началась с поражения в открытом поле, понесенного

римской армией в Месопотамии; но когда подошло подкрепление, персы отступили за пределы своей границы. После окончания зимы 528-29 годов ни одна из сторон не продвинулась вперед в силе, и все, что произошло, - это внезапный римский рейд в Ассирию и столь же поспешное вторжение персов в Сирию, оба из которых причинили некоторый вред, но не оказали практического влияния на судьбу войны. В следующем, 530 году, все пошло совсем по-другому: персы в полном составе пересекли границу и двинулись на Дарас, где их встретил Велисарий, который недавно был назначен главнокомандующим на Востоке. Под стенами Дараса произошло решающее сражение войны, в котором Велисарий с 25 000 человек разгромил 40 000 персов благодаря своему тактическому мастерству. План, который он разработал, состоял в том, чтобы оттянуть назад свой центр, содержащий всю римскую пехоту, и, когда персы последуют за ним, бросить против их незащищенных флангов всю свою кавалерию, разношерстную гуннскую легкую кавалерию, тевтонских герулов с Дуная и римских *катафрактов*, или кирасиров. Этот план, во многом напоминающий маневр Ганнибала при Каннах и, возможно, сознательно скопированный с него, привел к полному разгрому сасанидского войска.

После этого поражения Кобад начал безуспешные переговоры о мире, но война затянулась на следующий год, и в 531 году дела Велисария шли не так хорошо. Остановив персидский рейд на среднем Евфрате, который нацелился на Сирию и обошел южный фланг месопотамских крепостей, он понес серьезные потери при Каллинике. Хотя он потерпел поражение, его сопротивление все же переломило ход персидской экспедиции и сорвало ее. Четыре месяца спустя царь Кобад умер, и его преемник Хосров I. заключил мир на основе *прежнего статуса-кво*, опасаясь продолжения римской войны, пока его трон был ненадежен. (Сентябрь 531 года.)

Окончание персидской войны дало Юстиниану возможность обратить свой взор на дела своих соседей на Западе. Несмотря на нерешительность, это не обошлось без пользы, поскольку позволило ему проверить прочность своей армии и выявить нескольких достойных офицеров и одного генерала с командирскими способностями — молодого победителя Дараса.

[Велисарий.] Велисарий сейчас было двадцать шесть лет: он, как и его хозяин, был уроженцем пограничных земель между Фракией и Иллирией, выросшим в неизвестной деревне под названием Германия, но не тевтонской, как можно было бы предположить из названия его родины, а фракийской крови.^[9] Он поступил в армию в очень раннем возрасте и пробился до поста губернатора великой крепости Дарас, когда ему не было и двадцати четырех. Его расположение к Юстиниану было подтверждено его браком с Антониной, подругой и наперсницей императрицы Феодоры. Она была умной, беспринципной, властной женщиной, на несколько лет старше своего мужа, и осуществляла над ним домашнюю тиранию, которую любой человек, менее покладистый, чем молодой генерал, счел бы невыносимой. Положение Велисария и Антонины при дворе Юстиниана было уместно сравнить с положением Мальборо и его властной жены при дворе королевы Анны; но будет справедливо по отношению к восточноримлянину сказать, что он был во всех отношениях лучшим человеком, чем англичанин, в то время как его жена обладала всеми недостатками герцогини Сары, без ее единственной искупающей добродетели - верности своему супругу.

9. Кажется, нет причин называть его славянином, как это сделали некоторые из-за его довольно славянского имени.

Прежде чем Юстиниан смог обратить свое внимание на Запад и сразу после того, как кризис персидской войны миновал, он подвергся острой и внезапной опасности, ставшей самым опасным испытанием за всю его карьеру. Мы уже довольно подробно говорили о соперничестве фракций Синих и Зеленых,^[10] и объяснили, как в начале VI века зеленых считали неортодоксальными и сторонниками дома Анастасия, в то время как синие были ортодоксальными и отдавали предпочтение Юстину и его племяннику. Несчастный случай вступил в сговор с врожденной неспокойностью фракций, чтобы вызвать в них жестокий беспорядок в 532 году и вызвал знаменитый мятеж "Ника". Чтобы покрыть расходы на персидскую войну, Юстиниан не только воспользовался накопленными Анастасием богатствами, но и ввел высокие дополнительные налоги. Этот акт сделал его помощников квестора Трибониана и преторианского префекта Иоанна Каппадокийского очень непопулярными. Их обоих подозревали — и не без оснований — в том, что они воспользовались возможностью набить свои карманы за счет общества, а Иоанн Каппадокиец приобрел особую одиозность своим жестоким обращением с неплательщиками-должниками. В январе 532 года в цирке произошли беспорядки, вызванные протестами зеленых против притеснений, которым они подвергались. Вскоре на улицах начались беспорядки, и фракции урегулировали свои разногласия дубинками и ножами. [Мятеж 'Ника', 532.] Юстиниан часто позволял "синим" развязывать руки в отношениях с их противниками, но в этом случае его сторонники зашли слишком далеко. Полиция арестовала многих главарей обеих группировок, и семеро из них были приговорены к казни топором или шнуром. Пока разъяренная толпа стояла вокруг, пятеро бунтовщиков были казнены, но когда вешали последних двоих, Синего и Зеленого, веревка дважды соскользнула из-за нервозности палача, и преступники упали на землю. Затем толпа прорвалась сквозь полицию и поспешила увести мужчин в убежище в соседнем монастыре. Этот инцидент послужил началом страшных волнений. Вместо того чтобы разойтись, толпа прошлась по зданию, требуя отставки непопулярных министров Джона и Трибониана. Синие и зеленые объединились в крике, весь город высыпал на улицы, а полиция была растоптана и отогнана.

10. См. стр. 50.

Напуганный бурей Юстиниан имел слабость уступить; вместо того чтобы выслать императорскую гвардию для зачистки улиц, он объявил, что решил убрать несносного квестора и префекта. Это только усугубило ситуацию; после поджога официальной резиденции префекта города толпа собралась у дворца в самом угрожающем виде. Это вынудило императора применить силу, но так случилось, что в данный момент ему очень не хватало солдат. Весь гарнизон Константинополя, за исключением 3500 *схолариев*, или императорской гвардии, был отправлен на персидскую войну. К тому времени вернулись только два полка: корпус из 500 кирасиров под командованием Велисария и корпус герулов примерно такой же численности. Пяти тысяч человек было едва ли достаточно, чтобы справиться с разъяренным населением в полмиллиона человек на узких улицах столицы.

При нападении войск мятежники подожгли город, и последовал ужасный пожар. Великая церковь Святой Софии погибла в огне вместе со всеми жилыми домами и общественными постройками к северу и востоку от нее. Пролив кровь, толпа была настроена на нечто большее, чем бунт — в воздухе витала революция, и Зеленые, взявшие на себя инициативу в борьбе, искали своего фаворита патриция Ипатия, племянника их старого покровителя Анастасия I. [Ипатия провозгласили императором.] Но Ипатий был благоразумным и осторожным

человеком, у которого не было амбиций рисковать своей головой; он проник во дворец и отдал себя в руки Юстиниана, чтобы уберечься от беды. Только после того, как император, опасавшийся окружавших его предателей, приказал всем сенаторам разойтись по домам, Ипатий попал в руки своих собственных сторонников. Несчастный мятежник вопреки своему желанию был немедленно отправлен на Ипподром, посажен на императорское сиденье и увенчан диадемой, импровизированной из золотого ожерелья его жены.

Напрасно Юстиниан на следующий день вышел из дворца и объявил амнистию; его прогнали обратно с оскорбительными криками. [Совет Феодоры.] Пав духом, он созвал начальников своих придворных и стражи и предложил им покинуть Константинополь и укрыться в Азии, как это сделал Зенон в аналогичное смутное время. Иоанн Каппадокийский и многие министры советовали ему бежать, но бесстрашная Феодора выступила вперед, чтобы спасти своего мужа от гибели. 'Было сказано,' воскликнула она, 'что голос женщины не должен быть услышан на мужских советах. Но те, чьи интересы затронуты больше всего, имеют наибольшее право высказаться. Смерти неизбежной мы все должны подчиниться, но чтобы сохранить достоинство и чести, спуститься из империи в изгнание, к такому позору нет принуждения. Никогда не настанет день, когда я сниму это пурпурное одеяние и меня больше не будут величать суверенной леди. Если ты хочешь продлить свою жизнь, о Император, бегство легко; есть твои корабли и есть море. Но подумай, не будешь ли ты каждый день желать смерти, если сбежишь в изгнание. Что касается меня, я придерживаюсь древнего изречения, что императорский пурпур - это великолепный саван.'

Подстегнутый пламенными словами своей жены, Юстиниан еще раз попытал счастья в войне. Прибыло небольшое подкрепление; с ними и измотанными войсками, которые уже пять дней вели уличные бои, Велисарий еще раз выступил из дворца. Мятежники были застигнуты врасплох, так как распространился ложный слух о том, что Юстиниан уже бежал. В этот момент толпа заполонила Ипподром и приветствовала свое творение криками *Ипати Окюст ту винкас*. [Подавление мятежа.] После тщетной попытки прорваться по императорской лестнице Велисарий атаковал главные боковые ворота цирка и ворвался туда в том месте, где тремя днями ранее пожар пробил брешь в стене. Загнанные в большой амфитеатр и застигнутые врасплох, повстанцы оказали слабое сопротивление. Вскоре они обратились в бегство, но все проблемы были пресечены, и число жертв меча Велисария перевалило за десять тысяч. Ипатий и его брат были схвачены живыми и доставлены к Юстиниану, который приказал обезглавить их. На следующий день он узнал обо всех фактах, касающихся нежелания Ипатия, и устроил его телу почетные похороны. Прошло много лет, прежде чем синие и зеленые досадили ему очередным бунтом. Ужасная бойня в цирке заставила город замолчать на целое поколение.

Теперь Юстиниан был свободен от неприятностей дома и за границей, и обратился к тем амбициозным планам внешней политики, которые должны были занять остаток его правления. Мечтой его сердца было воссоединить Римскую империю, снова объединив под своим скипетром все те западные провинции, которые были оккупированы тевтонскими королями и отдавали лишь тень почтения императорскому имени. Несколько лет назад эта мечта показалась бы фантастически самонадеянной, но в последнее время дела становились все более и более многообещающими. Юстиниан был, по сравнению со своими четырьмя предшественниками, молод и энергичен; у него были огромные запасы сокровищ, все запасы Анастасия, большая и боеспособная армия и, по крайней мере, один первоклассный

полководец. Его трон прочно утвердился, его восточная граница была в безопасности; теперь ничто не мешало ему вести агрессивные войны.

Тем временем все на Западе благоприятствовало его проектам. В Италии великий Теодорих был мертв, и после его смерти дела в остготском королевстве шли неважно. Старый герой оставил свои владения своему внуку Аталариху, восьмилетнему мальчику, находившемуся под опекой своей матери Амаласвинты, вдовы Эвтариха. Дочь Теодориха была умной и властной женщиной, но перед ней стояла трудная задача научить мятежных остготов подчиняться женщине-регенту. | Меньшинство Аталариха, 526-34. | Они роптали на все ее поступки, и особенно на ее пристрастие к римским и греческим буквам, и на ее частые повышения римских чиновников. Говорили, что она стремилась воспитать своего сына скорее итальянцем, чем готом, отдавая его римским наставникам и приковывая к письменному столу, несмотря на высказывание Теодориха о том, что "тот, кто трепетал перед розгой учителя, не встретит копья добровольно". Это было все, что могла сделать Амаласвинта, чтобы удержать готов в повиновении, пока ее сын был молод, но когда ему исполнилось двенадцать или тринадцать лет и он начал проявлять какую-то собственную волю, ропот народа стал громче. Наконец, когда однажды его отчитала мать, он ворвался в караульное помещение и приказал своим подданным обратить внимание на то, что с королем готовобращаются хуже, чем с рабом. Эта сцена вызвала переполох, и вожди готов забрали воспитание мальчика из рук его матери, хотя и оставили ей регентство. Отданный неподходящим товарищам, Аталарих рос праздным, пьяным и безрассудным; он был слаб телом, и еще до того, как достиг зрелого возраста, у него развились симптомы чахотки. Тем временем Амаласвинта боролась за власть с вождями готов и заслужила большую непопулярность, предав смерти без суда трех глав партии, выступавшей против нее. Ее положение было настолько неопределенным, что в 533 году она тайно послала к Юстиниану умолять его предоставить ей убежище в Диррахии, если она будет вынуждена бежать. Император вскоре осознал ситуацию — разделенный народ, непопулярный регент, мальчик-король, сходящий в могилу, пригласили его к активному вмешательству в дела Италии.

В Африке положение дел было столь же заманчивым. |Правление Хильдерика, 523-30.| Мы уже упоминали, что после смерти короля Тразамунда вандальский трон перешел к его родственнику Хильдерiku, сыну короля Гуннериха и римской принцессы Евдокии. Хильдерик был пожилым человеком, не сведущим в государственных делах и добросовестным католиком, унаследовавшим от своей матери-римлянки ту ортодоксальность, которую ненавидели его подданные-ариане. Его правление было недолгим - семь лет, но за это время он преуспел во всех отношениях, чтобы оттолкнуть вандалов. Он навлек на себя великую ненависть за то, что предал смерти вдову своего предшественника Амалафриду, сестру великого Теодориха, поскольку уличил ее в заговоре против него. Его войны неизменно оказывались безуспешными, мавры Атласа разбили вдребезги целую армию и приблизили свои вторжения к воротам Карфагена. Вероятно, его открытое исповедание католицизма и продвижение католиков на высокие посты были еще большими источниками гнева. В 530 году его двоюродный брат Гейламирорганизовал против него заговор, с легкостью сверг его и бросил в темницу. Юстиниан выразил глубокое возмущение по поводу такого свержения с престола православного и дружественного государя и решил использовать это как повод для недовольства новым королем вандалов. Как раз перед тем, как вспыхнул мятеж "Ника", он отправил посольство в Карфаген, чтобы предложить Гейламиру заменить своего двоюродного брата на троне и довольствоваться местом регента. Узурпатор ответил достаточно грубо: 'Король Гейламир желает указать королю Юстиниану, что правителям полезно заниматься

своими делами".^[11] Он полагался на отдаленность своего положения и домашние проблемы Юстиниана и мало думал, что навлекает бурю на свою голову.

11. В употреблении слова βασιλεύς для обоих монархов было намеренное оскорбление, как будто они были равны и носили один и тот же титул.

Ибо Юстиниан твердо решил начать свое наступление на Запад с покорения вандалов. Все говорило в его пользу, особенно тот факт, что арианский король снова сделал жизнь африканских католиков невыносимой, и что Вандал и остгот полностью отдалились друг от друга после убийства Амалафриды девять лет назад. Амаласвинта скорее одобряла, чем препятствовала нападению императора на ее ближайших соседей-тевтонов. Была и еще одна удача: король Гейламир только что отправил цвет вандальских войск в поход против Сардинии.

Воодушевленный этими соображениями, Юстиниан подготовил армию для вторжения в Африку летом 533 года, хотя некоторые из его министров, и прежде всего финансист Иоанн Каппадокийский, предостерегали его от 'нападения на край земли, откуда сообщение вряд ли достигнет Византии за год', что было бы нелепой мольбой для любого, кто помнил древнюю организацию империи. Армия была не очень большой: она состояла из 10 000 пеших и 5000 всадников, наполовину регулярных войск из азиатских провинций, наполовину гуннских и герульских вспомогательных войск. | Велисарий вторгается в Африку, 533 год. | Но ее командующий, Велисарий, был сам по себе воинством, и уверенность в нем поддерживала многих, кто в противном случае отчаялся бы. Плавание из-за встречных ветров затянулось до беспрецедентно долгих восьмидесяти дней, но, наконец, в начале сентября "Вооружение" бросилоякорь в Капут-Вада, на мысе, обращенном к Сицилии. Вандалы были застигнуты совершенно врасплох: их король отсутствовал в Нумидии, их лучшие войска находились на Сардинии, их флот даже не был спущен на воду. Слепая уверенность в своей удаленности от Константинополя привела их к тому, что они презирали все угрозы Юстиниана и не предпринимали никаких приготовлений к вторжению. Гейламир поспешил к побережью, казнил своего пленника Хильдерика и созвал своих воинов со всех сторон; но прошло одиннадцать дней, прежде чем он собрал достаточные силы, чтобы атаковать римлян, а тем временем Велисарий беспрепятственно приблизился на расстояние десяти миль к воротам Карфагена. Жители провинции повсюду принимали его с радостью, ибо он заявлял, что пришел освободить их от арианского гнета, и содержал свою армию в таком хорошем порядке, что ни одно поле или хижина не были разграблены.

Велисарий достиг почтовой станции Ad Decimum и осторожно продвигался вперед с сильным наблюдательным корпусом, прикрывавшим его фланг и фронт, когда внезапно на него напали все силы вандалов, которые превосходили его численностью по крайней мере в соотношении два к одному. Он был окружен сразу с трех сторон; один корпус вандалов под командованием брата короля Амматаса выступил из Карфагена, чтобы атаковать его спереди; другой корпус окружил его левый фланг; основная армия под командованием самого Гейламира атаковала тыл его длинной маршевой колонны. Но вандалы неправильно применили свою тактику и не смогли объединить три атаки. Сначала выступили войска из Карфагена и были отбиты, потеряв своего командира; затем поворачивающий корпус был отброшен назад гуннской кавалерией, которую Велисарий держал на своем фланге. Когда подошла основная армия вандалов, завязались более серьезные бои с центром и тылом римской колонны. Гейламир яростно прорвался сквозь строй марша и расколол римскую армию надвое, но он не знал, как использовать свое

преимущество. Вместо того чтобы закрепить свой первый успех, он остановил свои войска и позволил Велисария сплотиться и переформировать своих людей. Говорят, что он был настолько охвачен горем, обнаружив труп своего брата, павшего в предыдущем бою, что больше не отдавал приказов и, рыдая, бросился на землю. Вскоре римляне снова были в хорошем строю; их победоносный авангард вернулся на помощь центру, и с наступлением вечера они снова обрушились на неподвижные массы вандалов. Завоеватели Африки, должно быть, забыли о своей древней доблести, ибо после весьма незначительного сопротивления они повернулись и бежали на запад под покровом ночи.

Карфаген немедленно распахнул свои ворота, и на следующий день Велисарий ужинал в королевском дворце блюдами, приготовленными для короля вандалов. [Карфаген взят.] Теперь Гейламир пожинал плоды столетних преследований, которым его предки подвергали африканцев. Каждый город, в котором не было гарнизонов, открывал свои ворота римлянам, и жители провинций спешили предоставить все, что у них было, в распоряжение Велисария. Его вступление в Карфаген было подобно триумфу вернувшегося домой царя, а порядок и дисциплина в его войсках были настолько велики, что никто, даже из граждан вандалов и ариан, не понес потерь.

Гейламир тем временем отступил в нумидийские холмы с армией, которая понесла больше потерь в *моральном духе*, чем в численности. Вскоре к нему присоединились войска, которые он послал на Сардинию; покорив этот остров, они вернулись и увеличили его силы почти до 50 000 человек. Обнаружив, что Велисарий ремонтирует стены Карфагена, прежде чем выступить и завершить кампанию, Гейламир решил сам перейти в наступление. Спустившись с холмов, он двинулся на Карфаген и встретил римскую армию у Трикамерона, в двадцати милях к западу от города.

Здесь Велисарий выиграл ожесточенное сражение после борьбы гораздо более жестокой, чем та, через которую он прошел при Ad Decimum. Трижды римляне были отброшены назад, но их доблестный предводитель сплотил их, и наконец его кирасиры прорвались сквозь ряды вандалов и убили Цазо, брата короля. Гейламир повернулся, чтобы бежать, хотя его люди продолжали сражаться, пока их отступление не было отрезано. Почти вся раса вандалов погибла в этой битве и последовавшем за ней кровавом преследовании. Сам Гейламир нашел убежище на вершинах горы Атлас среди Вересковых пустошей и несколько месяцев жил среди них в довольно жалких условиях.

[Конец королевства вандалов.] Обнаружив, что он не может собрать третью армию и что жизнь среди грязных варваров невыносима, он решил сдаться и сдал себя и свою семью Велисария с гарантией, что с ним будут обращаться почетно, несмотря на то, что он убил друга императора Хильдерика.

Весной 534 года Велисарий смог с триумфом вернуться в Константинополь, приведя с собой короля и большинство уцелевших вандалов в качестве пленников. Его корабли были загружены всей добычей из карфагенского дворца, трофеями столетия успешных пиратских набегов, включая посуду и украшения, которые Гейзерих вывез из Рима в 455 году. Говорят, что император узнал в этом хранилище семисвечник и золотые сосуды Иерусалимского храма, которые Тит Цезарь привез в Рим, когда завоевывал Иудею четыреста лет назад. Он послал поместить их в церковь Гроба Господня, в Святом Городе, где они были впервые освящены. Велисария были оказаны почести древнеримского триумфа - привилегии, в которой

подданному отказывали в течение четырех столетий; он торжественно вступил на Ипподром и положил своих пленников и добычу к ногам Юстиниана, в то время как сенат и народ приветствовали его как нового Сципиона Африканского, титул, который он честно заслужил. В следующем году он был произведен в консулы и удостоен всех почестей, какие только мог придумать император. С его пленником, королем Гейламиром, обошлись по-доброму и подарили ему большое поместье во Фригии, где он и его семья долгое время жили в достатке.

В год триумфа Велисария перед ним и его хозяином открылись новые возможности. Осенью 534 года умер болезненный и распутный юноша, носивший титул короля остготов; ему еще не исполнилось восемнадцатилет. Его мать, Амаласвинта, теперь осталась лицом к лицу с дикими готами, лишенная защиты королевского имени и беззащитная перед враждой семей вождей, которых она казнила. Отчаявшись убедить готов терпеть правление королевы-регентши, она решила выбрать коллегу и присвоить ему титул короля. Следующим наследником Теодориха мужского пола после Аталариха был некий Теодахат, сын его сестры Амалаберги. [Амаласвинта и Теодахат.] Этот принц был отстранен своим дядей от всех государственных дел за свою печально известную трусость, алчность и двуличие. Он был романизированным тевтоном худшего типа и, как верно было сказано, *Вилис Готус имитатур Романум*; у него были ярко выраженные литературные вкусы, он называл себя философом-платоником и проявлял некоторую любовь к искусству, но был совершенно подлым и порочным. Амаласвинта думала воспользоваться трусостью своего кузена и заставить его стать ее орудием; она забыла, что даже трус может быть честолобив. По приказу королевы собрание воинов Италии провозгласило Теодахата и Амаласвинту совместными правителями остготов. Но менее чем за шесть месяцев интригующий король подкупил своих сторонников схватить и заключить в тюрьму его несчастного кузена. Она была заключена в замок на озере Больсена, а вскоре после этого убита при попустительстве Теодахат родственниками знати, которых она казнила пять лет назад. (Май 535 г.)

Теперь у Юстиниана был еще лучший повод для войны в Италии, чем в Африке. Его союзница была свергнута с престола и убита, а ее короной завладело существо, намного уступавшее Гейламир, которое было, по крайней мере, воином, пусть и неудачливым. Несчастный Феодахат пресмыкался от страха, когда получил гневный ультиматум Юстиниана. Он даже сделал тайные предложения послам императора о том, что откажется от своей короны и предаст свой народ, если только ему сохранят жизнь и обеспечат соответствующее содержание. Когда даже это не помогло, он стал консультироваться с прорицателями и магами. Нам рассказывают, что еврейский провидец велел ему загнать тридцать свиней — надо полагать, для обозначения нечистых язычников — в три загона, назвав десять 'готами', десять 'итальянцами' и десять 'империалистами'. Он должен был оставить их на десять дней без еды и воды, а затем сделать предзнаменование по их состоянию. Когда Теодахат заглянул в назначенный час, он обнаружил, что все "готские" свиньи мертвы, за исключением двух, и половина "итальянцев", но "империалисты", хотя и изможденные, были все или почти все живы. Это, как еврей сказал удрученному королю, предвещало войну, в которой готская раса будет почти истреблена, а итальянцы будут жестоко истреблены, в то время как императорские армии победят после большого труда и лишений!

Пока Теодахат тщетно возился со своими прорицателями, римские армии уже напали на готскую провинцию в Далмации. Жалкому узурпатору пришлось столкнуться с войной, хотел он того или нет. Юстиниан решил, что было вполне естественно, доверить ведение остготской

войны завоевателю Африки, и осенью года своего консульства Велисарий отплыл на Запад с небольшой армией в 7500 человек, из которых 3000 были исаврийцами, а остальные поровну разделены между римскими регулярными войсками и вспомогательными войсками гуннов и герулов. Это были небольшие силы для нападения на короля, командовавшего сотней тысяч доблестных германцев, но за ними должно было последовать подкрепление, а трусость и неспособность Теодахата были хорошо известны.

В сентябре 535 года Велизарий пал на Сицилии; здесь, как и в Африке, жители провинций поспешили распахнуть ворота своих городов перед захватчиком. На Сицилии было мало готов; они разместили гарнизон в Палермо, но Велисарий взял город внезапным штурмом, простояв всего несколько дней перед его стенами. | Велисарий завоевывает Сицилию, 535. | С приближением зимы весь остров был в его руках. Он поспешил бы напасть на Италию, если бы не мятеж, вспыхнувший в Африке и вынудивший его пересечь море и провести некоторое время по соседству с Карфагеном.

Тем временем бедный малодушный Теодахат только и делал, что усыплял слух Юстиниана все более бесплодными предложениями о мире. Он был, как никогда, не готов к сопротивлению, когда Велисарий пересек Мессинский пролив в апреле 536 года и захватил Бруттий и Луканию. Готы юга были настолько обескуражены его беспомощностью, что Эбермунд, граф Лукании, сдался Велисарии и поступил на императорскую службу со всеми своими сторонниками. Только после того, как Велизарий двинулся к Неаполю, он встретил какое-либо сопротивление; по всей южной Италии городские ворота распахнулись в тот момент, когда он коснулся их своим копьем. Однако старый греческий город Неаполь, удерживаемый сильным готским гарнизоном, вел очень упорную оборону и продержался много недель, ожидая прибытия армии на подмогу. Король Теодахат собрал в Риме огромную армию, но этот трус не осмелился приблизиться и оставил 50 000 человек без дела, в то время как 7000 римлян осаждали Неаполь. Наконец город пал, отряд исаврийских солдат пробрался по заброшенному акведуку и взял штурмом одни из ворот изнутри. Известие о падении Неаполя довело гнев готов против их несчастного короля до точки кипения. На большом народном собрании в Регете, на Помптинских болотах, армия торжественно низложила Теодахата, и, поскольку не осталось ни одного Амала мужского пола, возвели на щит Витигеса, пожилого воина с респектабельной репутацией, снискавшего славу в старых войнах Теодориха. Свергнутый король бежал в поисках убежища в Равенне, но личный враг преследовал его и перерезал ему горло "как овце" задолго до того, как он добрался до Города на Болотах.

Выбор Витигеса был ужасной ошибкой со стороны готов; они ошибочно приняли респектабельность за талант и поплатились за это, увидев, как глупый ветеран разрушил все их надежды. Первой ошибкой со стороны нового короля было отвести свою армию на север, узнав, что франки переходят Альпы, чтобы опустошить долину По. Он оставил в Риме всего 4000 человек и со всеми остальными двинулся на Равенну. В тот момент, когда он уехал, Велисарий двинулся на север, чтобы напасть на имперский город. Она попала в его руки без единого удара; готский гарнизон почувствовал, что они остались брошенными среди населения, готового выдать их врагу; более того, папа Сильверий и Сенат уже написали Велисарии, умоляя его освободить их. | Велисарий берет Рим, 536 год. | Когда имперцы появились перед южными воротами, готы бежали из северных в панике, которая была непростительной, поскольку они были почти такими же многочисленными, как 5000 человек, которых Велисарий привел с собой. (9 декабря 536 г.)

Теперь Велисарий был хозяином Рима, но он знал, что его власть над ним ненадежна. Витигес уладил дела с франками, заплатив им 130 000 золотых солидов и уступив свои трансальпийские владения в Провансе. Женившись на Матасвинте, сестре покойного короля Аталариха и последнем отпрыске дома Амалов, он решил вернуться и освободить Рим. Вся северная Италия прислала ему своих готских воинов, и весной 537 года 100 000 человек выступили под его знаменами на осаду Рима.

Защита Рима - величайшее из всех прославленных деяний, завоеванных Велисарием. Стены Аврелиана были крепкими, но их обширное окружение защищали всего 5000 человек, а внутри находилась неуправляемая масса трусливых граждан, подверженных всевозможным паническим страхам — рты, которые нужно было кормить, не имея рук для удара, ибо вряд ли хоть один римлянин брался за оружие, чтобы помочь императорским войскам. В середине марта готы появились перед городскими стенами и разбили семь лагерей напротив северных и восточных ворот города. Затем они перерезали все акведуки, снабжавшие Рим водой, и приступили к сооружению осадных машин для мощного штурма. При недостатке тщательности, которую он всегда проявлял, король Витигес не предпринял должной подготовки к блокаде южной части города или к прекращению его сообщения с Остией и Неаполем. На протяжении всей осады автоколоннам с провизией и подкреплениями часто удавалось проникать в Рим ночью, минуя аванпосты, которые были единственными укреплениями, размещенными на берегах Тибра и Кампаны.

Через две недели после прибытия к стенам Витигес подготовил свои машины и начал свое грандиозное наступление на северный и северо-восточный фасы города. Повсюду атака проваливалась; башни и тараны, которые готы выдвинули вперед, так и не достигли стен; волы, которые тянули их, были подстрелены прежде, чем они приблизились ко рву. Но тысячи диких воинов с штурмовыми лестницами атаковали бесчисленные участки окружения. В большинстве случаев они потерпели полную неудачу; стены Аврелиана были слишком прочны; но в двух точках, на противоположных концах города, они почти добились успеха. У пренестинских ворот таран пробил внешний вал, и толпу готов сдерживали только внутренние укрепления, пока не прибыло подкрепление Велисария. Но еще большая опасность подстерегала Мавзолей Адриана (замок Святого Ангела), сразу за Элианским мостом. [Велисарий защищает Рим, 536-37.] Там готы заполнили ров, осыпали защитников стрелами и уже прикрепляли свои лестницы к амбразурам, когда их наконец остановил странный прием. Стены мавзолея были уставлены десятками великолепных статуй, некоторые из которых были изображениями императоров, другие - древними трофеями Греции. В решающий момент отчаявшийся гарнизон бросил эти колоссальные фигуры на осаждающих внизу и прогнал их градом мраморных осколков.

К концу дня Велисарий везде добился успеха; 20 000 готов пали, а самоуверенность Витигеса была настолько подорвана, что он больше никогда не предпринимал попыток генерального наступления. Вместо этого он полагался на блокаду, но, хотя он причинил большие страдания гарнизону и еще больше населению, он никогда не перекрывал дороги или реку в достаточной степени, чтобы исключить случайные конвои с провизией. Он не помешал Велисария перевести в Кампанию большую часть женщин, стариков и рабов, находившихся в городе. Тем временем приближалось лето, и готские войска начали страдать от малярии и от грязного состояния переполненных лагерей. Сдругой стороны, Велисарий, наконец, начал получать подкрепления из Константинополя и смог совершать вылазки, в которых его всадники очень грубо обходились с готскими аванпостами.

Когда и штурм, и блокада оказались безрезультатными, и когда попытка проникнуть в город по пустым акведукам была сорвана, Витигес, вероятно, поступил бы правильно, сняв осаду и переложив бремя наступления на Велисария, армия которого была все еще очень мала. Вместо того чтобы сделать это, он упрямо пролежал в своем лагере год и девять дней, наблюдая, как его армия тает под напастью эпидемии, и позволяя численности и дерзости империалистов увеличиваться. Наконец Велисарий получил настолько сильное подкрепление, что смог, все еще удерживая Рим, ввести в бой вторую армию. Это он отправил под командованием офицера по имени Иоанн Кровавый через Сабинские холмы, чтобы ворваться в Пиценум и угрожать Равенне. | Осада Рима снята, 538. | Иоанн, очень способный офицер, в феврале 538 года захватил важный город Римини, расположенный всего в тридцати трех милях от Равенны. Известие о том, что его столице угрожают и что враг находится у него в тылу, наконец заставило медлительного короля готов двинуться с места. Он поджег свои семь лагерей и удалился по Фламиниевой дороге в Пиценум. Таким образом, благоразумие и доблесть Велисария были наконец оправданы, и римляне после 374-дневной осады снова могли вздохнуть свободно.

Средняя Италия теперь была потеряна для готов, и сцена боевых действий переместилась в Пиценум, северную Этрурию и долину реки По, где войне предстояло продлиться еще два года (538-40). Она вылилась в борьбу за прибрежные города между Роной и Анконой и за господство над Апеннинскими перевалами. Одна половина римской армии была сосредоточена в Римини и Анконе, в то время как сам Велисарий с другой частью был занят тем, что выбивал готские гарнизоны из северной Этрурии. Две готские армии у Равенны и Авксима загнали северные римские силы в узкую прибрежную равнину и, наконец, осадили Римини и Анкону. Здесь Витигесу на этот раз показалось вероятным добиться успеха, но, когда гарнизоны были доведены до крайности, им на смену пришли новые силы из Константинополя под командованием евнуха *Нарсеса praepositus sacri cubiculi*.

Вынужденный к обороне, Витигес отступил к Равенне и позволил римлянам захватить провинцию Эмилия и даже перейти реку По и поднять восстание в великом городе Милане. Последовала долгая пауза: Велисарий обнаружил, что Нарсес намерен утвердить независимую власть над вновь прибывшей армией, и был вынужден послать к императору умолять его отозвать евнуха. Тем временем он осадил две последние готские крепости к югу от Равенны, города Фьезоле в Этрурии и Ауксимум (Осимо) в Пицене. Оба города оказали доблестное сопротивление, и пока Велисарий бездействовал, Урайя, воинственный племянник Витигеса, взял штурмом и разграбил Милан и восстановил готские владения к северу от реки По (539). Тем временем царь предпринял единственный мудрый шаг, который пришел ему в голову за всю войну: он отправил послов на Восток сообщить Хосрову, царю Персии, что почти вся римская армия занята в Италии и что он может легко захватить Сирию и Месопотамию. Этот шаг, предпринятый двумя годами ранее, мог бы спасти готов, но теперь было слишком поздно: Хосров двинулся с места, но вовремя, чтобы услышать, что Витигес свергнут с престола и взят в плен.

Продержавшись семь месяцев, Авсим сдался Велисарии в середине зимы 539-40 годов. Витигес ничего не сделал для спасения доблестного гарнизона, утверждая, что рейд франков в долину реки По помешал ему продвинуться вперед. Оправдание было справедливым, но недостаточным, ибо, когда франки Теудеберта, поредевшие от болезни, снова вернулись домой, готский король больше не шевелился.

Наконец, весной 540 года Нарсес был отозван, и Велисарий полностью овладел всем Пиценом и Этрурией и мог безопасно наступать на Равенну. Разместив прикрывающие силы, чтобы отразить любую попытку готов из северной Италии освободить город, он обвел свою основную армию вокруг большой крепости в болотистой местности, избранного дома Теодориха, хранилища накопленных богатств амалов. Защита была слабой, намного слабее, чем у меньшей крепости Ауксима. Витигес, казалось, обладал способностью передавать свою лень и нерешительность всем, кто оказывался рядом с ним. Сначала он выслушал предложения Теудеберта Франка, затем предложения о капитуляции, присланные Велисарием. Наконец он решил согласиться с условиями, предложенными Юстинианом, согласно которым он должен был уступить всю Италию к югу от реки По, отказаться от половины королевских сокровищ и править в Транспадании в качестве вассала императора. Условия были нетрудными, поскольку Юстиниан только что подвергся нападению Персии и желал немедленно закончить свою итальянскую войну. Для всех сторон было бы лучше, если бы они были выполнены; но вмешались две воли: готская знать была дико возмущена трусостью своего господина; Велисарий, видя свои военные преимущества, счел условия слишком либеральными. [Витигес сдает Равенну, 540.] Это недовольство привело к экстраординарному результату: тевтонские вожди смело предложили имперскому генералу, чтобы он правил ими, — будь то король готов или римский цезарь, им было все равно, — но их мечи должны принадлежать ему, а трусливые виги должны быть изгнаны, если он возьмет их в свои вассалы и будет управлять Италией. Велисарий тянул время, и простые готы, полагая, что ни один человек не сможет устоять перед таким предложением, распахнули ворота. Но великий полководец был верен до мозга костей: вместо того, чтобы провозгласить себя императором, он захватил город от имени Юстиниана, приказал готским воинам разойтись по домам и отправил все золотые запасы Равенны в Константинополь.

Казалось, что монархии готов пришел конец: у них не осталось ничего, кроме Павии, Вероны и еще нескольких городов северной Италии. Юстиниан решил отозвать Велисария до того, как эти места падут; для их взятия было бы достаточно более подлых полководцев. Императором двигали два мотива: его великий военачальник был нужен на восточной границе, чтобы сдерживать наступающих персов; но свою роль сыграли и подозрения: Юстиниан был не слишком доволен тем, что Велисарий отклонил его проект заключения мира с Витигесом, и он был несколько напуган предложением готов сделать Велисария императором. Предложение было отклонено, это правда, но не могли ли семена нелояльности заронить в сердце генерала? Было бы безопаснее увести его подальше от искушения.

Итак, по повелению императора Велисарий отплыл в Босфор, взяв с собой плененных витигесов, а также все золото и драгоценные камни из великой сокровищницы амалов. Ему было отказано в официальном триумфе, подобном тому, который он одержал благодаря своей победе над вандалами, но, тем не менее, прием ему был оказан великолепный. Его личная охрана из 7000 отборных человек последовала за ним в столицу, и, когда они проходили по улицам, население восклицало: "Дом одного человека разрушил королевство готов". Счастливым был бы великий полководец, если бы он умер в момент этого своего величайшего успеха. Он был приберегаем для меньших войн и лет переменчивой судьбы (540).

ГЛАВА VI

ЮСТИНИАН—(продолжение)

540-565 гг. н. э.

Юстиниан как строитель—Его разорительная финансовая политика—Его вторая персидская война—Хосров захватывает Антиохию, 540 г.—Кампании Велисария и Хосрова—Великая чума 542 г.—Мир с Персией—Бадуила восстанавливает королевство Остготов в Италии—Его кампания против Велисария—Две осады Рима—Успех и величие Бадуилы—Нарсес вторгается в Италию—Бадуила убит при Тагинах, 552 г.—Конец королевства остготов—Нарсес побеждает франков—Юстиниан нападения на Южную Испанию—Третья персидская война, 549-55 гг.—Юстиниан как богослов—Велисарий побеждает гуннов—Последние годы правления Юстиниана—Его правовые реформы.

540 год был последним из лет непрерывной удачи Юстиниана. До конца своей долгой жизни ему пришлось пережить множество превратностей и увидеть, как рушатся некоторые из его самых заветных планов, хотя в целом упрямое упорство, которое было его самой примечательной чертой характера, благополучно довело его до конца.

Первой трудностью, которой суждено было встревожить его во второй половине его правления, была финансовая. Теперь он подошел к концу накопленных Анастасием богатств; военный бюджет его разросшейся империи требовал все больше денег, поскольку Африка и Италия не платили за них, и теперь ему предстояла новая персидская война. |Юстиниан как строитель.| Кроме того, его великолепный двор и ненасытная жажда строительства год за годом требовали огромных сумм. Невозможно преувеличить расходы Юстиниана на кирпичи и строительный раствор: он не только восстановил в своей столице с еще большим размахом все общественные здания, сгоревшие во время мятежа в "Нике", но и наполнил каждый уголок своей империи, от недавно завоеванной Равенны до армянской границы, великолепными фортами, церквями, монастырями, больницами и акведуками. Всякий раз, когда в дебрях Сирии или Малой Азии находят развалины Византии, оказывается, что в одном случае из каждых двух они датируются Юстинианом. К нашему удивлению, только на Балканском полуострове мы узнаем, что он возвел более 300 фортов и замков для защиты линии Дуная и Гемуса, той части империи, которая была наиболее открыта для нападений варваров в течение последнего столетия. Одно только строительство его огромного собора Святой Софии обошлось в несколько миллионов - расходы, великолепный результат которых вполне оправдывает себя, но которые, должно быть, показались душераздирающими финансистам, которым пришлось изыскивать деньги в тот момент, когда император был вовлечен в две отчаянные войны.

Юстиниан щедрой рукой расточал свои сокровища как в военном, так и в мирном искусстве. Но чтобы пополнить свою казну — этот сосуд Данаид, — ему пришлось обложить империю непосильными налогами. Его министр финансов Иоанн Каппадокийский был самым беспринципным из людей, который никогда не гнушался всякого рода вымогательством у

несчастных налогоплательщиков: пока казна была полна, Юстиниан не обращал внимания на его незаконные и часто незаконные действия. Только когда Иоанн поссорился с императрицей Феодорой, он был окончательно опозорен. [Разорительные финансы Юстиниана.] Его преемники были менее способными, но не менее хищническими: не прошло и десяти лет, как африканцы и италийцы, стоившие под игом греческого *логофета*, проклинали свои звезды за то, что они когда-либо помогали Велисарии изгнать ариан-готов и вандалов. По мере того как продолжалось правление Юстиниана, положение дел становилось все хуже и хуже, поскольку непосильное налогообложение имеет тенденцию истощать ресурсы земли и, в конце концов, делает ее неспособной нести даже то бремя, которое когда-то было бы легким. Историки перечисляют двадцать новых налогов, которые Юстиниан ввел в империи, однако в конце его правления они приносили гораздо меньше доходов, чем старые и более простые налоги Анастасия и Юстина.

Это разрушительное истощение жизненной силы империи начало всерьез ощущаться только после 540 года, когда Юстиниан впервые был вынужден вести войну одновременно на Востоке и Западе, и все же отказался ослаблять свое строительство. Готской войне — вопреки всей вероятности и ожиданиям — было суждено продлиться еще тринадцать лет; персидской войне — шестнадцать, и, когда она закончилась, император и империя были всего лишь тенью самих себя: они были непокорены, но лишились всех своих сил и рассудка.

ПЕРСИДСКО-РИМСКАЯ ГРАНИЦА При ЮСТИНИАНЕ.

Мы уже упоминали, что молодой персидский царь Хосров, встревоженный посольством Витигеса и опасавшийся, как бы власть, покорившая Карфаген и Рим, вскоре не протянула руку к Ктесифону, нашел повод для войны и пересек границу Месопотамии. Кровная месть между арабскими ордами, подчинявшимися, соответственно, Персии и Константинополю, а также спор о сюзеренитете некоторых племен Армянского нагорья послужили достаточно веским предлогом для возобновления войны в тот момент, когда лучший полководец Юстиниана и 50 000 человек из цветка его войск отсутствовали в Италии и Африке.

[Вторая персидская война, 540-545.] Весной 540 года, в тот самый момент, когда Велисарий захватывал Равенну, Хосров двинулся вверх по Евфрату, оставив пограничные крепости Дарас и Эдессу на своем фланге, и предпринял внезапное нападение на север Сирии. Его ожидали не там, а в Месопотамии, и все приготовления к обороне были запущены. Прежде чем было организовано какое-либо сопротивление, Хосров пересек Евфрат, разграбил Борою и выкупил Иераполис за 2000 фунтов золота. Но целью персидского монарха была Антиохия, третий город Римской империи и резиденция преторианского префекта Востока. Прошло более двух с половиной столетий с тех пор, как город Оронт видел чужеземного врага, и его стены были старыми и полуразрушенными. Туда был брошен гарнизон в 6000 человек, и синие и зеленые города вооружились для охраны крепостных валов. [Разграбление Антиохии, 540.] Но на поле боя не было римской армии, способной защитить город от приближения персов: Бузес, восточный полководец, отказался рисковать своей маленькой армией в генеральном сражении и отступил неизвестно куда. Осада Антиохии была короткой, так как оборона была плохо организована: гарнизон прорвался наружу, когда стены были взломаны, но город со всеми его богатствами и большим количеством его жителей, которые не нашли времени бежать, стал добычей Хосрова. Перс разграбил церкви, сжег частные дома и угнал стадо пленников, которых привел к себе домой и поселил в новом городе близ Ктесифона, который он назвал Хосроантиохией.

Затем великий царь выкупил соседние города Халкиду и Апамею и снова переправился через Евфрат в Месопотамию. Здесь, где сильные и хорошо вооруженные крепости преграждали ему путь, Хосров обнаружил, что ничего не может добиться; посмотрев на Эдессу, он счел ее слишком сильной и направился в Дарас. Этот город он осадил, но был отбит без особых трудностей, а затем вернулся домой на зиму (540 г.).

Персам никогда больше не суждено было одержать таких успехов, какие выпали на их долю в этот первый год войны. К следующей весне Юстиниан укрепил восточную границу всеми имеющимися в его распоряжении войсками, и могущественный Велисарий лично прибыл, чтобы принять командование армией Месопотамии. Но не суждено было великому королю и великому полководцу когда-либо померяться силами друг с другом. Услышав, что граница на юге теперь хорошо охраняется, перс решил нанести удар по новому участку римской линии обороны. Ожидаемый на Евфрате, он спокойно прошел на север через Мидийские и Иберийские горы, пересек множество малоизвестных перевалов и появился на побережье Черного моря у реки Фазис. Римляне удерживали здесь побережье у своего великого замка Петра, в то время как лазы, племена внутренней Колхиды, были римскими вассалами. Хосров вторгся в страну, заставил лазов оказать ему почести и после короткой осады взял Петру.

Тем временем Велисарий, обнаружив, что вторжение персов в Месопотамию откладывается, пересек границу далеко на юге, разбил небольшой персидский отряд на поле боя и опустошил

Ассирию из конца в конец, хотя и не смог взять огромную крепость Нисибис. Услышав об этом набеге, Хосров вернулся из Колхиды со своей основной армией, после чего Велисарий отступил за крепостные стены Дараса. Кампания не была богатой событиями, но перевес был на стороне персов, граница которых теперь упиралась в Черное море.

И следующему году (542) не суждено было увидеть никаких решающих сражений. Велисарий сосредоточил свою армию в Европе на Евфрате и ждал нападения, но, за исключением одного набеге, нападения не последовало, хотя Хосров стянул все силы своей империи к Нисибису. Римские хроники приписывают медлительность страху перед репутацией Велисария, но, по-видимому, более действенной была другая причина. Великая чума 542 года только что разразилась в Персии, и ее опустошительные действия, вероятно, были настоящей причиной отступления и расформирования армии Хосрова, подобно тому, как в 1348 году "черная смерть" заставила англичан и французов на время прекратить взаимную вражду.

Это ужасное бедствие заслуживает отдельного упоминания. Она вспыхнула в Египте в начале года и распространилась подобно лесному пожару по Сирии, землям долины Евфрата и Малой Азии, оттуда добралась до Константинополя и на Запад. Невозможно определить ее точную природу, но мы знаем, что она сопровождалась язвами и ужасной опухолью в паху. | Великая чума 542 года. | Мало кто из тех, кого это поразило, когда-либо выздоравливал, но среди этих немногих был сам Юстиниан, который поднялся со своего ложа, когда слух о его смерти уже распространился и борьба за престолонаследие была неизбежна. В Константинополе чума свирепствовала с такой силой, что, как говорят, за один день умерло 5000 и даже 10000 человек. Историк Прокопий восхищался ее повсеместным распространением. 'Человек мог взобраться на вершину холма, и это было там, или удалиться в глубины пещеры, но это тоже было там. Он не обращал внимания ни на север, ни на юг, ни на греков, ни на персов, ни на мытых, ни на немых, ни на зиму, ни на лето: во всем он был смертельно опасен.' Это ужасное бедствие, которое, как полагают, унесло треть населения империи, было не последней из причин того всеобщего упадка, который наблюдается в последние годы правления Юстиниана. Это смело налогоплательщиков, остановило торговлю и, похоже, сделало самого императора преждевременным стариком.

Таким образом, чума в достаточной степени объясняет застой войны в 542 году. Возможно, мы также можем кое-что учесть в связи с личными неприятностями Велисария, для которого предыдущей зимой наступили тяжелые времена. Он уличил свою интриганку Антонину в неверности и, бросив ее в темницу и похитив ее любовника, навлек на себя гнев Феодоры, что серьезно помешало ему в дальнейшей карьере, настолько велико было ее влияние на своего супруга-императора. Он больше не получал поддержки из Константинополя, как это было когда-то, и в конце концов был вынужден обезоружить недовольство Феодоры, освободив свою жену. Дурное настроение императора, возможно, истощило его ресурсы в течение лета, последовавшего за его домашним несчастьем.

В 543 году, когда чума несколько утихла, Хосров снова перешел в наступление и двинулся к Римской Армении, следуя по долине верхнего Евфрата; но новая вспышка эпидемии вынудила его повернуть назад, и римляне, следовательно, получили возможность вторгнуться в Персармению. Велисария с ними не было, и они потерпели серьезное поражение от меньших сил и с позором вернулись в свои старые места расквартирования. Великий полководец был с позором отозван в Константинополь. Юстиниан слышал, что, когда весть о его предполагаемой

смерти достигла армии на Евфрате, Велисарий выказал некоторые признаки того, что готовится к военному *pronuntiamento*. Он не стал использовать это в качестве предложения для отзыва, но остановился на некоторых неурегулированных обвинениях в потере денег из сокровищниц вандалов и готов, для которых были некоторые основания, поскольку Велисарий, как и Мальборо, питал пристрастие к накопительству. В течение нескольких месяцев полководец был в опале: его телохранитель был разогнан - 7000 человек были слишком большим *comitatus* даже для самых верных людей — и большая часть его богатства конфискована, но, когда он согласился помириться со своей женой и уехать в Италию, императрица Феодора согласилась забыть о своем неудовольствии и позволила Юстиниану поручить Велизария ведение новой войны (543).

Но, прежде чем рассказать о деяниях униженного и убитого горем Велисария на Западе, мы должны закончить персидскую войну. В 544 году Хосров, освободившийся как от чумы, так и от страха перед Велисарием, вторгся в Месопотамию и осадил ее столицу Эдессу. После многомесячной осады, в ходе которой доблестный гарнизон отбивал все попытки как открытой силы, так и военной инженерии, — курганы, мины, тараны и башиничего не дали против них, — Хосров со смирением отступил в Нисибис и начал переговоры о перемирии; оно было успешно заключено на условиях, что персы сохраняют уважение к своим завоеваниям в Колхиде и получают 2000 фунтов стерлингов. золота при эвакуации других своих завоеваний — которые имели небольшую ценность. На важнейшей месопотамской границе большие крепости держались хорошо, и царю не требовалось восстанавливать ничего важного. Это перемирие было заключено на пять лет, по истечении которых война возобновилась (545-550).

Тем временем вся Италия снова была охвачена войной. После того, как сдалась Равенна, а Витигеса увели в плен в Византию, сдались все готские крепости, за исключением двух, Вероны и Павии, единственных городов северной Италии, в которых тевтонский элемент, по-видимому, превосходил римский численностью. [Хильдибад, король готов, 540-41 гг. | Остатки остготов в Павии, хотя они и не насчитывали 2000 человек, предприняли смелый шаг и провозгласили нового короля, воина по имени Хильдибад, который был племянником Теудиса, короля Испании, и который пообещал своим последователям помощь своего дяди. Сопротивление Хильдибада могло бы быть подавлено, если бы на него быстро напали, но римские военачальники были заняты захватом городов, которые не оказывали сопротивления, и подавлением некоторых беспорядков среди своих людей. После ухода Велисария на полуострове осталось пять военачальников, ни одному из которых не была доверена верховная власть над остальными. Каждый возлагал на другого задачу вытаскивания последних искр сопротивления готов, и постепенно Хильдибад становился сильнее по мере того, как разрозненные остатки армии Витигеса пробивались к его лагерю. Когда он отвоевал большую часть Венеции, римляне сочли его достойным внимания, но он выиграл битву под Тревизо над выступившей против него армией. Итальянцы теперь были далеки от того, чтобы продемонстрировать ту преданность делу империи, которую они когда-то демонстрировали. Логофеты из Константинополя изводили их новыми налогами, и особенно нелепой попыткой взыскать задолженность по налогам за годы, в течение которых бушевала война, время, когда император, по сути, не имел твердой власти в стране.

В 541 году Хильдибад был убит личным врагом еще до того, как ему удалось освободить все земли к северу от По. Но этот герой самого мрачного часа, спасший готов от вымирания, когда спасение казалось невозможным, нашел еще более достойного преемника. Через несколько

месяцев, в течение которых некий ругиан по имени Эрарик правил в Павии, племянник Хильдибада, Бадуила, был поднят на щит и провозглашен королем. Бадуила^[12] был, после Теодориха, величайшим из всех готов Востока или Запада: он продемонстрировал моральный подъем, чистоту намерений, рыцарскую учтивость, справедливость и благочестие, достойные лучших рыцарей средневековья. Как воин, его подвиги были поразительны: он превзошел даже самого великого Велисария. Единственным пятном на его характере за одиннадцать лет правления были одна или две неоправданные казни военнопленных, которые вызвали его гнев и вызвали вспышку старой готской ярости.

12. Это, как показывают его монеты, было его настоящее имя, но константинопольские историки называют его Тотила.

С первого момента своего восшествия на престол Бадуила начал завоевывать. [Бадуила, король готов, 541-53.] Римские полководцы, напуганные его первыми успехами, были, наконец, вынуждены объединиться: он сорвал их атаку при Вероне, последовал за ними через По и нанес им при Фазенце в Эмилии решительное поражение в открытом поле, хотя у них было 12 000 человек против его 5000. Затем, перейдя Апеннины, он завоевал всю Тоскану во втором сражении при Муджелло близ Флоренции. Благодаря этим двум победам вся Италия к северу от Рима, за исключением великих крепостей, попала в его руки: Рим и Равенна с Пьяченцей в долине реки По и Анконой и Перуджей в центре остались изолированными гарнизонами, возвышающимися над возвращающейся волной готских завоеваний. Все выжившие готы сплотились под знаменами Бадуилы, и многие имперские наемники тевтонской крови перешли на службу к нему, когда города, в которых они размещали гарнизоны, были покорены. Завоевав Тоскану и Пиценум, Бадуила на время предоставил Рим самому себе — воспоминания о его последней осаде были слишком обескураживающими — и провел 542 год, захватывая Кампанию и Апулию. Итальянцы сохраняли апатичное спокойствие, в то время как имперские гарнизоны были немногочисленны и рассеяны. Через шесть месяцев южная Италия снова стала готической вплоть до ворот Отранто, Реджо и Неаполя. Осада последнего названного города была первым упражнением Бадуилы в полиоркетике: город очень храбро оборонялся и сдался только тогда, когда голод сделал свое дело, и после того, как вооружение, отправленное из Константинополя на помощь городу, было разбито штормом почти на виду у стен, вдоль скал Капри и Сорренто. Несмотря на это отчаянное сопротивление, с удивлением было отмечено, что Бадуила по-доброму отнесся как к гарнизону, так и к людям, отослав одного невредимым, а другого сохранив от разграбления. Именно во время падения Неаполя произошло событие, которое надолго запомнилось как свидетельство справедливости Бадуилы. Готский воин надругался над дочерью калабрийца: король заковал этого человека в кандалы и приказал казнить. Но многие готы умоляли его не убивать храброго воина за такое преступление. Бадуила выслушал их и ответил, что в этот день они должны выбрать, хотят ли они спасти жизнь одного человека или спасти всю готскую нацию. В начале войны они вспоминали, какие у них были великолепные хозяева, знаменитые генералы, огромные сокровища, великолепное оружие и все замки Италии. Но при царе Теодахате, человеке, который любил золото больше справедливости, они настолько разгневали Бога своей несправедливой жизнью, что у них отняли все. Но божественная благодать дала готам еще один шанс осуществить свое спасение: Бог открыл с ними новые счета, и они должны поступить с ним так же, следуя справедливости. Насильник должен умереть, а что касается того, чтобы быть храбрым воином, то они должны помнить, что жестокие и несправедливые никогда не добивались окончательного успеха на

войне, ибо какова жизнь человека, такова и его удача в битве. Офицеры поняли, что имел в виду ихгосударь, и удалились, а преступник был должным образом казнен.

В 542 году, в год эпидемии чумы, Юстиниан мало что смог сделать для Италии, но в последующие годы, когда он слышал о падении Неаполя, он решил отправить недавно помилованного Велизария обратно на арену его былой славы. Отказавшись от услуг собственной телохранительницы, великий полководец набрал во Фракии 4000 необученных солдат и приготовился вернуться. Бадуила тем временем осаждал Отранто и очищал Апулию от империалистов.

В следующем году готский король и римский полководец впервые встретились; вопреки ожиданиям, в этой борьбе победу одержал не Велисарий: сломленный духом, плохо обслуживаемый своими необученными новобранцами и деморализованной армией Италии, без помощи Юстиниана, который напрягал все нервы, чтобы продолжить персидскую войну, он практически ничего не добился. |Кампания Велисария и Бадуилы.| Опираясь на неприступную крепость Равенна, он смог захватить Пезаро и освободить гарнизоны Осимо и Отранто, но это было все. Бадуила беспрепятственно опустошил Италию и начал готовиться к осаде Рима: если его нужно было остановить, как писал Велисарий своему повелителю, срочно требовалось больше людей и денег, чтобы заплатить им.

Юстиниан не мог или не захотел прислать ни людей, ни денег в достаточном количестве, и Бадуила смог вложить средства в Рим. В отличие от Витигеса, ему удалось перекрыть все дороги и перекрыть Тибр с помощью балок. Вскоре под стенами города начался голод, но готы не предпринимали попыток начать штурм, предоставив голоду делать свое дело. Бессас, губернатор Рима, искал помощи со всех сторон, и ему прислали корабли с зерном из Сицилии, но Бадуила захватил их все, когда они поднимались по Тибрскому каналу. Затем Велисарий подошел к Порту, в устье реки, со всеми людьми, которых он мог собрать, всего несколькими тысячами, и попытался пробиться к Риму, сломав стрелу Бадуилы и приведя свои более легкие боевые корабли вверх по Тибру. Он оставил свою жену, свои припасы свои резервы в Портусе, поплыл вверх по реке и после жаркого боя сумел сжечь башни, охранявшие стрелу. Но в момент успеха до него дошло известие, что готы атакуют Порт у него в тылу и что его жена и лагерь в опасности. Он повернул назад, обнаружил, что бои при Портусе были всего лишь незначительной стычкой, вызванной опрометчивостью командовавшего там офицера, и поэтому упустил свой шанс форсировать бум. Разочарование или малярийная лихорадка в болотистом устье Тибра уложили его на следующий день на одр болезни, и, прежде чем он оправился, Рим пал. Часть изголодавшегося гарнизона распахнула Азинарские ворота в полночь и впустила готов после того, как осада длилась тринадцать месяцев (545-546). Вина за падение города лежала главным образом на губернаторе Бессасе, который бережливо раздавал свои припасы как солдатам, так и простым людям, в то время как он тайно продавал зерно по непомерным ценам более богатым горожанам. Войска умирали с голоду, но в претории генерала было найдено огромное количество провизии.

Бадуила передал разграбление города своим испытанным войскам, но строго запретил убийства, изнасилования или насильственные действия. | Бадуила берет Рим, 546. | По признанию самих его врагов, погибло только двадцать шесть римлян, хотя в полночь в город ворвались 20 000 измотанных войной солдат, жаждущих грабежа и мести. Царь превратил церкви в святилища, и толпы, собиравшиеся в них, не пострадали.

Бадуила смотрел на Рим как на главное логово своих врагов, дом неверного народа и ловушку готов. Он решил не делать его своей столицей и не размещать в нем гарнизон, а превратить в пустыню. Народ был изгнан, ворота сожжены, а в стенах Аврелиана были проделаны огромные бреши. Затем он обратился к своей армии с речью, призывая их вспомнить, как во времена Витигеса 7000 империалистов лишили власти, богатства и свободы 100 000 богатых и хорошо вооруженных готов. Но теперь, когда готы стали бедными, немногочисленными и измотанными войной, они привели в замешательство более 20 000 греков. Причина заключалась в том, что в прежние времена они прогневали Бога своей гордыней и порочным образом жизни; теперь они были смиренны и наказаны духом, и поэтому они одержали победу. На будущее они должны помнить, что если бы только с ними был Бог; но если бы они вернулись к своим прежним обычаям, рука Небес привела бы их к гибели.

Сделав это, он отступил со своей армией, оставив Рим опустошенным, без единой живой души в его стенах. Сорок дней имперский город был отдан на растерзание волку и сове, но, наконец, Велисарий, который все еще находился в Порту со своей маленькой армией, вошел в стены, поспешно забаррикадировал бреши и порталы без ворот и приготовился удерживать Рим для третьей осады. Готы были слишком небрежны в разрушении стен, и поспешный ремонт Велисария сделал город еще более устойчивым к любому *перевороту*. [Велисарий восстанавливает Рим.] В великом отвращении Бадуила бросился назад из Кампании и попытался прорвать баррикады. После трех штурмов он признал, что они были слишком сильными, и отступил в центральную Италию, оставив, однако, сильный наблюдательный корпус в Тиволи, чтобы не дать Велизарии выйти из города для дальнейших операций.

Еще два года Велисарий и Бадуила сражались вдоль и поперек полуострова, но готы сохраняли превосходство; хотя иногда им и мешали, в целом преимущество было на их стороне. Велисарий, как и Ганнибал в последние годы своего пребывания в Италии, переезжал со своей маленькой армией из пункта в пункт, ища возможности нанести удар, но редко находя их. Юстиниан, хотя теперь и освободился от Персидской войны, не прислал ни достаточных припасов, ни подкреплений и, казалось, был доволен тем, что его полководец удержал не более Рима и Равенны. В 548 году Велисарий был отозван по его собственной просьбе или просьбе его жены. Он чувствовал, что больше ничего не может сделать со своими недостаточными ресурсами, он изжил жажду славы, и его старость была близка. Юстиниан принял его с добротой, сделал его *военным магистром* и начальником императорской гвардии и велел ему жить в мире в Константинополе.

Теперь единственный контроль над Бадуилой был снят, и в последующие четыре года доблестный гот очистил всю страну, за исключением Равенны, от присутствия империалистической армии. Он отвоевал Рим в 549 году и захватил или перебил весь гарнизон. На этот раз, вместо того чтобы разрушать город, он решил сделать его своей столицей. [Успехи Бадуилы.] Он реорганизовал Сенат, приказал отремонтировать дворец и устраивал игры в цирке, как это делал его великий предшественник Теодорих. Казалось бы, теперь он чувствовал себя настолько сильным, что не боялся возвращения империалистических армий и утратил свой прежний страх перед городами, окруженными стенами. Он отправил посольства к Юстиниану, прося императора признать свершившиеся факты и вернуться к старым отношениям, которые существовали между готами и императором в счастливые дни Анастасия и Теодориха. Но суровый правитель Востока был непоколебим. Он спокойно продолжал войну и просто начал снова собирать армию для вторжения в Италию. Первую экспедицию он отправил

под командованием графа Германа, своего собственного племянника, на которого смотрели как на предназначенного наследника империи. Но внезапное вторжение славян в Македонию отвлекло Германа в Фессалоники. Он добился успеха над захватчиками, но вскоре после этого умер, и его армия так и не пересекла Адриатику. Бадуйла тем временем полностью владел Италией. Когда он обнаружил, что вооружение Германа рассеялось, он построил флот, завоевал Сардинию, а затем переправился на Сицилию и разорил этот остров, на жителей которого готы затаили особую злобу за их мятеж и радушный прием Велисария пятнадцать лет назад.

Только в 552 году Бадуйла был вынужден снова перейти к обороне и защитить Италию от последней армии Юстиниана. | Нарсес вторгается в Италию, 552. | На этот раз император выбрал странного главнокомандующего, евнуха Нарсеса, своего камергера, или *praepositus sacri cubiculi*, которого однажды уже видели в Италии, в 538 году, когда он интриговал против Велисария. Нарсес был известен как умный, напористый и настойчивый, но его выбор в качестве главнокомандующего был одним из тех странных назначений Юстиниана, которые выглядели как причудливое безумие, но оказалось, что им руководило глубочайшее знание характера. Поскольку ему доверяли больше, чем Велисарии, он был лучше подготовлен к войне. Помимо большого отряда регулярных войск Востока, ему было разрешено нанять не менее 10 000 германских вспомогательных войск с Дуная — герулов, лангобардов и гепидов. Все его силы, должно быть, насчитывали более 20 000 человек, что втрое превышало численность армии, следовавшей за Велисарием. Нарсес решил обогнуть Адриатическое море и продвинуться через Венецию, но, пока он совершал этот долгий поход, он послал флот угрожать восточному побережью Италии. У Анконы его армада встретила и разгромила готские корабли, которые Бадуйла привел для наблюдения за Адриатикой. Это сражение, по-видимому, побудило готов ожидать высадки римлян в Пицене, и лишь небольшая часть армии Бадуйлы была отправлена в Венецию под командованием графа Тейи для наблюдения за перевалами Карнийских Альп. Нарсесу удалось ускользнуть от этих сил, прижавшись к морскому побережью и используя свои корабли, чтобы переправиться через устье реки По. Он достиг Равенны, не нанеся ни одного удара, и там к нему присоединились те римские войска, которые уже находились в Италии.

Затем, пренебрегши всеми готскими крепостями, он двинулся прямо на Рим: не по Фламиниевой дороге, великой дороге между севером и югом, — ибо ее удерживали готы, - а по небольшому перевалу вверх по долине реки Сена. Он только что пересек Апеннины, когда Бадуйла встретил его в Тагинах, в Умбрии, в самой тени гор. Готский король призвал все свои силы из центральной Италии, и накануне битвы к нему присоединились Тейя и северная армия, но он все еще уступал империалистам численностью. Нарсес показал себя способным полководцем. Зная, что готы в основном полагались на бешеный натиск своей тяжелой кавалерии, он спешил со всех своих вспомогательных варваров и выстроил их сомкнутой массой в своем центре; 8000 римских лучников прикрывали их с флангов, а 1500 отборных римских кавалеристов находились в резерве на его левом фланге. Бадуйла приказал своим людям использовать только копье, а сам повел всадников своего *комитата* в отважную атаку на центр противника. Битва при Тагине. | С полудня до сумерек готские рыцари снова и снова бросались на фалангу в середине римского строя: они не могли прорвать ее, а тем временем лучники на флангах сотнями расстреливали их. Битва, по сути, была во многом похожа на английскую битву при Кресси; как лучники, так и спешившиеся всадники отбивались от кавалерии противника без поддержки. Наконец, ближе к сумеркам остатки готской кавалерии в

беспорядке отступили к своей пехоте, и Нарсес приказал 1500 кирасирам из своего резерва нанести удар во фланг противника.

С готами все было кончено. Их строй сломался и обратился в бегство, их доблестный король был смертельно ранен в погоне, и только темнота спасла армию от уничтожения. Так погиб Бадуила, последний остготский король Италии и 'первый из рыцарей Средневековья', как его некстати окрестили. Однако предстояла еще большая борьба. Воины, бежавшие из Тагины, провозгласили графа Тейю королем, и хотя большинство итальянских городов восприняли смерть Бадуилы как окончание войны, некоторые все еще держались. Рим, укомплектованный недостаточным гарнизоном, был легко взят штурмом, и его ключи были отправлены, теперь уже в третий раз, Юстиниану. Король Тейя, объехавший всю страну в тщетной попытке продолжить войну, был загнан в угол в Кампании. Его маленькая армия, укрывшаяся на холмах над Сорренто, предприняла внезапный рывок, чтобы застать полководца-евнуха врасплох. [Готы покидают Италию, 553.] Но Нарсес был готов к встрече с ними, и на берегах Сарно последние из готов были подавлены численностью и увидели, как их король был убит в самом начале битвы. Тогда жалкие остатки правителей Италии послали предложить покорность. Они покинули бы полуостров с поклажей, женой и ребенком и отправились бы за Альпы, если бы им только предоставили свободный проезд. Итак, осенью 553 года немногие оставшиеся готские гарнизоны сложили оружие, собрались вместе и исчезли за альпийскими перевалами в северной темноте. У нас нет никаких известий о судьбе этих последних выживших представителей великой расы остготов. Стали ли они вассалами франков, или смешались с баварцами, или искали своих родственников, вестготов Испании, никто не может сказать.

Так погибло готское королевство, созданное гением Теодориха, постигла та же участь, которая постигла пиратское королевство вандалов семнадцатью годами ранее. Оба пали, потому что правящая раса была слишком мала, чтобы удерживать захваченную огромную территорию, если только она не могла открыто и свободно объединиться с покоренным римским населением. | Причины готских катастроф. | Но роковая преграда арианства в каждом конкретном случае лежала между хозяевами и слугами, и когда появились православные армии Константинополя, ничто не могло удержать африканцев и итальянцев от открытия своих ворот захватчику. Остготы были мудры и терпимы, вандалы жестоки и преследуют, но конец был один и тот же в каждом королевстве. Разница между готами и вандалами проявлялась только в степени сопротивления. Погрязшие в грубой роскоши и обессиленные африканским солнцем, вандалы пали за один год перед единственной армией. Остготы, благороднейшие из германцев, великолепно сражались в течение семнадцати лет, победили самого великого Велисария и пали только потому, что непрекращающиеся бои истощили всю мужественность племени. Если бы Бадуила мог собрать в Тагинах 100 000 человек, которых Витигес когда-то повел против Рима, он никогда бы не потерпел поражения. Это одна из самых печальных сцен в истории, когда мы видим, как исчезает хорошо организованное королевство Теодориха, а Италия остается безлюдной пустыней, предметом споров между дикими ломбардцами, вероломными франками и экзархами далекой Византии.

Завоеванию Италии Нарсесом было суждено иметь еще один эпизод, прежде чем оно было завершено. Когда стала известна судьба Тейи, министры молодого франкского короля Теудебальда Мецского отправили на полуостров огромную армию под командованием двух швабских герцогов Хлотаря и Букселина. Их войска теснили полуостров, следуя за одним по западному побережью, за другим по восточному. Но армия Хлотаря была уничтожена голодом и

мором, а армия Букелина была уничтожена при Казилине, в Кампании, Нарсесом. Против массы франкских пехотинцев, вооруженных копьями и боевыми топорами, Нарсес применил ту же тактику, что и против готской конницы. Плотный центр спешившихся германцев, лангобардов и герулов сдерживал франкскую колонну, в то время как фланги римских лучников и кирасиров обошли захватчика с флангов, окружили его и уничтожили. Говорят, что из 40 000 человек Букелина не спаслась и сотня, настолько хуже им пришлось, чем готам при Тагинах в предыдущем году. | Опустошение в Италии. | Опустошительные действия франков внесли последний штрих в нищету Италии. Точно так же на северной равнине, в Пицене и Эмилии, а также в окрестностях Рима исчезло все население. Юстиниан и Нарсес восстановили мир, но это был лучший пример когда-либо виденной пословицы "*solitudinem faciunt pacem appellant*".

К тем же годам относится история вторжения Юстиниана в южную Испанию - эпизод, который будет подробно описан в главе, посвященной вестготам.

Теперь мы должны вернуться к судьбе Юстиниана на Востоке. Следует помнить, что его Вторая персидская война закончилась пятилетним перемирием в 545 году, после великой эпидемии чумы и доблестной защиты Эдессы. Последовавшие за этим пять мирных лет были не очень заметны в истории империи, за исключением одного важного события. Феодора, коллега и второе "я" Юстиниана, умерла от рака в 548 году, и с ее смертью большая часть энергии ее мужа, если не его настойчивости, похоже, исчезла. Лишенный своего советника и помощника, император стал мрачным и болезненным. Его полуночные занятия были направлены исключительно на теологию, и он пустился в бесполезный церковный спор о 'Трех главах'. Это был совершенно ненужный спор о том, содержали ли три документа трех святоотеческих авторов, Феодора, Ибы и Феодорита — все давно умершие — еретические материалы или нет. Но это привело к потрясению всю Восточную Церковь и привело Юстиниана к ссоре с римским престолом, который отказался осудить "Три главы". Он схватил папу Вигилия и привез его в Константинополь, чтобы заставить его придерживаться своих взглядов. | Юстиниан и папа Вигилий. | Продержав несчастного понтифика на Востоке шесть лет и даже вытащив его из святилища и заточив на острове, императору удалось побудить его объявить, что Феодор и два других богослова действительно впали в тяжкую ересь (553 год н.э.). Юстиниан торжествовал, но Вигилий обнаружил, что тем самым он внес раскол в Италию и Африку, где многие епископы поддерживали "Три капитула". Африканский собор зашел так далеко, что отлучил Вигилия от церкви, и в течение столетия некоторые североитальянские церкви были лишены общения с римским престолом.

Но задолго до того, как Вигилий сдался, Юстиниан снова вступил в войну с Персией. Когда в конце 549 года пятилетнее перемирие закончилось, императорские войска двинулись вперед, чтобы восстановить сюзеренитет Колхиды - единственного пункта, который был уступлен Хосрову по договору 545 года. Но, как ни странно, хотя война возобновилась на Черном море, она не возобновилась на месопотамской границе. | Третья персидская война, 549-55. | Обе стороны согласились возобновить перемирие для всего, кроме Колхиды, и только на этой ограниченной арене продолжались военные действия. Эта борьба напоминает, в этой любопытной особенности, способ, которым французы и англичане сражались в Индии в восемнадцатом веке, в то время как в Европе у них был мир. Условия войны были благоприятны Юстиниану, чьи армии имели свободный доступ по морю к побережью Колхиды, в то время как персам приходилось добираться до него через дикие перевалы через армянские и Иберийские горы. Мрачная, но очень кровопролитная колхидская, или лазская, война продолжалась шесть

лет, опустошая как персидскую, так и имперскую казну; но, наконец, римляне одержали верх в борьбе, заручились почетом лазского царя и отбросили персов далеко вглубь страны (555). Наконец, после бесконечных переговоров Хосров заключил мир, отказавшись от своих притязаний на Колхиду в обмен на компенсацию в размере 30 000 солидов (18 000 фунтов стерлингов) в год.

Это была последняя из великих войн Юстиниана; но конец его правления был далек от мирного или процветающего. Это было особенно примечательно в связи с неоднократными вторжениями гуннов и славян на Балканский полуостров. Самый крупный набег был совершен в 558 году, когда котригурские гунны под предводительством своего хана Забергана ускользнули от гарнизонов на Дунае, пересекли Балканы и свободно разгуливали по всей Фракии.

[Велисарий побеждает гуннов.] Один отряд из 4000 всадников подтолкнул их вторжение к самым воротам Константинополя и так встревожил Юстиниана, что он приказал престарелому Велисарии снова взяться за оружие и спасти столицу. Военные ресурсы империи были настолько разбросаны, что Велисарий мог рассчитывать только на 300 своих собственных ветеранов, на "Академическую гвардию"^[13] и набор полуруких фракийских крестьян. Умело разместив этот небольшой отряд и побудив гуннов атаковать его линию обороны именно там, где она была наиболее сильной, он разбил варваров и с триумфом вернулся из этой своей последней кампании.

13. В городе собрался отряд местных войск, которые входили в состав императорской гвардии.

После этого последнего подвига старого генерала грустно узнавать, что его хозяин даже еще не научился доверять ему. Четыре года спустя был составлен тщетный заговор против Юстиниана, и Велисария обвинили в том, что он знал о нем. Он был опозорен и помещен под стражу на восемь месяцев, прежде чем император убедил себя, что обвинение ложно. Восстановленный наконец в благосклонности, он прожил еще два года во владении своими богатствами и почестями,^[14] и умер в марте 565 года. Его неблагодарный хозяин последовал за ним в могилу еще до конца того же года. 11 декабря 565 года Юстиниан, прожив более семидесяти лет и царствовавший тридцать восемь, спустился в гробницу.

14. Теперь полностью признано, как доказали Финли и Бери, что нет правды в легенде о том, что Велисарий был ослеплен и стал нищим, взывающим к народу, *Датэ оболум Белисарио*.

Мы говорили о войнах Юстиниана, о его постройках, о его финансовой политике, о его церковных спорах. Но ни за что из этого его так хорошо не помнят, как за его деятельность в еще одной сфере. [Правовые реформы Юстиниана.] Именно своей великой работой по кодификации римского права и оставлению его в полной и упорядоченной форме в наследие юристам современного мира он заслужил свое величайшее право на бессмертие. Это было достижением первой половины его правления, осуществленным с помощью лучших юристов Константинополя во главе с Трибонианом, способным, но жадным квестором, против которого так яростно бушевали мятежники в "Нике".

Римское право до сих пор состояло из двух элементов — конституций и эдиктов императоров и решений великих юристов прошлого. Оба эти элемента были несколько хаотичны. Пять столетий императорских эдиктов отменяли и противоречили друг другу в самой безнадежной путанице; в них смешались языческие и христианские идеи, многие из них полностью устарели, а новые условия жизни общества сделали работу других невозможной. Не были менее

хаотичными и *разумные ответы* или решения древних юристов; в современной Англии трудности "прецедентного права", как его удачно назвали, настолько запутанны, что позволяют нам понять проблемы константинопольского судьи, столкнувшегося с дюжиной прецедентов противоречивого значения.

Юстиниан устранил всю эту путаницу, создав три великих произведения. Его *Кодекс* привел имперские конституции в приемлемую форму, исключив все устаревшие эдикты и приведя остальное в соответствие с требованиями христианского государства шестого века. Его *Сборник* или *Пандекты*, сделали то же самое для решений древних юристов, установив баланс полномочий и указав прецеденты, которые должны были быть приняты. Наконец, *Институты* дали общий обзор римского права в форме комментария к его принципам для использования студентами. Этим томам было суждено стать основой всей систематической юриспруденции в современной Европе; их сборник был последним, но не по значимости, произведением, отражающим древнеримский дух закона и порядка, воплощенный в речи последнего великого императора Рима, ибо никто из преемников Юстиниана не мог сказать, как это мог он сам, что латынь была его родным языком. Прошедшие века запомнили его прежде всего как составителя *Кодекса*, и именно как его создателя Данте возводит его на один из звездных тронов христианского рая.

Несмотря на все его великие достижения, нельзя оспаривать тот факт, что Юстиниан оставил империю слабее, чем он ее нашел. Его территориальная экспансия в Италии, Африке и Испании не компенсировала истощения восточных провинций. Своими безжалостными налогами Юстиниан высосал из них жизненную энергию и сделал их беднее и слабее, чем они когда-либо были прежде. Даже его армии почувствовали реакцию; в конце его правления мы читаем, что они падали как в численности, так и в эффективности; новые и расширенные границы были больше, чем они могли охранять, а старая раса полководцев, следовавших за Велисарием, была мертва. Говорят, что сам Юстиниан пренебрегал их оплатой и содержанием, в то время как заставлял свои престарелые мозги ломать голову над проблемой "Трех глав" или ересью афтартодоцетизма. Подобно Людовику XIV из Франции, на которого он похож во многих других отношениях, Юстиниан завершил свое царствование беспрецедентным по великолепию образом мрачного пиетиста, чей деспотизм истощил и сокрушил народ, который возненавидел само его имя.

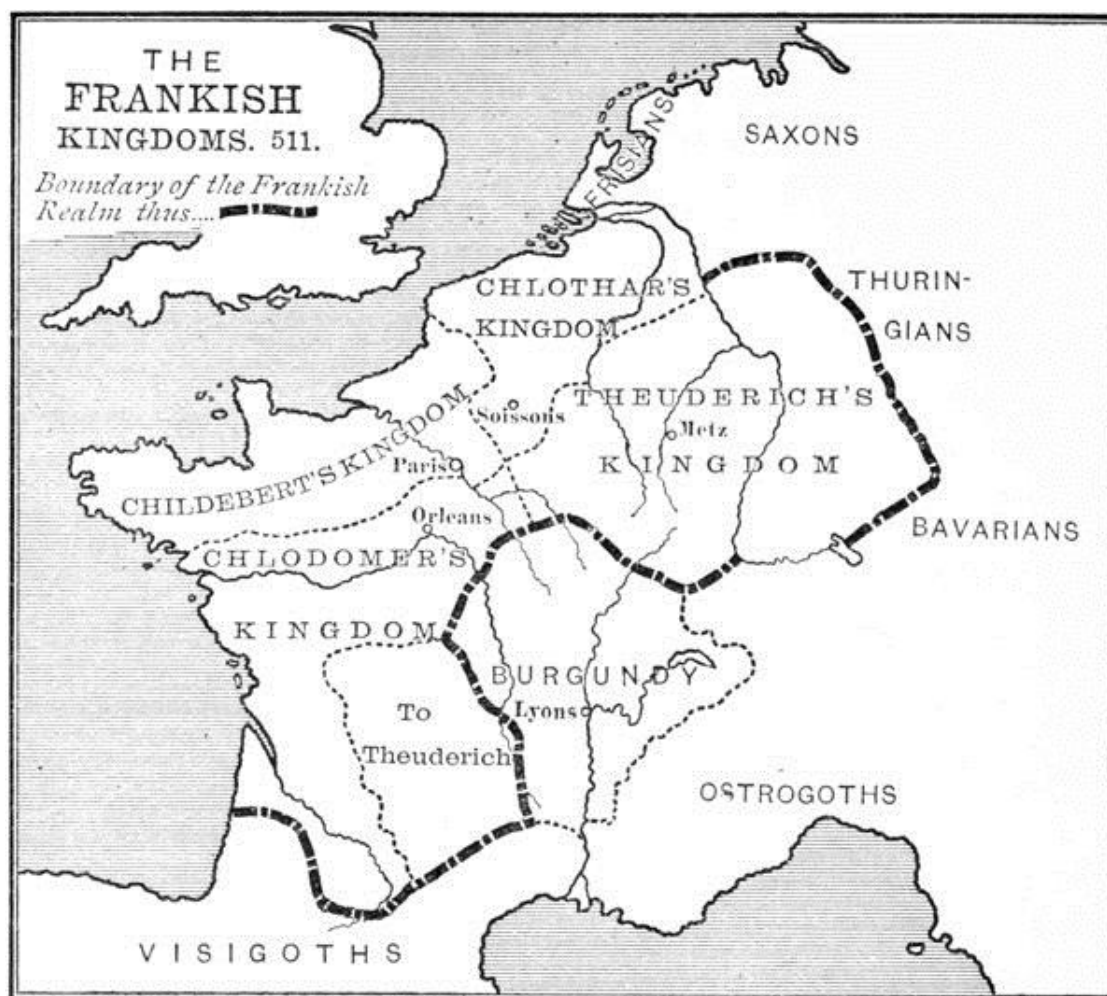
ГЛАВА VII

ПЕРВЫЕ ФРАНКСКИЕ КОРОЛИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИМИ ГАЛЛИИ

511-561.

Сыновья Хлодовека—Теудерих завоевывает Тюрингию, 531—Хильдеберт и Хлотарь завоевывают Бургундию, 532—Их война с вестготами—Теудеберт вторгается в Италию—Хлотарь воссоединяет франкские королевства, 558—Организация Франкского королевства—Высшие должностные лица—Мэры дворца—графы и герцоги—Местное самоуправление, Маллюс—Юридическое и финансовое устройство.

Хлодовех оставил четырех сыновей: одного, Теудериха, родила ему жена-франкка в ранней юности; троих, Хлодомера, Хильдеберта и Хлотаря, отпрысков его супруги-бургундки Хротехильдис. В соответствии со старым тевтонским обычаем раздела наследия, четверо молодых людей разделили между собой недавно завоеванные владения своего отца, хотя этот раздел угрожал подорвать франкскую державу в период ее ранней юности. Теудерих, старший сын, получил самую компактную и наиболее тевтонскую часть владений Хлодовека, старое королевство рипуарских франков вдоль берега Рейна от Кельна на юг до Базеля, с новыми франкскими поселениями к востоку от Рейна в долине Майна. |Сыновья Хлодовека.| Однако он поселился не в Кельне, старой столице Рипуарии, а в более южном городке Мец на Мозеле, древнеримском городе, хотя и менее известном до сих пор, чем его более крупный сосед Трир. В дополнение к Рипуарии Теудерих получил половину недавно завоеванной Аквитании, ее восточную половину от Клермона и Лиможа до Альби.

ФРАНКСКИЕ КОРОЛЕВСТВА. 511.

В то время как Рипуария была отдана Теудерих, его брат Хлотарь получил другое старое франкское королевство, древнюю территорию салийских франков от устья Шельды до Соммы, вместе с первыми завоеваниями его отца у галло-римлян в долине Эны. Его столицей был Суассон, старая крепость Сиагрия, расположенная на крайнем юге его владений. Два оставшихся брата, Хлодомер и Хильдеберт, правили соответственно в Орлеане и Париже, а также землями на Сене, Луаре и Гаронне, которые Хлодовех отвоевал у Сиагрия и Алариха. Их королевства, должно быть, были гораздо менее сильными, поскольку франки населяли их гораздо реже, чем королевства Теудериха и Хлотаря. Владения Хлодомера включали всю долину средней и нижней Луары, а также западную Аквитанию, включая Бордо и Тулузу. Хильдеберту принадлежала меньшая доля — долина Сены и берега Ла-Манша от устья Соммы на запад.

Все четверо братьев—королей были достойными сыновьями своего злого отца - дерзкими беспринципными воинами, лишенными естественной привязанности, жестокими, похотливыми и вероломными. Но они были в высшей степени пригодны для расширения теми же средствами, которые использовал Хлодовек, тех царств, которые он им оставил. Времена тоже были благоприятными, ибо при их жизни была устранена единственная преграда, мешавшая прогрессу франков, - могущество сильного готского королевства, подчинявшегося Теодориху Великому.

Хотя сыновья Хлодовека нередко замыслили низложение или убийство друг друга, все же они обычно обращали свое оружие против внешних врагов и даже иногда объединялись, чтобы помочь друг другу. Целью, которую каждый ставил перед собой, было подчинение ближайшего независимого государства. Поэтому Теудерих обратил свой взор на внутреннюю Германию и королевство Тюрингов, на Зааль и верхний Везер; Хильдеберт и Хлодомер обратили свое внимание на своих южных соседей бургундов.

Обоим этим государствам было суждено пасть перед сыновьями Хлодовека, но ни одно из них не прошло без тяжелой борьбы. Теудериха отвлекло от его первых попыток напасть на Тюрингию крупное пиратское вторжение в Нижний Рейн банд грабителей из Скандинавии во главе с датским королем Хигелаком (Хрохолойком), которого в основном помнят как брата того Беовульфа, прославляемого в самом раннем англосаксонском эпосе (515). [Теудерих завоевывает Тюрингию.] Сын короля рипуарийцев убил пирата, и в следующем году началась тюрингская война. Это продолжалось до 531 года, когда Теудерих, призвав на помощь своего брата Хлотаря, полностью разрушил королевство Тюрингов и сделал его своим данником. Франк отпраздновал свою победу сначала неудачной попыткой убить своего брата и помощника Хлотаря, который был вынужден в спешке бежать домой, а затем вероломным убийством Германфрида, побежденного короля Тюрингии, который сдался, получив обещание сохранить ему жизнь. Теудерих повел его беседовать вокруг стен города Цюльпих и внезапно приказал своим слугам столкнуть его с крепостного вала, так что у него была сломана шея. Южная Тюрингия, регион на берегах рек Верра и Унструт, в будущем была провинцией-данником франков. Северная Тюрингия, между Эльбой и Веррой, была захвачена саксами и никогда не попадала под власть Теудериха.

Пока король Рипуарии воевал в Германии, его младшие братья напали на Бургундию. В 523 году Хильдеберт и Хлодомер напали на непопулярного короля Сигизмунда, убив его собственного сына, как мы уже рассказывали в другом месте.^[15] Они избили его в бою, взяли в плен и бросили вместе с женой и сыном в колодец. [Вторжение франков в Бургундию.] Но Гондомар, брат Сигизмунда, восстановил военное положение в следующем году и разбил франков при Везеронсе в битве, в которой был убит Хлодомер (524). Прежде чем начать бургундскую войну, братья покойного решили разграбить его владения. У короля Орлеанского остались только младенцы, поэтому Хильдеберту и Хлотарю не составило труда захватить его земли на Луаре. Трое маленьких мальчиков, которым должно было достаться королевство, были схвачены и приведены к своим дядьям. Хильдеберт, негодяй, настроенный более мягко, предложил сохранить им жизни, но Хлотарь фактически оттащил их, пока они цеплялись за колени его брата, и собственными руками перерезал горло двум старшим. Младшего подобрал и спрятал верный слуга, и он выжил, чтобы стать монахом и оставить свое имя 'монастырю Хлодовальда' (Сент-Клауд).

15. См. стр. 27.

Из владений Хлодомера Хильдеберт захватил земли в верховьях Луары и столицу Орлеан, Хлотарь в устье Луары и часть Аквитании к югу от нее. Услышав ложное сообщение о том, что его старший брат Теудерих пал в битве с тюрингами, Хильдеберт вторгся в Восточную Аквитанию, часть наследия его брата. Но Теудерих вернулся в гнев, и король Парижа и Орлеана решил вместо этого выступить против вестготов и изгнать их с земель между Северными и Пиренеями. Великий Теодорих только что умер, так что вестготский король Амальрик, внук ушедшего героя,

не мог ожидать никакой помощи из Италии. Хильдеберт нашел свой предлог в жалобе на то, что его сестра Хротехильдис, жена Амальрика, была отстранена от отправления католической религии и жестоко обращалась со своим мужем-арианином. С этим священным призывом в качестве своего повода к войне он выступил против Нарбонны, разбил Амальрика в битве и прогнал его через Пиренеи к воротам Барселоны. |Война с вестготами, 531 год.| Там он был убит либо мечом преследующих его франков, либо вестготской армией, разъяренной трусостью, которую он проявил в борьбе. После его смерти готы подняли щит и приветствовали как короля престарелого графа Теудиса, регента, правившего Испанией от имени Теодориха Великого во время несовершеннолетия Амальрика. Так закончился род балтингов как правителей вестготов; их последующие короли не принадлежали к старому королевскому дому. Теудис, которого подозревали в причастности к убийству своего покойного ученика, вскоре оправдал выбор готов, отвоевав у франков Нарбонну и другие города Септимании. Хильдеберт отправился на другой поход, и старые владения вестготов к северу от Пиренеев были отвоеваны без особых проблем (531).

Предприятие, которое отозвало Хильдеберта, было новой попыткой завоевать Бургундию, в которой его брат Хлотарь обещал присоединиться к нему. |Завоеванная Бургундия, 532.| Весной 532 года короли Парижа и Суассона объединили свои силы и двинулись вверх по долине Йонны. Они осадили Отен, и когда Гондомар, бургундский монарх, пришел им на помощь, нанесли ему такое сокрушительное поражение, что он бежал в Италию и покинул свое королевство. После нескольких осад победоносные братья-франки овладели всем бургундским королевством вплоть до границ остготов в Альпах и Дроме.

Когда Бургундия была завоевана, франки начали готовиться к новой кампании против вестготов, в которой Теудерих намеревался участвовать не меньше, чем его братья. Но этот план был сорван смертью короля Рипуарии в начале 533 года. У него остался сын Теудеберт, уже взрослый мужчина и хороший воин, но в истинно меровингской манере дяди наследника предприняли энергичную попытку захватить и разделить его владения. Только оперативность и энтузиазм, с которыми рипуарцы сплотились вокруг своего молодого короля, спасли его от участи его кузенов, принцев Орлеанских. Однако Теудеберт не только настоял на своем, но и вынудил своих дядей выделить ему долю только что завоеванной Бургундии, когда раздел этой страны был окончательно произведен.

На самом деле Теудеберт вполне мог позаботиться о себе и вскоре показал, что он такой же беспринципный и предприимчивый, если не такой кровожадный, как его отец и дяди. И все же для меровинга он был неплохим образцом монарха, и хронисты сообщают нам, что он справедливо правил своим королевством, почитал духовенство, строил церкви и раздавал много милостыни бедным. То, что как политик он был изворотлив и вероломен, вскоре показали его отношения с Италией. |Теудеберт вторгается в Италию, 535.| В 535 году император Юстиниан, накануне своего вторжения в королевство Остготов, подкупил трех франкских монархов даром в 50 000 солидов, чтобы те напали на Италию с тыла. Как дяди, так и племянники были готовы взять деньги и присоединиться к разграблению полуострова. Но в следующем году готский король Витигес, стремясь освободиться от второй войны, предложил франкам уступить Прованс и Рецию, если они заключат с ним мир и окажут ему военную помощь. Три короля с радостью согласились и предоставили ему вспомогательные силы в 10 000 человек, которые присоединились к готам для восстановления Милана. Говорят, что

Теудеберти Хильдеберт обманом лишили Хлотаря его трети прибыли: первый получил деньги, а второй - землю, которой завладел Витигес.

В 539 году Витигес и Велизарий оказались втянутыми в такой смертельный конфликт, что франки сочли это хорошей возможностью попытаться вторгнуться в Италию от своего имени. Теудеберт лично перешел через Альпы с армией в 100 000 человек, все пехотинцы были вооружены пиками и топорами, за исключением 300 дворян, которые скакали вокруг короля со щитами и копьями. Сначала обрушившись на своих друзей готов, затем, в свою очередь, напад на восточных римлян, Теудеберт прошел по северу Италии, разграбив Геную и опустошив всю долину реки По вплоть до Венеции. Вся открытая местность была в его руках, и готам и римлянам пришлось запереться в своих крепостях. Но болезнь, вызванная скверной жизнью, поразила франков и настолько проредила их ряды, что Теудеберту пришлось отступить домой, отказавшись от всего, что он приобрел, за исключением владения перевалами Коттийских Альп. Однако именно на своей итальянской добыче он отчеканил первую золотую монету, которую какой-либо варварский король отчеканил от своего имени. Вместо того чтобы поместить голову императора на свое плечо, как это до сих пор практиковалось у готов, франков и бургундцев, он изобразил свое собственное изображение щитом и щитом с надписью *Dominus Noster Theudebertus Victor*, без каких-либо упоминаний Юстиниана как императора или верховного владыки. Некоторые фрагменты заставляют его принять более поразительный титул *Dominus Theudebertus Augustus*, как будто он стремился объединить Галлию и Италию и перенять стиль западного императора; и, каким бы странным ни показался этот замысел, он получает некоторую поддержку от хрониста, который заявляет, что после своих итальянских завоеваний Теудеберт был настолько воодушевлен, что намеревался выступить против Константинополя и провозгласить себя владыкой мира (539).

Когда в следующем году вероломный Теудеберт спланировал еще одну экспедицию для отвоевания северной Италии и имел наглость еще раз предложить свой союз королю Витигесу, нам не нужно удивляться, что остготы даже на мгновение отказались прислушаться к увертюре и предпочли начать переговоры со своими восточноримскими врагами. Последовали сдача Равенны и триумф Велизария, и Теудеберт обнаружил, что, вторгаясь на полуостров, он будет иметь своим врагом императора, а не короля готов. Какое-то время он воздерживался от продолжения своих первых успехов, но странно обнаружить, что, когда дело готов снова восторжествовало в руках короля Бадуйлы, а северная Италия снова была разделена между римлянами и тевтонами, франки не воспользовались возобновившимися беспорядками, чтобы предпринять вторую экспедицию. [Завоевание Баварии.] Вероятно, что в эти 541-45 годы он был занят другим завоеванием земель между Дунаем и Норийскими Альпами, которые теперь носили название Баварии. Германские племена в древнем Норике, которые подчинялись Теодориху в великие дни Готской империи, остатки ругианцев, скирри, туркилингов и герулов, недавно объединились в федерацию под названием баварцы и выбрали герцога Гарибальда своим принцем^[16]. У нас нет подробностей о войнах Теудеберта против них, но известно лишь, что к концу своего правления он сделал баварцев данниками франков. Их завоевание, по всей вероятности, заполняет незарегистрированный промежуток времени между экспедицией Теудеберта в Италию и его смертью в 548 году. Мы знаем, что в течение нескольких лет в конце этого периода он был болен и прикован к постели, так что справедливо отнести подчинение Баварии к 543 году, за пять лет до даты смерти рипуарского короля. Теудеберт оставил свое королевство своему маленькому сыну Теудебальду, слабому и болезненному мальчику, чье

восшествие на престол, как мы с удивлением узнаем, зная характер его двоюродных дедушек, не встретило никакого сопротивления.

16. Это, по-видимому, лучший способ объяснить неясные истоки баварского герцогства. Происхождение слова "Бавария" трудно понять.

Пока Теудеберт был занят в Италии, два других франкских короля, Хильдеберт и Хлотарь, хотя теперь они оба были уже в преклонных годах, предприняли вторую экспедицию против вестготов и в 542 году захватили готскую провинцию к северу от Пиренеев, а затем переправились в долину Эбро. Они взяли Пампелуну и продвинулись до Сарагосы, которую осадили, но перед этим городом потерпели сокрушительное поражение от Теудигизеля, полководца старого готского короля Теудиса, и были отброшены обратно в Галлию, не удержав ни пяди своих завоеваний. Нарбонна и побережье Средиземного моря по-прежнему оставались придатком королевства Испания.

Та же участь, что постигла армии его двоюродных дедов в Испании, была уготована первой экспедиции, которую Теудебальд Рипуарский отправил в Италию. Юный король был слишком молод, чтобы возглавлять армию, но восточно-франкские магнаты, правившие от его имени, решили возобновить предприятие короля Теудеберта. Два герцога аламанный расы, Букелин и Хлотарь, которые, казалось, обладали главным влиянием при дворе в Меце, отправились в поход в 551 году, в то время как король Бадуила был занят своей последней отчаянной борьбой с восточными римлянами и захватил часть Венеции. Не поддерживая союза ни с римлянами, ни с готами, они угрожали напасть на обоих; но Нарсес, когда он выступил в Италию из Иллирии, оставил их в покое и продолжил атаковать царя Бадуилу, не обращая внимания на северных захватчиков. Битва при Казилине, 553 год.] Только в следующем году, когда Бадуила и его преемник Тейя были убиты, армии франков покинули свои лагеря в северной Италии и двинулись вниз, чтобы бросить вызов господству победоносного Нарсеса на опустошенном полуострове. О том, как они жили, нам пришлось рассказать в предыдущей главе. Хлотарь и его подразделение погибли от нужды или чумы в Апулии. Букселин и основные силы были разбиты Нарсесом в битве при Казилине. К концу 553 года все завоевания франков в Италии закончились, и 75 000 франкских трупов были похоронены на итальянской земле или оставлены итальянским стервятникам.

Менее чем через два года после того, как армии его генералов были истреблены Нарсесом, слабохарактерный Теудебальд умер, и, поскольку у него не осталось ни брата, ни дяди, Восточно-Франкское королевство осталось без наследников. По выбору рипуарского народа она досталась двоюродному деду Теудебальда, престарелому Хлотарю, королю Суассона, который, таким образом, стал обладателем трех четвертей Франкской империи. Поскольку его брат, еще более старший Хильдеберт, король Парижа, был бездетен, теперь было ясно, что после пятидесяти лет раздела империя Хлодовека вот-вот снова воссоединится (555).

Хотя Хлотарю шел семидесятый год, он все еще был достаточно энергичен, чтобы отправиться на войну. Когда владения Теудебальда перешли в его руки, он взялся за осуществление плана, который когда-то вынашивал его брат Теудерих, уже двадцать лет как умерший, по подчинению всех народов внутренней Германии. За вассальными тюрингами стояли независимые саксы, и против них Хлотарь в 555 году повел все силы как рипуарских, так и салианских франков. Саксы, с другой стороны, побудили многих тюрингцев поднять восстание и попытаться сбросить франкское иго. Военная удача поначалу была благосклонна к Хлотарю, который без особого

труда подавил тюрингское восстание, но когда в следующем году он повел свое войско в неизведанные леса и вересковые пустоши Саксонии, он потерпел такое ужасное поражение, что был вынужден бежать за Рейн и укрыться за стенами Кельна. Преследующие саксы опустошили трансренские владения франков вплоть до ворот Дейца. Им не суждено было стать вассалами своих западных соседей еще двести лет.

Известие о катастрофе Хлотаря в Германии и ложное сообщение о его смерти, дополненное слухами, вызвало волнения в Галлии. Храмн, старший сын Хлотаря, и Хильдеберт Парижский, его престарелый брат, сразу же взяли за оружие, чтобы разделить его королевство. И когда пришло известие, что он все еще жив, они не отказались от своей попытки. Они послали, чтобы расшевелить саксов, и упорствовали в войне. Но прежде чем они действительно скрестили мечи с Хлотарем, старый король Парижа умер, и Храмн, вынужденный полагаться на собственные силы, был вынужден сдаться на милость своего отца (558).

[Хлотарь, единственный король, 558 год.] Таким образом, Хлотарь после смерти Хильдеберта собрал последний независимый фрагмент обширного наследия своего отца и в течение трех лет (558-561) правил королевством Хлодовек, увеличенным за счет завоеваний Бургундии, Тюрингии, Прованса и Баварии, совершенных после раздела Франкской империи.

Хлотарь был худшим в своем доме. Все помнят, как началась его карьера с жестокого убийства племянников. Этому было суждено закончиться еще большим злодеянием. Его непокорный сын Храмн, хотя и был помилован в 558 году, снова восстал в 560 году с помощью бретонцев из Арморики. Хлотарь преследовал, победил и поймал мятежного принца. Затем он привязал его вместе с женой и маленькими сыновьями к столбам деревянного дома и сжег их заживо, подожгв здание. Этот шокирующий поступок привел в ужас даже жестоких франков, и было отмечено как суд небес, что король умер ровно через год после того, как предал своего наследника огню. Тело нечестивого старика, однако, было с большим почетом похоронено в церкви Святого Медарда, как если бы он был лучшим из государей (561). Его королевство перешло к его четырем сыновьям, обреченным на новый раздел всего через пятьдесят лет после его первого раздела между сыновьями Хлодовека.

Теперь, когда королевство Меровингов достигло своего полного расцвета и приняло форму, которую ему предстояло сохранять до падения династии, мы можем перейти к изложению основных фактов, касающихся его социальной и политической организации.

[Деспотическое правление Меровингов.] Подобно всем другим тевтонским государствам, возникшим на развалинах западных провинций Римской империи, оно обладало политическим устройством, которое очень далеко вышло за рамки простого положения вещей, описанного в "Германии" Тацита. Завоевания франков привели к росту королевской власти до высоты, которой она никогда не достигала в прежние времена. Как постоянный военный вождь, в то время, когда война была непрекращающейся, король постепенно расширил свою власть, превратив верховное командование на местах в верховное командование во всем. Он и его боевой отряд, состоявший из верных последователей, приняли на себя основную тяжесть сражения и, естественно, получили большую часть прибыли. Контроль, осуществляемый народными собраниями над королевской властью, кажется, почти исчез после первых дней завоевания. Во времена самого Хлодовека мы находим, что некоторые следы этого все еще сохраняются. Раз или два армия, в качестве публичного собрания мужественности всех франков, по-видимому, выступала против короля, но даже это препятствие постепенно исчезло.

Франкская империя стала слишком обширной, чтобы можно было проводить какие-либо публичные народные собрания страны, и король прислушивался к советам только тех магнатов — высших должностных лиц двора, епископов и губернаторов провинций, — которых он решал вызвать к себе. Два дополнительных фактора придавали монарху дополнительную силу. Первым было высокое уважение, оказываемое верховной власти покоренными галльскими провинциалами, людьми, давно привыкшими к деспотическому правительству Рима, — уважение, гораздо большее, чем любое из тех, которые франки привыкли оказывать своим королям. Привычка к послушанию галло-римлянина вскоре была скопирована Франком. Вторым фактором было обогащение короля за счет обширных земель старых имперских владений в Галлии, которые были переданы при завоевании франкскому королю и стали его частной собственностью, предоставив в его распоряжение огромный запас как земли, так и денег.

Таким образом, Меровинги были деспотическими правителями, мало контролируемыми какими-либо конституционными ограничениями, и могли быть свергнуты своими подданными только в том случае, если их поведение становилось абсолютно невыносимым. Самая большая опасность для них всегда исходила от их амбициозных родственников, а не от их народа.

Франкский король отличался от своих сторонников королевской привилегией носить длинные волосы — стрижка головы короля была лучшим признаком его низложения, — его королевской диадемой и королевским копьем. Иногда он заимствовал атрибуты у римлян, как, например, когда Хлодовех был облачен в одеяние патриция после своей готской войны.^[17] Но национальная одежда в целом соблюдалась.

17. См. стр. 63.

Правительством королевства управляли две группы министров — королевский двор, или *палатиум*, и губернаторы провинций. [Королевская семья.] Домочадцы следили за персоной короля во всех его передвижениях. Оно состояло в основном из личных товарищей, связанных клятвой верности, *комитетов* прежних времен, которые когда-то составляли военный отряд короля, но теперь составляли его министров и чиновников. Этих личных приверженцев франки называли *антрустионами*. Мы уже видели, что готы называли один и тот же класс *сайонами*, а англичан *гезитами*.

Глава королевского двора, или *палатиум*, был должностным лицом, которого последующие поколения обычно называли *Major Palatii*, или ‘мэр дворца’. Он был первым слугой короля, которому было поручено присматривать за остальными домашними чиновниками, и он был готов действовать при необходимости в качестве второго лица короля в вопросах войны, правосудия или управления. Во времена первых воинственных франкских королей мэр дворца удерживался на своем месте благодаря деятельности своего хозяина и был не более чем важным чиновником. Но по мере того, как личная энергия Меровингов угасала, их мэры становились все более и более важными, пока, наконец, мы не увидим, как они займут место регента и практически заменят короля. В старых английских монархиях не было чиновников, которые могли бы сравниться с ними по значимости, но при англо-норманнах должность юстициария была во многом похожа на ту, которую занимал франкский майордом *Палатий*.

После мэра дворца главными министрами королевского двора были маршал (*comes stabuli*), отвечавший за надзор за королевскими конюшнями; *Comes Palatii*, который выступал в

качестве юридического советника и асессора короля; казначей; и *Референдарий*, или королевский секретарь. Хотя все они в основном домашние чиновники, иногда их отлучают от двора по внешним делам, командуют армиями или направляют в посольства.

Сначала все должности были отданы франкам, за исключением должности Референдария, для заполнения которой было бы трудно найти образованного человека тевтонской крови. Но к концу VI века ими время от времени занимались мужчины галло-римского происхождения, а в VII веке это стало довольно распространенным явлением. В 605 году мы находим даже должность *майора Палатия*, самую важную из всех, в руках галло-римлянина Протадия.

Провинциальное, в отличие от центрального, управление Франкским королевством осуществлялось офицерами, носившими имена графов и герцогов (*comes, dux, Graf, Herzog*). Все королевство было разделено на графства. В чисто тевтонской половине единицей был старый племенной район, который римляне называли *Пагус*, а франкский *Гау*. [Графы и герцоги.] В каждую из этих племенных единиц был назначен граф. В романо-галльской половине королевства графство состояло из *civitas*, или города с зависимым от него районом, который сохранился со времен Западной империи и часто представлял исконное кельтское племя. Граф был одновременно военным и гражданским чиновником. Он вершил правосудие, возглавлял вооруженный сбор в своем округе и следил за повышением налогов.

Несколько графств часто объединялись и подчинялись одному должностному лицу более высокого ранга, *герцогу*, которому графы должны были следовать и повиноваться. Подобные союзы графств были наиболее распространены на границе, где требовалась сильная и сплоченная оборона от внешних врагов и где было бы небезопасно возлагать охрану границы на полдюжины графов, которые могли охотно сотрудничать друг с другом, а могли и не сотрудничать. В Провансе и Бургундии *дукс* был также известен под римским титулом патриция.

Все провинциалы, как и домашние чиновники франкских королей, изначально были тевтонского происхождения. Но в шестом веке галло-римлянам были предъявлены как меньшие, так и большие обвинения. Нам придется не раз упоминать об одном из этих местных герцогов, бургундце Евнии Муммоле, при изложении истории последних лет VI века.

[Местное самоуправление.] Губернатору провинции, графу или герцогу, помогал заместитель, или *викарий*, которого он назначал на свое место во время своего отсутствия при дворе или на войне, или пока он был занят какой-нибудь особенно увлекательной работой дома. Незначительное управление графством осуществлялось *центенариями*, или сотниками, называемыми также иногда *трибунами*. Графство было разделено на сотни, и над каждой из них председательствовал сотник, назначенный графом исполнять обязанности полицейского магистрата в мирное время и руководить жителями своего округа во время войны. На его рассмотрение поступали мелкие судебные дела, но в установленные сроки граф объезжал все сотни в своем графстве и вершил правосудие на общественном собрании жителей.

Трибунал графа назывался *Маллус*. Он сидел в компании нескольких заседателей, выбранных из числа главных людей округа. Этих магнатов называли *Рахимбурги*, или *Boni Homines*. Они были вызваны графом и не имели независимой от него власти, но по древнему обычаю — как римскому, так и тевтонскому — заседатели всегда вызывались на помощь главному судье. Подобная система встречается как в суде римского провинциального магистрата, председательствовавшего в своем *монастыре*, так и в примитивных германских судах,

описанных Тацитом. Граф, восседавший в своем *Маллусе*, обладал полной властью над жизнью и смертью, а также авторитетом во всех делах, за исключением тех случаев, когда заинтересованные лица были настолько велики, что дело могло быть передано в Высший королевский суд и рассмотрено самим королем и *Палатином*.

Франки нередко применяли смертную казнь за убийства, поджоги, разбой и другие тяжкие преступления. Но они также использовали систему *оборотней*, как и наши собственные англосаксонские предки. С согласия семьи жертвы почти каждое убийство могло быть оправдано выплатой сумм, варьирующихся от 30 золотых солидов за раба до 1800 для свободного человека высокого ранга. |Оборотень.| В случаях, когда доказать преступление было трудно на основании представленных улик, франки часто прибегали к клятвам и соглашениям. Обвиняемый сам по себе или группа его сторонников в его защиту давали торжественную клятву в том, что он невиновен, и этого было достаточно, чтобы оправдать его, если не было представлено никаких дополнительных доказательств. Судебные поединки также были нередки. Однако они появлялись у бургундов до того, как ими занялись франки. Не был неизвестен и обычай подвергать испытанию преступников, осуждение которых далось с трудом: чаще всего использовался метод кипячения воды, при котором обвиняемый опускал руку в котел.

Следует отметить, что в этой франкской администрации не было и следа народного правления. Король выбрал графа, а граф - сотника. Король не контролировался и не сдерживался никаким народным собранием нации, а граф или сотник - никаким собранием жителей его округа. Король издавал эдикты и законы под свою личную ответственность, и точно так же граф управлял своим графством, не думая отчитываться ни перед кем, кроме короля. Такие собрания, которые имели место, созывались для заслушивания решений короля или графа, а не для их обсуждения или рекомендации по их изменению. Древняя германская свобода исчезла, уступив место автократии, столь же четко определенной, как автократия исчезнувшей Римской империи.

Помимо герцогов и графов, король держал в провинциях и других чиновников. Это были *доместики*, которым было поручено контролировать королевские владения - земли по всему королевству. Они были личными судебными исполнителями короля в его собственных владениях, действуя во многом так же, как "Прокураторы Фискуса" когда-то действовали при римских императорах в древних провинциях. Во дворце были и другие *доместики*, чьи должности также были финансовыми, и которые, очевидно, служили подчиненными у главного казначея.

Доходы Меровингов, по-видимому, в основном сводились к четырем статьям. |Доходы.| Первым была прибыль королевского домена, получаемая *доместиками*. Второй был связан с таможенными сборами, взимающимися как на сухопутной, так и на морской границе империи. Третьим был сбор штрафов и композиций в судах, из которых треть всегда шла королю. Но четвертым, и самым важным, была регулярная ежегодная дань графств. Каждый округ был оценен в королевских книгах на определенную сумму, которую граф должен был собрать и отправить под свою личную ответственность. Похоже, что сначала данью облагались только галло-римские округа. Теудеберт, внук Хлодовека, как нам говорят, первым подчинил самозванству исконно франкские области, и эта обида была столь глубокой, что, когда он умер,

австразийцы восстали и убили Парфения, министра, который предложил королю такой метод увеличения его доходов.

Из этого краткого очерка устройства Франкского королевства будет видно, что его организация лежала на полпути между почти чисто тевтонскими формами правления ранней Англии и почти чисто римскими методами, применявшимися Теодорихом Великим в Италии. Это то, чего можно было ожидать. Франкское королевство ни в коем случае не было примитивным тевтонским государством, но оно было гораздо большим государством, чем остготское королевство в Италии.

ГЛАВА VIII

ВЕСТГОТЫ В ИСПАНИИ

531-603

Слабость вестготского королевства—Гражданские войны и убийства королей—Римляне вторгаются в Андалусию, 554 г.—Правление Леовигильда—Он восстанавливает могущество вестготов—Его завоевания—Восстание и смерть его сына Герменегильда—Правление Реккареда—Он обращает готов в католичество—Последствия этого обращения.

Мы уже рассказывали о судьбах Хлодовека Франкского и Теодориха Великого историю изгнания вестготов из Аквитании и исчезновения их королевского дома — балтов, рожденных небесами, — в результате смерти Алариха II. и Амальрик, оба убитые мечом франков.

В 531 году вестготы, лишенные всех своих владений к северу от Пиренеев и преследуемые на Пиренейском полуострове победоносными франками, оказались без какого-либо принца из старого королевского рода, который мог бы взойти на трон и избавить их от врагов. [Выборы Теудиса, 531 год.] Войско приступило, согласно тевтонскому обычаю, к избранию короля и остановило свой выбор на старом графе Теудисе, остготском дворянине, который исполнял обязанности регента при Амальрике в течение долгих лет его несовершеннолетия. Ветеран оправдал свой выбор тем, что вернул часть утраченных земель за Пиренеями — богатую провинцию Септимания с ее городами Нарбонна, Нисмес и Каркассон. Десять лет спустя Теудису пришлось столкнуться с очередным вторжением франков, и ему снова удалось отразить своих противников после кровопролитной битвы при Сарагосе (542).^[18]

18. См. стр. 133.

Спасенная от опасности франкского завоевания, вестготская нация столкнулась с проблемой реорганизации своей конституции в соответствии с новыми условиями своего существования. Ранее он считал своим домом скорее Галлию, чем Испанию. Любимой резиденцией его

королей была Тулуза, а не Барселона или Толедо. Галлия была теперь потеряна, за исключением одной провинции, и только в Испании сохранилось вестготское имя. Но еще хуже, чем потеря своего древнего дома, была потеря своего древнего королевского дома. В те дни ничто не могло быть более пагубным для тевтонского племени, чем прекращение рода его древних королей, происходящих от небес. Когда возникла необходимость выбрать правителя из числа знати, каждый амбициозный граф и герцог мог претендовать на трон. Каждые выборы были ожесточенными, и кандидаты, которым не удалось завоевать расположение принимающей стороны, уходили в отставку, чтобы строить заговоры и интриговать против своего более удачливого соперника. Когда ни у кого не было какого-либо обязательного наследственного права на престолонаследие после смерти правящего короля, искушение покончить с ним насилием и попытаться завладеть его наследством было непреодолимым. Таким образом, случилось так, что из двадцати трех вестготских королей Испании — от Теудиса до Родерика — не менее девяти были свергнуты, и из них семеро были убиты своими преемниками. Средняя продолжительность их правления составляла менее восьми лет, и только в восьми случаях сын сменял отца на троне. Был только один-единственный случай, когда дедушка, отец и сын следовали друг за другом в бесспорной последовательности.

|Слабость вестготов.| Рассказывая историю франков в Галлии, мы имели возможность указать на сравнительную легкость, с которой франки и римские провинциалы объединились, образовав новую нацию. Мы видели, как с самого начала галльские епископы использовались Меровингами в качестве министров и доверенных лиц, и как за короткое время галло-римским графам и герцогам предпочли высокие посты во франкском дворце и армии. В Испании такой легкий союз между тевтонскими завоевателями и провинциалами был невозможен, потому что между ними лежала огромная религиозная преграда. В отличие от франков, вестготы были арианами, сохранившими еретическую форму христианства, которую их предки усвоили за Дунаем в четвертом веке. Испанские провинциалы, с другой стороны, были почти фанатично ортодоксальны. Готы образовали свою собственную религиозную общину, совершенно отдельную от испанцев, с арианскими епископами и священниками в услужении; и их короли не могли признавать местных епископов или использовать их, как это сделали Меровинги в Галлии. Провинциалы ненавидели своих правителей как еретиков, так и варваров, и никогда добровольно не соглашались с их господством. Они были не прочь поддержать наступление ортодоксальных франков и приветствовали прибытие войск восточноримских императоров к их берегам в шестом веке. Пока вестготы оставались арианами, они не возвысили ни одного испанца до власти или должности; только когда они стали католиками в самом конце VI века, первые римские имена встречаются среди слуг короля.^[19] В течение первых семидесяти лет своего правления в Испании вестготы были полностью отчуждены от своих подданных (511-587).

19. Самый ранний известный случай связан с герцогом Клавдием, генералом короля Реккареда I, первого ортодоксального правителя Испании. Он победоносно командовал войсками Гунтрама Бургундского против франков в 589 году.

Таким образом, хозяева Испании были немногочисленным племенем, рассеянным среди масс угнетенного подвластного населения. Они были хозяевами только благодаря силе меча, но их военная мощь была подорвана слабостью их выборных королей, которые были слишком заняты поддержанием своей шаткой власти над недовольными вождями, чтобы позволить им показать свое оружие за границей. Почти все войны вестготов были либо междоусобицами между

королями-соперниками, либо оборонительными кампаниями против вторгшихся франков из-за Пиренеев.

Есть еще один момент, который следует добавить к этой картине рассеянного королевства вестготов; они даже не были хозяевами всего Пиренейского полуострова, но должны были бороться с жестокими и бдительными врагами в его пределах. В западных Пиренеях и на берегах Бискайского залива баски сохраняли ненадежную независимость и спускались из своих крепостей грабить долину Эбро всякий раз, когда готы были вовлечены в междоусобицы. Дальше на запад, в древней Галисии и Лузитании, все еще существовало королевство свевов — первоначальных тевтонских завоевателей Испании. Первые вестготские короли загнали их в горы на Западе, но никогда не следовали за ними в их последние убежища, чтобы принудить к полному подчинению. Короли-свевы правили в Браге над страной к северу от Тежу и к западу от Эсла и Тормеса до последних лет VI века. Всякий раз, когда представлялась благоприятная возможность, они принимали участие в гражданских войнах вестготов и опустошали долины верхнего Дору и нижнего Тежу.

Внутренняя организация вестготского королевства представляет собой картину, сильно отличающуюся от централизованного деспотизма, когда все зависело от короля, который, как мы описали, существовал у ранних франков в Галлии. Подобно франкам, вестготы разделили свои завоевания на округа, управляемые графами или герцогами, обычно используя в качестве единицы деления старые римские границы провинций *исcivitates*. Но вестготские губернаторы находились гораздо в меньшей степени под контролем своих выборных королей, чем франкские графы под властью деспотичных Меровингов. Каждый из них держал телохранителя из личных иждивенцев, называемых — как у остготов — *сайонами*, или иногда *букеллариями*, которым он мог доверять, чтобы они следовали за ним даже против короля. [Сайоны.] Именно обладание этим вооруженным приверженцем среди беспомощной, безоружной массы провинциалов позволяло любому популярному и амбициозному графу или герцогу осмелиться на попытку восстания всякий раз, когда его хозяин был слаб или неудачлив. Среди вестготов, по—видимому, была сравнительно небольшая группа мелких фригольдеров — *ceorls*, как их называли бы в Англии. Существует мало следов какого—либо промежуточного класса между знатью — будь то официальная знать, *палатини* или дворяне по рождению — и их заклятыми последователями *сайонами*. Фактически, королевство с полным основанием можно было бы назвать феодальным по своей организации, состоящим из подневольного населения испано-римской крови, сдерживаемого горсткой готских латников, каждый из которых был связан клятвой следовать какому-нибудь великому вельможе, который считал себя равным своему королю и оказывал ему лишь самое незначительное почтение. До сих пор у короля не было возможности прокормить себя, призвав на помощь ни Церковь, ни подвластное римское население; его арианство не позволяло ему прибегнуть к какому-либо подобному средству.

Разница между римлянином и готом действительно была подчеркнута во всех отношениях. Для подданного и магистра существовали разные кодексы законов, в первом использовалась местная адаптация феодосийского кодекса, известная как *Бревиарий Аларича*, в то время как о последнем судили по староготскому обычному праву, еще не переведенному в письменную форму.^[20] Даже браки между двумя расами были незаконными, пока примерно в 570 году король Леовигильд не нарушил запрет, взяв в жены Феодосию, дочь Севериана. Испания, к сожалению, нуждалась в таком правителе, как Теодорих Великий, который выступал бы

посредником и улаживал разногласия между двумя народами, проживавшими в пределах ее границ.

20. Готский закон, вероятно, был записан Реккаредом около 587 года.

Злой конец постиг всех первых трех вестготских королей, правивших в Испании. Престарелый Теудис семнадцать лет находился у власти и, как мы уже рассказывали, успешно отразил три последовательных нападения франков на полуостров. Но конец его правления был омрачен катастрофой; напуганный быстротой, с которой армии Юстиниана разгромили Вандалов и готов, он решил устроить диверсию в пользу своих италийских родственников, напав на недавно созданную имперскую провинцию Африка. Но его армия была почти полностью уничтожена перед крепостью Септа (Сеута), самым западным оплотом африканской провинции, а сам он вернулся в Испанию с подорванной к глубокой старости военной репутацией. Четыре года спустя он был убит в Севилье неизвестным убийцей, который либо был сумасшедшим, либо притворялся им (548).

Затем вестготские вожди избрали своим королем Теудигизеля, полководца, который разбил франков при Сарагосе в 542 году и с тех пор считался лучшим воином своей расы. Но новый король был жесток и распутен; его бесчинства вызвали гнев знати, и всего через семнадцать месяцев после восшествия на престол он был убит. "Когда он сидел за ужином со своими друзьями и веселился от вина, лампы погасли, и он был убит на своем ложе мечом своих врагов".

Тогда большинство вестготов выбрали Агилу своим правителем, но, хотя он был признан королем в Толедо и Барселоне, графы Юга отказались признать его. Когда он вторгся в Андалусию, то потерпел страшное поражение при Кордове и увидел, как на его глазах убили его сына и наследника. Но он все еще удерживал всю Испанию к северу от Сьерра-Морены и казался таким сильным, что предводитель мятежников, граф Атанагильд, решил призвать себе на помощь оружие восточных римлян. Юстиниан с радостью воспользовался возможностью укрепиться в Испании, и по его приказу Либерий, губернатор Африки, пересек пролив и высадился в Кадисе. Многие города сразу же открыли свои ворота римским войскам, ибо угнетенные провинциалы думали, что Либерий навсегда избавит их от готов и восстановит императорскую власть на всем полуострове. | Римляне высаживаются в Испании. | Доведенный до отчаяния, Агила собрал все свои силы, во второй раз пересек Сьерра-Морену и вступил в бой с армиями Атанагильда и Либерия перед Севильей. Он снова потерпел сокрушительное поражение и был вынужден бежать в Мериду. Затем его солдаты, видя, что раса готов губит себя в братоубийственной борьбе, в то время как римляне захватывают город за городом, внезапно положили конец гражданской войне, убив своего вождя и провозгласив мятежника Атанагильда королем вестготов. Ибо, как заметил франкский хронист, 'у готов издавна существовал порочный обычай убивать мечом любого короля, который им не нравится, и выбирать вместо него того, кто лучше соответствует их склонностям'. Франки, с другой стороны, хвастались своей непоколебимой верностью дому Хлодовехов, за пределы которого они никогда не заглядывали, когда нужно было выбрать короля.

Теперь Атанагильд был королем Испании, но вскоре он обнаружил, что, призвав римлян, он вызвал демона, которого был недостаточно силен, чтобы контролировать. Полководцы Юстиниана наотрез отказались эвакуировать города, захваченные ими во время гражданской войны. Они владели большинством гаваней южного побережья полуострова, по обе стороны

Гибралтарского пролива, от мыса Сент-Винсент в Атлантике до устья Сукре в Средиземном море. И в их руках оказались не только Кадис, Малага и Картахена, но и многие внутренние города Андалусии, включая великий город Кордову. Атанагильду так и не удалось вытеснить их из этих завоеваний; в течение тридцати лет константинопольские цезари признавались правителями Кордовы и Гранады, и прошло целых шестьдесят лет, прежде чем все прибрежные города были отвоеваны готами. Несмотря на поражение в открытом поле от Атанагильда, полководцы Юстиниана успешно удерживали свои обнесенные стенами города, пока, наконец, готский король не был вынужден заключить с ними перемирие и оставить их непокоренными.

[Атанагильд, 555-568.] Хотя Атанагильд продержался на троне тринадцать лет и умер естественной смертью — в отличие от своих пяти предшественников на вестготском троне, — он, похоже, не был очень могущественным или успешным монархом. Скудные летописи века сохранили о нем мало фактов, и лучше всего его помнят как отца двух несчастных сестер, Брунгильды и Галсвинты, ‘жемчужин Испании’, которых он выдал замуж за франкских королей Сигиберта и Хильперих. Эти союзы были основаны на политических потребностях; браку Брунгильды - первому браку двух принцесс - было суждено заручиться помощью короля Австразии против любых попыток его братьев из Парижа, Суассона и Бургундии выступить против Испании. Слава о красоте и богатстве Брунгильды тогда побудила нечестивого Хильперих из Суассона просить руки ее сестры и добиться ее, которую Атанагильд даровала в порядке, чтобы заполучить другого союзника. К счастью для него самого, старый готский король вскоре умер, не успев узнать о неудачном браке и печальном конце Галсвинты (568).

За смертью Атанагильда последовали пять месяцев анархии; вестготская знать не могла договориться о выборе какого-либо короля; каждый брался за оружие, нападал на своих соседей и делал все, что было правильно в его собственных глазах, ибо "королевский мир" умер вместе с королем. Наконец губернаторы Септимании согласились избрать своим правителем Леову, герцога Нарбоннского; но графы, жившие к югу от Пиренеев, отказались принять кандидатуру галльской провинции. Однако после некоторых столкновений Леова предложил им взять в качестве своего коллеги своего брата Леовигильда, который был хорошо известен и популярен на юге, и большинство знати Испании согласилось принять его. Леова сохранил свой королевский титул и собственное септиманское королевство, в то время как Леовигильд правил на полуострове как король Испании. Разделение королевства, однако, длилось всего четыре года, поскольку Леова умер, не оставив потомства в 572 году, а затем его брат присоединил Септиманию к Испании.

Леовигильд был первым человеком Марка, правившим вестготами в течение ста лет; его можно назвать вторым основателем вестготского королевства, ибо он вытащил его из глубин анархии и слабости, дал ему новую организацию и сокрушил его врагов на востоке и западе. Без его сильной руки кажется возможным, что королевство распалось бы на части и стало добычей франков и восточных римлян.

В течение первых восьми лет своего правления Леовигильду приходилось упорно сражаться с врагами со всех сторон, прежде чем он смог выиграть минуту для отдыха. Его первые удары были нанесены по империалистам, которые выступили из Кордовы и Кадиса и завоевали всю Андалусию. [Войны Леовигильда, 570-80. | Выиграв несколько сражений в открытом поле и взяв штурмом Базу и Ассидонию, он загнал римлян за стены Кордовы. Этот великий город, защищаемый сильным гарнизоном и фанатично католическим населением, целый год держал

короля в страхе; но в 571 году он был предан ему своими готскими жителями и пал, пробыв более двадцати лет в руках империалистов. Восточно-римская держава теперь отступила за Сьерра-Неваду и представляла собой не что иное, как прибрежную полосу от Лагоса до Карфагены.

Затем Леовигильд повернулся против свевов, которые захватили долину среднего Дору и продвигались в самое сердце полуострова. Недавно они были обращены в католицизм, и их приветствовали жители провинций центральной Испании, которые надеялись получить православного магистра вместо арианского. Но Леовигильд победил короля свевов Теодемира в поле боя, взял штурмом его крепость Сенабрию и вынудил его принести присягу.

Еще два года Леовигильд был занят подавлением спорадических восстаний римских провинциалов во всех наиболее отдаленных и гористых уголках Испании — особенно в Кантабрии, на берегах Бискайского залива и среди Мурсианских гор на юге. Он схватил и предал смерти Аспидия и Абунданция, главных руководителей этих восстаний, и наказал их сторонников массовыми казнями. Наконец, после восьми лет войны все древние вестготские владения, за исключением городов на андалузском побережье, были снова покорены и взяты под контроль (576).

Рука Леовигильда была не менее сурова к мятежной знати его собственного народа, чем к внешним врагам Испании. Он разыскивал и казнил одного за другим самых непокорных вестготских вождей — "всю расу людей, которые имели обыкновение убивать своих королей", как назвал их франкский хронист. На их место он назначил графов и герцогов из числа своих *комитатов*, которым, как он думал, мог доверять. Наконец повелению короля подчинились во всем королевстве, от Нисмеса до Севильи, как никогда раньше, и казалось вероятным, что сильная автократическая королевская власть восторжествует среди вестготов, как это было среди франков. Теперь Леовигильд навсегда поселил свой двор в Толедо и надел все великолепие и состояние древнеримских цезарей — диадему, скипетр, пурпурную мантию и золотой трон. До него короли вестготов были неотличимы по манерам и одежде от своей собственной знати; они отличались от них только тем, что носили королевское имя и поддерживали большее количество связанных присягой *сайонов*. В то же самое время, когда Леовигильд обосновался в Толедо, он воспользовался еще одной возможностью утвердить свою власть и независимость. Чеканка вестготской монеты до сих пор была всего лишь варварской имитацией имперской валюты Рима и Константинополя, но с тех пор имя готского короля помещалось на всех золотых *чеканках* Испании. В течение нескольких лет Леовигильд добавлял себе имя Юстин II. к своим собственным, но вскоре он отбросил последние признаки старой зависимости от империи, и надпись LIVIGILDVS INCLITVS REX стала знаком отказа от последней номинальной связи Испании с наследниками Константина.

Однако бедам Леовигильда еще не пришел конец. Его злейшими врагами должны были стать члены его собственного дома. Перед своим восшествием на престол он женился, вопреки готскому обычаю, на знатной римлянке по имени Феодосия, дочери Севериана, бывшего когда-то губернатором Карфагена. От нее у него было двое сыновей, Герменегильд и Реккаред. Когда она умерла, он попытался укрепить свое положение, женившись на Годисвинте, вдове своего предшественника Атанагильда; а несколько лет спустя, когда его сын Герменегильд достиг зрелого возраста, он решил поискать для него другую невесту из семьи Атанагильда. Соответственно, он попросил и получил руку внучки своей жены Ингунтис, дочери Сигиберта

Австразийского и Брунгильды. В возрасте тринадцати лет ее выдали замуж за Герменегильда. Этому браку было суждено привести к самым несчастливым результатам. Дочери Брунгильды было суждено стать такой же причиной горя для Испании, какой ее мать была для Галлии. Она воспитывалась в Австрии как католичка и, несмотря на свой нежный возраст, отказывалась следовать арианскому вероучению вестготов. Если верить франкским хроникам, она подверглась самому жестокому обращению со стороны своей бабушки Годисвинты, чтобы заставить ее отказаться от православной веры. Но, несмотря на то, что ее били, морили голодом и бросали в пруд с рыбками, она все еще отказывалась отречься от веры своего детства. Наконец Леовигильд, устав от вечных споров между женой и невесткой, которые делали его дворец невыносимым, отослал Герменегильда в Севилью управлять частью Андалусии.

Этот шаг оказался крайне неудачным. Молодой принц полностью попал под влияние своей жены и брата своей матери, Леандра, епископа Севильского. Побежденный их мольбами, он объявил себя католиком, был перекрещен и принят в православную церковь. [Восстание Герменегильда, 580.] Он знал, что его обращение навлечет на него гнев отца и лишит его надежды унаследовать вестготскую корону, но он не желал безропотно переносить унижение и немедленно провозгласил себя королем, вступил в союз со свевами и восточными римлянами и призвал православных к оружию по всей Испании.

Леовигильду никогда не приходилось сталкиваться с более опасным кризисом. Восстание его сына подняло против него все элементы беспорядков на полуострове. Свевы хлынули вниз по Дору; империалисты вновь оккупировали Кордову; Мерида, Севилья и Эвора провозгласили Герменегильда королем; и недовольные провинциалы во главе со своими епископами начали поднимать волнения по всей стране. Величайшим свидетельством способностей Леовигильда является то, что он знал, как справиться со всеми этими опасностями. Во-первых, он выступил против зарождающегося восстания на севере и подавил его, изгнав или заключив в тюрьму несколько десятков епископов и разгромив в битве басков, которые спустились со своих холмов, чтобы присоединиться к борьбе. Победив их, он основал на их границе город Виттория как памятник своему успеху — город, которому суждено было больше запомниться великой победой Англии 1813 года, чем этим древним триумфом.

Герменегильд почти два года владел долиной Гвадалквивира, но в 582 году его отец внезапно обрушился на него и загнал за стены Севильи. Свевы подошли, чтобы снять осаду, но Леовигильд разбил их короля Миро и вернулся, чтобы возобновить свою битву. После многих месяцев блокады он взял город штурмом, но Герменегильд и его жена бежали к римлянам. Мятежный принц укрылся в замке Оссет, куда король последовал за ним, и с помощью огромной взятки в 30 000 солидов убедил империалистическое правительство продать город. Герменегильда вытащили из убежища и привели к его отцу, который простил его мятеж, но лишил его княжеских знаков отличия и отправил жить в почетном заключении в Валенсию как частное лицо.

Затем Леовигильд выступил против свевов, захватил всю их страну и захватил в плен их последнего короля Андику, которого он заключил в монастырь. Таким образом, восстание Герменегильда не только не смогло разрушить готское государство, но фактически привело к подчинению беспокойного соседнего королевства на северо-западе, которое до сих пор избегало вестготского меча.

Судьбе Герменегильды было суждено быть печальной. Его отец пообещал вернуть его на прежнее место, если он откажется от православной веры, но он упорно отказывался и вскоре был брошен в тюрьму. Но цепи повлияли на его постоянство не больше, чем молитвы и обещания. Его отец рассердился и велел ему ожидать худшего, если он будет упорствовать в своем упрямстве. В день Пасхи 585 года он послал арианского епископа совершить причастие над заключенным. Герменегильд выгнал еретического прелата из его камеры криками и проклятиями. [Казнь Герменегильда, 585.] Новость была доведена до сведения его отца, который в момент неуправляемого гнева, подобного тому, который вызвал у нашего Генриха II. чтобы отдать приказ о смерти Бекета, он приказал своим стражникам схватить и обезглавить его непреклонного сына. Так погиб Герменегильд, которого по прошествии поколений, забыв о его неоправданном бунте и помня только о его постоянстве в православной вере, почитали как святого. Его жена и малолетний сын были отправлены в Константинополь римским губернатором Малаги. Ингунтис умерла во время путешествия, но мальчик, Атанагильд, жил и умер безвестно при дворе императора Маврикия.

Теперь Леовигильду пришлось столкнуться с гневом франков. Гунтрам, дядя, и Теудеберт, брат Ингунтис, взялись за оружие, чтобы отомстить за казнь ее мужа. Они послали флот, чтобы высадить войска в Галисии и поднять на ноги недавно завоеванных свевов, в то время как бургундская армия вошла в Септиманию и атаковала Нисмес и Каркассон. Но военное мастерство Леовигильда и постоянная удача на войне не подвели его. В то время как он сам разбил вдребезги армию, высадившуюся в Галиции, его сын Реккаред изгнал бургундцев из Септимании, потеряв их генерала и половину армии. Отец и сын с триумфом встретились в Толедо, но тяготы зимней кампании оказались непосильными для Леовигильда, который умер вскоре после возвращения в свою столицу, 13 апреля 586 года, ровно через год после казни его старшего сына - совпадение, на которое ортодоксы не преминули указать как на проявление гнева небес.

Леовигильд незадолго до своей смерти убедил вестготов избрать его второго сына, Реккареда, своим коллегой и приветствовать его как короля. Таким образом, когда старый король умер, и его наследник спокойно занял его место, не было ни бурных выборов, ни гражданской войны. Реккареду было суждено оставить свой след в истории вестготского королевства не менее прочно, чем это сделал его отец. Если Леовигильд своей сильной рукой спас государство от анархии, то Реккаред направил его по новому пути существования и внес новый элемент в его политическую и религиозную жизнь великим изменением, которое связано с его именем, — обращением вестготов в православную веру. [Реккаред, 586-601.] Реккаред был сыном матери-римлянки, но, в отличие от своего брата Герменегильда, он никогда не выказывал недовольства арианством при жизни своего отца. Однако не успел старик умереть, как его преемник начал предпринимать шаги, которые повергли ариан в состояние возбуждения и дурных предчувствий. Он вызывал к себе католических и арианских епископов и много раз предлагал им спорить в его присутствии о тайнах Троицы. Это он сделал скорее для того, чтобы подготовить людей к грядущим переменам, чем потому, что сам сомневался в своем будущем поведении.

Реккаред полностью осознал тот факт, что вестготское государство никогда не установится на действительно прочной основе, пока правящая каста будет отделена от основной массы своих подданных фатальным барьером религии. Готов было слишком мало, чтобы объединить провинциалов с собой, и они не проявляли никаких признаков желания сделать это. Но если бы

такого объединения не произошло, готская монархия была бы обречена когда-нибудь исчезнуть в политических конвульсиях, когда наступил бы момент, когда на троне не оказалось бы сильного и способного правителя. Леовигильд предотвратил такой кризис только благодаря чудодейственной активности и мужеству. Теперь Реккаред пришел к выводу, что арианство готов было скорее вопросом консервативной приверженности предрассудкам предков и расовой гордости, чем подлинных убеждений или фанатичной веры. Он думал, что если король укажет путь и если будут проведены мягкие и осторожные изменения, без какого-либо внезапного удара или попытки принудительного подчинения, его соотечественники незаметно войдут в лоно католической церкви. Ход событий доказал, что он был полностью прав; и обращение нации проходило тем более уверенно, что его проводил осторожный и бесстрастный государственный деятель, а не святой-энтузиаст.

Завершение проекта Reccared заняло 586-88 годы. Когда он объявил себя католиком и принял торжественное благословение своего дяди, митрополита Севильи, большая часть егокомитата последовала его примеру. В быстрой последовательности многие готские графы и значительная часть арианского епископата перешли в православие. [Готы становятся католиками, 587.]

Церковь, со своей стороны, облегчила перемены, не настаивая на каком-либо новом крещении новообращенных. Было достаточно, если бы они посетили католическое богослужение и получили благословение православного священника.

Однако нельзя было ожидать, что столь важные перемены пройдут по стране, не вызвав беспорядков. Было много готов, как духовенства, так и мирян, которые рассматривали арианство как священную религию своих предков и символ своей расы-завоевателя. Три восстания вспыхнули подряд в таких отдаленных друг от друга регионах, как Септимания и Лузитания, в то время как мачеха короля Годисвинта и епископ Аталок, глава арианского духовенства, встали во главе восстания. Но большая часть вестготов смотрела на это с безразличием и позволила небольшой группе фанатиков спорить с королем о религии. Ариане были подавлены и больше не доставляли хлопот. Похоже, за несколько лет вся эта секта растворилась, и вскоре вестготы так же гордились своим католицизмом, как когда-то своим инославием.

В то время как Реккаред был занят подавлением арианских мятежников, франкский король Бургундии Гунтрам решил, что представилась хорошая возможность для завоевания Септимании. Он послал огромную армию вниз по Роне, но близ Нарбонны она была полностью разбита генералом Реккареда, герцогом Клавдием, первым человеком римской крови, который когда-либо был произведен в высокие чины вестготским королем. Это был последний раз, когда франкисты предприняли серьезную попытку завоевания Септимании (589).

Реккаред правил еще двенадцать лет, ему сопутствовала большая удача как дома, так и за границей. Он подчинил басков, загнал империалистов в их гавани вдоль южного побережья и подавил несколько мелких беспорядков, поднятых недовольной готской знатью. В каждом кризисе он находил в католических епископах свою лучшую поддержку и, должно быть, постоянно поздравлял себя с тем, что превратил своих самых опасных врагов в сильнейший оплот своего трона. Но, отдав себя в их руки, он начал подвергать готскую королевскую семью новой опасности - слишком большой зависимости от Церкви. Национальный совет — *Vitan*, как его называли бы в Англии, — был полностью завален церковниками. В Испании

насчитывалось более шестидесяти епископов, в то время как число герцогов и графов, которых обычно вызывали на Ассамблею, было значительно меньше. Епископы — люди более умные, рассудительные и лучше организованные, чем их коллеги—миряне, - вскоре стали оказывать доминирующее влияние на собор. Духовное давление, которое они могли оказать на короля, было слишком велико, чтобы им пренебрегали. Следовательно, случилось так, что перед концом своего правления Реккаред, хотя сам был миролюбив и терпим, был вынужден прибегнуть к преследованиям не только против своих старых единоверцев, ариан, но и против евреев — расы, которая до сих пор процветала в Испании и которая собрала в свои руки очень значительную часть ее богатств и торговли. Раньше вестготские короли, подобно великому Теодориху в Италии, были очень терпимы и нередко нанимали евреев в качестве сборщиков налогов и на второстепенные официальные должности. Все это закончилось обращением Реккареда, хотя в его дни разочарование как ариан, так и иудеев не зашло дальше того, что сделало их неспособными занимать какие-либо должности и запретило публичное отправление их культа.

После пятнадцатилетнего правления король Реккаред умер в 601 году, оставив трон своему сыну Леове II. Это единственный случай в Готской Испании преемственности трех поколений одного и того же дома на троне. Новому монарху было всего двадцать. Он был преданным поклонником и последователем католических епископов и, по общему мнению, проявлял больше набожности, чем способностей. Восшествие на престол слабого и неопытного юноши было той возможностью, которой так долго ждала неуправляемая вестготская знать, в течение тридцати лет подавляемая сильными руками Леовигильда и Реккареда. На второй год своего правления Леова был застигнут врасплох и убит заговорщиками под руководством некоего графа Виттериха, который возглавил арианское восстание в 588 году, но был спасен из-за принятия католицизма. Теперь он отплатил за милосердие Реккареда убийством своего сына (603).

После тридцати трех лет сильного правления Испания вновь погрузилась в состояние гражданской смуты, от которой ее спас Леовигильд. Но теперь характер борьбы изменился; на будущее это было состязание между католической иерархией и вестготской знатью относительно того, кто должен назначать короля и контролировать его.

ГЛАВА IX

ПРЕЕМНИКИ ЮСТИНИАНА

565-610

Юстин II. и его неудачная финансовая политика—Его проблемы с персами и аварами—
Правление Тиберия Константина—Восшествие на престол Маврикия—Его победа над

Персией—Его неудача в борьбе со славянами и аварами—Бедствия на Балканском полуострове—Падение Маврикия—Тирания Фоки—Его неудачная война с Персией—Он свергнут с престола и убит Ираклием, 610.

Сорок лет, последовавшие за смертью Юстиниана, были периодом быстрого упадка для восточно-римского мира. Империя расплачивалась истощением внутри и потерей провинций снаружи за судорожный всплеск энергии, на который ее подвигнул великий император. Он оставил своим наследникам широкие и опасные границы в своих недавно приобретенных провинциях, с армией, которая несколько отбилась от рук, и гражданским населением, измученным непомерными налогами последних двадцати лет.

Наследниками Юстиниана, к несчастью для империи, были принцы, которые пытались поддержать амбициозную политику своего великого предшественника в тот момент, когда менее блестящее, но более осторожное и экономное правление второго Анастасия было бы лучшим решением для восточно-римского мира. Племянник императора Юстин, сын его сестры Вигилантии, взшел на трон после его смерти, не встретив никакого сопротивления. Он служил своему дяде в качестве *Куропалаты*, или Хозяина Дворца, в течение последних десяти лет и смог подготовить все для своего собственного мирного наследования, хотя Юстиниан никогда не давал согласия на то, чтобы он был коронован как его коллега, пока он жив. Юстин II, 565-78. | Джастин был женат на Софии, племяннице императрицы Феодоры, даме, которая напоминала свою тетю своим властным характером, но была далека от соперничества с ней по способностям. Юстин и его жена вели несколько подавленное и стесненное существование при жизни старого императора и были настроены заявить о своей индивидуальности в тот момент, когда Юстиниана похоронили. Джастин имел высокие представления о достоинстве императорского имени и величии империи и был полон решимости начать энергичную внешнюю политику, когда встанет у руля дел. Его первой мерой был отказ от продолжения каких-либо сравнительно незначительных субсидий варварским князьям на границе, которыми Юстиниан довольствовался, чтобы удержать их от мелких набегов, — примерно так же, как индийское правительство сегодня субсидирует вождей Хайберского прохода. Это втянуло его в долгую и в конечном счете опасную войну с аварским каганом, татарским племенем, недавно обосновавшимся на северном берегу нижнего Дуная, которому Юстиниан заплатил, чтобы тот держался подальше от гуннов и других беспокойных соседей. Авары, первоначально раса, не имевшая большого значения, получили в этот момент значительное расширение власти и территории, объединившись с лангобардами, чтобы уничтожить гепидов, готское племя, обитавшее к северу от Сирмия на среднем Дунае. Истребив своих соседей-тевтонов, лангобарды перешли к вторжению в Италию,^[21] и оставили аварам во владении всю линию Дуная, от Вены до его устья. С тех пор авары стали бичом для и без того наполовину опустошенных провинций Мезии и Иллирии. Они занимали всю территорию вплоть до Балкан, несмотря на бесчисленные крепости, которые Юстиниан построил и разместил гарнизоны для защиты берега Дуная. Эта проблема постоянно усугублялась на протяжении всего правления Юстина II и стала реальным источником опасности, а также простого раздражения во времена его преемников.

21. См. стр. 181.

Очередной отказ Юстина выплатить деньги, который он считал унижительным для его величества, был обречен на еще более разорительную борьбу, чем с аварами. Следует помнить,

что мир между Юстинианом и персидским Хосровом, заключенный в 562 году, предусматривал некоторые выплаты восточноримскому царю. В 571 году Юстин отказался выполнить свои обязательства и втянул империю в совершенно ненужную войну со своим великим восточным соседом. Несколько причин сговорились, чтобы побудить Юстина начать эту борьбу. Христианское население персидской Армении умоляло его избавить их от огнепоклонников-сасанидов, а турки Окса направили посольство, пообещав ему помощь с Востока, если он нападет на Хосрова. Дизабул, их великий хан, предпринял попытку отвлечь силы врага, переправившись через Окс и вторгнувшись в северную Персию, в то время как генералы Юстина должны были переправиться через Тигр и атаковать Мидию.

Этой войне, которую император предпринял с таким легким сердцем, было суждено продлиться не менее девятнадцати лет (572-591) и затянуться до правления двух его преемников. [Персидская война Юстина.] Это было столь же безрезультатно и обошлось столь же дорого людьми и деньгами, как и предыдущая борьба в царствование Юстиниана. В целом, римляне не потеряли ни одной территории в течение этого периода. Их самая дальняя пограничная крепость Дарас была единственным важным местом, попавшим в руки персов в первые годы войны, а второстепенная крепость Мартирополь на Армянском нагорье - единственной потерей последних лет. Обоим было суждено быть восстановленными, и вторая римская линия обороны, основанная на Эдессе и Амиде, держалась хорошо. Если армиям Хосрова однажды удалось проникнуть в Сирию, то справедливо будет добавить, что императорские войска совершили несколько вторжений в персидские пограничные земли Арзанен и Кордуэн. Война нанесла ущерб империи не столько из-за потери крепостей или опустошения территории, сколько из-за длительного и бесплодного снижения налогов, к которому она привела. Там, где сборщик податей времен Юстиниана наголо остриг население, сборщик податей при Юстине был вынужден сдирать с них кожу, чтобы выжать необходимые солиды. Начав войну по собственному желанию, Джастин обнаружил, что не может завершить ее подобным образом. Персы надеялись победить, исчерпав ресурсы империи, и были настроены на затягивание утомительной игры.

На девятый год после своего восшествия на престол Джастином овладела мания самоубийства, и ему пришлось провести в строгих условиях всю оставшуюся жизнь. В свой первый период просветления он назначил своим коллегой и короновал как цезаря уважаемого военного офицера по имени Тиберий Константин, который вместе с императрицей Софией исполнял обязанности регента при безумном императоре до 578 года. София, гордая и беспокойная женщина, держала большую часть власти в своих руках, поскольку Тиберий не отличался напористостью или честолюбием. Его приход к власти практически ничего не изменил в политике двора, которой по-прежнему руководила императрица.

В то время как Юстин видел Балканский полуостров разоренным аварами, а месопотамскую границу осажденной персами, ему было суждено понести еще более тяжелую утрату в другом регионе своей империи. Лангобарды, эмигрировавшие со среднего течения Дуная, пошли по пути, пройденному остготами восемьдесят лет назад, и вторглись в недавно восстановленную провинцию Италия всего через пятнадцать лет после того, как она была окончательно закреплена за империей победами Нарсеса при Тагинах и Казилине. Их судьба будет описана в другой главе. Здесь достаточно сказать, что до конца правления Юстина II. они вырвали две трети полуострова из-под власти восточноримских правителей.

В 578 году, через четыре года после того, как Юстин II впал в состояние невменяемости, он умер, и его коллега Тиберий Константин стал единоличным правителем империи. Tiberius II. это был совершенно честный и исполненный благих намерений человек, которого его предшественник выбрал в качестве наследника исключительно на основании его заслуг и несмотря на то, что у Джастина были зять и несколько двоюродных братьев, которым он мог бы оставить в наследствовласть. |Tiberius Constantinus. 578-582.| Как Тит в более раннюю эпоху, Тиберий II. был любимцем и надеждой всего населения империи, и, как и Тит, он был срезан в расцвете лет после очень короткого правления. Однако у него было время проявить некоторые серьезность своих добрых намерений, сократив изнурительные налоги Юстина II. на четверть и перечислив всю задолженность государству. Но он был не в состоянии покончить с причиной, которая сделала налогообложение таким тяжелым, с ужасной затяжной персидской войной, и до тех пор, пока империя не смогла добиться мира внутри и за пределами, освобождение от налогообложения означало лишь ненадлежащее выполнение государственных обязанностей и быстрое накопление государственного долга. Тиберию удалось, однако, заключить перемирие с аварами, хотя для его заключения ему пришлось уступить огромную пограничную крепость Сирмиум, центральный пункт обороны линии Дуная и Сейва, а также пообещать произвести одну из тех денежных выплат, которые его предшественник считал унижающими величие империи. Будучи свободным от войны на Балканах, Тиберий сосредоточил не менее 200 000 человек на персидской границе, и его войска под командованием генерала Маврикия одержали много успехов и вторглись в Мидию. Но упрямый царь Хормиздас, сменивший Хосрова на троне, отказался слушать какие-либо предложения о мире, и война затянулась.

На четвертом году своего правления Тиберий внезапно заболел и умер, находясь лишь на пороге среднего возраста. Как и его предшественник, он выбрал своим наследником не какого-нибудь родственника, а лучшего человека, которого он знал. За восемь дней до своей смерти он возложил королевскую диадему на своего генерала Мориса, который недавно отличился великой победой в Месопотамии и пользовался всеобщим уважением за свои безупречные заслуги и скромность. Морис немедленно женился на дочери своего благодетеля Константине и спокойно взошел на освободившийся трон.

Как и Тиберий Константин, Маврикий был в высшей степени благонамеренным правителем и человеком, не лишенным способностей, но времена были для него слишком тяжелыми, и сами его добродетели часто приводили его к неудачным поступкам. | Морис, 582-602. | Его двадцатилетнее правление (582-602), хотя и не было лишено успехов, все же было продолжением несчастливого периода упадка, начавшегося после великой чумы 542 года. Худшей из неприятностей Маврикия было полное истощение имперских финансов. Щедрость Тиберия II. он израсходовал последний солидус из и без того истощенной казны, и новый император начал с дефицита, который оставался для него постоянным кошмаром на протяжении всего его правления. Морис был благоразумен и экономичен; неблагоприятный баланс ранил его в самое сердце, и он прибегал к всевозможным схемам — мудрым и неразумным, — чтобы сбалансировать поступления и расходы. Военные расходы были, конечно, главным источником беспокойства, и Морис зашел так далеко в своем рвении к сокращению расходов, что, пока военные действия все еще продолжались, он не раз пытался сократить жалованье солдатам и сэкономить на расходовании провизии и военных припасов. Эта политика имела самые катастрофические результаты. Несколько раз она приводила к мятежам и, наконец, стоила Маврикию трона и жизни.

Персидская война продолжалась в течение первых девяти лет правления Маврикия, пока у власти оставался безрассудный и упрямый царь Хормиздас. В целом она была успешно проведена. Два способных офицера, по имени Ираклий и Филиппик, одержали верх над персами и выиграли несколько сражений. Они сделали бы еще больше, если бы политика Мориса 'экономии любой ценой' не привела к мятежам среди солдат, которые бросили работу и ушли в отставку за границу, когда услышали, что их жалование будет сокращено. Трудно представить, как Маврикий мог быть таким неразумным; ведь он обладал значительным военным опытом и написал превосходную книгу по тактике, "*Стратегикон*", которая в течение трехсот лет служила руководством для всех византийских офицеров. Очевидно, экономист в его композиции преобладал над солдатом.

К счастью, мятеж 588 года не разрушил империю; войска вернулись к исполнению своих обязанностей, когда их недовольство было устранено, и одержали еще больше побед над персами. Хормиздас стал непопулярен среди своих подданных и был свергнут и убит узурпатором по имени Вараннес. Его юный сын Хосров бежал в римский лагерь и отдался на милость своего исконного врага. Это привело к окончанию войны; Морис одолжил молодому принцу припасы и вспомогательные силы, чтобы тот поднял восстание против Вараннеса. | Персидская война закончилась в 591 году. | Восстание увенчалось успехом, и благодарный Хосров заключил мир с империей в тот момент, когда он был восстановлен на троне своего отца (591). Эти условия, как и условия мирных соглашений 532 и 562 годов, представляли собой немногим больше, чем восстановление положения вещей, предшествовавшего военным действиям. Морис вернул утраченные крепости Дарас и Мартирополис и завоевал христианские районы Персармении, новое приобретение империи, но не имеющее большого значения.

Но проблемы Мориса, как военные, так и финансовые, не прекратились с окончанием персидской войны. Вероломные авары, пренебрегая условиями мира, которыми они поклялись Тиберию II в 581 году, снова опустошали Балканский полуостров. На второй год правления Маврикия они переправились через Дунай и захватили крепости Сингидунум и Виминациум, гарнизоны которых были сокращены в связи с нуждами персидской войны. Не имея возможности собрать новую армию, Маврикий послал им субсидию, которая позволяла им сохранять спокойствие в течение двух лет, но в 585 году татарская орда снова взялась за оружие и бросилась на Фракию. Маврикию приходилось иметь дело не только с дикими аварами. Теперь мы слышим о славянах как о том, что они впервые стали серьезной опасностью для империи. Их племена некоторое время жили в неизвестности вдоль нижнего течения Дуная и на южнорусских равнинах, хлынув сюда, чтобы занять пустое пространство, оставленное миграцией готов в четвертом веке. При восшествии на престол Маврикия некоторые из них были подчинены аварам, другие все еще оставались независимыми, но все они проявляли тенденцию к перемещению на юг, за Дунай. Славяне по отдельности были не очень опасными врагами империи; они находились на самой низшей стадии цивилизации, едва привыкли обрабатывать землю и вели ненадежную жизнь рыбаков и охотников. Они не сражались в открытом поле, а прятались в лесах и болотах, выходя грабить по ночам и нападая на своих врагов только тогда, когда могли застать их врасплох. Говорят, что они практиковали любопытную стратагему: прятались в неглубоких заводях, ничего не высывая над поверхностью воды, кроме кончика полой тростинки, через которую дышали. Эта история звучит неправдоподобно, но византийские авторы цитируют несколько случаев, когда она действительно использовалась.

Многие славянские племена, ища убежища от господства аваров, пересекли Дунай на своих легких каноэ и обосновались на лесистых склонах Балкан или в болотах Добруджи, где они нашли любимое укрытие. Жители мезийских провинций были настолько истощены за двести лет набегов, от которых страдали готы, гунны и авары, что славяне обнаружили эту землю почти полностью необитаемой. За пределами великих придунайских крепостей и крупных городов, таких как Наисс или Сардика, население почти полностью исчезло. | Славяне переходят Дунай. | Избегая сражений с городскими гарнизонами, славяне проскользнули между ними и расселились по пустынной земле, разбивая свои грубые хижины в самых уединенных местах, какие только смогли найти. Они были не только незваными гостями, но и врагами, поскольку жаждали грабежа, подстерегали каждую группу путешественников, пытавшихся перейти из города в город, и устраивали засады для каждого отряда солдат, который был не слишком многочисленным, чтобы они могли с ним справиться.

С 585 года и до самого конца своего правления Маврикий вел отчаянную борьбу со славянами и аварами, которые бушевали по всему Балканскому полуострову. Захватчики постепенно продвигались на юг, хотя и потерпели много поражений, а иногда были истреблены целые племена славян. Враг, хотя и вызывал презрение по отдельности, , казалось, черпал неисчерпаемые резервы сил, по мере того как орда за ордой переправлялись через Дунай и устремлялись в долины Балкан. Последствия этих вторжений хорошо описаны современным летописцем Иоанном Эфесским: 'Первые годы правления Маврикия были знамениты нашествием проклятого народа, называемого славонианами, который наводнил Грецию и все земли вокруг Фессалоники и Фракии, разграбляя многие города, опустошая и сжигая, обращая людей в рабство. Они сделали себя хозяевами всей страны, обосновались в ней основными силами и живут в ней так, как если бы она была их собственной. Прошло уже четыре года, а они по-прежнему вольготно живут в этой стране и расселяются по всему миру, насколько им позволяет Бог, и разоряют, и жгут, и берут в плен, и по-прежнему стоят лагерем и обитают там".

С тех пор как закончилась персидская война, правление Маврикия представляло собой непрерывную череду несчастий; единственным средством, которое император мог найти от тяжелых времен, была экономия, граничащая с алчностью. Эта слабость в конце концов привела его к краху. В 599 году аварский каган потребовал от него выкуп за 12 000 римских пленников, попавших к нему в руки; император отказался его выплатить, хотя у него была наготове требуемая сумма солидов. После этого каган перерезал все тело пленников. Римский мир поднял крикужаса и возложил вину на алчность Маврикия, а не на дикость аваров. Отныне его трон был в опасности; но главный удар по его власти был нанесен еще одним проявлением неразумной экономии. После успешной кампании против славян в 601 году балканская армия преследовала их за Дунаем. Морис отдал приказ, чтобы победоносные войска перезимовали в открытом поле, на унылых равнинах Валахии без городов, чтобы сэкономить припасы.

Вместо того чтобы повиноваться, солдаты прогнали своих генералов, поставили во главе их фракийского центуриона по имени Фока и двинулись маршем на Константинополь, громко заявляя, что они идут свергнуть императора. Морис стал настолько непопулярен в армии, что обнаружил, что не может доверять даже своим домашним войскам, и в отчаянии вооружил Синюю и Зеленую фракции и поставил их охранять городские стены. Восстание Фоки. | Но фракции были сломанной тростинкой, когда приходилось сталкиваться с дисциплинированными войсками, и вскоре Морис обнаружил, что все его бросили. Он бежал в Халкидон, надеясь заручиться помощью в азиатских провинциях, где он был менее

непопулярен, чем в Европе. Тем временем армия вошла в столицу и провозгласила Фоку императором, хотя он был всего лишь грубым некультурным грубияном, который возглавил мятежников просто потому, что у него были более шумные легкие и более тяжелая рука, чем у его товарищей. Узурпатор послал офицеров схватить своего несчастного предшественника и приказал обезглавить его вместе с четырьмя его сыновьями, младший из которых был совсем грудным младенцем. Морис встретил свою смерть с мужеством и достоинством, которые тронули сердца тех, кто так недавно поносил его. "Справедлив Ты, о Господь Бог, и справедливы суды Твои", - воскликнул он, когда палач поднял свой меч, и умер с молитвой на устах.

С момента основания Константинополя и до смерти Маврикия Восточная корона никогда прежде не была наградой за успешное восстание, и ни один законный император не пал от рук своих подданных. Восстания там случались, но они никогда не приводили к постоянному успеху. Это был злополучный день для империи, когда армия обнаружила, что может стать императором, и упорядоченной череде выборных цезарей, избираемых их предшественниками или Сенатом, пришел конец.

Новый правитель Константинополя оказался жестоким негодяем, рядом с пороками которого недостатки Маврикия казались блистательными добродетелями. Невежественный, жестокий, распущенный и бережливый, он сделал свои похоти своими хозяевами и вскоре стал предметом отвращения всех своих подданных. Фока проявил способности только в одном: он добился наибольшего успеха в отслеживании и расстраивании многочисленных заговоров, которые вскоре были составлены против его жизни. Всех, кого он справедливо или ошибочно подозревал, постигла жестокая смерть; среди прочих он убил вдову своего предшественника Константину и трех ее маленьких дочерей, потому что обнаружил, что их имена часто использовались заговорщиками в качестве призыва к сплочению. По простому подозрению он схватил и сжег заживо Нарсеса, полководца Востока, самого выдающегося офицера в армии. Другие объекты его ужаса были забиты до смерти, задушены или жестоко изувечены.

Между тем, царство террора дома сопровождалось катастрофой снаружи. Пришедшая в упадок военная и финансовая мощь империи внезапно превратилась в полное разорение под властью злобного хама, сменившего экономического Мориса. Славяне и авары беспрепятственно осуществляли свою злую волю в европейских провинциях и довели свои опустошительные действия до стены Анастасия. На Востоке дела обстояли еще хуже. Молодой и способный царь Персии сделал убийство своего благодетеля Мориса *поводом к войне* и взялся за оружие, чтобы отомстить за своего "друга и отца". С самого начала войны римлянам приходилось плохо; никогда еще их оружие не подвергалось такой непрерывной череде бедствий. В начале борьбы Фока спровоцировал восточную армию, отозвав и заживо сожгв их командира Нарсеса. Они слабо сражались, были плохо обеспечены неспособным тираном и плохо руководимы его созданиями, которые были поставлены во главе их. | Катастрофическая персидская война, 603-10. | В 606 году произошел внезапный крах; пала великая пограничная крепость Дарас, и с этого момента персы продвигались вперед, не встречая сопротивления. Они захватили всю Месопотамию, разорили северную Сирию и продолжили свои вторжения в Малую Азию, где уже столетие не было видно ни одного врага. Армии Фоки, по-видимому, рассеялись или заперлись в городских стенах, поскольку мы не слышим ни о каком сопротивлении захватчику. В 608 году положение стало еще хуже; со своей базы в Месопотамии и северной Сирии персы смело двинулись на Константинополь. Захватив Каппадокию, Галатию и Вифинию, их разбойничьи банды пересекли весь полуостров и даже проникли в Халкидон и наблюдали за

имперским городом по ту сторону Босфора. Фока, вместо того, чтобы спешно организовать новые войска, удовлетворился приказом о преследовании евреев, которых он обвинил в том, что они выдали персам некоторые города Сирии.

В 609 году враг вновь вторгся в Малую Азию, захватив среди прочих мест великий город Кесарию в Каппадокии. И снова они практически не встретили сопротивления; внимание императора было полностью поглощено реальными или воображаемыми заговорами в столице. Казалось, что он позволит оторвать от себя империю по частям, не нанеся ни единого удара.

Но наконец-то страдающему народу Нового Рима должно было прийти облегчение. В Африке правил экзарх Ираклий, офицер-ветеран, победы которого положили конец старым персидским войнам времен Маврикия. Он был способным и очень любимым как жителями провинции, так и своей армией; под его умелым правлением Африка, единственная среди провинций империи, наслаждалась миром и процветанием. В 609 году Ираклий принял посланцев от Приска, командующего императорской гвардией, одного из бесчисленных лиц, попавших под подозрение Фоки. Гонцы просили Ираклия смело нанести удар по Константинополю, ибо Фока вызывал всеобщую ненависть, и никто не поднял бы руку на его защиту. В тот же момент экзарх узнал, что его повелитель-тиран уже усомнился в его лояльности и бросил его жену и дочь в тюрьму.

[Восстание Ираклия.] Видя, что он должен нанести сильный удар или будет сокрушен, Ираклий решил восстать. Он провел зиму 609-10 годов, снаряжая флот, и направил его против Константинополя еще до того, как Фока узнал о его восстании. Командование было передано его старшему сыну, который также носил имя Ираклий, поскольку сам экзарх был стар и болен. В то же время, чтобы отвлечь внимание, он послал кавалерийский отряд под командованием своего племянника Никиты вторгнуться в Египет по суше; они должны были следовать по длинной прибрежной дороге через Триполи и Кирену.

Когда флот младшего Ираклия достиг Дарданелл, он не встретил сопротивления; узнав о его прибытии, Приск привел императорскую гвардию присоединиться к мятежникам, и император обнаружил, что все его солдаты покинули его. Он стремился, как и его предшественник Морис, вооружить фракции Синих и Зеленых, но никто не стал бы наносить удар в защиту такого никчемного тирана. Ираклий беспрепятственно доплыл до Босфора, и когда он выходил из дворца, то встретил лодку, в которой находился несчастный Фока, которого личный враг схватил и заковал в цепи. Пленника вывели на палубу и бросили к ногам его победителя. "Неужели так, - воскликнул Ираклий, - ты управлял империей?" "Будешь ли ты," ответил поверженный тиран, "управлять им как-нибудь лучше?" Ираклий с презрением пнул его ногой и тут же отдал палачу.

Так погиб первый, но отнюдь не последний военный узурпатор, восседавший на константинопольском троне, свергнутый, как и был возведен, вооруженным восстанием. Весь мир с поразительным единодушием свидетельствовал о никчемности Фоки, за исключением одного-единственного приверженца; но это был не кто иной, как папа Григорий Великий. К вящей своей дискредитации, великий понтифик был сторонником, более того, даже льстецом, фракийского грубияна, который носил восточную диадему с таким неподобающим изяществом. Но Григорий был врагом несчастного Маврикия, потому что этот принц, хотя и ортодоксальный в вопросах доктрины, проявлял мало уважения к Римскому престолу. Он назвал некоторые послания Григория "бессмысленными" и позволил Иоанну "Постнику", патриарху Константинопольскому, присвоить себе титул "вселенского епископа" - стиль, который привел

Григория в ужас и заставил его воскликнуть, что времена Антихриста близки. Поэтому Григорий смотрел на убийцу Маврикия как на мстителя за поруганное достоинство Римского престола и не побоялся осыпать его эпитетами неприличного преклонения; хоры ангелов, по его словам, пели от радости на небесах при восшествии на престол такого достойного цезаря! Поистине, это был болезненный эпизод в жизни человека, который, несмотря на все свои недостатки, был справедливо причислен к лику святых.

ГЛАВА X

УПАДОК И ГНИЕНИЕ МЕРОВИНГОВ

561-656.

Сыновья Хлотаря делят Франкское королевство—Войны Сигиберта и Хильперих—Судьба Брунгильды—Продолжающиеся войны Нейстрии и Австразии—Тирания Хильперих и Фредегундис—Упадок королевской власти франков—Дом св. Арнульф и Пиппин—Брунгильда, регентша в Австразии—Войны ее внуков—Ее смерть—Хлотарь II. единственный король—Его слабость—Его преемник Дагоберт I. последний свободный король из рода Меровингов—Возвышение мэров Дворца.

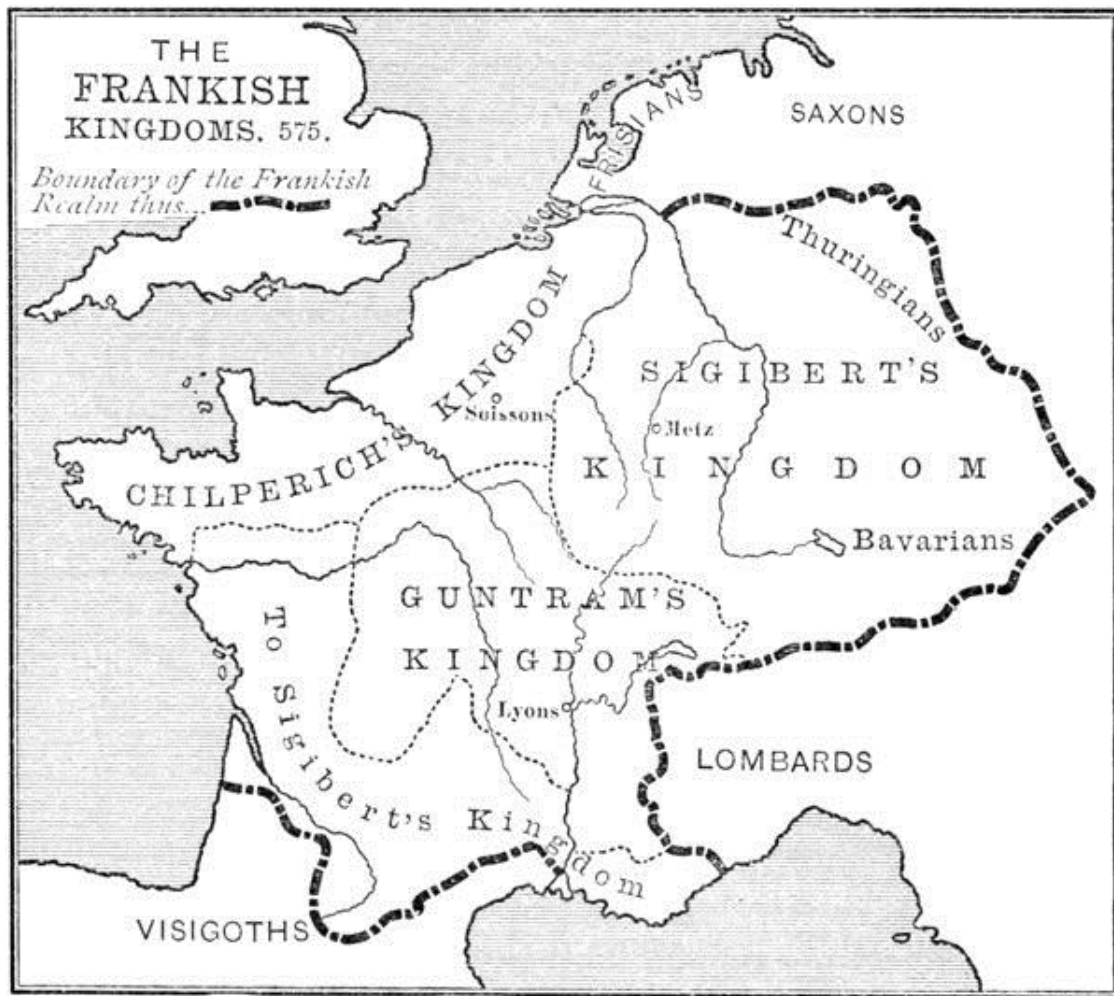
После первых восьмидесяти лет своего существования Франкское королевство, которое при трех поколениях воинственных монархов продолжало расширять свои границы так быстро и так далеко, внезапно прекратило расти и на полтора столетия погрузилось в разорительные гражданские войны, столь же бесцельные, сколь утомительные и запутанные. Уступив свою первобытную тевтонскую свободу своему королевскому дому в обмен на славу и возвышение, которые объединение под единой деспотической рукой дало их доселе слабым и разрозненным племенам, франки променяли свое будущее. Пока дом Хлодовиков был способным и активным, их подданные могли утешать себя подчинением автократу, разделяя власть и добычу, которые им принесло столетие успешной войны. Но когда Меровинги, хотя и сохраняли свою деспотическую власть, стали слабыми и неспособными, не проявляя и следа качеств своих предков, за исключением закоренелой склонности к предательству и братоубийству, для франкской расы настали злые времена. Они заплатили за свое раннее возвышение тем, что были обречены на пять поколений бесполезных гражданских войн внутри страны и бессилие за границей, в то время как их наследственные монархи жертвовали всем ради своих нескончаемых семейных распрей. Франки ни на что больше не могли надеяться, пока не избавились от кошмарного инкуба этого порочного дома, чьи отвратительные анналы в целом являются самой безнадежной и удручающей страницей в истории Европы.^[22] Из поколения в поколение их история пропитана кровью; в летописях любой нации по эту сторону Средиземного моря нет ничего, что могло бы сравниться с этим по ужасу. Мы должны

обратиться к истории дворов Мусульманской Азии, чтобы обнаружить параллель. Франки нашли спасение только в усилении контроля над королевской властью, в появлении крупных губернаторов провинций и в окончательном низложении Меровингов в пользу великого дома потомков св. Арнульф, мэр Дворца, чья сильная рука наконец остановила братоубийственные войны седьмого века. И даже когда на трон взошла новая династия, франкское королевство демонстрировало фатальные признаки деморализации, которой оно подверглось при старом королевском доме. Тенденция народа соглашаться с неразумной привычкой к разделу наследства и неприятная вражда между восточными и западными франками были прямым наследием Меровингов.

22. Несмотря на порочность дома Меровингов, франки были очень лояльны, даже в дни упадка королевского рода. Мы находим, что их хронисты неоднократно противопоставляли верность франков непостоянству их соседей-вестготов, которые, потеряв свой древний королевский дом, постоянно назначали и снимали монархов из числа своих графов и герцогов.

Мы оставили всю^[23] Франкское королевство сосредоточилось в руках престарелого Хлотаря, последнего оставшегося в живых сына Хлодовека. [Второй раздел Франкского королевства, 561 год.] Однако, когда этот седой негодяй, только что убивший своего старшего сына, сошел в могилу в 561 году, его четверо оставшихся в живых детей еще раз разделили королевство между собой, не без предварительной драки, в которой Хильперих, младший из четверых, наложив руки на сокровища своего отца и с их помощью собрав армию, попытался свергнуть своих сородичей, но потерпел неудачу. Когда он был побежден и приведен к покорности, королевство было разделено на четыре части. Хариберт, старший сын, получил Париж и Аквитанию; Гунтрам - бургундское королевство; Сигиберт - рипуарские земли на Рейне и притоки Тюрингии и баварские земли за ним; наконец, беспокойный Хильперих получил исконную долю своего отца, старую салийскую землю между Маасом и Соммой, с присоединением к ней некоторых районов южнее, так что она простиралась почти до ворот Руана и Реймса.

23. Генеалогию дома Хлодовехов смотрите на странице 166.

ФРАНКСКИЕ КОРОЛЕВСТВА. 575.

Из этих четырех братьев Хариберт умер молодым, в 567 году. Его помнят только потому, что его дочь Берта вышла замуж за Этельберта, короля Кентского, и двадцать лет спустя стала защитницей миссии Святого Августина. Земли Шариберта на Сене и Луаре были разделены между тремя его братьями, Гунтрамом и Хильперих, каждый из которых занял часть, ближайшую к его собственной границе, в то время как их дальний брат-рипуариец Сигиберт владел Туром, Пуатье и Бордо, отделенными от других его владений всей территорией Бургундии.

Повесть о войнах и смутах, которые трое оставшихся в живых сыновей Хлотаря I. подняли друг против друга, представляет собой длинный рассказ о беспричинных раздорах и предательстве. Самым беспокойным духом из этой троицы был нечестивый Хильперих, 'Нерон и Ирод своего времени', как совершенно справедливо называет его Григорий Турский. Обычная братская ненависть к Меровингам обострилась между ним и Сигибертом из-за дополнительной обиды. Пока Сигиберт находился за Рейном, сражаясь с дикими аварами, которые продолжали свои набеги вдоль Дуная в Баварию и Швабию, его брат, король Суассона, вторгся в Рипуарию и попытался захватить ее для себя. Сигиберт поспешно вернулся, и ему удалось оттеснить Хильперих за Маас и сохранить свою восточную границу.

Этого было бы достаточно для мести, но за этим последовало нечто худшее. Хильперих и Сигиберт были женаты на двух сестрах, дочерях вестготского короля Атанагильда. Галсвинта

была супругой Хильперих, Брунгильды Сигибертской. Это были принцессы, известные во всем западном мире своей красотой и способностями не меньше, чем огромным приданым, которым наделил их отец. [Убийство Галсвинты, 567.] До своей женитьбы Чильперих содержал идеальный гарем наложниц, хотя с прибытием Галсвинты он на некоторое время изгнал их. Но Фредегундис, главная из его бывших фавориток, сохранила над ним такую власть, что через несколько месяцев он открыто вернул ее во дворец и оскорбил королеву ее присутствием. Когда Галсвинта с негодованием заявила, что должна вернуться к своему отцу, злой король приказал убить ее и через несколько дней публично обвенчался с Фредегундис (567).

Брунгильда, сестра убитой королевы и супруга старшего брата Хильперих, короля Рипуарии, посвятила остаток своей жизни задаче отомстить за смерть Галсвинты королю Суассона и его любовнице. Она была волевой, бесстрашной, способной женщиной, и ее влияние на мужа было безграничным. В течение сорока лет домам Сигиберта и Хильперих и их несчастным подданным было суждено проливать свою кровь на поле битвы, чтобы искупить вину за резню при Галсвинте.

Именно в ходе этих войн оформилось окончательное разделение Франкского королевства на две его постоянные части, и в обиход вошли новые названия для этих частей. Рипуарское королевство короля Сигиберта, от границ Баварии и Тюрингии до Мааса и Шельды, в будущем известно как Австразия — Восточное королевство; менее чисто тевтонское королевство Хильпериха, от Мааса и Шельды до Луары, получило название Нейстрия, Новое королевство или Новое Западное королевство, как это интерпретируют другие.^[24]

24. Нойстрия, Нойстер, Неустрасия, Нейтрасия, Нивистрия - все они встречаются как формы этого названия. Спорно, означает ли это просто царство "Новых франков" в Галлии в противоположность 'Старым франкам' на Маасе и Рейне, или же Новые и Западные слова объединены в одном слове. В *"Анналах Меца"* говорится: "Западные французы, которые ведут войну". Его границами были Шельда, *Сильва Карбонария* около Намюра и Монса и Верхний Маас. Верден - самый западный город Австразии; Лангр - самый северный город Бургундии.

Начало войн Нейстрии и Австразии следует сразу же после смерти Галсвинты. Как мститель за кровь, король Сигиберт вторгся в королевство своего брата и прогнал его на запад. Но военные действия были приостановлены великим вторжением лангобардов в Галлию. Новые завоеватели Италии перешли Альпы и вторглись во франкское королевство. Гунтрам Бургундский, чье королевство приняло на себя основную тяжесть нападения, убедил своих братьев прекратить борьбу и объединиться, чтобы изгнать лангобардов из Провансаи долины Роны. Своим решением Чильперих отказался от *вергельда*, виновного в убийстве его жены, ее приданого и пяти аквитанских городов, которые были дарованы ей при заключении брака. Они были переданы Брунгильде, которая забрала их, но, тем не менее, выжидала время для более полной мести (568).

Четыре года ломбардских войн удерживали франкских королей на своих южных границах, и им, наконец, удалось вытеснить захватчиков за Альпы в серии кампаний, в которых главную славу снискал романо-галльский герцог Евний Муммол, возглавлявший армии Гунтрама Бургундского. [Войны Сигиберта и Хильперих, 573-75.] Но в 573 году гражданская война между Сигибертом и Хильперих вспыхнула снова. Оно мгновенно распространилось по всему Франкскому королевству, ибо Хильперих напал на владения своего брата в Аквитании, в то время как Сигиберт продвигался за Маас и Шельду. Последовали два года ожесточенных боев,

сопровождаясь самым варварским опустошением земель. Сыновья Хильпериха сожгли все открытые города между Туром и Лиможем; войска Сигиберта из-за Рейна опустошили долину Мааса. Австрийцы одержали верх в борьбе, и Хильперих запросил мира, предложив большие территориальные уступки. Но Брунгильда хотела его жизни, а не его земель. Ее муж был вынужден отклонить предложения своего брата и вторгся своим победоносным оружием в сердце Нейстрии после битвы, в которой был убит сын и наследник Хильперих, Теудеберт. Король Запада покинул свою столицу и бежал на север, чтобы спрятаться вместе со своей женой за стенами Турне. Большинство нейстрийских графов приехали засвидетельствовать почтение Сигиберту в Париж, и когда он преследовал своего брата за Шельд, австразиец сам поднял щит, согласно старому франкскому обычаю, и приветствовал его как короля всех франков в Витри, недалеко от Арраса. [Убийство Сигиберта, 575 год.] Он послал за своей женой и детьми в Париж, чтобы те разделили его триумф, и решил положить конец войне осадой Турне. Но когда казалось, что вся Галлия в его распоряжении, двое убийц, нанятых королевой Фредегундой, предстали перед ним с притворным посланием и закололи его, пока он слушал их слова (575).

Смерть Сигиберта изменила весь ход событий в Галлии и подняла его убийцу из глубины отчаяния на вершину удачи. Австразийская армия рассеялась, когда ее командующий был убит, и нейстрийские графы стеклись в Турне, чтобы снова засвидетельствовать почтение Чильперих. Королева Брунгильда, находившаяся в Париже с малолетним сыном и наследником Сигиберта Хильдебертом, была схвачена и заключена в тюрьму сторонниками нейстрийского короля. Ее маленький четырехлетний сын вырвался из лап своего дяди только потому, что был спущен в корзине из окна тюрьмы своей матери и принят верным приверженцем, который уехал с ним в Мец. Если бы Чильперих наложил лапу на мальчика, австразийскому королевскому дому пришел бы конец самым быстрым образом.

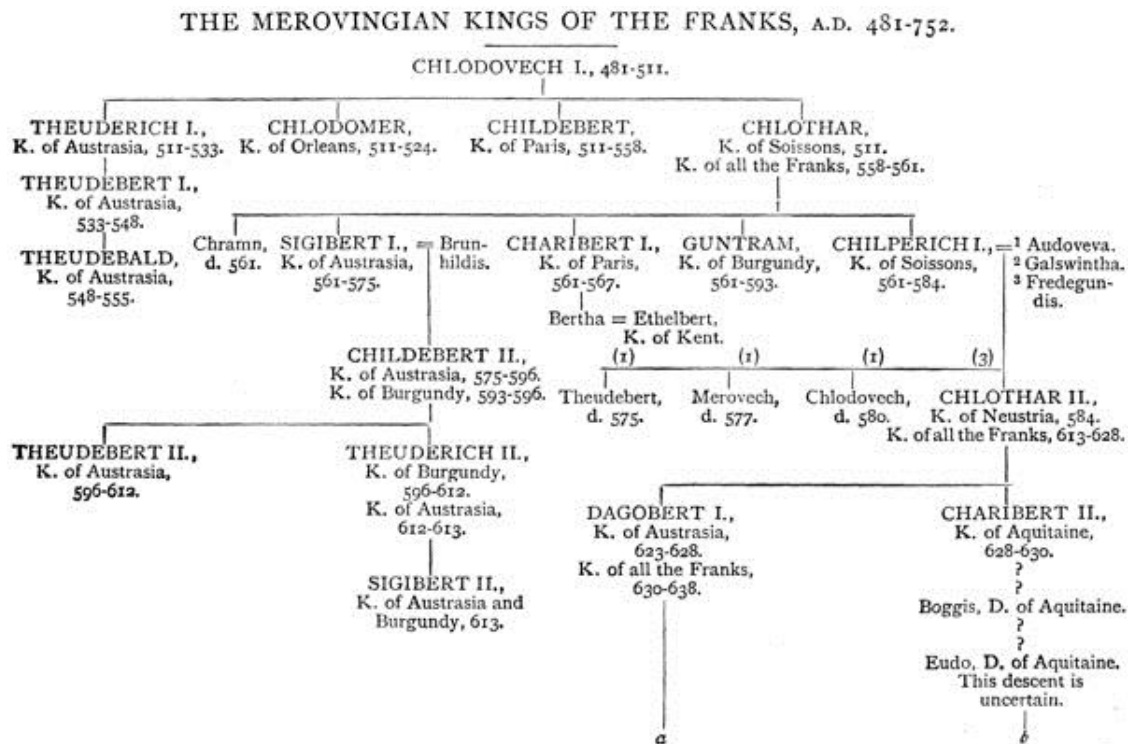
Восточно-франкские графы и герцоги, когда до них дошла весть о смерти Сигиберта, решили не подчиняться его убийце, а пойти на шаг, неслыханный доселе в анналах Меровингов. Когда они обнаружили, что мальчик Хильдеберт сбежал, они повязали ему на лоб диадему его отца и приветствовали его как короля. До сих пор франки всегда жили под сильной рукой взрослого мужчины, и губернаторы провинций были так же бессильны, как и более мелкие люди, находящиеся под автократической властью правителя; но в длительном меньшинстве, которое последовало за восшествием на престол четырехлетнего ребенка, они нашли возможность ослабить королевскую власть и разделить многие из ее привилегий между собой. С этого момента начинается деградация королевской должности, которая отныне должна была стать правилом среди них; и графам и герцогам, а также высшим дворцовым сановникам было суждено в первые годы правления Хильдеберта обрести контроль над центральной властью, которым они никогда до сих пор не обладали.

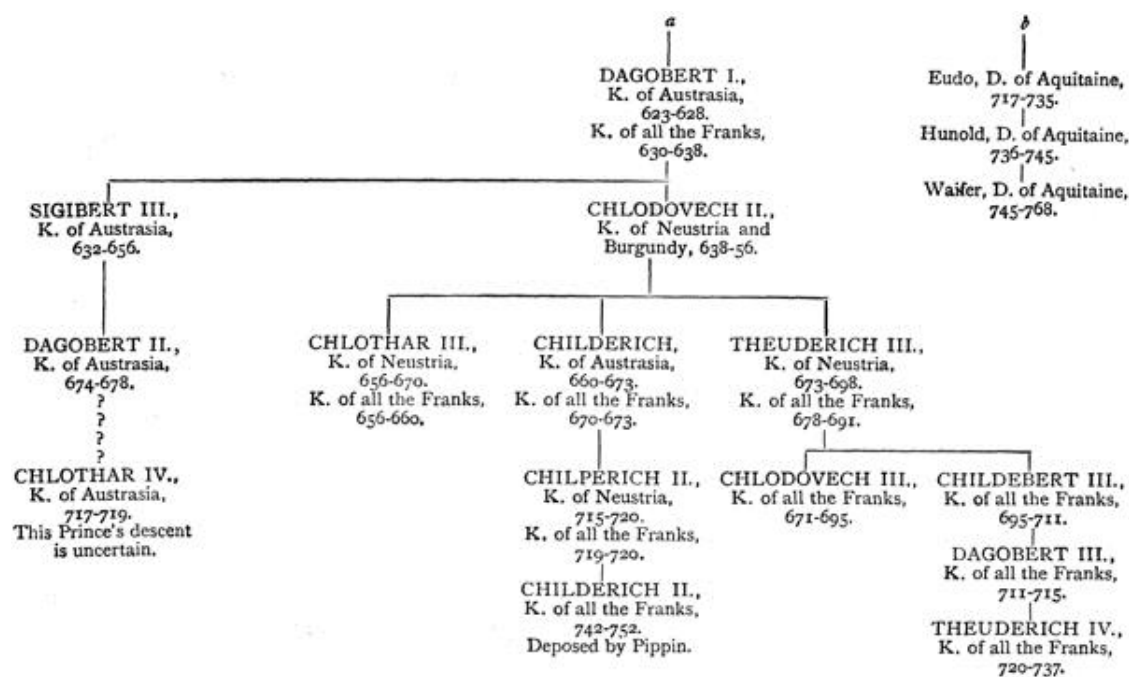
Между тем судьба матери маленького короля, Брунгильды, была странной. Хильперих отобрал у нее сокровища и бросил в тюрьму в Руане. [Приключения Брунгильды.] Там она попала в глаза Меровеху, старшему выжившему сыну своего похитителя,^[25] которому отец поручил командовать армией, предназначенной для нападения на владения австразийского короля за Луарой. Меровех был настолько очарован красотой плененной королевы, что, несмотря на недовольство своего отца, освободил ее из темницы и убедил Претекстата, епископа Руана, обвенчать их в своем соборе. Король Чильперих немедленно вылетел в Руан в великом гневе, и при его приближении молодожены нашли убежище под защитой епископа. После некоторых

колебаний король Нейстрии пообещал сохранить им жизни, но, когда его сын сдался, он увез его в Суассон, а вскоре после этого постриг и заставил стать монахом. Брунгильда бежала в Австразию, куда ее муж стремился последовать за ней. Он бежал из своего монастыря и почти достиг границы, когда посланцы его мачехи Фредегунды поймали его и убили (577).

25. Теудеберт, старший, пал в битве в предыдущем году.

В Австразии теперь началась борьба между освобожденной королевой-матерью и высшими должностными лицами государства за опеку над маленьким шестилетним королем. Борьба была упорной; ибо, если франкской знати мешали автократические традиции королевской власти, то Брунгильда, с другой стороны, была иностранкой и не встречала большой поддержки, за исключением галло-римского духовенства и чиновников, которые находили некоторую защиту под щитом короля от высокомерия и насилия своих франкских собратьев-подданных. В Нейстрии или Аквитании, где римские элементы были сильнее, Брунгильда могла бы добиться большего, но ее жребий пал на Австразию, где германцы имели полное превосходство.

КОРОЛИ ФРАНКОВ МЕРОВИНГИ, 481-752 гг. н. э.

Чтобы защитить маленького Хильдеберта от нападений Хильпериха, его мать вступила в союз с дядей мальчика, Гунтрамом, королем Бургундии. Гунтрам, у которого не было своих детей, назначил Хильдеберта наследником всех своих владений и энергично взялся за его дело. Но он не был очень воинственным принцем, и это было все, что он мог сделать, чтобы защитить свое собственное королевство от активного и безжалостного короля Нейстрии. Хотя Бургундия и Австразия были союзниками, Хильперих преуспел в победе над их объединенными армиями под командованием бургундского генерала Муммола и захватил Тур, Пуатье и весь север Аквитании. Он, вероятно, пронес бы свое оружие дальше, если бы не возникшие внутренние проблемы, которые остановили его. Бретонцы Арморики подняли восстание, которое пришлось подавить, а другие восстания были вызваны его безжалостным и чрезмерным налогообложением. | Зверства Фредегунды. | Но больше всего его огорчали домашние, вызванные ссорой его старших сыновей с их мачехой Фредегундис. Все эти годы злая королева была страшно активна. Теудеберт и Меровех, старшие в семье ее мужа, были мертвы, но их брат Хлодовех все еще стоял между детьми Фредегунды и тронem. В 580 году чума охватила всю Галлию, и она унесла двух сыновей Фредегунды. Она обвинила их сводного брата в том, что он стал причиной их смерти с помощью колдовства, и добилась, чтобы ее муж разрешил ей казнить его. Но когда два года спустя умер ее последний ребенок, гнев и горе несчастной женщины привели ее к самым диким вспышкам жестокости. Она обвинила множество людей из двора магических искусств, применявшихся против ее мальчика, и сожгла их заживо или расколотила на колесе. Ей приписываются многие другие акты убийства и предательства, в частности смерть Претекстата, епископа Руанского, которого она ненавидела за роль, которую он сыграл в браке Меровека и Брунгильды, и ее преступления занимают много страниц в мрачных анналах Григория Турского. Легенда рассказывает, как два святых епископа однажды стояли перед воротами дворца в Суассоне. 'Что ты видишь над этим домом?' - спросил один. - Я не вижу ничего, кроме красногоштанарта, который король Хильперих приказал водрузить на

самом верхнем фронте. "Но я вижу, - сказал первый, - меч Божий занесен над этим нечестивым домом, чтобы полностью уничтожить его".

Тем временем войны Хильпериха с его братом Бургундским и племянником Австразийским продолжали заливать центральную Галлию кровью и пеплом. Они на мгновение прекратились, когда австразийская знать против воли Брунгильды вынудила своего маленького короля заключить мир и союз с убийцей его отца. Но никто не мог долго доверять Хильпериху, и менее чем через год старая лига между Австразией и Бургундией была возобновлена.

[Смерть Хильперих I., 584.] В 584 году Хильперих, к великой радости всей Галлии, был убит неизвестной рукой: 'Когда он возвращался с охоты в свое королевское поместье Челлес, некий человек ударил его ножом ниже плеча и вторым ударом пронзил живот, после чего он упал и испустил дух', — говорит хронист. Он был, пожалуй, худшим из нечестивых меровингов — жестоким, несправедливым, прожорливым и пьяным, тщеславным, хвастливым и нерелигиозным, достойным сыном негодяя Хлотаря и внуком убийцы Хлодомера. Но его неутомимая энергия и безрассудное мужество помогли ему благополучно пережить множество тяжелых дней, и он умер, оставив королевство, которое он унаследовал в 561 году, увеличенным в три раза по сравнению с первоначальным объемом.

Королева Фредегундис родила своему мужу еще одного сына, по имени Хлотарь, всего за четыре месяца до его убийства, так что Нейстрия не осталась совсем без наследника. Но Фредегундис боялась, что Гунтрам и его племянник теперь захватят все королевство и убьют ее вместе с младенцем. Она нашла убежище в Париже; но когда прибыл король Бургундии, он продемонстрировал свое превосходство над моралью своей семьи, сохранив жизнь злой королеве и признав ее сына королем Нейстрии. Брунгильда тщетно пыталась убедить Гунтрама выдать ей убийцу ее мужа; он отказался, и Фредегундис воспользовалась его добротой, чтобы нанять убийц для покушения на жизнь как Брунгильды, так и ее сына, молодого короля Австразии. К счастью, проект провалился в обоих случаях.

Теперь гражданские войны франков на мгновение прекратились. Гунтрам, человек мягкого и не безобидного характера, управлял обоими своими племянниками, пятнадцатилетним Хильдебертом Австразийским и годовалым Хлотарем II.; и в течение девяти лет в трех королевствах царил определенный мир, нарушаемый только войнами с лангобардами и вестготами. Войны с готами и лангобардами. Гунтрам, по-видимому, надеялся, что братоубийственные войны его семьи можно было бы на какое-то время приостановить, обратив энергию франков против их южных соседей, и ввязался в войну с Реккаредом, королем Испании, в то время как дары императора Маврикия побудили австразийскую знать помочь византийцам в их борьбе против лангобардов. Обе войны были долгими и бесплодными. На Западе все неоднократные атаки бургундских армий на Септиманию были отбиты. На Востоке австразийцы дважды переходили Альпы и опустошили долину По, но в 588 году они потерпели такое поражение от короля Отари, что заключили с ним мир и отступили за Альпы. В 590 году Хильдеберт, которому к тому времени исполнилось двадцать лет, и который правил самостоятельно, возобновил борьбу; но его армия была истощена голодом и мором у стен Вероны, и он, наконец, был вынужден возобновить мир с Агилульфом, преемником Отари.

Однако неудачные иностранные войны были лучше, чем раздоры в сердце Галлии, и последние годы правления Гунтрама были практически свободны от этой напасти. Его беспокоил только один мятеж: заговор между его незаконнорожденным братом Гундовальдом и двумя великими

романо-галльскими герцогами, Муммолем и Дезидерием, которые, очевидно, хотели стать создателями королей и править под именем безвестного и неспособного претендента. Но день полного триумфавеликих государственных чиновников над королевством еще не наступил, и хотя он на мгновение стал хозяином всей Аквитании, Гундовальд был легко свергнут казнен вместе со своим главным сторонником Муммолем (585).

Гунтрам умер в 593 году, и его племянник Хильдеберт получил свои владения в Бургундии и Аквитании, таким образом, на двадцать третьем году жизни став правителем четырех пятых всего франкского королевства. Под его номинальным правлением Австразия была театром длительной борьбы между его матерью Брунгильдой и великими графами и герцогами, чьи заговоры и бунты тайно поддерживались Фредегундис. Из своего дома в Нейстрии безжалостная вдова Хильперих делала все возможное, чтобы привести королевство своего племянника в беспорядок, и обещала земли и титулы австразийским вождям, если они убьют Брунгильду и Хильдеберта и провозгласят ее собственного сына Хлотаря королем Австразии. Но суровая и способная Брунгильда распутала и сокрушила все эти заговоры и с триумфом увидела, как ее сын достиг совершеннолетия и принял правление от своего имени.

[Брунгильда атакует Нейстрию.] В тот момент, когда миролюбивый Гунтрам был мертв, Брунгильда и ее сын, освобожденные от всяких ограничений, отправились карать интриги Фредегундис и, вторгнувшись в Нейстрию, покончили с ней и ее мальчиком Хлотарем. Но судьба войны сложилась в пользу Западных франков. При Дройзи, близ Суассона, армия Хильдеберта потерпела поражение, потеряв не менее 30 000 человек, и Нейстрия была спасена от завоевания. Война продолжалась без определенного результата, поскольку Хильдеберту помешало использовать все свои силы восстание за Рейном, среди варни в Швабии. Вероятно, его превосходящие силы в конце концов одержали бы победу, но весь ход событий внезапно изменился из-за его неожиданной смерти в 596 году, в раннем возрасте двадцати шести лет. Он оставил двух малолетних сыновей, Теудеберта и Теудериха, на попечение их бабушки, которая, хотя и была уже на пороге старости, вновь была призвана принять регентство.

Смерть Хильдеберта стала для королевской власти смертельным ударом, от которого она так и не оправилась. Его собственное долгое меньшинство подняло графов и герцогов на высоту власти, которой они никогда раньше не достигали, и все усилия Брунгильды не увенчались успехом в том, чтобы полностью их подавить. Столь же продолжительное несовершеннолетие его сыновей стало последним ударом по королевской власти. Их бабушка из всех сил боролась за то, чтобы сохранить власть за королевской расой и обуздать своих непокорных подданных. Но хотя она работала с неутомимой энергией и рвением и некоторое время держала бразды правления в своих руках, вероломная знать, стремившаяся к собственному возвышению за счет королевской власти, в конце концов оказалась ей не по зубам.

[Второе регентство Брунгильды.] Из двух сыновей Хильдеберта II. Теудеберт, старший, стал королем Австразии, Теудерих, младший, - королем Бургундии, наследием своего дяди Гунтрама. Это было нелегкое наследство, которое они унаследовали, поскольку Фредегундис увидела представившуюся ей возможность и подтолкнула нейстрийцев выступить против своих внучатых племянников. При Лафо близ Лана австрийцы потерпели крупное поражение, и все земли до Мааса перешли в руки королевы Нейстрии. Но в момент триумфа, когда трон ее сына был уже прочно укреплен, а власть ее соперницы пришла в упадок, злая Фредегундис умерла в Руане. Ее бесчисленные убийства и жестокости не встретили наказания на земле, и сыну, ради

которого она так многим рисковала, было суждено успешно осуществить планы, к осуществлению которых она так долго стремилась, и объединить все франкские королевства под своим скипетром (597).

Смерть Фредегундис не принесла облегчения Брунгильде. Еще два года она боролась с интригами австразийской знати; герцог Винтрио, возглавлявший оппозицию против нее, был схвачен и казнен в 598 году. [Изгнание Брунгильды.] Но в 599 году последнее восстание застало ее врасплох, и она была вынуждена улететь одна и без сопровождения из Меца, чтобы спасти свою жизнь. Она бежала в Бургундию, где нашла убежище у своего младшего внука Теудериха, и была там принята со всеми почестями. Два сменявших друг друга дворцовых мэра, Протадий и Клавдий, оба романо-галльской крови, поддались ее замыслам, и королевская власть в Бургундии все еще поддерживалась ее сильной рукой.

Проклятие братоубийственных войн никогда не должно было покинуть дом Меровингов. Когда Теудеберт II. и Теудерих II. повзрослев и достигнув ранней зрелости, они на мгновение объединились, чтобы напасть на своего двоюродного брата Хлотаря и отвоевать у него земли между Маасом, Сеной и Луарой вместе с Парижем, Руаном и Туром. Но вскоре после этого между ними начались раздоры, и, по-видимому, старая Брунгильда была в значительной степени виновата в их возникновении. Она горела желанием отомстить австразийской знати за изгнание, которое претерпела от их рук, и подтолкнула бургундцев к войне. Она и мэр Протадиус были гораздо более нетерпеливы, чем графы и герцоги Бургундии, к началу междоусобицы, и когда две армии оказались в поле зрения друг друга, солдаты Теудериха опустили оружие, убили Протадиуса, когда он пытался навязать им борьбу, и вынудили своего молодого короля заключить мир со своим братом. [Войны Теудеберта II и Теудериха II, 612 год.] Но проклятие, лежавшее на Меровингах, было не так-то легко снять; Брунгильда и Теудерих были полны решимости добиться своего, и вскоре война возобновилась. Австрийцы были разбиты при Туле, их земли опустошены, и победоносный Теудерих пробился до Цюльпиха, в самое сердце владений своего брата. Здесь Теудеберт вторично оказал ему сопротивление, снова был разбит и попал в руки бургундцев. Его привели к бабушке, которая осыпала его горькими упреками и велела постричься в монахи. Но это не удовлетворило короля Бургундии; несколько дней спустя он приказал вытащить своего брата из монастыря и предать смерти (612).

Казалось, что злой поступок молодого короля Бургундии вызвал месть небес. Всего через пять месяцев после убийства своего брата он был сражен приступом дизентерии и умер в Меце в самом расцвете своей юной зрелости (613).

И вот уже в третий раз несчастная Брунгильда осталась одна, с беспомощным ребенком в качестве единственной опоры. Она снова собралась с духом и посмотрела правде в глаза; она привела своего правнука Сигиберта, старшего сына Теудериха, перед собранием восточных франков и попросила их засвидетельствовать ему свое почтение как королю Австрии и Бургундии. На мгновение они склонились перед ней, и Сигиберт II. был признан правителем Восточных франков. Но австразийцы были полны решимости больше не терпеть правления Брунгильды; они тайно послали к Хлотарю, королю Нейстрии, приказать ему вооружиться и вторгнуться во владения его двоюродного брата, ибо ни одна рука не должна была подняться против него. Когда нейстрийский король вступил маршем в Австрию, Варначар, мэр дворца, и большинство знати страны взяли оружие и присоединились к нему. Брунгильда со своим

правнуком бежала в Бургундию и собрала там армию, с которой столкнулась с нейстрийцами у истоков Эны. Но когда показалась армия Хлотаря, бургундский патриций Алетей и герцоги Рокко и Сигвальд увели свои войска и присоединились к захватчику. В одно мгновение вся армия Сигиберта дезертировала или рассеялась. [Смерть Брунгильды, 614.] Брунгильда и маленький король бежали до самого Орбе, недалеко от озера Невшатель, где эмиссары Хлотаря настигли их и взяли в плен. Их привели к королю Нейстрии, достойному сыну Фредегунды. "Вот женщина, - воскликнул он, - из-за чьих интриг и войн погибли десять принцев франков",^[26] и он приказал своим солдатам выпороть старую королеву, а затем привязать ее за руки и ноги к пяткам дикой лошади, которая таскала ее по камням, пока ее тело не было разорвано на части. Мальчик Сигиберт и его младший брат Корбо были задушены.

26. Мы можем считать Теудеберта, сына Хильперих, и Теудеберта, сына Хильдеберта, убитыми в битве; Чильперих, убийство которого иногда приписывали Брунгильде ее враги; Сигиберт, убитый на войне, к которой его подтолкнула Брунгильда; Меровех, убитый за то, что женился на ней. Но кто были остальные пятеро?

Так погибла Брунгильда, а вместе с ней и величие дома Меровингов. В будущем именно графы и мэры дворца должны были осуществлять реальную власть среди франков, а не короли. Хлотарь, победивший только благодаря предательству знати, вместе со всеми своими потомками должен был быть их слугой, а не хозяином. Учитывая, что она была женщиной и иностранкой, замечательно, что Брунгильда так долго продолжала влиять на советы Австразии. За исключением ее способностей и силы характера, у нее не было никаких преимуществ, однако она не только последовательно доминировала над своим мужем, сыном и внуком, но и усмирляла непокорных графов и герцогов, которые не были ни связаны с ней кровными узами, ни постоянно находились под ее присмотром и влиянием. [Характер Брунгильды.] История ее жизни в достаточной степени показала ее качества и недостатки. То, что она была чем-то большим, чем фурия, разжигающая войну и раздоры из личной мести за кровь своей сестры и ее мужа, достаточно ясно. Она была администратором с заметными способностями. Почти единственная среди правителей франков, она известна как строитель и основательница. Она возвела огромное количество церквей, больниц и монастырей. Старые римские крепости и военные дороги также были ее заботой. По сей день некоторые из главных дорог Бельгии все еще носят ее имя, и как "Шоссе Брюно" они хранят память о ней как о первом властителе, который позаботился о них после прихода франков на эту землю. О том, что она была искренне религиозной женщиной, по-видимому, свидетельствует серия ее писем Григорию Великому, которые вызвали восхищение доброго понтифика. Но искреннее благочестие в те дни было не более, чем в наши, несовместимо с упрямым нетерпением противостоять и беспринципной готовностью сметать препятствия с пути. Нет никаких сомнений в том, что Брунгильда сразила австразийских графов не только мечом, но и кинжалом, когда они плели интриги против нее. Она так и не простила своего собственного внука Теудеберта II. за то, что позволил изгнать ее из своих владений и не был удовлетворен до тех пор, пока через десять лет после его проступка она не поймала его, и не заставила стать монахом. Ее вражда преследовала не только Фредегундис и Хильперих, убийц ее сестры и мужа, но и их маленького сына и их подданных еще долгие годы после того, как они сами были мертвы. Тем не менее, если она была безжалостной и неумолимой, мы должны помнить, что немногие правители в истории страдали от таких обид и сталкивались с такими трудностями. По сравнению со своими современницами Брунгильда могла бы сойти за героиню и святую.

Хлотарь II, хотя и стал королем всех франкских королевств в результате убийства Брунгильды и ее правнуков, не приобрел при этом реальной власти. Австразийцы и бургундцы, объединившиеся с ним, чтобы уничтожить старую королеву, добились от него условий, которые лишили его многих несомненных королевских прав. Герцоги Варначар и Рато, которые были назначены мэрами дворца двух королевств, оговорили, что они должны занимать свои должности пожизненно, а не по воле короля. [Упадок королевской власти.] В будущем должность мэра стала гораздо более важной, чем это было до сих пор. Еще одним шагом в ослаблении королевской власти является тот факт, что законодательство франков с этого времени всегда утверждается как составленное королем по совету и с согласия его епископов, графов и герцогов. Свод законов, принятый Хлотарем II. выдвинутый от имени швабов где-то около 620 года, он опирается не только на свой собственный авторитет, но и на авторитет тридцати трех епископов, тридцати четырех герцогов и шестидесяти пяти графов. Тот факт, что правление Хлотаря было исключительно плодотворным в области законодательства, вероятно, объясняется тем фактом, что он был вынужден прислушиваться к требованиям своей знати и удовлетворять их жалобы, а не каким-либо особым вкусом к принятию законов. Когда, например, мы слышим, что он "встретился с мэром Варнахаром, всеми епископами и вельможами Бургундии в Боннее и там удовлетворил все их справедливые ходатайства", мы должны помнить, что он столкнулся с несменяемым мэром дворца и народом, который добровольно отдал себя в его руки на оговоренных условиях и больше не имел над ним неограниченной власти, которой Хлодовек или Теудерих обладали сто лет назад. [Неприятности Хлотаря II. Ничто не может более ясно показать растущую слабость короля, чем инцидент, произошедший на большом национальном собрании нейстрийцев и бургундцев в Клиши в конце его правления. В разгар совета возникла драка, и сторонники герцога по имени Эгина убили Эрменхара, управляющего дворцом сына короля. Тотчас же все нейстрийцы схватились за оружие и разделились на две группы. В то время как Эгина и его друзья захватили холм Монмартр и выстроились в боевой порядок на его вершине, более многочисленный отряд, возглавляемый Бродульфом, родственником убитого человека, двинулся на штурм позиции. Король смог сохранить мир, только убедив бургундов, которые не были заинтересованы в ссоре, последовать за ним и пообещать напасть на ту из двух сторон, которая нанесет первый удар. Он распустил собрание и не смог никого наказать ни за убийство, ни за последовавший бунт.

Хлотарь, с его уменьшившимися королевскими прерогативами, по-видимому, не имел ни возможности, ни власти вести захватнические войны за пределами своего королевства. [Само и славяне.] Он должен был, не шевелясь, наблюдать, как за его восточной границей строится великое, хотя и эфемерное королевство. Позади тюрингов и баварцев, на Эльбе и Одере, последние двести лет, с тех пор как германские расы мигрировали на запад, обитала группа небольших и разобщенных славянских племен, называвших себя вильцами, сорбами, аботритами и чехами. Их разногласия не позволяли им быть опасными соседями до времен Хлотаря. Но около 620 года франкский авантюрист по имени Само, отправившийся на восток наполовину торговцем, наполовину пиратом, объединил многие славянские племена и стал их королем. Он постепенно распространил свою власть на всю долину Эльбы, по обе стороны Богемских гор, и вскоре ему предстояло стать серьезной проблемой для королевства Меровингов.

Ближе к концу своего правления Хлотарь II сделал своего сына Дагоберта королем Австразии, когда тот был еще очень молод. Главными советниками, с помощью которых Дагоберт управлял своим королевством, были два человека, чьи имена стали важной вехой в истории франков —

Арнульф, епископ Меца, и граф Пиппин старший, предки великого дома Карлингов. |Святой Арнульф и Пиппин старший.| Епископ Арнульф был мудрейшим и лучшим из прелатов Австразии и, проведя долгую полезную жизнь в церкви и государстве, удостоился звания святого, сложив свой посох и кольцо и удалившись в отшельничество, чтобы провести свои последние пятнадцать лет в уединении Вогезов. Граф Пиппин, дворянин из земель между Маасом и Мозелем, чьими родовыми владениями, как говорят, были поместья Херсталь и Ланден, был назначен мэром дворца и жил в самом тесном согласии и дружбе с Арнульфом. Они скрепили свой союз браком: Бегга, дочь Пиппина, была выдана замуж за Ансигизеля, сына епископа, ибо Арнульф, как и многие представители франкского духовенства, жил в законном браке. От этих родителей произошла целая династия мэров, королей и императоров, чьи великие деяния прославили в истории их сравнительно незначительных предков.

Король Хлотарь II. умер в 628 году, и его сын, Дагоберт I., стал правителем всех франкских королевств. Для меровинга он был очень достойным правителем, хотя жил сразу с тремя женами и время от времени допускал вспышки безрассудства. В течение двух первых лет своего правления он предпочел разделить верховную власть со своим братом Харибертом, которого он сделал королем Аквитании из чисто братской привязанности. Но когда Хариберт умер в 630 году, он возобновил свои южные владения, не обращая внимания на трех сыновей Хариберта. | Правление Дагоберта I., 628-38. | Дагоберт был последним из Меровингов, чья воля имела большое значение для управления франкскими королевствами; его преемникам предстояло стать лишь тенью. Даже в его время королевская власть была уже невелика в Австразии, где король полностью полагался на поддержку Пиппина, который вместе со своим зятем Ансигизелем занимал пост мэра дворца в течение всех шестнадцати лет правления Дагоберта. Его преданность королю скрывала тот факт, что он был гораздо более могущественен в восточном королевстве, чем сам Дагоберт. У короля было несколько острых ссор с ним, но он так и не осмелился сместить его со своего поста, опасаясь неприятностей. В Нейстрии еще не было великого мэра дворца, и там Дагоберт был правителем не только по имени, но и фактически. Поэтому неудивительно, что он всегда жил к западу от Мааса и сделал Париж своей любимой резиденцией.

Дагоберт был последним меровингом, взявшимся за оружие, чтобы расширить пределы франкской державы. Он поддержал самозванца Сисинанда в Испании с помощью бургундской армии, заключил союз с императором Ираклием против лангобардов и вступил в затяжную войну со славянскими племенами Востока. Королевство Само Франков на Эльбе находилось сейчас на пике своего могущества. Дагоберт был встревожен его быстрым ростом, и когда венды в 630 году разграбили часть Тюрингии, послал против них три большие армии, составлявшие всю военную силу Австразии. Две из этих экспедиций завершились успешно, но третья потерпела полное поражение при Вогастисбурге, в Богемии, и победоносные славяне огнем и мечом опустошали Тюрингию и Баварию от Саала до Дуная, пока Радульф, герцог Тюрингии, наконец не остановил их в 633 году.

Дагоберт I. умер в 638 году. Он оставил двух сыновей, Сигиберта III, девяти лет, и Хлодовика II, шести лет. Именно долгое несовершеннолетие этих двух мальчиков в конце концов привело к краху дома Меровингов. В то время как Сигиберт и Хлодовик выросли, будущее франкских королевств решалось мечом, и самым важным вопросом, поставленным на карту, был вопрос о том, должен ли дом Пиппина и Арнульфа сохранить постоянное владение австразийским дворцом мэра или исчезнуть с глаз долой. Пиппин Старый умер в 639 году, на второй год

правления Сигиберта. Его сын Гримоальд сразу же провозгласил себя наследником отцовской должности. [Гримоальд, мэр дворца.] Но большая часть австразийской знати во главе с Оттоном, приемным отцом молодого короля, отказалась признать его право на пост мэра, и для урегулирования спора потребовалась ожесточенная трехлетняя война. Наконец сын Пиппина победил и в течение четырнадцати лет (642-56) был бесспорным хозяином Австрии. Король Сигиберт, действительно, дорос до положения человека, но находился в полном подчинении у своего слуги и никогда не предпринимал никаких попыток вырвать власть из его рук. Поэтому он известен как первый из *Rois Фейнеантов*, или королей-бездельников, которые отныне должны были править в доме Меровингов.

Тем временем в Нейстрии королевская власть была на время сохранена благодаря уму королевы Нантильдис, дамы большого благочестия, вдовы Дагоберта, которая была опекуном своего младшего сына Хлодовека. Она привлекла к своему делу нейстрийского мэра дворца Эрчиноальда, который был сродни самому королевскому дому,^[27] и, следовательно, не возражал против его господства. Только после того, как эти двое скончались, Западное королевство погрузилось в то же состояние, что и Восточное. Но падение королевской власти и здесь теперь было неминуемо.

27. Судя по всему, он был братом матери Дагоберта и, следовательно, двоюродным дедом маленького короля.

ГЛАВА XI

ЛАНГОБАРДЫ В ИТАЛИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ПАПСТВА

568-653

Странствия лангобардов—Альбоин завоевывает Северную Италию—Его трагический конец—Анархия среди лангобардских герцогов—Правление Отари и франкские войны—Завоевание и обращение Агилульфа—Законодателя Ротари—Государство Рим и Италия—Карьера святого Григория—Он основывает светскую власть папства.

На третий год правления Юстина II, всего через пятнадцать лет после того, как Нарсес изгнал готов и франков из Италии, новая орда варваров хлынула на эту несчастную землю. Опустошительные последствия восемнадцатилетней войны и последовавшая за ней ужасная эпидемия оставили все северные части полуострова опустошенными и почти необитаемыми — ‘земля, казалось, снова погрузилась в первобытную тишину и уединение’.^[28] Имперские войска удерживали несколько укрепленных пунктов за По, таких как Верона и Павия, но не предприняли никаких усилий для восстановления военной границы вдоль Альп, и земля была открыта для захватчиков. Южная Италия пострадала меньше, и Равенна все еще была сильна и

хорошо охранялась, но транспаданские низменности, которым вскоре суждено было сменить название на "Ломбардскую равнину", были так же лишены гражданского населения, как и военных ресурсов.

28. *Paulus Diaconus*, ii. 5.

Новыми захватчиками Италии были лангобарды (Langobardi), тевтонский народ, который, согласно их древним племенным легендам, когда-то жил в Скандинавии, но десятью поколениями ранее спустился в северную Германию, а оттуда медленно проложил себе путь вниз к Дунаю. Они соприкоснулись с границей империи только тогда, когда Одоакр разгромил ругов в 487 году. После того как это племя было рассеяно, они переселились в место своего постоянного проживания на среднем Дунае и стали соседями остготов и гепидов.

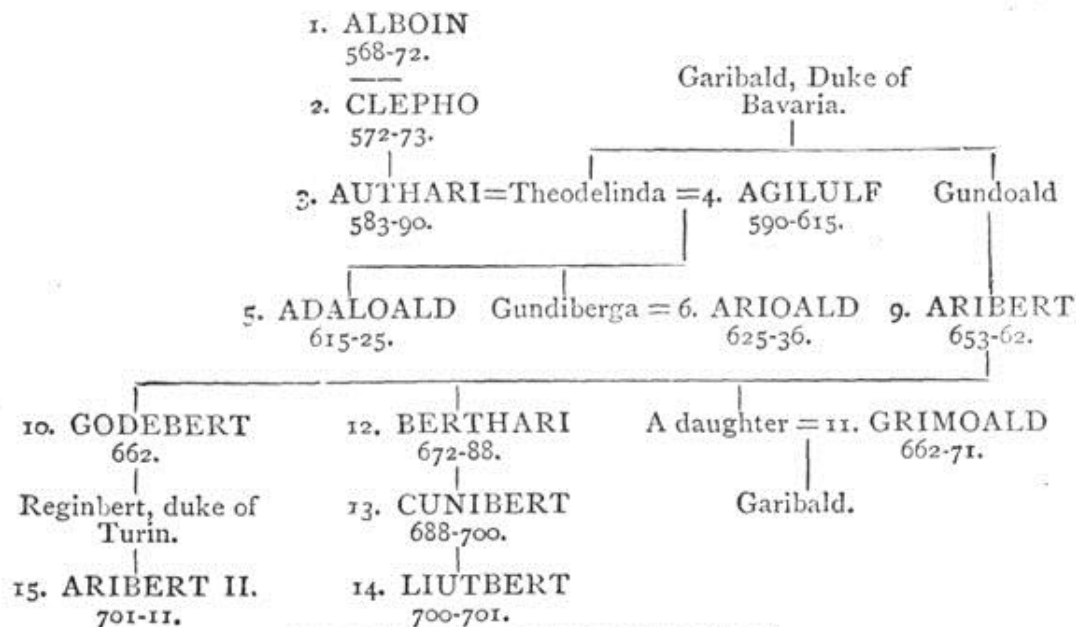
[Лангобарды.] Лангобарды были наименее цивилизованными из всех тевтонских племен, казалось бы, даже более варварскими, чем наши собственные саксонские предки. Живя далеко на темном Севере, они были лишены каких-либо знаний о римской культуре и даже не приближались к границам империи, пока она уже не была разрушена и опустошена. Они все еще были язычниками и все еще жили на стадии примитивной племенной жизни, которую Тацит описал в "Германии". Они были разделены на множество племенных семей, или кланов, которые они называли "фарас", и их подразделениями управляли выборные олдермены^[29] или герцоги, но вся нация выбрала своего короля из королевских домов Летингов и Ганнингов, которые утверждали, что происходят от Гамбары, мудрой королевы, которая десять поколений назад привела расу через Балтику из Скандинавии.

29. Лангобарды, кажется, называли их "альдоны" — ср. Элдерман в английской древности.

Во времена Остготской войны Юстиниана лангобарды находились под властью Аудоина, которого Нарсес подкупил большими подарками, чтобы тот помог ему в борьбе с Бадуилой. Пять тысяч воинов под командованием самого своего царя присоединились к Нарсесу во время вторжения в Италию в 552 году и приняли выдающееся участие в победе при Тагине. Должно быть, именно в этой кампании лангобарды узнали о плодородии и слабости Италии; но они все еще были вовлечены в войны со своими соседями на Дунае, а их король был пожилым человеком, поэтому нам не нужно считать странным, что они ждали пятнадцать лет, прежде чем применить свои знания к делу.

Лангобарды были близкими соседями и злейшими врагами гепидов, готского племени, которое осталось на венгерских равнинах, когда другие части готов двинулись на запад, в Испанию и Италию. Войны Альбоина. | Долгая борьба между лангобардами и гепидами закончилась только в 567 году, когда лангобарды призвали к себе на помощь татарскую расу аваров и с их помощью почти полностью истребили гепидов, разрозненные остатки которых выжили только в качестве рабов орды-завоевателя. К этому времени Альбоин, сын Аудоина, правил лангобардами. Именно он собственноручно убил Кунимунда, короля гепидов. Варвар-победитель отрубил голову своему врагу и приказал оправить череп в золото и сделать из него чашу для питья как высший знак своего триумфа. Однако незадолго до того, как началась последняя битва между лангобардами и гепидами, он взял в жены Розамунду, дочь человека, которого он сейчас убил и обезглавил.

THE LOMBARD KINGS IN ITALY.

Kings not connected with this House were (7) Rothari, 636-52; (8) Rodoald, 652-53; (16) Ansprand, 712; (17) Liutprand, 712-43; (18) Hildebrand, 743-44; (19) Ratchis, 744-49; (20) Aistulf, 749-56; (21) Desiderius, 756-74.

ЛАНГОБАРДСКИЕ КОРОЛИ В ИТАЛИИ.

Положив конец этой великой национальной вражде истреблением гепидов, Альбоин решил привести в исполнение план, который, должно быть, давно зрел в его голове, - завоевание Италии. Более поздний лангобардский историк утверждал, что его подтолкнуло к вторжению вероломство Нарсеса, который, недовольный Юстином II, убедил Альбоина вторгнуться на полуостров и прислал ему в качестве подарков образцы всех щедрых фруктов и вин, производимых Италией. Но это всего лишь отголосок ломбардской саги. Нарсесу, которому сейчас перевалило за восемьдесят и он находился на смертном одре, нужно было думать о других вещах, кроме плевков своего нового хозяина. Не нуждались в напоминании о его существовании и плодородии и лангобарды, объехавшие всю Италию в 552 году.

Прежде чем покинуть Паннонию, Альбоин передал свое старое королевство своим союзникам аварам, оговорив только, что оно будет возвращено ему, если он когда-нибудь вернется из Италии; довольно бесполезный договор с таким вероломным народом, как эта татарская орда. Перейдя Каринтийские Альпы летом 568 года, весь ломбардский народ — мужчины, женщины и дети со своим скотом и рабами — спустился на венецианские равнины и расселился по пустынным землям. Сопrotивления почти не было. В городах, которые когда-то были великими, таких как Аквилея и Милан, немногочисленное население даже не закрывало ворота, а с апатией ожидало захватчика. Сопrotивление оказывали только те места, где находился имперский гарнизон. Верона, защищенная стремительным течением Адидже, Падуя в ее болотах и Павия, древний королевский город готов, были одними из немногих городов, отказавшихся принять лангобардов. [Альбоин завоевывает Северную Италию.] Пришельцы расселились по всей долине По, вплоть до Тосканских Апеннин и ворот Равенны, и начали

селиться в самых живописных местах среди разрушенных римских деревень. Они разделились, подобно франкам в Галлии или восточноанглам в Британии, на два народа: нейстрийцев, или западных, и австрийских, или восточных, лангобардов. Первый простирался от Котских Альп до Адды, второй - от Адды до Юлийских Альп. Пьемонт составлял основную часть Нейстрии; Венеция - основную часть Австрии. Многие разрозненные части племен присоединились к Альбоину в его новом завоевании. Он не только даровал земли разбитым бандам саксов и швабов, но даже чужеземцы, такие как болгары и славяне, находили у него убежище.

В то время как Альбоин основывал новое королевство Ломбардия, города, которые поначалу сопротивлялись, начали переходить в его руки. Верона пала рано, но Павия долго оборонялась. Она так отчаянно сопротивлялась войску, оставленному для ее блокады, что король в гневе поклялся перебить все живое в ее стенах. Но когда по прошествии трех лет голодающие горожане распахнули свои ворота, он смягчился от своего сурового обета, "потому что в том городе было много христиан", и сделал Павию своей столицей и королевской твердыней.

Однако в следующем году ему пришел конец. Ломбардский хронист Павел Диакон, повторяя какую-то известную ломбардскую сагу, рассказывает мрачную историю его смерти следующим образом: 'Король Альбоин слишком долго засиживался за вином в своем городе Вероне, так что стал неистовым, и он послал за кубком, который сделал из черепа короля Кунимунда, своего тестя, и заставил свою королеву Розамунду выпить из него, с радостью предложив ей выпить вместе со своим отцом. Тогда королева почувствовала глубокую скорбь и гнев в своем сердце и спросила себя, как она могла бы отомстить за своего отца, убив своего мужа. Поэтому она попыталась убедить Хелмихиса, королевского оруженосца, который также был его молочным братом, убить своего господина. И Хелмихис не захотел, но посоветовал ей уговорить Передео, сильнейшего чемпиона лангобардов, совершить это дело. | Убийство Альбоина. | Тогда Розамунда продала свою честь Передео, стала его любовницей и сказала ему: "Теперь ты совершил поступок, за который либо ты должен убить Альбоина, либо он тебя". Поэтому он неохотно согласился на это, и в полдень, когда весь дворец спал, Розамунда так крепко привязала королевский меч к изголовью кровати, что его невозможно было вытащить, а затем приказала Передео войти и убить ее мужа. Когда Альбоин услышал, что вошел вооруженный человек, он вскочил со своего ложа и попытался выхватить меч, но безуспешно. Некоторое время он упорно боролся за свою жизнь с помощью табурета, который подхватил, но что мог сделать лучший из воинов без оружия против вооруженного чемпиона? Он был убит, как слабак, и, пройдя невредимым через столько сражений, умер по совету одной женщины, и она была его собственной женой. Тогда лангобарды с большим плачем подняли его тело и похоронили его под огромной лестницей напротив дворца, где оно пролежало до моих дней'. (Май 572 г.)

Хелмихис тщетно пытался провозгласить себя королем в комнате своего господина, но лангобарды не хотели его принимать, и он был вынужден бежать с Розамундой и убийцей Передео, чтобы укрыться у римлян в Равенне. Там всех троих постиг злой конец, "ибо рука Небес была над ними за совершение такого мерзкого поступка".

Тем временем лангобарды короновали в комнате Альбоина Клефо, одного из самых могущественных своих герцогов, хотя и не королевской крови; ибо у Альбоина не было сына, и он был последним из Летингов. Клефо завершил завоевание всей северной Италии, вплоть до южных пределов Тосканы и ворот Равенны. [Анархия, 573-83.] Но не пробыл он и года, как был убит одним из своих собственных рабов, с которым он поступил несправедливо. После его

смерти лангобарды больше не выбирали королей, которые правили бы ими в течение десяти лет, но каждое племя продолжало завоевывать и грабить под руководством своего собственного выборного герцога. Говорят, что не менее тридцати пяти из этих вождей одновременно (573-83) разъезжали по Италии. Ничто не может лучше показать сохранение примитивных тевтонских идей среди лангобардов, чем этот период анархии. Они еще не научились смотреть на короля как на необходимую часть устройства племени, но, подобно германцам первого столетия, смотрели на него как на военного вождя, за которым нужно следовать в минуту опасности в одиночку. Готы или франки, которые продвинулись на более высокую ступень, не смогли бы прожить без короля целых десять лет.

Как ни странно, потеря их верховного главы, по-видимому, несколько не уменьшила воинственной силы лангобардов. В течение десяти лет без короля они продолжали покорять страну и продвигали свои набеги все дальше на запад и юг. Три герцога Нейстрии пересекли Альпы и напали на Прованс, находившийся тогда в руках короля Франков Гунтрама, мирного брата воинственного Сигиберта и злого Хильперих. Они взяли много городов и были изгнаны с этой земли только после долгих боев Муммолем, великим галло-римским полководцем, который так хорошо служил королю Гунтраму; если бы не он, Прованс мог бы стать частью Ломбардии. Тем временем другие ломбардские герцоги продвигались на юг по итальянскому полуострову. Они не действовали по какому-либо объединенному плану вторжения, но каждый шел дальше со своим военным отрядом, оставляя направо и налево множество городов, удерживаемых империалистическими гарнизонами, пока не находил место для поселения, которое радовало его глаз. Таким образом, произошло странное смешение ломбардских герцогств и римских городов. В центральной Италии Фароальд, первый герцог Сполето, покинул Равенну и Анкону на севере и обосновался в центральной долине Тибра, окруженный империалистическими гарнизонами. Зотто, первый герцог Беневенто, продвинулся еще дальше на юг и основал королевство в самнитских долинах, которое было почти полностью оторвано от других ломбардских государств. С востока и запада он был окружен римскими гарнизонами Рима, Неаполя и Калабрии. Герцоги Лукка и Кьюзи, владевшие большей частью Тосканы, не расширили свои границы до Тибра, а остановились у Чиминийских холмов, оставив значительный район к северу от Рима в руках империалистов. Даже в северной Италии герцоги Нейстрии оставили Геную и Лигурийское побережье в покое, а австрийские герцоги не подчинили себе болотистую местность Мантуи и Падуи и не последовали за беглыми жителями Венеции на острова, где Венеция и Градо только начинали расти в безопасности лагуны. По всей Италии ломбардские и римские районы были безнадежно запутаны, и, за исключением того, что долина По была полностью ломбардской, а Бруттий и Калабрия - полностью римскими, не было ни одного участка земли, который не был бы поделен между захватчиками и старым имперским правительством.

Придя в страну, уже опустошенную и почти безлюдную, и принеся с собой обычаи примитивной Германии, не пропитанные никаким римским влиянием, лангобарды основали государственное устройство, еще менее централизованное, чем у вестготов, и бесконечно ниже уровня правления, который Теодорих когда-то установил в Италии восемьдесят лет назад. | Ломбардская монархия. | Когда нация в очередной раз выбрала короля, его власть была безнадежно ограничена авторитетом великих наследственных герцогов. Сполето и Беневенто едва ли оказывали даже номинальное почтение королю, правившему в Павии. Только когда он появился с большой армией в центральной Италии, он мог надеяться привлечь внимание к своим приказам. Даже в долине реки По и в Тоскане его власть была очень несовершенной.

Авторитет королевской фамилии был смертельно подорван исчезновением вместе с Альбоином древнего королевского дома Летингов. Ломбардские монархи, как и их вестготские современники в Испании, получали свою корону только после того, как были избраны по праву меча. За короткую двухсотлетнюю историю Ломбардского королевства на трон взошли девять королей подряд. Все представляли старые герцогские семьи. Все правители Турина, Брешии, Беневенто, Фриули и Истрии в то или иное время получили королевскую корону, за исключением двух или трех королей, которые даже не были лангобардами по происхождению, а пришельцами из соседней Баварии.

В опустошенных регионах северной Италии, по-видимому, лангобарды на какое-то время составляли подавляющее большинство населения. В отличие от готов в Испании или франков в центральной Галлии, они состояли не просто из нескольких разрозненных семей, затерянных среди массы старых жителей. В долине реки По наблюдается большее нарушение старых римских традиций муниципальной и общественной жизни, чем в большинстве других земель Западной империи. В седьмом веке Ломбардия, должно быть, сохранила меньше следов своей древней имперской организации, чем Испания, Галлия или Бургундия, и, должно быть, представляла собой гораздо более примитивный и тевтонский вид. Этого и следовало ожидать, исходя из того факта, что лангобарды пришли с самых задворков Германии и впервые столкнулись с влиянием древнего мира Рима, когда они переехали в Италию.

ИТАЛИЯ В 590 году н. э.

Однако за пределами долины По Италия находилась в совершенно ином состоянии; южная Италия и большая часть центральной Италии сохранили свою древнюю организацию почти нетронутой; Равеннский экзархат, Римский дукат и южные полуострова Апулия и Бруттий оставались неизменными вплоть до девятого века. Записи показывают нам старую социальную организацию земли в окрестностях Рима, во владениях, населенных колониями и принадлежавших римским церковным корпорациям или отсутствующим собственникам, в то время, когда на северных равнинах феодальная система полунезависимых герцогов, каждый из которых был окружен своими землевладельческими комитетами, была в полном действии. По организации, не в меньшей степени, чем по крови, северная Италия и южная Италия были фатально разделены, и выросли две нации, отличающиеся всеми своими обычаями жизни и образом мышления.

Те части Италии, которые оставались под императорским скипетром и сохранили свою древнюю социальную и политическую организацию, были странно разбросаны. В правление Мориса (582-602) императору все еще подчинялись в восьми регионах. Первым был полуостров Истрия, а также болотистые и лагунные острова венецианского побережья с укрепленными городами Падуя и Мантуя, врезавшимися вглубь страны подобно клину в сторону Ломбардии. На втором месте находилось Лигурийское побережье с городом Генуя, зажатым между Апеннинскими и морем; его изрезанные долины и утесы еще не соблазнили лангобардов покинуть свои улыбчивые равнины и поселиться по соседству с морем, поскольку лангобарды по сути своей не состояли в браке. [Имперские владения в Италии.] Третьим является участок земли вокруг Равенны, Экзархат, как он теперь стал называться — титул, который он некоторое время разделял с Африкой, где также правили экзархи. Экзархат простирался вдоль побережья Адриатики, от дельты реки По до ворот Римини, простираясь вглубь страны до Апеннин и охватывая всю южную половину древней провинции Эмилия. Дальше по побережью лежал четвертый имперский округ, от Римини до Анконы, который часто называли Пентаполисом и Декаполисом, по двум группам из пяти и десяти городов соответственно, которые в него входили.^[30] В Умбрии лежал пятый отдельный округ, где император все еще признавался; он располагался вокруг Перуджи и был сильно ограничен ломбардскими герцогствами Кьюзи и Сполето, но одним рогом простирался к Пентаполису на севере, а другим — к Риму на юге. Шестым округом была римская территория, ныне известная как *Римский дукатус*, от дукса, который исполнял обязанности гражданского губернатора в древнем городе в подчинении экзарха в Равенне. Римское герцогство простиралось от Чивита-Веккии до Террачины и от Апеннин до моря, охватывая южную часть Этрурии и почти весь Лаций. Он был отрезан ломбардским городом Капуя от неаполитанского герцогства узкой прибрежной полосой, включающей города Неаполь и Амальфи, и управлялся герцогом, проживавшим в более крупном месте. Наконец, весь носок и пятка Италии, Калабрия Бруттий и южная Лукания, вся береговая линия от Бриндизи до Поликастро образовывали восьмой римский округ. Было очевидно, что управление таким количеством разрозненных владений было бы трудной задачей для экзарха, поскольку он был отрезан от доступа по суше к большей части регионов, за которые он отвечал. Не так-то легко было предвидеть, что главным результатом раскола Италии в результате лангобардских завоеваний должно было стать возвышение светской власти папства, самое неожиданное из событий седьмого века.

30. 'Пятью городами' были Римини, Пезаро, Фано, Синигалья, Анкона; 'десятью городами' — Осимо, Умана, Джези, Фоссомброне, Монтефельтро, Урбино, Кальи, Губбио, Понтериччоли и Территорией Вальвенсе. *Поздняя Римская империя* Бери, том ii. стр. 146.

После того, как анархия под властью племенных герцогов продлилась десять лет, лангобарды выбрали себе другого короля. Выборы, по-видимому, были сделаны главным образом под давлением войны с франками, которую они сами навлекли на себя своим безрассудным вторжением и разорением Прованса в 574-75 годах. Гунтрам Бургундский убедил своего австразийского родственника помочь ему, и лангобарды подверглись нападению австразийцев, которые спустились по долине Адидже и напали на Трент, а также бургундцев. Более того, Тиберий II из Константинополя отправил подарки королям франков, чтобы побудить их помочь ему в Италии, и сделал все, что мог, пока персидская и аварская войны все еще продолжались, чтобы послать помощь экзарху Равенны.

Новым королем Ломбардии стал Отари, сын того самого Клефо, чье убийство оставило трон вакантным в 573 году. Необходимость обеспечения поддержания центральной власти была настолько велика, что герцоги не только оказали ему почтение и уступили ему королевский город Павию, но и пообещали ему половину всех земель, которые были в их руках в качестве королевских владений для содержания его, его *комитатаи* его офицеров. Мы можем усомниться в том, что обещание было выполнено в точности. Не все герцоги объединились на выборах. Первым действием короля Отари должно было стать подчинение и изгнание герцога Дроктульфа, который призвал римлян и укрепился в Брежелло, чтобы защитить среднюю долину реки По от короля. Войны Отари, 583-90. На протяжении всего своего правления Отари был вовлечен в постоянные стычки с франками, чей молодой и воинственный король Хильдеберт II, сын Брунгильды, был настроен возобновить планы своего двоюродного брата Теудеберта по завоеванию Италии. Семилетнее правление Отари было в основном занято отражением нападений франков на Италию; Гунтрам и Хильдеберт, подстрекаемые Смарагдом, экзархом Равенны, три или четыре раза угрожали перейти Альпы и дважды фактически вторгались в Ломбардию. Более опасный штурм произошел в 590 году, когда две великие армии одновременно двинулись: одна из Бургундии через Сени на Милан, другая из Австразии через Бреннер на Трент и Верону. Оба пробились к своей цели и нанесли большой урон лангобардам, но им не удалось встретиться ни друг с другом, ни с римскими войсками, которые экзарх обещал привести им на помощь. Голод и мор проредили их ряды, и они не могли добраться до лангобардского короля, который заперся в неприступной Павии. В конце концов они вернулись каждый в свою страну, не получив ни малейшей пользы от своей великой экспедиции.^[31]

31. См. стр. 170.

В промежутках между франкскими вторжениями Отари предпринял кое-что для укрепления власти ломбардов в северной Италии, захватив огромную крепость в лагуне Коммакьо, захват которой перерезал сообщение между Падуйей и Равенной. Примерно в то же время Фароальд, герцог Сполето, захватил Классис, морской порт Равенны, и полностью разрушил город, единственный уцелевший остаток которого, одинокая церковь Святого Аполлинара в Класе, с таким унылым величием возвышается среди равнинских болот. Говорят, что Отари провел одну грабительскую экспедицию через Беневенто в Бруттий, добрался до крайней южной точки итальянского полуострова и коснулся своим копьем занесенного морем столба близ Реджо, воскликнув: 'Здесь будет граница королевства Лангобардов'. Напрасное хвастовство, если оно когда-либо было сделано, ибо Бруттию никогда не суждено было попасть в руки ломбардцев.

Отари женился на Теоделинде, дочери Гарибальда, герцога Баварского, благочестивого христианина и католика, чей приход, по-видимому, привел диких лангобардов к христианству, подобно тому, как влияние королевы Берты подействовало на ютов Кента. Она недолго была замужем за ним, когда он умер; лангобардский *витан*, имевший высокое представление о ее мудрости и добродетели, посоветовался с ней относительно выбора нового короля. Она порекомендовала им Агилульфа, герцога Туринского, двоюродного брата Отари. Ему она протянула руку, и в то же время он был поднят на щит в Милане как король Лангобардов (590).

Агилульф поддался уговорам своей жены креститься, и вскоре большая часть народа последовала его примеру. Большинство лангобардов, как и большинство других тевтонских рас, приняли арианство и приняли православие только в седьмом веке. Именно Агилульф и Теоделинда построили знаменитую базилику в Монце, где до сих пор хранится железная корона

Ломбардии. В его ризнице до сих пор выставлено множество реликвий благочестивой королевы; наиболее любопытной среди них является золотая курица с цыплятами самой причудливой и архаичной работы, чудесный образец древнейшего искусства тевтонского народа, только что вышедшего из состояния варварства. Вместе с ним сохранилась корона Агилульфа, которую он посвятил святому Иоанну и на которой есть надпись: AGILULF GRATIA DEI VIR GLORIOSUS REX TOTIUS ITALIAE ПРЕДЛАГАЕТ СВЯТОЕ ИОАННИ БАПТИСТУ В ECCLESIA MODICIAE.

Первые три короля лангобардов прожили недолго, но Агилульф прожил почтенный срок в двадцать пять лет (591-616) и правил достаточно долго, чтобы увидеть, как его сын вырос и стал его коллегой на троне. Более удачливый, чем его предшественник Отари, он был избавлен от опасности франкских вторжений серией войн между сыновьями Брунгильды и Фредегунды, которые разразились в 593 году, а затем внутренними неурядицами в Австразии и Бургундии, вызванными распрями между Брунгильдой и знатью. [Завоевания Агилульфа.] Таким образом, Агилульф получил возможность отторгнуть от империи несколько отдельных округов, которые до сих пор присоединялись к ней. Большую часть своего правления он находился в постоянной войне с римлянами и лишил власти экзархов Сутриума, Орте, Тудера, Перуджи и других южно-тосканских и умбрийских городов (598). При посредничестве папы Григория Великого впервые был заключен мирный договор между лангобардами и империей в 599 году, но экзарх Галлицин нарушил мир, захватив дочь Агилульфа, когда она случайно проезжала через территорию империи. Эта вторая лангобардская война, пришедшаяся на время правления Фоки, оказалась самой катастрофической для римлян. Агилульф начал с захвата Падуи, великой крепости на венецианских болотах (602). Падение Падуи отрезало Мантую от помощи, и этот город, последний оплот империи во внутренней части Ломбардии, также пал в 602 году. Министры Фоки добились окончательного умиротворения только в 605 году, пообещав выплачивать ежегодную дань в размере 1200 золотых солидов и уступить южнотосканские крепости Орвието и Баньяреа.

В течение многих лет ни император, ни экзарх больше не вели борьбы; в муках катастрофической персидской войны Фока и Ираклий не смогли послать помощь Риму или Равенне. Предоставленная Агилульфу возможность завершить завоевание Италии была такой, какой больше никогда не представится. Но довольный своей ежегодной данью и, возможно, укрощенный приближающейся старостью, лангобардский король сохранял спокойствие. Очевидно, он предпочел обеспечить мир в своем королевстве и заняться усмирением своих непокорных герцогов. За время его правления было три или четыре опасных восстания этих вождей, но Агилульф подавил их все, по-видимому, без особого труда. На северо-восточной границе также были неприятности от аваров и славян, тех самых врагов, которые в то время так сильно обрушивались на Римскую империю. Славяне проникли в Истрию и Цилли и стали беспокойными соседями Италии, хотя некоторые из их ближайших племен были вынуждены платить дань герцогам Фриули. Авары были более активны и опасны; несмотря на неоднократные договоры с Агилульфом, их каган ворвался в северную Италию в 610 году, убил в битве Гизульфа, герцога Фриули, разорил всю Венецию и увел много пленников. К счастью для лангобардов, эти вторжения не были продолжены, поскольку авары нашли лучшую добычу и меньше сражений на Балканском полуострове.

Несмотря на подобные трудности, правление Агилульфа было временем роста, экспансии и созревания цивилизации для лангобардов. Все они к концу его правления приняли

христианство, обосновались в своем новом доме и начали строить церкви и дворцы, вместо того чтобы ограничивать свое внимание их разрушением. Агилульф нашел *modus vivendi* с Григорием Великим и папством и научил своих подданных жить в некоем подобии мира со своими соседями, вместо того чтобы упорствовать в бесконечной войне, которая заполняла первые тридцать лет владычества ломбардов в Италии.

Агилульфу наследовал его единственный сын, Адалоальд, четырнадцатилетний мальчик, которого он убедил лангобардца *витана* приветствовать как своего коллегу и поднять на щите несколько лет назад. Регентство осуществляла королева Теodelинда, которая была одновременно набожной и популярной, пока молодой король не достиг совершеннолетия; но вскоре после того, как он достиг совершеннолетия, Адалоальд был поражен безумием, и нация выбрала вместо него Ариоальда, герцога Туринского, который, по-видимому, не был родственником королевского дома, но женился на сестре молодого короля, Гундиберге (626). Мало что известно о двенадцатилетнем правлении этого короля; мы не слышим ни о войнах с франками, ни о завоеваниях римлян; мы только читаем, что он был, в отличие от своего предшественника, арианином. Однако, когда он умер, ему наследовал правитель гораздо более выдающийся, "герцог Ротари из Брешии, из рода Ародов, сильный человек, который шел путями справедливости, хотя и не был ортодоксальным христианином, но следовал лживой ереси ариан".

[Завоевания Ротари, 636-52.] Ротари, наконец, завершил завоевание северной Италии, захватив два округа, которые до его времени все еще оставались в руках империалистов. Он подчинил себе все лигурийское побережье от Ниццы до Луны, со столицей в великом городе Генуе (641). Он также захватил город Одерцо, последнее материковое владение римлян в Венеции. С тех пор только острова лагуны признали восточного цезаря своим сюзереном, и их почтение было скорее формальным, чем реальным. Завоевания Ротари не обошлись без ожесточенных боев. Его величайшая победа была одержана при Скултенне, недалеко от Модены, над экзархом Платоном, который вторгся на территорию Ломбардии, но потерпел поражение с потерей 8000 человек и был отброшен обратно в Равенну. Новая активность римлян, свидетельством которой является это сражение, может быть объяснена тем фактом, что персидская и сарацинская войны Ираклия наконец закончились, и при его внуке Константе II Восточная империя начала в некоторой степени восстанавливать свою силу (642).

[Законы Ротари.] Но Ротари больше помнят как составителя Ломбардского свода законов, чем как завоевателя Лигурии. В 643 году он опубликовал сборник традиционных обычаев нации, которые до сих пор никогда не были зафиксированы в письменной форме. Примечательно, что кодекс обнародован не по личному распоряжению короля, а, подобно английским законам *Ine*, "*Pro communi gentis nostrae utilitate, pari consilio parique consensu cum primatis iudicibus nostris cunctoque felicissimo exercitu nostro*" — то есть королем, по совету его *витана* и с согласия вооруженного народного собрания ломбардской нации. *Edictum Rotharis* - это очень примитивный свод законов, который мог бы быть обнародован в глубине немецких лесов, а не в сердце Италии. В основном он состоит из подробных списков полей-оборотней, законов против вооруженного насилия, правил наследования, заявлений об обязательствах сторонника по отношению к своему господину, положений о судебных дуэлях, *per campiones*. Здесь почти ничего не упоминается ни о церковных делах, ни о городской жизни, лишь положение о недопустимости нарушения мира в церкви и некоторые правила *omagistri comacenses*, или искусных римских ремесленников. Из законов мы знаем картину людей, живущих обособленно

семьями, или *фарасами*, каждая на своей ферме-поляне, окруженной лесом или открытым пастбищем. Некоторые из них - "свободные лангобарды", которых даже в столь ранние времена называли "*баронами*", другие - "людьми" герцога или короля. Под ними находятся *альдиу*, которые соответствуют средневековым вилланам, полусвободным оккупантам земли ломбардского хозяина. Это, без сомнения, остатки древнего римского населения, *coloni* которые когда-то возделывали *массу* римского *куруалиса*. Королевская власть во всех военных вопросах передана местным герцогам, в то время как гражданскими делами занимается королевский *шултайс*, или рив (как называли бы его староанглийцы), или *кастальдус*, который, по-видимому, был представителем короля в городе, в отличие от сельской местности. Примечательно, что, демонстрируя крайне не римский характер ломбардских законов, они составлены немецким чиновником, нотариусом Ансоальдом, а не римским епископом или юристом, как это, несомненно, имело бы место в Галлии или Испании. Их отвратительная латынь, которая пренебрегает всеми согласованиями или правилами обращения с предложениями, не могла быть работой ни одного образованного итальянца.

Со смертью Ротари в 652 году для лангобардов началось смутное время, когда они перестали отвоевывать земли у римлян и погрузились в междоусобицу и анархию. Все началось с убийства сына Ротари, Родоальда, после того, как он правил менее шести месяцев. Он был принцем с распущенными манерами и пал жертвой кинжала разгневанного мужа (653).

Восьмидесятилетняя история Италии, в течение которой лангобарды селились в долине реки По и вдоль умбрийских и самнитских склонов Апеннин, приобрела свое главное значение в истории мира не благодаря деяниям Агилульфа или Ротари, а благодаря событиям, происходившим в Риме. К этим годам мы можем отнести основание светской власти папства и развитие вселенского положения римского епископа до такой степени, которая до сих пор оставалась неоспоримой. Большой частью своей силы эти движения обязаны одному человеку, папе Григорию Великому.

После того, как первый шок от вторжения ломбардов расколол Италию надвое, имперские наместники решили обосноваться в Равенне, а не в Риме - в столице Италии Теодориха, а не Италии Августа. Возвышение папства. Они выбрали мощную болотную крепость недалеко от границы с Ломбардией, а не полуразрушенный город на Тибре, все еще покрытый следами набегов Бадуилы. Экзарх обосновался в Равенне и передал свою гражданскую и военную власть в разрозненных частях имперской Италии мелким чиновникам, главными из которых были *герцоги* Рима и Неаполя. Этому переносу резиденции вице-короля из древней столицы было суждено привести к самым далеко идущим результатам. Первая заключалась в том, что главный светский чиновник в Риме был лицом, обладавшим гораздо меньшим авторитетом и престижем, чем главный церковный деятель, проживавший там. Епископы Рима всегда были важными людьми; их притязания на патриаршее первенство над всеми западными епархиями Европы уже были сформулированы. В древней гражданской "префектуре" Италии, то есть на итальянском полуострове, в Африке и Иллирии, это имело большую реальность. Африканская и Далматинская церкви передавали трудные вопросы для решения в Рим не меньше, чем это делала итальянская церковь. Мы находим, что Григорий Великий оказывает реальное влияние в таких отдаленных местах, как Салон, Ларисса и Карфаген. За время существования королевства остготов папы добились своего рода признания со стороны тевтонских королей как аккредитованных представителей католического и римского населения Италии. Они, безусловно, были самыми важными подданными королевства за пределами рядов готских

завоевателей, и им было разрешено обращаться к королю с петициями или мольбами от имени всех итальянских католиков. Отвоевание Италии Юстинианом угрожало понизить престиж и власть пап, снова поставив их под власть господина, который был одновременно законным правителем всей империи и ортодоксальным католиком. Юстиниан вел себя с римскими епископами очень деспотично, о чем свидетельствуют рассказы о несчастьях Вигилия и Сильверия. Он вызывал их в Константинополь, запугивал, сажал в тюрьму или судил по своему усмотрению. Дальнейшее сохранение императорской власти в Италии в значительной степени сдержало бы рост папской власти.

Но вторжение лангобардов изменило положение дел. Имперские губернаторы и гарнизоны были разбросаны по уголкам полуострова, и папы остались без какого-либо хозяина на месте, который мог бы обуздать их. Неудачные восточные войны Маврикия, Фоки и Ираклия помешали им обратить сколько-нибудь должное внимание на Италию. Они послали экзархов сражаться изо всех сил, не предоставив им достаточных припасов - ни людей, ни денег. Экзархи, запертые в Равенне, могли общаться с Римом лишь с величайшими трудностями: сухопутный путь сообщения был почти перерезан лангобардами Сполето; морской путь был долгим и труднопроходимым. Следовательно, Рим был предоставлен самому себе, чтобы пасть или выстоять благодаря своим собственным силам и собственному совету. Папа и 'герцог' Рима постоянно были предоставлены самим себе, не имея возможности обратиться за советом или помощью ни к императору, ни к экзарху. В течение двадцати семи лет, как однажды написал папа Григорий, Рим постоянно подвергался неминуемой опасности лангобардского завоевания (572-599) и был вынужден обеспечивать себя сам. В это напряженное и бурное время папы впервые завоевали светскую власть над Римом и его окрестностями и низвели гражданские магистраты до уровня, имевшего совершенно второстепенное значение.

[Григорий Великий, 590-604.] Человеком, которому в основном был обязан ростом могущества папства, был папа Григорий Великий, чье четырнадцатилетнее правление (590-604) охватывает вторую половину правления Маврикия и первые два года Фоки. Григорий был человеком исключительных способностей и возможностей, одновременно администратором, дипломатом, монахом и святым. Он был знатным римлянином, который провел свою юность на государственной службе и дослужился до звания префекта города. В раннем среднем возрасте он внезапно отбросил мирские занятия, употребил свое богатство на основание монастырей и сам поступил в один из них простым монахом. Он впал в самые суровые крайности аскетизма и чуть не покончил с собой из-за своего постоянного истязания плоти. Вскоре он стал настоятелем и прославился строгой дисциплиной, которую поддерживал над своими монахами, а также своим пламенным усердием и неутомимой благотворительностью. Именно в это время его жизни произошла сцена, так хорошо известная всем английским читателям. Когда он увидел нортумбрийских мальчиков, выставленных на продажу на рыночной площади Рима, в его сердце зародилась жалость к беззащитным язычникам Британии, и он решил пересечь северные моря и нести Евангелие саксам и англам. Но папа Пелагий II вмешался, чтобы помешать самому способному и самому святому из своего духовенства оставить службу Римскому престолу и рисковать своей жизнью среди язычников. Он запретил Григорию уезжать в Англию и вместо этого отправил его представлять папство при Константинопольском дворе. Через несколько лет после своего возвращения из этой миссии, которая была достаточно продолжительной, чтобы позволить ему ясно увидеть слабость императора Маврикия и его бессилие вмешиваться в итальянские дела, Григорий был избран епископом Рима, когда Пелагий умер от чумы (590).

Григорий был избран без санкции Императора. Рим был так тесно окружен лангобардами, что не было ни времени, ни средств спрашивать согласия Маврикия, но впоследствии император утвердил возведение святого настоятеля в сан. Вся Италия — нет, даже весь христианский Запад — уже знала о нем как о самом выдающемся из римских священнослужителей, и он сразу же смог занять очень независимое и авторитетное положение. Самой поразительной чертой Грегори была его необычайная уверенность в себе и убежденность в абсолютной мудрости и праведности своих собственных идей. Легенда, созданная его поклонниками вскоре после его смерти, о том, что он на самом деле был вдохновлен Святым Духом, посетившим его в виде голубя, очень адекватно отражает его собственное представление о своей непогрешимости. Именно эта уверенность в себе позволила ему придерживаться линии сурового и несгибаемого автократизма, которой он всегда придерживался. Другие люди были немые и послушны перед властным святым, в котором они признавали свое моральное превосходство. Мало кто, за исключением императора Маврикия и фанатичного Иоанна Фастера, патриарха Константинопольского, когда-либо отваживался противостоять ему. Несомненно, он был самым способным человеком своего возраста и одним из самых благонамеренных. Он оставил свой след во всем, к чему прикасался, начиная с обращения англичан и лангобардов и заканчивая официальной музыкой Западной церкви — григорианскими песнопениями, которые до сих пор хранят его имя. Хотя потомки почитали его как одного из четырех великих докторов Латинской церкви, его богословская работа была самой слабой частью его деятельности. Его труды полны тропов, надуманного тщеславия, неправильного толкования Священного Писания (он не знал иврита и даже греческого) и педантичных аргументов, основанных на аналогии.

Именно как государственный деятель, администратор и покровитель миссионерской работы Григорий был поистине велик. В Риме он правил как временный губернатор, а не как епископ. Именно он обеспечивал защиту от нападений лангобардов, снаряжал солдат для защиты стен, кормил голодающих за счет средств церкви и вел переговоры с главарями врага от имени народа *Римского дуката*. В 592 году он заключил, по собственному почину, перемирие с герцогом Сполето, в то время как экзарх был настроен на продолжение войны. Маврикий заклеил такое поведение как ‘бессмысленное’; но, поскольку император покинул Рим, чтобы самому обеспечивать себя, ему вряд ли стоило жаловаться. | Светская деятельность Григория. | Во время другого кризиса Григорий по собственному почину назначил трибуна командовать гарнизоном Неаполя и губернатора тосканского города Непи. Наконец, именно он в 599 году заключил мирный договор с королем Агилульфом, который положил конец тридцатилетней непрерывной войне, последовавшей за первым приходом лангобардов в Италию. Когда экзарх упрекнул его, он заявил, что превосходит его не только в силу своего священнического сана, но и по месту и достоинству. Короче говоря, для всех практических целей Григорий сделал себя наполовину независимым губернатором Рима.

Но прогресс Григория в утверждении своего авторитета как Патриарха Запада был даже важнее, чем его продвижение к светской власти. Именно он вернул Испанию и Британию католической церкви — первую путем обращения Реккареда из арианства,^[32] последняя путем отправки миссии св. Августин отправился в Кент и принял крещение у короля Этельберта. Под влиянием королевы Теоделинды он получил контроль над лангобардским королем Агилульфом и убедил его воспитать своего сына Адалоальда католиком.^[33] | Международный авторитет Грегори. | Короче говоря, он мог бы заявить, что воссоединил Италию, Испанию и Британию в тело Церкви Христовой. Он также пользовался значительным влиянием в Галлии, главным образом благодаря влиянию великой королевы-матери Брунгильды, покровительницы всего

римского, с которой он поддерживал долгую и дружескую переписку. Мы уже показали, как епископы имперских провинций Африки и Иллирии прислушивались к его суждениям. Тогда по справедливости Григория можно назвать первым Патриархом объединенного Запада.

32. См. стр. 141, 142.

33. См. стр. 195.

Его преемники на протяжении многих поколений не были выдающимися людьми. Но своей работой он завоевал для них светский авторитет и духовное превосходство, которые они никогда больше не должны были потерять. Когда он умер в 604 году, он оставил Римский престол возвышенным до уровня величия, которого он никогда прежде не знал, почитаемым всеми тевтонскими народами Европы и наполовину освободившимся от своей верности правителям Константинополя.

ГЛАВА XII

ИРАКЛИЙ И МАГОМЕТ

610-641

Бедствие империи в первые годы правления Ираклия—Письмо Хосрова—Предательство аваров—Ираклий проповедует крестовый поход—Его шесть победоносных кампаний—Великая осада Константинополя—Побежденная Персия—Триумф Ираклия—Возвышение и характер Мухаммеда—Вероучение ислама—Завоевания халифов в Сирии и Персии—Беспокойная старость Ираклия.

Когда тиран Фока был передан палачу, чтобы тот расплатился за свои бесчисленные злодеяния, сенат и армия вместе предложили корону молодому Ираклию, спасителю, чье пришествие избавило их от такой глубины страданий. Он был должным образом коронован патриархом и приветствован народом на Ипподроме. Но когда первые ликования закончились и он повернулся, чтобы обдумать состояние империи, которую он только что завоевал, перспектива показалась ему не очень обнадеживающей. Славяне распространились по всему Балканскому полуострову, вплоть до ворот Фессалоники и Фермопильского прохода. Персы, прочно обосновавшиеся в северной Сирии и Месопотамии, продвигались вперед, чтобы окончательно подчинить себе земли Малой Азии, которые он так яростно опустошал в течение двух предыдущих лет. Казна была пуста, а армия рассеяна и дезорганизована; в течение нескольких лет она не осмеливалась встретиться с персами в открытом поле, а офицеры, которыми командовал Фока, так и не завоевали его доверия.

Первые десять лет правления Ираклия казались немногим лучше, чем продолжением страданий времен Фоки. Империя действительно получила в качестве своего правителя хорошего человека вместо плохого, но перемена судьбы произошла не со сменой государей. Казалось, Ираклий не сможет справиться с наследием накопившихся бед, которое ему досталось. Предсмертная насмешка его предшественника: 'Будете ли вы править империей лучше, чем это делал я?', должно быть, часто звучала в его ушах, когда к нему продолжали поступать нескончаемые вести о проигранных битвах, взятых штурмом городах, уменьшающихся доходах и голодающих провинциях. Императорский этикет, господствовавший последние двести лет, предписывал Августу никогда не выходить на поле боя лично, и это правило, по-видимому, помешало Ираклию возглавить свои собственные армии.^[34] Генералы, которым он делегировал свою власть, были одинаково неудачливы, а иногда и нелояльны. Он был вынужден сместить Приска, офицера, предавшего Фоку, за высокомерное неповиновение его приказам. Отсутствие императора на поле боя было серьезным несчастьем, ибо он был гораздо менее администратором, чем воином. Его фигура и лицо выдавали воина. 'Он был среднего роста, крепкого телосложения, широкогрудый, со светлым цветом лица, серыми глазами и желтыми волосами. Он носил густую бороду, пока не вззошел на трон, затем сбрил ее и не позволял ей отрастать снова, пока десять лет спустя не отправился на войну.

34. Со времен Феодосия I, умершего в 395 году, ни один правящий император никогда не командовал армией в полевых условиях.

[Успехи персии, 613-17. | Военные катастрофы первых восьми лет правления Ираклия были ужасны. В 613 году армии Хосрова начали наступление на центральную Сирию: Дамаск пал, а затем генерал Шахрбарз двинулся на юг, в Палестину. В 614 году весь христианский мир был охвачен ужасом, узнав, что Иерусалим захвачен. В Святом Городе не только было убито 90 000 христиан, но и — что считалось гораздо хуже — все сокровища храма Гроба Господня попали в руки огнепоклонников. Главным из них было "Священное Дерево", "Истинный Крест", который императрица Елена, мать великого Константина, обнаружила в 327 году и поместила в своей великолепной церкви. Теперь его привезли в Персию, где над ним посмеялся богохульный царь Хосров. На этом бедствия империи не закончились. В 616 году Шахрбарз пробился через пески Суэцкого перешейка и напал на Египет, единственную римскую провинцию, которая в течение трех столетий не видела ужасов войны. Невоинственные египтяне покорились, едва получив удар; многие еретические секты, кишевшие в долине Нила, даже приветствовали персов как друзей и избавителей. Потеря Египта казалась смертельным ударом для империи. В последнее время она была главным источником доходов истощающейся казны Ираклия, и от ее зерна константинопольцы привыкли получать бесплатный кусок хлеба. Теперь от этого пришлось отказаться, поскольку государственные финансы не позволяли закупать провизию в другом месте. В 617 году вторжение в Малую Азию возобновилось, и персидские войска захватили Халкидон, расположенный прямо на виду у стен Константинополя.

Настал самый темный час. Большим свидетельством популярности Ираклия является то, что череда несчастий, о которых мы рассказали, не стоила ему трона. Любой государь, менее благонамеренный и менее уважаемый, потерял бы жизнь и корону. [Письмо Хосрова.] Самый страшный момент его унижения наступил, когда после потери Египта самонадеянный Хосров прислал ему официальное письмо, приглашая сложить скипетр, которым он не мог владеть. Языком высокомерной снисходительности, который, кажется, был почти позаимствован из письма царя Сеннахериба в Книге царств, перс написал: —

‘Хосров, величайший из богов и владыка всей земли, Ираклию, своему мерзкому и бесчувственному рабу. Почему ты все еще отказываешься подчиниться нашему правлению и называешь себя царем? Разве я не уничтожил греков? Ты говоришь, что веришь в своего Бога. Почему он не избавил от моей руки Кесарию, Иерусалим и Александрию? И не должен ли я также разрушить Константинополь? Но я прощу тебе твои проступки, если ты подчинишься мне и приедешь сюда со своей женой и детьми; и я дам тебе земли, виноградники и оливковые рощи и буду смотреть на тебя по-доброму. Не обманывайте себя напрасной надеждой на того Христа, который не смог даже спастись от евреев, которые убили его, пригвоздив ко кресту. Даже если ты найдешь убежище в морских глубинах, я протяну руку и возьму тебя, чтобы ты увидел меня, хочешь ты того или нет”.

На мгновение поговаривают, что Ираклий подумывал покинуть Константинополь и укрыться в старой крепости своего отца Карфагене. Но сама отчаянность положения дел принесла свое собственное средство. [Крестовый поход Ираклия.] Разгневанные высокомерием Хосрова, страдающие от потери Святого Креста и лишенные всего необходимого для жизни, восточные римляне были готовы нанести один дикий удар за свое существование. Церковь взяла на себя инициативу и объявила войну святым долгом всех христиан, первым из крестовых походов. Патриарх Сергей связал императора клятвой не покидать свой народ, а духовенство предложило в качестве военной ссуды всю золотую и серебряную утварь константинопольских церквей. Ираклий воспрянул духом и, отбросив оковы императорского этикета, поклялся, что сам поведет свою армию в поле боя. Были собраны тысячи добровольцев, и церковные сокровища щедро пожертвовали на их снаряжение. К концу 618 года эта отчаянная попытка снова дала империи генерала, армию и военный сундук.

Но нападение на персидское войско в Малой Азии оказалось невозможным сразу. Внезапная опасность дома вынудила Ираклия отложить свой крестовый поход. Авары сосредоточили свои опустошительные действия во Фракии, и их орды подъехали почти к воротам Константинополя. Необходимо было любой ценой избавить город от опасности нападения с тыла, прежде чем армия перейдет границу Азии. [Предательство аваров.] Соответственно, император послал предложить аварскому кагану субсидию, если тот отступит за Дунай. Каган предложил провести конференцию в Гераклею, в сорока милях к западу от Константинополя, пункта, к которому он выдвинул свою армию. Ираклий согласился на встречу и выехал в царском обличье со всем своим двором. Но вероломный авар замыслил предательство. Он спрятал отряды своих всадников в горах с целью подстеречь Ираклия на пути в Гераклею и захватить его для получения выкупа. Император был предупрежден как раз вовремя, чтобы вырваться из засады. Сбросив свою длинную пурпурную мантию и сунув диадему под мышку, он во весь опор поскакал в Константинополь, а авары следовали за ним по пятам. Многие из его придворных и тысячи фракийских крестьян, оказавшихся свидетелями этой встречи, попали в руки врага. Ираклий едва успел приказать закрыть ворота, прежде чем преследователи пронеслись по пригородам и подошли к стенам.

Несмотря на это отвратительное предательство, император все же был рад заключить мир с аварами в качестве абсолютно необходимого предварительного условия перед нападением на персов. В 620 году был заключен своего рода мирный договор в обмен на денежную выплату, но даже тогда Ираклий не смог начать свою запланированную кампанию. Сначала пришлось сорвать несколько беспорядочных нападений персов на Константинополь и, в частности, попытку построить флот в Халкидоне и пересечь пролив.

Только в 622 году император наконец получил возможность перейти в наступление. Но когда все приготовления были завершены, после торжественного соблюдения великопостного поста и получения благословения Церкви для себя и своей армии, он отплыл в Азию в день Пасхи. Он оставил своего малолетнего сына Ираклия Константина регентом вместо себя под присмотром патриарха Сергия и патриция Бонуса, командующего константинопольским гарнизоном.

В шести последовавших кампаниях Ираклий проявил энергию и способности, которых никто, судя по его бездействию в течение последних десяти лет, не ожидал от него. Историки только сомневаются, восхвалять ли больше его стратегические таланты или его личную храбрость. С самого начала он продемонстрировал свое превосходство над врагом, предприняв наступление и переломив ход войны, куда бы он ни решил ее направить. При своем первом отплытии из Константинополя он не атаковал персов с фронта, а смело обогнул южные мысы Малой Азии и высадил свою армию в Киликии, в заливе Иссы, откуда он угрожал как Малой Азии, так и северной Сирии. Войдя в Каппадокию, он перерезал коммуникации между персидской армией в Малой Азии и долиной Евфрата. Это движение привело к результату, которого он ожидал. Поспешно эвакуировав Вифинию и Галатию, персидский генерал Шахрбарз отступил на восток, чтобы восстановить связь со своей страной. Прежде чем был нанесен удар, Ираклий очистил западную Малую Азию от врага; но он завершил кампанию, нанеся сокрушительное поражение Шахрбарзу в Каппадокии и, таким образом, вернул себе также Восточную Малую Азию (622).

После тщетного предложения условий мира Хосрову Ираклий в следующем году предпринял эффективные меры, чтобы образумить персов. Сирия, Египет и Месопотамия все еще были в руках врага: он решил освободить их тем же способом, каким спас Малую Азию, нанеся такой сильный удар по операционной базе противника, что тот был бы вынужден призвать все свои войска, расположенные за пределами страны, для защиты собственно Персии. [Победоносные кампании Ираклия, 622-27.] В 623 году Ираклий, отказавшись от сообщения с морем, смело двинулся вглубь страны и напал на Мидию. На целых два года он пропадает из виду в регионах крайнего Востока, покоряя земли, где никогда прежде не видели римской армии, куда, действительно, не проникал ни один европейский завоеватель со времен Александра Македонского. Мы слышим о том, что он выиграл три крупных сражения и взял штурмом два великих мидийских города, Гандзаку и Фиваиду, последний из которых считается местом рождения Зороастра, пророка персов. Для армии было некоторым удовлетворением разрушать их великолепные храмы в отместку за разграбление Иерусалима. Чтобы защитить Мидию, Хосрову пришлось отозвать свои армии с Запада, и пока что цели Ираклия достигались; но император был все еще слишком слаб, чтобы напасть на саму Персию или осадить столицу Хосрова Ктесифон.

После зимовки в Ване, на Армянском нагорье, Ираклий в 625 году двинулся на юг и попал в регионы, более известные западным историкам. Он вернул давно утраченные крепости Амида и Мартирополь, древние оплоты империи в верховьях Тигра, которые почти двадцать лет находились в руках персов, и вновь восстановил связь с Константинополем, который почти потерял его из виду во время двух последних кампаний. Год закончился четвертым сокрушительным поражением Шарбарца, который попытался встать между императором и его возвращением домой, защищая переправу через Сару близ Германиции.

Но 626 году было суждено стать решающим годом войны. Прежде чем признать себя побежденным, упрямый Хосров был полон решимости предпринять последнее усилие. Собрав

всех, кого только мог, вместе, поскольку персидская империя к этому времени истощалась, старый царь сформировал из них две армии. В то время как более крупные силы были оставлены в Месопотамии и Армении, чтобы попытаться занять Ираклия, крупный отряд под командованием Шарбарза проскользнул на юг, обошел фланг императора и двинулся к Босфору. | Великая осада Константинополя, 626 год. | Хосров согласовал меры с вероломным аварским каганом для совместного нападения на Константинополь как с европейской, так и с азиатской стороны пролива. Когда Шахрбарз появился в Халкидоне, он обнаружил, что авары уже стали хозяевами Фракии и готовятся к осаде Византии. Две армии могли видеть друг друга через воду, но они были совершенно неспособны общаться друг с другом, поскольку римский флот нес такую превосходную охрану в проливах, что ни одна лодка не могла их пересечь. Награда патрициев оказала самую доблестную защиту, гарнизон был достаточным, а население сохраняло доброе сердце, ибо знало, что перс наносит свой последний отчаянный удар. Сам Ираклий был настолько доволен неприступностью своей столицы, что толькоотправил морем несколько опытных войск для участия в обороне, а большую часть своей армии держал под рукой для нападения на сердце владений Хосрова. Тем временем войску Шахрбарза пришлось в беспомощном бессилии наблюдать, как авары по другую сторону Босфора предприняли свое покушение на Константинополь. В ночь на 3 августа 626 года каган подал сигнал к штурму. Отряд славян на небольших лодках попытался штурмовать морской вал со стороны Золотого Рога, в то время как основные силы аваров двинулись против сухопутного вала. Но галеры Бонуса протаранили и потопили легкие суда славян, и атака аваров полностью провалилась. После этого каган поспешно свернул свой лагерь и отступил за Балканы. Осада была практически снята, хотя армия Шарбарза все еще оставалась лагерем в Халкидоне. Так закончилась первая из четырех великих осад Константинополя, о которых мы должны рассказать.

Тем временем Ираклий наносил удары по Персии самым эффективным способом. В обмен на вторжение аваров во Фракию он призвал из-за Кавказа дикое гуннское племя хазар и натравил их на Мидию и Ассирию. Сорок тысяч их всадников опустошили всю страну до ворот Ктесифона, а император овладел верхней долиной Тигра и приготовился нанести удар по столице своего соперника в следующем году.

| Битва при Ниневии, 627 год. | Кампания 627 года положила конец триумфам Ираклия. Последняя армия Персии под командованием полководца по имени Разат столкнулась с ним близ Ниневии. Бросившись в атаку во главе закованных в кольчуги всадников своей гвардии, Ираклий собственноручно убил персидского вождя и рассеял его силы по ветру. Победоносная армия двинулась дальше и захватила Дастагерд, великолепный загородный дворец Хосрова, недалеко от Ктесифона, где они получили такую добычу, какой не добывала ни одна римская армия на протяжении многих веков. Они сожгли Дастагерд и еще четыре дворца, в то время как Хосров бежал на восток, чтобы укрыться в горах Сузианы.

Многострадавшие персы наконец устали от своего высокомерного повелителя. | Мир с Персией, 628 год. | Его армия восстала против него и провозгласила царем его сына Сироеса. самого Хосрова бросили в темницу, где он погиб от холода и голода. Новый царь немедленно послал запросить Ираклия об условиях мира. Император, зная об истощении своего собственного королевства и его потребности в немедленном отдыхе, не выдвигал жестких условий. Сироес вернул всю римскую территорию, все еще находившуюся в его руках, освободил всех римских пленников, выплатил военную контрибуцию и — величайший из всех

триумфов в глазах подданных Ираклия — вернул "Истинный Крест" и другие трофеи Иерусалима.

В мае 628 года император смог вернуться в Константинополь, принес с собой мир и изобилие. Он восстановил границы империи и нанес Персии удар, от которого она так и не оправилась. Его оружие проникло далеко за пределы завоеваний Траяна и Севера, и его шесть лет непрерывных побед были рекордом, с которым не мог соперничать ни один римлянин, за исключением Юлия Цезаря. Жители Константинополя не без основания встречали его песнопениями и священными процессиями и называли 'новым Сципионом'. Кульминационный момент его триумфа наступил, когда Истинный Крест был воздет в Святой Софии и публично выставлен на всеобщее обозрение верующих. Император вполне мог бы спеть свой "*Nunc dimittis*" в тот день торжественного ликования и помолиться о том, чтобы час его триумфа оказался последним в его жизни.

Но уже надвигалась другая буря, которой было суждено пронестись над римской империей с еще большей силой, чем только что пережитая персидская буря. В разгар своей последней кампании Ираклий получил письмо от малоизвестного арабского пророка, в котором тот предлагал ему принять новое откровение с Небес, которое его создатель назвал 'исламом', или "Покорностью Богу". Аналогичное послание было доставлено в тот же момент Хосрову, то есть накануне его падения. Хосров разорвал письмо и поклялся, что на досуге упрячет дерзкого пророка в темницу. Ираклий отправил вежливое письмо с благодарностью и пустяковый подарок неизвестному фанатику, не желая наживать себе врагов любого рода, пока персидская война все еще была у него на руках. Как ни мало можно было предвидеть в то время, последователям автора этих эксцентричных посланий было суждено вырвать империю Хосрова с корнем и отхватить половину ее прекраснейших провинций у царства Ираклия.

Арабский пророк был не кем иным, как Мухаммедом, сыном Абдаллы, этим странным существом, наполовину провидцем, наполовину самозванцем, чьей проповеди было суждено потрясти три континента и повернуть поток истории в новое и неожиданное русло.

[Мохаммед.] Племена Аравии до сих пор не имели большого значения: их местные распри поглощали всю их избыточную энергию. Они были отделены друг от друга как религиозными различиями, так и древней клановой ненавистью. Одни поклонялись деревьям и камням, другие - воинству небесному, некоторые частично приняли христианство, другие - иудаизм. Они были преданы поклонению фетишу, человеческим жертвоприношениям, пьянству, детоубийству, кровопролитию, полигамии и грабежам на дорогах. Среди этих безбожных племен появился Мухаммед, бедный человек, но происходивший из древнего и могущественного клана, который проповедовал им жесткое унитарное вероучение, сопровождавшееся реформированием морали. По его словам, в видении на горе Хира он был призван Единым истинным Богом провозгласить новое откровение своим соотечественникам, обратить их от идолопоклонства и ненависти друг к другу к поклонению Аллаху и практике братской любви. Мохаммед был существом поэтического и дальновидного темперамента, преданным высоким идеалам и великим начинаниям. Он страдал от длительных припадков, или трансов, в которых его душа блуждала далеко в областях мысли: эти трансы он принимал за божественное вдохновение, и его фантазии — которые часто были достаточно благородными — казались ему прямыми повелениями Бога, хотя в них хорошие и величественные идеи свободно смешивались с низменными элементами, запятнанными невежеством, жестокостью и похотью

араба седьмого века. Долгое время проповедь Мухаммеда не имела никакого эффекта: его собственное племя устало от его бесконечных увещеваний и изгнало его из Мекки (622). [Хиджра, 622 год.] Именно этим полетом в Медину — знаменитой 'Хиджрой' - датируется вся мусульманская хронология. Но, несмотря на неудачи и преследования, пророк никогда не сворачивал со своей миссии, и в конце концов к нему начали стекаться прозелиты, и он стал главой могущественной секты. Затем наступил роковой момент, который превратил его учение из благословения для Аравии в проклятие для всего мира. Когда он стал достаточно могущественным, он приказал своим сектантам взяться за меч и силой оружия навязать ислам своим соседям. Его первый успех на поле боя, битва при Бедре (624), послужил стимулом к упорству на этом злом пути, и последние восемь лет своей жизни он шел вперед, завоевывая племена Аравии, пока не создал небольшую теократическую империю на полуострове (624-32).

[Мухаммед и его религия.] Успехи Мухаммеда были достигнуты нечестивыми средствами, и желание расширить их почти любой ценой постепенно привело его к компромиссам с привычками и суевериями своих соотечественников, которые были фатальны для чистоты его религии. Налет хитрости, мстительности, потакания своим желаниям проявился в характере, который в годы бедности и неприятностей был безупречен. Он потворствовал древнему арабскому культу фетиша, признавая, что конический черный камень Кааба, которому они всегда поклонялись, был освящен Авраамом и должен стать центральной святыней его новой веры. Он потакал их тщеславию, провозглашая их избранным народом Божиим. Он потворствовал их жажде похоти и кровопролития, обещая им имущество их врагов для разграбления в этой жизни и рай грубых чувственных наслаждений в следующей. Он ограничил, но не отменил зло полигамии и рабства. В день своего триумфа он обрек на смерть целые племена и города, иногда при обстоятельствах предательства, а иногда и жестокости. Хуже всего то, что он вложил в свое откровение особые повеления Бога, позволяющие ему делать то, что его учение запрещало его последователям, например, превышать свой собственный предел полигамии и даже брать в жены невесту своего приемного сына. Трудно поверить, что он мог не видеть ужасного богохульства, связанного с подделкой имени Бога для особых целей, одобряющих его собственную похоть. Но этот грех он совершал неоднократно.

Личные недостатки Мухаммеда, по-видимому, привнесли в его вероучение налет жестокости, фанатизма и потакания своим желаниям, что сделало наполовину бесполезными его высшие и благородные черты. Религия, которая узаконивает убийство и грабеж всех неверующих и отправляет женщину в гарем, возможно, была сравнительным благословением для диких арабов времен Мухаммеда или для негров современного Судана: для цивилизованного мира это было просто проклятие — замена низшей веры и жизни высшей. Даже для араба седьмого века это было лишь наполовину полезно: если это удерживало его от пьянства, человеческих жертвоприношений и детоубийства, то это просто направляло его кровожадность против внешних, а не внутренних врагов, и давало божественную санкцию многим из его низменных инстинктов. Недостатки ислама. [Везде, где мусульманство пустило корни, оно поначалу приводило к быстрым вспышкам энтузиазма, но, похоже, постепенно истощает энергию народов, которые его принимают, и приводит, после нескольких поколений величия, к застою и упадку, которые мусульманин в своем самодовольном фанатизме слишком слеп, чтобы заметить. Кредо процветает только тогда, когда оно воинственно. Когда оно одерживает победу, оно погружается в тупую апатию. Ислам - хорошая религия, за которую можно умереть, как показали его фанатики на тысячах полей сражений, но не хорошая религия, по которой можно жить. В нем слишком безнадежно смешаны элементы добра и зла, точно так же, как в Коране

Мухаммеда, этом разнообразномместилище всех его откровений: возвышенные мысли о Божестве или судьбе человека перемешаны с простыми конъюнктурными приказами дня или с позволением себе личного удовлетворения Пророка.^[35]

35. Коран состоит из всех вдохновенных изречений Мухаммеда, записанных в то время его последователями на деревянных табличках, пальмовых листьях или косточках-лопатках и в беспорядке сложенных в сундук, из которого впоследствии они были наугад извлечены и нанизаны вместе, не в соответствии с их датой или содержанием, а просто в порядке длины.

Но каковы бы ни были недостатки Мухаммеда и его веры, они обладали одной устрашающей эффективностью - способностью превращать своих сектантов в диких фанатиков, безразличных к жизни или смерти на поле боя. Жизнь означала для них обязанность сокрушить Неверного и привилегию избаловать его; смерть - еще более великие радости рая грубых чувственных наслаждений. На что был похож первый безумный натиск орды мусульманских фанатиков, опьяненных религиозным безумием, современная Европа наполовину забыла, хотя наши предки-крестоносцы знали это достаточно хорошо. Но у поколения, которое видело, как полурукие арабы Судана противостоят самым стойким войскам в мире, вооруженным скорострельными винтовками и артиллерией, и едва не победило их, были веские причины пересмотреть свое мнение о силе мусульманского фанатизма.

Перед смертью Мухаммед начал принимать меры по распространению своей религии мечом за пределы Аравии. В 629 году, через год после окончания персидской войны, войска Иракия, стоявшие гарнизонами в крепостях на пустынной границе Палестины, подверглись нападению бродячих банд арабских zelотов. Но только после смерти самого Пророка настоящая буря вторжения обрушилась на Римскую империю и ее персидских соседей. Именно Абу Бекр, первый "халиф" или "преемник" Мухаммеда, послал в 633 году две армии, которым было приказано острием меча обратить Сирию и Халдею в ислам соответственно.

Ни римская, ни персидская империи в данный момент не были достаточно подготовлены к сопротивлению. Двадцатилетняя война, вызванная честолюбием Хосрова, довела каждого из них до крайнего истощения. С момента окончания войны Персия стала жертвой непрекращающихся гражданских беспорядков и революций: девять принцев взойшли на трон немногим более чем за четыре года. В Римской империи Ираклий делал все возможное, чтобы исправить бедствия войны: его первой заботой было возместить посредством военной контрибуции, выплаченной Сиротами, и введения новых налогов крупный заем, предоставленный ему Церковью для снаряжения его войск для борьбы. [Истощение Римской империи.] Он распустил большую часть своей победоносной армии, проводя политику сокращения расходов, к которой призывало разрушенное состояние его империи. Но он не мог возместить потери, которые понесли Сирия и Малая Азия, проведя десять лет под персидским игом. Казалось, что сами основы общества в восточных провинциях были подорваны длительной персидской оккупацией. Многочисленные еретические секты, кишевшие в долинах Нила и Оронта, подняли голову во время персидского владычества и с плохо скрываемым нежеланием восприняли восстановление императорской власти. Евреи, которые часто вставали на сторону персов, были беспокожны и недовольны. Говорили, что половина населения Сирии и Египта желала зла империи. Потребовалось бы два поколения мира и мудрого управления, чтобы восстановить прежнее состояние восточных епархий, которые на протяжении последних трех столетий были опорой Восточно-Римской империи; но менее чем

через четыре года после того, как Ираклий торжественно передал "Истинный Крест" под опеку Иерусалимского патриарха, арабы ворвались на эту землю.

В то время как Халед и одна фанатичная сарацинская орда атаковали персидскую границу в нижнем течении Евфрата, другая, под командованием Абу Обейды, атаковала восточную, или пустынную, часть Сирии. Бостра, первый город на краю пустоши, пал из-за предательства, небольшая армия под командованием патриция Сергия потерпела поражение, а наместники Сирии и Палестины послали за помощью к императору. Едва ли еще осознавая опасность кризиса, Ираклий послал некоторое подкрепление под командованием своего брата Феодора, чтобы присоединиться к местным войскам. Эта армия сдерживала мусульман в течение нескольких месяцев; и халиф счел необходимым усилить арабское войско в Сирии, направив туда половину сил, вторгшихся вперсидскую империю, и Халеда, 'Меч Божий', самого ужасного и кровожадного из всех своих фанатичных вождей. В июле 634 года Феодор потерпел сокрушительное поражение от сарацин при Аджнадине близ Габаты, за Иорданом. Этот неудачный ход взбодрил императора: он направил дополнительные подкрепления, и в конце лета 634 года враг был атакован армией численностью в 80 000 человек. [Битва при Ермуке, 634 год.] Судьба Сирии была решена битвой при Иеромаксе (Ермуке), где войска Империи после долгого и кровопролитного боя, в котором они в свое время оттеснили арабов к самым воротам их лагеря, были разбиты фанатичным натиском врага, предпочитавшего смерть поражению. "Рай перед вами, - крикнул Абу Обейда своему колеблющемуся войску, - дьявол и адский огонь позади"; и своей последней атакой арабы прорвали строй легионов и в диком беспорядке отбросили измученные войска назад, за линию пропастей и ущелий, где тысячи людей погибли без удара меча, будучи сброшенными с высоких скал.

Армия Востока была почти полностью уничтожена при Иеромонахе, и прежде чем удалось собрать новые силы, Дамаск, величайший город восточной Сирии, был захвачен врагом, который, несмотря на принятие капитуляции, вырезал большую часть населения (635).

Теперь Ираклий решил лично возглавить римскую армию, но он уже не был тем человеком, который шесть долгих кампаний в старой Персидской войне выходил на поле боя со сбруей за спиной. Ему уже давно перевалило за пятьдесят, и первые симптомы водянки, которая впоследствии стала причиной его смерти, преждевременно сломили его. В его личной жизни тоже в последнее время было много неприятностей; он заключил неразумный и не освященный второй брак с дочерью своей собственной сестры Мартиной, и его беспокоили споры между ней и остальными членами его семьи, вызванные тем фактом, что молодая императрица хотела убедить своего мужа оставить ее собственного сына Ираклеона сонаследником империи вместе с его старшим братом Ираклием Константином. Но таким, каким он был, Ираклий еще раз облачился в свои доспехи и провел 635-6 годы в Сирии, пытаясь сдержать арабов с помощью новых рекрутов, которые он собрал. Его неудача была полной; город за городом, Эмеса, Иераполис, Халкида, Бероя, переходили в руки мусульман, причем император не мог даже рискнуть вступить в сражение в их защиту. В 636 году, совершенно разбитый болезнью, он вернулся в Константинополь, предварительно нанеся поспешный визит в Иерусалим, чтобы забрать "Истинный Крест", который он с триумфом вернул туда всего шесть лет назад.

[Падение Иерусалима, 637 год.] После ухода Ираклия дела шли все хуже и хуже; Антиохия, оплот и столица северной Сирии, и Иерусалим, центробороны Палестины, оба пали в 637 году. Чтобы принять сдачу Иерусалима, который Мухаммед провозгласил вторым после Мекки среди святых

мест мира, халиф Омар лично пересек пустыню. Когда город сдался, араб заставил патриарха Софрония провести его по всем святыням города; когда они стояли в храме Гроба Господня, патриарх, раздираемый горем, не смог удержаться от восклицания, что сейчас в Святая Святых действительно произошла Мерзость Запустения, о которой говорил пророк Даниил. Суровый Омар проявил больше умеренности и сострадания, чем обычно проявляли его генералы, он оставил христианам все их святыне места и удовлетворился постройкой большой мечети на месте храма Соломона.

В то время как Сирия падала перед сарацинами, участь Персии была еще хуже; после великой трехдневной битвы при Кадесии Сасанидская империя пала перед мусульманским мечом. Его столица Ктесифон была разграблена и разрушена, а Йездигерд, последний из его царей, бежал на восток, чтобы собрать свою последнюю армию на берегах Окса и Мургаба (636). Арабские орды, действовавшие вверх по Евфрату, начали нападать на римскую провинцию Месопотамия с юга, в тот самый момент, когда завоеватели Сирии атаковали ее с запада. Ираклий предпринял последнюю попытку спасти северную Сирию и Месопотамию, отправив армию под командованием своего сына и наследника Ираклия Константина для восстановления Антиохии. После небольшой демонстрации успеха поначалу молодой Цезарь потерпел фатальное поражение при Эмесе и удалился со сцены, оставив Месопотамию со всеми ее освященными веками твердынями, Дарасом, Эдессой и Амидой, добычей непреодолимого врага (638-9). С падением морского порта Кесария в 640 году римляне потеряли свой последний плацдарм к югу от Тавра, и теперь сама Малая Азия подверглась вторжению.

Прежде чем он умер от водянки, которая была проклятием его преклонных лет, несчастному Ираклию было суждено увидеть еще одно бедствие, постигшее его королевство. [Сарацины завоевывают Египет, 640.] В 640 году сарацины, теперь во главе с Амру, пересекли Суэцкую пустыню и напали на Египет. Они разбили римскую армию в полевых условиях, захватили Мемфис и Вавилон, а затем получили почести всего верхнего и центрального Египта. Население в значительной степени состояло из еретических сект, которые восприняли мусульман как избавителей от православного гнета, и Мокавкас, коптский губернатор провинции, сдался задолго до того, как ситуация стала отчаянной. Серьезное сопротивление было оказано только в Александрии, где греческий православный элемент был наиболее силен. Но великая морская столица Египта держалась очень стойко и все еще находилась в руках христиан, когда Ираклий умер 10 февраля 641 года на шестьдесят шестом году своей жизни.

Так кончил в нищете и поражении человек, которого провозгласили бы величайшим из всех римских императоров-воинов, если бы он умер всего на десять лет раньше. Он спас империю в самый мрачный для нее час и отвоевал весь Восток такими ратными подвигами, которые редко имели аналогов во всей истории. Но он отвоевал ее только для того, чтобы снова потерять две трети спасенных земель из-за нового врага, и неблагодарные последующие века помнили его скорее как проигравшего Иерусалим и Антиохию, чем как спасителя Константинополя.

ГЛАВА XIII

УПАДОК ВЕСТГОТОВ

603-711 гг. н. э.

Неясность вестготской истории—Сисибут и Свинтила изгоняют Восток-Римляне—Серия королей-священников—Чиндасвинт восстанавливает королевскую власть—Его законодательство—Долгое правление Чесвинта—Вамба и его войны—Восстание Павла—слабые и малоизвестные преемники Вамбы—Приближение сарацин—Слабость Испании—Родерик, Последний из готов—Вся Испания покорена сарацинами.

Немногие периоды европейской истории столь малоизвестны, как последние сто лет владычества вестготов в Испании. Первоначальные источники для его летописей немногочисленны, и в последнее время мало что было сделано для того, чтобы сделать этот период более понятным. Мавританское завоевание в 711 году, похоже, унесло с собой и книги, и писателей, и только спустя много лет после этой катастрофы в Испании возобновилось составление исторических трудов; поздние вестготские времена столь же темны и малоизвестны, как зарождение английской гептархии, а в Испании не было Беды *ианглосаксонской хроники*, которые могли бы пролить свет на этот мрак. Отсюда следует, что многие из их королей - это просто имена, и что их действия и политика часто непонятны. История становится все более и более загадочной по мере того, как седьмой век подходит к концу, и к началу восьмого у нас есть только недостоверные легенды, которые могут помочь нам.

Дом Леовигильдов после сорока лет успеха потерпел катастрофическое поражение в 603 году из-за убийства молодого короля Леовы II. Его убийцей был некий граф Виттерих, мятежный дворянин, участвовавший в арианском восстании 590 года и неразумно помилованный Реккаредом. Восшествие на престол Виттериха ознаменовало отвращение к росту королевской власти, которая добивалась таких успехов при Леовигильде и Реккареде, а также, вероятно, протест против церковной политики Реккареда, который после своего обращения дал католическим епископам такую власть в своем королевстве. [Виттерих, 603-10.] Виттерих правил семь лет, не ставя себе в заслугу ничего хорошего — странно только, что он так долго охранял свою несправедливо добытую корону. У него было несколько незначительных столкновений с франками в Аквитании и византийскими гарнизонами в Андалусии, но ни в той, ни в другой стороне он не добился успеха. Церковь была против него, его графы и герцоги не обращали на него особого внимания, и никто не выказал особого удивления или сожаления, когда в 610 году он был убит заговорщиками на пиру, как и его предшественник тиран Теудигизель.

Королем, избранным готами на его место, был некий граф Гундимар, который, по-видимому, был главой партии православной церкви, поскольку церковные хроники громко восхваляют его благочестие. Гундимар решил принять участие во франкской гражданской войне, когда Теудерих Бургундский и Брунгильда напали на Теудеберта Австразийского. Естественно, он встал на сторону далекого австразийца против своего более близкого бургундского брата, с которым у готов Септимании были некоторые пограничные споры. Но в год начала войны Гундимар умер, всего через двадцать один месяц после того, как был коронован (612).

[Сисибут, 612-20.] Его преемником стал король Сисибут (612-20), принц с определенной репутацией, который, как и его предшественник, был большим другом церковной партии и врагом неуправляемой светской знати. Он был не только великим воином, но, что было еще более странным в готском принце, образованным студентом и даже автором книг. Современный историк многое бы отдал, чтобы восстановить свою утраченную *Хронику готских королей*; но ирония судьбы распорядилась так, что из его трудов уцелели только церковная биография, *"Жизнь и страсти святого Дезидерия"* и несколько плохих стихов. От его восхищенных друзей-священнослужителей мы узнаем, что он был искусен в грамматике, риторике и диалектике и что он воздвиг великолепный собор в Толедо.

Но Сисибут был не просто коронованным *ученым*; он взялся за дело, от которого отказались после смерти Рекареда, - изгнать восточноримские гарнизоны из Андалусии, и почти полностью преуспел. Император Ираклий, в то время охваченный персидской войной, не мог послать помощи Испании, и одна за другой все гавани юго-восточной Испании от устья Гвадалквивира до устья Сукре перешли в его руки. У восточноримлян не осталось ничего, кроме их самых западных владений, крайнего юго-западного угла Португалии с крепостью Лагуш и мыса Сент-Винсент. После завоевания андалузского побережья, похоже, Сисибут построил небольшой флот и пересек Гибралтарский пролив, чтобы отвоевать Сеуту и Танжер у экзарха Африки. В 615 году Ираклий заключил с ним мир, формально отказавшись от всего, что Сисибуту удалось получить от своих военачальников. Сисибут также преуспел в укрощении несговорчивых басков; последовав за ними в их горы, он вынудил их платить дань.

О Сисибуте сохранились менее радостные сведения в области внутреннего управления. Как и подобало горячему стороннику нетерпимой испанской церкви, он поддался на уговоры своих епископов и начал жестокое преследование евреев, первое из многих несчастий, которые несчастным евреям пришлось пережить от рук более поздних готских королей.

Сисибут правил всего восемь лет; он позаботился о том, чтобы его сын Реккаред II. избранный национальным советом королем при его жизни, и после его смерти юноша унаследовал трон без каких-либо посягательств. Но менее чем через год после смерти Сисибута Реккаред последовал за ним в могилу, и корона снова перешла в новый дом.

[Свинтила, 620-31.] Граф Свинтила, которого готы теперь выбрали королем, был генералом, отличившимся в войне с басками и имевшим отличную военную репутацию, но, в отличие от Сисибута, не был сторонником церковной партии и вынужден был сталкиваться с ее интригами на протяжении десяти лет своего правления. В равной степени его не любила крупная знать, власть которой он стремился ограничить, отстаивая права мелких готских фригольдеров, которые долгое время все больше и больше впадали в феодальную зависимость от своих более крупных соседей. Его забота об их интересах принесла ему титул 'Отца бедных', и их лояльность, без сомнения, объясняет тот факт, что он смог так долго удерживать корону, когда и Церковь, и знать были против него. Его правление не обошлось без военных успехов. Он взял Лагос и форт на мысе Сент-Винсент, два последних оплота Византии в Испании, так что весь полуостров наконец оказался под властью единого правителя. Он также успешно подавил восстание басков и, наводнив их горные долины в Наварре и Бискайе, построил крепость Олите за Эбро и недалеко от Пампелуны, чтобы сдержать их натиск.

Но у Свинтилы было слишком много врагов, чтобы позволить ему сохранить свою корону. Некий граф Сисинанд, губернатор Септимании, восстал против него и призвал к себе на помощь

Дагоберта, короля франков. Теперь Галлия снова была объединена под властью единого монарха, и длительные гражданские войны потомков Брунгильды и Фредегунды закончились, так что франки после долгого перерыва смогли позволить себе иностранное вторжение. Опираясь на войска, предоставленные ему Дагобертом, Сисинанд пересек Пиренеи и двинулся на Сарагосу, где король выступил ему навстречу. Битвы не произошло, ибо дело было улажено предательством. | Восстание Сисинанда, 631 год. | Знатные люди и епископы, подчинившиеся призыву Свинтилы на войну, схватили его в его собственном лагере, заковали в цепи и передали Сисинанду. Узурпатор, более милосердный, чем многие готские мятежники, удовлетворился тем, что заключил Свинтилу в монастырь, а не предал его смерти. Сисинанд пообещал своему другу-франку передать ему в обмен на его помощь самое великолепное сокровище из готских королевских сокровищниц - огромную золотую чашу римской работы весом в пятьсот фунтов, трофеем старовоин пятого века. Он передал судно послам Дагоберта, но, когда стало известно, что оно покидает Испанию, готские графы поклялись, что такая древняя фамильная ценность их королей никогда не должна покидать страну, и силой забрали его обратно. Вместо этого Сисинанд отправил Дагоберту сумму в 200 000 золотых солидов (140 000 фунтов стерлингов).

Сисинанд был слабым правителем, орудием своих епископов. Под его бессильными руками растаяла вся сила и авторитет королевской фамилии, и дело Сисибута и Свинтилы было сведено на нет. Испанией правила Церковь, а не он. Когда собирались синоды, короля видели преклонившим колени, с заплаканными глазами, оплакивающим свои грехи и просящим совета у святых отцов. | Короли, управляемые священниками, 631-41. | Он правил всего пять лет (631-36), и его сменил Чинтхила, еще один избранный инструмент иерархии, о котором мы знаем немногим больше, чем то, что "он провел много синодов со своими епископами и укрепил себя с помощью истинной веры". Он правил всего три года, но его сторонники-священнослужители позволили короновать его сына Тулгу в качестве своего преемника перед смертью. Тулга, еще один послушный сын Церкви, правил всего два года, когда был свергнут с престола в результате заговора знати-мирян, для которой господство духовенства в государстве становилось все более и более отвратительным за двенадцать лет правления трех королей-священников. Тулга был отправлен следовать благоприятному пути благочестия в монастырь, в то время как Национальное собрание, созданное заговорщиками, избрало королем графа Чиндасвинта, чьи добродетели были признаны всеми, в то время как его преклонный возраст — ему было не менее семидесяти девяти лет - обещал свободу действий его мятежным подданным (641).

Но знать сильно ошиблась в своей оценке Чиндасвинта, так же прискорбно, как и введенные в заблуждение кардиналы, которые в более позднюю эпоху избрали папой явно умирающего Сикста V. Прикосновение короны к его челу, казалось, вернуло старику молодость и силу, и готы обнаружили, что над ними правит король типа Леовигильда и Свинтилы, суровый подавитель беззакония и феодальной анархии. | Чиндасвинт, 641-52. | Чиндасвинт немедленно поставил перед собой задачу отменить королевскую прерогативу, как в отношении знати, так и в отношении церковных синодов. Его рука тяжело опустилась на изменников, которые двенадцать лет назад предали Свинтилу; он начал разыскивать их и казнить. Сразу же большинство испанской знати подняло восстание. Некоторые бежали в Африку и позаимствовали помощь у византийского экзарха, другие - у королей франков. Но Чиндасвинт подавил все их восстания и погасил пламя восстания кровью двухсот дворян и пятисот человек меньшего ранга, которых он передал палачу. 'Он укротил готов так, что они больше не осмеливались предпринимать никаких попыток против него, как они так часто поступали со своими королями, ибо готы - народ упрямый, и им нужно тяжелое ярмо на свои плечи'. Когда

восстание было подавлено, Чиндасвинт вынудил епископов, собравшихся на синод в Толедо, произнести торжественное проклятие над всеми мятежными дворянами — "*тиранами*", как он их называл, — и назначить наказание в виде лишения сана и отлучения от церкви для всех представителей духовенства, которые будут уличены в согласии с заговорами "*тиранов*" (646).

Тяжелая рука Чиндасвинта принесла Испании семь лет мира в конце его правления, и он смог посадить на трон своего сына Рексесвинта, и ни один из готов не осмелился роптать. Отец и сын правили вместе в течение трех лет, Рексесвинт исполнял функции короля, в то время как Чиндасвинт посвятил себя благочестивым делам. Их совместное правление отмечено одним очень важным инцидентом, свидетельствующим о завершении процесса объединения, который начался с обращения Реккареда в католицизм в 589 году. [Законы Чиндасвинта.] Готы и испанцы теперь настолько ассимилировались друг с другом, что короли подумали, что в будущем ими, возможно, будет править единый свод законов. Расы начали полностью смешиваться. Испанских графов и герцогов в концепериода было так же много, как готских епископов и аббатов. У одной расы больше не было монополии на светскую власть, а у другой — на церковное продвижение. Чиндасвинт решил приостановить применение старого римского права в своих владениях и заставить всех своих подданных пользоваться готским правом, хотя и привнес в последнее значительный римский элемент. Преимущество нового кодекса Чиндасвинта состояло в том, что графы *ивикарии*, непосредственные представители короля, имели в будущем полную юрисдикцию над всем коренным испанским элементом, включая духовенство; ибо испанцы были лишены своего римского свода законов, *Бревиария Аларича*, и своих собственных судов и судей, и были подчинены в юридических, не менее административных или военных вопросах готскому графу. В то же время запрет на браки между готами и провинциалами, который все еще номинально существовал, хотя и часто нарушался со времен Леовигильда, был снят, и все подданные короля стали равны перед законом.

Чиндасвинт умер в 652 году в почтенном возрасте девяноста лет, не имея себе равных среди тевтонских королей своего времени. [Рексесвинт, 652-72.] Его сын и коллега Рексесвинт, уже довольно преклонный перед юностью, прожил еще двадцать лет. У него было самое долгое, спокойное и, в некотором смысле, самое процветающее правление из всех вестготских королей. В отличие от своего отца, он был преданным сторонником Церкви и с помощью епископов сохранял свое правление до дня своей смерти. Но он постепенно снова упускал из рук всю королевскую власть, которую его отец с таким трудом восстановил. Когда он стал старше, все правление государством снова перешло в руки епископов и синодов. Рексвинт всю свою жизнь был занят строительством церквей и совершением великих подношений святым. Случай сохранил нам одну огромную золотую корону с дарственной надписью, которую он подарил Пресвятой Деве; сейчас она составляет гордость музея Клюни в Париже и является лучшим памятником грубого тевтонского искусства того времени, за исключением, пожалуй, золотых подношений Агилульфа и Теоделинды в Монце.^[36] Традиция много говорит о духовных благословениях, которые были ему дарованы. Ему и архиепископу Хильдефунсу выпала честь собственными глазами лицезреть чудесное видение святой Леокадии в кафедральном соборе Толедо. Но тем временем королевская власть снова таяла, и Рексвинт, при условии, что он по крайней мере наслаждался покоем и благочестивым досугом, похоже, мало заботился о судьбе своих преемников; у него самого не было сына, которому он мог бы завещать трон. Лично он был популярен — 'настолько мягкий и непритязательный, что его с трудом можно было отличить от кого-либо из его собственных подданных', — и он не пожинал плодов семян слабости, которые сеял. Только одно незначительное восстание прервало двадцать мирных лет его правления. Но

тем временем элементы разложения набирали силу. Знать вновь заявляла о своих старых притязаниях на феодальную независимость, а духовенство становилось все более и более властным.

36. См. стр. 196.

Рексвинт умер в 672 году, не оставив наследника, и среди знати было много споров по поводу избрания его преемника. В конце концов их выбор пал на Вамбу, человека зрелого возраста и с высокой репутацией, но он отказался взять на себя это бремя, несмотря на одобрительные возгласы, которыми было встречено его имя. Наконец, как нам рассказывают, некий герцог обнажил свой меч и пригрозил убить его как предателя своего народа и своего долга, если он еще немного поколеблется подчиниться воле собрания. Вамба склонился перед такой формой убеждения и принял корону.

[Вамба, 672-680.] О правлении Вамбы нам известно больше, чем о правлении его предшественников и преемников, поскольку случайно сохранилась его биография, написанная епископом Юлианом Толедским. Мы узнаем, что он был суровым повелителем готов, подражая примеру Чиндасвинта, и что его правление прошло в безуспешной попытке восстановить власть короны, которую упустил благочестивый Рексвинт. Восстания, естественно, стали повсеместными, когда король начал давать о себе знать своей сильной рукой. Неукротимые баски взялись за оружие, и, пока Вамба был занят в своих горах, более опасное восстание произошло в Септимании, где некий граф Хильдерик поднял знамя восстания. | Восстание Павла, 673 год. | Король послал против них большую армию под командованием герцога Павла, доверенного офицера римской крови. Но вместо того, чтобы напасть на повстанцев, вероломный Паулюс вступил с ними в переговоры, развратил начальников своей собственной армии и внезапно провозгласил себя королем. Вызов, который, как говорят, он послал Вамбе, заслуживает, возможно, того, чтобы быть записанным из-за его странного и высокопарного стиля. 'Во имя Бога, ' писал узурпатор, ' Флавий Павел, могущественный король Востока, приветствует Вамбу, короля Запада. Если ты пересек суровую, безлюдную горную пустошь; если ты прорывался сквозь леса и чащобы, как сильный лев; если ты укротил быстроту дикой козы, и прыгающего оленя, и прожорливого кабана и медведя; если ты изгнал яд змеи и гадюки, — тогда покажи мне себя, ты, воин, повелитель лесов и любитель скал, и поспеши мне навстречу, чтобы мы могли сразиться друг с другом в песне, подобно соловьям. А потому, великий король, наберись сил в своем сердце, спустись к Пиренейским перевалам, и там ты найдешь атлета, с которым сможешь достойно сразиться".

Паулюсу поверили на слово, 'властелин лесов' поспешно спустился с баскских гор и бросился на армию повстанцев, не прошло и недели. Он форсировал Пиренейские перевалы, отесняя перед собой войска Павла, а затем бросился на Нарбонну, столицу Септимании. Город был взят штурмом основными силами после трехдневной осады, и, когда он пал, Вамба вернул себе большинство других городов между горами и Роной. Павел укрылся в укрепленном городе Нисмес и послал просить помощи у франков. Но король оказался проворнее его. Готы поднаторели в искусстве полиоркетирования за время своей долгой борьбы за изгнание византийцев из Андалусии, и с помощью своих осадных машин Вамба взял Нисмес на второй день своего сражения. Затем Павел и его военачальники заперлись в большом римском амфитеатре, который они превратили в цитадель. Через несколько дней голод заставил их сдаться на милость короля. Вамба поклялся сохранить им жизнь, и Павел с двадцатью шестью

графами и вождями сдались на его милость. Король приказал вырвать им бороды и волосы с корнем и с триумфом повел их в Толедо, где их провели по городу в цепях и босиком, одетых в рубахи из власяницы, с Павлом впереди, в кожаной короне, прикрепленной к его голому черепу пластырем из смолы. Имена двадцати шести человек сохранились. Среди них был один епископ (гот), один священник римской крови и двадцать четыре графа и вождя, из которых семнадцать носят готские и семь римских имен.

Этот удар по неуправляемой готской знати обеспечил Вамбе спокойное правление. Он просидел на троне еще семь лет (673-680) в мире и процветании, стараясь, насколько мог, смягчить болезни вестготского государства. | Законы Вамбы. | Некоторые из его законов достаточно ясно показывают опасности того времени. Класс мелких фригольдеров, которые должны были составлять основную часть королевского войска, теперь исчез настолько, что Вамба предписывает будущим рабам, так же как и свободным людям, подчиняться королевскому призыву к войне. Он даже приказал епископам возглавлять своих крепостных в полевых условиях, что вызвало глубокое возмущение духовенства, хотя несколько поколений спустя мы находим эту практику достаточно распространенной как в Англии, так и в Галлии и Германии.

Вамба потерял свой трон по странной случайности или, возможно, в результате еще более любопытного заговора. Он заболел в 680 году, был оставлен врачами и впал в долгое оцепенение. Его слуги, в соответствии с распространенной практикой того времени, облачили его в монашеские одежды и постригли ему волосы до пострига, чтобы он мог умереть 'в религии'. | Эрвиг, 680-87. | Затем, прежде чем он испустил дух, его самый доверенный офицер, граф Эрвиг, захватил королевские сокровища и провозгласил себя королем. Эрвиг был внучатым племянником короля Чиндасвинта и считал себя наследником своего двоюродного брата Рексесвинта, предшественника Вамбы. Однако он не был чистокровным вестготом; его отец Артавасдес был беженцем из Византии, к которому Чиндасвинт благоволил и удостоил руки своей племянницы.

К ужасу всего дворца, престарелый Вамба не умер: он оправился от долгого оцепенения и начал поправляться. Но новый король и придворное духовенство дружно заверили его, что — хотя он и не знал этого — он стал монахом и не может вернуться к своему мирскому одеянию или к своей королевской власти. Очевидно, Вамба не был чужд суевериям своего времени; он смирился с этой идеей и удалился в монастырь Памплиега, где прожил до глубокой старости. Впоследствии ходили слухи, правдивые или ложные, что его длительный транс не был естественным, но что Эрвиг, увидев его на одре болезни, дал ему сильное снотворное и намеренно обманым путем возвел его в сан, чтобы завладеть короной.

|Последние готские короли.| Вамба был последним из вестготов; четыре короля, последовавшие за ним, - всего лишь тени, коронованные призраки, о которых мы знаем мало или вообще ничего, ибо со смертью Вамбы история Испании погружается в глубочайший мрак. Их звали Эрвиг (680-87), Эгика (687-701), Витиза (701-10) и Родерик (710-11). О последних двух мы знаем немногим больше имен, но несколько фактов об Эрвиге и Эгике можно установить.

У первого, хотя и хватило смелости захватить трон, не хватило мужества защищать королевские права. Он позволил короне вернуться в то же состояние зависимости от церкви, в которое она впала во времена Сисинанда и Рексвинта. Им правил Юлиан, епископ Толедский, и, по-видимому, он был гораздо менее истинным королем Испании, чем этот прелат. По приказу

Юлиана он отменил военные законы Вамбы, поскольку они касались церкви, и возобновил жестокие преследования евреев, которые всегда сопровождали восшествие на испанский престол короля-священника.

Очевидно, из-за того, что его мучила совесть из-за его отношений с королем Вамбой, Эрвиг выбрал своим преемником племянника и наследника Вамбы Эгику. Женив его на своей собственной дочери Сисило и заставив поклясться быть добрым к своей жене и ее братьям, Эрвиг сложил корону и последовал за Вамбой в монастырь.

Эгика не сдержал своей клятвы; в тот момент, когда готское собрание признало его королем, он заставил епископов освободить его от клятвы, а затем отрекся от своей жены и наложил арест на имущество своих шуринов, сыновей Эрвига. Правление Эгики ознаменовалось последним и самым жестоким преследованием евреев, которому когда-либо потворствовали вестготский король и духовенство. На шестнадцатом соборе в Толедо (695 г.) они проголосовали за то, чтобы всех взрослых евреев схватили и продали в рабство, а их детей разлучили с ними и передали в христианские семьи для воспитания в истинной вере. Этому нечестивому закону подчинились многие евреи, и еще больше бежало за море в Африку. Говорят, что преступлением, которое навлекло на них эту участь, был заговор с целью предать Испанию иностранным врагам. Новая держава только что появилась по соседству с вестготским королевством; после пятидесяти лет наступления сарацин. сражаясь, ужасный и фанатичный сарацин только что одолел византийских наместников Африки и взял штурмом Карфаген (695), последний оплот восточных римлян. По-видимому, именно к ним евреи посылали послания с просьбой пересечь пролив и положить конец преследованиям испанских епископов. В то время из этого приглашения ничего не вышло, но сам факт того, что оно было возможно, подразумевал серьезнейшую перемену в положении вестготов. На протяжении трех поколений они находились между двумя слабыми, неподвижными и не предприимчивыми соседями, раздираемыми фракциями франков и экзархами Африки. Каково было бы распадающемуся королевству, если бы на него напала новая сила в расцвете своей фанатичной молодости и энергии?

Эгике, однако, не суждено было дожить до дня суда, как и его сыну Витизе (701-710), о котором абсолютно ничего не известно, кроме того, что он был 'популярен в народе, но ненавидим духовенством'. Подробности его злодеяний - всего лишь выдумки монашеских писателей десятого века. В его время они не были записаны, поскольку в течение двух лет после его смерти Испания оказалась под властью мавров, и ни у одного местного летописца не хватило духу подробно описать последние часы старого вестготского королевства.

Витиза умер молодым, оставив двух сыновей, которые были недостаточно взрослыми, чтобы носить корону. Поэтому готы избрали своим королем некоего графа Родерика, для нас это просто имя, хотя более поздние хронисты говорят, что, что достаточно вероятно, он был родственником Чиндасвинта и Эрвига и, следовательно, враждебно относился к дому Вамбы и Эгики.

Он правил всего восемнадцать месяцев, ибо в его время для Испании настали злые времена. Сарацинские завоеватели Африки потратили последние двадцать лет на то, чтобы укротить мавров и берберов. Теперь все племена склонились под их игом и приняли ислам: увеличившись до огромных размеров за счет новых обращенных и жаждущих новых земель для завоевания, арабские вожди готовились перепрыгнуть через узкий Гибралтарский пролив и вторгнуться на испанский полуостров.

Романтические легенды более позднего поколения повествуют о зловещей истории о злодеяниях короля Родерика, о том, как он надругался над дочерью графа Джулиана, губернатора Сеуты, и о том, как разгневанный отец предал маврам свою крепость, ключ от проливов, и привел их к берегам Андалусии. Все это совершенно неисторично. Нет никаких оснований полагать, что Родерик был лучше или хуже своих предшественников; о его характере мы ничего не знаем: само его существование подтверждается только именем и датой в списке готских королей и несколькими очень редкими монетами.

Все, что мы знаем, это то, что не успел он пробыть на троне и восемнадцать месяцев, как мавры высадились в Кальпе, отныне известной как Джебель-Тарик (Гибралтар), по имени своего вождя. Они начали опустошать Андалузию, и Родерик выступил против них во главе всего войска вестготской Испании, которое, должно быть, теперь состояло — как показывают нам законы Вамбы — из нескольких богатых графов и епископов, возглавлявших великое множество своих крепостных и иждивенцев. Рекрутский отряд вестготов оказался гораздо менее способным противостоять мусульманам, чем войска Византии. [Битва при Гваделете, 711 год.] На берегах Гваделете, недалеко от Медины Сидония, Тарик одержал решающую победу. Родерик был убит или утонул во время преследования, готская армия рассеялась, и, не вступив ни в одно второе сражение, захватчики овладели Испанией. Менее чем за два года (711-13) Тарик и его начальник Муса, губернатор Африки, покорили всю страну; несколько мест, таких как Кордова, Мерида и Сарагоса, продержались недолго, но готы не выбрали нового короля и не объединили никаких общих усилий сопротивления. К 713 году единственным уголком Испании, который не подчинился, было гористое побережье Бискайского залива, где неукротимые баски и жители Астурии сохраняли ненадежную свободу, сохраненную скорее их безвестностью и прочностью их домов, чем неспособностью мусульман завершить свое завоевание.

[Причины падения вестготов.] Так пала Вестготская Испания. Причины не заставляют себя долго искать: короли, избранные не из одного королевского рода, а в результате случайных выборов, стали бессильными, став простыми рабами своего духовенства; крупная знать была нелояльна и буйствовала; мелкие фригольдеры исчезли; у огромной массы крепостных не хватило духу сражаться за своих тиранических хозяев. Государство сочетало слабость страны, находящейся под церковным управлением, с беспокойством крайнего феодализма. Она в любом случае пала бы перед первым сильным захватчиком; если бы мавры не пересекли пролив, Испания, вероятно, стала бы уделом Франкского королевства под властью могущественных дворцовых мэров или еще более могущественного Карла Великого.

ГЛАВА XIV

БОРЬБА ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ И ХАЛИФАТА

641-717

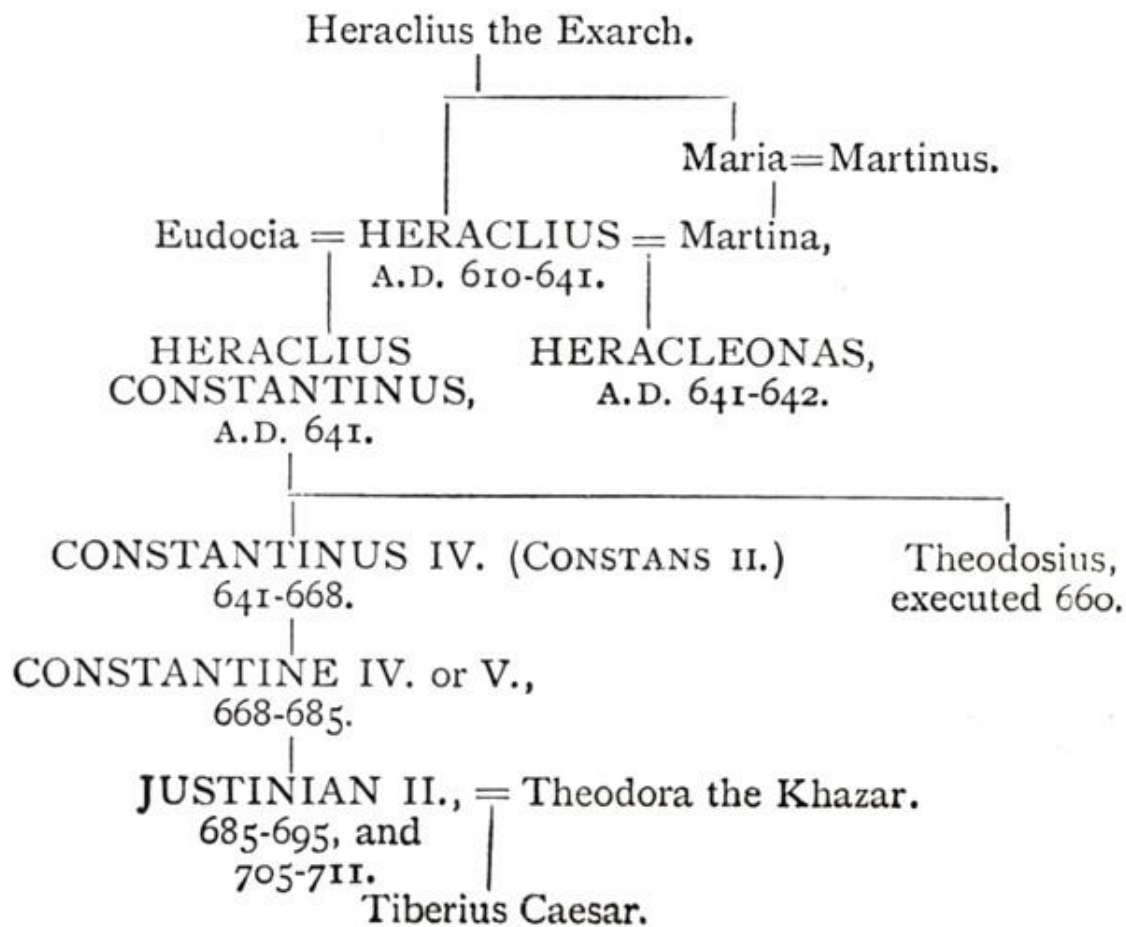
Династические проблемы после смерти Ираклия—Войны Константина (Константа II.) с Халифатом—Его публикация "Типа"—Его вторжение в Италию и война с лангобардами—Правление Константина V.—Его успешная защита Константинополя—Тирания Юстиниана II.—Его низложение—Узурпации Леонтия и Тиберия—Восстановление Юстиниана—Анархия после его убийства—Возвышение Льва Исаврийца.

В момент смерти несчастного Ираклия Восточно-Римская империя оказалась в крайне невыгодном положении для сопротивления энергичному наступлению мусульман на ее оставшиеся провинции. Поддавшись влиянию своей амбициозной жены Мартины, старый император разделил императорскую власть между Ираклием Константином, отпрыском его первой жены, и старшим сыном Мартины Ираклеонасом. Старшему из молодых императоров было двадцать девять, младшему - всего шестнадцать. [Беспорядки в Константинополе, 641 год.] Их совместное правление закончилось плохо, поскольку Ираклий Константин и его мачеха, которая во всем выступала как представительница своего маленького сына, были в явном раздоре. Но не прошло и трех месяцев, как Ираклий Константин скончался; вполне вероятно, что его кончина была вызвана естественными причинами, но византийская общественность считала иначе, и Мартину открыто обвинили в том, что она отравила своего пасынка. Ее поведение не делало обвинение невероятным, поскольку она сразу же провозгласила своего сына Ираклеона единственным императором, хотя Ираклий Константин оставил после себя двух маленьких мальчиков.

Это было больше, чем могли выдержать константинопольцы. Сразу же вспыхнули беспорядки, и сенат, который примерно в это время занял независимую позицию, сильно отличающуюся от его обычного послушного бессилия, сделал Мартине и ее сыну самые решительные заявления, пригрозив наихудшими последствиями, если сыновья Ираклия Константина будут исключены из наследования. Опасаясь за свою жизнь, Мартина и Ираклеонас подчинились воле народа и позволили короновать мальчика Константина как коллегу своего дяди; на момент коронации ему было не более одиннадцати лет.

Совместное правление двух юношей под регентством Мартины длилось меньше года. В сентябре 642 года сенат совершил *государственный переворот*; Мартина и ее сын были схвачены и сосланы в Херсонес. По обвинению в том, что они отравили Ираклия Константина, они были жестоко изувечены: язык императрицы и нос Ираклеоны были перерезаны — первый случай подобного обращения с царственными особами, но отнюдь не последний в истории Византии.

THE HOUSE OF HERACLIUS.

ДОМ ИРАКЛИЯ.

[Констанс II., 641-68.] Константин IV., или как его чаще, но менее точно называли Констанс II.,^[37] таким образом, он стал единоличным правителем Востока еще до того, как ему исполнилось двенадцать лет. Реальное правительство в течение некоторого времени осуществлял сенат — факт, который свидетельствует как о лояльности империи дому Ираклиев, так и о значительном росте власти сената за последние два или три поколения. В прежние времена нет никаких сомнений, что какой-нибудь могущественный генерал захватил бы трон. Но Константину, хотя его меньшинство не было безразлично к восстаниям, было позволено повзрослеть и со временем взять на себя личное управление империей.

37. Нет сомнений в том, что его настоящее имя было Константин, или полностью Флавий Ираклий Константин. Но западные историки и некоторые восточные историки называют его Констанс. Вероятно, это было просто для удобства, чтобы отличить его от его отца Ираклия Константина и его сына Константина IV. (или V.).

Удивительно, что во времена детства Константина государство не подверглось большому бедствию. Энергичный халиф Омар все еще побуждал арабов к завоеваниям, и без твердой руки у руля можно было ожидать, что корабль восточно-римского государства понесло бы на волнах. Но хотя сарацины все еще продолжали уступать дорогу, скорость их продвижения была

остановлена. Александрия, последний христианский оплот в Египте, пала во время короткого правления Гераклеона. Ресурсы империи были истощены в попытке вернуть его, и на второй год правления Константина значительная экспедиция под командованием полководца по имени Мануил неожиданно напала на это место и отвоевала его. Арабскому правителю Египта, знаменитому Амру, пришлось осаждать это место более года, прежде чем оно сдалось. Раздраженный его долгим сопротивлением, он разрушил его стены и перебил многих его жителей. Казалось бы, сарацинские войска в течение следующих нескольких лет были большепоглощены окончательным завоеванием восточной Персии, чем нападением на Римскую империю. Только после того, как Йездигерд, последний из сасанидских царей, потерпел поражение и лишился самых отдаленных уголков своих владений, арабы снова повернули на Запад.^[38]

38. Окончательное подчинение Персии было завершено только в 652 году, хотя битва при Нехавенде, последняя, в которой Йездигерд рискнул выступить в открытом поле, произошла в 641 году.

[Война в Африке.] Единственным пунктом римской границы, подвергшимся серьезному нападению, была Африка. Песчаная пустошь между Египтом и Баркой внушала арабам меньше страха, чем любому другому захватчику. Воодушевленный тем фактом, что Григорий, экзарх Африки, восстал и провозгласил себя императором, так что он не мог надеяться на помощь из Константинополя, сарацинский полководец Абдалла Абу-Сар пересек ливийскую пустыню и напал на Барку. Григорий выступил против него, но потерпел поражение и был убит: Барка и Триполи пали под натиском захватчиков, но Карфаген и остальная Африка вновь перешли на сторону Константина, когда узурпатор был убит. Сарацинская граница все еще стояла у Сыртов (646-7 гг.), и потребовалось еще полвека сражений, прежде чем римляне были изгнаны из западной половины своих африканских владений.

Тем временем халиф Омар умер, и его более слабый преемник, Осман, оказался менее опасным для Восточной империи. Однако его военачальники вторглись на Кипр и захватили остров: не имея возможности удерживать его постоянно из-за превосходства византийского флота, они удовлетворились взиманием дани и удалились (642). Но воодушевленные результатом этой своей первой морской экспедиции, сарацины приступили к строительству большого военного флота, и через несколько лет они были в состоянии оспаривать командование в восточном Средиземноморье у римских галер, которые со времени разгрома вандалами в 533 году не знали соперников на море.

Тем временем Константин повзрослел и, к счастью для империи, оказался именно тем государем, который требовался в те дни невзгод. Он был суровым воинственным принцем, обладавшим немалой долей военных способностей своего деда Ираклия. Он всегда был в поле боя, возглавлял свои собственные силы на море не меньше, чем на суше, и заслужил успех своим мужеством и настойчивостью, если и не всегда добивался его. Иногда он бывал резок и жесток, но императору, которому пришлось столкнуться с такой опасностью, легче простить такие недостатки, чем трусость и леность.

[Победы сарацин, 652.] В 652 году Константин отправил вторую экспедицию против Александрии: она была встречена в море у Канопского устья Нила большим сарацинским флотом, собранным из портов Сирии и Египта, и разбита с большими потерями. Три года спустя враг перешел в наступление, Муавия, наместник Сирии, собрал огромную армаду, чтобы

атаковать южное побережье Малой Азии, в то время как сам он двинулся по суше, чтобы форсировать перевалы Тавра и вторгнуться в Каппадокию. Константин вышел в море на всех кораблях, какие только смог спустить на воду, и встретился с сарацинами в Финиксе, у ликийских берегов. Здесь разыгралось величайшее морское сражение, которое видело Средиземное море со времен Акциума: два флота сцепились, и экипажи отчаянно сражались врукопашную в течение многих часов. Константин был в самой гуще сражения, его императорская галера была взята на абордаж, и он спасся, только сбросив свою пурпурную мантию и перепрыгнув на другой корабль, когда его собственный был захвачен. Наконец сарацины одержали решающую победу, и казалось, что они вот-вот станут хозяевами Эгейского моря (655). Еще до битвы Родос попал в их руки, и давно распростертый Колосс был продан за старую медь еврейскому торговцу и вывезен в Сирию для переплавки.

Однако империя должна была быть спасена от унижения, связанного с приближением вражеского флота к Дарданеллам, еще на двадцать лет. В 656 году халиф Осман был убит, и за его смертью немедленно последовала жестокая гражданская война среди сарацин. Двумя претендентами на вакантное звание 'Преемника Пророка' были Муавия, владевший Сирией, и Али, зять Мухаммеда, владевший Месопотамией и новой арабской столицей Куфой. Поглощенный своей борьбой с Али, Муавия был рад оставить Римскую империю в покое. В 659 году он купил мир у Константина на любопытных условиях: за каждый день, пока длился мир, он должен был платить лошадью и рабом. Этот договор доказал спасение империи: впервые за двадцать семь лет она была свободна от сарацинской войны, и Константин мог сделать паузу и подумать о реорганизации своих сильно измученных владений. За пять мирных лет, которые теперь были ему дарованы, он сумел значительно улучшить их положение.

[Состояние империи, 659.] Подводя итоги своего царства, Константин обнаружил, что на Востоке безвозвратно утрачены пять больших областей: почти половина Африканского экзархата, от Триполи до Ливийской пустыни, Египет, Сирия и большая часть Римской Армении попали во власть сарацин. Более того, в Европе беспокойные годы между 610 и 659 годами привели к полной потере внутренних частей Балканского полуострова. Славяне, вторжения которых уже в царствование Маврикия стали столь опасными, теперь полностью овладели всей Мезией и внутренними частями Фракии и Македонии. Их поселения простирались на расстояние нескольких миль от ворот Адрианополя и Фессалоники, оба этих города они время от времени безуспешно осаждали. Они даже вторглись к югу от горы Олимп и продвинули свои колонии в некоторые районы Греции. Имперские владения были ограничены прибрежной полосой, протянувшейся по всему полуострову, от Сплато в Далмации до Одессы на Черном море. Подробно описывая историю лангобардов, мы видели, что на Западе от восточных римлян теперь сохранились только Равеннский экзархат, герцогства Римское и Неаполитанское, южная точка Италии и острова Сицилия и Сардиния.

Понимая, что он должен стремиться к реорганизации, а не к отвоеванию для восстановления мощи империи, Константин посвятил себя охране своих границ. В тот момент, когда разразилась гражданская война с арабами, предоставившая ему свободу передвижения в другом месте, он выступил против балканских славян, разбил их и заставил платить дань. Было безнадежно мечтать о том, чтобы загнать их обратно за Дунай, и император удовлетворился тем, что принял существующее положение вещей и обезопасил прибрежные районы Фракии и Македонии от дальнейших посягательств, установив демаркационную линию между славянскими племенами и значительно уменьшившимися провинциями (657-8).

Теперь внимание императора было приковано к Африке и Италии. Его присутствие было необходимо там не меньше, чем на Балканском полуострове, если мы хотели окончательно остановить продвижение лангобардов и сарацин. В 662 году он отплыл на Запад и был занят там следующие шесть лет, вплоть до момента своей смерти. Константин ненавидел столицу: он был достаточно автократичен в своих взглядах, чтобы испытывать неприязнь к контролю, который сенат имел обыкновение осуществлять над ним в прежние годы, и он искренне ненавидел константинопольскую чернь. Он поссорился с ними по тем же причинам, которые когда-то оказались фатальными для популярности Зенона. |‘Тип’ Константа.| Город раздирала религиозная вражда между ортодоксами и монофелитами, и император, чтобы утихомирить бурю, издал эдикт понимания под названием ‘Прообраз’, в котором он запретил любое упоминание о единой или двойной воле, пребывающей в личности Нашего Господа. Не удовлетворив еретиков, этот Тип сумел довести ортодоксов до великой ярости: они упорно обвиняли Константина в том, что он сам был монофелитом, и своим криком сделали его жизнь невыносимой. Была еще третья причина, по которой он покинул Византию. В 660 году у него возникли подозрения, истинные или ложные, мы не знаем, что его брат Феодосий замышляет против него заговор. Он немедленно приговорил юного принца к смерти, но после казни его разум не имел покоя: нам рассказывают, что в его снах постоянно присутствовал призрак его брата, и что дворец, где было совершено это деяние, стал ему невыносимо ненавистен. Если эти рассказы правдивы, он покинул Константинополь в поисках душевного покоя не меньше, чем для восстановления ослабевающей мощи империи на Западе.

Вероятно, в период 657-662 годов, перед своим отъездом из столицы, Константин перестроил провинциальную администрацию империи в соответствии с потребностями времени. Похоже, что учреждение "тем", или новых провинций, должно восходить к этому, единственному пространству отдыха и переустройства, которое можно было найти в долгую эпоху войн. Старые провинции, устроенные Диоклетианом и несколько видоизмененные Юстинианом, были небольшими, и в каждой из них гражданские и военные власти были разделены, местный гарнизон не находился под контролем местного администратора. Потребности длительных персидских и сарацинских войн привели к практической замене гражданских губернаторов военными командирами, поскольку было абсолютно необходимо, чтобы люди, которым доверено сохранение империи, могли контролировать ее местную администрацию и финансы. |Создание тем.| Новые провинции были немногочисленны и велики, и ими управляли губернаторы, обладавшие как гражданской, так и военной властью. Они были названы ‘темы’ по названию воинских подразделений, которые их занимали, причем "тема" первоначально представляла собой силы численностью около 4000 регулярных кавалеристов, выделенных для защиты района. Названия первоначальных азиатских тем легко объясняются сами собой: ‘Анатоликон’ и ‘Армениакон', два крупнейших региона, в которых размещались гарнизоны ‘армии Востока' и "армии Армении". ‘Фракесион', расположенный дальше к западу, показывает, что первоначальная ‘фракийская армия’ была переброшена в Азию для оказания помощи в борьбе с сарацинами. "Букелларион" был назван в честь букеллариев,^[39] корпус, первоначально сформированный из тевтонских вспомогательных войск. Тема под названием Obsequium (Опсикион) проводилась Императорской гвардией. Только тема Кибирхеот, расположенная вдоль южного побережья Малой Азии, была названа по имени города, а не по имени войск, стоявших в нем гарнизоном. На Западе, по-видимому, изначально было три темы на Балканском полуострове: Фракия, Иллирия и Эллада, и три за его пределами: Равенна, Сицилия и Африка. Каждая тема управлялась стратегосом, чье воинское звание показывает его

воинский характер, и имела гарнизон из собственных местных регулярных войск, ядром которых в каждом случае была дивизия из 4000 человек тяжелой кавалерии. Полная численность двенадцати темей дала бы около 48 000 всадников для участия в боевых действиях, в дополнение к менее важной пехоте, местному ополчению, используемому для удержания крепостей, и нерегулярным наемным отрядам вспомогательных варваров многих различных рас.

39. Смотрите страницу [131](#), чтобы узнать об использовании вестготами слова Bucellarii.

ВЕРОЯТНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ
OF THE
ШЕСТИ АЗИАТСКИХ СЮЖЕТОВ
660-700 гг. н. э.

Константин был единственным восточным императором, который когда-либо уделял большое и даже преобладающее внимание своим западным владениям. Шестилетнее пребывание, которое он совершил в Италии и на Сицилии, заставило его восточных подданных предположить, что у него были планы восстановить Рим в качестве столицы империи или даже, возможно, возвысить Сиракузы до этого положения. Такой проект кажется настолько неудобным по географическим причинам, что мы с трудом можем в это поверить; вероятно, личная неприязнь Константина к Константинополю, хотя и недостаточная для того, чтобы удержать его от этого, не побудила его планировать перенос резиденции империи в другое место.

Однако нет никаких сомнений в том, что Константин был полон решимости восстановить верховенство империи в Италии против лангобардов, а также позаботиться о том, чтобы экзархи и папы не становились слишком сильными и независимыми. [Судьба папы Мартина.] Еще до того, как он отплыл в Италию, его ревность к власти папства проявилась в его отношениях с

папой Мартином I. Этот прелат осмелился созвать синод в Риме, на котором он осудил "Прообраз", или Эдикт Понимания, изданный императором (649). Константин никогда не простил этого: он выждал время, приказал экзарху схватить Мартина при удобном случае, и отправил его в Константинополь. Там его судили за неповиновение, заковали в цепи и сослали в Херсонес, в Крым, где он умер в изгнании (655).

[Кампания в Италии, 663 год.] Константин покинул Босфор в 662 году с большой армией и отплыл в Таранто. Там он высадился и сразу же напал на герцогство Беневенто, самое южное из ломбардских государств в Италии. Время его нападения оказалось неудачным, так как Гримоальд, герцог Беневенто, захватил ломбардскую корону, а его сын Ромуальд правил герцогством под его началом. Таким образом, в кои-то веки Павия и Беневенто были едины и готовы действовать сообща. Ломбардский историк Павел Диаконус сохранил подробности кампании Константина, которого он обычно называет Константом, как это делают многие другие авторы. Император захватил один за другим все ломбардские города южной Италии, включая Луцерию, главный город Апулии. Он загнал Ромуальда в Беневенто и держал его там в плотной осаде, пока тот не отдал свою сестру Гизу в качестве заложницы и не пообещал платить дань. Он не согласился бы на такие легкие условия, если бы не тот факт, что он узнал, что король Гримоальд со всеми силами Ломбардии выступил против него.

Выйдя из Беневенто, Константин двинулся на Рим, оставив часть своей армии под командованием персидского изгнанника по имени Сапор наблюдать за лангобардами. Эта дивизия была разбита вдребезги при Форино, и после того, как император получил это известие, он, похоже, отказался от своей идеи повторного завоевания центральной Италии. Он удовлетворился посещением Рима и приношением почестей папе Виталиану, который встретил его на шестой вехе во главе всего римского народа и сопровождал в город. Но Рим получил мало выгоды от прихода императора, чего он не видел уже двести лет. Константин лишил его многих украшений и, в частности, Пантеона изразцов из позолоченной бронзы и отправил их в Константинополь (663).

Пробыв в древней столице всего двенадцать дней, император повернулся на каблуках и вместо того, чтобы выступить против северных лангобардов, повел свою армию через Неаполь в Луканию и Бруттий до самого Реджо. Король Гримоальд и его сын, похоже, не приставали к нему в этом долгом походе. | Констанс на Сицилии, 664-8. | Затем Константин пересек Мессинский пролив на Сицилию и обосновался в Сиракузах, где прожил более четырех лет (664-8). Его внимание было поглощено продвижением сарацин в Африке. Муавия, обеспечивший себе единоличный халифат смертью своего соперника Али, наконец, возобновил свои нападения на империю в 663 году. Его войска продвинулись вперед в Африке и захватили Карфаген, из которого, однако, Константину удалось их изгнать, и он снова оттеснил их к Триполи. Должно быть, именно во время этой африканской войны он истратил сокровища, которые, как говорят, выжал из жителей Сицилии, Сардинии и южной Италии, 'применяя такие поборы, о которых раньше никто и не слышал', даже срывая с церкви доски для причастия и продавая в рабство тех, кто отказывался платить. Эти суровые действия в такой же степени ослабили могущество империи на Западе, в какой военные успехи Константина укрепили его.

Именно в Сиракузах Константин встретил свой конец. Когда он мылся в банях, которые назывались "Дафна", его слуга Андреас ударил его по голове мраморной мыльницей, так что череп был проломлен, а затем убежал. [Убийство Константа, 668 год.] Удар был смертельным, и

с этой странной смертью рухнул план восстановления империи на Западе, который был излюбленным замыслом Константина. Его убийство, вероятно, было результатом заговора, поскольку, когда об этом стало известно, армянский офицер по имени Мезециус провозгласил себя императором Сицилии и правил там несколько месяцев.

За последние пять лет долгого отсутствия Константина на Западе произошли серьезные неприятности с сарацинами в Малой Азии, против которых халиф Муавия пять лет подряд бросал свои войска. Набеги его полководцев доходили до Амориума во Фригии, который был взят штурмом арабами и быстро отбит римлянами в 668 году. Номинальный контроль над делами в Азии был оставлен старшему сыну императора Константину, когда его отец отплыл на Запад. | Константин Погонат, 668-85. | Получив известие об убийстве в Сиракузах и узурпации власти Мезецием, Константин, которому сейчас было восемнадцать лет, лично отплыл на Сицилию, низвел и казнил узурпатора, а затем быстро вернулся в Константинополь. Он был безбородым, когда отправлялся в путь, но на следующий год вернулся с лицом, покрытым волосами, за что жители столицы дали ему прозвище 'Погонатус', бородатый, под которым он обычно известен. Довольно любопытно, что это имя гораздо лучше подошло бы его отцу, у которого была огромная борода, в то время как борода Константина V. не превышала очень умеренных пределов.

Константин Погонатус был истинным сыном своего отца, трудолюбивым, непримиримым и несколько своевольным цезарем, который поддерживал единство империи и тратил всю свою энергию на сдерживание сарацин, в чем он добился большого успеха. Он правил семнадцать лет (668-85), из которых первые десять были временем непрерывной войны с халифатом. Первое начало этой борьбы было не очень благоприятным для империи; в 669-70 годах генералы Муавии продвинулись до Мраморного моря, а в 672 году халиф посчитал, что успех настолько близок к нему, что приготовился к формальной осаде Константинополя, второй осаде, которой он подвергся за столетие. Используя гавань Кизик в качестве своей базы, сарацины под командованием полководца по имени Абдеррахман и сына халифа Езида осаждали город в течение шести месяцев (апрель-сентябрь 673 г.). В конце концов они были вынуждены отступить после морского сражения, в котором имперские галеры одержали верх, во многом благодаря, как говорят, недавно изобретенному "греческому огню", с помощью которого они сожгли многие мусульманские корабли. | Константин V. спасает Константинополь. | Отброшенные от Босфора, сарацины отступили к Кизику, который им удалось удерживать не менее четырех лет, время от времени совершая оттуда вылазки в сторону Константинополя, каждая из которых была отражена императором с потерями. Наконец арабы, потеряв своего полководца и увидев, что Абу Эюб, один из последних оставшихся в живых сподвижников Мухаммеда, погибает у стен, сняли осаду. Их флот был уничтожен штормом у Ликийского побережья: их сухопутная армия была атакована при отступлении восточными римлянами и разбита с потерей 30 000 человек.

Неудача его армии под Константинополем нанесла халифу столь серьезный удар, что он был рад заключить позорный мир с императором, по которому обязался выплачивать Константину 3000 фунтов золота и присылать ему по пятьдесят арабских лошадей на каждый год действия договора (678).

Таким образом, верность восточных римлян дому Ираклия была оправдана победой Константина; жаль, что до нас дошел лишь очень скудный отчет о его кампании из-за нехватки

хронистов седьмого века. Однако мы знаем, что слава о его триумфе разнеслась по всей Европе и что прибыли послы от аваров, лангобардов, и даже от далеких франков, чтобы поздравить его с отражением нападения, которое грозило серьезными последствиями всему христианскому миру.

[Болгары.] Всю оставшуюся часть своего правления Константин наслаждался заслуженным миром, нарушаемым лишь небольшими стычками с новым врагом, болгарами. Это угорское племя, последние два столетия проживавшее за Дунаем, переправилось через реку в конце правления Константина и напало на славянские племена, владевшие Мезией. Они без особого труда подчинили славян и разгромили римскую армию, которую Константин повел морем к устью Дуная. Признавая невозможность отвоевать давно утраченную Мезию, император заключил мир с Исперих, болгарским царем, и позволил ему без дальнейшего сопротивления обосноваться на землях между Дунаем и Балканами, где до сих пор находились владения славян (679). Новая болгарская нация постепенно формировалась путем смешения племени-завоевателя и их подданных: когда она сформировалась, она имела славянский, а не угорский тип и говорила на славянском, а не на угорском языке.

Последние годы правления Константина V. были более известны современникам как время проведения Константинопольского собора, чем как время основания нового болгарского царства. Чтобы разрешить спор о божественной и человеческой воле Христа, император созвал вселенский синод, на котором были хорошо представлены западные церкви. Он окончательно осудил монофелитскую ересь, которая в будущем перестала быть великим вопросом, обсуждаемым между церквями (680-1). Но вскоре должна была разразиться новая полемика, посвященная иконоборчеству.

[Характер Константина V.] К несчастью империи, способный и трудолюбивый Константин умер в 685 году в сравнительно молодом возрасте тридцати шести лет. Мы мало что слышим о нем неблагоприятного от кого-либо из хронистов: его единственным преступлением, по-видимому, был жестокий акт расчленения носов двум своим братьям Ираклию и Тиберию в 680 году, чтобы лишить их права занимать императорскую власть. До сих пор они номинально были коллегами Константина и удостоивались титула цезарей, но в интересах своего собственного сына Юстиниана, который сейчас подрастал, император решил сделать невозможным их стремление к верховной власти. Это, по-видимому, был жестокий и неоправданный поступок, и, если только цезари не спровоцировали его, о чем мы не имеем ни малейшего намека ни в одном хронисте, это было тяжелым пятном на в остальном превосходном характере Константина V.

Молодой Юстиниан, второй носитель этого имени, вззошел на трон своего отца в 685 году, когда ему было всего семнадцать лет. Восшествие на престол этого принца стало страшным несчастьем для империи. Он обладал качествами своего деда Константина в преувеличенной форме: был деспотичным, жестоким, безрассудным и своевольным, но при этом настолько храбрым и способным, что поколебать его трон было нелегко. | Юстиниан II., 685-95. | Он начал свою карьеру слишком рано и, возможно, добился бы большего, если бы его отец прожил еще десять лет; но, предоставленный самому себе, прежде чем он вышел из юношеского возраста, он превратился в кровожадного тирана. Первые несколько лет его правления, прежде чем он почувствовал себя на ногах и полностью осознал свои собственные желания, прошли сравнительно без происшествий. Сарацины были заняты гражданскими войнами после смерти Муавии и не доставляли никаких хлопот: халиф Абд-эль-Мелик был только рад возобновить с

Юстинианом договор, который его предшественник заключил с Константином V. Несмотря на то, что сарацины не беспокоили Юстиниана, Юстиниан направил армии в Иберию и Албанию, христианские королевства под Кавказом, и вынудил их платить ему дань. Вскоре после этого он лично предпринял большую экспедицию против болгар, намереваясь еще раз раздвинуть римскую границу до Дуная. Он добился большого успеха, разбив врага на поле боя и вернув более 30 000 пленных, из которых организовал вспомогательные силы для службы в Азии.

Победа Юстиниана над болгарами придала ему смелости осуществить более масштабный план по отвоеванию Сирии у сарацин. В 693 году он затеял ссору с халифом по самому легкомысленному поводу: когда ему был предложен ежегодный платеж, причитающийся по договору 686 года, он отказался получить деньги, потому что это были не старые римские *солиды*, которые до сих пор были в обращении в Сирии и Египте и по-прежнему составляли основную часть сарацинской валюты, а новые арабские 'дирхемы' с именем Абд-эль-Мелика на них, которые халиф недавно начал чеканить. | Сарацинская война Юстиниана, 693 год. | Но Юстиниану был достаточно любой предлог: он с легким сердцем объявил войну и лично повел свои армии через Тавр в Киликию. В Севастополе близ Тарса он потерпел страшное поражение, вызванное главным образом дезертирством к сарацинам нежелательных рекрутов, которых он набрал из числа пленных во время Болгарской войны. Собрав свою армию, Юстиниан был достаточно жесток и нелогичен, чтобы приказать предать смерти тех из корпуса, кто не дезертировал — чтобы они не смогли последовать примеру своих товарищей в следующем сражении (693). В следующем году император потерял Римскую Армению из-за восстания ее губернатора, коренного армянина по имени Сумпад, который перешел на сторону сарацин. Последовали другие катастрофы, и арабы занялись "анатолийской" и "армянской" тематикой.

Тем временем молодой император стал крайне непопулярен дома из-за поборов, необходимых для поддержки его неудачной войны, и еще больше из-за того, что продолжал строить дорогие и ненужные дворцы в столице, пока война все еще бушевала. Сообщается, что два его министра финансов, Феодот, отставной настоятель, покинувший свой монастырь, и евнух Стефан, доходили до крайностей жестокости в обращении с горожанами. Говорят, что Феодот имел обыкновение пытаться неплательщиков налогов, подвешивая их над дымящимися кострами и наполовину задушив. Стефан предпочитал розги: говорят, что однажды — в отсутствие Юстиниана — он даже осмелился схватить и избить вдовствующую императрицу Анастасию. Император лишь наказал его, приказав достроить за свой счет здание, над которым он тогда работал.

Юстиниан сделал себя непопулярным не только из-за обилия налогов на своих подданных. У него была мания хватать и сажать в тюрьму по подозрению сенаторов и других важных персон, и он был настолько безжалостен в обращении с военными офицерами, которые потерпели какое-либо поражение, что принять командование под его началом считалось кратчайшим путем в темницу или на плаху. Тем временем его неудача в сарацинской войне вызвала у солдат такую же сильную ненависть, как и страх перед их офицерами. В 695 году выдающийся полководец по имени Леонтий, завоеватель Иберии и Албании,^[40] Юстиниан приказал принять командование над темой Эллады. Рассматривая это обвинение всего лишь как подготовку к позору и казни, Леонтий в полном отчаянии спланировал *государственный переворот*. | Падение Юстиниана, 695 г. | Во главе нескольких десятков приверженцев он ворвался в тюрьмы и бросился во дворец. Юстиниан был застигнут врасплох; он попал в руки Леонтия, который перерезал ему нос

и сослал в отдаленную крепость Херсонес в Крыму. Два его ненавистных министра, Феодот и Стефан, были разорваны на куски и сожжены народом.

40. См. стр. 249.

С падением Юстиниана II начались двадцать два года анархии и катастрофы для империи. До сих пор Константинополю исключительно везло, поскольку он избежал последствий военных восстаний и смены династии. За единственным исключением узурпации тирана Фоки и его низложения Ираклием, уже более трехсот лет не было случаев насильственной передачи императорской короны. Все предыдущие императоры Востока были либо назначены своими предшественниками, либо мирно избраны сенатом и армией. Теперь стало ясно, насколько фатальным было нарушение принципа упорядоченной преемственности: за следующие двадцать два года внутри страны произошло не менее пяти революций, а за границей империю постигло множество серьезных бедствий.

[Карфаген потерян, 698. | Трехлетнее правление Леонтия в основном отличалось окончательной потерей Карфагена и Африки. Уже во времена Юстиниана провинция была захвачена и частично захвачена генералами халифа. В 697 году Карфаген пал: его на мгновение восстановила экспедиция, посланная Леонтием, но в 698 году он окончательно перешел в руки сарацин. Римские военачальники, однако, спаслись морем с основной частью своей армии. Опасаясь навлечь на себя гнев Леонтия таким рассказом о катастрофе, вернувшиеся офицеры составили против него заговор. Они отплыли в Босфор, где их прибытие было совершенно неожиданным, схватили императора, перерезали ему нос и бросили в монастырь. Вместо него они провозгласили сувереном адмирала Тиберия Апсимара (698).

Тиберий II, очень способный человек, удерживался на троне семь лет. Ему повезло в войне с сарацинами: его армии разгромили армии халифа, вернули Киликию и даже заняли Антиохию. Но этот успех за границей не спас Тиберия от неизбежного конца узурпаторов. Он был свергнут изгнанным и изувеченным Юстинианом II, который теперь вновь появляется на сцене самым поразительным образом.

Юстиниан был отправлен Леонтием в отдаленную крепость Херсонес — современный Севастополь - на северном берегу Черного моря. Но из-за небрежной охраны ему удалось сбежать и добраться до двора кагана хазар, татарского племени, обитавшего в низовьях Волги и на берегах Азовского моря. Приключения Юстиниана. | Несмотря на свой изуродованный нос, ему удалось снискать расположение кагана и получить в жены руку его сестры. Узнав об этом, Тиберий II. послал татарину огромную взятку, чтобы убедить его выдать своего гостя. Вероломный варвар согласился и отправил офицера арестовать Юстиниана. Но изгнанник узнал о заговоре из послания своей жены и вместо того, чтобы позволить схватить себя, убил посланца кагана и сбежал в море на открытой лодке с полудюжиной слуг. Поднялся шторм, и маленькое суденышко, казалось, вот-вот затонет. 'Поклянись Богу, что, если тебе удастся спастись, ты простишь своих врагов', - сказал ему один из спутников Юстиниана, когда лодка начала наполняться. "Нет, - ответил безрассудный и непреклонный изгнанник, - если я пощажу хотя бы одного из них, когда придет мое время, пусть Богпотопит меня здесь и сейчас'. Шторм утих, лодка благополучно причалила к берегу, и Юстиниан попал в руки Тербела, царя болгар. Тербел предоставил ему армию, с которой он мог попытаться счастья, и с ее помощью он продвинулся к воротам Константинополя. | Восстановление Юстиниана, 705-11. | Город был предан ему сторонниками внутри городских стен, и ему удалось завладеть дворцом и

личностью Тиберия II. Затем Юстиниан выволок из своего монастыря свергнутого узурпатора Леонтия, связал его и Тиберия по рукам и ногам и положил их перед своим троном на Ипподроме. Там он торжествующе восседал, поставив ноги на шеи побежденных цезарей, в то время как его сторонники скандировали "Ты попрешь Льва и Аспида", что является намеком на имена двух павших правителей (Леонтия и Апсимара). Затем двое заключенных были обезглавлены (705).

Во время своего первого правления Юстиниан наказывал своих подданных кнутами, теперь же он поражал их скорпионами. Он вернулся из ссылки в настроении безрассудной жестокости: данная им клятва была выполнена со строгой точностью. Все, кто имел отношение к его показаниям десять лет назад, были разысканы, подвергнуты пыткам и преданы смерти. Некоторые из его деяний достигли чудовищной бесчеловечности: вожди Херсона, оскорбившие его во время изгнания, были нанизаны на вертела и поджарены; многие патриции были зашты в мешки и брошены в Босфор.

Удивительно обнаружить, что второе правление Юстиниана длилось более пяти лет. Его тирания была такова, что можно было ожидать мгновенного взрыва народного гнева. Но при всей своей безрассудности он был также активен, подозрителен и решителен и разгромил множество заговоров, прежде чем они успели воплотиться в жизнь. | Юстиниан убит, 711 год. | В конце концов он пал перед военным восстанием: армия, возглавляемая полководцем по имени Филиппик, отреклась от своей верности, схватила тирана и обезглавила его. Его маленький шестилетний сын Тиберий, которого родила ему сестра Кагана, был вырван из убежища и убит. Так погиб дом Ираклиев, после того как за столетие правления (610-711) он дал империи пять правителей. Оно многое сделало для спасения государства от сарацин: все его члены, даже Юстиниан, были способными людьми, и сам Ираклий, Константин-Констанс и Константин V. каждый внес свой вклад в долгую борьбу с честью, если не с полным успехом.

[Анархия, 711-17.] Затем последовали шесть лет полной анархии (711-17), в течение которых имперские анналы заполнены малоизвестными именами Филиппика (711-13), Артемия Анастасия (713-715) и Феодосия III (715-17). Каждый из них был участником заговора, и каждый пал тем же путем, которым был возвышен. Все они были слабыми и некомпетентными правителями, намного ниже рангом двух предыдущих узурпаторов, Леонтия и Тиберия Апсимара. Важность их правления заключается не в их борьбе друг с другом, а в общем крахе системы обороны империи от сарацин, естественном результате использования всей армии в гражданской войне. Полководцы халифов Велида и Солимана, сыновей Абд-аль-Мелика (705-17), прорывались через границы империи во всех пунктах. В 711 году Сардиния, самая западная провинция империи после потери Африки, была покорена арабами. В том же году они пересекли Тавр и разграбили Тиану в Каппадокии. В 712 году они захватили Понт и Амасию, в 713 году пала Антиохия в Писидии, а вместе с ней и большая часть южной Малой Азии. Складывалось впечатление, что с падением дома Ираклия у восточных римлян была отнята способность к самообороне. И самая низкая глубина еще не была достигнута.

Ободренный легкими успехами своих армий над армиями эфемерных монархов, последовавших за Юстинианом II, халиф Солиман, наконец, решил снарядить экспедицию самого большого масштаба против Константинополя. [Вторжение сарацин, 716 год.] Сто тысяч человек двинулись по суше из Тарса, в то время как флот из более чем 1000 человек собрался в портах Сирии и поплыл вокруг Малой Азии в Эгейское море. Брат халифа Мусульманин должен

былвозглавить всю экспедицию. Каппадокия уже была в руках сарацин, и авангард халифа был занят осадой Амориума, главного оплота Фригии. Этот город, действительно, был спасен от разрушения Львом Исаврийцем, правителем Анатолийской области. Но вскоре после этого, когда арабы все еще наступали, тот же Лев, заключив частное перемирие с захватчиками, провозгласил себя императором и двинулся на Константинополь, вместо того чтобы сохранить свои силы для сопротивления армиям Солимана (716).

[Лев Исавриец, 717 год. | И снова удача улыбнулась новому восстанию против императора того времени. Войска Льва разбили войска Феодосия III, а затем последний добровольно отрекся от престола и послал предложить свою корону победителю. Он был мягким и добродетельным человеком, которого военные приверженцы возвысили до пурпура против его воли, и он страстно желал вернуться в неизвестность, чувствуя себя лишенным силы, необходимой для борьбы с повстанцами, и еще более неспособным противостоять надвигающемуся вторжению сарацин.

Соответственно, сенат и патриарх официально избрали мятежного Льва императором и возвели его на трон, который за последние двадцать два года уже семь раз менял хозяев. Наконец империя нашла повелителя, который мог защитить то, что он завоевал, и был полностью способен передать свою власть своим наследникам. Вооружения мусульман можно было ожидать без тревоги, поскольку государство снова находилось в руках того, кому можно было доверять в правильном использовании его ресурсов. Льву предстояло раз и навсегда рассеять сарацинскую грозную тучу и освободить Константинополь от всех опасностей с Востока на более чем триста лет. Но его достижения требуют отдельной главы, посвященной им самим.

ГЛАВА XV

ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ МЭРОВ ДВОРЦА

656-720

Мэр Гримоальд безуспешно пытается сделать своего сына королем Австразии—Упадок дома Меровингов—Эбройн и его тираническое правление в Нейстрии—Длительные гражданские войны—Возвышение Пиппина младшего и его победа при Тестри—Возвышение Пиппина: его успехи в консолидации королевства—Миссионерские предприятия в Германии—Гражданские войны из—за смерти Пиппина—Окончательный триумф его сына Карла Мартелла.

В 656 году умер король Сигиберт III, первый меровингский король Австразии, который был всего лишь марионеткой в руках своего дворцового мэра. После его смерти была предпринята, на целое столетие раньше срока, первая попытка этой великой семьи, которая в последнее время обладала всей реальной властью, добавить тени к сути, приняв королевское имя. Королю

Сигиберту исполнилось всего двадцать семь лет, когда он умер: его сыну и наследнику, названному Дагобертом в честь деда, было всего восемь. Воспользовавшись юностью мальчика, мэр Гримоальд приказал епископу выкрасть его из своей страны и поместить в ирландский монастырь, где ему постригли голову и посвятили в монахи. [Узурпация Гримоальда, 656.] Избавившись от законного наследника, Гримоальд убедил своих сторонников поднять на щит его собственного сына Хильдеберта и приветствовать его как короля Австразии. Но времена еще не созрели: у Гримоальда было много злейших врагов, и большинство людей еще не привыкло к мысли о свержении древнего дома Меровингов. Через несколько дней после узурпации Гримоальд был схвачен бандой австразийской знати, закован в кандалы и поспешно отправлен в Париж, где его похитители положили его к ногам короля Хлодовета II. из Нейстрии, брат покойного Сигиберта.

Хлодовек, жестокий и распутный молодой человек, убил Гримоальда ужасными пытками. Казалось, величю дома Пиппина и Арнульфа суждено было угаснуть вместе с жизнью его главы, но Судьба распорядилась иначе. Через несколько месяцев после казни великого мэра король Хлодовек умер, оставив диадему своему маленькому сыну Хлотарю III. Все франкские королевства снова оказались под номинальным правлением ребенка, и последний шанс на выживание королевской власти был упущен, теперь уже как в Нейстрии, так и в Восточных королевствах. Палате мэров Австразии предстояло в течение нескольких лет вновь поднять голову.

Тем временем меньшинство Хлотаря III оставалось в меньшинстве. суждено было стать временем бурь и неприятностей. Не успел он пробыть на троне и четырех лет, как его австразийские подданные решили, что у них снова будет свой король, и они не будут подчиняться приказам из Суассона или Парижа. Соответственно, они взяли Хильдериха, младшего брата Хлотаря, и короновали его как короля Восточного королевства. Совместное правление мальчиков Хлотаря III. и Чайлдериха I. просуществовали десять лет: сначала королевства поддерживались в определенной мере в мире королевой-матерью Батильдис, англосаксонской леди с большими добродетелями и способностями. Но через четыре года, измученная хлопотной работой по примирению враждующих фракций знати, она удалилась в женский монастырь, и когда ее мягкое влияние ослабло, сразу же начались неприятности.

[Мэр Эброин. 660-81.] Человеком, главным образом ответственным за последовавшее за этим злое время гражданских беспорядков, был Эброин, мэр Дворца в Нейстрии. Он был жестоким, амбициозным, мстительным дворянином, который стремился занять примерно то же положение, которое когда-то занимали Пиппин Старый и Гримоальд в Австразии. Сильный властью использовать королевское имя, своими многочисленными *комитатами* и своей беспринципной готовностью расправляться со всеми, кто выступал против него, он в течение нескольких лет осуществлял то, что современные хронисты называли "тиранией". Нам рассказывали, что он был настолько жаден до денег, что ему всегда казалось, что у человека с более длинным кошельком есть более веская причина. Не была жадность и его худшим недостатком; каким бы незначительным ни был проступок, любое преступление, совершенное человеком, которое он подозревал или которому завидовал, неизменно влекло за собой смертную казнь. Его приказы были столь же капризны, сколь и суровы, например, однажды он издал приказ, согласно которому ни один бургундский франк не должен приближаться к особе короля без специального разрешения мэра. Это господство Эброина продолжалось до тех пор,

пока его молодой хозяин, Хлотарь III, о личном влиянии или характере которого мы ничего не слышим, не умер на пороге зрелости в 670 году.

Самодержавный мэр дворца немедленно поднял на щит Теудериха, младшего брата Хлотаря. Но большинство нейстрийцев увидели свой шанс избавиться от своего тирана. Поднявшись под предводительством Леодегара, епископа Аутона, они провозгласили Хильдериха Австразийского королем Западных, а также Восточных франков и призвали его к себе на помощь. Личные сторонники Эброина были слишком слабы, чтобы противостоять нейстрийской и австразийской знати вместе взятым. Он и его марионетка—король были взяты в плен, и обоих вынудили принять монашеские обеты - Эброина в Люксеиле, Тоудериха в Сен-Дени. Возможно, в конце концов для франков было бы лучше, если бы Леодегар был менее милосерден к поверженному мэру: ему еще предстояло доставить много хлопот.

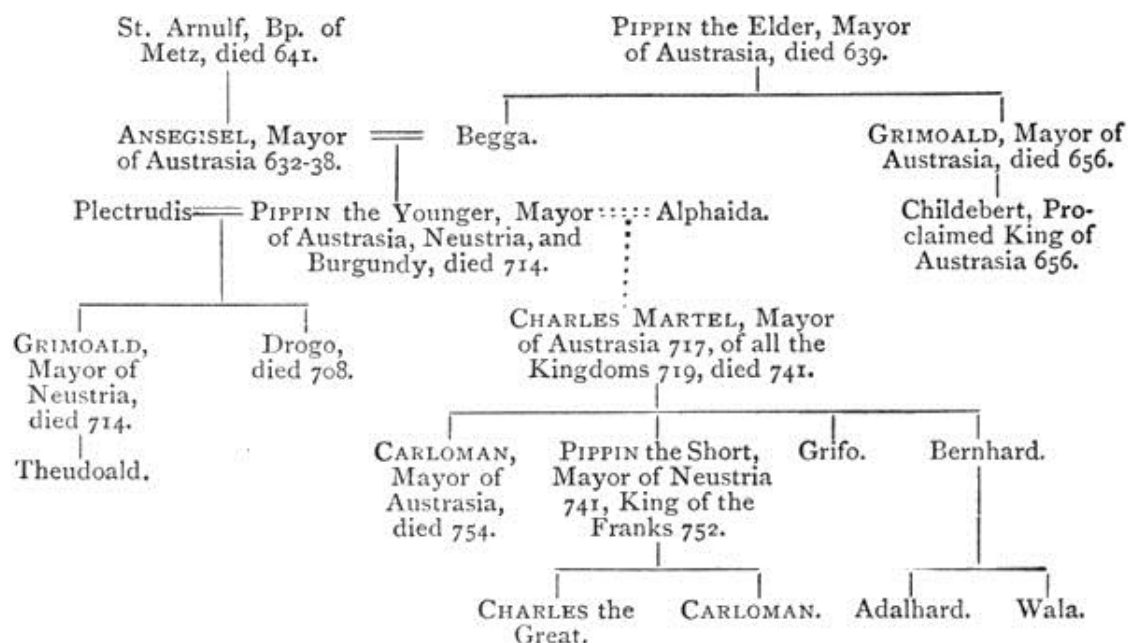
В течение трех лет Хильдерих правил всеми франками: за это время он достиг зрелости, но королевская власть не перешла в его собственные руки. Мэр Вульфоальд правил в Австразии, в то время как епископ Леодегар с некоторым успехом управлял Нейстрией, 'пока старый враг человечества, который всегда имел обыкновение сеять раздор, не начал возбуждать против него зависть великих людей, которых он взял себе в товарищи у руля, и сеять плевелы злобы между ним и королем'. В конце концов Леодегар был загнан своими завистливыми коллегами в монастырь Люксеи, где он обнаружил своего старого врага Эброина, ожидающего его компании. [Убийство Чилдериха I.] В том же году был убит король Чилдерих: он схватил свободного франка по имени Бодолин и без суда и следствия привязал его голым к столбу и выпорол в дворцовом дворе. Как только разъяренный нейстриец освободился от пут, он собрал нескольких друзей и убил короля в его постели.

Во всем франкском королевстве воцарилась анархия, ибо у Хильдериха остался только малолетний сын. Одна партия в Нейстрии вывела из монастыря Сен-Дени принца Теудериха, который три года назад был кандидатом Эброина на нейстрийский престол, и провозгласила его королем. Вульфоальд, мэр Австразийского дворца, отправился в Ирландию, чтобы найти Дагоберта, давно пропавшего принца, которого Гримоальд похитил и отправил за море в 656 году. Разысканный Уилфредом, епископом Йоркским, и, возможно, охраняемый нортумбрийскими воинами, Дагоберт был перевезен в Германию и возведен на трон. Но другая партия, в основном состоящая из австразийцев, провозгласила мальчика по имени Хлодовек, который, по их словам, был побочным сыном короля Хлотаря III. Эброин сбежал из своей монастырской тюрьмы, отрастил волосы и присоединился к приверженцам Хлодовека. В этой трехсторонней дуэли короли почти ничего не значили, мэры и знать - все. [Тирания Эброина.] Благодаря своей исключительной смелости и настойчивости Эброин снова выступил вперед и, согласившись отказаться от мальчика-самозванца, дело которого он якобы поддерживал, был снова назначен королем Теудерих мэром Нейстрии (678). Его первой заботой было послать за своим старым врагом Леодегаром, на которого он затаил непростительную обиду, несмотря на их общий плен в Люксеи. Добрый епископ предстал перед ним, был ослеплен, а затем обезглавлен. Последующие поколения, помня о его благонамеренном правлении и жестоком конце, почитали его как святого (Сент-Леджер).

В течение трех лет нечестивый Эброин шел, завоевывая и для того, чтобы завоевывать: он использовал имя короля Теудериха, чтобы прикрывать свои злодеяния, и распоряжался всем по своему усмотрению. Войдя в Австразию, он разгромил ее армию, и Дагоберт, король из-за моря,

был убит предателями после своего поражения. Некоторые восточные франки, однако, отказались сложить оружие и поставили во главе себя наследника дома Арнульфови Пиппина, как самого популярного вождя, которого могла найти Австразия. Это был Пиппин Молодой, племянник мэра Гримоальда, сын Ансегизеля и Бегги и внук обоих святых. Арнульф и Пиппин Старые.

THE GREAT MAYORS OF THE PALACE.

ВЕЛИКИЕ МЭРЫ ДВОРЦА.

Эброин, однако, был достаточно силен, чтобы сломить сопротивление Пиппина: при Лафо, недалеко от Лана, он разбил последнюю австразийскую армию в открытом поле и вынудил всех франков, от Мааса до Рейна, признать королем своего *протече* Теудериха. Он сам стал мэром Нейстрии, Бургундии и Австразии и вполне мог претендовать на королевский титул. Но личный враг, смерти которого он замыслил, тайно убил его в 681 году, и с его смертью господству Нейстрии пришел конец. | Возвышение Пиппина II. | Австрийцы снова взялись за оружие под командованием Пиппина Молодого, и после еще семи томительных лет гражданской войны решающая битва при Тестри близ Сен-Кантена решила судьбу франкских королевств (687). Пиппин с людьми Востока одержал полную победу, и Тойдерих и нейстрийцы были вынуждены принять те условия, которые он решил им предложить. Он утверждал, что является тем, кем был Эброин, мэром как на Востоке, так и на Западе, но сам предпочел поселиться в Меце, доме своего деда, и оттуда управлял Австразией почти как независимый правитель; в то время как назначенные им регенты направляли шаги короля Теудериха в Нейстрии. В результате битвы при Тестри вопрос о приоритете между Австразией и Нейстрией был окончательно решен в пользу первой. С этого момента восточно-франкский дом потомков Арнульфа и Пиппина имеет гораздо большее значение во франкской истории, чем изнеженная королевская семья. Предупрежденные судьбой Гримоальда, они больше не требовали короны в течение восьмидесяти лет и довольствовались практическим господством без какого-либо королевского имени. Отныне франки будут казаться нам более тевтонскими и менее галло-

римскими, чем они были до сих пор: в будущем центральную точку королевства следует искать в австразийском Меце, Ахене и Кельне, а не в нойстрийском Суассоне, Париже или Лане.

Пиппин, сын Ансегизеля, был мэром дворца в течение двадцати шести лет (688-714), за этот период он многое сделал для спасения франкского королевства от упадка и злого правления, которым оно подвергалось в течение последних пятидесяти лет. |Упадок королевства.| Его первой задачей было попытаться восстановить древние границы королевства; ибо во время правления сыновей и внуков Дагоберта I. старые границы королевства были восстановлены со всех сторон. На восточной границе уважение, которым баварские герцоги были обязаны Меровингам, было полностью забыто; во всех практических отношениях теперь они были независимы. Дальше на север тюрингенцы были во многом в таком же положении; их спасли от славянских орд Само их собственные вожди, а не их франкский сюзерен, и с тех пор, как они дали славянам отпор, они пошли своим путем, не заботясь о том, кто правит в Меце или Кельне. Фризы в устье Рейна, раса, которую Меровинги так и не покорили, совершали свои набеги в долины Шельды и Мааса. Все это были сравнительно отдаленные племена, свобода которых легко объясняется их удаленностью от центра управления. Но еще более удивительно обнаружить, что даже швабы или аламанны на самом пороге Австрии, вдоль Рейна и Неккара, а также в Шварцвальде в последнее время отказались от почтения, которое они привыкли оказывать Меровингам в течение двухсот лет, и не подчинялись никому, кроме своих местных герцогов. На юге также галло-римляне Аквитании добились практической независимости при герцоге по имени Эдо, который, как говорили, происходил от Хариберта, короля Аквитании, брата Дагоберта I.

В течение пятидесяти лет Пиппин и его сын Чарльз должны были работать над восстановлением древней границы Франкского королевства, подавляя в постоянных ожесточенных боях различные вассальные племена, вырвавшиеся из-под франкского ига. Главные войны Пиппина были с фризами и швабами, против обоих из которых он добился больших успехов. |Фризия покорена.| После долгой борьбы он вынудил Радбода, герцога фризов, засвидетельствовать почтение королю Теудериху и уступить франкам Западную Фризию, группу болотистых островов между устьем Шельды и Зюйдер-Зее, которые сейчас называются Зеландией и Южной Голландией. Чтобы защитить это новое завоевание, Пиппин построил или восстановил замки в Утрехте и Дорштадте, новых городах, которым суждено было стать, одному церковному, а другому торговому центру земель у устья Рейна. Герцог Радбод также был вынужден выдать свою дочь замуж за старшего сына Пиппина, Гримоальда.

Еще одна серия кампаний была направлена против швабов. Пиппин последовал за ними в глубь их лесов и заставил их герцога Годфрида признать себя, как это сделали его отцы, вассалом франков.

Весьма примечательно, что при правлении Пиппина и с его помощью началось обращение Германии в христианство. Потомки св. Арнульфы были, как и подобало отпрыску такого святого человека, ревностными друзьями Церкви и покровителями миссионерских начинаний. Короли Меровингов были, почти без исключения, безбожной расой, христианами только по названию. Они не прилагали никаких усилий, чтобы способствовать распространению христианства среди своих вассалов: в их глазах было достаточно, если их собственный народ, правящая раса, обращался в католическую веру; о душах швабов, фризов или баварцев они не заботились. Те миссионеры, которых до сих пор видели в немецких лесах, на берегах Бодензее или в верховьях

Дуная и Майна, почти без исключения были ирландскими монахами, привлеченными с Острова Святых своим собственным горячим рвением к распространению Евангелия, а не каким-либо поощрением со стороны франкских королей. В шестом и седьмом веках эти святые мужи объехали весь Континент, разыскивая язычников для обращения в свою веру или основывая свои скромные монастыри в самых диких уголках гор или первобытных лесов. Они добрались до Италии и Швейцарии, где двое величайших из них основали свои дома: святой Фридиан в Лукке и Святой Галл на холмах над Бодензее.

|Преобразование Германии.| Но до времен Пиппина не предпринималось систематических попыток обратить в свою веру тех представителей германской расы, которые все еще пребывали во тьме язычества. Именно Пиппин первым увидел, что эта обязанность возложена на франкское правительство. Он послал в Англию за святым Виллибрордом, первым апостолом фризов, который со своими двенадцатью спутниками странствовал по недавно завоеванной Западной Фрисландии, проповедуя диким язычникам. При поддержке Пиппина англичанин Зюйдберт также трудился среди гессенцев, пока он и его новообращенные не были изгнаны вторжением язычников-саксов. В то же время святой Руперт, епископ Вормса, завершил обращение Баварии и основал там великое Зальцбургское епископство (696). Примерно в то же время ирландский монах Киллиан прошел вверх по Майну и вдоль окраин Тюрингервальда, чтобы проповедовать тюрингенцам, пока не принял мученическую смерть в Вюрцбурге. Повсюду за возвышением внука Арнульфа следовали ревностные миссионеры, франки, ирландцы или англичане, которые стремились нести знамя Креста в германские леса, где до сих пор почитались только Воден и Тунор. То, что начал Пиппин, его старшему сыну, Чарльзу Молоту, и его еще более могущественному правнуку, Чарльзу Императору, было суждено завершить. Одной только этой работой дом великих австразийских мэров за три поколения сделал больше для оправдания своего существования, чем нечестивые Меровинги за восемь.

Годы, в течение которых Пиппин правил франками, были отмечены в их королевских анналах четырьмя малоизвестными именами. Теудерих, слабый король, которого вывели из монастыря, чтобы посадить на трон своего брата,^[41] умер в 691 году: за ним последовали двое его малолетних сыновей, Хлодовех III. (691-5) и Хильдеберт III. (695-711), оба были одинаково признаны в Нейстрии и Австразии, но не имели наследства. реальный авторитет. Хлодовех умер еще мальчиком: Хильдеберт дожил до ранней зрелости, родил сына, а затем поспешил сойти в могилу. Очевидно, пороки их предков подорвали жизненную энергию позднейших меровингов; едва ли кто-то из них доживал до тридцати лет, и каждое долгое меньшинство делало королевскую власть все более и более призрачной, а авторитет великого мэра - все более реальным. Хильдеберт III. за ним последовал еще один мальчик, его сын Дагоберт III (711-16), последний из четырех марионеточных королей, от имени которых великий Пиппин управлял франкским скипетром.

41. См. страницу 259.

Пиппин дожил до глубокой старости и имел несчастье потерять на склоне лет двух своих законных сыновей, Гримоальда и Дрого, которым он предназначил стать его преемниками. Наследниками, оставшимися у него на тот момент, были Теудоальд, юноша, сын Гримоальда, и Карл [Чарльз Мартелл], незаконнорожденный сын, которого он имел от наложницы по имени Альфаида. Первому было всего восемь лет, второму - двадцать пять, но старик назначил мальчика Теудоальда своим преемником, надеясь, что тот сможет увидеть, как тот вырастет

мужчиной. [Смерть Пиппина, 715 год.] Однако он умер через несколько месяцев, и перед франками была поставлена странная проблема: потерпят ли они ребенка-мэра, правящего от имени ребенка-короля. Вдова Пиппина Плектрудис попыталась перехватить бразды правления ради своего маленького внука, и некоторые австразийцы поддержали ее. В качестве меры предосторожности она бросила внебрачного сына своего мужа Чарльза в тюрьму, зная, что многие мужчины считали его единственным возможным наследником положения Пиппина, поскольку идея о ребенке-мэре была абсурдной.

Попытка Плектрудис править от имени своего внука, как и следовало ожидать, потерпела полный провал. Графы и герцоги Нейстрии поспешили воспользоваться случаем, чтобы избавиться от господства австразийцев. Они взялись за оружие, выбрали некоего Рагинфреда, одного из своих, нейстрийским мэром Дворца и собрали армию для вторжения в Австразию от имени молодого Дагоберта III. Они не побоялись вступить в союз с врагами государства, фризами и саксами, которые напали на Австразию с тыла, в то время как сами, наступая через Арденны, огнем и мечом опустошили все земли между Маасом и Рейном. Плектрудис и ее внук заперлись в стенах Кельна.

[Возвышение Шарля Мартеля.] Однако до конца года произошли два важных события, придавших войне новый оборот. Карл, сын Пиппина, сбежал из тюрьмы своей мачехи, и большинство австрийцев сразу же провозгласили его вождем, которые были доведены до дикой ярости опустошительными действиями нейстрийской армии и жаждали лидера, способного командовать в полевых условиях. Вскоре после этого молодой король, которого признали и Восток, и Запад, умер, как и все его предки, как раз когда он достиг зрелого возраста и сразу после рождения своего первенца. Подобно Великим ламам Тибета, эти несчастные меровинги скончались, едва ли за исключением, как только стали достаточно взрослыми, чтобы вмешиваться в политику. Как и в случае с ламами, так и с франками, мы не можем не подозревать, что в этих внезапных смертях было нечто большее, чем кажется на первый взгляд: те, кто был близок к личностям королей, определенно не были заинтересованы в том, чтобы они прожили достаточно долго, чтобы утвердить свою королевскую власть.

После смерти Дагоберта нейстрийцы вывели из монастыря, куда он был помещен в раннем младенчестве, сына Хильдериха I, короля, которого Бодолин убил в 678 году. [Chilperich II., 716.] Преподобный Даниил был удостоен королевского имени Хильперих и поднят на щите: он был первым меровингом за восемьдесят лет, достигшим зрелости в момент своего восшествия на престол, когда ему было тридцать восемь лет. Хильперих, несмотря на свое монашеское воспитание — или, возможно, благодаря ему, — оказался гораздо более энергичным человеком, чем кто-либо из его родственников, и его нельзя назвать одним из "*роуи файнеантов*". Он постоянно выходил на поле во главе своих нейстрийцев и делал все возможное, чтобы стать их национальным чемпионом. К сожалению, времена были против него.

В 716 году нейстрийский король и мэр вместе выступили маршем в Австразию, чтобы положить конец сопротивлению как Плектрудис, так и Карла. В то же время Радбод, фризский герцог, двинулся вверх по Рейну к Кельну. Карл предложил захватчикам сражение близ этого города, но потерпел поражение и был вынужден укрыться в горах Эйфель. Затем Чильперих осадил Кельн и вынудил Плектрудис и ее сторонников признать его королем, отказаться от королевских сокровищ Австразии и отозвать притязания мальчика Теудоальда на пост мэра. Но в то время как нейстрийская армия с триумфом возвращалась на свою землю, Карл, собравший новые

силы, напал на нее близ Мальмеди, на окраине Арденн. В битве при Амблеве все усилия энергичной кампании Чильпериха были сведены на нет, поскольку его армия была разбита, а сам он и его мэр Рагинфред едва спаслись (716).

[Битва при Винси, 717 год. | Это был первый удар Карла Молота [Мартеля], как называли его последующие поколения. Отныне его карьера должна была быть успешной в борьбе с каждым врагом, который осмеливался противостоять ему. Ранней весной он продолжил свой первый удар, вторгшись в Нейстрию и во второй раз разгромив Чилперих при Винси, недалеко от Камбре. Продолжая наступление после своей победы, он преследовал нейстрийцев до ворот Парижа, а когда сопротивление прекратилось, с триумфом вернулся в Австразию. Там он вынудил свою мачеху Плектрудис уступить ему Кельн и разогнал ее сторонников. Будучи теперь бесспорным хозяином Восточного королевства, он провозгласил некоего Хлотаря королем и назначил себя мэром Дворца. Хлотарь IV, чье происхождение точно неизвестно, но который, возможно, был внуком ирландского изгнанника Дагоберта II, был, конечно, всего лишь марионеткой в руках своего мэра. Обеспечив себе законное положение в государстве, Карл отправился смирять всех врагов, которые досаждали Австразии в ее смутное время. Он прогнал саксов за Везер, вынудил Радбода Фризского во второй раз сдать Западную Фрисландию, а затем повернулся против Нейстрии. Напрасно король Чильперих, который упорно боролся за сохранение своей независимости, объединил свои силы с Эдо, который во время последних смут провозгласил себя независимым герцогом Аквитании. Карл разбил их обоих в битве близ Суассона и преследовал короля и герцога за Луарой. Эта битва при Суассоне была последним усилием как дома Меровингов, так и Нейстрийского королевства. После того, как он был потерян, они оба склонились перед австразийским мечом и смиренно подчинились приказам великого мэра Дворца (718).

При таком стечении обстоятельств марионетка Карла, король Хлотарь IV. умер. Победитель при Суассоне, возможно, предпочел бы провозгласить себя королем Австразии, но, помня о судьбе своего деда Гримоальда, предпочел предложить условия изгнанному королю Хильперих. Признав Карла мэром как Востока, так и Запада, побежденный Меровинг получил разрешение вернуться в Нейстрию и был провозглашен королем всех франков (719). Он заслуживал лучшей участи, чем превратиться в простое имя и тень, и, родись он на восемьдесят лет раньше, возможно, благодаря своему мужеству и настойчивости дал бы более длительный срок власти дому Меровингов. Но сейчас было слишком поздно, чтобы его энергия могла пригодиться.

Chilperich II. умер всего через год после своего подчинения Карлу. В древнем королевском доме осталось только два имени для ведения хроник, Теудерих IV. и Чильдерих II. Эти малоизвестные личности — настолько малоизвестные, что хронисты даже не сообщают нам дату смерти Теудериха — были слишком слабы даже для того, чтобы враги великого мэра использовали их в качестве орудий. Хорошо известный отрывок из "Эйнхарда" описывает их жалкое положение: 'В течение многих лет дом Меровингов был лишен силы, и в нем не было ничего выдающегося, кроме пустого имени короля. Ибо правители их дворца обладали как богатством, так и властью королевства, носили имя мэра и ведали всеми высокими государственными делами. Королю ничего не оставалось делать, как довольствоваться своим титулом и сидеть со своими длинными волосами и длинной бородой на троне, как изваяние правителя, слушать речи иностранных послов и отвечать им словами, вложенными в его уста, как будто он говорил сам за себя. [Бессилие последних меровингов.] Его королевское имя не приносило прибыли, а распределение доходов находилось на усмотрении мэра, и не было ничего, что он

действительно мог бы назвать своим, за исключением одного королевского поместья средней стоимости (Монмак). Там он держал свою семью и небольшую компанию слуг. Когда ему приходилось путешествовать, он отправлялся в путь в крытой повозке, запряженной волами, которой управлял деревенский слуга. Таким образом, он обычно отправлялся в свой дворец или на национальное собрание, которое собиралось раз в год для решения дел королевства, и таким образом он возвращался. Но об управлении королевством и обо всем, что нужно было делать дома или за границей, заботился Мэр Дворца.' Имя Теудериха относится к 720-737 годам, Чилдериха - к 742-752 годам. Между смертью одного и восшествием на престол другого прошел шестилетний период, в течение которого великий мэр даже не потрудился обеспечить себя номинальным королем, а правил по собственному усмотрению.

Двадцать два года правления Карла Мартелла на посту мэра Нейстрии и Австразии стали поворотным моментом в истории Западной и Центральной Европы (719-41). Продолжая политику своего отца Пиппина Младшего, как дома, так и за границей, он посвятил всю свою энергию восстановлению старых границ Франкского королевства, укрощению его соседей-язычников, распространению христианства среди более отдаленных германских племен и восстановлению закона и порядка среди непокорных графов и герцогов внутри империи. Его сильная рука была столь же ценна в прекращении анархии внутри страны, как и в одержании победы за рубежом.

[Возвышение мэрии.] Шесть лет гражданской войны, последовавшие за смертью Пиппина Младшего, свели на нет большую часть работы этого великого человека, и Чарльзу пришлось снова взяться за дело, которым был занят его отец. Однако он занимал положение большей твердости и силы, чем Пиппин, и смог гораздо более основательно проявить свою волю по всем франкским владениям. Его задачей было сделать так, чтобы руку центрального правительства боялись по всему королевству так же сильно, как это было во времена первых королей Меровингов. Задача была трудной, потому что полтора столетия слабой администрации научили местных графов и герцогов всем искусствам неподчинения, особенно уловке использования ежегодных собраний великого национального совета — того, что в Англии называли бы Витан, — с целью внушить благоговейный страх своему правителю. Они появились на 'Мартовском поле', сопровождаемые огромным количеством вооруженных сторонников, и объединились в семейные или партийные союзы, чтобы противостоять центральному правительству. В этом они преуспевали до тех пор, пока сохранялись слабые Меровинги, и могли избирать государственных чиновников по своему усмотрению или распределять должности местных губернаторов друг между другом. Великие мэры положили этому конец. Дом Св. Арнульф собрал в Австразии такое большое количество верных сторонников, что с их помощью мог противостоять любой комбинации недовольных графов. Другие великие дома Австразии, по-видимому, постепенно исчезли, и вся мелкая знать и свободные люди земель между Маасом и Рейном стали восторженными последователями Пиппина и Чарльза. Взамен великие мэры назначали австразийцев на должности по всему королевству и в основном полагались на их помощь во всех кризисах. Их система заключалась в господстве австразийцев над нейстрийцами, бургундцами, аквитанцами и восточными немцами: их империя зиждилась на том факте, что их собственные соотечественники были лояльны, сплоченны и уверены в себе, в то время как другие расы были завистливы, разделены и унижены недавним поражением. И все же борьба была нелегкой. Потребовались неоднократные удары Амблева, Винси и Суассона, чтобы сокрушить нейстрийский дух сепаратизма. Аквитания была подавлена лишь кампанией за кампанией, направленной против ее нелояльных герцогов. Ни южная Галлия, ни

южная Германия (Швабия и Бавария) не были по-настоящему укрощены до тех пор, пока их не лишили их родных герцогств и не разделили на графства или *gaus*, управляемые австразийскими вождями. Но дом Сент-Арнульфов Поколение за поколением продолжал производить на свет великих людей, и укрощение было, наконец, завершено.

Работа великих мэров снаружи была не менее трудной, чем внутри. Подчинить эти неукротимые племена северной Германии, из непроходимых лесов которых в отчаянии отступили даже железные легионы Августа, было великой работой, которую предстояло выполнить мятежным армиям Австразии. Но они вели борьбу до победного конца, пока не покорили самую восточную Германию и не увидели Прибалтику и неизвестные границы славян. Бавария и Фризия пережили немало тяжелых ударов, прежде чем были включены во Франкское королевство; но в конце концов они со вздохом отказались от своей языческой независимости. Даже итальянское королевство доблестных лангобардов, защищенное великими римскими крепостями Павия, Верона и Равенна, не смогло противостоять австразийскому мечу.

[Приближение сарацин.] Но из всех военных достижений восточных франков при доме св. Арнульф, самому великому и, по сути, самому стойкому, предстояло одержать победу над врагом, неизвестным их предкам, новым врагом, который угрожал не просто опустошить границы королевства, подобно фризии или Ломбардии, но и расчленить его, отторгнув Аквитанию от Западного христианского мира. Какими бы великими ни были их другие подвиги, самым важным из всех было обращение вспять волны мусульманского фанатизма в битве при Пуатье. За эту высшую милость, если не за что иное, Европа в вечном долгу перед великими мэрами VIII века и неукротимыми хозяевами Австразии.

За три года до смерти Пиппина Младшего король вестготов Родерик пал в битве при Гуадалете, и Испания была захвачена неверными. В 720 году, в первый год полного господства Карла над двумя франкскими королевствами, сарацины вышли за пределы Пиренейского полуострова, пересекли Пиренеи и вошли в Аквитанию, где осадили Тулузу. Их первый удар пришелся по Эдо, герцогу Аквитании, который только что признал себя вассалом франкского короля и отказался от своих притязаний на правление в качестве независимого принца. Герцог заручился помощью франкских наместников на своих границах, напал на сарацин в их лагере в Тулузе и обратил их в бегство, потеряв их предводителя Эль-Самаха. Но, несмотря на поражение в битве, мусульмане удержали плацдарм к северу от Пиренеев, удержав старую столицу вестготов Нарбонну. Опасность, исходящая от них, была лишь отсрочена, а не отражена окончательно. Вскоре Карлу самому пришлось выступить в поход, чтобы защитить южные границы Франкского королевства от экспедиций, гораздо более грозных, чем та, которую герцог Эдо отразил в 721 году.

ГЛАВА XVI

ЛАНГОБАРДЫ И ПАПСТВО

653-743

Узурпация и успешные войны Гримоальда—Правление Бертари и Куниберта—Ссоры папства и империи—Изгнание папы Мартина I.—Постепенное отчуждение Италии от империи—Гражданские войны Ариберта II. и Ансранда—Успешное правление Лиутпранда—Льва Исаврийского и Григория II.—Италия восстает против иконоборцев—Лиутпранд завоевывает большую часть Экзархата.

После смерти законодателя Ротари Лангобардское королевство вступило во вторую стадию своего развития: теперь оно почти достигло полного расцвета своей территориальной протяженности и приобрело окончательную форму. На протяжении почти ста лет главными событиями его политической истории были гражданские войны или оборонительные кампании против двух его соседей, римского экзарха и аварского кагана. Не предпринимается никаких постоянных усилий ни по изгнанию империалистов из Италии, ни по расширению границ Ломбардского королевства на север. Только в середине VIII века отчуждение между Константинополем и его римскими подданными в Италии привело к такому ослаблению императорской власти, что лангобардские короли смогли захватить долгожданный экзархат. История сокращения владений восточного цезаря за Адриатическим морем гораздо больше зависит от роста папской власти и от ссоры по поводу иконоборчества, разделившего римскую и Константинопольскую церкви, чем от амбиций или способностей правителей Ломбардии.

После убийства недолговечного сына Ротари в 653 году лангобарды избрали своим королем Ариберта, племянника святой королевы Теоделинды, чье имя до сих пор хранилось в доброй памяти по всей стране. | Ариберт I. 653-62. | Граф Гундоальд, отец Ариберта, давно обосновался в Италии: он пересек Альпы со своей благочестивой сестрой более полувека назад, так что сам Ариберт считался ломбардцем, а не баварцем. Новый король безвестно правил девять лет (653-62): он не вел войн и был известен главным образом как друг духовенства и строитель церквей. Он был ревностным католиком и делал все возможное, чтобы искоренить те немногие следы арианства, которые еще оставались в Ломбардии. Под его властью в стране царил мир, но перед смертью он посеял семена будущих смут благодаря несчастливому вдохновению, которое побудило его убедить ломбардского Витана избрать двух его сыновей, Годаберта и Бертари, сонаследниками королевского престола.

Когда их отец умер, Годаберт, старший брат, стал королем Павии, в то время как Бертари завладел Миланом. Не успели они править и года, как разразилась неизбежная гражданская война, "потому что злонамеренные люди посеяли между ними раздор и подозрительность". | Гримоальд, король лангобардов, 662-71. | Они собирали своих сторонников для решающего похода, когда Годаберт был предательски убит главарем своих собственных сторонников, Гримоальдом, герцогом Беневенто, который покинул свое герцогство на юге и повел своих воинов в Павию под предлогом помощи своему сюзерену в борьбе с его непокорным младшим братом. Гримоальд завладел короной и женился на сестре своей жертвы, чтобы соединиться с

домом святой Теоделинды. Он выгнал Бертари из Милана и вынудил его укрыться у аварского кагана на дальнем востоке, на берегах Дуная.

Беспринципный узурпатор правил девять лет (662-71) над всем ломбардским королевством, держа свой собственный двор в Павии, в то время как Ромуальд, сын от его первого брака, правил за него в Беневенто. Это был единственный период за всю историю лангобардов, когда королевскому указу в южных Апеннинах подчинялись так же хорошо, как и в долине реки По. Поэтому для лангобардской расы было удачей, что нападение на Италию энергичного императора Константина (Констанс II) пришлось на годы правления Гримоальда. Хотя он захватил большую часть герцогства Беневенто, энергия Константина иссякла перед приходом короля Гримоальда, и опасность миновала (663).^[42]

42. См. страницу 245.

Его успехи против императора были не единственными триумфами короля Гримоальда: он отразил вторжение аваров в Венецию и дал отпор франкской армии, которую мэр Эброин, правивший от имени короля Хлотаря III, отправил через Западные Альпы. Его единственным территориальным завоеванием, однако, был захват империалистами маленького городка Форимпополи близ Римини, который он неожиданно атаковал в день Пасхи и подвергся самым жестоким нападениям, 'убивая верующих у алтаря и дьяконов у купели для крещения, в то время как все были заняты празднованием Святого праздника'. Мы могли бы предположить, что римлянам в центральной Италии пришлось бы хуже после отпора Константину, но ни один другой город не был потерян. Однако на юге сын Гримоальда Ромуальд захватил Таранто и Бриндизи, два главных оставшихся оплота империалистов в Апулии. Но это было после смерти Константина, во время смуты, вызванной восстанием Мезеция на Сицилии (668-9?).

Несмотря на предательство, с помощью которого он взошел на трон, победы Гримоальда сделали его очень популярным среди лангобардов, и сохранилось множество рассказов, свидетельствующих о его великодушии и милосердии не меньше, чем о его сильной руке и хитрости. Но когда он умер, стало ясно, что его власть основывалась исключительно на его личных заслугах: лангобарды не избрали королем ни его старшего сына Ромуальда, герцога Беневенто, ни его младшего сына Гарибальда, которого родила ему дочь Ариберта. Они отозвали из изгнания короля Бертари, сына Ариберта, которого Гримоальд изгнал из Милана десять лет назад. Этот принц провел несчастливую жизнь, скитаясь из страны в страну, от Дуная до британских морей, и плыл в Англию, когда до него дошла весть о смерти узурпатора. Он вернулся в Италию, был с покорностью принят всей ломбардской расой и торжественно коронован в Павии.

Бертари правил семнадцать лет (672-88) в мире и тишине, ибо не любил войны. Он был 'религиозным человеком, истинным католиком, приверженцем справедливости, заботился о бедных; он построил знаменитый женский монастырь Святой Агаты и великую церковь Пресвятой Богородицы за стенами Павии'. Короли этого типа, которых монашеские хронисты больше всего любили чтить, не были теми, кто творил историю. Бертари никогда не пытался завоевать Рим или экзархат и лишь однажды за время своего правления взялся за оружие, когда на него напал мятежный герцог Алахис Трентский, которого он подчинил, а затем помиловал, как и подобает христианину, — помилование, которое стоило Ломбардии большой крови в следующее царствование.

Правление его сына Куниберта (688-700) было гораздо более беспокойным. Этот король был человеком со смешанными качествами, храбрым, щедрым и популярным, но беспечным, неосторожным и склонным к выпивке. Он был застигнут врасплох и изгнан из Павии герцогом Алахисом, который теперь снова взбунтовался, несмотря на то, что отец Куниберта однажды сохранил ему жизнь. Куниберт был изгнан на некоторое время из всех своих владений, за исключением единственного замка на озере Комо, где он выдержал длительную осаду. Но Алахис своей тиранией сделал себя невыносимым для лангобардов, и не прошло и нескольких месяцев, как законный король смог выйти из своей крепости и сразиться с узурпатором в битве. Они встретились в Коронате на реке Адда, недалеко от Лоди, Алахиса поддержали 'австрийцы' из Венеции, Куниберта - 'нейстрийцы' из Пьемонта. Люди Запада одержали верх, Алахис был убит, и сын Бертари восстановил свою власть над всем лангобардским королевством. Это было не последнее восстание, которое пришлось подавить Куниберту: на протяжении всего его правления мы слышим о восстаниях непокорных герцогов и о наказаниях, которым подвергались они, когда попадали в руки своего господина.

О деяниях лангобардских королей в последней четверти VII века нет ничего, что имело бы первостепенное историческое значение. Но пока Бертари строил церкви, а Куниберт сражался со своими повстанцами, ход событий в Риме становился все более важным. | Папство в седьмом веке. | Папство и империя постепенно достигли уровня отчуждения и взаимного отталкивания, что в следующем поколении привело к открытой войне между ними. В предыдущей главе мы в общих чертах описали работу папы Григория Великого по доведению папства до состояния беспрецедентной духовной важности в христианском мире и не в меньшей степени по созданию для папы положения высокой светской важности в управлении Римом. В течение полувека после смерти Григория это положение дел оставалось неизменным. Теперь папа прочно утвердился в качестве патриарха Запада и беспрепятственно отправлял миссии в Британию, Галлию и Испанию. Ни экзарх, ни местное правительство в Константинополе не слишком вмешивались в его светскую власть. Но трения и борьба начались при правлении сурового и безжалостного Константина (Констанс II.) и вспыльчивого папы Мартина I. Мы упоминали в другом месте^[43] о том, как император опубликовал свой "Тип" или эдикт Понимания, запрещающий дальнейшие дискуссии по вопросу о монофелитской ереси. Мартин не просто отказался уступить обсуждению, но и созвал совет, который объявил этот 'Тип' богохульным и непочтительным. Мартин написал с тем же целью королям франков, вестготов и англичан, призывая таким образом иностранных государей принять участие в споре между ним и его господином. Полагаясь на свою удаленность от Византии и величие своего положения патриарха Запада, он попытался бросить вызов Константину. Действия императора показывают, что он был полон решимости утвердить свою власть, но при этом полностью осознавал опасность и трудность общения с такой важной персоной, какой теперь стал епископ Рима. | Судьба папы Мартина, 655 год. | Он должен был дожидаться благоприятной возможности наказать Мартина, и не путем открытого ареста перед лицом народа, а тайным похищением он заполучил его в свою власть. Но когда однажды папа был отправлен в Константинополь, он почувствовал гнев своего государя: оскорбленный, закованный в цепи, заключенный в тюрьму и сосланный в отдаленный Крым, Мартин узнал, что рука императора все еще достаточно сильна, чтобы дотянуться до Рима (655).

43. См. страницу 244.

Но вся Италия считала Мартина мучеником за православие, и его судьба во многом отвратила римлян от их лояльности империи. Не уменьшило их гнева и кощунственное разграбление Пантеона и других римских церквей, которое совершил Константин, когда в 663 году соизволил посетить свои западные владения. Похоже, что сам Константин полностью осознал, что римский престол становится слишком сильным, и намеренно стремился истощить его ресурсы, поскольку в это время он даровал архиепископу Равенны формальное освобождение от любых обязанностей духовного послушания папе как патриарху Запада и предоставил ему независимую власть в экзархате. В течение двадцати лет продолжался этот раскол Рима и Равенны, но в конце концов старый традиционный престиж престола Святого Петра восторжествовал над амбициями равеннских архиепископов.

Если бы в этот момент был сильный понтифик, вполне вероятно, что между папством и империей произошел бы открытый разрыв. Но папа Виталиан был слабым человеком, судьба его предшественника Мартина запугала его, и идея отделить Рим от *римской республики*, как все еще обычно называли империю, еще не приходила в головы итальянских подданных Византии. Отречься от имперского превосходства было бы равносильно передаче Рима в руки короля Гримоальда Лангобардского, и ни папа, ни народ хладнокровно не рассматривали такую перспективу.

Соответственно, разрыв между Римом и Византией был отложен еще на одно поколение. После смерти Константина на какое-то время установились более дружеские отношения, поскольку его сын Константин V. был безупречно православным. Он провел Константинопольский собор в 681 году с высокого одобрения папы Агафона, представители которого должным образом явились на него, чтобы присоединиться к окончательному сокрушению еретиков-монофелитов. Константин, в полноте своей дружбы к папству, даже предоставил римскому престолу опасную привилегию, заключавшуюся в том, что, когда на папских выборах голоса духовенства, народа и солдат — римского гарнизона — единодушно отдавались какому-либо одному человеку, этот человек мог быть сразу рукоположен в епископа Рима, не дожидаясь императорского мандата на одобрение из Константинополя. На самом деле, однако, единогласные выборы были очень редки, и экзархи Равенны до сих пор вмешиваются, чтобы принять решение о том, какие требования предъявляют соперничающие кандидаты.

Признаки разрыва вновь стали очевидны во времена тирана Юстиниана II. Когда папа Сергий отказался подчиниться его приказам, император приказал экзарху схватить его и отправить в Константинополь. Но не только римская чернь, но и солдаты императорского гарнизона взялись за оружие, чтобы оказать сопротивление чиновникам Юстиниана, когда те попытались наложить лапу на Сергия: узы военного повиновения уже оказались слабее уз духовного уважения, и папа восторжествовал, ибо Юстиниан был низложен, изувечен и отправлен в Херсон своими мятежными подданными, прежде чем он успел наказать римлян.

Двадцать два года анархии и распада в Константинополе, последовавшие за низложением Юстиниана (695-717), были чреватые важными последствиями для Италии. Эфемерные императоры тех дней были неспособны утвердить свою власть над Западом, и мы снова видим, как папы берут на себя светские функции по примеру Григория Великого в предыдущем столетии. Иоанн VI. взимал налоги в Риме, заключал договоры с ломбардским герцогом Беневенто и даже защищал и восстановил экзарха Феофилакта, когда тот был изгнан из Равенны военным восстанием. [Ссора Григория II и Филиппика.] Григорий II. зашел так далеко в

своей независимости, что отказался признать императора-узурпатора Филиппика; по его совету 'римский народ постановил, что на государственных документах не должно быть имени цезаря-еретика, а на деньгах не должно быть его изображения. Таким образом, портрет Филиппика не был установлен в Церкви, а его имя не упоминалось в молитвах на мессе. Григорий согласился признать преемника Филиппика только Анастасия II. когда он услышал, что новый император - человек безупречной ортодоксальности. Независимое положение пап к этому времени стало настолько заметным, что очередной ссоре с Константинополем было суждено привести к окончательному разрыву отношений между папством и империей. Было невозможно, чтобы все оставалось так, как было: разрыв был неизбежен. Его причиной должно было стать восшествие на престол сурового иконоборца Льва Исаврийца и его попытка навязать свои собственные религиозные взгляды как западным, так и восточным провинциям своей империи. Главными действующими лицами финальной битвы являются Лев, папа Григорий II и король ломбардии Лиутпранд, чье положение и власть мы должны теперь перейти к объяснению.

Когда король Куниберт умер в 700 году, он оставил свой трон своему юному сыну Лиутберту, простому мальчику, чьи владения должен был управлять регент-опекун, граф Анспранд, мудрейший из лангобардов. Меньшинство всегда было фатальным для одного из ранних тевтонских королевств. | Восстание Реджинберта Туринского. | Всего через восемь месяцев после того, как Лиутберт был провозглашен королем, его ближайшие взрослые родственники поднялись против него с оружием в руках, чтобы претендовать на корону. Это были Регинберт, герцог Туринский, и его сын Ариберт, сын и внук короля Годаберта, и двоюродные братья отца мальчика-короля.

За Регинбертом последовали все нейстрийские лангобарды, и он смог победить регента Анспранда при Новаре. Он умер сразу после своей победы, но его сын Ариберт продолжил успех, выиграв второе сражение при Павии, и взяв в плен мальчика Лиутберта. Гражданские войны лангобардов. | Победитель захватил столицу, и его сторонники провозгласили его королем под именем Ариберта II. Регент Анспранд, бежавший из Павии, пытался продолжать гражданскую войну от имени своего подопечного, но новый король положил конец этой попытке, приказав задушить мальчика Лиутберта в его ванне. Затем Анспранд бежал через Альпы и нашел убежище у герцога Баварского.

Ариберт II правил лангобардами в течение десяти беспокойных лет (701-11), полностью занятый свержением мятежных герцогов, отражением набегов каринтийских славян из Венеции и попытками утвердить свою власть над Сполето и Беневенто. Время было подходящим для нападения на имперские владения в Италии, но Ариберт воздержался от этой попытки. Он был дружелюбен к папству и перешел на сторону папы Иоанна VI. великий дар поместий в Коттийских Альпах: он также не помог своему вассалу Фароальду, герцогу Сполето, когда последний в 703 году предпринял покушение на экзархат. Ариберт предпочитал жить в мире как с папой, так и с императором.

Aribert II. он завоевал свое королевство мечом, и этим мечом ему было суждено потерять его. В 711 году изгнанник Анспранд, некогда регент мальчика Лиутберта, вторгся в Италию во главе баварской армии, предоставленной ему герцогом Тевбертом. Многие лангобарды все еще любили дом Бертари и ненавидели Ариберта как убийцу и узурпатора. Вскоре армия Анспранда была увеличена на многие тысячи "австрийских" лангобардов, и вскоре он смог встретиться лицом к лицу с королем в открытом поле близ Павии. Битва была нерешительной, но когда она

закончилась, Ариберт отступил за стены города. Его отступление обескуражило его армию, которая начала отходить от него; в связи с этим Ариберт решил прихватить с собой королевские сокровища и бежать в Галлию, чтобы заручиться помощью франков. Пытаясь ночью пересечь Тичино со всеми своими сокровищами, он случайно утонул и оставил трон вакантным для своего соперника Анспранда (712).

Теперь бывший регент был провозглашен королем, но пережил свой триумф всего на несколько месяцев: на смертном одре он убедил лангобардов избрать своим коллегой своего сына Лиутпранда, который, таким образом, стал единоличным правителем после смерти своего отца несколькими днями позже.

[Лиутпранд, король Лангобардов, 712-43. | Лиутпранд был самым способным и энергичным королем, когда-либо правившим лангобардским королевством, и его долгое правление, длившееся тридцать один год (712-43), ознаменовало завершение долго откладывавшегося процесса изгнания восточных римлян из Центральной Италии и подъем лангобардов до наивысшего уровня успеха, который они когда-либо знали, - подъем, за которым должно было последовать исчезновение их королевства.

Когда Лев Исавриец начал свой крестовый поход против поклонения образам, Лиутпранд находился на троне уже четырнадцать лет. В первые годы своего правления он был занят укреплением своих позиций и не совершал нападений на имперские владения в Италии, хотя, как известно, вел войну с баварцами и захватил несколько их замков в верхнем Адидже.

Но в 726 году ситуация достигла апогея, когда Лев издал свой знаменитый эдикт против изображений, запрещающий любое поклонение статуям и картинам. [Ссора Григория II и Льва Исаврийца. | Папа Григорий II. был не в настроении слушать такой приказ из Константинополя. Он уже был в большой немилости у императора за то, что посоветовал итальянцам отказаться от каких-то экстраординарных налогов, которые Лев ввел для продолжения сарацинской войны. Когда он получил рескрипт Льва и письмо, адресованное ему самому, с просьбой выполнить императорский приказ и уничтожить изображения Рима, он разразился открытым неповиновением, и римляне вместе со всеми остальными итальянцами последовали его примеру. Эривилат, герцог Неаполитанский, пытавшийся провести эдикт в своем герцогстве, был убит толпой, а многие другие императорские чиновники подверглись жестокому обращению или были изгнаны теми, кем они управляли. Города избрали себе новых правителей и выбрали бы и провозгласили императором Запада, если бы Григорий II. не удержал их от этого последнего шага. | Лиутпранд завоевывает Экзархат, 727 год. | Тем временем, когда все имперские провинции Италии были охвачены открытым мятежом и совершенно отрезаны от Константинополя, король Лиутпранд решил, что наконец-то настал момент для объединения ломбардских владений путем захвата давно желанного экзархата. Он пересек реку По, взял Болонью и большинство других городов Эмилии, а затем завоевал Осимо, Римини, Анкону и весь Пентаполис. Классис, морской порт Равенны, пал перед ним, но экзарху Павлу удалось сохранить великий город на Болотах еще ненадолго, пока он не был убит бунтовщиками (727). Завоевания лангобардского короля совершались с поразительной легкостью, поскольку в каждом городе антиимпериалистическая фракция сдавала ему ворота без боя.

Вскоре после этого триумф Лиутпранда завершился сдачей самой Равенны: экзарх Евтихий бежал в Венецию, уже полунезависимый город, но все еще сохранявший номинальную верность империи. | Григорий II. восстает против Льва II. | Тем временем папа Григорий II. был

занят написанием длинных манифестов, в которых излагалось зверское поведение Льва и внутренняя рациональность почитания изображений. Его письма императору были написаны языком нарочитой дерзости. 'Я должен использовать грубые аргументы,' писал он, - подходящие для такого грубого ума, как ваш', а затем продолжил: 'если бы вы пошли в школу для мальчиков и объявили себя разрушителем образов, самые маленькие дети бросили бы вам в голову свои дощечки для письма, потому что даже младенцы и груднички могли бы научить вас, хотя вы отказываетесь слушать мудрых'. Полностью перепутав царя Озии с царем Езекией в аргументации, взятой из Ветхого Завета, Григорий затем перешел к цитированию апокрифических анекдотов из ранней истории церкви. В заключение он заявил, что в силу власти, которую он унаследовал от святого Петра, он мог бы обречь императора на вечное проклятие, но что Лев был настолько основательно проклят своими собственными преступлениями, что не было необходимости налагать на него еще какое-либо проклятие. Более практическая угроза заключалась в том, что, если император пошлет армию против Рима, он отступит в Кампанию и найдет убежище у лангобардов (729).

[Позиция Григория II.] На самом деле, однако, бросаться в руки лангобардов было последним, что хотел сделать папа Григорий. Он больше всего боялся попасть под непосредственную власть Лиутпранда, поскольку оккупация Рима могущественным и волевым итальянским королем была бы фатальной для светской власти папства. Было легко послушаться бессильного экзарха и далекого императора, но если бы Лиутпранд стал правителем всей Италии, папы были бы вынуждены стать его смиренными подданными. Григорий хотел избавиться от господства Льва, не попадая при этом в лапы Лиутпранда. Отказываясь от своей верности императору, он делал вид, что привержен империи.

Тем временем неожиданный поворот событий поставил крест на победоносной карьере короля Лиутпранда. Пока он отсутствовал в Павии, экзарх Евтихий собрал часть войск в Венеции и с помощью войск полунезависимых граждан города-лагуны высадился близ Равенны. Это место было предано ему империалистической партией в его стенах и снова стало средоточием императорской власти в Италии. В то же время герцоги Сполето и Беневенто подняли оружие против своего сюзерена и вступили в союз с папой Григорием (729).

Лиутпранд решил победить лангобардских повстанцев, прежде чем приступить к выполнению трудной задачи по возвращению Равенны. Он даже заключил перемирие с экзархом, по которому было оговорено, что они должны взаимно помогать друг другу: один в усмирении взбунтовавшихся герцогов, другой в принуждении папы вернуться к своей верности. Соответственно, Евтихий выступил против Рима, а Лиутпранд - против Сполето. При приближении короля оба герцога подчинились ему и поклялись быть его верными вассалами. [Лиутпранд умиротворяет Италию, 730.] Затем он двинулся к Риму, который экзарх уже осаждал. Но он не желал, чтобы императорская власть укреплялась за счет восстановления Рима, и, расположив свою армию лагерем на Поле Нерона, за пределами города, заявил, что выступает в качестве арбитра между Григорием и Евтихием. Они были слишком слабы, чтобы сопротивляться ему, и папа, по крайней мере, с радостью согласился на умиротворение Италии, предложенное Лиутпрандом. Экзарх должен был вернуться в Равенну, оставив Рим в покое, и довольствоваться владением только Равенной, все остальные его утраченные владения в Пентаполисе и Эмилии оставались в руках лангобардов. Григорий, желая, чтобы его не трогали в Риме, заявил, что возвращается к своей верности, но на самом деле оставался в независимом положении. Он не отказался от своей оппозиции иконоборчеству и воспользовался

установившимся миром, чтобы созвать большой собор итальянских епископов, числом девяносто три человека, которые торжественно предали анафеме всех, кто отказывался чтить изображения, хотя и не проклинали императора по имени (730).

Два месяца спустя умер папа Григорий II. и ему наследовал Григорий III., такой же ярый враг иконоборчества, как и его тезка. Не успел он высказать свои взгляды, как император, недовольный миром, который заключил экзарх, и сильно раздраженный анафемой Римского собора, отомстил папству, издав эдикт, выводивший из-под юрисдикции папы, как Патриарха Запада, Иллирийскую и южно-Итальянскую епархии, которые до сих пор оказывали духовное послушание Риму. В будущем не только Эпир и Сицилия, но даже Апулия и Калабрия должны были смотреть на Константинопольского патриарха как на своего главу (731).

В 732 году Лев предпринял более практичный шаг, чтобы принудить папу к повиновению. Он снарядил в портах Малой Азии большое вооружение, которое должно было отплыть в Италию, силой оружия вернуть утраченные области Экзархата и арестовать Григория III. и отправить его в цепях в Константинополь. Но судьба была против восстановления императорской власти на Западе: флот был полностью разбит штормом в Адриатике, и те его обломки, которые достигли Равенны, ничего не добились. Это была последняя серьезная попытка империи вернуть центральную Италию. [Последняя попытка Льва отвоевать Италию, 732 год.] С этого момента папы пошли своим путем, в то время как экзарх, запертый в единственной крепости Равенны, с трепетом ожидал начала следующей ломбардской войны — войны, которая, несомненно, сметет его самого и его уменьшившийся экзархат.

Но в течение восьми лет после заключения мирного договора 730 года король Лиутпранд поддерживал мир во всей Италии. Он был благочестивым принцем и с уважением относился к папству, которому он даже предоставил территорию, уступив город Сутри в Тоскане, который он захватил у экзарха в войне 728-30 годов. Его правление было временем процветания Ломбардии: южные герцоги были вынуждены подчиняться приказам из Павии: славяне и авары не допускались к северным походам, Лиутпранд также поддерживал дружеские отношения с Карлом Мартеллом, главным мэром дворца в Галлии. Когда Карл искал соседнего монарха, который, согласно старому тевтонскому обычаю, должен был препоясать руками и подстричь волосы своего сына Пиппина по достижении им совершеннолетия, он выбрал Лиутпранда для исполнения этой дружественной должности. Во время вторжения сарацин в Прованс в 736-7 годах Карл обратился к лангобардам за помощью в своей войне, и Лиутпранд пересек Альпы и присоединился к изгнанию неверных из Экса и Арля.

Мир в Италии не был нарушен до 738 года, когда Трансимунд, герцог Сполето, не в первый раз восстал против Лиутпранда. Король подавил восстание со своей обычной энергией, и герцог был вынужден бежать: он нашел убежище в Риме у папы Григория III. [Лиутпранд нападает на Рим, 738 год.] Лиутпранд немедленно потребовал его капитуляции: Григорий отказался, и лангобардская армия немедленно вступила в римское герцогство. Король захватил Орте, Бомазо и два других города на юге Тосканы и угрожал Римуосадой. Григорий III. не мог надеяться ни на помощь, ни на сочувствие со стороны своего господина императора Льва, которого он так жестоко оскорбил. Соответственно, он решил обратиться за помощью к единственной другой силе, которая могла бы прийти ему на помощь, - великому правителю франков. Он послал Карлу Мартеллу золотые ключи от гробницы святого Петра и умолял его защитить святой город от нечестивых лангобардов. [Григорий III. просит помощи у франков.] Он

присвоил мэру звучный титул римского патриция, который по закону не принадлежал ему, поскольку присвоить его мог только император. Он даже предложил передать правителю франков ту призрачную преданность, которую Рим все еще оказывал императору.

Так Григорий III, прежде всех римских понтификов, попытался обрушить на Италию проклятие иностранного вторжения. Своей светской политикой он навлек на себя гнев Лиутпранда: война возникла исключительно из-за того, что он поддержал восстание герцога Сполето и приютил его, когда тот бежал. Тем не менее, он назвал вторжение лангобардов святотатством, пожаловавшись Карлу, что нападение Лиутпранда было нечестивым вторжением в права Церкви и преднамеренным оскорблением величия Святого Петра. Учитывая, что король спас его от гибели восемь лет назад, Грегори следует обвинить в грубой неблагодарности, а также в преднамеренном введении в заблуждение и лицемерии. Но папа впитал в себя горькую и совершенно иррациональную ненависть к лангобардской расе: опасность того, что он может потерять свою светскую власть из-за присоединения Рима к королевству Лиутпранда, заставила Григория относиться к благочестивому, миролюбивому и ортодоксальному королю лангобардов с такой же неприязнью, какую он испытывал к еретику-иконоборцу в Константинополе. Учитывая дружелюбный характер Лиутпранда и респектабельный национальный послужной список лангобардов, когда их сравнивают с их современниками за Альпами, удивительно читать о терминах, в которых Григорий и его преемники отзывались о них. Ни один эпитет, применяемый к язычникам в Священном Писании, не был слишком суровым, чтобы приписать его "зловонной, клятвопреступной, нечестивой, грабительской, кроважадной расе лангобардов". И все это возмущение и оскорбления были вызваны рациональным желанием Лиутпранда наказать папу за укрывательство его мятежников! Невозможно не пожелать, чтобы великому королю удалось захватить Рим и объединить Италию, что избавило бы полуостров от проклятий франкского вторжения, от его долгой и неестественной связи с Западной империей и от еще большего бедствия - постоянного установления светской власти папства.

Карл Мартелл не принял предложения Григория и не осуществил планы папы: он не стал бы ссориться со своим старым другом Лиутпрандом на таких неадекватных основаниях, как утверждал папа. Вместо этого он решил попытаться выступить посредником между Григорием и лангобардским королем. Он принял титул патриция и принял римских послов с большой pompой и почестями, отправив их домой со многими богатыми подарками. Но его собственным делегатам, сопровождавшим их, было поручено примирить папу и короля, а не обещать помощь одному против другого. Так случилось, что и Карл, и Григорий были в этот момент на краю могилы: оба умерли в следующем году (741), и прошло некоторое время, прежде чем суждено было произойти первому активному вмешательству франков в защиту папства.

Насколько неуместными были действия папы Григория, показывает тот факт, что в следующем году Лиутпранд пришел к соглашению с Римским престолом. [Лиутпранд дарует мир папе римскому, 742. | После восшествия на престол папы Захарии, который пообещал больше не оказывать помощи мятежному герцогу Сполето, Лиутпранд восстановил города, отнятые им у римского герцогства, и даровал мир на двадцать лет. Он даже сделал большие пожертвования римским церквям и подарил Захарии несколько ценных поместий. И все же гнев пап никоим образом не был утолен: в глубине души они ненавидели лангобардов, как если бы те все еще были арианами или язычниками, и только ждали новой возможности для заговора против них.

Между тем Лиутпранд умер в мире в 743 году, после правления, длившегося тридцать один год, за который он присоединил к своему королевству большую часть Экзархата, расширил границы Италии на север и восток против баварцев и славян и довел беневентских и сполетанских герцогов до непривычного состояния раболепия. Никто, кроме его врагов пап, никогда не выдвигал каких-либо обвинений против его личности, и он, по-видимому, был самым любимым королем своего времени, которому лучше всего служили. Мы с удовольствием читаем, что он умер в мире до того, как ужасное вторжение франков начало поражать землю, которую он так хорошо охранял. Возможно, для Италии было бы лучше, если бы он был менее добродетельным и набожным государем: менее умеренный правитель завершил бы свою завоевательную карьеру взятием Рима и таким образом предотвратил бы бесчисленные бедствия, которые Рим собирался навлечь на весь итальянский полуостров.

ГЛАВА XVII

КАРЛ МАРТЕЛЛ И ЕГО ВОЙНЫ

720-41

Войны с саксами и фризами—Миссионерские предприятия святого Бонифация—Сарацины в Септимании и Аквитании—Карл выигрывает битву при Пуатье—Восстание и подчинение герцога Гунольда Аквитанского—Карл и папство.

Имя Карла Мартелла обычно помнят как имя победителя при Пуатье, но, хотя разгрому вторжения сарацин в Испанию было суждено стать величайшим из его достижений, его борьба с ними была лишь одной из длинной череды войн, которые велись против всех рас неверных, окружавших Франкское королевство. Только на двенадцатый год своего пребывания на посту мэра он сам вышел на поле боя, чтобы противостоять захватчику с юга. До этого года его гораздо больше заботили соседи-язычники из его собственной Австразии, и, должно быть, он сравнительно мало думал об опасности, грозившей далекой Аквитании и ее полунезависимому герцогу.

Карлу сначала пришлось иметь дело с саксами. Чтобы наказать их за вмешательство во франкскую гражданскую войну 714-20 годов, он возглавил несколько экспедиций в долину Везера и продвинул франкскую границу до Тевтобургервальда и верховьев Липпе и Рура. Фризы уже покорились ему, но он пришел к выводу, что их почтение ничего не стоит до тех пор, пока они не примут христианство, и поэтому он использовал все свое влияние, чтобы заставить их герцога Альдгисла сотрудничать в обращении его подданных. [Войны Карла в Германии, 730 год.] Герцог, справедливый и миролюбивый принц, был не против этого плана, и под его гарантии епископ Утрехтский Виллиброрд направил миссионеров по всем округам Фризии. В течение одного поколения они обратили в христианство большую часть страны, но восточно-

фризские жители сильно отставали от остальных в принятии Евангелия, и их обращение должно было быть отложено до правления сына Карла.

С Фризией и Саксонией было покончено, и следующей задачей великого бургомистра стало восстановление франкского сюзеренитета над Баварией, который исчез более восьмидесяти лет назад. Но прежде чем он смог выполнить эту задачу, его вызвали на Запад для подавления нейстрийского восстания. Знать северной Галлии, несмотря на свое глубокое унижение при Винси и Суассоне, вновь восстала при Рагинфреде, покойном мэре Хильперих II. Но восстание рухнуло при первом появлении Карла, и враг сложил оружие, Рагинфред лишь оговорил, что сохранит свое графство Анже, выдав своих сыновей в качестве заложников (724).

Следующие три года были заняты покорением юго-восточной Германии. Двигаясь на восток через Швабию, воинов которой он вынудил сопровождать его на поле боя, Карл двинулся против баварцев. После ожесточенных боев, длившихся более трех кампаний, он вернулся с триумфом, с большой добычей, отрядом заложников и покорностью герцога Хакберта. Лояльность баварцев все еще была очень ненадежной, но что-то было сделано для укрепления давно забытого сюзеренитета франков. Встревоженный подчинением Баварии, швабский герцог Лантфрид восстал, но Карл убил его в битве и отказался назначить какого-либо герцога вместо него, чтобы Швабии было легче объединиться с соседними округами, когда она потеряла принца, чей титул символизировал ее отдельное единство (730).

В то время как Карл сражался с восточными германцами мечом, он не пренебрегал другими великими средствами привязки их к Франкскому королевству. |Миссия Бонифация в Германию.| Именно во время своих саксонских и баварских войн он оказал свое покровительство ревностному западносаксонскому монаху Уинфриту, неутомимому проповеднику и организатору, который заслужил имя 'Апостола Германии' своей долгой работой среди баварцев, тюрингенцев и гессенцев. Проведя некоторое время с епископом Виллибрордом в Утрехте, Уинфрит отправился на восток в поисках более новых и диких полей для своей деятельности. Сначала он обосновался среди жителей Гессена, где после смерти святого Зюдберта не видели ни одного миссионера.^[44] Здесь он добился такого успеха, что вскоре вся земля стала считаться христианской. Папа Григорий II, услышав о его триумфах, послал за ним в Рим и посвятил его в сан миссионера-епископа всей Заграничной Германии. Поклявшись в безоговорочном повиновении Апостольскому престолу от имени себя и всех своих новообращенных, Уинфрит — или, как его чаще называют в последние годы жизни, Бонифаций — вернулся на Север с папской верительной грамотой, рекомендующей его мэру Австразии. Карл с величайшим рвением взялся за поддержку нового епископа: 'Без помощи принца франков, - писал Бонифаций, - я не смог бы ни управлять моей церковью, ни защищать жизни моих священников и монахинь, ни удерживать моих новообращенных от приобщения к языческим обрядам'. Именно страх перед гневом Карла удержал диких жителей Гессена и тюрингии от убийства безоружного миссионера, когда он появился среди них с жизнью в руках и срубил священный дуб Воден во Фрицларе в присутствии тысяч зрителей-язычников. В течение следующих тридцати одного года (723-54) Бонифаций шел вперед, завоевывая и для того, чтобы завоевывать, церкви и аббатства росли повсюду под его рукой, в регионах, где христианское имя никогда прежде не было известно.

44. См. стр. 263.

Пока Карл был занят на австразийской границе, на Юге надвигалась новая буря. Испанские сарацины снова пересекли Рону и Севенны, чтобы захватить южную Галлию. К счастью для франков, усилия мусульман были весьма нерегулярными; правители Испании, как правило, были больше озабочены сохранением собственной власти в борьбе с восставшими наместниками, чем расширением границ ислама. Центр управления в Дамаске находился так далеко, что власть халифа проявлялась лишь в редкие промежутки времени, и, как правило, различные арабские и берберские вожди, представлявшие суверена, были заняты смещением и убийством друг друга. За первые сорок лет мусульманского правления в Испании сменилось не менее двадцати вице-королей, семеро из которых покончили жизнь самоубийством.

Мы уже рассказывали о катастрофическом исходе экспедиции Эль-Самаха против Тулузы в 721 году. [Завоевания арабов в Галлии.] Только в 725 году сарацины снова зашевелились; в том же году эмир Анбаса ибн Йохим выступил из Нарбонны с большой армией и покорил Каркассон, Нисм и остальную северную Септиманию вплоть до Роны. Он разместил гарнизоны во вновь завоеванных городах, а затем переправился через реку и в разгар лета совершил стремительный рейд через Бургундию до Отуна. Уволив Аутона, он с такой скоростью вернулся в Испанию, что франки были совершенно не в состоянии догнать его. Но Анбаса умер до истечения года, и в течение семи лет его преемники были слишком увлечены борьбой друг с другом, чтобы возобновить атаку на христианский мир. Эдо, герцог Аквитании, воспользовался передышкой, чтобы заручиться дружбой Османа бен абу Незы, мусульманского губернатора Септимании, которого он привлек на свою сторону, выдав за него замуж свою дочь. Вероятно, полагаясь на помощь своего зятя, Эдо в 731 году восстал против франков и вновь объявил себя независимым герцогом Аквитании. Войны с Эдо Аквитанским. [Карл переправился через Луару, разбил Эдо на поле боя и опустошил страну вплоть до ворот Бордо. Герцог, однако, упорствовал в своем сопротивлении, пока не узнал, что еще один враг собирается напасть на него. Его зять Осман восстал против Абдерахмана, вице-короля Испании, и потерпел поражение и был убит. Усмирив мятежника, Абдерахман решил выступить против союзника и тестя Османа. Это вынудило Эдо немедленно подчиниться своему франкскому сюзерену.

В 732 году вице-король пересек западные Пиренеи во главе самой большой сарацинской армии, которую когда-либо видела Испания, усиленной подкреплениями из Африки и Востока. Эдо перешел к обороне против него и попытался отстоять линию Гаронны, но был разбит с потерей почти всей своей армии. [Абдерахман вторгается в Галлию, 732 год.] Он бежал за Луару и отдался на милость Карла Мартелла; тем временем сарацины взяли штурмом Бордо и медленно продвигались вперед, опустошая местность со всех сторон, пока не подошли к Пуатье. На этот раз они пришли сюда не для простого набега, а для окончательного завоевания Аквитании, возможно, даже с намерением напасть и на Нейстрию. Возглавляемые самым сильным и популярным вице-королем, которого когда-либо знала мусульманская Испания, и насчитывающие не менее семидесяти-восемидесяти тысяч человек, они не ставили границ своим желаниям.

В час опасности великий Управляющий Дворцом не испытывал недостатка. Он не бросился поспешно на поле боя, а собрал все силы обоих франкских королевств, хотя больше всего полагался на своих собственных австразийцев. Возглавляя армию, подобной которой не видели с первых дней монархии — ибо никогда Нейстрия и Австразия не объединялись для экспедиции такого масштаба, — он пересек Луару близ Тура и двинулся навстречу Абдерахману. Это было недалеко от Пуатье *"в пригороде Пиктавьенси"*, когда два великих войска столкнулись друг с

другом, хотя по какой-то причуде хрониста именно Тур дал название битве на страницах многих наших историй. Абдерахман и Чарльз оба чувствовали, что им предстоит участвовать не в каком-то общем соревновании. Судьба Аквитании, возможно, всей Галлии, могла бы в значительной степени зависеть от результата предстоящей битвы между христианами и мусульманами. В течение семи дней два войска стояли напротив друг друга, каждое ожидая наступления врага; наконец Абдерахман перешел в наступление, и его войско вышло из своего лагеря, чтобы атаковать линию фронта франков. Вряд ли сохранились какие-либо подробности великой битвы: мы знаем только, что сарацинские всадники тщетно пытались обойти непробиваемые массы франкской пехоты, чья прочная стена щитов "была примерзла к земле, как ледяной вал". [Битва при Пуатье, 732 год.] Австразийцы приняли на себя основную тяжесть сражения; 'люди Востока, огромные ростом и с железными руками, рубились долго и яростно; именно они разыскали и убили сарацинского вождя'. Битва продолжалась до наступления ночи, когда захватчики отступили, оставив Абдерахмана и еще много тысяч человек лежать мертвыми перед линией фронта франков. В темноте у арабов было время подсчитать свои потери, которые были настолько ужасающими, что они поспешно бежали, чтобы не выдержать еще одного дня боев. Их палатки, битком набитые всей добычей Аквитании, их багаж и военные припасы, тысячи лошадей и огромные груды оружия попали в руки победоносных франков. Так закончилась опасность для западного христианского мира со стороны мусульманских захватчиков, опасность, которая нередко преувеличивалась, особенно французскими писателями, стремящимися прославить австразийского мэра, которого они решили превратить во французского национального героя. Вполне вероятно, что даже если бы Абдерахман одержал победу, в его руки не попало бы ничего, кроме герцогства Аквитания, поскольку это вторжение после ухода из Бордо выродилось во вторжение с целью грабежа, подобное тому, которое в 725 году закончилось разграблением Аутона. Мусульмане Испании проявили себя за последние сорок лет настолько мятежными и неуправляемыми, что мы не можем поверить, что даже под руководством лидера исключительных способностей они продержались бы вместе достаточно долго и лояльно, чтобы обеспечить завоевание центральной Галлии. Нейстрия и тем более Австразия были государствами, сильно отличавшимися по степени могущества от дряхлой вестготской монархии, павшей в 711 году. Даже если бы Пуатье преуспел как Атаман, у франков было достаточно силы и мужества, чтобы выдержать еще много таких ударов, и мы можем усомниться в суждениях Гиббона, когда он рисует свой мрачный прогноз вероятных результатов победы Абдерахмана, заканчивающийся картиной Муэдзина, призывающего истинно верующих к молитве в Высокогорье Шотландии, и моллахов Оксфорда, спорящих об атрибутах Унитарного Божества.

Остатки сарацинского войска не пытались удержать Аквитанию, а поспешно бежали через Пиренеи, так что герцог Эдо смог вновь оккупировать Бордо и Тулузу и снова править всеми своими бывшими владениями в качестве вассала франков. Тем временем Карл вернулся в Австразию, нагруженный добычей, и был провозглашен всем западным христианским миром как величайший завоеватель со времен Константина. Франкские поэты и хронисты продолжали праздновать его триумф с таким пылом, что вскоре всему миру стало известно, и он поверил, что он убил 375 000 сарацин, потеряв не более 1500 человек со своей стороны! Если бы только он был большим любимцем Церкви, то вошел бы в историю как равный своему внуку, Карлу Великому. Но рвение, с которым он содействовал обращению Германии и поражал неверных, не искупало в глазах монашеских историков того своеволия, с которым он обошелся с галльской церковью. Поскольку он изгонял епископов и запрещал проводить синоды без его

разрешения, а иногда возлагал военное бремя на церковные земли, он получал очень нерешительное благословение от летописцев своего времени.

Карл потратил годы, последовавшие за его великой победой, на упорядочение управления Бургундией, где он заменил большинство графов и герцогов своими сторонниками, и на завершение подчинения Фризии. Миротворительного герцога Альдгисла сменил свирепый язычник по имени Боддо, на которого вскоре был вынужден напасть великий мэр, когда тот начал убивать или изгонять миссионеров Виллиброрда и Бонифация. Убив Боддо в битве и уничтожив все языческие святилища во Фрисландии, Карл оставил страну настолько укрощенной, что она не восставала снова целых двадцать лет.

Однако в 735 году на юге начались новые смуты. Герцог Эдо умер, и Карл решил, что настало время для полного объединения великого южного герцогства с Франкским королевством. Он проехал по стране и заставил ее жителей оказать ему почтение, но их покорность была всего лишь результатом страха, и когда он вернулся домой, южане провозгласили сына Эдо Гунольда своим герцогом. Гунольд, вероятно, был бы низложен, если бы сарацины снова не зашевелились. | Войны с Гунольдом Аквитанским, 735-40. | Возглавляемые Юсуфом абен Абдерахманом, сыном вождя, павшего при Пуатье четыре года назад, они совершили вылазку из Нарбонны, переправились через Рону и захватили древнеримский город Арль. 736-39 годы были в основном заняты отражением трех последовательных мусульманских вторжений в юго-восточную Галлию, и Карл был настолько поглощен этой борьбой, что согласился признать Гунольда герцогом Аквитании, чтобы у него были полностью развязаны руки для более масштабной борьбы. Полный успех, наконец, увенчал его оружие: Прованс был очищен от арабов; Арль и Авиньон, которые неверные захватили и некоторое время удерживали, были возвращены; Нисм, Агде и Безье, которыми они владели со времени великого вторжения в Септиманию в 725 году, были взяты, разграблены и сожжены, и большое войско было разбито перед Нарбонной. Этот город, однако, еще не попал в руки франков; вместе с южной половиной Септимании он все еще оставался сарацинским форпостом, прикрывавшим перевалы в восточных Пиренеях. Еще двадцать лет ей было суждено оставаться непокоренной; не Карлу, а его сыну было суждено продвинуться вперед по франкской границе до подножия гор. Тем временем испанские сарацины, напуганные сокрушительными ударами Карла Молота, отказались от попыток продвинуться на север и погрузились в череду утомительных гражданских войн.

Пока Карл был занят своей сарацинской войной, король-марионетка Теудерих IV, от имени которого он правил последние семнадцать лет, случайно умер. | Четыре года без короля, 737-42. | Королевское имя стало значить так мало, что великий мэр не стал искать следующего наследника бездетного короля и короновать его, а правил последние четыре года своей жизни без какого-либо сюзерена. Сам он, однако, не принял королевский титул, но продолжал именоваться мэром, принцем или герцогом франков; его не заботили ни имя, ни стиль, пока реальная власть была в его руках.

Отвоевание Прованса и северной Септимании было последним триумфом великого мэра. Но четыре года, которые ему еще предстояло прожить, были не лишены значения. В 738 году он вынудил вестфальских саксов на Липпе и Эмсе засвидетельствовать ему почтение и заплатить дань. В 739 году организация южногерманской церкви была завершена возведением четырех епископств в Баварии, которые считали Бонифация, ныне архиепископа всей Заграничной

Германии, своим митрополитом. Таким образом, Бавария стала церковно неотъемлемой частью Франкской церкви, хотя политически она уже стала неотъемлемой частью Франкской империи. | Папа просит помощи у Карла, 739 год. | Но хотя Карл был твердым сторонником Церкви в своих собственных владениях, он не вмешивался в церковные споры за пределами своих границ. Папа Григорий III. вступил в борьбу с лангобардским королем Лиутпрандом и пригласил благочестивого правителя франков выступить в поход против врага Церкви. Но Карл отказался; Лиутпранд оказал ему некоторую помощь против сарацин, и он не собирался нападать на старого союзника только потому, что лангобарды поссорились с папой из-за герцогства Сполето.

Летом следующего года великий мэр начал чувствовать, что его здоровье ухудшается, хотя ему еще не исполнилось пятьдесят четвертого года. Он решил навести порядок в своем доме до того, как рука смерти коснется его, и созвал на встречу с собой великий совет всех франкских королевств. С его одобрения он передал управление королевством своим сыновьям. Не было короля Меровингов, права которого нужно было принимать во внимание, как Теудериха IV. умер четыре года назад и не оставил преемника. | Карл делит свое королевство. | Соответственно, Чарльз и совет поступили с землей так, как если бы она уже стала законным наследством дома Св. Arnulf. У великого мэра было трое взрослых сыновей; двое, Карломан и Пиппин, были отпрысками его жены Ротрудис, третий, Грифо, был сыном Сванхильдис, баварской дамы, которую он взял в наложницы во время своей баварской кампании 725 года. На вид им было двадцать семь, двадцать шесть и семнадцать. Карл передал власть над Австразией и Швабией Карломану, а над Нейстрией и Бургундией - Пиппину. Говорят, что он также намеревался оставить Грифо небольшое владение на границе Нейстрии и Австразии. Бавария и Аквитания, два великих вассальных герцогства, не были названы при разделении, хотя первое попало под влияние Карломана, а второе - Пиппина.

Вскоре после того, как он завершил это разделение своих владений, Карл умер в Серизи-на-Уазе 21 октября 741 года. Он завершил работу, за которую взялся его отец, Пиппин Младший, поскольку древние границы Франкской империи теперь были повсюду восстановлены, Аквитания и Бавария были низведены до вассалитета, христианство теперь прочно укоренилось во Фризии, Тюрингии и Гессене. | Дело всей жизни Чарльза. | Трудности, с которыми он столкнулся, были намного серьезнее тех, с которыми пришлось столкнуться его отцу. Он спас состояние дома Св. Арнульф из самых низов, — хотя Австразия была разделена, хотя Нейстрия была враждебна, и хотя энергичный король на этот раз покачивал франкским скипетром и пытался восстановить утраченные привилегии своих предков. Пробив себе путь к власти, Карлу пришлось столкнуться с единственной серьезной опасностью, с которой франки до сих пор не сталкивались. Он встретил это, не дрогнув, и ударил назойливого мусульманина так сильно, что удар не понадобился повторять. В будущем мы услышим о франкских вторжениях в Испанию, а не о сарацинских вторжениях в Галлию. Карл тогда завоевал мир снаружи и внутри, он реорганизовал Франкское королевство, поднял его на высоту могущества и славы, которой оно никогда прежде не достигало, и сделал возможной триумфальную карьеру своего сына и внука. Как поборник христианства и защитник евангелиста Германии, он заслужил еще более благородный титул почтенной памяти, и жалобы галльских епископов, которые роптали на то, что его рука была слишком сурова к Церкви, могут быть легко проигнорированы, когда мы суммируем сумму его заслуг и приветствуем его как открывателя новой и лучшей эры в истории Европы.

ГЛАВА XVIII

ИМПЕРАТОРЫ—ИКОНОБОРЦЫ—СОСТОЯНИЕ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ В VIII ВЕКЕ

717-802

Лев и защита Константинополя, 718 г.—Важность его триумфа—Социальное и экономическое состояние Империи—Упадок искусства и литературы—Суеверия и иконоборчество—Движение иконоборцев—Крестовый поход Льва против изображений—Константин Копроним и его преследования—Успешные войны Константина V.—Меньшинство Константина VI.—Интриги и триумф Ирины—Восстановление поклонения изображениям—Конец династии Исауров, 802.

В марте 717 года Лев Исауриец стал хозяином Константинополя, в то время как его предшественник Феодосий III отрекся от престола и отказался продолжать гражданскую войну, начавшуюся годом ранее. Вероятно, его отставка была вызвана как страхом перед наступлением сарацин, так и страхом перед Львом, поскольку армии халифа Солимана уже опустошали Фригию и Каппадокию и медленно продвигались к Босфору. Ничто, кроме сознания собственной способности остановить нарастающий поток мусульманского вторжения, не могло оправдать действия Льва, поднявшего оружие против Феодосия в такое опасное время; но, к счастью для империи, он не переоценил свою силу, и ему было суждено показать, что он полностью способен противостоять ситуации. [Лев Исауриец, 717-40.] Он был еще молод, но его жизнь уже была полна происшествий и приключений; он был сыном довольно богатых родителей, которые переселились из исаурийских областей Тавра во Фракию. Он вступил в армию во время второго правления Юстиниана Ринотмета и, хорошо послужив ему, навлек на себя подозрения тирана и был отправлен в опасную экспедицию на Кавказ, из которой ему не суждено было вернуться. Но он избежал многих опасностей среди аланов и абазгов этих отдаленных регионов и благополучно вернулся, чтобы быть назначенным Анастасием II наместником азиатской темы. Он был активным, предприимчивым, настойчивым человеком, обладавшим организаторским талантом, огромной способностью завоевывать любовь солдат и железной рукой. Его более поздняя карьера показывает, что он был не просто хорошим солдатом, но и тем, кто глубоко заглядывал в причины происходящего и формировал свои собственные взгляды на политику и религию.

Льву было предоставлено всего пять месяцев на подготовку к долгожданному вторжению сарацин. Он потратил это время на накопление огромных запасов провизии, вербовку гарнизона Константинополя и укрепление его укреплений. 15 августа Мусульманин с армией из 80 000 сарацин появился на побережье Вифинии; несколько дней спустя сирийский флот численностью более 1000 человек появился в Пропонтиде, принял армию Мусульманина на

борт и переправил ее во Фракию. Сухопутные войска сарацин сразу же начали блокаду столицы с суши, в то время как часть флота двинулась в Босфор, чтобы занять позиции таким образом, чтобы блокировать устье Золотого Рога, в котором укрылся императорский флот. Лев нанес свой первый удар, когда сарацинские суда проходили вверх по Босфору; выйдя из Золотого Рога со множеством галер и брандеров, он атаковал врага, когда тот пытался пройти через пролив, и сжег двадцать военных кораблей. [Мусульмане осаждают Константинополь.] Затем сарацинский адмирал спустился к южному выходу из Босфора и оставил северный выход свободным для римлян, так что Лев мог продолжать доставлять припасы из Черного моря.

Таким образом, блокада Константинополя была несовершенной, и мы без удивления узнаем, что, хотя сарацины в своем лагере на фракийской стороне пролива серьезно страдали от холодов необычайно суровых осени и зимы, гарнизон внутри стен был хорошо накормлен, а также хорошо расквартирован и продолжал расти в уверенности в себе. Мусульманин поспешно послал за подкреплением, и халиф с рвением поддержал его; весной 718 года вторая сухопутная армия выступила из Тарса в Халкидон и заняла вифинский берег Босфора, в то время как большой флот из Африки и Египта присоединился к блокирующей эскадре и пришвартовался в Калосагросе на восточной стороне Босфора, чтобы наблюдать за устьем Золотого Рога и перекрыть сообщение города с Черным морем.

Сохранение свободного водного пути на север было крайне важно для обороны. Соответственно, Лев решил приложить все усилия для уничтожения египетского флота. Его галеры, многие из которых были оснащены устройствами для выпуска знаменитого греческого огня, внезапно отплыли и обрушились на сарацинские корабли, стоявшие на якоре у азиатского берега. Многие экипажи египетских кораблей были христианами, вынужденными находиться на борту против их воли; эти люди либо дезертировали к империалистам, либо сбежали на берег и рассеялись. Моряки-мусульмане на борту оказали некоторое сопротивление, но, будучи застигнутыми на якоре и неспособными к маневру или бегству, вскоре были побеждены. Вся блокадная эскадра была сожжена или с триумфом отбуксирована обратно в Константинополь. Остальной флот Мусульманина больше не предпринимал попыток перекрыть Босфор и позволил римским галерам господствовать в его водах. Затем Лев перебросил войска на вифинский берег и рассеял сарацинские войска, стоявшие там лагерем. Таким образом, мусульманская армия была отрезана от Азии и не могла больше получать оттуда припасы. Он уже истощил жителей ближайших районов Фракии и к лету 718 года был доведен до грани голодной смерти, живя впроголодь тем, что могли добыть его фуражиры. Многие уже погибли от лишений, когда мусульманин услышал, что большая болгарская армия пересекла Балканы и движется против него. Лео, очевидно, убедил короля Тербела в том, что вторжение сарацин в Европу так же опасно для него, как и для империи. Мусульманин выделил часть своей армии, чтобы сдерживать болгар, но близ Адрианополя она была полностью разбита варварами. Арабские историки признают, что в ходе разгрома пало 22 000 человек.

Это заставило Муслима снять осаду. Его флот принял на борт остатки сухопутной армии и высадил их на берег близ Кизика. [Снята осада Константинополя, 718 год.] Оттуда он пробился обратно в Тарс, но из более чем 100 000 человек, составлявших его первоначальную армию, и ее подкреплений Мусульманин привел с собой только 30 000. Флоту пришлось еще хуже: он попал в шторм у ликийского побережья и был почти полностью уничтожен. Римляне захватили многие из уцелевших кораблей, и говорят, что только пять судов из тысячи вернулись в Сирию.

Так погибло последнее сарацинское вооружение, которое когда-либо серьезно угрожало существованию Восточно-Римской империи. Это была, пожалуй, самая грозная экспедиция, которую когда-либо отправляли халифы, гораздо более крупная и лучше оснащенная, чем разбойничьи банды, которые с такой легкостью захватили Африку и Испанию несколько лет назад, или армия, с которой Карл Мартелл столкнулся при Пуатье несколько лет спустя. Немалым достижением Льва Исаврийца было то, что, еще не прочно восседая на своем троне и когда все его азиатские провинции уже были захвачены врагом, он с легкостью отбил такое могучее вооружение. Его успех следует приписать в первую очередь его собственному мужеству, энергии и мастерству, затем неприступной силе стен Константинополя и, наконец, неопытности арабов на море, которая вынудила их использовать на своих галерах моряков-христиан, не желавших этого, и помешала им сколько-нибудь адекватно использовать свое сиюминутное военно-морское превосходство. Флот Мусульманина, по-видимому, был таким же бесполезным и громоздким, как флот Ксеркса. Но, как бы сильно ему ни помогли ошибки его врага, Лев Исавриец заслуживает благодарности всех будущих веков за то, что остановил продвижение сарацинских захватчиков в момент, когда в Восточной Европе не было другой силы, которая могла бы на мгновение задержать наступление мусульман. Если бы Константинополь пал, совершенно очевидно, что варварские языческие племена, населявшие всю восточную и центральную Европу, стали бы подданными халифа и приверженцами ислама. У болгар, авар или славян не было способности к длительному сопротивлению; и если бы Восточно-Римская империя пала, волна сарацинского вторжения смела бы все до нее вплоть до границ Австразии. Смогли бы франки выстоять, если бы их атаковали не только с юга, но и с востока, - это очень сомнительно. Поэтому справедливо приписать Льву Исаврийцу еще большую роль в спасении Европы от мусульманской опасности, чем Карлу Мартеллу.

После провала мусульманства победоносному Льву была предоставлена передышка, за которую он мог реорганизовать разрушенное королевство, оставленное ему его предшественником. Хотя сарацинская война все еще продолжалась, и пограничные набеги не прекращались до самого конца его правления, все же в этих последних расправах не было серьезной опасности, и Лев смог обратить свое внимание на внутренние дела империи, не опасаясь, что в любой момент против него начнется опасное вторжение из-за Тавра.

Лео был реформатором и новатором во всех сферах управления. Его отношения с Церковью вызвали наибольший резонанс и лучше всего запомнились, но его деятельность была столь же велика как в светских, так и в церковных вопросах. К сожалению, большая часть записей о его реформах погибла, не сохранилось ничего, кроме его *Эклоги* или нового справочника по праву. Но сохранилось достаточно, чтобы показать характер его правления, и его последствия в последующем столетии очень заметны.

В предыдущей главе мы уже указывали, что Восточно-Римская империя находилась в состоянии быстрого упадка с середины VI века. Движение вниз, начавшееся с войн и налогов Юстиниана, ускорилось при его преемниках и угрожало фактическим разрушением империи во время правления Ираклия. То, что государство боролось со всеми своими бедами и вышло истекающим кровью из каждой поры, лишенное многих своих членов, но все еще живое, было связано с личными способностями Ираклия и его потомков Константина V. | Упадок империи. | Но хотя жизнь еще теплилась в теле государства, оно все же находилось в самом плачевном состоянии. Его чисто восточные провинции — Египет, Сирия и Африка — исчезли навсегда. Малая Азия была ужасно опустошена неоднократными вторжениями сарацин. Балканский

полуостров более чем наполовину находился в руках болгар и славян. В седьмом веке славянские племена проникли даже в Элладу и Пелопоннес, чтобы заселить там все более отдаленные и гористые уголки страны.

Бедствия VII века сопровождались массовым перемещением населения. В Европе древнее латиноязычное население Иллирии, Мезии и Фракии почти исчезло. До сих пор сохранилось лишь несколько разрозненных фрагментов, предков современных румын и далматинцев, рассеянных среди славян Балкан. В Азии старое провинциальное население сильно поредело в результате сарацинских войн, но, с другой стороны, его пополняли большие банды беженцев со всех земель, захваченных сарацинами. [Изменения в численности населения.] Многие тысячи армян и персов предпочли стать подданными императора, а не халифа, и, в частности, мардаиты, или христиане сирийских гор, массово эмигрировали в Малую Азию после многолетней борьбы в Ливане против власти сарацин. Европейские темы теперь были грекославянскими, а не греко-римскими по своему населению: азиатские были гораздо более восточными и гораздо менее греческими, чем в шестом веке. Ко времени правления Льва это изменение было полным: теперь империя была римской только по названию и административной организации. С другой стороны, он еще не стал греческим, как это должно было произойти в более позднюю эпоху. Его наиболее важным элементом в этом и следующих двух столетиях был азиатский. Исаврия, Армения и другие горные земли Малой Азии снабжали большинство правителей империи. Они не были выходцами с Востока более женственного и слабого типа — как сирийцы или египтяне, единственным проявлением энергии которых в течение многих лет было зарождение новых ересей и практика иррационального аскетизма, — но были смелой, энергичной расой, закаленной многими поколениями персидских и сарацинских войн, людьми, которые с пятого века составляли ядро восточно-римских армий.

Изменение численности населения империи сопровождалось столь же значительными изменениями в ее социальном положении. Наиболее важным из них было исчезновение старой римской системы прежнего крепостничества, огромных поместий, обрабатываемых *coloni* или крестьянами, привязанными к земле и не способными покинуть свои фермы. Это землевладение, которое продолжалось на Западе, пока не стало основой феодальной системы, на Востоке полностью исчезло между Юстинианом и Львом Исавром. [Уменьшение крепостного права.] Во времена Льва мы находим землю, обрабатываемую либо свободными арендаторами, которые обрабатывали поместья крупных землевладельцев за фиксированную арендную плату, либо деревнями свободных крестьян, занимавших свои собственные общинные земли. Весьма благоприятным результатом этих перемен стал значительный рост доли свободных по отношению к рабам по всей империи: самым важным и благотворным результатом этого было то, что правительство могло рассчитывать на гораздо большую и лучшую базу для набора в армию, чем в те прежние времена, когда крестьянин был привязан к земле и ему было категорически запрещено служить солдатом. Причиной исчезновения старых владений был, без сомнения, тот факт, что опустошительные набеги славян, персов и сарацин между 600 и 700 годами разрушили старые ориентиры и либо смели, либо вытеснили бывшее рабское население. Когда многие провинции на протяжении многих лет находились в руках внешних врагов, как это случилось со всей Малой Азией в первые годы правления Ираклия и с большей ее частью во время анархии между 710 и 718 годами, неудивительно, что старые социальные порядки, которые едва ли касались основной массы населения, имели тенденцию к исчезновению.

Исчезновение прежнего крепостного права стало изменением к лучшему в империи. Но в большинстве других вещей изменения были к худшему. Цивилизация всего королевства опустилась до очень низкого уровня по сравнению с тем, который преобладал в пятом веке. [Упадок искусств и литературы.] Искусство и литература достигли самой низкой глубины, какую когда-либо знали на Востоке. Вся литература, за исключением составления полемических религиозных трактатов, исчезла: между 620 и 720 годами у нас нет ни одного современного историка: историю того времени приходится узнавать исключительно из более поздних источников. Поэтические, научные и философские сочинения также прекратили свое существование; за исключением *Ираклиады* — войн Ираклия, рассказанных как эпос, — Георгия Писидийского, в седьмом веке не было создано ни одной поэмы. Изучение латыни настолько вымерло, что великие юридические труды Юстиниана стали бесполезными для жителей империи. Они были закрытой книгой для всех, кроме исключительно образованных, так что систематическое право почти исчезло. В различных сюжетах мы находим, что правосудие вершится в соответствии с местными обычаями, а не по древнеримским заповедям. Льву пришлось сократить и перевести Кодекс Юстиниана, чтобы сделать его либо полезным, либо понятным. При этом он опустил большие разделы книги, чтобы привести ее в соответствие с потребностями и обычаями того времени, поскольку со времен правления Юстиниана изменились как нравы, так и социальные условия. Упадок искусства был таким же быстрым, как и письма: от несчастного седьмого века до нас дошло очень мало остатков, но в тех, которые наиболее многочисленны, в монетах императоров, мы находим самую варварскую неспособность выразить простейшие формы. Лица Ираклия или Константина V. едва ли похожи на человеческие: легенды, окружающие их, написаны так плохо, что их почти невозможно разобрать: буквы плохо сформированы и плохо вырезаны.

Но самой болезненной чертой того времени было то, что упадок искусств и литературы сопровождался ростом глухих суеверий и невежества, которые показались бы невероятными древнему римлянину четвертого или даже пятого века. Хотя в Константинополе до сих пор сохранились все великие литературные произведения древности, они оказали не большее влияние на умы его правителей, чем глаза и руки его мастеров, вдохновленные великими произведениями греческой скульптуры, которые до сих пор украшают улицы. Это было время роста бесчисленных глупых суеверий, колдовства и некромантии, создания диких легенд об апокрифических святых и странных неправильных представлений о природных явлениях.

Одним из наиболее ярких признаков этого роста иррациональных суеверий была сильная тенденция седьмого века к поклонению образам — иконодулию, как называли эту практику его противники. В прямом противоречии с раннехристианским обычаем стало обычным приписывать самые странные и магические силы изображениям, будь то скульптурным или раскрашенным, Нашего Господа и Святых. [Поклонение образам.] Они не просто считались полезными памятниками для воспитания благочестия верующих, но считались обладающими присущей им самим святостью и способными творить самые удивительные чудеса. Ираклий обладал и повсюду носил с собой в качестве фетиша картину, которая, как он верил, была написана на небесах ангельскими руками, и думал, что она приносит ему всевозможную удачу. Считалось, что распятие над дверью императорского дворца использовало человеческую речь. Даже патриархи и епископы утверждали, что рука знаменитого изображения Богородицы в столице выделяла ароматный бальзам. Каждая церковь и монастырь имели свой чудотворный образ и получали немалый доход от благочестивых подношений ему. Причуды, к которым приводило поклонение образам, часто были самыми гротескными: например, хорошо известна

практика изображать любимого крестного отца ребенка при крещении, соскребая немного краски и смешивая ее с крещальной водой.

Поступок, за который лучше всего помнят имя Льва Исаврийца, - это издание им эдикта против этих ребяческих суеверий и его попытка искоренить поклонение изображениям по всему своему королевству. Лео был не только человеком с сильным здравым смыслом, но и выходцем из тех земель на границе с Мусульманством, где у христиан была лучшая возможность сравнить грубое и материальное преклонение своих единоверцев перед камнями и красками с суровым духовным поклонением последователей ислама. Мусульманин всегда насмехался над христианином, говоря, что он служит идолам, и эта насмешка находила слишком много оправдания во многих обычаях вульгарных людей. Мыслящие люди, подобные Лео, были тронуты насмешкой мусульман и пришли в ужас от суеверных безумств своих современников. [Иконоборчество.] Они укрепляли себя во мнении, что создание резных или раскрашенных изображений Нашего Господа отдает ересью, потому что это слишком сильно подчеркивает Его человечность в противовес Его божественности. Такая идея не была чем-то новым: она часто обсуждалась среди восточных христиан, хотя чаще раскольниками, чем католиками. Однако в ортодоксальности самого Льва не было никаких сомнений: даже его враги не могли уличить его в малейшем отклонении от веры: он отличался от них только в вопросе поклонения образам. Где бы он ни снимал распятие, он водружал простой крест - на штандарты своей армии, на ворота своего дворца, на свои деньги, на свои императорские одежды. Он возражал исключительно против антропоморфного изображения Нашего Господа и чрезмерного почитания образов святых.

Лев был не просто грубым солдатом: его родители были людьми состоятельными, и он поступил в армию в качестве императорского *адъютанта (спатиария)*, а не рядового.^[45] Поэтому вполне вероятно, что он был достаточно образован, чтобы возражать против поклонения изображениям на рациональных и философских основаниях, а не из простого бездумного предубеждения, перенятого от сарацин или еретиков. Несомненно лишь то, что с того момента, как он провозгласил свою политику, он нашел наибольшую поддержку среди высших офицеров государственной службы и армии. Образованные миряне, как правило, благосклонно относились к его взглядам: масса солдат следовала за ним, и восточные провинции в целом молчаливо приняли его реформу. С другой стороны, он нашел своих главных противников среди монахов, чьи интересы были в значительной степени связаны с поклонением изображениям, и среди низших классов, которые были слепо пристрастились к этому. Европейская тематика в целом была ему противоположна: чем дальше на запад провинция, тем более иконодольскими становились ее тенденции. Из всей империи Италия была той частью, где взгляды Льва находили наименьшую опору.

45. История о том, что он начал жизнь бедным торговцем, путешествующим на муле, - одна из многих выдумок его врагов - монахов.

Лев начал свой крестовый поход против поклонения изображениям в 726 году, через восемь лет после своей великой победы над сарацинами. К этому времени империя была успокоена и реорганизована; также были подавлены два восстания: одно при некоем Василии в Италии, другое при бывшем императоре Артемии Анастасии, который пытался вернуть себе корону с помощью болгар. Головы Василия и Артемия пали, и больше никаких неприятностей от мятежа не ожидалось. Эдикт Льва запрещал любое поклонение изображениям как непочтительное и

суеверное, а также предписывал убрать все святые статуи и побелить все святые изображения на церковных стенах. Иконоборческий эдикт Льва. С самого начала приказы императора встретили живое сопротивление. Когда его чиновники начали снимать большое распятие над воротами дворца, толпа набросилась на них и забила до смерти дубинками. Лев отправил войска для зачистки улиц, и многие бунтовщики были убиты. За этим зловещим началом последовало не менее катастрофическое продолжение. По всей империи основная масса духовенства выступила против императора: во многих провинциях они начали открыто проповедовать крамолу. Папа, как мы уже видели, рассказывая о судьбе Италии, поставил себя во главе движения и посылал в Константинополь самые оскорбительные письма. В 727 году Рим отказался подчиниться эдикту, и, что представляло более непосредственную опасность, тема Эллады переросла в открытое восстание. Войска гарнизона и население, подстрекаемые проповедями монахов-фанатиков, объединились, чтобы провозгласить некоего Косму императором. Они снарядили флот для нападения на Константинополь, но он потерпел поражение, а мятежный император был взят в плен и обезглавлен. Однако даже враги Лео признают, что он относился к основной массе заключенных и теме мятежников с большой мягкостью. Действительно, он редко наказывал неподчинение своему эдикту смертью: побои и тюремное заключение чаще всего были наградой тем, кого иконоподулы называли героями и исповедниками истинной веры. Лев был полон решимости выполнить свой эдикт, но по натуре он не был гонителем: его враги были наказаны как бунтовщики, а не как почитатели образов, точно так же, как в царствование Елизаветы Английской пострадал иезуит, но не как папист, а как предатель. Лев низложил престарелого патриарха Германа за отказ работать с ним, но больше не причинил ему вреда.^[46] В целом, он работал, продвигая иконоборцев, а не жестоко обращаясь с иконопочитателями.

46. Рассказы о страданиях Германа - позднейшие выдумки писателей-иконпочитателей.

Последние тринадцать лет правления Льва (727-40) были в целом временем успеха для императора. Ему удалось добиться исполнения своего эдикта на большей части империи, несмотря на некоторое открытое и более тайное сопротивление; только Италия бросила ему вызов. От отвоевания Рима его удержала необходимость обеспечить оборону Востока, поскольку в 726 году халиф Хишам, без сомнения, узнав о домашних неурядицах Льва— снова начал вторгаться в азиатские темы. Войны с сарацинами. В 727 году сарацинское войско продвинулось вперед до Никеи, где было отброшено и вынуждено отступить. Были менее грозные вторжения в 730, 732 и 737-8 годах, но ни одно из них не привело к каким-либо серьезным потерям, и граница империи прочно закрепилась на перевалах Тавра. Сарацинская война практически закончилась великой победой, одержанной Львом лично при Акроиноне, в Анатолийском феме, где армия из 20 000 арабских налетчиков была разбита на куски с потерей всех своих вождей. Дом Омейядских халифов уже был на грани упадка: он никогда больше не готовил экспедиции, сравнимой по мощи с огромным вооружением мусульманства, которое Лев так эффективно отбросил назад в 718 году, и его более поздние правители не были похожи на тех фанатичных завоевателей, которые сократили границы империи в предыдущем столетии. Лев эффективно предотвращал любую неминуемую опасность для восточного христианского мира со стороны мусульманского завоевания на целых три столетия.

Льву наследовал его сын Константин, пятый носитель этого имени по обычным подсчетам, шестой, если внуку Ираклия дать его настоящее имя, а не ошибочный титул Констанс II. Второй из исаврийских императоров, однако, менее известен по цифре, прикрепленной к его имени,

чем по оскорбительному эпитету Копроним, которым наградили его враги—иконопочитатели, демонстрируя тем самым скорее свой дурной вкус, чем какое-либо недостойнство со стороны своего государя.

На момент своего восшествия на престол Константину было двадцать два года. Он долгое время был коллегой своего отца, был тщательно обучен методам управления Льва и усвоил его иконоборческие взгляды. [Константин Копроним, 740-75.] Похоже, что он, хотя и унаследовал в значительной степени энергию и способности своего отца, уступал ему в двух отношениях. Лео сочетал осторожность с храбростью и умел проявлять умеренность. Константин был дерзок до крайности, не понимал полумер или терпимости и проводил в жизнь все планы с высоко поднятой рукой. Более того, в то время как личная жизнь Льва была безупречной и даже суровой, Константин был приверженцем удовольствий, любил помпезность и зрелища, предавался музыкальным и театральным развлечениям и иногда впадал в разврат. Отсюда легко понять, почему хронисты следующего столетия относились к нему еще более сурово, чем к его отцу, и изображали его чудовищем жестокости и порока.

Едва сев на трон, Константин показал, что полон решимости продолжать политику своего отца. Он сразу же подвергся нападению со стороны иконодульской фракции: они побудили его шурина Артавазда, полководца обсекианской темы, захватить столицу и провозгласить себя императором, в то время как Константин отсутствовал в экспедиции против сарацин. Все европейские темы, где имиджмейкеров ненавидели, отдавали дань уважения Артавазду. Но анатолийская и фракийская тематика, сердце Малой Азии, осталась верна сыну Льва. Он продемонстрировал свою энергию и способности, победив сыновей Артавазда в двух битвах и осадив мятежников в Константинополе. Когда город был практически уничтожен голодом, Артавазд бежал, но его поймали и привели к Константину. Император приказал ослепить его и его сыновей и заточил их в монастыре. Их главные приверженцы были обезглавлены (742).

Этот кровавый урок иконодульской партии, по-видимому, напугал их до такой степени, что они не подняли еще одного открытого восстания за долгое правление Константина (740-775). Но они, как всегда, были верны своей вере: ничто так трудно искоренить, как хорошо укоренившееся суеверие, и сильная рука Константина была лучше приспособлена для устрашения, чем для убеждения. По мере того как проходили годы его правления и он обнаруживал, что поклонение образам тайно практикуется тысячами добросовестных приверженцев, император все больше и больше преисполнялся решимости искоренить его. Через некоторое время он решил призвать духовную санкцию на помощь светской руке: в 753 году он созвал генеральный собор в Константинополе, но вселенским он был только по названию. Папа ответил оскорбительной анафемой на призыв явиться; патриархи Антиохии, Иерусалима и Александрии, находившиеся в безопасности под защитой халифа, отрицали свое присутствие. [Константинопольский собор, 753 год.] Но там собралось внушительное собрание из трехсот тридцати восьми епископов под председательством константинопольского патриарха Константина Силейского и Феодосия, митрополита Эфесского, сына императора Тиберия II. Этот собор полностью посвятил себя иконоборческой доктрине; он запретил все изображения Нашего Господа как богохульные ловушки за попытку выразить как Его человеческую, так и божественную природу простым подобием человека и, таким образом, затемнить Его божественность в Его человечности. В то же время он осуждал поклонение изображениям святых, поскольку любое поклонение, за исключением поклонения Божеству, отдавало язычеством и антрополатрией. У императора были и другие собственные сомнения, по

которым он не настаивал на принятии решения советом; он отрицал заступническую силу Пресвятой Девы и стеснялся добавлять эпитет ἅγιος, 'святая', к именам даже величайших святых. Он говорил, например, об 'Апостоле Петре', а не о 'святом Петре'. На эти ужасные глубины свободной мысли иконопочитатели его собственного и последующего поколения расточали выражения ужаса, достойные Ирода или Иуды.

Вооруженный декретом Константинопольского собора, император в течение оставшейся части своего правления продолжал заниматься тем, что было настоящим религиозным преследованием, поскольку он преследовал идолопоклонников как еретиков, а не как мятежников или бунтовщиков. В нескольких случаях он применял смертную казнь, но большинство его жертв были выпороты, изувечены, прикованы к позорному столбу или изгнаны. Самые упорные сторонники иконодули были найдены среди монахов, которые не только сопротивлялись сами, но и никогда не переставали использовать свое огромное влияние на толпу, чтобы настроить ее против императора. Через некоторое время Константин решил покончить с монашеской системой, как с сильнейшим оплотом суеверий. [Преследование монахов.] Искоренить привычку к жизни, основанную на многовековой практике и высоко почитаемую толпой, было, конечно, невозможно. Монастыри могут быть подавлены, как это было во времена Реформации, только если нация встанет на сторону монарха. Тем не менее, Константин изгнал и преследовал огромное количество монахов. Он считал, что их было слишком много, что это были люди, которые уклонялись от выполнения обычных гражданских обязанностей, и что их профессия была прикрытием для эгоизма и лени. Он стремился не только разрушить монастыри, но и секуляризировать их обитателей. Однажды он собрал всех монахов и монахинь фракийской тематики и предложил им на выбор: женитьба или изгнание на Кипр. Большинство выбрало последний вариант и стало в глазах своих современников исповедниками истинной веры. В другой раз он показал на Ипподроме процессию монахов, лишенных сана, каждый из которых держал за руку монахиню, лишенную сана, на которой он должен был жениться — писатели-иконпочитатели, как и следовало ожидать, называют монахинь-отступниц 'блудницами'. Опустевшие монастыри были либо снесены ради строительных материалов, либо превращены в казармы.

Но не следует предполагать, что деятельность Константина была полностью поглощена преследованием почитателей изображений. Тридцать пять лет его правления были периодом значительной военной славы, и император, который всегда возглавлял свои собственные армии, участвовал в более чем дюжине кампаний. В Азии падение халифов Оммеядов, сопровождавшееся жестокими гражданскими войнами среди сарацин (750 г.), предоставило непревзойденную возможность для расширения границ империи. [Войны Константина.] Константин продвинулся за пределы Антавра до Евфрата; в 745 году он занял округ Коммагена и переселил всех его христианских жителей во Фракию; в 751 году он взял Мелитену на Евфрате и великую армянскую крепость Феодосиополь. Часть этих завоеваний впоследствии была возвращена первому аббасидскому халифу Абдалле Ас-Саффаху, но остальное осталось империи в качестве трофея войн Константина. Несколько попыток сарацин вторгнуться в Каппадокию и на Кипр были отброшены с большой резней, и в целом можно констатировать, что Константин успешно защитил Малую Азию от мусульманского меча и что страна снова начала расти как в богатстве, так и в населении.

Не менее полезной была его работа и в Европе. Он полностью подчинил порядку славянские племена к югу от Балкан, как во Фракии, так и в Македонии: они вышли из-под контроля во

время смуты 605-718 годов, и их нужно было усмирять заново. Константин тщательно укрепил Балканские ущелья, которые сообщаются с долиной Дуная, вновь разместив гарнизоны в разрушенных замках, построенных там Юстинианом. Это продвижение на север привело его во враждебный контакт с болгарами, которые давно привыкли разорять как славянские, так и римские районы Фракии и Македонии и не могли смириться с тем, что их окружит новая линия фортов. Константин провел три успешные войны с болгарами; первая, длившаяся с 755 по 762 год, завершилась великой победой при Анхиаде, после чего король Байан запросил мира и получил его, пообещав удержать своих подданных от набегов через Балканы. Вторая война пришлось на 764-773 годы. Константин пересек Балканы, опустошил Болгарию, убил нового царя Токту близ Дуная и готовился в следующем году завершить завоевание страны, когда весь его флот и армия были уничтожены штормом в Черном море (765). Последовали долгие и нерешительные пререкания на Балканах, и в 773 году был заключен мир на старых условиях. Последняя болгарская война, спровоцированная попыткой царя Телерига вторгнуться в Македонию в 774-5 годах, была отмечена великой победой при Литозории, но Константин умер, ведя свою армию на север, и его успехи не имели постоянного результата. Болгары не были покорены им, но их держали в страхе и настолько приручили, что они были вынуждены оставить Фракию в покое и довольствоваться защитой своих собственных дунайских равнин от нападений восточных римлян.

Сарацины и болгары были оттеснены от границы, и мы не удивлены, узнав, что империя процветала при Константине. | Внутреннее правительство Константина. | Он основал множество колоний на пустынных землях у границ, поселив христиан-эмигрантов из Армении во Фракии и многих славянских и болгарских беженцев в Вифинии. Нам рассказывают, что в его время сельское хозяйство процветало настолько, что шестьдесят мер пшеницы продавались за золотой солидус. Он истребил разбой и сделал дороги безопасными для купцов. Он обеспечил Константинополь новым водоснабжением, восстановив акведук Валенса, сломанный более ста пятидесяти лет назад. Когда столица была опустошена великой чумой в 746-7 годах, он с лихвой заменил потерянные тысячи ее населения новыми поселенцами из Эллады и с островов, для которых работа была найдена благодаря растущей торговле, последовавшей за ростом внутреннего процветания. Когда он умер в 775 году в возрасте пятидесяти семи лет, он оставил полную казну, верную и преданную армию и хорошо организованное королевство.

Константину наследовал его старший сын Лев IV, которого часто называли Львом Хазаром, потому что его мать Ирина была хазарской принцессой. Лев много лет был коллегой своего отца и продолжал политику Константина, хотя и менее сурово. | Правление Льва IV., 775-80. | В начале своего правления он проявлял терпимость к иконопочитателям, но когда они снова начали поднимать головы, он возобновил манеру преследования своего отца, избивая кнутом и изгоняя многих видных почитателей образов. Однако он не возражал против монахов, как это делал Константин, но позволил им восстанавливать свои монастыри и даже возвел некоторых из них в епископство. Вполне вероятно, что возобновление его преследований в 777 году было связано с раскрытием заговора против него, в котором его собственные братья Никифор и Христофор объединились с партией недовольных. Вероломные цезари были помилованы своим братом, а их сообщники подверглись изгнанию, а не смерти.

Лев продолжил войну своего отца с сарацинами. В 778 году его армии вторглись в Коммагену, разгромили большое войско сарацин в открытом поле и вернули под свою защиту большое количество сирийских христиан, которые были поселены во Фракии в качестве колонистов.

Халиф Мехди ответил в следующем году вторжением в Анатолию: его армия пробилась до Дорилея, но отступила в беспорядке, сильно преследуемая римлянами, после того как не смогла взять это место.

Лев отличался болезненным телосложением и умер после короткого пятилетнего правления в 780 году, не дожив до тридцати двух лет. Он оставил трон своему сыну Константину VI.,^[47] для которого императрица Ирина должна была выступать в качестве регента, поскольку мальчику было всего девять лет. Ранняя смерть Льва стала фатальным несчастьем как для иконоборческого движения, так и для исаврийской династии. Императрица Ирина, хотя ей и удавалось скрывать этот факт при жизни своего мужа, была ревностной поклонницей изображений, и в тот момент, когда бразды правления попали в ее руки, она решила изменить имперскую политику последних шестидесяти лет. |Константин VI. и Ирина.| Она начала с того, что положила конец репрессиям против икономодулей, а затем постепенно заменила старых государственных министров и губернаторов тем ее собственными созданиями. Это привело к заговору против нее; заговорщики предлагали короновать Никифора, старшего из ее шуринов, но они были обнаружены и изгнаны, в то время как все пятеро братьев покойного императора были насильно возведены в сан священников, чтобы лишить их права занимать трон.

47. Или седьмым, если считать Константина-Констанса.

Когда патриарх Павел умер в 784 году, Ирина заменила его Тарасием, ревностным почитателем образа, а затем отважилась созвать генеральный собор в Никее, на который она пригласила папу Адриана в Риме и патриархов Востока прислать делегатов. Под влиянием императрицы совет подавляющим большинством объявил законность создания изображений Нашего Господа и Святых и повелел людям воздавать им не божественное поклонение (λατρεία), а обожание и почитание (προσκύνησις). Непокорные епископы-иконоборцы были отлучены от церкви. |Восстановление поклонения образам, 785. | Действия собора вызвали мятеж императорской гвардии в Константинополе, поскольку большая часть армии все еще придерживалась взглядов исаврийских императоров. Но Ирэн преуспела в управлении беспокойными водами, подавила мятеж и сохранила свою власть.

Между тем правление ребенка и женщины оказалось катастрофическим для империи. Балканские славяне подняли восстание, и сарацины вторглись в Малую Азию. Остро ощущалась нехватка императора во главе армии, и Гарун-аль-Рашид, сын халифа Мехди, опустошил всю Анатолию и раблепные владения вплоть до Босфора. Ирен почувствовала, что не в состоянии справиться с ситуацией, и купила мир, ежегодно выплачивая 70 000 солидов (784). Вскоре после этого болгарский царь объявил войну и разорил Фракию, убив в бою полководца фракийского фема.

Среди этих бедствий Константин VI. вырос взрослым, но его мать, которая приобрела большой вкус к власти и боялась, что ее сын изменит свою религиозную политику, долго отказывалась давать ему какую-либо долю в правительстве. |Константин захватывает власть.| Она даже заставила армию поклясться никогда, пока она жива, не признавать ее сына единоличным императором. Молодой император, некоторое время пребывавший под опекой, взял дело в свои руки. На двадцать первом году жизни он отправился в лагерь анатолийских войск и там провозгласил себя совершеннолетним и единоличным правителем государства. Он изгнал любимцев своей матери и на несколько месяцев запер ее в ее собственных покоях во дворце.

Когда Константин твердо встал у руля власти, он был достаточно слаб, чтобы снова сделать свою мать своей коллегой на троне и связывать ее имя со своим именем во всех императорских указах. Амбициозная и неестественная Ирен отплатила за его доверие интригами против него. Она так полюбила власть, что решила вернуть ее любой ценой. Константин был, как и его предки, воинственным и энергичным князем. Он одержал несколько побед над сарацинами, а затем участвовал в болгарской войне. Его популярность впервые была поколеблена страшным поражением от рук болгарского царя Кардама, в результате которого он потерял большую часть своего влияния в армии. Вскоре после этого он вступил в ожесточенную борьбу с патриархом и духовенством, разведшись, несмотря на их противодействие, с женой, которую его мать навязала ему в ранней юности, и женился на Феодоте, к которой был привязан сам. [Ирэн свергает с престола своего сына, 797 год.] Зная, что Церковь разгневана на Константина за эту вспышку своеволия и что армия больше не любит его по-прежнему, злая Ирина решила нанести удар по своему сыну. Она подговорила нескольких приближенных молодого императора схватить их господина, а когда он попал к ней в руки, приказала выколоть ему глаза. Затем его замуровали в монастыре, где он прожил более двадцати лет.

Неестественная мать свергла с престола и ослепила своего сына в результате простого дворцового заговора, а не открытого восстания. Поэтому тем более удивительно обнаружить, что она смогла удерживаться у власти более пяти лет, несмотря на ужас, который вызвал ее поступок. Благодарность идолопоклонников к ней за то, что она вернула им возможность практиковать свои суеверия, частично объясняет, но нисколько не оправдывает безнаказанность, которой она пользовалась после своего жестокого поступка.

Пять лет правления Ирины (797-802) были катастрофическими как внутри страны, так и за рубежом. На ее двор влияли два жадных евнуха, Аэций и Ставраций, которым она щедро предоставляла все высшие должности. Их жалкие ссоры друг с другом - главное, что зафиксировано в анналах ее внутреннего правления. Тем временем границы были захвачены армиями Гаруна аль-Рашида. Сарацины преследовали анатолийскую и фракийскую тематику и пробились до Эфеса. Мир был заключен только тогда, когда Ирина согласилась выплачивать большую ежегодную дань халифу.

[Низложение Ирины, 802.] В 802 году чаша беззаконий Ирины была переполнена. Чтобы положить конец анархии за границей и внутри страны, несколько высших должностных лиц государства во главе с казначеем Никифором схватили ее ночью и заперли в женском монастыре. Никто не нанес удара в ее защиту, потому что ее никто не любил, даже Иконодулы, для которых она так много сделала. Никифор был провозглашен ее преемником и взошел на престол без каких-либо помех.

Так закончился род Исавров после восьмидесяти пяти лет правления. Они многое сделали для империи; ибо бедствий короткого правления Ирины было недостаточно, чтобы свести на нет солидную работу Льва III. и Константина V. Границы стали безопаснее, население больше, богатство в значительной степени возросло, армии более боеспособны, чем в начале века. Даже иконоборческие гонения, хотя им и не удалось сокрушить суеверия, принесли некоторую пользу в искоренении более грубых причуд поклонения образам. Иконоборческая партия все еще существовала и была сильна в армии и на государственной службе; мы еще раз увидим ее у власти в девятом веке.

ГЛАВА XIX

ПИППИН КОРОТКИЕ ВОЙНЫ ФРАНКОВ И ЛАНГОВАРДОВ

741-768

Мэрия Пиппина и Карломана — Их успешные войны—Бонифаций реформирует франкскую церковь—Отречение Карломана—Пиппин свергает Хильдеберта III. и принимает королевский титул—Ссора Айстульфа и папы Стефана—Папа призывает франков в Италию—Пиппин дважды покоряет Айстульфа—Экзархат, переданный папству—Мученическая смерть святого Бонифация—Завоевание Нарбонны—Долгая борьба с герцогами Аквитании—Смерть Пиппина.

События , последовавшие непосредственно за смертью Шарля Мартеля , достаточно ясно показали , что дом Св. Арнульф все еще должен был полагаться на силу меча, чтобы сохранить свое господство, и что он мог продолжать править, только продолжая производить на свет ряд способных вождей. Франкскому королевству повезло, что Пиппин и Карломан оба были разумными и энергичными людьми, хотя, возможно, они и не достигли полного расцвета величия своего отца. Не меньшей удачей было и то, что, в отличие от королей из дома Меровингов, они жили вместе в дружбе и братской любви и совместно предпринимали все замыслы.

В тот момент, когда Чарльз был мертв, неприятности посыпались со всех сторон. Грифо, младший брат двух мэров, объявил себя обиженным при разделе королевств, захватил Лаон и начал собирать армию недовольных Нейстрии. Теудебальд, брат герцога Швабии, который был свергнут в 730 году, поднял восстание аламанных в Эльзасе и Шварцвальде. Гунольд, герцог Аквитании, отказался от сюзеренитета франкской короны, в то время как саксы отказались от наложенной на них дани и вторглись в Гессен.

Весь 742-й год Пиппин и Карломан потратили на то, чтобы справиться с разразившейся на них бурей. Они начали с того, что сокрушили своего неуправляемого брата, взяли его в плен и отправили пленником в крепость в Арденнах. Затем они выступили против Гунольда Аквитанского и разорили южный берег Луары, но герцог отступил на юг без боя, а другие обязанности отозвали двух мэров, прежде чем он был покорен. Теперь их внимания требовало опасное восстание в Швабии, в самом центре их владений. | Ранние кампании Пиппина. | Они обрушились на аламанных с непреодолимой силой и вскоре подчинили себе всю землю вплоть до баварской границы. Но предстояла еще большая борьба, и, прежде чем они закончили свою задачу, два мэра решили легализовать свое несколько аномальное положение регентов при несуществующем монархе. Они разыскали и короновали Хильдериха III, последнего из Меровингов, такую же слабую тень, как и его давно умерший родственник, Теудерих IV. Итак, после шестилетнего междуцарствия у франков снова появился король.

Прошло три года, прежде чем власть Карломана и Пиппина была восстановлена во всех уголках королевства, но, наконец, Аквитания еще раз признала свои вассальные обязательства, саксы были наказаны, а попытка Баварии обрести независимость была подавлена. Борьба не обошлась без трудностей, и два мэра были настолько стеснены в средствах, что пошли по стопам своего отца, наложив лапу на церковную собственность, вынудив епископов и аббатства выделить определенную часть своих земельных владений на покрытие военных расходов короны. Другие отношения с Церковью были столь же непопулярны, хотя и менее неортодоксальны; франкское духовенство часто вело нерегулярный образ жизни, небрежно относилось к своим духовным обязанностям и предавалось всевозможным светским занятиям. [Святой Бонифаций реформирует Церковь.] Мэры поручили суровому энтузиасту-миссионеру Бонифацию искоренить это зло. На великом синоде 745 года, на который были приглашены все прелаты обоих франкских королевств, великий архиепископ начал кампанию против всевозможных церковных злоупотреблений. По его указанию были приняты каноны против аморальной жизни, множественности, предоставления льгот лицам, не имеющим духовного звания, неповиновения епископов своим митрополитам, легкомысленного принятия и отказа от монашеских одеяний и обетов, а также поощрения ереси. У Бонифация также было много проблем с теми, кто во главе с ирландским миссионером епископом Климентом отказывался повиноваться Римскому престолу, что великий архиепископ считал не менее отвратительным, чем открытое исповедание неортодоксальности. Во всех своих делах он получал ревностную поддержку Карломана и Пиппина. Церковная реформа внутри не обошлась без церковного расширения снаружи. В эти беспокойные годы правления двух мэров Бонифаций разделил новообращенные земли центральной Германии на три епископства - Вюрцбург, Эрфурт и Бурабург, которые стали епархиями соответственно Франконии, Тюрингии и Гессена. В то же время было основано его великое аббатство в Фульде, центр благочестия и учености в Трансренской Германии в последующую эпоху.

[Карломан отрекается от престола, 747.] К великому удивлению всех своих современников, мэр Карломан, завершив свою задачу по восстановлению порядка в Австразии, сложил свой меч и принял монашеское одеяние в 747 году. 'Причин никто не знал, но, похоже, им действительно двигало стремление к созерцательной жизни и любви к Богу'. Конечно, не слабость и не стремление к бесславной легкости побудили его последовать примеру своего предка Сент-Арнульфа и отправиться на поиски уединения. Он отправился в Италию, получил благословение папы Захарии и построил себе келью на горе Соракте, в Сабинских холмах. Мы услышим его имя еще раз, через семь лет после его отречения.

После ухода на пенсию своего брата Пиппин стал мэром Австразии, а также Нейстрии. Ему предстояло провести еще одну борьбу, прежде чем все будет полностью в его руках. В 747 году его брат Грифо сбежал из тюрьмы и бежал в Саксонию, откуда пытался сеять смуту. Когда умер Одило, герцог Баварский, он захватил это герцогство, заявив на него права своей матери, Сванхильдис, которая происходила из герцогского рода. Вскоре Пиппин выгнал его, и он был вынужден бежать в Аквитанию. Бавария перешла к Тассило, сыну покойного герцога.

После восстания Грифо мы читаем во франкских анналах необычную запись о том, что 'на всей земле два года царил мир' (749-50). Находясь теперь в полном владении Франкским королевством и не опасаясь врагов ни внутри, ни извне, Пиппин предпринял шаг, который, должно быть, всегда присутствовал в мозгах его предков, с того самого дня, когда чересчур поспешный Гримоальд попытался захватить королевскую власть в 656 году. Предупрежденные

судьбой Гримоальда, Пиппин Младший и Карл Мартелл скупупежно воздерживались от присвоения титула короля и свято поддерживали череду принцев-марионеток древнего рода Меровингов. Их потомок теперь был полон решимости довести фарс до конца и даже не стал дожидаться смерти слабоумного Хильдериha III, чье пустое имя в течение последних десяти лет служило главой франкских хартий и рескриптов. В начале 751 года был созван национальный совет всего королевства, который горячо одобрил смещение Чилдериha и избрание Пиппина королем. Чтобы придать этому изменению еще большую юридическую силу, Пиппин затем отправил посольство в Рим, чтобы получить одобрение папы Римского. Ее лидер Буркхард, епископ Вюрцбургский, спросил папу Захарию, 'Хорошо ли это или нет - держаться королей, у которых нет королевской власти?' | Пиппин свергает с престола Чилдериha III. | Понтифик, главным желанием которого было заручиться помощью против лангобардов, польстив честолюбию Пиппина, дал ответ, которого от него ожидали. "Лучше, - сказал он, - чтобы человек, обладающий реальной властью, носил также титул короля, а не человек, у которого есть только титул и нет реальной власти'. Получив обнадеживающее послание папы, которое он рассматривал как освобождающее его от любых религиозных обязательств, основанных на клятвах, данных несчастному Чильдериху, Пиппин еще раз созвал на заседание Великий Совет франков. Оно собралось в Суассоне в октябре или ноябре 751 года, и в древнем королевском городе Нейстрия Пиппин был впервые провозглашен королем и поднят на щите, по древнему тевтонскому обычаю, единогласным голосом всего народа, а затем помазан, как подобает христианскому монарху, великим австразийским архиепископом Бонифацием. Хильдериh был лишен своих царственных локонов и отправлен провести остаток своих дней в малоизвестном монастыре, вместо едва ли менее малоизвестного королевского поместья, в котором он до сих пор обитал.

Так возник дом св. Арнульф, наконец, достиг вершины своих амбиций, и франкский род снова получил короля, чей деятельный ум и сильная правая рука могли воплотить в жизнь титул, который на протяжении четырех поколений был всего лишь пустым звуком, пока его носили последние изнеженные Меровинги. |Пиппин в роли короля, 752-768.| Поднятый на щит австразийскими графами и герцогами, помазанный апостолом Германии, благословленный римским понтификом, Пиппин отправился завоевывать в земли, где франкское знамя не видели многие поколения. Карл Мартелл отстоял старую границу королевства, его сыну было суждено расширить его границы до регионов, где ни один франкский король никогда не имел постоянной опоры.

Деяния Пиппина Короткого за семнадцать лет его королевского правления можно разделить на три основные части. Первое и самое важное - это его отношения с папами римскими и королями лангобардии, которые привели к двум его великим кампаниям в Италии. Второстепенное значение имеют его победы над сарацинами и аквитанскими герцогами на юге Галлии. Его войны против саксов имеют лишь второстепенное значение.

Благословляя восшествие на престол короля Пиппина, папа Захария имел в виду помощь, которую франки могли оказать ему в его ссорах с соседями-лангобардами. Захария умер прежде, чем успел потребовать отплаты за свою покладистость, но его преемник Стефан вскоре завоевал благодарность новоиспеченного монарха франков. |Лангобарды и папство.| Старый король Ломбардии Лиутпранд умер в 744 году, и его племянник Хильдебранд, сменивший его, пробыл на троне не более нескольких месяцев. Великий совет лангобардов сместил его за вопиющую некомпетентность и избрал на его место Ратчиса, герцога Фриули.

Новый король, человек мягкого и благочестивого нрава, сохранял мир, заключенный Лиутпрандом с папством, до 749 года, когда по неизвестным нам причинам он двинулся напасть на Перуджу, одно из немногих мест в Италии, которое все еще принадлежало империи. Папа Захария посетил его лагерь, чтобы умолять его о мире, с неожиданным результатом: Ратхис не только снял осаду, но сложил свою корону и удалился в монастырь, пораженный, как и его современник Карломан, внезапным ужасом перед мирскими вещами, который иногда обрушивался на тевтонских монархов седьмого и восьмого веков.

Ратхису наследовал его брат Айстульф, амбициозный и неугомонный монарх, который расширил территорию Ломбардского королевства до самых широких пределов, завоевав долгожданную Равенну. [Айстульф берет Равенну, 752.] Когда он напал на уменьшившийся экзархат, тот не получил помощи от Константина Копронима, который ненавидел своих италийских подданных как упрямых идолопоклонников и был в тот момент сильно занят сарацинской войной. Равенна пала практически без сопротивления, и Евтихий, последний экзарх, бежал на Сицилию. Затем Айстульф занялся превращением независимого герцогства Беневенто в вассальное государство. Его следующим проектом было аннексировать города 'римского дуката' — долины нижнего Тибра - и сделать папу своим вассалом. Хотя он заключил сорокалетний мир с папством, все же в 752-53 годах он находился поблизости от Рима и занимал границы Умбрии и Сабины в 'вотчине Святого Петра'. Наконец его послы предстали перед Стефаном II. чтобы потребовать признания Рима и выплаты ежегодной дани. После тщетных попыток отпугнуть Айстульфа сначала ужасами отлучения от церкви, а затем пустыми угрозами обратиться за помощью к Константинополю, которые лангобард высмеял, Стефан вспомнил о долге благодарности, которым франкский король был обязан Святому Престолу. Убедившись, что его присутствие и требования не будут неприемлемы для короля Пиппина, он покинул Рим в октябре 753 года и, обратившись еще раз к королю ломбардии с просьбой даровать ему мир и независимость, пересек Альпы и предстал перед франкским двором в Понтионе, недалеко от Бар-ле-Дюка.

Прием был таким, какого он только мог пожелать. | Папа Стефан приглашает Пиппина в Италию. | Пиппин встретил его в трех милях от города, преклонил перед ним колени на обочине дороги и пошел рядом с его стремением к дворцовым воротам, ведя своего коня под уздцы, хотя был январь и на земле лежал снег. В королевской часовне, когда двор был в сборе, Стефан 'со многими слезами и стенаниями' изложил королю плачевное состояние Церкви и умолял его принести мир и спасение делу Святого Петра и Римскому государству. После чего Пиппин поклялся, что предоставит ему все, о чем он попросит, и приложит все усилия, чтобы передать ему во владение Равеннский экзархат, а также все города, которые по праву принадлежали Римской республике. Напрасно неожиданный гость явился в Галлию, чтобы умолять Пиппина отказаться от своей цели. Это был его брат Карломан, который покинул свой сабинянский монастырь, чтобы умолять Пиппина не навлекать ужасы войны на Италию — просьба, которая показалась церковным историкам того времени настолько странной, что они могли только предположить, что его разум был охвачен дьявольскими наваждениями или что он поддался страху перед гневом Айстульфа. Пиппин отказался слушать его, и велел ему покинуть двор и поселиться во Вьенне, где он вскоре после этого умер.

Тем временем Великий совет франкских королевств был созван на заседание в Серизи-сюр-Уаз, и там король объявил собравшимся графам и герцогам, что он предлагает начать войну с лангобардами, чтобы отстоять права Святого Престола. Покоренные рвением своего короля и

великими дарами, которые раздал им Стефан II, франки страстно требовали войны. В обмен на их добрую волю папа торжественно короновал Пиппина, его жену Берту и его маленьких сыновей Карла и Карломана и произнес проклятие над любым, кто когда-либо свергнет дом Пиппинов с франкского престола.

Летом 754 года полчища франков запрудили Савойские перевалы своими многочисленными войсками и приготовились прорываться в Италию. Айстульф собрал свою армию и был готов встретить их. В узком ущелье Доры, недалеко от Сузы, он обрушился на франкский авангард; но потерпел такое сокрушительное поражение, что был вынужден отступить к Павии, не нанеся второго удара. Пиппин последовал за ним, опустошая Пьемонт огнем и мечом, и вскоре осадил Айстульфа в его королевской крепости. |Пиппин покоряет Айстульфа, 754.| Затем, с готовностью, которая его завоевателю должна была показаться несколько подозрительной, Айстульф предложил условия мира. Он окажет личное почтение Пиппину, предоставит ему заложников и пообещает восстановить Римскому престолу все, что ему причитается. Итак, был подписан мирный договор, Стефана с триумфом препроводили в Рим, а Пиппин вернулся за Альпы, гордый тем, что добавил Ломбардию к списку государств, зависящих от франкской короны.

Возвращаясь домой, король услышал о смерти великого архиепископа Майнцкого, апостола Трансренской Германии. Ревностный даже в глубокой старости к обращению каждого подданного Франкского королевства, Бонифаций отправился в миссионерское путешествие в Восточную Фрисландию, где все еще господствовало язычество. Когда он стоял лагерем в Доккуме, великое множество диких язычников, возмущенных вторжением в их последнее убежище, напали на него и убили его со всеми его товарищами. |Мученическая смерть святого Бонифация.| Его смерть недолго оставалась неотмщенной; христианское большинство фризлов взялись за оружие, расправились со своими братьями-язычниками, убили многие тысячи из них и вынудили остальных принять крещение. Своей мученической смертью великий архиепископ завершил преобразование земли, к которому он так много стремился при жизни. Он был похоронен в Фульде в Гессене, где над его усыпальницей было воздвигнуто большое аббатство, ставшее центром христианской жизни в землях Гессена, апостолом которых он был. Бонифаций получил бы величайшее удовольствие, если бы мог стать свидетелем того, с каким рвением его покровитель Пиппин взялся за выполнение задачи по приобщению франкского духовенства к канонической дисциплине. В год, последовавший за его мученической кончиной, Синод Вернейля принял самые строгие законы против порочной жизни, симонии, светской деятельности и других недостатков духовенства, против которых архиепископ негодовал при своей жизни.

Легкие обещания, которые король Айстульф давал, когда его осаждали в Павии, никогда не предназначались для выполнения. Когда франки ушли из Италии, король нашел предлог для отсрочки и не вернул Стефану II власть. ни одного из сабинских или латинских городов, которые он занял в 753 году, не говоря уже о Равеннском экзархате, о котором папа дерзко просил и который наивно надеялся получить. |Айстульф нападает на Рим.| Зимой 755-6 годов он предпринял еще более безошибочные враждебные действия; спустившись по долине Тибра, он внезапно осадил Рим. Стены Аврелиана были все еще слишком прочны, чтобы их можно было взять штурмом, но три месяца блокады приблизили горожан к тому, чтобы сдаться. Известие о том, что король Пиппин снова взялся за оружие, вернуло мужество папе и народу, и вскоре Айстульф был вынужден снять осаду и поспешить на север, чтобы защитить Ломбардию.

Франки снова форсировали ущелья Сени и разбили вдребезги лангобардское войско, пытавшееся преградить им путь. Во второй раз Айстульф был загнан в Павию, осажден и вынужден просить мира. На этот раз ему были предложены более жесткие условия. Пиппин потребовал треть королевских сокровищ лангобардов, ежегодную дань, большее число заложников и немедленную капитуляцию экзархата. Не желающий этого ломбардец был вынужден уступить все; франкские посланники получили и передали папе города Равенну, Римини, Пезаро, Форли, Урбино и Синигалью со всеми их зависимостями. |Пиппин передает Экзархат папе римскому.| Их ключи были доставлены в Рим и с триумфом возложены на гробницу святого Петра. Таким образом, папа стал важным светским правителем, захватив старые византийские владения в центральной Италии. Похоже, что теория, с помощью которой он оправдывал эту узурпацию, заключалась в том, что охрана владений "Римской республики" в Италии была возложена на императора, но что Константин Копроним, будучи упрямым еретиком, утратил свои права. Затем папа выступил вперед как представитель 'Римской республики' за неимением цезаря и заявил права на владение всем, что недавно узурпировали лангобарды. Очевидно, он считал себя "Патрицием" в экзархате, но патрицием, не имеющим никаких обязанностей или повиновения неортодоксальному императору.

Король Айстульф умер в следующем году, разбившись при падении с лошади, и дела Италии больше не беспокоили Пиппина, поскольку Дезидерий, герцог Истрии, новый король Ломбардии, был занят укреплением своих сил против попытки бывшего короля Ратчиса покинуть свой монастырь и вновь взойти на трон. Остальная часть правления Пиппина была в основном посвящена завершению франкского владычества в южной Галлии. Вскоре после его провозглашения королем его офицеры вернули ему все сарацинские города в Септимании к северу от Нарбонны. В 759 году Пиппин лично отправился на осаду этого города, последнего оплота ислама за Пиренеями. |Пиппин берет Нарбонну, 759 год.| Христианские жители этого места поднялись при его приближении, перебили арабский гарнизон и открыли свои ворота франкам. Никакая помощь не пришла из Испании, где, как обычно, бушевала гражданская война, а границы королевства Пиппин продвинулись до Пиренеев.

Гораздо большей трудностью было завоевание Аквитании, последнее достижение Пиппина. Старый герцог Гунольд, противник Карла Мартелла, удалился в монастырь, и ему наследовал его лживый и неугомонный сын Вайфер. Будучи вызван, чтобы выдать некоторых франкских беженцев и уступить некоторые церковные земли, новый герцог поднял оружие против своего сюзерена в 760 году; когда Пиппин появился со всем войском Австразии и разорил Берри и Овернь, Вайфер попросил мира и принес присягу. Но в тот момент, когда его сеньор отбыл домой, он отбросил свою верность по ветру и начал опустошать Бургундию. В следующем году король вернулся с оружием в руках и завоевал Клермон и остальную часть Оверни, к которым в 762 году он добавил Бурж и землю Берри. Вайфер держался с величайшим упорством и укрепился в своем сопротивлении, узнав о восстании Тассило, герцога Баварского, который считал время благоприятным для освобождения своего герцогства от франков. Завоевание Аквитании, 767 год.| Это дало Аквитании некоторую передышку, но к 766 году Вайфер был отброшен за Гаронну, и все его подданные, кроме гасконцев, были вынуждены засвидетельствовать почтение Пиппину. В 767 году пала его столица Тулуза, и вскоре после этого его отчаявшиеся последователи положили конец войне, убив его и сложив оружие. Аквитания теперь была присоединена к франкской короне и разделена на графства по обычаю остального королевства.

В течение семи лет войны за Аквитанию король Пиппин нашел время, чтобы подавить восстание Тассило и пресечь несколько спорадических набегов саксов, против которых он ранее (755 г.) предпринял более серьезную экспедицию, в результате которой все вестфальские племена выразили ему почтение. Но полное подчинение этого дикого народа, чье упрямое язычество и непобедимая отвага ставили в тупик десять поколений франкских миссионеров и королей, было оставлено за старшим сыном Пиппина.

[Важность Pippin в Европе.] В последние годы своего правления Пиппин занимал такое центральное место в делах Европы, какого не занимал ни один правитель со времен Теодориха Великого. Даже аббасидский халиф Багдада послал просить его о союзе: обеспокоенный восстанием в Испании под предводительством омейядского принца Абдерахмана, он попытался заручиться помощью Пиппина для изгнания мятежника. Франк мудро позволил неверным рвать друг друга на куски, не оказывая помощи ни одной из сторон. Восточный император Константин Копроним часто отправлял посольства в Галлию. Одно было разработано, чтобы убедить Пиппина восстановить экзархат в византийском королевстве. Другое принесло предложение о свадьбе старшего сына Константина с Гизелой, единственной дочерью Пиппина. В третий раз общение касалось религиозных тем, восточно-римскими посланниками были священнослужители, которые должны были попытаться заинтересовать франков иконоборческой полемикой и побудить их присоединиться к уничтожению изображений. Византийцы провели дискуссию с некоторыми легатами папы римского в присутствии Пиппина, но не получили никакой помощи от великого короля Запада, в глазах которого этот спор имел далеко не такое значение, какое он имел в глазах Константина.

[Смерть Пиппина, 768 год.] В расцвете лет и почестей Пиппин скончался 24 сентября 768 года в Сен-Дени близ Парижа после продолжительной болезни, которая дала ему время разделить королевство между двумя своими сыновьями перед смертью. Его характер несколько сложен для понимания: он обладал всеми отличительными чертами великих людей из дома Сент-Арнульфов: храбростью, честолубием, энергией, административными способностями, но при этом проявлял мало собственных особых черт. Арнульф Нелегко обнаружить в его характере какую-либо властную страсть или слабость, но его вмешательство в дела Италии и присвоение королевского титула показывают, что ему недоставало крайней осторожности своего отца. С другой стороны, современники восхваляют его благочестие не в той половинчатой манере, в какой описывалось благочестие Карла, а в самых безоговорочных выражениях хвалы. Есть указания на то, что он в какой-то степени обладал тем литературным вкусом, который мы находим столь хорошо заметным у его сына Карла Великого. Но невозможно составить сколько-нибудь полное представление о его личности: даже прозвище 'Коротышка' было дано ему не его собственными современниками, а хронистами одиннадцатого века, которые исходят из традиции, а не из знания. Наше представление о нем должно основываться исключительно на том, что мы знаем о его жизни и поступках.

ГЛАВА XX

КАРЛ ВЕЛИКИЙ —РАННИЕ ГОДЫ 768-785 — ЗАВОЕВАНИЕ ЛОМБАРДИИ И САКСОНИИ.

Карл и Карломан—Окончательное завоевание Аквитании—Смерть Карломана—Характер и привычки Карла—Состояние Франкской империи—Карл вмешивается в дела Италии от имени папы Римского—Он подчиняет Ломбардскую монархию—Его более поздние экспедиции в Италию—Первое завоевание Саксонии—Экспедиция в Испанию—Восстания Саксонии с последующим ее отвоеванием и постоянным подчинением.

В тот момент, когда король Пиппин был положен под мраморную плиту возле главного алтаря Сен—Дени, двое его сыновей отделились друг от друга и, удалившись на несколько лье от места смерти своего отца, поспешно были провозглашены королями своими графами и герцогами и помазаны своими епископами - Карлом в Нуайоне, Карломаном в Суассоне (9 октября 768 г.).

Теперь во второй раз показалось вероятным, что величие дома св. Арнульф мог потерпеть крах из-за старого и злого франкского обычая, который предписывал раздел королевства между сыновьями короля. Как этот обычай действовал при Меровингах, мы уже видели. После смерти Карла Мартелла это уже угрожало подорвать могущество его дома, и опасность, которая была предотвращена только неожиданным отречением старшего Карломана. Не наученный опытом собственной юности, Пиппин Короткий совершил ту же ошибку: старые привычки оказались для него непосильны. На смертном одре, как мы видели, он разделил свое состояние между двумя сыновьями. Однако он сделал все возможное, чтобы оставить своего первенца настолько превосходящим по силе своегобрата, чтобы младший король не смог соперничать с ним. Совместное правление Карла и Карломана. 768-72. | Карлу была оставлена воинственная половина королевства, все эти франкские земли, как австразийские, так и Нейстрийские, от Мейна до Ла-Манша, которые снабжали главный боевой элемент франкских армий. Кроме того, он получил западную половину недавно завоеванной Аквитании. Доля Карломана состояла из Бургундии, швабских земель по обе стороны верхнего Рейна и всего средиземноморского побережья от Приморских Альп до границы с Испанией — старой провинции и Септимании. Более того, он захватил восточную половину Аквитании — территорию вокруг Клермона, Родеза, Альби и Тулузы. Хотя его королевство было почти таким же большим, как доля Карла, оно и близко не было таким могущественным, поскольку король, который мог повелевать мечами франков, был тем, кто мог установить закон во всем королевстве.

По неизвестным нам причинам Карл и Карломан никогда не были дружны — возможно, младший сын, родившийся после коронации своего отца, претендовал на некоторое превосходство над старшим, который был сыном всего лишь мэра дворца. Во всяком случае, мы знаем, что на протяжении трех лет их совместного правления они постоянно были на грани ссоры. Только влияние и советы их достойной матери Берты удерживали их от открытого разрыва. К счастью для королевства, оба были хорошими сыновьями и прислушались к материнским мольбам; еще более удачно для франков было то, что жизни младшего короля суждено было быть короткой. Если бы Карломану было даровано много дней на земле, мы могли бы быть уверены, что история последней четверти IX века повторила бы старые братоубийственные войны Меровингов. Историки, написавшие жизнеописание Карла

Великого, никогда не устает настаивать на многочисленных провокациях, которые устраивал ему его брат. Если бы Карломану посчастливилось найти апологета, мы, возможно, узнали бы, что Карл также давал повод для оскорблений.

За началом совместного правления двух королей последовало быстрое восстание только что покоренной Аквитании. Герцог Вайфер, предводитель южан в их долгой войне с Пиппином, был мертв, и его старый отец Гунольд вышел из своего монастыря, чтобы встать во главе восстания. [Карл покоряет Аквитанию в 769 году.] Территория на севере до Ангулема — которую удерживал франкский гарнизон, сразу же отошла к нему, поскольку гасконцы полагали, что два завистливых брата будут слишком заняты своими обидами друг на друга, чтобы тратить время на отвоевание юга. Карл немедленно выступил против мятежников и пригласил Карломана сопровождать его: младший король появился на мгновение, но только для того, чтобы провести гневную беседу со своим старшим, а затем вернуться в Бургундию. Однако он не воспользовался возможностью напасть на Карла, и последний смог продолжить свою кампанию против аквитанцев без посторонней помощи, но и беспрепятственно. Это было полностью успешно: он с оружием в руках пробился до Бордо, построил большой укрепленный лагерь во Фронсаке, которому суждено было оставаться центральным оплотом Гаронны на протяжении многих поколений, и так основательно разбил Гунольда, что старик бежал искать убежища к Люпу, герцогу Гасконскому. Но Люпус, опасаясь гнева Карла, подчинился завоевателю, выдал беглеца, попросил мира и получил его. Карл с триумфом вернулся домой, заменил Гунольда в монастыре и отныне бесспорно был королем Аквитании. Он разделил страну на графства по обычной франкской системе и передал эти провинции в руки не местных жителей, а людей с севера Луары, на верность которых он мог положиться. В будущем Аквитания не доставляла никаких хлопот.

Несмотря на отказ Карломана в помощи во время войны на юге, мать вскоре убедила Чарльза помириться с братом. Но он принял меры, чтобы держать его в узде в будущем, заключив союз с соседями Карломана на севере и юге. Он заключил договор с Тассило, герцогом Баварии, чья зависимость от франкского королевства в последнее время сильно ослабла, и еще теснее объединился с Дезидерием, королем лангобардов, женившись на его дочери Дезидерате. Этот брак был заключен, несмотря на самые недостойные вопли гнева со стороны папы римского, который умолял Карла 'не смешивать знаменитую франкскую кровь с вероломным, грязным и зараженным проказой ломбардским потомством — поистине дьявольское соединение, которое ни один истинный мужчина не смог бы назвать браком'. Папство так хорошо усвоило, как использовать далекого галльского монарха против соседнего владыки Павии, Стефана III. рассматривал союз между Франком и Ломбардом как государственную измену Святому Престолу. Брак, однако, был заключен, несмотря на угрозы Стефана, после чего он с большей осмотрительностью, чем последовательностью, внезапно забыл о своих принципиальных возражениях против лангобардской расы и заключил мир с королем Дезидерием, чтобы не остаться без помощи и не ощутить тяжесть ломбардской руки.

Однако через год Чарльз внезапно отрекся от своей жены, заявив, что она болезненна и бесплодна. Было ли это его истинным мотивом или же политические причины также повлияли на его поступок, мы не можем сказать; но поскольку Карл женился сразу после развода на прекрасной швабской даме по имени Хильдегарда, мы можем подозревать, что его мотивы, возможно, были теми же, что руководили Генрихом VIII. Англии в аналогичных обстоятельствах. Как бы то ни было, этим разводом он завоевал неослабную и небезосновательную ненависть

отца Дезидераты, короля Лангобардов. Вскоре в воздухе повисла тревога. Снова прошел слух, что вот-вот разразится война между Карлом и Карломаном, в которой должен был принять участие Дезидерий. [Смерть Карломана.] Как раз вовремя, чтобы предотвратить подобную вспышку, умер король Карломан (декабрь 771 года). Он оставил малолетнего сына, но знать и епископы Бургундии и Аламании не предпринимали никаких попыток посадить ребенка на трон его отца. Мудро подавив любые партикулярные устремления, они отправились к Карлу в Корбени-сюр-Эн и там засвидетельствовали ему свое почтение как королю всех франкских королевств. Герберга, вдова Карломана, бежала со своим ребенком и горсткой сторонников в Ломбардию, где Дезидерий теперь пребывал в таком настроении, что был рад принять любого врага Карла, и особенно того, кто имел столь правдоподобные претензии на долю во франкском королевстве.

Таким образом, все земли между устьями Рейна и Роны и от Майна до Бискайского залива снова были объединены под властью единого короля. [Характер Чарльза.] И это был король, какого ни одно из этих королевств никогда прежде не видело, — героическая фигура, подобной которой мы не встречали за все три столетия, с которыми нам пришлось иметь дело. Один только Теодорих Остгот заслуживает упоминания рядом с ним, и у Теодориха была меньшая задача и меньший успех, чем у Карла великого. Впервые с тех пор, как мы начали рассказывать историю Темных веков, мы столкнулись с человеком, чей облик и ум, чьи планы и образ жизни были так хорошо описаны, что мы можем составить для себя ясный и осязаемый образ его. Чарльз Молот, король Пиппин, Лев Исавриец и даже сам добрый Теодорих - всего лишь призрачные фигуры, очертания которых мы можем уловить лишь смутно, но Чарльз стоит перед нами твердый и властный, живой человек, которого мы можем понимать и которым восхищаемся.

[Личность и привычки Чарльза.] 'Он был высок и крепко сложен,' пишет его хронист Эйнхард, 'его рост всего в семь раз превышал длину его собственной ступни. Голова у него была круглая, глаза большие и живые, нос несколько выше обычного размера, выражение лица яркое и жизнерадостное. Независимо от того, стоял он или сидел, его фигура была полна достоинства, потому что хорошие пропорции и грация его тела не позволяли наблюдателю заметить, что у него довольно короткая шея и чересчур мясистое лицо. Его походка была твердой, облик мужественным; голос чистым, но довольно высоким для столь великолепного тела. Его здоровье было превосходным; только последние четыре года своей жизни он страдал перемежающейся лихорадкой. До самого последнего он полагался на свою добрую волю, а не на предписания врачей, которых он ненавидел, потому что они запрещали ему есть жареное мясо, которое любила его душа'.

Чарльз всегда отличался физической активностью. Он получал удовольствие от верховой езды и охоты и превосходил других мужчин в плавании. Одной из главных причин, побудивших его сделать Ахен своей столицей, было то, что он любил заниматься спортом в огромной купальне, которая была оборудована местными горячими источниками.

Он всегда носил франкский костюм и не любил иностранную одежду. Затем он надел льняную рубашку и панталоны, поверх них шерстяную тунику с шелковой каймой и бриджи. Он обмотал икры и ступни льняными бинтами, которые носили до изобретения чулок, и натянул поверх них высокие сапоги. Зимой он носил пальто из меха выдры или горностая, а поверх него - ярко-синий плащ. Меч с золотой рукоятью всегда был у него на боку. В великие государственные дни он надевал тунику и плащ, расшитые золотом и застегнутые золотыми пряжками, венчал голову

коронай, украшенной драгоценными камнями, и носил меч с рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Но для повседневной носки его одежда была не более роскошной, чем у его придворных.

Он был умерен в еде и питье, однако больше в питье, чем в еде. Никто никогда не видел, чтобы он выпивал больше трех чашек за ужином, а он ненавидел пьянство и наказывал за него свою свиту. Но есть он любил умеренно и часто говорил, что церковные посты вредны для его здоровья. На его столе никогда не было больше четырех блюд, не считая жаркого, которое ему приносили горячим из кухни на вертеле, и это было его любимое блюдо.

За обедом он обычно слушал чтеца. Он любил истории и повести древних, а также труды св. Августина, чей *Закон о гражданстве* особенно восхищал его. Он велел записать и запомнить древние франкские эпосы о деяниях и войнах древних королей. Сам он был искусен в чтении вслух и пении под аккомпанемент арфы и прилагал много усилий, обучая этим достижениям других. Все свободные искусства были ему дороги, и он любил ученых людей и приглашал их со всех концов света. Для изучения грамматики он послал за диаконом Петром из Пизы. В большинстве других искусств его наставником был Алкуин, англичанин, самый образованный из всех людей, с которым он изучал риторику и диалектику и проводил много времени в приобретении знаний по астрономии; ибо его интересовало время и движение звезд. Он придумал немецкие названия для двенадцати месяцев в году и двенадцати ветров. Он также пытался научиться искусству писца,^[48] и обычно держал бумагу и записные книжки под подушкой в постели, чтобы в свободные моменты упражнять пальцы в выводе символов; но он начал слишком поздно, чтобы продвинуться в этом начинании. Более того, он любил строить и спроектировал великолепный Ахенский собор, украшенный лампадами и подсвечниками из золота и серебра, дверями и перилами из цельной бронзы. Когда он возводил его и не смог достать под рукой мраморные колонны, он приказал привезти их аж из Равенны и Рима. Он был большим прихожанином церкви и всегда заботился о том, чтобы служба в его присутствии проводилась с соблюдением приличий. Он молился как на франкском, так и на латыни, одинаково хорошо владея обоими языками. Ибо он обладал огромной способностью к изучению языков и превосходно говорил по-латыни. Греческий он выучил, но понимал его лучше, чем говорил. Он обладал свободной речью и всегда выражал свои мысли самым ясным образом.

48. Мы знаем, что он мог бы, по крайней мере, подписать свое имя.

Спал он чутко и часто вставал по три-четыре раза за ночь. Когда он одевался для утренней работы, в его покоях были не только его друзья, но и он приказывал графу дворца приводить к нему тяжущихся сторон и выносить решение со своего места, как если бы он находился в суде.

У Чарльза был один прискорбный недостаток — он слишком небрежно относился к христианскому учению об отношениях полов. Он слишком легкомысленно развелся со своей первой женой, а когда умерла его третья жена, взял себе сразу трех наложниц, которые родили ему много внебрачных детей. При его дворе были скандалы, и было известно, что две его собственные дочери жили в открытом грехе с двумя его придворными. Карл отнесся к их проступку легкомысленно и никогда не обращался к ним с упреками. Не таков его сын, Льюис Благочестивый, который считал позор своих сестер настолько отвратительным, что изгнал их, когда взошел на трон. Именно недостатки великого короля в отношении сексуальной морали помешали Церкви издать указ о беатификации своего покровителя после его смерти. Дух

времени хорошо передан странным видением монаха Веттина из Райхенау, который, впад в транс и странствуя по иному миру, увидел Чарльза в Чистилище, где его некоторое время держали в очищающем пламени, пока этот грех не будет изгнан из его души.

Так много рассказывают нам хроники о личности и образе жизни Карла Великого; но есть и другие моменты, которые впечатляют нас больше, чем современного наблюдателя. Учитывая, что он настолько опередил свой век в развитии литературы, искусства, науки и архитектуры, что в управлении и организации своего царства он настолько превзошел всех, кто жил до него, и что в большинстве своих поступков он достиг такого высокого понимания, как своего королевского поста, так и своей личной ответственности за все свои действия, разочаровывает, хотя и не удивительно, обнаружить, что в некоторых вопросах он не был выше стандартов своего времени. Мы уже упоминали о его разгульном образе жизни, но еще более серьезным недостатком была его случайная склонность к вспышкам бесчеловечности. Самым жестоким из них была его резня 4500 безоружных военнопленных в Вердене в 782 году. Если большинство его войн были оборонительными или, по крайней мере, необходимыми, то было несколько — особенно война с Ломбардией, — в которых агрессивные амбиции были основной действующей причиной, но это был небольшой провал в беспринципном восьмом веке. В целом мы поражены великодушием этого человека и настолько поражены его великолепными качествами, что, возможно, рискуем поступить с ним неправильно, оценивая его с нашей собственной моральной точки зрения. Он настолько возвышается над Темными веками, что историку едва ли приходится в голову судить о нем по их низкому стандарту. И все же именно воспоминание о том, каким был дух тех времен, позволяет легче всего распознать его величие.

Нам придется иметь дело с Карлом в трех основных аспектах: как с завоевателем, как с организатором и как с проводником новых теорий политической жизни в сознание христианского мира. Трудно четко разделить эти три направления деятельности, поскольку на протяжении всего своего правления, от начала до конца, Карл был одинаково занят в каждом из этих направлений. Чтобы прояснить логическую последовательность его действий, иногда необходимо изменить их хронологический порядок.

[Завоевания Карла.] На первый взгляд, самым экстраординарным из достижений Карла кажется его огромное расширение территории Франкского королевства путем аннексии Ломбардского королевства, Испанского похода, Саксонии и славянских земель Эльбы и перехода к наследству, оставленному ему отцом. Эти завоевания представляют собой план операций, сознательно предпринятый, осуществляемый недрогнувшей рукой и доведенный до успешного завершения. Карл унаследовал от своего отца и деда долг, который они взяли на себя, - защищать христианскую Европу от сарацин, славян и язычников-саксов, трех врагов, которых его предки отбросили, но не сокрушили. С этим долгом было тесно связано обязательство обращать в христианство новых подданных, которых он мог подчинить, поступать с саксами и славянами так, как Карл Мартелл уже поступил с фризами и тюрингами, и таким образом продвигать внешнюю защиту христианского мира в те части центральной Европы, которые до сих пор были погружены в дикость и язычество. Одного сарацина невозможно было обратить в свою веру. Его могли изгнать, но тогда, как и сейчас, было легче уничтожить мусульманина, чем заставить его отказаться от ислама. К этим в целом полезным и спасительным задачам, которые Карл унаследовал от великих мэров Дворца, был добавлен другой, менее удачный план укрепления тесного союза с папством путем сокрушения нации лангобардов. Пиппин вовлек

франков в этот план, и Чарльз всего лишь выполнил обещания своего отца. Но своими действиями он разрушил здоровое и энергичное христианское государство, возможную базу для сильной итальянской национальности, и вверг Франкское королевство в бесполезный союз, который должен был породить семь столетий раздора. Что было хуже всего, он прочно установил светскую власть папства, проклятие, которое будет терзать Италию на протяжении тысячи лет. Выгоды, которые он получил взамен, — религиозная санкция, дарованная папой римским его королевской власти, и императорский титул — были всего лишь сомнительными благами. Еще до истечения девятого века можно было увидеть, что дом св. Арнульф, как и все династии, пришедшие ему на смену, потерял больше, чем приобрел, взяв на себя обязательства перед Римским престолом и согласившись принять из рук папы титул императора и расплывчатое поручение защищать единство христианского мира, — поручение, которое для римского понтифика означало немногим больше, чем обязанность дать Церкви все, чего она пожелала пожелать.

[Пределы владений Карла.] Прежде чем перейти к рассказу о ранних завоеваниях Карла Великого, необходимо объяснить границы его владений в том виде, в каком они были на момент смерти его брата Карломана. В Германии границу на севере и юге удерживали два вассальных народа — Фризия и Бавария, оба ныне христианские, и оба за последние пятьдесят лет стали подчиняться франкам строже, чем когда-либо прежде, но все еще имели своих собственных правителей и не были полностью объединены с монархией. К востоку от Фризии лежали саксы, раса, которую меровинги и сменившие их великие мэры так и не смогли приручить. После трехсот лет ожесточенных боев граница франков и саксов осталась там, где она была в 500 году. К востоку от Саксонии жили народы, еще малоизвестные франкам, — славянские племена аботритов, вильцев и сорбов.

Герцогство Бавария имело своими восточными соседями другую группу славянских народов, расы, которые когда-то образовали эфемерное королевство Само,^[49] Чехи и моравы на верхней Эльбе, карантанцы на Драве. За пределами этих славян лежало царство аварского кагана, ныне пребывающее в состоянии упадка как из-за гражданских войн, так и из-за восстаний его славянских подданных.

49. См. стр. 177.

Между Фризией и Баварией границу королевства Карла удерживали тюрингенцы, которые теперь больше не находились под властью местных князей, а были разделены на франкские графства, как и соседняя Швабия, и, подобно Швабии, составляли неотъемлемую часть монархии Карла. Соседями тюрингов за границей были славянские сорбы.

Юго-восточная граница Франкской империи была образована главной цепью Альп, за которыми лежало ломбардское королевство короля Дезидерия. Его юго-западной границей была главная цепь Пиренеев, за которой лежали испанские сарадины, над которыми в этот момент Абдерахману Омейяду только что удалось установить свою власть и образовать государство, независимое от халифата Аббасидов (755).

Из всех соседей короля Карла именно Дезидерию Лангобарду первым суждено было ощутить тяжесть франкского меча. Он не только принял вдову Карломана Гербергу, когда она бежала из Бургундии, но и выказал некоторое намерение провозгласить ее сына королем франков. Однако не эти махинации против Карла были действительной причиной войны, а отношения папства с

Дезидерием. Адриан I. только что взошел на папский престол. Он был римлянином по происхождению и ярким ненавистником лангобардов. |Ссора папы и лангобардов.| Он отказался от дружбы и союза, которые предлагал Десидерий, и очень скоро после своего посвящения начал заводить ссору с несчастным королем. Он потребовал от него важные города Феррару и Фаэнцу как часть Равеннского экзархата. По его словам, они были обещаны святому Петру в 757 году, когда Дезидерий боролся за корону с королем Ратхисом, и должны быть переданы немедленно. Дезидерий, полагая, что Карл будет слишком занят за Альпами обустройством недавно присоединенных владений его брата, чтобы позволить ему появиться в Италии, ответил на вызов папы, послав войско в Пентаполис и захватив Синигалью и Урбино. Вскоре после этого он собрал все силы лангобардского королевства и выступил против Рима. Адриан ожидал этого. Он укрепил город и расставил сильный гарнизон и поспешил послать повелителя франков с просьбой прийти на помощь святому Петру и заставить неправедных лангобардов полностью выполнить договор, который навязал им король Пиппин. Известие об отправке этого посольства, по-видимому, напугало Дезидерия. Он отступил в Витербо и, вместо того чтобы усилить осаду Рима, отправил посольство к Карлу, чтобы объяснить, что обвинения папы были необоснованными, поскольку он не утаивал ничего, что действительно принадлежало экзархату (772, осень).

Дезидерий, когда он впервые напал на Рим, не ошибся, думая, что Карл уже был занят делами своего собственного королевства. Тем летом он приступил к великому делу завоевания Саксонии, задаче, которая должна была отнимать у него энергию в течение следующих двадцати лет. Летом 772 года он вступил в страну, вынудил мидсаксов или англичан отдать ему заложников и срубил в знак триумфа Ирминсул, священное дерево, почитаемое всеми саксонскими племенами, которое росло в роще близ Падерборна и было украшено множеством богатых приношений. По возвращении в Австразию Карл встретился в Тионвиле с послами Адриана и Дезидерия. Он ни на минуту не отступал от политики своего отца по поддержке папства во что бы то ни стало. Он отправил послов с просьбой к Дезидерию отказаться от всех городов, принадлежащих Святому Престолу, которые он незаконно оккупировал, и велел ему без промедления воздать должное святому Петру. | Карл вторгается в Ломбардию, 773 год. | Король Ломбардии был слишком разгневан этим вмешательством, чтобы удовлетворить требования франка. Он поклялся, что ничего не восстановит. Это вынудило Карла вторгнуться в Италию. Выйдя из Женева, он пересек Мон-Сени с одной дивизией своей армии, в то время как его дядя Бернар с остальными последовал по маршруту Великого Святого Бернара. Дезидерий при их приближении укрепил альпийские ущелья у Сузов и Ивреи и занял оборонительную позицию. Но отборный отряд франков обогнул его позицию в Сузах, поднявшись на холмы, и, увидев, что его обошли с фланга, король Лангобардов оставил свои позиции и отступил к Павии, точно так же, как это сделал его предшественник Айстульф в войне с королем Пиппином. Карл поспешно последовал за ним и осадил Павию, которая продержалась много месяцев. Тем временем Адельхис, сын Дезидерия, собрал вторую ломбардскую армию и занял пост перед Вероной. Оставив часть своей армии для поддержания блокады Павии, Карл выступил против Адельхиса, вынудил его бежать и захватил Верону, а затем Брешию и Бергамо. Лангобардский принц отправился морем в Константинополь, где попытался заручиться помощью Константина Копронима, который в то время находился в разгаре своей болгарской войны.

|Карл в Риме, 774 год.| Поскольку король Дезидерий держался в Павии с величайшим упорством, а осада затянулась на много месяцев, Карл решил провести весну 774 года в посещении Рима и достижении полного взаимопонимания с папой Адрианом. Он прибыл в

город на Страстной неделе и с большой пышностью отпраздновал пасхальные торжества: его общение с Адрианом закончилось тем, что он подтвердил дарование папством его отцом всего Равеннского экзархата, от Феррары и Коммачио на севере до Осимо на юге, включая все места, которые были предметом спора между папой и королем Ломбардии. Более поздние римские писатели утверждали, что Карл даже увеличил щедрый дар Пиппина, добавив к нему северную Тоскану, Парму и Модену, Венецию и даже остров Корсика. Но в источниках того времени нет и следа этого: франк никогда не передавал папе суверенитет над Тосканой или Эмилией, не говоря уже о Венеции, которую он не мог отдать, или далеком острове Корсика.

[Падение Павии, 774.] Вернувшись из Рима в долину реки По в начале лета 774 года, Карл обнаружил, что Павия готова подчиниться: Дезидерий и его воины были истощены голодом и открыли ворота при условии сохранения их жизней. Король был отправлен в качестве пленника в Нейстрию и умер много лет спустя монахом в аббатстве Корби. Его королевские сокровища были разделены между франкской армией. Адельхис, наследник ломбардского престола, как мы уже упоминали, бежал к византийскому двору и умер там много лет спустя как "патриций".

Вместо того, чтобы последовать примеру Пиппина и позволить Ломбардии выжить как вассальному государству, Карл сам провозгласил себя королем Италии и вынудил всех ломбардских герцогов и графов засвидетельствовать ему почтение в Павии. Только Арихис из Беневенто, зять Дезидерия, упорствовал в сохранении своей независимости. В будущем Карл именовал себя 'королем франков и лангобардов и римским патрицием'. За исключением того, что он оставил гарнизон в столице и передал некоторые из наиболее важных итальянских городов франкским графам вместо того, чтобы оставить их в руках их старых ломбардских губернаторов, он мало что изменил в управлении Италией. Его права на завоевания использовались с такой умеренностью, что Италия не доставляла ему особых хлопот до конца его правления. | Более поздняя экспедиция в Италию. | Единственное серьезное возмущение, которое имело место, было в 776 году, когда герцоги Фриули, Сполето и Беневенто сговорились послать за Адельхисом из Константинополя и провозгласить его королем Лангобардов. Узнав об их заговоре, Карл обрушился на Италию, убил герцога Фриули в битве и вынудил герцога Сполето засвидетельствовать ему свое почтение. Арихис из Беневенто не был покорен: он сохранил свое южное герцогство в неприкосновенности, хотя франки отправили против него не одну экспедицию. Очевидно, Карл считал дань уважения этому далекому государству слишком незначительной вещью, чтобы заслуживать его внимания, до 787 года, когда он лично совершил еще один поход в Италию, осадил Арихиса в Салерно и, наконец, вынудил его стать своим вассалом. Но в 792 году, после смерти Арихиса, его сын Гримоальд сбросил франкское иго и сохранил ненадежную полунезависимость на будущее, хотя на него несколько раз нападали, и армии Карла взяли штурмом не один из его главных городов. Однако сам великий король больше никогда не вторгнулся на территорию Беневентана, и только его присутствие могло быть достаточно, чтобы усмирить непокорного герцога.

Но мы должны вернуться к действиям Карла после его первого завоевания лангобардов в 774 году. За время его отсутствия саксы снова взяли за оружие, и теперь настало время возобновить кампанию против них, которая была прервана большим походом в Италию. В 775 году произошло первое из многих подчинений Саксонии, которые Карлу предстояло осуществить за время своего долгого правления.

Саксы были разделены на четыре большие дивизии. Ближе всего к франкской границе были вестфальцы, которые жили на реках Эмс и Липпе, а также около Тевтобургского вала. За ними, к востоку, англичане заняли долину Везера, от его устья до границ Гессена. К востоку от англичан снова лежали истфальцы, на Аллере, Окере и Эльбе. Река с последним названием отделяла их от славянских племен аботритов, которые жили в современном Мекленбурге. [Государство Саксония.] Четвертым подразделением саксов были нордальбингцы, которые жили в Гольштейне, за Эльбой, на границах с датчанами, и были наименее доступными и самыми дикими представителями своей расы. Саксония была страной лесов, вересковых пустошей и болот: только на ее южной границе была холмистая местность - отроги гор Гарц. Главным препятствием на пути завоевания страны было то, что у саксов не было городов и очень мало укрепленных пунктов; они укрывались в лесах или болотах, когда появлялась армия короля, и снова выступали, когда он уходил. Местность была совершенно бездорожной, так что преследование летучих племен было очень затруднено. Оказавшись в окружении и вынужденные засвидетельствовать почтение Карлу, они дали заложников и заплатили большой штраф скотом, но как только франки покинули их окрестности, снова взялись за оружие. Девять раз восставала та или иная часть саксонской расы, и любая воля, менее сильная, чем воля непреклонного Карла, уступила бы перед их негибким упрямством. Но он выстоял до конца, возглавляя экспедицию за экспедицией против мятежников, огнем и мечом карал их бунты, переселял неисправимые племена за Рейн, строил города и замки по всей стране, возводил епископства и посылал бесчисленных миссионеров, пока в последние десять лет своей жизни не имел удовольствия видеть Саксонию одновременно покорной и христианской.

САКСОНИЯ

в 9 веке.

Экспедиция 775 года началась вторжением в Вестфалию; рассеяв ее жителей и взяв штурмом их большой укрепленный лагерь в Сигибурге, Карл прошел дальше в Англию, разбил мидосаксов и переправился через Везер. Это привело его в Истфалию, которую он разорил до реки Окер. Истфальцы, хотя и были дальше всех саксов от франкской границы, первыми покорились Карлу, и их вождь гесси охотно принял христианство и принес присягу. Вскоре после этого англичане также пришли в лагерь короля и выдали заложников за их верность. |

Первое завоевание Саксонии. | Вестфальцы держались последними и покорились только тогда, когда Карл, возвращаясь в Австразию, опустошил их землю из конца в конец и устроил великую резню их воинов. Король оставил гарнизоны в двух больших лагерях в Сигибурге и Эресбурге, чтобы сдерживать вестфальцев и англичан соответственно. Заложники, которых он привез обратно, были в основном мальчиками из знатных семей, которых он отправил воспитываться как христиан в различные австразийские монастыри. Таким образом, три четверти Саксонии выразили почтение Карлу, но их союз был самым неустойчивым. Они ненавидели франков как истинных врагов и ненавидели христианство как франкский инструмент подчинения им тела и души. Только присутствие Чарльза и страх перед его возвращением на мгновение привели их в порядок.

Не успел Карл в следующем году начать свое второе вторжение в Италию, чтобы свергнуть герцогов Фриули и Беневенто, как вестфальцы и англичане сразу же взяли за оружие. Они взяли штурмом лагерь франков в Эресбурге и вырезали гарнизон, но потерпели неудачу в аналогичной попытке в Сигибурге. Как только Карл услышал об этом восстании, он поспешил обратно из Италии с такой скоростью, что был уже на Липпе, прежде чем саксы заподозрили, что он пересек Альпы. Их страх перед ним был так велик, что вся раса сразу попросила мира и послала своих местных вождей засвидетельствовать ему свое почтение, 'обещая, что все они примут крещение и будут владеть своей землей как истинные вассалы короля'. | Второе завоевание Саксонии, 776. | Только один вождь, по имени Витикинд, отказался подчиниться и бежал на север, чтобы укрыться у датчан (776). Карл заменил свой гарнизон в форте Эресбург и построил еще один укрепленный лагерь в Карлштадте. Той зимой он остался в Австразии, недалеко от саксонской границы, чтобы понаблюдать за этими ненадежными подданными. Следующей весной он созвал великий национальный совет всего франкского королевства на заседание в Падерборне, в сердце Англии, чтобы отметить тот факт, что Саксония теперь стала неотъемлемой частью его владений (777). "Тогда было крещено великое множество саксов, и, следуя своему национальному обычаю, они поклялись, что лишатся своей свободы и своих земель, если когда-нибудь снова поднимут восстание по своему старому обычаю, и если они не сохранят свое христианство и свою верность королю Карлу и его наследникам".

На этот большой сейм в Падерборн прибыли несколько послов из Испании с неожиданным предложением засвидетельствовать свое почтение королю. Абдерахману, омейяду, наконец удалось отвоевать почти весь испанский полуостров у тех сарацин, которые отказались признать его королем. Последние оставшиеся в живых его противники, оказавшиеся в отчаянном положении, послали предложить стать вассалами Карла, если он защитит их от завоевателя. Этими вождями были Солиман Ибн аль-Араби и Касмин Ибн Юсуф, которые удерживали города Барселона, Херона и Уэска на крайнем северо-востоке Испании, на границе с Францией. Карл решил принять их предложение и таким образом продвинуть свою границу за пределы Пиренеев, чтобы защитить Септиманию от сарацинских набегов, установив новую линию крепостей между ней и владениями правителя Кордовы. Он верил, что Саксония полностью покорена, и ее можно смело оставить в покое, чтобы она обрела верность и стала христианкой.

| Карл вторгается в Испанию, 778 год. | Соответственно, в 778 году Карл возглавил свою первую большую экспедицию в Испанию. Сам он пересек Западные Пиренеи с войском Нейстрии, в то время как войска Австразии, Бургундии и Ломбардии пересекли Восточные Пиренеи. Две армии встретились перед Сарагосой, и Карл там принял почести мятежных сарацинских вождей

Барселоны и Хероны. Сарагоса, однако, не пала, несмотря на огромную армию, которая была сосредоточена против нее, и тогда Карл развернулся и вернулся в Аквитанию тем же путем, которым пришел. Его экспедиция не увенчалась большим успехом. Сарагинские повстанцы были ненадежными вассалами, и единственный другой результат кампании - почтение, оказанное Карлу испанскими басками и наваррцами после того, как он взял штурмом их город Пампелуна, - не был более солидным приобретением. Действительно, когда франкская армия возвращалась через Пиренейские перевалы, баски напали на королевский арьергард и обоз с обозами в знаменитом ущелье Ронсеваль. Они захватили много добычи и убили трех высокопоставленных чиновников — Эгхарда, сенешаля; Ансельма, дворцового графа; и Хруотланда (Роланда), смотрителя бретонских границ. Последний из названных, о котором история не знает ничего, кроме его безвременной гибели при Ронсевалле, должно быть, был великим человеком среди франков, поскольку вскоре после своей смерти он стал героем многих легенд, которые в конечном итоге оформились в знаменитую *Песнь о Роланде*, где бретонский маркграф фигурирует вторым после Карла Великого среди воинов христианского мира (778).

Король вскоре добрался до Аквитании, когда пришло неприятное известие, что саксы нарушили свои клятвы и снова взялись за оружие. Изгнанник Витикинд вернулся из Дании и призвал на поле боя бурную молодежь Саксонии. По его призыву восстало большее число племен, и огромное саксонское войско взяло штурмом новый форт Карлштадт, опустошило Гессен и правый берег Рейна вплоть до Дейца и устья Мозеля, сжигая церкви и убивая крестьян в сельской местности в отместку за разрушение Ирминсуля и опустошительные действия Карла в 775-76 годах. Получив это тревожное известие, король направился в Австразию, послал несколько войск очистить берега Рейна от саксонских грабителей, но отложил общий сбор войск франков для третьего завоевания Саксонии до следующего года. Однако летом 779 года,, он снова приступил к своему бесконечному делу и прошел маршем по Вестфалии с огнем и мечом. Вестфальцы снова сдались после поражения в открытом поле; англичане и истфальцы сдались без боя. | Четвертое завоевание Саксонии. | Следующей весной он снова вернулся, провел большую диету в верховьях Липпе и разделил всю Саксонию на миссионерские округа, в каждом из которых должна была работать колония монахов из Австразии, что стало первым шагом к разделу земли на более поздние епископства. Эта деятельность была вознаграждена обращением и крещением многих тысяч язычников. Карл лично помогал не раз, когда целые тысячи саксов одновременно переправлялись через воды Окера и Эльбы (780).

Затем он повернул в сторону Италии. Впервые за его отъездом не последовала немедленная вспышка восстания. Земля оставалась спокойной более двух лет (780-82), и когда он в следующий раз прошел этим путем, Карл подумал, что она так далеко продвинулась по пути мира, что он разделил ее на графства по образцу остальной части своей империи и передал управление многими из них местным саксонским вождям, которых он удостоил титула графа; остальные были переданы офицерам франкской крови. Он также опубликовал свод законов Саксонии, в котором были осуждены самые суровые наказания для всех тех, кто все еще цеплялся за язычество. Такие преступления, как принесение жертвы Водану, сожжение вместо захоронения мертвых, открытое высмеивание церковных церемоний или ограбление церкви, должны были караться немедленной смертью. Даже тем, кто упрямо отказывался от крещения или кто после крещения отказывался поститься в Великий пост и подчиняться церковной дисциплине, угрожала смертная казнь.

Возможно, именно вследствие принятия этого жестокого кодекса саксы осенью 782 года снова взялись за оружие. Мятежник Витикинд вернулся из Дании, чтобы встать во главе, и большинство северных племен восстали по его призыву. Новости быстро вернули Карла в страну. Он снова пришел с превосходящими силами, многие саксы сразу сложили оружие и подчинились. Но теперь впервые король проявил признаки сильного гнева против неуправляемой расы. Он не мог простить им убийства священников, поджоги церквей и насмешливое стирание знаков крещения. Он приказал каждому племени прислать к нему в оковах тех людей, которые наиболее отличились в отвержении христианства и разжигании последнего восстания. [Резня в Вердене.] Четыре тысячи пятьсот пленников были приведены к нему их покорными соотечественниками в его лагерь в Вердене, на Аллере. Поддавшись порыву мести, Карл приказал обезглавить всю эту огромную группу беспомощных пленников. Но вместо того, чтобы утешить саксов, эта жестокая казнь только разожгла в них дикий гнев. Каждый человек в стране потерял своего друга или родственника в великой резне, и даже племена, которые до сих пор были самыми покорными, взялись за оружие. Последовало более двух лет непрерывных боев (783-85). Карл дважды прошел маршем по этой земле, сжигая и убивая каждого саксонского жителя гау, от Эмса до Эльбы, но разъяренные повстанцы окружили его после того, как он прошел, и все еще держались в лесах и болотах. Но король только ожесточил свое сердце. Он отказался покинуть страну и перезимовал со всей своей армией близ Миндена, в сердце Саксонии. Наконец, весной 785 года упорство мятежников начало ослабевать; прогнать непреклонного короля франков было невозможно, и они снова подумали о покорности. [Пятое завоевание Саксонии, 785 год.] Вождю повстанцев Витикинду пообещали сохранить ему жизнь, если он сдастся и примет крещение, и когда он со своими избранными воинами подчинился, великое восстание наконец подошло к концу. Графы снова получили управление своими старыми округами, миссионеры вернулись, чтобы восстановить свои разрушенные церкви, а уцелевшие саксы в отчаянии подчинились игу франкского воина и франкского священника.

Прошло семь лет, прежде чем в Саксонии возникли новые волнения, хотя между 792 и 804 годами должно было произойти еще четыре частичных восстания. Но ни одно из них не угрожало серьезно поколебать господство Карла; это были всего лишь последние приступы саксонского отчаяния, и их нельзя сравнить с великой борьбой 783-85 годов, в которой действительно была решена судьба саксонской независимости и саксонского язычества.

[Аннексия Баварии.] Вскоре после окончательной аннексии немцев Эльбы и Везера Карл полностью включил немцев верхнего Дуная в состав своей империи. Его вассал Тассило, герцог Баварии, был несколько неуправляемым и непослушным подданным. Ему простили не одну вспышку нелояльности, но когда к нему относились с добротой и вниманием, он вел себя не лучше, чем раньше. Наконец, в 788 году он был лишен своего герцогства, которое было разделено на графства и передано франкским губернаторам, а сам он был отправлен закончить свои дни в нейстрийский монастырь Жюмьеж.

ГЛАВА XXI

ПОЗДНЕЙШИЕ ВОЙНЫ И ЗАВОЕВАНИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО

785-814

Широкий размах позднейших завоеваний Карла —Отдаленные провинции, управляемые его сыновьями—Завоевание балтийских славян—Подчинение Богемии—Войны с аварами и их окончательное подчинение—Военные действия с Восточной империей—Завоевание Испанского похода—Более поздние восстания саксов—Войны с датчанами.

К этому времени король Карл подошел к концу первого этапа своих завоеваний, и ближайшие враги Франкского королевства были приведены к покорности. Со сравнительно небольшим трудом была завоевана плодородная Ломбардская равнина; после долгого труда и изнурения непроходимые леса и вересковые пустоши Саксонии оказались в пределах его владений. Но его завоевательные планы имели гораздо более широкий размах, чем аннексия Ломбардии и Саксонии. Прежде чем христианский мир можно было считать защищенным от всех внешних врагов, предстояло завоевать больше царств, обезопасить больше маршей. Расширив свои границы до Эльбы и Юлийских Альп, Карл прекратил древнюю вражду лангобардов и саксов с их восточными соседями, аварами и славянами. Более того, еще предстояло укрепить испанскую границу, поскольку экспедиция 778 года не принесла постоянных выгод; неустойчивая верность Барселоны и Хероны снова была принесена королю Омейядов в Кордове, а не повелителю франков.

Таким образом, второй период в летописи завоеваний Карла Великого включает историю укрепления его новых восточных и юго-западных границ. Но это не было, как в первые пятнадцать лет его правления, временем полного завоевания и объединения рас, которые были близки к франкам. Все тевтонские народы центральной Европы уже были собраны под скипетром Карла; племена, с которыми ему теперь предстояло иметь дело, были франкам чужды не только по религии, но и по крови и языку. [Широкий размах замыслов Чарльза.] Работа Карла на Востоке во второй период его правления заключалась в том, чтобы обезопасить славян и авар, заставив их князей платить дань уважения, а не оккупируя их владения франкскими гарнизонами или разделяя их на графства и марши. С другой стороны, на Западе его задачей было создать прочную границу с маврами, завоевывая одну за другой крепости между Пиренеями и Эбро. Мусульманин должен был быть изгнан, так как не было никакой надежды обратить его в свою веру. В городах, из которых он был изгнан, выросло новое население, не чисто испанское и не чисто франкское, а смешанная раса каталонцев, в жилах которых в различных пропорциях смешалась романо-испанская, вестготская, аквитанская и франкская кровь, так что они всегда очень значительно отличались как по характеру, так и по языку от жителей остальной части полуострова. Но история внешней политики Карла во второй период его правления содержит гораздо больше, помимо его отношений со славянами, маврами и аварами. У него были частые проблемы с Восточно-Римской империей, возникавшие из-за их спорных границ в Италии. В самом конце своего правления он встретил и отразил первое нападение датчан на франкское королевство, нападение незначительное само по себе, но предвещающее самые серьезные опасности в будущем. Мы видим, что он вмешивается за Британским морем в дела Нортумбрии и в то же время протягивает руку далеко на юг, чтобы

захватить Балеарские острова. Даже далекому багдадскому халифу из аббатства была известна его слава, и послы Гаруна обратились ко двору Ахена с просьбой заключить с ним союз.

Во второй половине своего правления Карл очень часто лично выходил на поле боя, но не был так постоянно во главе своих армий, как в период 773-85 годов. [Карл делает своих сыновей королями.] Теперь у него было трое подрастающих сыновей, которым он доверил управление тремя важными участками своего королевства, и он рассчитывал, что каждый из них будет охранять ту часть границы Франкской империи, которая граничила с его собственным подцарством. Карл, старший из троих, правил в западной Нейстрии (Анжу, Мэн, Турень); Пиппин, второй, в Ломбардии; Льюис, младший, в Аквитании. Таким образом, Карл был бы особенно озабочен неуправляемыми бретонцами Арморики, которые дважды совершали неудачные восстания во время правления его отца (786 и 799). Льюис отвечал за сарацинскую границу вдоль Пиренеев. Пиппин должен был присматривать за герцогом Беневенто, а также обратить свое внимание на аваров на северо-востоке Италии. Но три принца не были строго ограничены каждой своей собственной сферой. Карла время от времени посылали против саксов; Льюис провел по крайней мере одну кампанию в южной Италии; Пиппин не раз руководил нападением на славян Богемии. Короче говоря, всякий раз, когда великий царь не мог лично выступить против мятежника или иностранного врага, он посылал одного из своих сыновей занять его место. Он не позволял им полностью локализоваться и погрузиться в дела своих соответствующих правительств, но часто держал их при себе в Ахене по много месяцев подряд.

При описании более поздних завоеваний Карла Великого удобнее всего следовать географическому порядку с севера на юг, а не хронологическому порядку каждой кампании, поскольку его войска сражались в стольких областях одновременно, что попытка изложить его действия в чисто летописной форме приводит к ужасной путанице.

На северо-востоке франкская граница после 785 года была окаймлена славянскими племенами, все они были давними врагами саксов. [Завоевание Северных славян.] Это были аботриты на севере - в современном Мекленбурге— вильцы за ними в западной Померании и Сорбы в Бранденбурге, на Гавеле и Шпрее. Эти племена, подобно своим сородичам, которых мы уже встречали на Балканском полуострове, были грубыми народами и не очень грозными врагами из-за их разделения под властью мелких князьков и неспособности к объединению. Несмотря на многочисленность и воинственность, все славяне между Эльбой и Одером были покорены Карлом в ходе одной кампании. Он переправился через Эльбу в 789 году с австразийской армией, усиленной рекрутами из фризов и саксов, которые с радостью служили против своих исконных врагов. Ужас, вызванный его именем, по-видимому, поверг славян в смятение. После очень слабого сопротивления сначала аботриты и их главный король Вицин, затем вильцы и их главный король Драговит выразили почтение Карлу, дали ему столько заложников, сколько он пожелал потребовать, и согласились платить ему дань и принимать христианских миссионеров, которых он готов был послать к ним. Франкская армия шла маршем по вересковым пустошам и лесам, пока не увидела Балтийское море в устье реки Пене в Померании, а затем вернулась с некоторой добычей и без потерь к берегам Рейна. Славяне были покорены настолько основательно, что во время следующего восстания саксов они не воспользовались возможностью отречься от своей дани Карлу, а пришли помочь ему в борьбе с мятежниками (795). Вицин, принц аботритов, на самом деле был убит истфальцами, когда сражался с франками, и король отомстил за его смерть, который с исключительной жестокостью разорил

земли вдоль Эльбы, чтобы искупить убийство своего союзника. В более позднем восстании саксов (798 г.) мы снова обнаруживаем, что аботриты берут оружие по приказу Карла. Их новый король Трасуко отвоевал нордальбингцев без помощи франков и привел их вождей в оковах к ногам короля, 'после чего Карл оказал ему чудесные почести и преподнес славянам великие дары'.|Войны датчан и славян.| Десять лет спустя тот же принц и его народ доблестно сражались против датчан, когда те вторглись на северную границу владений Карла, хотя их соседи вильцы в этот раз перешли на сторону врага. Последний народ, однако, был снова покорен в 812 году, в самом конце правления великого короля, так что после своей смерти он оставил свои восточные границы неизменными. В целом северные славяне ни в коем случае не были самой трудноуправляемой расой из многих, с которыми Карлу приходилось иметь дело.

Со своими собратьями-славянами южнее, чехами из | Подчинение Богемии.| В Богемии у франков было сравнительно мало родственников. Обширная необитаемая полоса лесов и гор, называемая Бемервальдом, похоже, долгое время разделяла их. Но в 805-6 годах король послал против них своего сына и тезку Карла Младшего, который дважды опустошал всю долину верхней Эльбы и, наконец, заставил вождей чехов признать свою зависимость от франкской империи, заплатив дань.

К югу от Богемии, вдоль Дуная, Рааба и Лейте, владения Карла граничили с татарским племенем аваров, давними врагами как лангобардов, так и императоров Константинополя. В последние годы авары переживали тяжелые времена. | Война с аварами.| Они были настолько раздосадованы гражданскими войнами, что ни один из их принцев больше не правил всей расой и не мог называть себя титулом Каган, старым именем их верховного правителя. И все же, хотя авары и были опустошены собственными распрями и восстаниями славянских племен, которые были их вассалами, они не могли отказаться от своей старой привычки нападать на своих соседей. Они навлекли на себя свою гибель, вторгнувшись в 788 году одновременно в ломбардский поход Фриули и вассальное герцогство Бавария. В следующий раз, два года спустя, когда у него выдался досуг, Чарльз спланировал вторжение на их землю в самом крупном масштабе. Сам он двинулся вниз по Дунаю с австразийской и саксонской армиями, прорвался через длинную линию укреплений, которыми авары укрепили свою границу, и опустошил их земли вплоть до Рааба. В тот же миг огромное лангобардское войско вошло в долину Дравы, вторглось в сердце Паннонии, разбило аваров на поле боя и ворвалось в их огромные кольцевые лагеря. Полное подчинение всего племени последовало бы в следующем году, если бы Карл не был отозван из-за восстания саксов, которое заставило его работать в течение двух следующих сезонов кампании. Сам король больше никогда не выходил на поле боя против аваров, но его сын Пиппин и Эрик, герцог Фриули, продолжили войну от его имени. Дважды они захватывали великое 'кольцо', или королевский лагерь, между Дунаем и Тайссом, центральный оплот аварской расы, и отправляли его добычу в Ахен в таких количествах, что Карл мог посылать аварские трофеи в качестве подарков всем своим друзьям, даже таким далеким королям, как Оффа Мерсийский. |Авары покорились.| В конце концов дух аваров был настолько сломен, что их вожди, или "тудуны", по собственной воле прибыли в Ахен, чтобы засвидетельствовать почтение Карлу, и предложили принять христианство. Их подчинение было принято. Царь назначил одного из них правителем всей расы в качестве своего вассала и повелел ему принять древний титул Каган (805). Этот князь был крещен под именем Авраам, регулярно платил дань франкам и в будущем удерживал своих подданных от опасного искушения вторгнуться на границу с Ломбардией или Баварией. Однако в то время авары

находились в состоянии упадка, и их расе и королевству вскоре предстояло быть сметенными вторгшимися мадьярами.

Та же участь, которая постигла татаро-аварских племен, постигла и их южных соседей и бывших вассалов, славян Савы и Дравы. Эти карантанцы (каринтийцы) и словенцы были покорены оружием баварских и ломбардских подданных Карла и стали зависимыми от Франкской империи, вынужденными платить дань уважения, но не полностью включенными в состав королевства.

Мы уже говорили в предыдущей главе о отношениях Карла с Италией. Ему так и не удалось полностью подчинить герцогство Беневенто, хотя его герцоги несколько раз были вынуждены засвидетельствовать ему свое почтение, когда он лично выступал против них. Италия, наконец, была передана под управление Пиппина, второго сына короля, который получил там королевский титул и власть в качестве представителя своего отца. Пиппин, помимо задачи удержать Беневенто, должен был также справиться с интригами восточных римлян в Италии. Император Константинополя все еще имел плацдарм на полуострове в Неаполе, Реджо и Бриндизи и по-прежнему пользовался уважением полунезависимых народов Венеции и Истрии. К счастью для франков, Восточное королевство находилось в самые важные годы правления Карла, под слабыми руками императрицы Ирины (780-90 и 797-802) и узурпатора Никифора I. (802-11). Они были глубоко возмущены установлением новой власти в Италии и присвоением императорского титула королем франков, что они рассматривали как худшее оскорбление, которое могло быть нанесено величии Восточной империи, которая заявляла, что является единственной и законной наследницей Августа и Константина. [Войны с Востоком-римлянами.] Но их усилия зашли немногим дальше попыток посеять смуту в Италии с помощью лангобардского принца Адельхиса, сына короля Дезидерия, который бежал в Константинополь и стал византийским патрицием. Он пытался совершить не один спуск по Италии, но безуспешно. Единственное серьезное сражение между франками и восточно-римлянами произошло в 804-10 годах, когда Никифор I предпринял несколько экспедиций против Италии, чтобы отомстить за восстание Венеции. В первый названный год партия венецианцев, раздираемых междоусобицами, призвала франков и передала их верность Карлу. Никифор послал флот, который атаковал побережья Тосканы и экзархата, но не смог произвести существенного впечатления на лангобардское королевство. Чуть позже восточно-римская партия в Венеции взяла верх и снова передала город византийцам. Удовлетворенный восстановлением своего вассального государства, Никифор затем заключил мир с Карлом. Единственным чистым результатом войны было то, что франки получили в постоянное владение Полу и другие прибрежные города Истрии, которые до сих пор принадлежали восточноримлянам. Михаил Рангабе, преемник Никифора, зашел так далеко в союзе с Карлом, что согласился признать его императором Запада - уступка, с гордостью принятая франками и расцененная константинопольцами как прискорбный признак слабости (812).

Одним из последствий завоеваний Карла в Италии стало столкновение франков с сарацинскими пиратами, которые наводнили центральное Средиземноморье, обосновавшись в портах островов, обращенных к западному побережью полуострова. [Войны с сарацинскими пиратами.] В дату, которую невозможно точно установить, франки завладели Корсикой и Сардинией, выслеживая сарацинских колонистов, которые отвоевали острова у восточных римлян примерно пятьдесят или шестьдесят лет назад. В 799 году франки также завладели Балеарскими островами. Эти отдаленные владения не раз подвергались нападениям и

разорению флотов из Испании, но они удерживались до конца правления Карла. Они были переданы в ведение графов Генуи и Тосканы, которые, по-видимому, смогли собрать значительный флот и не раз одерживали морские победы над грабящими маврами.

Но самая серьезная борьба между Карлом и мусульманами произошла в Испании, где в течение всего второго периода его правления боевые действия были почти непрерывными. Постоянное продвижение христиан за пределы Пиренеев началось со взятия Жероны в 785 году. Ведение войны перешло главным образом в руки Людовика, третьего сына Карла, которого его отец назвал королем Аквитании и которому доверил все дела юго-запада. Ему и его главному капитану и советнику Уильяму, графу Тулузскому — великому герою франкских романов — пришлось иметь дело с двумя первыми королями Кордовы Оммеядами, Абдерахманом (755-88) и Хишамом (788-897), сильными и способными правителями, у которых отвоевать территорию было отнюдь не просто. [Завоевания в Испании.] Тем не менее христианская граница медленно продвигалась вперед благодаря мятежным и буйным мусульманским правителям, которые постоянно восставали против своих хозяев и призывали на помощь франков. В 795 году недавно завоеванные земли за Пиренеями — вокруг городов Херона, Кардона, Урбель и Аусона — были выделены в отдельное правительство, Марш Испании, и переданы собственному маркграфу, вместо того чтобы входить в зависимость от герцогства Септимания. Барселона, величайший город Каталонии, была присоединена к Походу в 797 году из-за предательства ее губернатора Зейда, который, потерпев неудачу в восстании против своего господина в Кордове, передал это место франкам. Мавры на мгновение отвоевали его в 799 году, но затем король Людовик перешел Пиренеи со всем войском Аквитании и осадил город. Он продержался почти два года, но пал в 801 году, охваченный голодом, после того как франки обнесли его стеной и просидели перед ним в своих хижинах всю зиму 800-801 годов. Мавританское население в массовом порядке покинуло город после капитуляции, и великий город был вновь заселен "готами" из Септимании. Франки теперь прочно обосновались за Пиренеями и за последние десять лет правления Карла подчинили себе весь южный склон гор от Пампелуны до устья Эбро. Таррагона, второй город Каталонии, пал в 809 году, а Тортоса, великая крепость, господствовавшая над нижним течением Эбро, - в 811 году. После этого франки смогли переправиться через реку и опустошить широкие равнины Валенсии; вероятно, именно их продвижение в этом направлении побудило Аль-Хакема, третьего правителя Кордовы Оммеядов, просить мира в 812 году, уступив христианам все, что они приобрели за Пиренеями. Франкам не суждено было навсегда удержать все свои завоевания, но Барселона и все города к северу от нее были потеряны для ислама и завоеваны для христианского мира: эти крепости успешно охраняли аквитанскую границу от сарацинских набегов и в конечном итоге сформировали ядро более важной половины христианского королевства Арагон.

Таковы были иностранные завоевания Карла Великого. Но его наступательные кампании были не единственными войнами, в которых проливалась кровь в последние годы его правления. Были также смуты, хотя и сравнительно незначительного масштаба, внутри его владений. Мы уже упоминали о двух бесплодных попытках бретонцев Арморики восстановить свою древнюю независимость. Они были легко подавлены, но не более поздние восстания саксов. [Более поздние восстания саксов.] Прошло семь лет после установления мира в 785 году, прежде чем непокорные жители Эльбы и Везера снова восстали, но на восьмое лето некоторые районы крайнего севера снова взялись за оружие и вернулись в языческий мир своих предков, 'возвращаясь, как собака на свою блевотину', по словам современного хрониста. Восстание широко распространилось среди истфальцев и нордальбингцев в следующем году (793) и не

было окончательно подавлено до 794 года, хотя оно никогда не распространялось на всю страну, как это было во время великих восстаний в начале правления Карла. Не прошло и двух лет, как среди англичан и нордальбингийцев возникли новые смуты, потребовавшие присутствия Карла; но о растущей силе его власти в стране многое говорит тот факт, что он был в состоянии подавить их с помощью армий, состоящих частично из саксов-христиан, а частично из лояльных славян племени аботритов. Последняя вспышка в стране произошла в конце 804 года: она распространилась только на северные племена и была подавлена без промедления отправкой в Галлию всей неуправляемой расы нордальбингов, величайших преступников среди повстанцев. Карл поселил 10 000 их семей в небольших колониях среди нейстрийцев и передал их свободные земли в дар своему вассалу, королю аботритов. Это было последнее восстание саксов: отныне "они отказались от поклонения злым духам, оставили нечестивые обычаи своих отцов и приняли таинство христианского крещения, смешавшись с франками, пока, наконец, не стали считаться с ними одной расой".| Полное подчинение Саксонии.| Полное подчинение и обращение Саксонии ознаменовано созданием в этот период первых епископств в стране. Карл учредил епископы в Бремене, Мюнстере и Падерборне в 804-6 годах, чтобы они служили соответственно религиозными центрами северной, западной и южной Саксонии. Впоследствии были добавлены другие фонды в Гамбурге, Оснабрюке, Вердене, Хильдесхайме, Миндене и Магдебурге, но эти фонды принадлежат следующему поколению. Вокруг этих епископских престолов выросли первые города Саксонии, поскольку до сих пор их жители вели чисто сельскую жизнь и никогда не собирались за стенами.

Владение Саксонией привело Карла в конце его правления к враждебному контакту с расой, почти неизвестной его предкам, но обреченной быть слишком хорошо известной его сыновьям, — датчанами Ютландского полуострова и скандинавских островов, которые жили за рекой Эйдер на границе с Нордальбингией. Приход новой воинственной христианской державы в глубь неизведанного Севера, по-видимому, подтолкнул датчан к необычной активности. Они, должно быть, слышали от Витикинда и других саксонских изгнанников, которые нашли у них убежище, много рассказов о неуправляемой энергии и неумолимой суровости великого короля франков и боялись, что его сильная рука протянется за реку Гага, чтобы добавить их к списку своих данников и заставить их принять его религию. Войны с датчанами.| Чтобы защититься от дальнейшего наступления франков, король Годфред построил в 808 году вдоль всей своей границы, в самом узком месте Шлезвигского перешейка, огромное земляное укрепление от моря до моря, издавна известное как Данневерк и прославившееся в войнах вплоть до последнего конфликта немцев и датчан в 1863 году. Но Годфред не ограничился оборонительными сооружениями; он начал совершать пиратские набеги вдоль всего фризского и фламандского побережий вплоть до устья Сены и в то же время нападал на аботритов и вильцев, славянских вассалов Карла на Балтике. Годфред нанес большой урон во Фризии, и на мгновение ему даже удалось сокрушить аботритов и подчинить вильцев. Он доставил франкам много хлопот, так как разорил все побережье там, где оно не охранялось, но снова сел на свои корабли, когда против него была послана большая армия. В 810 году он так далеко проник во Фризию, что хвастливо говорил о том, что нанесет Карлу визит в Ахен. Но в том же году он был убит своим собственным народом, а его племянник и преемник Хемминг заключил мир с франками. Мир соблюдался плохо, поскольку мы слышим о отдельных датских набегах в последние годы правления Карла, а флот военных кораблей, которые были построены в портах Нейстрии для защиты побережья, по-видимому, не очень эффективно защищал фризские воды.

Но Карл не дожил до того, чтобы увидеть серьезное развитие датского наступления: он умер до того, как его королевство понесло серьезные потери от их опустошений, и, должно быть, был далек от того, чтобы подозревать, что не проживет и пятидесяти лет после его смерти, как эти полуизвестные и в некоторой степени презируемые враги пронзят франкскую империю из конца в конец и даже разграбят его собственное избранное жилище, королевский дворец в Ахене.

ГЛАВА XXII

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ИМПЕРИЯ

Выживание теории империи в Западной Европе и особенно в Италии—Ее влияние—Неприятности папы Льва III.—Он коронует Карла в Рождество 800 года—Последствия, непосредственные и отдаленные, коронации—Папство и империя—Карл как администратор и законодатель—Его поощрение литературы, архитектуры и науки—Его последние годы и смерть.

Повествуя о нескончаемых войнах великого короля франков, мы едва нашли время упомянуть о внутренних изменениях, которые он произвел в состоянии и устройстве своих королевств. Первым и главным из них было его внедрение новой политической теории в управление западным христианским миром, когда он добился того, чтобы папа Лев III короновал себя императором. в памятном 800 году.

В одной из предыдущих глав у нас была возможность отметить, что теория всеобщего владычества Римской империи надолго пережила угасание какой-либо реальной власти императоров в большинстве стран Западной Европы. Теодорих Остгот и Хлодовех Франк были горды тем, что признали себя первыми подданными константинопольского цезаря и получили из его рук звучные титулы и почетные одеяния. До середины VI века Галлия, Испания и Италия были номинально верны империи, и в их верности было отказано только тогда, когда Юстиниан своей смелой попыткой вернуть себе весь Запад вынудил тевтонских королей поднять против него оружие в свою защиту. Тогда Бадуила, Леовигильд и Теудеберт отказались от своей верности и изгнали имя императора со своих монет и хартий. Последние практические следы старых римских связей были утрачены в Испании, когда солдаты Ираклия были изгнаны Свинтилой (623),^[50] и в Галлии, когда поощрение и субсидии Маврикия не смогли поддержать претендента Гундовальда (585).^[51] Однако в умах образованных классов все еще сохранялась память о древней империи; любопытные обороты выражения у хронистов седьмого века часто показывают нам, что они все еще помнили старую теорию всемирного правления Рима. Испанский хронист, писавший в седьмом веке, все еще может называть восточноримские армии "солдатами *республики*". Подданные франкских королей в Галлии все еще датировали свои письма константинопольскими указаниями.

50. См. страницу 224.

51. См. стр. 170.

В Италии, конечно, традиции единства христианского мира при императорах не грозила опасность быть забытой. Апелляции к древнему светскому и духовному превосходству Рима были самыми весомыми пунктами в арсенале аргументов папы, когда какой-нибудь Григорий или Захария заявлял о своих претензиях на патриаршую власть на Западе или осуждал нечестие назойливых ломбардцев. Личные амбиции пап всегда побуждали их предаваться приятным воспоминаниям о древней славе Империи. Тщеславие выродившегося населения Рима иногда находило выход в тщетных заявлениях о том, что они, "римский сенат и народ", на самом деле были наследниками Августа и Константина, в то время как константинопольский кесарь был не более чем простым греком. [Империя и Запад.] Когда из-за разрыва между Львом Исаврийцем и папой Григорием II Рим практически перешел из рук Восточного Августа, итальянцу было достаточно легко утверждать, что Константин Копроним или Лев Хазар больше не имели истинного права использовать римский императорский титул. И итальянские недовольные добавляли, конечно, не то, что Рим перестал быть частью Римской империи, а то, что титул императора перешел от еретического исаврийского дома и пришел в упадок, в то время как сама империя все еще существовала, поскольку ее прекращение стало непостижимым для итальянского ума.

Итальянцы и в меньшей степени франки были крайне озадачены длительным сохранением аномального положения дел, когда в течение шестидесяти лет титульные императоры оставались еретиками и не смогли удержать свою власть над Римом. Положение не улучшилось и тогда, когда Восточная империя действительно вернулась к православию, но в то же время перешла в руки императрицы-регентши, что вызывало отвращение у всех, кто помнил древнеримский ужас правления женщины. Сама Ирина тоже получила корону в результате такой серии преступлений против своего сына, что не только юристы-конституционисты, но и все здравомыслящие люди уклонялись, несмотря на ее крайнюю ортодоксальность, от мысли признать в ней законную правительницу Рима.

Не раз во время долгой ссоры между папами и исаврийскими императорами поговаривали об избрании отдельного Августа для управления Римской Италией — теми областями полуострова, которые не находились в руках лангобардов. [Тенденции к сепарации в Италии.] Этот план не был приведен в исполнение, главным образом потому, что папы выступили против него, но он не был забыт. Теперь, когда большая часть Италии, как ломбардской, так и римской, находилась под властью единого короля, которого очень любили как папа римский, так и римский народ, было бы странно, если бы идея полного отказа от позорной зависимости Рима от Константинополя снова не обсуждалась. До тех пор, пока оставался только один человек, носивший императорский стиль, — правитель Востока, — папа и его римские и итальянские современники с тревогой сознавали, что, возможно, им все же следует воздавать должное этому человеку, каким бы греком и еретиком он или она ни были.

Мы можем предположить, что эти сомнения едва ли беспокоили франкских вассалов Карла Великого, но для его итальянских подданных они были постоянным источником душевного смутения; хотя практически они были вассалами франкского короля, они не были вполне уверены, что теоретически их все еще нельзя считать вассалами ненавистных цезарей в Константинополе.

Такие мысли, должно быть, проносились в головах всех пап, занимавших Римский престол с 773 по 800 год. Но, похоже, это был папа Лев III, который первым додумался до самого простого способа уладить ситуацию — объявить короля франков римским императором, а не просто римским патрицием. Варвар Август был бы беспрецедентен, но не более, чем женщина-правительница Империи, которая сейчас управляла Константинополем. Очевидно, именно вид женщины — и очень порочной женщины — на византийском троне дал последний импульс желанию итальянцев оборвать последнюю нить связи с имперской линией на Востоке. Их желание, должно быть, было хорошо известно самому Чарльзу, но, похоже, он в течение некоторого времени уклонялся от его исполнения. Возможно, он боялся ответственности, связанной с титулом; более вероятно, он не видел, как он может быть присвоен ему юридически: не было прецедента, чтобы решить, какое лицо или организация на Западе могли претендовать на его присвоение, и было совершенно очевидно, что Константинопольский суд категорически откажется предоставить его и сочтет его присвоение "варварским" королем Запада вопиющей дерзостью.

[Лев III и Карл.] Казалось бы, горячая благодарность папы Льва III, ибо его освобождение рукой Карла от некоторых внутренних врагов в Риме было активной причиной великой церемонии Рождества 800 года. Лев подвергся жестокому обращению со стороны личных врагов в Риме, родственников его предшественника Адриана I. Они схватили его лично и пытались ослепить. Но он сбежал, перебрался через Альпы и укрылся у великого короля в его лагере близ Падерборна, в Саксонии. Карл расследовал спор между Львом и его врагами и решил, что приедет в Рим и решит этот вопрос лично; тем временем он отправил Льва домой под защитой нескольких франкских послов. В конце 800 года Карл перебрался в Италию и созвал синод в Риме, на котором тщательно расследовал поведение Льва и объявил его невиновным, в то время как его враги были казнены или брошены в тюрьму. Затем папа принес присягу, сняв с себя все обвинения, которые были выдвинуты против него, и был восстановлен на своем месте с большой торжественностью.

Прошло всего несколько дней после того, как Карл таким образом восстановил Льва в правах и воздал ему почести, и папа отплатил долг благодарности, короновав своего спасителя императором. Любопытны подробности этой важнейшей церемонии. Королевский и папский дворы столпились в базилике Святого Петра, чтобы отпраздновать праздник Рождества. [Карл короновался как император.] Когда служба закончилась, и пока император все еще стоял на коленях перед алтарем в безмолвной молитве, Лев выступил вперед с диадемой в руке и возложил ее на склоненную голову великого короля, воскликнув: "Боже, даруй жизнь и победу Карлу Августу, коронованному Богом, великому и миролюбивому императору римлян". Франкские воины, итальянское духовенство и горожане присоединились к крику, и все присутствующие, включая самого Папу Римского, преклонили колени перед Карлом, когда он поднялся, и приветствовали его с таким же почтением, с каким поклонялись древним императорам.

Сам Карл имел обыкновение заявлять, что церемония состоялась без получения его согласия и что он никогда бы не вошел в собор Святого Петра в тот день, если бы знал о намерении папы. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что он серьезно обдумал этот вопрос задолго до этого; вполне вероятно, что Лев в своем порыве благодарности за свое восстановление не более чем вынудил Карла действовать силой, отметая своим внезапным поступком давние возражения короля против коронации. Он знал, что этот акт будет с радостью встречен как

Фрэнком, так и Романом, и что сам Чарльз скорее сомневался в надлежащей форме принятия титула, чем возражал против его фактического принятия. То, как большинство его подданных восприняли коронацию, можно почерпнуть из выдержки из франкской хроники Лауресхайма: "Имя императора прекратилось среди греков, ибо они терпели правление женщины, а потому и Льву апостольскому папе, и святым отцам (епископам), которые были с ним в совете, и всем христианам казалось благом, чтобы они приветствовали Карла, короля франков, как императора. Ибо он владел самим Римом, где всегда жили древние цезари, и всеми другими своими владениями в Италии, Галлии и Германии. А потому, поскольку Бог даровал ему все эти владения, им казалось справедливым, что он должен принять и императорский титул, когда он был предложен ему с согласия всего христианского мира".

То, что многое можно было сказать против законности принятия Чарльзом своего нового стиля, не подлежит сомнению. Конечно, папа не имел права давать его: на протяжении многих веков не было прецедента присвоения императорского титула разложившейся группой знати и разношерстным сборищем граждан, которые все еще могли называть себя 'сенатом и народом Рима'. Очевидно, папа, приветствуя Карла как 'коронованного Богом', утверждал, что импульс приветствовать его великим именем императора снизошел прямым вдохновением с небес на толпу, собравшуюся в соборе Святого Петра. [Значение коронации.] Но такое заявление вряд ли было бы убедительным ни для византийского двора, ни для современного историка. По правде говоря, многое можно было сказать в пользу принятия Карлом императорского стиля как признания свершившегося факта, но мало о конкретных формах, с помощью которых это было осуществлено. В особенности тот факт, что папа, казалось, присвоил этот титул своим собственным поступком и импульсом, доказал неисчислимый вред в последующие годы. Если бы коронация великого короля приняла какую-то другую форму, папы последующих поколений не смогли бы выдвинуть свои абсурдные претензии на обладание властью дарить или отнимать императорскую корону. Преемники Карла были бы избавлены от многих утомительных поездок в Рим и многих ожесточенных споров со Святым Престолом, если бы была проведена официальная церемония избрания, в которой могли бы принять участие все народы Запада, или если бы Карл, подобно Наполеону в более позднюю эпоху, мог возложить корону на свою голову, а не принимать ее из рук понтифика.

Принятие великим королем императорского титула имело много практических последствий в данный момент и оказало большое, но еще более важное влияние на историю Европы на долгие столетия вперед.

[Взгляды Карла на империю.] Наиболее заметным из непосредственных результатов коронации было то, что Карл и все его подданные считали, что церемония вновь подтвердила его королевскую власть в новой и более священной форме. Раньше его власть основывалась на избрании его королем франками, а затем лангобардами; теперь он был 'коронован Богом', а также избран народом. В будущем он проявлял все большую склонность настаивать на всемогуществе своего авторитета как в церковных и моральных, так и в гражданских вопросах. Как помазанник Небес, он утверждал, что является хранителем морали и реформатором христианского мира, а также защитником Церкви. Карл всегда проявлял глубокую заинтересованность в духовном благополучии своих владений. Мы уже видели, какую энергию он проявил, добиваясь обращения Саксонии, славян и авар. Он председательствовал на бесчисленных соборах и синодах, побуждая своих епископов насаждать строгую дисциплину и трезвый образ жизни среди духовенства, а также искоренять языческие пережитки и

безнравственность среди мирян. Теперь, став императором, он еще больше, чем прежде, настаивал на моральной стороне своей власти: он считал себя не только преемником Константина и Феодосия, но даже наследником теократической власти древних израильских царей — Давида или Иосии. Когда Карл после своей коронации снова пересек Альпы и провел свой следующий большой совет в Австразии, он воспользовался возможностью донести свои взгляды до своих подданных. Он заставил всех своих подданных, мирян и светских людей, присягнуть ему во второй раз под его новым именем императора: каждый человек старше двенадцати лет должен был получить присягу от местного духовенства и быть предупрежден, 'что его обет почтения был не просто обещанием быть верным императору и служить ему против его врагов, но обещанием жить в послушании Богу и Его закону в меру сил и понимания каждого человека. Это был обет воздерживаться от воровства, угнетения и несправедливости не меньше, чем от языческих обычаев и колдовства: обет не причинять вреда Церквям Божиим и не причинять вреда вдовам и сиротам, избранным защитником и опекуном которых является император.' За этим последовало гораздо больше с тем же эффектом: Карл официально заявил, что защита всех законов и морали осуществляется именем императора, и предупредил своих подданных, что любое оскорбление его и его указов является прямым преступлением против помазанника Божьего.

Такое высокое и святое представление о долге и власти императора нашло место не только в сознании Карла. [Священная Римская империя.] Ему удалось произвести впечатление на своих современников и на долгие столетия вперед: с него начинается идея "Священной Римской империи", которая так глубоко повлияла на всю светскую и религиозную жизнь Средневековья. Франкское королевствование, простое правление силой, не имело возвышенного и духовного значения: новая империя представляла собой тесный и сознательный союз Церкви и государства в интересах обеих. Все началось с представления о том, что император должен быть защитником и надзирателем за Церковью: к несчастью, все закончилось тем, что папа стал надзирателем за государством. Но поколение, видевшее папу Льва на коленях, "преклоняющегося" перед величием великого Карла, не могло предвидеть того дня, когда преемник Карла должен будет смиренно ждать часами перед закрытой дверью преемника Льва или просить об одолжении поддержать его стремя.

С коронацией Карла Великого в Европе начинается новая эпоха. Царствованию чисто варварской силы пришел конец: наступает время, когда история Европы осложняется борьбой идей не меньше, чем борьбой вооруженных наций. В будущем мы должны всегда быть начеку, чтобы выявить влияние на политику идеальной концепции христианского мира как великой империи под властью единого правителя, избранного Богом для управления мечом, и конкурирующей концепции о нем как о великой Церкви под руководством единого Патриарха в Риме, назначенного держать ключи от рая и ада и направлять королей по пути, которым они должны идти.

Внутреннее управление обширным королевством Карла было сложной проблемой. [Карл и его сыновья.] При жизни великий король позаботился об этом, передав свои полномочия в определенных областях своим сыновьям: мы уже говорили о его назначении Карла, Пиппина и Людовика королями Нейстрии, Италии и Аквитании. Карл рассматривал возможность существования единой империи, в то время как многие ее части должны были бы управляться вассальными суверенами. В его время план сработал достаточно хорошо: он, возможно, не предвидел, что проблема станет намного сложнее в следующем поколении, когда почтение и

повиновение младших королей придется отдавать брату, дяде и, наконец, просто дальнему кузену.

Карл публично обнародовал в 806 году схему, по которой его королевством должны были управлять после его смерти: титул императора и все франкские земли, как Нейстрийские, так и Австразийские, должны были перейти к его первенцу Карлу; вместе с ними отошли Саксония, Тюрингия и Бургундия. Пиппину, второму сыну, досталась Италия вместе с Баварией и восточной Швабией. Льюису, младшему ребенку, предстояло захватить Аквитанию, Прованс и Испанский поход. Это разделение, однако, оказалось бесплодным из-за неожиданной кончины двух старших королей: к великому горю их отца, Пиппин умер в 810 году, а Карл - в 811-м. Это потребовало нового раздела империи: теперь Льюис был единственным взрослым мужчиной в семье: следовательно, ему были оставлены императорское имя и все владения, кроме Италии, которая должна была стать вассальным королевством Бернарда, младшего сына Пиппина.

Карл, пока все его сыновья были еще живы, передал им в управление большую часть своих владений. Под их властью королевствами управляла та же иерархия герцогов и графов, которая существовала во времена Меровингов. Когда какая-либо новая земля, такая как Саксония или Ломбардия, присоединялась к империи, вскоре она разделялась на графства по той же схеме, которая уже применялась к Австразии и Нейстрии. Таким образом, между графом и императором существовала обычная возрастающая шкала рангов. Граф подчинялся герцогу, герцог - младшему королю, король-его отец - сюзерену всех. В завоеванных землях франкам, как правило, доверялись наиболее важные органы управления провинциями, но Карл часто отдавал графства в их родных районах лангобардам, аквитанцам или даже саксам, которые хорошо и верно служили ему.

Лучшей гарантией единства и мира империи была неустанная деятельность самого Карла, который неустанно путешествовал по своим владениям из конца в конец, пока в нем была жизнь. Именно его собственные частые визиты в Саксонию, Италию или Баварию были лучшим средством удержать эти отдаленные провинции в лояльности и повиновении. Но у него также была регулярная система разъездных уполномоченных, которые постоянно разъезжали по королевству и докладывали ему о нуждах различных провинций. [Missi Dominici.] Круг этих *Missi Dominici*, или королевских легатов, как их называли, был им полностью урегулирован только в 802 году, но гораздо раньше он использовал их менее систематически. Его отец и дед, Пиппин Короткий и Чарльз Мартель, имели обыкновение время от времени посылать командировочные поручения (*Missi discurrentes*), но именно Карл император умножил и систематизировал их деятельность. По его распоряжению его эмиссары, которые иногда были священнослужителями, иногда мирянами, были назначены сроком на год в определенное количество графств. Они посетили собрания жителей округа, были вызваны в *Мэллус*,^[52] и осведомились о состоянии провинций. К ним поступали жалобы на самого графа или местного епископа, и они отправляли их королю или рассматривали на месте. Иногда мы находим, что *миссиям* поручали другие обязанности, такие как руководство посольством или военной экспедицией, но эта окончательная проверка местных губернаторов была их главной обязанностью. До тех пор, пока выбирались честные и сильные люди, лучшего механизма для сохранения единства обширной империи франков нельзя было придумать.

52. См. стр. 125.

Мы уже упоминали в предыдущей главе об интересе, который Карл всегда проявлял к искусству и литературе, интерес, который был очень редок среди франкских королей, будь то его собственный дом или Меровинги. Из всех двух династий негодяй Чильперих I — как ни странно — единственный, кто, согласно записям, проявил какие-либо литературные вкусы. Карл, однако, искупил пренебрежение своих предшественников. [Поощрение обучения.] Он собрал ученых людей со всех сторон: самыми известными именами среди них были нортумбриец Алкуин и лангобарды Петр Пизанский и Павел Диакон. сначала его ученые были в основном иностранцами, но к концу своего правления он стал свидетелем того, как в ответ на его поощрение выросло целое поколение ученых франков. В двух его воззваниях, в *"Послании о литературных произведениях"* и в *"Энциклике об исправлении библиотек"*, излагалась его цель. Он жалуется, что письма, адресованные ему епископами и аббатами со всех концов его королевства, "очень правильны по настроению, но очень некорректны по грамматике", так что он начал опасаться, достаточно ли его духовенство знает латынь, чтобы понять весь смысл Священного Писания. Поэтому Он распорядится учредить в каждом монастыре школы для совершенного преподавания латинского языка, 'потому что полезно, чтобы мужи Божьи не только жили по уставу и пребывали в святой беседе, но и посвящали себя литературным размышлениям, каждый по своим способностям, чтобы они могли посвятить себя долгу обучения других'. [Умножение книг.] Под покровительственной рукой Карла все крупные монастыри превратились в центры образования: его заботе мы обязаны сохранением многих классических авторов, поскольку он постоянно переписывал и размножал старые тома, 'почти изношенные', как он говорит, "из-за небрежности наших предков". Каждому монастырю было настоятельно рекомендовано сохранить свои собственные сокровища в нескольких экземплярах и обмениваться ими с сокровищами своих соседей. Он уделял особое внимание книгам Ветхого и Нового Заветов, был потрясен разнообразием прочтений, которые, как он обнаружил, существовали — из-за, как он утверждает, крайнего невежества переписчиков — и поручил Павлу Диакону составить новый лекторий, исправленный в соответствии с лучшими текстами и предназначенный для использования во всех Церквях его королевства. Он обратил свое внимание не только на религиозные книги: у него были собраны и выписаны старинные героические эпосы франков — прототипы, как мы можем предположить, таких произведений, как *"Сказания о нибелунгах"*. К сожалению, его благочестивый сын Льюис уничтожил этот бесценный корпус франкской поэзии, потому что посчитал его языческим. Он также заставляет своих учеников работать над составлением грамматик — как латинских, так и немецких — биографий и даже трудов по светской истории. Без сомнения, именно его вдохновению мы обязаны внезапным расширением и умножением франкских хроник. Наши исторические источники, вплоть до его времени, немногочисленны, скудны и тощи; вскоре после его восшествия на престол они становятся полными, удовлетворительными и многочисленными. Девятый век, несмотря на все его беспокойные времена, нам гораздо лучше известен, чем восьмой.

Карл держал при своем дворе лучших из своих ученых и обращался с ними как с близкими друзьями. Когда он обосновался на зиму в Ахене и отдохнул от войн, он собрал их вокруг себя, чтобы обсудить всевозможные темы, от астрономии до логики. Литературный кружок носил старые классические названия. Алкуин называл себя Флакком, к Карлу обращались как к царю Давиду, другие ученые называли себя Гомером, Мопсусом и Даметасом. Их дискуссии часто были бесплодными, а иногда ребяческими, но для Западного христианского мира было чем-то новым обнаружить целую группу ученых, занятых дискуссиями любого рода. Оглядываясь

назад, на непроглядную тьму седьмого века, мы обнаруживаем, что двор Карла Великого был настоящим средоточием света и мудрости. В нем заключалось обещание великих свершений в будущем, обещание, которого мы тщетно ждали в любой период предшествующих эпох.

Чарльз проводил свой досуг не только в литературе. Он был большим поклонником музыки, как светской, так и церковной. Его слух был очарован григорианскими песнопениями, которые он слышал в Риме, и он взял с собой итальянских хормейстеров, чтобы научить церковников севера звучным каденциям святого папы.

[Чарльз как строитель.] Он также был могущественным строителем. В Ахене он построил для себя большой дворец и великолепный собор. Первый погиб, но от последнего сохранилось достаточно, чтобы показать точную степень развития романской архитектуры к его времени. Он так сильно стремился сделать из нее самую великолепную базилику к северу от Альп, что, когда обнаружил, что его собственные рабочие не в состоянии воплотить его идеи, послал за древними колоннами и мрамором из далекого Рима и Равенны. Его собственный гроб представлял собой великолепный римский саркофаг, вероятно, привезенный из Италии. Он построил дворцы в двух других австрийских городах, помимо Ахена, в старых королевских резиденциях Нимуэген и Энгельхайм, поскольку был австрийцем до мозга костей и всегда делал землю своих предков своим любимым жилищем. Он построил мост в Майнце длиной в пятьсот ярдов - первое достижение франкской инженерной мысли в этом классе сооружений. К сожалению, он был уничтожен пожаром в 813 году и никогда не обновлялся. Другой работой, свидетельствующей о его интересе к инженерному делу, был канал, соединяющий Рейн и Дунай посредством их притоков Альтмюля и Редница.

Но чтобы проследить за Карлом во всех сферах его деятельности на протяжении его долгой жизни и правления, потребовалось бы много томов. [Смерть Карла, 814.] Здесь достаточно сказать, что после всех этих достижений он скончался в избранной им обители в Ахене 28 января 814 года, унесенный в глубокой старости плевритом, подхваченным зимними холодами. Он был похоронен в соборе, который построил сам, и над его могилой была установлена золотая рака с его изображением и надписью: 'Sub hoc conditorio situm est corpus karoli magni et orthodoxi imperatoris, qui regnum francorum nobiliter ampliavit, et per annos xlvii feliciter rexit'. Это была всего лишь короткая эпитафия, посвященная великим деяниям того, кто лежал внизу, но никакие длинные слова не могли бы воздать должное его величию. Гораздо лучший памятник был оставлен ему в сердцах его подданных; его имя сохранилось в устах всех рас, которые служили ему, как образец силы, мудрости и праведности. Вся Западная Европа на протяжении семисот лет смотрела на него как на общую гордость христианского мира, как на основателя той "Священной Римской империи", которая соответствовала их идеалу правления. Его фигура вырисовывается, хотя часто с размытыми и искаженными очертаниями, из десятков легенд и романсов, которые омрачали устремления Средневековья. В настоящее время считается, что через сто лет после его смерти он завоевал Испанию и Византию и пронес свое оружие до Палестины. Впечатление, которое он оставил после себя, было настолько велико, что мир считал, что для него нет ничего невозможного. Возможно, представление о том, что его правление было своего рода Золотым веком, отчасти было порождено контрастирующими годами смут и гражданских раздоров, последовавшими за его смертью. Но тенденция оглядываться на его время как на период непревзойденного великолепия и праведности была не заблуждением, а справедливым признанием того факта, что он дал западному миру представление о новых и высоких идеалах, каких он никогда не знал ни при жестоком

правлении двенадцати поколений варварских королей, ни в те более ранние дни, когда он все еще держался железной хваткой цезарей древнего Рима.

ГЛАВА XXIII

ЛЬЮИС БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

814-840

Характер Льюиса Благочестивого—Он реформирует франкский двор—Его церковное законодательство—После чудом избежавшего смерти он делит свое королевство между сыновьями—Раздел Ахена—Восстание и смерть Бернарда Итальянского—Второй брак Льюиса и его последствия—Второй раздел империи, за которым последовало восстание старших сыновей Льюиса—Их неоднократные восстания—"Люгенфельд"—Льюис дважды свергался и восстанавливался—Продолжающиеся проблемы его последних лет—Он умирает, возглавляя армию против своего сына Льюиса—Катастрофические последствия его правления.

Карл Великий оставил свой трон и империю своему единственному оставшемуся в живых сыну, рожденному в законном браке, Льюису Благочестивому, как называли его ровесники, хотя более поздние хронисты называют его Льюисом Дебоннером. Наследник великого императора был набожным принцем, который проявил себя — подобно нашему Эдуарду Исповеднику — 'настоящим святым для короны'. Это был слабый, добродушный человек, уже не в расцвете юности, чьи кроткие добродетели гораздо больше подходили для украшения монастыря, чем дворца. Совершенно лишенный самоуважения и решимости, раб своей жены, своих капелланов и епископов, любящий отец и муж, чрезмерно щедрый жертвователю, он обладал одной из тех натур, которые совершенно не способны нести ответственность и счастливы только тогда, когда находятся под властью более сильной воли, чем их собственная. Перед Льюисом стояли проблемы, которые напрягали железные нервы его отца, — задача управлять каждой из наций, находившихся под франкским скипетром, так, как это было необходимо, с дополнительным испытанием - быть сильно раздосадованным вторжениями датчан, первые опустошения которых Карл Великий едва дождался до того, чтобы увидеть. Этого было достаточно, чтобы занять его каждую минуту, даже будь он способным человеком. Но он предпочел добавить к своим неприятностям ненужный судебный процесс по спору о престолонаследии и судорожную гражданскую войну. Главной чертой его двадцатилетнего правления является утомительный рассказ о его неразумном обращении со своими непокорными сыновьями и о зле, которое последовало за этим.

Великое королевство, которое теперь досталось Льюису, было построено, несмотря на три основные трудности — огромную протяженность завоеванных земель и медлительность сообщения между ними, национальные различия между различными народами, населявшими

их, и старый тевтонский обычай, который одобрял раздел королевства между всеми сыновьями его правителя, точно так же, как если бы это было частное наследие. Первые две опасности не оказались смертельными. Личная энергия и нескончаемые путешествия Карла Великого победили пространство и время. Расовые различия были менее серьезными, чем можно было ожидать, поскольку истинное национальное чувство еще не было полностью развито в Западной Европе. Непосредственной причиной ее разорения были не огромные размеры Франкской империи и не разнородный характер ее жителей, а пагубная практика раздела наследства между всеми наследниками правящего монарха. До сих пор империи везло в том, что она избегала последствий этого зла. Карл Молот распал свое королевство, но добровольное отречение старшего Карломана вскоре воссоединило Нейстрию и Австразийские земли. Пиппин снова разделил свое королевство, но сонаследник, чье выживание помешало бы делу жизни Карла Великого, умер молодым. И в следующем поколении смерть также лишила короля всех его законных отпрысков, кроме одного, и Людовик Благочестивый получил безраздельное наследство.

Но у Льюиса, к несчастью для себя и для империи, уже было трое сыновей-полувзрослых, когда он унаследовал империю, и ему было суждено увидеть, как четвертый достигнет зрелости, прежде чем он умрет. Обычаю раздела теперь было суждено подвергнуться справедливому судебному разбирательству и развиться в максимальной степени.

Людовик находился в Дуэ, в своем королевстве Аквитания, когда получил известие о смерти своего престарелого отца. Двигаясь так быстро, как только мог, он прибыл в Ахен после тридцатидневного путешествия и взял бразды правления в свои руки. Не вызывая папу для участия в своей коронации, он отпраздновал свое восшествие на престол, сняв императорскую корону с алтаря в кафедральном соборе своей столицы и возложив ее себе на голову, в то время как собравшиеся графы и епископы кричали *Виват император Людовик!* Магнаты также приветствовали его титулом "Благочестивый", название, которое он поместил на свои монеты, на другой стороне которых была надпись "*Renovatio Regni Francorum*". 'Обновление' королевства нашло свое первое выражение в отстранении от должности министров, которые управляли делами на склоне лет Карла Великого. Льюис приехал в Ахен в сопровождении своих доверенных слуг и был полон решимости не отдавать себя в руки фаворитов своего отца. В жизни его отца и при дворе было многое, чего его собственная щепетильная совесть не могла одобрить. Как человек, который сам вел исключительно добродетельную жизнь, он терпеть не мог епископов и аббатов, которые потворствовали безнравственности его отца. [Восшествие на престол Льюиса Благочестивого.] Франкский двор, хотя и изобиловал духовенством, не был образцом трезвости или целомудрия, и сам старый император подавал не лучший пример. Льюис был полон решимости прекратить это.

В тот момент, когда он прочно воссел на трон, новый монарх уволил от двора своих сестер, жизнь которых в последние годы жизни его отца была не менее скандальной. Их любовники были изгнаны или заключены в тюрьму — одного даже лишили глаза. Следующим его шагом было изгнание трех главных министров Карла Великого. Канцлер Гелисахар, настоятель монастыря Святого Максимиана, был сослан в свой монастырь. Двум братьям, графу Вала и аббату Адальхарду,^[53] к ним применили более жесткие меры. Император отправил Адальгарда жить в уединенный монастырь Эрмутье, расположенный на острове у устья Луары. Граф Вала был лишен меча и доспехов, острижен наголо и замурован как монах в монастыре Корби.

53. Они были незаконнорожденными карловингами, сыновьями Бернарда, бастарда Шарля Мартеля.

Этих советников заменили люди, с которыми Людовик познакомился, еще будучи королем Аквитании. Вождями были Эббо, его собственный молочный брат, аббат Хильдуин, и граф Бернард Септиманский. Эббо, хотя и был всего лишь сыном крепостного, был дорог императору с самого раннего детства; он выполнял приказы и был назначен своим покровителем архиепископом Реймса при первой же возможности, несмотря на ропот многих высокородных франкских священнослужителей, которые восклицали, что такое преимущество не подобает человеку рабского происхождения. Хилдуин, новый канцлер, был бесстыдным плюралистом, три аббата в одном лице, и постоянно добивался большего расположения. Бернард, однако, умный, неугомонный, интригующий гасконец, вызывал еще большую зависть и горечь среди старых придворных Карла Великого и, похоже, был самым ненавистным человеком в королевстве. Но, возможно, самым влиятельным из всех советников Людовика была его жена Эрменгарда, дочь графа Хесбена, честолюбивая и беспринципная женщина, которая пользовалась таким влиянием на своего непостоянного супруга, что ей даже удавалось раз за разом подталкивать его к недобросовестным поступкам, весьма чуждым его мягкому и праведному нраву.

Карл Великий оставил границы своего великого королевства настолько хорошо охраняемыми, что в первые годы правления Людовика Благочестивого не было ни одной иностранной войны, которая вызвала бы императора на поле боя. Характерным признаком новогорежима было то, что на первых собраниях магнатов империи церковные вопросы превалировали над всеми остальными. Мы слышим о законодательстве против плотски настроенных епископов и аббатов, которые шокировали благочестивых тем, что разъезжали в плаще, при шпаге и золотых шпорах, как светские вельможи. Между священнослужителями рабского происхождения и их бывшими господами был установлен *modus vivendi*, предусматривающий, что при выплате надлежащей компенсации виллен может выйти на свободу. Император проявил живейший интерес к этому вопросу. Не только его любимец Эббо, но и несколько других его советников были крепостными, и он больше всего стремился защитить их от притязаний их древних хозяев и оскорблений со стороны свободнорожденного духовенства. [Церковное законодательство.] Другой указ Льюиса касался владения землями монастырей. Установив, что четырнадцать великих домов обязаны империи как военной службой, так и денежной помощью, а еще шестнадцать - исключительно финансовыми обязательствами, он объявил, что все остальные монастырские учреждения в его обширных владениях должны владеть своей собственностью на простом условии, что они должны 'молиться за благополучие императора, его детей и империи'. Это привело к тому, что огромное количество поместий перешло во владение того, кого в более поздние эпохи называли "фрэнком Алмойном", и освободило от естественной ответственности перед государством больше земель, чем можно было бы разумно допустить для освобождения от шотландцев.

[Коронация Льюиса, 816 год.] Еще один знак крайнего уважения Льюиса к Церкви был дан в самом начале его правления. Когда в 816 году умер престарелый папа Лев III, короновавший Карла Великого, римляне в большой спешке избрали Стефана IV. его преемником. Новый папа был посвящен без императорской санкции, но Льюис не возражал и не выказывал гнева по поводу такого пренебрежения его прерогативами. Он был настолько далек от негодования, что позволил Стефану заявить ему, что на его коронацию в Ахене не было благословения Церкви,

поскольку он собственноручно снял корону с алтаря. Чтобы сделать положение Льюиса более похожим на положение его великого отца, папа предложил перейти Альпы и вернуть себе власть своего учителя. Людовик не обиделся на пятно, брошенное на форму его избрания на престол империи, но с большим почетом принял Стефана в Реймсе и был там коронован во второй раз (816). Таким образом, за один год он ослабил свою хватку на папстве и позволил папе ужесточить свою хватку на империи в следующем.

В 817 году произошел несчастный случай, который должен был иметь самые серьезные последствия для характера и судьбы императора. Он проезжал со всей своей свитой по деревянной галерее, соединявшей собор и дворец в Ахене, когда все сооружение рухнуло на землю. Многие придворные были убиты, а сам император получил ранения, которые на много недель приковали его к постели. Потрясение и едва спасшийся от смерти Льюис задумался о нестабильности жизни и необходимости всегда быть готовым к могиле. Он никогда не отличался трезвостью и самодостаточностью, но теперь впал в нездоровое и мрачное расположение духа, которое не покидало его до самой смерти. Если бы он только до сих пор был дерзким грешником, он мог бы успокоить свою совесть, обратившись к новому образу жизни; но, поскольку он уже был человеком непорочных и добродетельных привычек, его обращение лишь привело его к преувеличенному аскетизму. Он отказался от изучения светской литературы, которая до сих пор скрашивала его досуг, и до конца своей жизни не читал ничего, кроме теологии. Нам даже рассказывают, что он уничтожил сборник старинных франкских героических поэм, составленный его отцом, из-за множества следов язычества, которые он обнаружил в них. Его советники с трудом удержали его два года спустя от того, чтобы сложить корону и удалиться в монастырь.

Одним из первых последствий болезненных размышлений Льюиса о своем последнем конце было то, что он решил урегулировать вопрос о наследовании своих обширных владений ввиду собственной возможной смерти. Сейчас ему было всего сорок три, а его старшему сыну - всего семнадцать, но он решил взять неопытного мальчика в партнеры и связать его с собой, чтобы обеспечить его преемственность после его собственной смерти. В то же время он решил дать своим младшим сыновьям уделы в царстве, которое будет принадлежать их брату. Старый немецкий инстинкт деляжа отцовского наследия был все еще слишком силен, чтобы ему можно было сопротивляться.

В результате этого *раздела Ахена*, первого из многих разделов, о которых нам следует помнить, Лотарь, старший из трех сыновей Людовика, стал соправителем и при жизни своего отца получил в качестве особой провинции королевство Италия. Пиппин, второй сын, должен был унаследовать Аквитанию, первоначальную часть своего отца. Льюис, третий сын, получил Баварию, а дикие марши располагались к востоку от нее вдоль Дуная. Таким образом, было предусмотрено, что после смерти императора его преемнику достанется большая часть королевства, включая обе его столицы — Ахен и Рим, — и включая все старейшие франкские земли, как Нейстрию, так и Австразию. [Раздел Ахена.] Короли Аквитании и Баварии были бы слишком слабы, даже если бы объединились, чтобы беспокоить его мятежами, но Людовик завершил свой дарственный акт торжественным призывом к младшим сыновьям повиноваться своему брату, посещать его двор раз в год и быть его помощниками в мирное и военное время. Несмотря на опыт старших поколений его дома, он надеялся, что его дети смогут жить вместе в дружбе.

В Разделе Ахена был один пункт, который, несомненно, вызвал бы немедленные проблемы. В нем Италия была названа особой территорией молодого Лотаря. Итак, Италия находилась в течение семи лет под управлением племянника императора Бернарда, сына того Пиппина Итальянского, который умер в 810 году. Карл Великий поместил его туда, и, повинувшись Льюису как верноподданному, он рассматривал Цизальпинское королевство как свое собственное владение и рассчитывал сохранить его при всех изменениях в имперской преемственности. Бернард был полон решимости не поддаваться изгнанию из своих владений; в тот момент, когда до него дошла весть о разделе Ахена, он взбунтовался. Его правление было популярным, и лангобарды с радостью взяли за оружие в его защиту и захватили все перевалы в Альпах. Он даже пытался посеять смуту в Галлии с помощью своего друга Теодульфа, епископа Орлеанского.

Зайдя так далеко, Бернард поступил бы мудро, полностью подчинившись решению меча. Вместо этого он сдержался и начал переговоры. Полагаясь на хорошо известную склонность императора к справедливости и умеренности, Бернард оставил свою армию и отправился на конференцию в Шалон-сюр-Сон. Вскоре он обнаружил, что совершил роковую ошибку. С ним обращались как с преступником, находящимся под судом, а не как с принцем, прибывшим для переговоров об условиях мира. Конференция проходила рядом с Ахеном, и там Бернарда и его главных сторонников судили и осудили. Совет приговорил обвиняемого к смертной казни, но Льюис, наполовину помня о гарантиях безопасности, которые обещали его послы, заменил приговор ослеплением. [Смерть Бернарда Итальянского, 818 год.] Жестокий приказ был выполнен, но так неуклюже, что Бернард умер от шока. Ходили слухи, что именно императрица Эрменгарда подкупила палачей, чтобы они так плохо выполняли свою работу. Угрызения совести, охватившие императора из-за нарушения правил безопасности и смерти его племянника, не переставали терзать его душу все оставшиеся годы. Это было единственное серьезное моральное преступление, которое он когда-либо совершил, и его чувствительная совесть не давала ему покоя.

Через несколько месяцев после смерти Бернарда Льюиса постигло несчастье, которое он счел первой частью божественного возмездия за содеянное. По возвращении из экспедиции в Бретань его встретило известие о смерти его жены Эрменгарды. Ходили слухи, что она была в значительной степени виновна в смерти своего племянника и что теперь она расплачивается за это. Льюису, во всяком случае, кажется, пришла в голову такая идея. Он был глубоко привязан к своей властной жене и во многом полагался на ее руководство. Лишенный ее, он впал в состояние болезненной меланхолии, гораздо худшее, чем все, что он когда-либо испытывал. Он замкнулся в своем горе, пренебрег государственными делами и поговаривал об уходе в монастырь. Через несколько месяцев его министры сочли ситуацию настолько невыносимой, что использовали все средства, чтобы разбудить его. Нам говорят, что именно его епископы предприняли странный шаг, настаивая на том, что он должен снова жениться в качестве общественного долга; его уединение нанесло ущерб королевству, и он должен помнить, что человеку не суждено жить одному. Когда император не захотел ни искать жену, ни брать принцессу, которую он не видел, по рекомендации другого человека, его министры привели ко двору всех прекраснейших дочерей графов и знати его королевства. Была отрепетирована та же сцена, которую несколько лет спустя можно было увидеть в Константинополе, когда овдовевший Феофил взял свою вторую жену. Среди толпы представших перед ним дам взгляд Льюиса остановился на Юдифи, благородной девице из Швабских Альп, дочери Вельфа, графа Альтдорфского. Под сильным давлением своих придворных он согласился взять ее в жены и

сожалел об этом все оставшиеся годы. Джудит была светловолосой, мудрой, остроумной и образованной выше всех женщин своего времени и вскоре приобрела власть над своим меланхоличным супругом, не меньшую, чем та, которой пользовалась ее предшественница. [Рождение Карла Лысого.] Два года спустя она подарила ему сына, рождение которого должно было принести империи нескончаемое зло. Мальчика назвали Чарльзом в честь его прадеда. (822 год н.э.)

Какое-то время казалось, что у Льюиса все шло хорошо, но через три года после его второго брака черная тень снова сомкнулась над несчастным императором. Какая-то неизвестная нам причина внезапно снова повергла его в приступ страдания и раскаяния. Сначала он вспомнил, что не простил всех своих врагов, как подобает доброму христианину. Немедленно все, кому он когда-либо причинил вред, были отозваны из ссылки. Братья Вала и Адальхард были изгнаны из своих монастырей. Сторонники Бернарда Итальянского, пострадавшие от ослепления и тюремного заключения, были отправлены обратно в свои дома. Император так стремился искупить свою жестокость, что самым неблагоприятным образом назначил самого важного из изгнанников на высокие посты. Он сделал Адальхарда хозяином своего дома и отправил Валу к своему сыну Лотарю в качестве своего первого советника. Он забыл, что другие могут не простить так, как он сам; эти назначения привели к власти людей, которые в глубине души никогда не могли простить прожитые годы, усталость и замкнутое существование.

Сделав все, что было в его силах, чтобы вознаградить своих жертв за унижения, которые они перенесли, Льюис предпринял еще один, более поразительный шаг. [Покаяние Атиньи.] Он созвал большой совет в Атиньи, недалеко от королевского города Суассон, и приступил к покаянию за свои грехи перед лицом своих магнатов. Выйдя без короны и одетый во вретище, он перечислил все ошибки и злодеяния, которые когда-либо были совершены, начиная с казни Бернарда Итальянского и заканчивая множеством незначительных проступков, которые большинство людей считали безобидными недостатками, и все давно забыли. Он даже с несколько излишней скрупулезностью отрепетировал все преступления и промахи своего великого отца, императора Карла. Затем он умолял своих епископов наложить на него такую епитимью, которая соответствовала бы этим многочисленным и тяжким грехам. Не желая не воспользоваться унижением своего государя, прелаты предписали ему курс бичевания, поста и бдений, молитвы, раздачи милостыни и строительства церквей, все это он добросовестно выполнял. Изумленные графы и придворные видели, как их монарх подставлял спину под удары плети и в точности исполнял все унижительные обязанности, возложенные на него духовенством. Это был поступок святого, но не императора.

Ничто не могло причинить Льюису большего вреда, чем эта вспышка натужного раскаяния. В то время как его подданные восхищались его христианским смирением, они сделали из его поведения вывод, что как суверена его больше нельзя бояться или повиноваться. Франкская знать, помнившая своевольного Карла Великого и любившая его, несмотря на всю его суровость, испытывала скорее презрение, чем восхищение императором, который публично плакал и пресмыкался над поступками, которые мало кто в ту эпоху вообще считал грехами. Они бормотали, что Льюис был не лучше больного мозгами монаха, занимающегося самоистязанием. В будущем в умах большинства его вассалов-мирян присутствовал скрытый поток презрения к императору. Требовалось лишь небольшое поощрение, чтобы превратить это чувство в активную нелояльность.

Год совета в Аттиньи был последним годом удачи для Льюиса. За ним последовали тревожные симптомы зла по всему его королевству. Испанские мавры, находившиеся в состоянии покоя более двадцати лет, внезапно вторглись в Септиманию. Датчане изгнали своего короля Харальда, *ставленника* Людовика и сторонника христианства, и начали опустошать побережье Фризии. Но в его собственном доме Льюиса поджидали враги похуже сарацина или датчанина. Его старший сын Лотарь, находясь под опекой неумолимого Вала, начал проявлять тревожное своеволие и пренебрежение к желаниям своего отца и общему благу империи. При своем дворе в Павии он вел себя как независимый король.

В 829 году начались роковые гражданские войны девятого века. Чарльзу, младшему сыну Льюиса и Джудит, сейчас шел седьмой год, и его будущее стало самой большой заботой его отца и матери. Император, постоянно размышлявший о своем последнем конце, был убежден, что жить ему осталось недолго: он был полон опасений за судьбу Иосифа в старости, когда он попадет в руки своих братьев. По настоянию жены он решил позаботиться о мальчике на случай своей собственной ранней смерти. Он выделил герцогство Аламания и швейцарские и бургундские альпийские земли к югу от него в качестве королевства для своего младшего сына.

Льюис объявил о своей цели создания королевства Аламания на большом совете, проходившем в Вормсе, на который никто из трех его старших сыновей не удостоил его своим присутствием. В тот момент, когда эдикт был опубликован, начался ропот и заговор. Новое королевство было вырезано из территории, которая в конечном итоге перешла бы к Лотарю, но два его брата проявили такое же негодование по поводу раздела, как и наследник империи. Их гнев нашел выход в клеветнических слухах: они не гнушались утверждать, что Чарльз им не брат. Они сказали, что Бернард Септиманский, предал их отца и соблазнил жену старика. Обвинение было абсолютно беспочвенным, но оно встретило широкую поддержку. Главы высшего духовенства примкнули к принцам королевской крови; Вала нашел возможность отомстить, присоединившись к заговору; министры Эббо и Хильдуин, оказавшиеся в фаворе у графа Бернарда, имели неблагодарность присоединиться к заговору против человека, который поднял их из праха. |Первая гражданская война, 829 год. | Два главных прелата Галлии, Агобард Лионский и Иессей Амьенский, также были среди заговорщиков. Всеобщее восстание было спланировано еще до того, как ничего не подозревающий Льюис заподозрил неладное.

Это разразилось следующей весной. Новое восстание бретонцев отозвало императора в отдаленный уголок его королевства. Он призвал небольшой отряд следовать за собой и вскоре пропал из виду на далеких западных пустошах. Но в тот самый момент, когда император ушел, его враги принялись за дело, чтобы поднять восстание. Неумолимый Вала обратился с речью к западно-франкской знати и разослал письма высшим духовным лицам Галлии, в которых обвинял императора в разрушении единства Церкви и империи: одного своим вмешательством в священные дела, другого - пренебрежением к светским. Людовик стал всего лишь орудием в руках неверной жены и слуги, и долгом добрых христиан и патриотически настроенных франков было спасти империю от позора. Пиппин Аквитанский вскоре дал понять разглагольствованиям Вала, приведя гасконскую армию к Парижу, где все графы Нейстрии присоединились к нему с оружием в руках. Лотарь прислал известие из Италии, что он приближается во главе большого войска лангобардов. Вскоре Льюис вернулся из Бретани и обнаружил, что страна с оружием в руках стоит у него за спиной: он проник до Компьеня, прежде чем был окружен войсками Пиппина. Окруженная подавляющим числом врагов, армия императора рассеялась, а сам он попал в руки мятежников. Сыновья посадили его в тюрьму до заседания большого совета.

Императрицу Юдифь они вытащили из святилища и под страхом смерти заставили принять постриг в Пуатье. Но когда следующей весной в Нимуэгене собрался великий совет империи, за первым успехом восстания последовала реакция. Встреча проходила в самом сердце старой франкской земли, где у повстанцев было мало сочувствующих, и графы Рейнской области и северной Германии пришли на нее с таким количеством вооруженных людей и таким свирепым видом, что нейстрийцы и лангобарды, сопровождавшие Пиппина и Лотэра, были просто поражены. Без обнаженного меча или нанесенного удара все поменялось местами, и старый император обнаружил своих сыновей-мятежников у своих ног. Он проявил милосердие — слишком милосердие — в момент своего триумфа. Лотаря лишили императорского титула, но разрешили сохранить свое королевство Италия, и отправили невредимым обратно в Павию. Пиппин также вернулся в Аквитанию помилованным. Злобный Вала, душа заговора, был отправлен обратно в свой монастырь в Корби и ему было приказано жить по его правилам, пока его нелояльный ропот не побудил императора сослать его в менее комфортное уединение на берегу Женевского озера. Льюис свергнут с престола и восстановлен в должности. | Поражение мятежников освободило императрицу Юдифь от ее монашеской обители; но Льюис считал необходимым заставить ее снять с себя тяжкие обвинения, которые были выдвинуты против нее, прежде чем она будет освобождена от монашеских обетов.

Льюис снова стал императором, но милосердию, с которым он обращался со своими побежденными врагами, было суждено принести ему нескончаемые неприятности. Его непокорные сыновья остались такими же могущественными, как и прежде, и вместо того, чтобы испытывать благодарность за свое прощение, были только раздосадованы бесхозяйственностью, которая разрушила их хорошо спланированный заговор. Вернувшись в свои королевства, они просто перевели дух, а затем возобновили свои интриги. На этот раз Лотэр и Пиппин приложили все усилия, чтобы вовлечь в заговор своего младшего брата, Льюиса из Баварии. С его помощью они надеялись разделить Германию, поскольку молодой король был очень популярен в своем королевстве и насчитывал много приверженцев за его пределами. Его братья пообещали ему швабские земли мальчика Карла, если он присоединится к ним в новом восстании.

Новые смуты разразились весной 832 года. Первый сигнал был подан Пиппином Аквитанским, который бежал от двора своего отца, отказался присутствовать на пасхальном великом соборе и начал вооружать своих гасконских подданных. Император решил воспользоваться предупреждением событий 830 года и больше не быть застигнутым врасплох. | Вторая гражданская война. | Он созвал все силы империи для вторжения в Аквитанию. Но затем пришло известие, что Людовик Баварский собрал армию, призвал к себе на помощь дунайских славян и завоевал Швабию. В кои-то веки вызванный праведным гневом проступками своих сыновей, император объявил, что Пиппин и Людовик Баварские лишились своих королевств. Он объявил, что его любимец Карл должен быть коронован королем Аквитании, и что Лотэр, который еще не предпринял никаких враждебных действий, хотя на самом деле находился в тайном соглашении с Пиппином и Льюисом, должен стать наследником всей остальной империи.

Этот новый проект раздела принес только вред. Это не заручилось поддержкой Лотаря; это спровоцировало баварцев и гасконцев, которые были очень привязаны к своим молодым королям; хуже всего то, что это заставило всю империю воскликнуть, что причиной всех неприятностей была необоснованная привязанность императора к своему младшему сыну.

Почему вся империя должна быть расстроена только для того, чтобы Карл мог присоединить Аквитанию к Швабии?

Вскоре дела шли все хуже и хуже. Людовик Благочестивый находился в Вормсе, собирая рекрутов в Австразии и Саксонии, когда было объявлено не только о приближении Пиппина и Людовика Баварского, но и о том, что Лотарь выступил на поле боя с итальянскими войсками и пересек Альпы, приведя со своей свитой папу Григория IV, понтифика, избрание которого он подтвердил без разрешения своего отца несколько лет назад.

Льюис двинулся на юг, навстречу своим мятежным сыновьям. Войска столкнулись друг с другом на равнинах Ротфельда, и битва казалась неизбежной. Но благочестивый император по-прежнему не желал, чтобы в ссоре пролилась кровь: он воздержался от драки и предложил вести переговоры вместе со своими сыновьями. Принцы знали слабость своего отца и узнали, что его армия сильно обескуражена и деморализована. Они решили попробовать обман, а не силу, и согласились на предложение о переговорах. Папа Григорий согласился с их планами и предстал перед императором в качестве беспристрастного посредника. Но он недолго пробыл в лагере старика, прежде чем императорская армия начала таять. Судя по всему, папа продался своему покровителю королю Лотарю и использовал свои возможности, чтобы убедить графов и епископов, которые все еще оставались верными, в том, что они придерживаются обреченного дела. Вскоре между двумя лагерями появились агенты всех мастей, и их влияние оказалось фатальным. Один за другим главные предводители императорского войска ночью бежали по своим домам или с еще большей подлостью уводили своих солдат во вражеский лагерь. Наконец лишь горстка собралась под имперским знаменем. [Люгенфельд, 833 год.] Оглядев их немногочисленные ряды, император воскликнул, наполовину с сарказмом, наполовину с христианской покорностью: 'Идите и вы к моим сыновьям: было бы жаль, если бы кто-нибудь потерял жизнь или конечности из-за меня'. Графы заплакали, но ушли, и Льюис остался стоять один в дверях своего шатра, рядом с женой и сыном Чарльзом, цепляющимся за его руку. С того дня равнина Ротфельда стала называться франками Полем лжи — Люгенфельдом, "*Campus Mendacii ubi plurimorum fidelitas extincta est*". (июнь 833 г.)

Тотчас же сыновья императора набросились на свою беспомощную жертву. Они быстро поскакали в пустой лагерь Льюиса и, поприветствовав своего отца с притворным уважением, поставили охрану у его палатки. Юдифь была вновь облачена в покрывало и отправлена через Альпы в крепость Лотаря Тортонна. Мальчик Шарль был отправлен в Прюмский монастырь: его чрезвычайная молодость спасла его и от ослепления, и от рукоположения. Старый император был препровожден в аббатство Сен-Медар в Суассоне и заключен в его башню. Были предприняты самые напряженные усилия, чтобы побудить его отречься от престола и принять монашеский постриг. Но хотя он был бы достаточно готов сделать это, если бы его не ограничивали, Льюис отказался сложить свою корону, когда были применены сила и угрозы. Не сумев склонить его к отставке, Лотарь и архиепископ Эббо собрали церковный совет епископов Галлии и официально объявили императора низложенным за неспособность и порочное правление. Легкомысленный Лотарь действительно готовил розгу для спины всех будущих императоров, когда позволил духовенству узурпировать такую власть!

Хотя Льюис не хотел признавать, что он был юридически свергнут с престола, теперь он, как всегда, был готов понести епитимью, и Лотэр, наконец, решил довольствоваться этим. Унижение его отца не могло быть большим, даже если бы он официально отказался от короны.

Старый император предстал перед алтарем Святого Медара со своим мечом и в украшенном драгоценными камнями императорском далматике. Затем, положив оружие и одежду на алтарь, он набросил на себя плащ из власяницы и зачитал декларацию из восьми статей, в которой он обвинял себя в том, что из-за своих грехов является единственной причиной беспорядков в империи. Он начал с сожаления по поводу смерти Бернарда Итальянского, единственного преступления, в котором его справедливо можно считать виновным. |Покаяние святого Медара.| Затем он продолжил обвинять себя во многих бесполезных проступках — например, в том, что созвал армию для встречи во время священного сезона Великого поста. Он был даже настолько подл, что признал, что совершил зло, позволив своей жене сбросить монашеское покрывало и оправдаться от выдвинутых против нее обвинений: поступая таким образом, он признался, что мог способствовать лжесвидетельству.

Прочитав этот унижительный документ, старик положил пергамент на алтарь и снова удалился в свою тюремную башню. Но эта унижительная сцена произвела не тот эффект, на который рассчитывал Лотарь. Мужчины испытывали больше негодования против сына, который мог вынудить своего отца к такому унижению, чем презрения к отцу, который мог этому подчиниться. Толпа у церкви попыталась окружить Лотаря. Графы Австразии и Саксонии начали собирать против него вооруженные отряды. Испуганный их приближением, молодой король бежал в Бургундию. |Людовик снова восстановлен, 834. | Немецкие графы немедленно вызволили Людовика из заточения, снова опоясали его мечом империи и провозгласили его единственным правителем Франкского королевства. Значительная армия отправилась преследовать Лотаря, и хотя он остановил ее преследование в стычке близ Шалон-сюр-Сон, он, тем не менее, отступил из Галлии и укрылся в своем собственном королевстве Ломбардия. Это была первая кровь, фактически пролитая в сражении гражданской войны.

Месть Небес, казалось, преследовала непокорного сына и его приверженцев. Вскоре после того, как он достиг Италии, чума поразила его армию и унесла жизни его главных советников, престарелых Вало и Джесси Амьенских, а также Матфрида, графа Орлеанского, предводителя его воинов. Сам Лотарь был сражен и много недель пролежал у врат смерти, но он боролся до конца, чтобы подарить империи еще много беспокойных лет. Два великих священнослужителя, которые разделяли с Валою вину за незаконное низложение старого императора, Эббо Реймский и Агобард Лионский, попали в руки сторонников Льюиса. Оба были низложены со своих архиепископств, а Эббо, неблагодарный молочный брат императора, был заключен в одиночную камеру в аббатстве Фульда в самом сердце Германии.

Все еще не наученный своим несчастьям, Льюис теперь предпринял единственный шаг, который наверняка лишит его вновь обретенной популярности. Он созвал сейм в Кремье, недалеко от Лиона, и предложил на нем новый раздел своего королевства. Лотарь должен был быть наказан лишением всех своих владений, кроме Италии. Большая часть конфискованных земель — Бургундия, Прованс и старые австразийские владения около Меца и Трира — должны были отойти горячо любимому Карлу, теперь мальчику четырнадцати лет.

Этот проект никому не понравился. Это привело Лотаря в отчаяние, не понравилось Льюису и Пиппину и вызвало отвращение у всех франков, которые восклицали, что единственной причиной войн была беззаветная привязанность императора к своему младшему сыну. Вполне вероятно, что разразилась бы еще одна война, если бы на королевство не обрушилось новое бедствие. Первое великое вторжение викингов вот-вот должно было обрушиться на империю.

Люди Севера видели, как его силы были втянуты в братоубийственную гражданскую войну, и воспользовались случаем, чтобы опустошить незащищенные прибрежные земли. В 835 году, когда Лотаря гнали обратно в Италию, они высадились с большими силами во Фризии и разграбили Утрехт, ее столичный город, и Дорстад, главную гавань и торговый центр провинции — предшественника Роттердама в коммерческой истории. В 836 году, когда Людовик планировал передел своей империи в ущерб Лотарю на сейме в Кремье, датчане напали на Фландрию и сожгли новый город Антверпен. Теперь, в 837 году, они напали на остров Вальхерен, опустошили его и огнем и мечом продвигались вверх по устью Рейна до Нимуэгена. | Датчане на Рейне, 836 год. | Отказавшись от своих планов против Италии, Людовик Благодетельный повернулся против язычников Севера и быстро двинулся к месту их опустошительных действий. Но датчане еще не осмелились встретиться лицом к лицу с имперской армией Франкленда в полном составе и бежали к своим кораблям, не оставив перед императором ничего, кроме разоренных полей и горящих деревень.

Льюис сразу же вернулся к своим неразумным планам одарить своего горячо любимого Чарльза. На большом совете в Ахене в 837 году он опоясал пятнадцатилетнего мальчика королевским мечом, собственноручно короновал его и даровал ему не только швабские и бургундские земли, которые ему были обещаны на сейме в Кремье, но и огромный участок немецкой земли до границ Саксонии, который ранее был выделен Людовику Баварскому. Графам и прелатам нового королевства было предложено засвидетельствовать почтение своему молодому правителю и стать его людьми.

Людовик Баварский, однако, был полон решимости не отказываться от своего обещанного наследства в Германии и нашел поддержку среди всех тевтонских народов к востоку от Рейна, которые не желали, чтобы их передавали мальчику Карлу. Он собрал армию, послал просить помощи у своего брата Лотаря и перешел к обороне. Старый император ответил, созвав большой совет в Серизи-сюр-Уаз, на котором он объявил Людовика лишенным всех своих земель, кроме Баварии, и передал их молодому Карлу. Сразу после этого Пиппин Аквитанский умер, и император довершил свою неразумность, передав все владения Пиппина своему любимцу. Если бы этот план был осуществлен, Людовик оставил бы всю франкскую империю к северу от Альп, за исключением единственного герцогства Бавария, своему младшему ребенку. Самым худшим моментом в проекте было то, что у Пиппина остались сыновья, и старший из них — тезка его отца — был взрослеющим мальчиком примерно того же возраста, что и Чарльз. Большинству жителей Аквитании было нечего сказать по поводу присяги, и они провозгласили Пиппина младшим королем в комнате его отца. Император с явной несправедливостью объявил мальчика слишком юным, чтобы править, и приказал аквитанцам отправить его в Ахен, чтобы он воспитывался при его дворе и обучался искусству управления — искусству, которому Льюис был так компетентен в обучении! Когда молодой Пиппин не появился, Льюис пригрозил своим южным подданным вторжением.

Сразу же вспыхнула гражданская война на Востоке, Западе и Юге. Людовик Баварский ворвался в Швабию; гасконские последователи Пиппина Молодого двинулись маршем по Луаре. В то же время датчане, которые только и ждали удобного случая, вернулись на побережье Фризии, во второй раз разрушили Дорстад и разорили все земли вокруг устья Рейна. (Весна 839 года.) Не зная, на кого из врагов ему следует напасть первым, император решил обратиться за помощью в единственное место, где ее еще можно было найти. Предав забвению все воспоминания о Люгенфельде и унижениях перед алтарем святого Медара, он обратился за

помощью к своему старшему сыну. Лотарь, со своей стороны, стремился восстановить своеправо первородства и снова быть признанным наследником империи. Он поспешил из Павии в Вормс, чтобы поступить в распоряжение своего отца. Преклонив колени перед стариком на полном заседании великого совета, он признался в своей неблагодарности и неоднократных изменах и попросил прощения. Но, хотя внешне он жаждал только прощения, втайне он предусматривал вознаграждение. Соответственно, Людовик Благочестивый теперь провозгласил последний из многих разделов империи, которые были проклятием его жизни. В *Плацитуме* Вормса говорилось, что Людовик Баварский должен сохранить только свое первоначальное баварское герцогство, что младший Пиппин должен быть полностью лишен наследства и что Лотарь и Карл должны разделить империю. Старший сын и наследник захватил Италию, Саксонию, Швабию, все франкские земли на Маасе и Рейне, а также бургундское и Провансальское королевства вдоль Роны. Горячо любимому Карлу достались Нейстрия и Аквитания, два королевства, объединение которых примерно соответствует современной территории Франции.^[54]

54. Франция, то есть минус земли между Роной и Альпами и плюс Фландрия и Каталония.

[Третья гражданская война, 839 год. | В 840 году началась гражданская война с новым составом участников. Льюис старший, Лотэр и Чарльз против Льюиса младшего и Пиппина. На этот раз удача улыбнулась старику. Сначала он вторгся в Аквитанию, прогнал мятежников перед собой и заставил епископов и графов земель за Луарой засвидетельствовать почтение Карлу в Клермоне в Оверни. Вопреки своему обычаю, император не помиловал всех своих врагов, но обезглавил нескольких главных сторонников молодого Пиппина.

Не успела Аквитания быть захваченной, как Людовик с энергией, которой он никогда раньше не проявлял — это была угасающая вспышка его жизненной энергии, — повернул свою армию на север и выступил против своего сына, короля Баварии. Атака была настолько стремительной, что младший Льюис был изгнан из Швабии, его преследовали по баварскому берегу Дуная и вынудили укрыться вдальнем Ост-Марке на славянской границе. Император теперь силой оружия отстоял раздел Вормса: Пиппин был лишен наследства, а Льюис оттеснен в узкий уголок Германии. В июле был созван большой совет, и император медленными этапами вернулся к Рейну, чтобы председательствовать на нем. Но двойная весенняя кампания оказалась для него непосильной. В течение нескольких лет у него были поражены легкие, а холод марта и апреля, проведенных с оружием в руках в открытом поле, привел к быстрой чахотке. Во Франкфурте-на-Майне он распустил свою армию и улегся на свое ложе. Силы его иссякали по мере того, как проходили недели, и, наконец, он приказал своим слугам посадить его в лодку и сплавить вниз по Рейну, в место, которое он очень любил, на остров посреди течения, недалеко от его дворца в Ингельхайме, где сейчас из стремительных вод возвышается башня Пфальца. Тогда здесь был только грубый охотничий домик, крытый тростником, и в этом жалком убежище умирающий император провел летние недели, часами неподвижно лежа на своем ложе с маленьким крестиком, прижатым к груди. Его жена и сын Шарль были далеко, в Пуатье, в Аквитании, и не прибыли вовремя, чтобы получить его предсмертное благословение. Но толпа епископов и монахов собралась вокруг смертного одра императора, чтобы наблюдать за его назидательной кончиной. [Смерть Льюиса, 840.] 25 июня старика охватила последняя агония; он вскочил в постели и громко закричал: "Вон! Вон!" - и упал замертво, оставив толпу священнослужителей вокруг спорить, призывали ли его последние слова какого-то злого духа покинуть его

присутствие или относились к его собственному отправлению в лучший мир. Так закончился король Льюис,

Rex Hludovicus, pietatis tantus amicus,

Qui Pius a populo, dicitur et titulo.

Он покинул империю, для расчленения которой так много сделал, чтобы за нее сражались трое его сыновей и внук. Он оставил императорское достоинство смертельно уязвленным своими пресмыкающимися покаяниями в Атиньи и Суассоне. Он позволил датчанам осмотреть обнаженные земли на Севере, в то время как сарацины уже высадились в Италии на Юге. Он снова и снова терпел, когда клерикальная власть узурпировала власть над светскими делами, чего никогда не делал ни один из его предшественников из франкской расы, меровингов или Карлингов. И все же, несмотря ни на что, его благочестие и добросовестное желание поступать правильно — хотя их часто вводили в заблуждение — давали ему больше прав на уважение своих подданных, чем личный характер любого из его преемников. Вскоре люди стали оглядываться на времена Льюиса Благочестивого как на эпоху сравнительного спокойствия и процветания.

ГЛАВА XXIV

РАСПАД ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ—ПРИШЕСТВИЕ ВИКИНГОВ

840-855

Войны сыновей Льюиса Благочестивого—Битва при Фонтене и Верденский мир—Викинги, их корабли и методы ведения войны—Вся Западная Европа подвержена их вторжениям—Их вторжение в Нейстрию и Австразию—Периодические гражданские войны франков—Карл Лысый и его политика—Смерть Лотаря.

На момент своей смерти Людовик Благочестивый враждовал со своим сыном Людовиком Баварским и внуком Пиппином молодым Аквитанским, в то время как своим последним статутом о разделе он предусматривал раздел большей части своих владений между Лотарем, родившимся у него старшим, и Карлом, родившимся у него младшим. Поэтому казалось естественным, что, когда после смерти старика проблемы с престолонаследием вспыхнут с новой силой, франки Нейстрии и Австразии, а также лангобарды будут сражаться в рядах восточных германцев и аквитанцев.

Этому, однако, не суждено было сбыться; определяющей силой будущего хода событий должна была стать не предсмертная воля Людовика Благочестивого, а намерения трех его сыновей, и в еще большей степени нежелание различных королевств в их наследии соблюдать

неестественный раздел — последний среди столь многих, — который оставил после себя Людовик.

Первый вопрос, который необходимо было решить, заключался в том, сохранится ли империя в том виде, в каком ею правили Карл Великий и Людовик в прежние годы его правления. Не было никаких сомнений относительно наследования императорского титула. Лотарь был коронован императором-соправителем много лет назад, и еще до смерти своего отца был восстановлен в благосклонности и признан наследником императорского трона. Но хватит ли у него сил выдержать непосильное для его отца бремя, объединить сильную руку и примирительную политику и объединить различные расы своих подданных, не подтолкнув ни одну из них к недовольству и бунту? |Характер Лотэра.| Лотэр был храбрым, беспринципным, активным, его не беспокоили ни болезненная щепетильность, ни неуместная нежность, которые были так фатальны для его отца. Но он был полон недостатков противоположной крайности, столь же опасных для правителя, как чрезмерная мягкость и долготерпение его родителя. Он был совершенно лишен естественной привязанности, как показали его действия во время епитимьи в Сен-Медаре и Люгенфельде, и ему не просто не хватало нежности к своим родным и близким, но он был неспособен даже притворяться, что испытывает разумное уважение к брату, отцу или племяннику. Даже в то тяжелое время его нефилимское поведение шокировало его собственных подданных и последователей. Его честолюбие и гордость были единственными чувствами, к которым можно было с успехом апеллировать. Он был преисполнен самонадеянного представления о величии имперского положения, хотя он сам так много сделал для того, чтобы вызвать его деградацию в глазах всех народов империи своим жестоким и оскорбительным обращением со своим отцом. Он учил франков, что императора можно сажать в тюрьму, проповедовать, диктовать ему, публично наказывать, низлагать, и он по глупости полагал, что его собственное императорское достоинство не пострадает от этого прецедента. В тот момент, когда было провозглашено его восшествие на престол, стало известно, что во всем франкском королевстве воцарится суровая непреклонность.

Однако положение Лотаря в 840 году не было неблагоприятным; его враги Льюис и Пиппин были загнаны в отдаленные уголки империи. Его преданно поддерживали лангобарды из его старого итальянского королевства и австразийцы, старая правящая раса, чьи империалистические тенденции проявлялись в их постоянной верности Людовику Благочестивому на протяжении всех его бед. Но Лотэр растратил свои силы на странное сочетание произвольных требований и медлительных действий. Он начал с того, что проявил самое безрассудное пренебрежение к предсмертным пожеланиям своего отца. Он не делал секрета из своего намерения лишить своего младшего брата Карла оставленных ему нейстрийских владений, хотя дитя преклонных лет своего отца было особо вверено его защите. |Война трех братьев.| Но он не подкрепил свои угрозы какими-либо оперативными действиями против молодого короля, а отправился в Германию, чтобы завершить кампанию против своего брата Людовика Баварского, которую его покойный отец оставил наполовину законченной. Но, прибыв в Баварию, он не стал поражать своего врага, а заключил с ним шестимесячное перемирие и вернулся в Нойстрию. Там он предпринял слабую попытку свергнуть Карла, но в конце концов вернулся в Ахен, где провел зиму в пышности и пиршествах, в то время как два его брата восстанавливали свои силы и собирали большие армии. Льюис и Чарльз решили объединиться, поскольку видели, что необходим строгий союз против их общего врага.

Весной 841 года король Нейстрии и король Германии двинулись к Рейну с целью соединения своих армий. Император был напуган силой, которую они проявили, и счел необходимым пополнить свои собственные силы, заручившись поддержкой своего единственного возможного союзника. Он поспешно пообещал утвердить молодого Пиппина в его королевстве Аквитания, если тот приведет людей юга к нему на помощь. Пиппин принял предложение и повел армию гасконцев через Бургундию, чтобы присоединиться к своему дяде. Тем временем Чарльз и Льюис успешно объединили свои войска в Шалон-сюр-Сон с такой силой, что Лотарь побоялся сражаться с ними. Он сдерживал их нелояльными переговорами в течение нескольких недель, пока не услышал, что его племянник прибыл со всеми силами Аквитании, а затем внезапно заявил, что ничего нельзя решить без битвы, и продолжил атаковать своих братьев. [Битва при Фонтене.] Армии встретились в долине Йонны, и последовала решающая и катастрофическая битва при Фонтене, величайшее сражение, которое видела Европа с тех пор, как Карл Мартелл разгромил сарацин при Пуатье. Все народы империи были выстроены друг против друга. На холме у Бретиньоля Лотарь с войском Австразии столкнулся с баварцами и саксами короля Людовика. На равнине у Лефея нейстрийцы Карла были выстроены против аквитанцев молодого Пиппина. После долгих упорных боев нейстрийцы уступили натиску своих южных соотечественников, но на другом фланге немцы Льюиса получили гораздо более решающее преимущество над австразийскими сторонниками императора. Лотарь был сброшен с холма в страшной резне, цвет знати земель между Маасом и Рейном лежал мертвым на поле боя. Это был удар, от которого Австразия так и не оправилась. Ее древнее превосходство над остальной империей, завоеванное шесть поколений назад при Тестри и Амблеве, ушло навсегда. Мечи германцев с востока пошатнули репутацию ее непобедимости, и баланс сил окончательно переместился на восток (25 июня 841 года). Эту резню помнили долго, и бедствия, через которые империи предстояло пройти в течение следующих сорока лет, часто приписывали результату этой роковой битвы. "К тому дню, - говорит хронист Регино, - сила франков была настолько ослаблена, а их слава и доблесть настолько поубавились, что в будущем они были не только неспособны расширять границы своего королевства, но даже не в состоянии защищать свои собственные границы".

Лотарь отвел остатки своей армии в Ахен, в то время как Пиппин бежал на юг, в Аквитанию. Братья-победители, Чарльз и Льюис, еще до истечения года преуспели в усмирении всех сторонников императора, как в Нейстрии, так и в Германии. Тщетно Лотарь пытался поднять восстание против них, поддерживая восстание в Саксонии, где в более диких уголках страны восстания рабовладельческих классов и немногих выживших приверженцев язычества беспокоило короля Людовика.

Следующей весной короли Нейстрии и Германии объединили свои армии, чтобы изгнать Лотаря из Австразии. [Страсбургская клятва.] Они встретились в Страсбурге, где принесли друг другу торжественную клятву, формулировка которой так дорога для нас, как первый памятник новым французскому и немецкому языкам, которые только развивались в своих королевствах. Когда они двинулись на Ахен, Лотарь был вынужден забрать свою жену, детей и королевские сокровища и бежать на юг, в Бургундию. Надолго запомнилось, как при отступлении он разломал большой серебряный глобус, который был предметом гордости его деда Карла Великого, 'на котором были изображены деления мира, небесные созвездия и движения планет', и раздал его осколки в качестве жалованья своим недовольным солдатам. Он остановился в Лионе, и там его гордый дух наконец смирился с необходимостью просить мира у своих братьев. Два короля проявили готовность вести переговоры, и конечным результатом

переговоров стал знаменитый раздел Вердена. Тогда действительно не было времени для гражданских войн. Пока братья сражались, датчане разграбили Квентович, крупный порт на берегу Ла-Манша, мавры высадились в Провансе и разорили Арль, в то время как славяне за Эльбой сбросили франкское иго.

Раздел Вердена окончательно расколол империю. Хотя Карл и Людовик вернули Лотарю его столицу Ахен и согласились признать его императором и уважать как старшего брата, все же в будущем они были практически независимыми суверенами. Схема, которую Карл Великий так успешно реализовал, а Людовик Благочестивый - так слабо, по управлению западным христианским миром императором, которому в некоторых отдаленных регионах помогали короли-подданные его родственников, теперь определенно исчезла. Лотарь не имел никакой власти за пределами округа, который его братья передали под его прямое управление.

РАЗДЕЛ- ВЕРДЕНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 843 ГОДА.

| Верденский мирный договор, 843 г. | Изучая границы, установленные Верденским мирным договором, мы обнаруживаем, что Франкская империя разделена на три длинные полосы,

протянувшиеся с севера на юг. На востоке Людовик Баварский захватил все тевтонские земли к востоку от Рейна — Саксонию, Тюрингию, Баварию, Швабию, а также сюзеренитет над славянами Эльбы и Савы. У него также был небольшой участок австразийской территории к западу от Рейна, гаусс из Шпайера, Вормса и Майнца. Лотарь сохранил свое старое королевство Италию вместе с длинной узкой полосой территории, простиравшейся от устья Роны до устьев Рейна и Иссы. Эта полоса состояла из Фризии, большей части Австрии, большей части Бургундии и Прованса. Карл захватил западные королевства Нейстрию и Аквитанию вместе с Испанским походом и западную Бургундию, поскольку его родственник Пиппин был оставлен императором на его милость, а земли к югу от Луары, а также к северу, были переданы в его долю империи.

Два из этих королевств, королевства Карла и Люиса, примерно соответствовали национальным объединениям. Восточное королевство включало в себя все тевтонские округа империи, за исключением Австрии. Западное, образованное союзом Нейстрии и Аквитании, было первым предзнаменованием современного королевства Франции, включавшего в себя основную часть романских округов империи, где тевтонский элемент всегда был небольшим, а в последнее время становился все менее и менее заметным. Но королевство Лотаря представляло собой неестественное и громоздкое скопление округов, не связанных ни кровными, ни языковыми, ни историческими узами. Его форма, по-видимому, была определена просто желанием подарить императору оба имперских города — Рим и Ахен - вместе с полоской земли, удобно соединяющей их. Австрийские тевтоны, бургунды, говорящие на романском языке, и итальянские лангобарды никоим образом не были приспособлены для союза друг с другом и, несомненно, отдалились друг от друга как по географическим, так и по национальным причинам. Они были верны друг другу только на протяжении жизни одного человека и распались в тот момент, когда он умер.

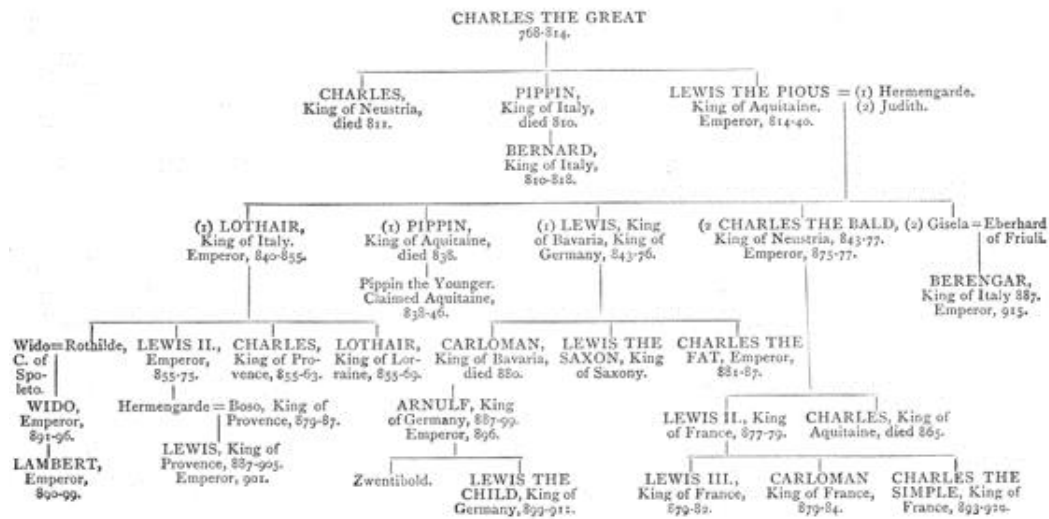
В будущем мы обнаружим, что обширное королевство Карла Великого постоянно стремится к мелкому разделению. Связь между востоком и западом, севером и югом постоянно ослабевает, и вскоре мы будем вынуждены рассказать о судьбах различных частей империи в отдельных главах, поскольку центральная нить связи, образованная королевской властью, окончательно оборвалась. Но пока живо поколение сыновей Людовика Благочестивого, все еще существует определенная взаимозависимость между историей восточных и Западных франков, и только после низложения Карла Толстого в 887 году элементы распада окончательно восторжествовали, и все идеи воссоединения империи были окончательно дискредитированы.

В 843 году начинается трехстороннее правление императора Лотаря и двух его братьев, которых в будущем мы можем называть их хорошо известными именами Люиса Немецкого и Карла Лысого, хотя последний стиль вряд ли еще подходил нейстрийскому королю, который только что отпраздновал свой двадцать первый день рождения. Его старшие братья были теперь намного старше: Лотарю исполнилось сорок четвертый год, а Люису - тридцать восьмой. У них обоих теперь были подрастающие сыновья, которых они вскоре должны были взять в качестве коллег в какой-то части своего царства.

Период от Верденского мира 843 года до низложения Карла Толстого в 887 году является наиболее хаотичной и запутанной частью истории Европы, с которой нам приходится иметь дело. Ибо судьбы различных частей Франкской империи связаны с судьбами членов сильно разветвленного королевского дома, в котором — прискорбном недостатке оригинальности —

постоянно повторяются одни и те же четыре имени. [Внуки Льюиса Благочестивого.] До сих пор мы сталкивались только с тремя братьями — Лотарем, Льюисом и Чарльзом. У каждого из этих братьев было по три сына, и с упрямством, о котором должны одинаково сожалеть и читатель, и автор исторических трудов, каждый окрестил своих мальчиков в честь их дядей. Тремя сыновьями Лотэра были Льюис, Чарльз и Лотэр; Льюис назвал своего отпрыска Льюисом, Чарльзом и Карломаном; и Чарльз, когда позже он стал отцом, последовал дурному примеру, также окрестив своих детей Льюисом, Чарльзом и Карломаном. Генеалогическую таблицу следует внимательно держать перед нами, чтобы из-за сходства имен мы не перепутали императорский, немецкий и нейстрийский дома карлингов.

THE DESCENDANTS OF CHARLES THE GREAT.

ПОТОМКИ КАРЛА ВЕЛИКОГО.

Датумаи правления трех спорных братьев были: Лотаря 843-855, Льюиса 843-876, Карла 843-877. Когда они успокоились после Верденского мира, то обнаружили перед собой две проблемы. Первый заключался в том, чтобысохранить мир друг с другом, несмотря на все обиды, которые вызвали между ними события последних пятнадцати лет. Вторая заключалась в защите Западного христианского мира от нападений извне, которые с каждым днем становились все более и более опасными. Датчане, о первых опустошениях которых мы рассказывали во времена правления Людовика Благочестивого, теперь становились уже не просто вредителями прибрежных земель, а серьезной опасностью для всей империи. Сарацины начали серию дерзких пиратских набегов на Прованс и Италию. Славяне за Эльбой постепенно отказывались от своей верности империи и возобновляли набеги на Германию, от которых их удержал Карл Великий.

В течение десяти лет (843-53 гг.) трем королям удавалось — вопреки всем ожиданиям — поддерживать мир друг с другом. Но, несмотря на их временную свободу от междоусобиц, им не удалось успешно защитить свои владения от внешних варваров. Как заметил хронист, "резня при Фонтене, казалось, не только проредила ряды франкского войска, но и лишила их древней военной непобедимости". Единственным из трех королей, проявившим хоть малейшую силу для защиты своих границ, был Людовик Немецкий: два его брата подвергались непрерывной череде проверок и катастроф.

[Викинги.] Главной проблемой, которая теперь стояла перед франкскими правителями, была необходимость решительно противостоять вторжению скандинавских пиратов. Народы по обоим берегам Каттегата теперь всей душой посвятили себя захвату земель своих южных соседей. Это была группа родственных племен, одни из которых обитали в Ютландии и на Датских островах, другие - на южном и юго-восточном побережье Скандинавского полуострова, третьи - вдоль фьордов, выходящих к Германскому океану. Западный христианский мир часто называл их без разбора датчанами, хотя на самом деле датчане были лишь самой южной из четырех рас, которые присоединились к вторжениям. Более распространенным названием было название "норманны", к которому относились шведы, готы и норвежцы, а также датчане, проживающие в Ютландии и Зеландии.

С незапамятных времен обитатели Каттегата и южной части Балтийского моря были морской расой. Тацит во втором веке нашей эры говорит о Скандинавии как о могущественной благодаря своим флотам. Юты и англы, участвовавшие в завоевании Британии, произошли из этих морей. Датчане были пристрастны к пиратству с самых ранних времен. Еще в шестом веке мы слышали о вождях викингов, таких как король Хигелак, которого убил Теудеберт Франк,^[55] которые время от времени спускались к берегам Австразии и Фризии. Но только в конце восьмого века западную Европу начали всерьез беспокоить норманны. Трудно установить причину внезапного увеличения активности среди рас, которые так долго обходили стороной слабое царство поздних Меровингов. Возможно, их постоянные войны с саксами, племенами такими же свирепыми и неукротимыми, как и они сами, заставляли их молчать. Но несомненно, что вплоть до времен Карла Великого они в основном тратили свою энергию на войны друг с другом, и о них редко слышали в Северном море или Британском канале, пока франкская империя с ее богатством, торговлей и христианской пропагандой не выступила им навстречу, подчинив саксонцев и фризов и протянув свои границы до реки Эйдер.

55. См. страницу 113.

[Ранние набеги викингов.] Викинги начали давать о себе знать сразу после того, как Карл Великий завоевал Саксонию. Самым ранним их появлением в западных водах был небольшой налет на английский город Уэйрхем в 789 году. Однако в течение нескольких лет масштабы их экспедиций расширились; в 793 году они разграбили великий нортумбрийский монастырь Линдисфарн; в 795 году о них впервые слышат в Ирландии. В 799 году они начали свое наступление на Франкскую империю кратковременным набегом на Аквитанию. С этого времени их активность непрерывно росла; каждый год их флоты открывали какое-нибудь новое и богатое поле для грабежа, пока ни один ручей или устье западной Европы не стали неизвестны их лоцманам. Мы уже рассказывали, как Карл Великий был настолько раздосадован их первыми опустошениями, что попытался создать оборонительную флотилию во всех портах Нейстрии, и как в последние годы своего правления датский король Годфред доставил ему серьезные неприятности как на юге Балтики, так и на фризском побережье.^[56] Мы упоминали о гораздо более важных походах викингов на земли около устья Рейна во времена слабого правления доброго короля Людовика. Но теперь зло продолжало расти: императору Лотарю и его братьям предстояло обнаружить, что норманны больше не досаждают, а представляют реальную опасность.

56. См. страницу 367.

Ничто не могло быть более дерзким, чем предприятие норманнов, отправившихся из своих далеких домов в долгое путешествие в Ирландию или Аквитанию. |Корабли викингов.| Их суда представляли собой просто длинные узкие открытые лодки, обычно около семидесяти пяти футов в длину и пятнадцать в ширину, но вмещавшие всего три с половиной фута воды. Они больше полагались на греблю, чем на плавание под парусом, и их единственную мачту можно было легко опустить, и обычно ее демонтировали перед военно-морским сражением. Когда дул попутный ветер, они использовали один большой квадратный парус, но всегда больше всего полагались на силу и выносливость гребцов. Обычное судно викингов, по-видимому, вмещало около ста двадцати человек, так что для перевозки любого крупного тела требовалось огромное количество кораблей. Но даже в небольшом количестве викинги были очень грозны; все они были профессиональными воинами, по собственному выбору избравшими профессию морских разбойников, и по отдельности были намного лучше принудительных рекрутов, которых английские олддермены или франкские графы могли бросить против них в бой. Они были гораздо лучше вооружены, чем их противники, почти каждый мужчина был хорошо экипирован кольчугой и стальным шлемом, в то время как среди франков англичан только знать и вожди все еще носили доспехи. Они также боролись за свою жизнь: пират, побежденный в чужой стране, был полностью во власти местных жителей и всегда обречен на смерть; поэтому он сражался с гораздо большей яростью, чем его враги. Но поначалу викинг приходил грабить, а не сражаться: ему больше нравилось разграбить какой-нибудь богатый незащищенный порт или монастырь, а затем выйти в море, чем завоевывать ненадежную добычу после тяжелых боев с набравшими поборы разъяренными жителями страны.

К этому времени викинги действовали на всех побережьях Западной Европы. От их набегов страдали не только франки: английским королевствам и кельтам Шотландии и Ирландии приходилось еще хуже. Экспедиции северян теперь следовали двумя четко обозначенными курсами; одним из них было путешествие мимо Фризии и устья Рейна к побережью Нейстрии и южной Англии. Другим было более длительное и смелое приключение - путешествие в открытом море от западных мысов Норвегии до Оркнейских и Шетландских островов, а оттуда на юго-запад, мимо Гебридских островов, в Ирландию, Уэльс и западную Англию. Первое направление добычи находилось в основном в руках датчан; второе чаще посещали норвежцы. Два других северных народа, шведы и готы Скандинавского полуострова, были почти полностью поглощены походами на восток, против славян и финнов Балтики.

|Викинги в Ирландии.| В первые годы набегов викингов Ирландия пострадала больше, чем любая другая страна; короли ее племен не могли защитить своих подданных. На острове не было ни одного города, защищенного каменной стеной, а многочисленные и богатые монастыри, защищенные только своей святостью, были открыты для грабителей. Норвежские пираты разбрелись по своему усмотрению по всей стране и вскоре начали зимовать в ней, вместо того чтобы вернуться домой по окончании своих летних опустошений. Именно в Ирландии они впервые задумались о захвате всей страны и превращении ее в новое скандинавское королевство. Это было в тот самый год раздела Вердена, когда великий вождь по имени Торгисл получил в полное владение северную половину острова и провозгласил себя там королем. Он правил два года (843-45) с большим успехом, пока случайно не попал в руки Малахии, короля Мита, который утопил его в озере Лох-Оуэл. С его смертью его королевство развалилось на куски, и ирландцы вернули себе многое из того, что он отвоевал у своих разобщенных последователей. Но норвежцы по-прежнему цеплялись за все порты и мысы

Ирландии: в Дублине, Уэксфорде, Уотерфорде, Лимерике они построили свои города и вели непрерывную войну против ирландцев во внутренних частях страны.

Поначалу дела у Англии шли лучше, чем у острова-побратима. Великий верховный король Уэссекса Эгберт был вполне способен защитить свое королевство; большинство нападений викингов были отбиты с потерями, пока жил Эгберт (802-838). Но при его более слабом сыне Этельвульфе вторжения становились все более отчаянными и упорными, пока в 850 году мы не находим роковой признак того, что викингам впервые удалось перезимовать на суше, укрепившись на кентском острове Танет и бросив вызов фюрду Уэссекса, который форсировал узкий водный путь, отделявший его от материка.

Перед датчанами во Франкской империи стояла гораздо более сложная задача, чем перед их норвежскими собратьями в Ирландии, и долгое время они проявляли гораздо большую осторожность, отправляясь вглубь страны или принимая бой в открытом поле. Они бежали перед лицом Людовика Благочестивого, когда он выступил против них с большим войском, и только когда империя была отвлечена гражданской войной, они начали смело нападать вверх по великим рекам и грабить города во внутренних районах страны. Для империи было крайне важно, что незадолго до битвы при Фонтенэ они поднялись вверх по Сене и взяли Руан (841 г.), а незадолго до умиротворения при Вердене они вошли в Луару и сожгли большой порт Нант.

Но когда, наконец, франкские короли заключили мир, викинги осмелели настолько, что, тем не менее, продолжали свои нападения на империю, и в годы, следовавшие за новым разделом, их успехи были еще больше, чем прежде. Все три брата подверглись жестокому нападению северян, и двое из них столкнулись с непрерывной чередой бедствий. | Датчане в Саксонии. | Льюису Германцу повезло больше всего; суровые саксонские племена на его границе всегда достойно сражались со своими исконными врагами датчанами. Но король увидел, как в 845 году был сожжен новый город Гамбург, так что его епископу пришлось бежать в Бремен, а в 851 году большая экспедиция поднялась вверх по Эльбе, разгромила саксонских графов в открытом поле и с триумфом вернулась в Ютландию, опустошив восточную половину Саксонии.

Лотарю и Карлу жилось гораздо хуже. Император видел, как его прибрежные земли во Фризии ежегодно разорялись. Напрасно он пытался добиться мира, отдав остров Валхерен датчанину Рорику с условием, что тот будет владеть им как феодалом и охранять побережье от своих братьев. Другие алчные авантюристы последовали за Рориком, пока все побережье Фризии не было усеяно их частоколами, а их опустошительные действия не проникли все дальше и дальше вглубь страны, пока Лотарь в своем дворце в Ахене не начал дрожать за собственную безопасность.

Но судьба молодого короля Карла и Западных франков была еще менее счастливой. Его владения имели гораздо большую протяженность открытого побережья, чем у его братьев, и он был раздосадован затянувшейся гражданской войной, поскольку Пиппин Аквитанский так и не смирился с разделом Вердена и делал все возможное, чтобы удержаться среди своих сторонников к югу от Луары. После долгих сражений он был вынужден в течение двух лет отдавать дань уважения Карлу, но вскоре снова взялся за оружие, и хотя его дядя одержал верх в этом состязании, он все еще был в состоянии оказывать упорное сопротивление. | Викинги во Франции. | Карл больше думал о подчинении Пиппина, чем о защите от датчан, и пока он был занят Аквитанией, северные части его королевства подвергались ужасному жестокому обращению. Уже в 843 году викинги набрались смелости перезимовать в Нейстрии, захватив и укрепив монастырь Нуармутье на острове в устье Луары. В следующем году им удалось нанести

удар далеко вглубь страны, поскольку Пиппин, которого одолел его дядя Чарльз, в отчаянии призвал на помощь ярла Оскара и повел викингов вверх по Гаронне до самой Тулузы. Оказавшись таким образом в самом сердце страны, они смогли как оценить ее плодородие и богатство, так и судить о слабости и неразумии ее правителей. Однако не Аквитания первой ощутила на себе их тяжелую руку. [Разграбление Парижа.] В 845 году они смело вошли в устье Сены, во второй раз разграбили Руан, а затем поднялись по реке гораздо выше, чем когда-либо поднимались прежде, до самых стен Парижа. Карл не осмелился встретиться с ними лицом к лицу, но укрепился на высотах Монмартра и аббатстве Сен-Дени, в то время как викинги вошли в Париж и разграбили часть города, пока, охваченные необъяснимой паникой, они не вернулись к своим лодкам и снова не спустились вниз по реке. Конечно, им следовало опасаться не армии Карла, поскольку он думал о выплате дани, а не о сражении. Действительно, он заплатил 7000 фунтов стерлингов. золота этой конкретной орде, чтобы заставить их вообще покинуть Нейстрию.

С этого времени дела у короля Карла шли все хуже и хуже, во многом из-за его собственных ошибок, как мы можем догадаться, поскольку он был непостоянным, непостоянным принцем, всегда брался за новые предприятия и внезапно бросал их ради какого-нибудь нового плана, прежде чем успевал осуществить его хотя бы наполовину. Его храбрость также не была вне подозрений; не раз за время своего правления он убегал от опасности с быстротой, которая отдавала скорее страхом, чем благоразумием. После разграбления Парижа мы видим, что викинги окружили Нейстрию со всех сторон; один отряд обосновался в устье Луары, другой под командованием ярла Оскара наблюдал за Гаронной, третий посвятил себя разграблению Фландрии и, когда потребовалась помощь, получил помощь от датских вассалов императора Лотаря на острове Вальхерен. Судорожно перебегая от одной сцены бесчинств викингов к другой, король Карл ничего не защищал и всегда прибывал слишком поздно, чтобы быть полезным. В 847 году даже Бордо, величайший город южной Галлии, был осажден викингами Гаронны. [Разграбление Бордо. Это привлекло его на некоторое время в Аквитанию, где он на этот раз добился успеха, подчинив себе своего племянника Пиппина, который потерял былую популярность среди гасконцев из-за своих пьяных и распутных привычек, а еще больше из-за того, что неразумно призвал датчан к себе на помощь. Но пока Карл находился в Аквитании, его постигло большее бедствие, чем любое из тех, которые он когда-либо терпел, - потеря Бордо, которое было предано ярлу Оскару недовольной партией его граждан.^[57] Викинги должны были удерживать его в течение нескольких лет.

57. По одной версии, евреями; по другой - партизанами Пиппина.

Разграбление такого богатого места было хорошо рассчитано, чтобы привлечь в Галлию новые датские орды. Положение в стране становилось все хуже, и мы с каждым годом отслеживаем продвижение кораблей захватчиков все дальше и дальше вверх по великим рекам. В 850 году они осмелели настолько, что укрепились высоко над Сеной у дамбы Живальда (Жефосс), где пробыли много месяцев и на досуге рыскали по всей стране вокруг Бове и Манта. Карл Лысый, участвовавший в неудачной кампании против мятежного герцога Бретонского, не принес помощи своим подданным. Не было его и на месте, когда в следующем году Гент, Теруан и вся Фландрия были опустошены. Но, вероятно, поимка его старого врага Пиппина Аквитанского искупила в его глазах многие подобные бедствия: претендент был взят в плен графом Гаскони, который передал его королю. В соответствии со старым франкским обычаем Пиппина постригли и отправили в монастырь.

| Датчане у дамбы Гивальда. | В 852 году королевство Западных франков погрузилось в еще большую деградацию, чем когда-либо прежде. Когда датчане снова поднялись вверх по Сене и расположились в своем бывшем лагере у дамбы Гивальда, Карл призвал на помощь все силы Нейстрии такой подавляющей силы, что викинги отступили за свои частоколы и заняли оборону. Вскоре император Лотарь со своими воинственными австразийцами выступил на помощь своему брату, и судьба датчан, казалось, была решена. Но после многомесячной осады Карл внезапно заключил мир с датским вождем Годфредом и пожаловал ему большую сумму денег и участок земли в устье Луары для поселения. Лотарь и австразийцы в гневе вернулись домой и больше никогда не помогали непостоянному нейстрийскому королю.

Когда дела франков шли так плохо, требовалось только еще одно зло, чтобы сделать их положение невыносимым, и вскоре к нему добавилось еще одно. В 853 году десятилетний мир между братьями, длившийся со времен Верденского мирного договора, был нарушен. Беспокойный народ Аквитании, хотя и потерял своего старого вождя Пиппина, решил попытаться поднять новое восстание. Они тайно послали просить помощи к Людовику Немцу, и он, хотя и был сильно раздосадован дома датскими набегами и славянскими восстаниями, оказался достаточно неразумным, чтобы удовлетворить их просьбу. | Гражданская война Льюиса и Чарльза, 854 год. | Он послал своего второго сына Людовика Саксонского со швабской и баварской армией в Аквитанию и объявил войну своему брату Карлу. Император Лотарь, проявив больше здравого смысла, чем обычно, попытался удержать своих братьев от безумной борьбы. Но не благодаря его усилиям германцы в конце концов согласились уйти из южной Галлии, а просто потому, что младший Людовик встретил меньшую поддержку, чем ожидал, со стороны гасконских повстанцев, и оказался недостаточно сильным, чтобы противостоять всем силам Нейстрии, когда его дядя выступил против него. Но пока шла эта совершенно неоправданная гражданская война, датчане учинили в королевстве Карла еще больший хаос, чем когда-либо. Они сожгли Нант и Тур, опустошили районы вокруг Анже и Блуа и остановили свой путь только перед стенами Орлеана, который оказал упорное и успешное сопротивление (853-4).

| Смерть Лотаря, 855 год. | В следующем году последнее формальное звено, все еще скреплявшее Франкскую империю, было разорвано смертью императора Лотаря. Состарившись раньше времени и чувствуя себя совершенно неспособным справиться со злобой дня, он удалился в монастырь Прюм и умер там всего через несколько недель после того, как принял рясю. Его разнородная империя сразу же развалилась на куски: его старшему сыну Людовику, который уже был коронован как его коллега по империи папой Сергием II, не осталось ничего, кроме королевства Италия, которым он мог поддерживать свой императорский титул. В Италии он был хорошим королем, но за Альпами не встретил ни уважения, ни повиновения. Его младшие братья Лотарь и Карл разделили между собой северные части наследия своего отца. Лотарь захватил Австрию, Карл - Прованс, и промежуточная бургундская территория была разделена между ними.

Таким образом, единство империи уже превратилось в посмешище, и царство Карла Великого было разделено на пять королевств, не питавших друг к другу ни любви, ни почтения, ни помощи в трудную минуту.

ГЛАВА XXV

САМЫЙ ТЕМНЫЙ ЧАС — 855-887 гг. н. э.

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛОТАРЯ I.

К НИЗЛОЖЕНИЮ КАРЛА ТОЛСТОГО

Гражданские войны после смерти Лотаря I.—Король Людовик и его правление в Германии—Неприятности Лотаря II.—Викинги в Нейстрии—Пистрский эдикт—Карл Лысый вторгается в Австразию—Мерсенский мирный договор—Карл стал императором—Смерть Людовика Немецкого—Война его сыновей с Карлом Лысым—Преемники Карла Лысого в Нейстрии—Катастрофическое правление Карла Толстого—Он объединяет Германию, Францию и Италию—Осада Парижа—Карл Толстый свергнут с престола.

Какими бы злыми ни были годы, последовавшие за битвой при Фонтене и разделом Вердена, впереди было еще хуже. Печальной особенностью второй половины IX века было то, что христианский мир, впервые с начала Темных веков, начал скатываться обратно к первобытному хаосу и варварству. После четырехсот лет неустойчивого, но постоянного продвижения к единству, силе и цивилизации она начала рецидивировать и скатываться обратно к разобщенности, слабости и невежеству. Правлению Карла Великого суждено было на долгие годы стать высшей точкой прогресса. Последующая эпоха быстро отходит от него, и только в середине десятого века подъем снова становится заметным.

Но из всех злых лет период между 855 и 887 годами должен был стать худшим. Гражданские войны потомков Людовика Благочестивого становились все более многочисленными и разорительными; набеги викингов и сарацин распространялись все шире и шире; правители Франкской империи были поражены мором, умирали молодыми или впадали в слабоумие задолго до достижения среднего возраста, пока расе, казалось, не суждено было исчезнуть из истории с падением трусливого, неповоротливого, некомпетентного Карла Толстого в 887 году.

[Гражданская война после смерти Лотаря I.] Новые смуты начались сразу же после смерти императора Лотаря. Трое его сыновей не могли прийти к согласию в плане раздела владений их отца. Людовик считал, что его доля — королевство Италия — была слишком мала для старшего сына и носителя императорского титула; Лотарь II пожалел долю Бургундии, которая досталась его младшему брату Карлу, и попытался схватить молодого человека, чтобы постричь его и заточить в монастырь. Еще до того, как был нанесен какой-либо реальный удар, папа Бенедикт III, братьям удалось заключить перемирие, но они отделились друг от друга и искали союзов друг против друга: Лотарь объединился со своим младшим дядей Карлом Лысым, в то время как Льюис стал другом своего старшего дяди и тезки Льюиса Немецкого. Два года спустя семейная вражда привела к войне при самых катастрофических обстоятельствах. Карл и Лотарь II объединили свои силы для решающего похода против датчан, основная армия которых под командованием некоего ярла Бьорна сосредоточилась в центральной Франции и сожгла Париж, Шартр и Блуа (857). Перед объединенными силами Нейстрии и Австразии викинги

отступили и расположились большим лагерем на острове Уассель, расположенном на берегу Сены.^[58] Чарльз преградил им путь вниз по реке, перебросив флот, который он недавно построил, к следующему пределу и решил уморить их голодом. После трехмесячной осады казалось вероятным, что он достигнет своей цели; датчане не могли ни победить его, ни убежать от него. Но как раз в тот момент, когда они были готовы сдаться, до короля Нейстрии дошла ужасная весть о том, что его брат Людовик со всем войском Германии перешел Рейн и выступает против него. Карл немедленно снял осаду Уасселя, позволил датчанам сжечь его флот и спастись бегством, а сам повернул на восток, чтобы оказать сопротивление королю Людовику. Их армии встретились при Бриенн-сюр-Об, но когда Карл увидел подавляющую численность немцев, его сердце дрогнуло — как это часто случалось в подобных кризисных ситуациях, — и он бросил своих людей и бежал в Бургундию. Лишившись своего лидера, его вассалы сложили оружие, и большинство нейстрийских графов и епископов засвидетельствовали почтение королю Людовику. Германский монарх смог завладеть владениями своего брата и провозгласить себя королем Западных франков. Его племянник Лотарь II, посланный умолять его о мире, и казалось, что Льюис станет сюзереном всех королевств к северу от Альп. [Льюис Германец побеждает и теряет Нейстрию.] Но когда он отослал свои немецкие войска и приготовился перезимовать близ Лана среди нейстрийцев, внезапно проявилась нестабильность его власти. Карл Лысый тайно собрал новую армию в Бургундии. Он двинулся на Лаон в середине зимы. Нейстрийцы отказались поднять оружие против своего старого короля, и Людовику с очень небольшим количеством сторонников пришлось бежать в Германию и отказаться от своего с таким трудом завоеванного владычества над Западными франками. Восемнадцать месяцев спустя братья заключили мир (860 г.), но никакой международный договор не мог отменить тот вред, который безрассудные амбиции Людовика нанесли всем франкским королевствам. Пока бушевала война, датчане без сопротивления пронесли по всей стране. Одна армия разорила устье Рейна и Фландрию, другая разграбила Амьен и Нуайон; третья вошла в Средиземное море, поднялась вверх по Роне и опустошила далекое королевство Карла Прованского, младшего брата Лотаря II, слабого юноши, страдавшего эпилептическими припадками, который не проявил никаких сил, чтобы защитить свою плодородную землю от пиратов. Банда с последним названием даже распространила свои опустошительные действия на Италию и разграбила процветающий порт Пиза во владениях императора Людовика II.

58. Остров или полуостров, окруженный Сеной и ее болотами, недалеко от Бужива, недалеко от Парижа, в департаменте Сена и Уаза.

Со времени своего коварного вторжения в Нейстрию король Людовик Немецкий, который до сих пор был самым удачливым из рода Карлингов, начал сталкиваться с неприятностями, к которым он до сих пор был незнаком. В то время как его внимание было направлено на Запад, его славянские вассалы на Востоке, аботриты, подняли восстание: когда он повел войско против них в 862 году, он потерпел поражение и катастрофу. Но гораздо худший удар был нанесен из лона его собственной семьи: его старший сын Карломан, которого он назначил губернатором Каринтии и баварского Остмарка, поднял против него восстание. [Семейные проблемы Льюиса Немца.] Дважды побежденный и дважды прощенный (861 и 863), неблагодарный принц в третий раз взял за оружие в 864 году и вынудил своего отца предоставить ему долю в королевстве. Чувствуя, что старость надвигается на него, и надеясь примирить всех своих сыновей, Людовик Германский предпринял неразумный шаг - разделил свое королевство при жизни, точно так же, как это сделал его отец Людовик Благочестивый. Он

сделал Карломана королем Баварии и Каринтии, назначил своего второго сына и тезку Людовика правителем Саксонии, Тюрингии и Франконии, а своего младшего сына Карла Толстого - правителем Швабии и Реции (865). Должно быть, он чувствовал, что рука Небес была возложена на него в наказание за его собственное неподобающее поведение по отношению к своему отцу Льюису Благочестивому, поскольку его сыновья поступили с ним точно так же, как он поступил со старым императором тридцать лет назад. Они роптали по поводу границ своих наследий и часто бились с оружием в руках как против него, так и друг против друга. Между 865 и 876 годами зафиксированы четыре отдельных восстания того или иного князя или всех князей. Но немец Льюис был сделан из более сурового материала, чем его набожный отец. Раз за разом он подавлял восстания своих непокорных сыновей и после каждой победы проявлял постоянство или слабость, чтобы вернуть им былые почести.

Несмотря на эти восстания и на успешное восстание сначала аботритов, а затем моравов, которым обоим удалось избавиться от своей зависимости от империи, Германия все же была самым удачливым из пяти франкских королевств. Подданным трех сыновей Лотаря I., которые теперь правили осколками 'срединного королевства' своего отца, всем пришлось пережить тяжелые времена. О неприятностях императора Людовика в Италии мы поговорим в другом месте. Двум его младшим братьям пришлось еще хуже. Страдающий эпилепсией Карл Прованский был раздосадован датскими и сарацинскими пиратами, а также интригами своего жадного дяди Карла Лысого, который пытался присоединить Прованс к своим собственным нейстрийским владениям, хотя был совершенно неспособен защитить даже Нейстрию от датчан. Лотарь II. в Австразии — или Лотарингии, как теперь стали называть ее люди по имени ее правителя — сильно пострадали викинги, которые продвинулись вверх по Рейну до Нойса и Кельна. | Двоеженство Лотаря II. | Но гораздо больше его беспокоила проблема, за которую он сам был полностью ответственен. Он изгнал со своего двора свою жену Теутбергу и открыто женился на своей наложнице Вальдраде. Это двоеженство не только привело к восстанию брата Теутберги Хукберта,^[59] аббата Сен-Мориса и герцога Трансуранской Бургундии, но и вызвало ссору с папством, которая озлобила Лотаря на все оставшиеся годы. Папа Николай I. выступил против несправедливых отношений короля с его женой и неоднократно призывал его отвести ее обратно на свое ложе. Он убедил дворян Лотарингии заставить своего короля уволить Вальдраду на время; но Лотарь был рабом страсти и вскоре прогнал свою жену и снова послал за своей любовницей. Это навлекло на него новые громы церковного порицания, и последние десять лет своей жизни он жил под запретом папы, пока в 868 году не был настолько унижен, что лично предстал перед Адрианом II. и совершил полную капитуляцию — один из величайших триумфов, одержанных папством со времен Григория Великого.

59. Хакберт был одним из самых экстраординарных персонажей того времени, воинственным аббатом, который содержал целый гарем наложниц в своей крепости Сен-Морис-ан-Вале и сохранял контроль над Во и Вале от всех желающих, включая своего сеньора короля.

Но хотя другим франкским королевствам пришлось плохо, именно на королевство Карла Лысого, как обычно, пришлась основная тяжесть бед христианского мира. Теперь в устьях каждой из великих рек Франции, Соммы, Сены, Луары и Гаронны, были постоянные отряды датчан — хроники называют их "*пагани Секваненсес*" или "*пагани Лигеренс*", как само собой разумеющееся. Обосновавшись на островах или мысах в устьях этих рек, каждый отряд посвятил себя опустошению местности, лежавшей в глубине материка от его лагеря. Тем временем Карл Лысый предоставил защиту своего королевства местным графам, а сам занялся

тщетными планами захвата владений своих племянников, Карла Прованского и Лотаря Австрийского. У него не обошлось без семейных проблем; его дети — как и дети Людовика Немецкого — были очень неуправляемыми: его второй сын Карл, который правил Аквитанией вместо него, пытался стать независимым королем, а его младший сын Карломан был уличен в заговоре против его жизни, за что был приговорен к ослеплению и вечному тюремному заключению. Но ни домашние неурядицы, ни набеги викингов не могли удержать Карла от его бесконечных интриг против брата и племянников. Когда он действительно обращал свое внимание на свой собственный бизнес, его методы решения стоящих перед ним проблем, как правило, не были мудрыми. Ни один по-настоящему умный человек не додумался бы до плана, который Карл изобрел в 861 году, чтобы избавиться от викингов путем подкупа их для борьбы друг с другом. Коварные пираты воспользовались королевской субсидией, а затем, как и следовало ожидать, все объединились против него.

Однако на совете Карла были предложены две схемы организации сопротивления датчанам, которые заслуживают внимания как предзнаменование методов, с помощью которых в конечном итоге должны были быть остановлены захватчики. Большие трудности, с которыми франки до сих пор сталкивались в борьбе с викингами, объяснялись главным образом двумя причинами — способностью врага быстро передвигаться и тем фактом, что города, обнесенные стенами, все еще были очень редки, а замки совершенно неизвестны во франкских королевствах, так что жителям сельской местности не приходилось искать надежного убежища. Пистрский эдикт, 864 год. | В Пистрском эдикте (864 г.) Карл демонстрирует некоторую оценку этих двух трудностей и пытается устранить их с помощью очень хорошо продуманных мер. Чтобы справиться с быстро передвигающимися викингами, он решает сделать франкскую армию более мобильной. Он пытается заменить кавалерией громоздкие массы местных рекрутов, приказывая, чтобы *"все граждане Франции были равны по праву владения, а не по праву собственности, и чтобы их комитет находился в постоянном подчинении"*. День феодальной кавалерии действительно только начинался, и с военной точки зрения этот прием был совершенно правильным; к несчастью для монархии, день феодального всадника также должен был стать днем феодального разделения и разобщенности. Вторая мера, предписанная Пистрским эдиктом, была направлена на укрепление королевства с помощью укреплений. Конкретный план, которому Карл больше всего отдавал предпочтение, заключался в перекрытии великих рек укрепленными мостами. Через города, лежащие у воды, должны были быть переброшены мосты с укрепленным плацдармом на противоположном берегу. Таким образом, викинги обнаружили бы, что их продвижение вверх по рекам полностью остановлено, поскольку их лодки не смогли бы пройти под мостами, пока не будут взяты форты на обоих концах рек, что было долгим делом в те дни, когда искусство полиоркетинга пало так низко. В качестве первых результатов этого указа был построен прочный мост в самом Пистре, ниже по течению Сены, где Эр впадает в великую реку. Именно в то же время остров, на котором лежал старый Париж, был снабжен двумя укрепленными мостами через северный и южный рукава Сены, соединявшими его с материком. Главным образом благодаря этим укреплениям при следующем нападении викингов Париж, хотя и дважды подвергавшийся до этого разграблению, успешно выстоял и не пострадал от захвата и опустошения после своей третьей осады.

В 863 году умер Карл, король Прованса, младший сын императора Лотаря I. Его унесла эпилепсия, от которой он всегда страдал. Его маленькое королевство было разделено между его братьями Лотарем II и императором Людовиком, к большому недовольству Карла Лысого,

который хотел бы приложить руку к разделу. Но в данный момент Карла раздражали не только датчане, но и его племянник Пиппин Младший, который сбежал из своего монастыря и поднял новое восстание в Аквитании. Пока король разбирался со своим племянником, викинги Луары совершили самый широкий поход по центральной Франции, который когда—либо совершала какая-либо орда, - сожгли Пуатье, Ангулем, Периге, Лимож, Клермон и Бурж в ходе одного-единственного вторжения. [Конец Пиппина Аквитанского.] Мятажник Пиппин присоединился к ним и, как говорят, на самом деле отбросил свое христианство и поклонялся Водану в их лагере — *ex monacho apostata factus, ritum paganorum servavit*. Не прошло и года, как он попал в руки своего дяди и с общего одобрения франков был приговорен к вечному одиночному заключению.

На короткое время после этих событий Западно-Франкскому королевству было суждено пережить сравнительную передышку от набегов норманнов. В 867 году все викинги Запада собрались для нападения на Англию, которая до сих пор сравнительно мало пострадала от их рук. Начиная со взятия Йорка в 868 году и заканчивая великой победой Альфреда при Этануне в 878 году, основные силы датчан были потрачены на завоевание королевства за ла-маншем. Вторжение в Англию было совершено не с целью грабежа, а с целью завоевания, и 'Великая армия', возглавляемая двумя королями и пятью ярлами, состояла из всех орд, которые опустошали Континент в течение последних десяти лет. Если им и не удалось подчинить всю Англию, они все же завоевали грейт-Данелаг, восточную половину острова, и обосновались на покоренной ими земле.

Но сравнительный иммунитет от набегов викингов, который франки получили между 868 и 878 годами, не принес им большой выгоды. В 869 году Лотарь II. умер, возвращаясь домой из Италии в безутешном настроении после заключения мира с папой римским.^[60] С того времени между двумя его пожилыми дядями шли бесконечные споры о том, кто из них должен унаследовать Австразию, старую франкскую землю между Шельдой и Рейном, прародину их расы. В этот момент началась борьба между Францией и Германией за наследование 'среднего королевства', которым правил Лотарь, борьба, которой суждено было продлиться тысячу лет. Кто может сказать, решена ли окончательная судьба Ахена, Трира, Меца, Льежа и Страсбурга?

60. См. страницу 428.

В тот момент, когда Карл Лысый услышал о смерти Лотаря, он переправился через Маас во главе нейстрийских войск и короновал себя в Меце как короля Лотарингии. Бретонцы в тот год открыто бунтовали, и бродячая группа викингов собирала пожертвования на Гастроли и Анже, но Чарльза такие мелочи мало заботили. Льюис Немец в тот момент был прикован к постели, а его сыновья отсутствовали в экспедиции против славян. Но следующей весной он выступил в поход, имея за спиной всю Германию, после чего Карл Лысый, всегда лучше умевший захватывать, чем сражаться, отступил и предложил переговоры. [Раздел Мерсена, 870.] Затем последовал раздел Мерсена, в результате которого Лотарингия была разделена между братьями: Карл получил бургундскую часть владений своего покойного племянника и западную Австразию до Мааса; Людовик получил Фризию и восточную Австразию. Таким образом, к Карлу перешли Лион, Вена, Безансон, Туль, Верден, Камбре, Льеж, Тонгерн, Мехельн; к Льюису - Ахен, Кельн, Трир, Страсбург, Утрехт, Нимуэген и Местрихт. (870.)

Но Мерсенский мирный договор должен был уладить дела лишь на короткое время. Последовало пять лет сравнительного отдыха, пока викинги все еще сражались в Англии против

доблестных королей Уэссекса. Но в 875 году умер император Людовик II, последний из трех сыновей Лотаря I. Как и два его брата, он не оставил наследника мужского пола, и последовала еще одна борьба между его престарелыми дядьями Людовиком Немецким и Карлом Лысым за императорский титул и итальянское королевство. | Карл Лысый в Италии, 875 год. | Теперь, как всегда, Карл действовал с необдуманной поспешностью и был первым на поле боя. Предоставив Нейстрию самой себе, он отправился в Италию во главе небольшой армии и напал на сейм ломбардского королевства, который заседал в Павии испорил о выборе преемника своему покойному монарху. Некоторые лангобарды провозгласили его королем, а затем приготовились выступить в поход на Рим, где, как он знал, папа был готов вручить ему императорскую корону. Но тем временем Людовик Немецкий готовился вмешаться. Сначала он послал своего младшего сына Карла Швабского, более известного как Карл Толстый, выступить против нейстрийского короля. Но Чарльз, который всегда на протяжении всей своей жизни неумело справлялся со всем, что ему поручали, легко испугался своего дяди и сбежал обратно в Альпы. Затем король Германии отправил в Ломбардию своего непокорного старшего отпрыска, Карломана, короля Баварии, с внушительным отрядом баварских и франконских рекрутов. Карл Лысый боялся столкнуться с этой армией и предложил Карломану, чтобы как нейстрийские, так и немецкие войска были выведены с полуострова и позволили урегулировать спорный вопрос о престолонаследии мирным путем переговоров. Баварский принц был соблазнен благовидным предложением своего дяди и отправился домой через Бреннер. Но вместо того, чтобы соответственно отступить к Сени, Карл Лысый повернул на юг и устремился к Риму. Он достиг его и был должным образом коронован императором своим другом Иоанном VIII. Но он не задержался в Италии, чтобы помочь папе против сарацин, как тот умолял его, а сразу же вернулся в Нейстрию, чтобы продемонстрировать дома свою новую императорскую корону.

|Смерть Льюиса Немца, 876 год.| В этот момент умер Людовик Немецкий, ныне старик семидесяти шести лет; прошло шестьдесят лет с тех пор, как его отец назначил его королем Баварии, и тридцать три года с тех пор, как он получил власть над всей Германией по Верденскому мирному договору. В целом он был успешным правителем, несмотря на многочисленные восстания его сыновей и несмотря на тот факт, что ему не удалось удержать под своей рукой всех своих славянских вассалов. Ему больше, чем какому-либо другому королю, Германия была обязана своей организацией как единого национального королевства. Его долгое правление дало саксонцам и франконцам, баварцам и швабам время вырасти вместе и научиться считать себя отдельной нацией, а не просто провинциями Франкской империи. Но если для Германии его правление было безусловно добрым, история не может простить ему двух случаев в 854 и 858 годах, когда он сознательно пожертвовал общим благополучием христианского мира ради личных амбиций и напал на своего нейстрийского брата, когда Карл был в гуще своих войн с викингами. Это самые темные пятна на репутации первого короля Германии.

Мы уже рассказывали, как Людовик, следуя дурному обычаю своей семьи, разделил свое королевство между тремя сыновьями Карломаном, Людовиком и Карлом, королями Баварии, Саксонии и Швабии. Однако им не было суждено спокойно унаследовать царство своего отца. Как только Карл Лысый услышал, что его старший брат мертв, он предпринял еще одну энергичную попытку захватить Лотарингию, утверждая, что как император он имеет право на имперский город Ахен, и открыто утверждая, что клятвы Мерсена были "даны отцу, но не сыновьям". Во главе большой армии Карл вступил в Австразию и занял Ахен и Кельн. Из трех молодых королей Германии один Людовик выступил против него. Карломан был далеко на

Востоке, сражаясь с восставшими славянами, а Карл Толстый был, или предполагал, что был, на одре болезни. | Карл Лысый разбит при Андернахе. | Судьба земель между Рейном и Шельдой была решена в битве при Андернахе, в которой нейстрийцы, хотя и превосходили их численностью, были полностью разбиты франконцами и саксонцами Людовика Саксонского. Карл Лысый, как обычно, обратился в бегство первым и благополучно прибыл в Льеж, хотя большая часть его армии была разбита вдребезги. Он вернулся к себе домой и обнаружил датский флот вверх по Сене, поскольку викинги только начинали возвращаться из Англии. Но такие неприятности мало волновали его, и хотя его австразийская экспедиция завершилась так неудачно, он, не задумываясь ни на минуту, отправился в столь же опрометчивый поход в Италию, где императорская корона, которую он так легко завоевал в 875 году, теперь была под угрозой. Он отправил викингам 5000 фунтов стерлингов. серебра, чтобы побудить их перенести свои опустошительные действия из Нейстрии на земли его немецкого племянника, и поспешил в Ломбардию с небольшой и наспех снаряженной армией, поскольку лучшие из его людей были убиты или взяты в плен в битве при Андернахе. Карл познакомился со своим другом папой Иоанном VIII. в Павии и собирался отправиться в Рим, когда услышал, что его старший племянник, Карломан Баварский, у которого было много сторонников среди восточных лангобардов, перешел Альпы и выступил против него, желая отомстить за предательство, которому он подвергся в предыдущем году. | Карл умирает в Италии в 877 году. | Карл поспешно бежал перед приближающимися баварскими войсками, но при переходе через Сени его свалила дизентерия, и он скоропостижно скончался в жалкой хижине у подножия перевала (877).

Карлу Лысому все еще не исполнилось шестидесяти, но он был королем с детства и правил Западно-франкскими владениями, которые были переданы ему по Верденскому мирному договору, в течение тридцати четырех ужасных лет. Из всех карлингов он был человеком, причинившим империи больше всего вреда: его рождение было несчастьем: дар его юности стоил государству долгой гражданской войны; его мужественность была непостоянной, беспринципной, нетерпеливой, но в то же время непостоянной. Он развязал несколько войн, безрассудно посягая на наследие своих сородичей, но когда ему оказывали сопротивление, он всегда быстро отступал. Состояние Нейстрии было позором для его имени: если бы половина взяток и субсидий, которые он потратил, чтобы выкупить уход датчан, была использована для военных приготовлений против них, их можно было бы легко прогнать. Но Карл всегда был занят фантастическими планами иностранных завоеваний; и пока его взор был устремлен за границу, он позволил своему королевству развалиться на куски у его ног. История не может найти ничего достойного похвалы в первом короле Франции.

За десять лет, последовавших за смертью Карла Лысого, на дом Карлингов, казалось, обрушилась беда. Короля за королем уносила безвременная смерть, кого-то в результате несчастного случая, кого-то из-за болезни. Во Франции и Германии шесть правящих монархов умерли, не оставив ни одного ребенка законного рождения, и к 887 году королевский дом был представлен одним единственным наследником мужского пола, мальчиком всего восьми лет. Тем временем датчане вернулись из Англии в полном составе, и вся империя этих недолговечных королей переживала наихудший кризис, который когда-либо обрушивался на нее.

|Правление и смерть Льюиса Заики, 877-879.| Карлу Лысому наследовал в Нейстрии и Аквитании, или Франции, как мы теперь можем называть Западное королевство, его сын

Людовик II, более известный как Льюис Заика. Новый король был благоразумным и осмотрительным правителем, совсем не похожим на своего взбалмошного родителя. Он сразу отказался от всех притязаний на королевство Италия и императорскую корону, хотя Иоанн VIII. убеждал его подтвердить заявления своего отца. Он быстро заключил мир со своими немецкими кузенами, возобновив с ними условия Мерсенского мирного договора, по которому восточная Лотарингия отошла к Германии, а западная Лотарингия - к Франции. Затем он выступил в поход против датчан, которые только что снова вернулись к устью Луары, но во время сражения с ними его сразила болезнь, и он умер несколько месяцев спустя, задолго до завершения второго года своего правления (879). У него осталось два сына, Льюис и Карломан, а третий ребенок родился у него сразу после его смерти и был назван Чарльзом. Графы и епископы Франции, следуя неизменному и печальному обычаю того времени, короновали и Людовика, и Карломана как королей. Двум парням — им было всего семнадцать и шестнадцать — не суждено было наслаждаться тихой жизнью. Альфред только что изгнал из Англии тех из датской 'Великой армии', кто отказался поселиться в Данелаге и оказать ему почести.

| Восшествие на престол Людовика III. и Карломана, 879 год. | Полчища викингов обрушились на Фландрию и сожгли Гент и Сент-Омер еще до того, как молодым королям исполнилось два месяца правления. В то же самое время Людовик Саксонский, на которого, казалось, теперь снизошел дух алчности, владевший Карлом Лысым, вторгся в Нейстрию — вызванный, по видимому, какими-то нелояльными намерениями. Но Западные франки сплотились вокруг своих молодых хозяев, и Людовик Саксонский согласился уйти в отставку при условии, что Западная Лотарингия — земли, которые Карл Лысый приобрел по Мерсенскому мирному договору десять лет назад, — будет передана ему. Таким образом, Льеж, Намюр, Камбре и Тонгерн на данный момент стали немецкими, а не французскими.

В другой части Западно-Франкского королевства в то же время происходили столь же серьезные потери. После смерти доброго императора Людовика II. Прованс и южная Бургундия были объединены с Нейстрией (875-79). Но единственная дочь Людовика, принцесса Эрменгарда, теперь нашла сильного и амбициозного мужа в лице Босо, графа Вьенского, одного из губернаторов Бургундии. Воспользовавшись кризисом в Нейстрии, этот граф Босо решил заявить права своей жены на наследство ее отца. В Италии ему не удалось добиться успеха, хотя папа с радостью помог бы ему, но в Провансе и Нижней Бургундии знать сплотилась под его знаменами. | Босо стал королем Арля в 879 году. | Он был провозглашен королем в октябре 879 года, впоследствии коронован в Лионе. Его новое королевство Арль, Прованс или Нижняя Бургундия — поскольку оно носит все эти названия — было первой частью империи Карла Великого, перешедшей к наследникам мужского пола из великой королевской линии. Владения Босо почти совпадали по размерам с королевством Прованс, поскольку им владел Карл, сын императора Лотаря I. Они включали в себя всю долину Роны, от Лиона до моря и границ Италии.

В то время как Западно-Франкское королевство сокращалось на север и юг, Германия в целом находилась в лучшем состоянии. Трое сыновей Льюиса Немца, в отличие от большинства королевских братьев того времени, жили вместе в гармонии. Два старших брата пришли к соглашению, что Карломан должен разбогатеть в Италии, в то время как Льюис стремился возвыситься в Лотарингии. Но Карломан, изгнав Карла Лысого из Ломбардии и овладев большей частью земель к северу от По, был поражен лихорадкой, которая закончилась паралитическим ударом. Его перевезли обратно в Баварию, и он прожил два года, но больше никогда не вставал со своего ложа. Чувствуя над собой руку смерти, он передал управление

своим королевством своему брату Людовику, оговорив лишь, что пограничное герцогство Каринтия должно быть передано его собственному незаконнорожденному сыну Арнульф, ребенку славянской принцессы, которую он взял в наложницы. Карломан прожил еще год и умер в 880 году, не дожив до среднего возраста.

[Карл Толстый, король Италии, 879 год. | Тем временем его место в Италии занял его бездарный младший брат, король Швабии. Карл Толстый вступил в Италию осенью 879 года, был повсеместно признан королем и торжественно получил ломбардскую корону от Иоанна VIII. в Равенне. Но его новое королевство почти не видело его: хотя его настойчиво просили выступить против сарацинских захватчиков юга, он ничего подобного не сделал, а бесславно вернулся домой, в Швабию.

Датчане к этому времени собирали больше сил, чем когда-либо, для нападения на франкскую империю. Они собрались со всех берегов Запада и на этот раз напали на восточные владения, а не на свою старую добычу в Нейстрии. [Великое датское вторжение, 880 год.] 880 год надолго запомнился немцам ужасным поражением, нанесенным на Люнебургской пустоши близ Гамбурга ополченцами Саксонии и Тюрингии. Бруно, герцог Саксонии, два епископа и не менее двенадцати графов пали мертвыми на поле боя, а победоносные викинги опустошили всю долину Эльбы без дальнейшего сопротивления. Почти в тот же момент в Австразии появилась другая датская армия, которая вела нерешительную битву с королем Людовиком, и, хотя они оставили ему поле боя, смогли надолго закрепиться на Шельде, в большом лагере близ Куртре, угрожая как Нейстрии, так и Австразии.

[Битва при Соскуре, 881 год.] Весной 881 года они решили, что Западные владения в первую очередь должны стать их добычей. Направляясь на Бове, они встретили в Соскуре молодого короля Франции и его войска. К радости и удивлению всего Западного христианского мира Людовик III нанес захватчикам сокрушительное поражение, перебил 8000 из них и преследовал их до Камбре, за пределами своего собственного королевства. Это было единственное крупномасштабное сражение, в котором франки одержали победу над викингами, и на Людовика III возлагались большие надежды. Европа могла бы найти спасителя от меча язычников. Но не прошло и года, как доблестный молодой король встретил свою смерть в глупой забаве,^[61] и оставил нейстрийский трон своему брату Карломану.

61. Льюис был веселым юношей, склонным к любовным похождениям, и однажды случилось так, что, забавляясь, он преследовал некую девицу, дочь Гермунда. Она вбежала в ворота своего отца, и король, смеясь, последовал за ней. Но он забыл как следует нагнуться у портала, и его раздавило крышей и высокой лукой седла, так что он умер через несколько дней.

Датская армия, потерпевшая поражение при Сокуре, отступила в Гент, где была усилена вновь прибывшими отрядами под командованием двух знаменитых морских королей, Зигфреда и Годфреда. Затем, когда осень подходила к концу, войско обрушилось на Австразию. Рекруты из старой королевской земли франков были разбиты: их король, Людовик Саксонский, был далеко, и зимние месяцы 881-2 годов опустошили всю местность от устья Шельды до Эйфеля. [Австразия, разоренная датчанами.] Внутренним частям Австразии до сих пор исключительно везло, спасаясь от датского меча, но в эту роковую зиму Льеж, Местрихт, Тонгерн, Кельн, Бонн, Нойс, Цюльпих, Мальмеди, Нимуэген и все другие города в округе были разграблены. Самым душераздирающим из всех было разграбление королевского города Ахен: датчане разграбили

дворец, поставили своих лошадей в соборе и разбили святыню и изображение над могилой Карла Великого.

К отчаянию всей Германии, король Людовик Саксонский, чьей задачей должно было стать нападение на захватчиков следующей весной, умер 20 января 882 года — четвертый каролингский монарх, которого унесли в могилу за тригода. Его подданные не нашли ничего лучшего, как избрать своим преемником его единственного оставшегося в живых брата Карла Толстого, короля Швабии и Италии.

[Карл Толстый, король Германии.] Так началось несчастливое правление Карла, последнего чистокровного императора Каролингов. В этот момент он находился в Италии, где посетил Рим и получил императорскую корону. Неторопливо возвращаясь домой, — датчане тем временем разграбляли Трир и Мец, — он в июле достиг Рейна и созвал к себе рекрутов из Саксонии, Швабии, Баварии и Франконии: он привел с собой ломбардскую армию. С этим огромным войском, самым большим, какое когда-либо видели со времен смерти Карла Великого, он двинулся против датчан. Годфред и Зигфред удалились раньше него в большой лагерь, который они разбили в Эльслоо на Маасе. Малодушный император противостоял им двенадцать дней, а затем вместо того, чтобы приказать своей огромной армии штурмовать лагерь, начал переговоры с врагом. Несколько дней спустя его солдаты, к своему ужасу и отвращению, услышали, что Карл согласился позволить викингам уйти со всей их добычей, заплатив им 2000 фунтов стерлингов. серебра и даровать королю Годфреду великое герцогство в устье Рейна за руку его кузины Гизелы, незаконнорожденной дочери короля Лотаря II. Взамен датчанин согласился креститься и засвидетельствовать почтение императору. [Договор при Эльслоо, 882 год.] Этот способ подкупа Годфреда, вероятно, был подсказан тем способом, которым Альфред Английский расправился с Гутрумом четыре года назад при заключении Уэдморского мира. К сожалению, Чарльз забыл, что, хотя Альфред был достаточно силен, чтобы заставить Гутрума хранить веру, его собственный характер вряд ли оказал бы подобное влияние на Годфреда.

Король Зигфред с теми датчанами, которые не пожелали поселиться в устье Рейна, направились из Эльслоо в Нейстрию. Карл Толстый просто предусмотрел эвакуацию своего собственного королевства и нисколько не заботился о том, что может случиться с его кузеном Карломаном. Зима 882-3 года была такой же катастрофической для северной Франции, как зима 881-2 года была для Рейнской области. От Реймса до Амьена и Куртрэ вся страна была охвачена волнениями: король Карломан и его вельможи, вместо того чтобы копировать поведение Людовика III и помнить о триумфе при Сокуре, последовали жалкому примеру Карла Толстого и заплатили захватчикам огромную взятку в 12 000 фунтов стерлингов. серебра, чтобы побудить их перебраться в Австрию, Англию, Ирландию или любое другое королевство, которое они выберут. В минуту покоя, полученную после временного ухода пиратов, Карломан умер, не дожив еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Он был случайно убит одним из своих товарищей во время охоты на кабана в лесу недалеко от Ле-Анделиса (884). Род Каролингов к этому времени почти иссяк: за пять лет умерло пять королей, и единственными выжившими мужчинами были бездарный император Карл Толстый и младший брат Карломана, пятилетний ребенок, посмертный сын Льюиса Заики, принца, которого следующее поколение должно было знать как Карла Простака.

[Карл Толстый наследует Нейстрию в 884 году.] Вместо того чтобы столкнуться с ужасами меньшинства, Западные франки послали к императору с просьбой принять Нейстрию. Таким

образом, вся империя, подчинявшаяся Карлу Великому, была снова объединена под единым скипетром, за исключением небольшого королевства короля Босо в Провансе. Но Чарльз Толстый был жалкой заменой своему великому тезке. Трем годам его правления над всеми франкскими королевствами (884-7 гг.) было суждено разрушить последние остатки лояльности в сердцах подданных империи и заставить их в отчаянии отвергнуть старый королевский дом и искать новых спасителей и новых королей.

Историю этих трех злых лет легко пересказать. Услышав о смерти Карломана, датчане устремились обратно в Нейстрию: 'клятвы, данные мертвецу, ' говорили они, - не в счет'. Но их возвращение было вызвано главным образом основательным избиением, которое их основные силы потерпели в Рочестере от сильной руки короля Альфреда. В то же время обращенный викинг Годфред поднял восстание на Нижнем Рейне. Он дерзко потребовал от императора отдать ему богатые земли около Бонна и Кобленца, "потому что в его герцогстве не было виноградников, которые давали бы ему вино". Карл не поднял против него оружия, но отправил послов, чтобы заманить его на конференцию. Когда датчанин появился, графы Генрих и Эберхард предательски зарубили его и перебили его свиту. Армия Годфреда распалась; часть его воинов отправилась грабить Саксонию, где их порубили на куски, остальные присоединились к королю Зигфреду, который как раз собирался вторгнуться в Нейстрию (885).

[Великая осада Парижа.] Огромное войско викингов еще раз объединилось под предводительством Зигфреда и вторглось в северную Францию, как будто намереваясь подчинить всю страну и обосноваться в ней. Но они столкнулись с неожиданным сопротивлением в Париже, где местный граф и епископ Одо и Гозелен собрали всех лучших воинов Нейстрии. Оборона Парижа была самым храбрым военным подвигом, который совершили франки со времен битвы при Сокуре. Они удерживали остров Париж с его двумя укрепленными мостами через два рукава Сены более одиннадцати месяцев, отражая все нападения норманнов (ноябрь 885-октябрь 886). Семьсот килей викингов были выброшены на берег на плоской земле, где сейчас находится *Марсово поле*, и 40 000 викингов окружили город со всех сторон. Но хотя император с позором покинул их, выбрав время как подходящее для путешествия в Италию, Одо и Гозелен не отчаивались, даже когда северный мост был отрезан от города наводнением и сожжен осаждающими.

Наконец, летом 886 года Карл Толстый настолько взбодрился, что собрал национальные войска по всей империи и выступил на помощь Парижу с армией не меньшей, чем та, которую он повел четыремя годами ранее против лагеря Эльслоо. Но когда его авангард потерпел поражение, а его предводитель Генрих, герцог Франконии, был убит, император отказался рисковать нападением на датчан. | Карл Толстый подкупает датчан. | Еще раз повторилась позорная сцена при Эльслоо: Карл заплатил датчанам 700 фунтов стерлингов. серебра, и разрешил им пройти вверх по Сене в Бургундию и вершить там свою волю. Он был зол на бургундов за то, что они отказали ему в повиновении и встали на сторону Босо, короля Арля, и избрал это презренное средство отомстить им.

Париж был спасен, а репутация его доблестного защитника графа Одо поднялась до небес. Но император упустил свой последний шанс и утратил уважение даже самых ничтожных из своих подданных. Его оставшиеся дни были немногочисленными и злыми. Страдая от размягчения мозга и отягощенный все возрастающим ожирением, он удалился в Германию после позорного Парижского мирного договора. Там его ждала гибель: графы и герцоги Восточно-Франкского

королевства составили против него заговор во главе с его незаконнорожденным племянником Арнульфом, герцогом Каринтии, сыном короля Карломана. В 887 году молодой герцог взялся за оружие, открыто объявив, что собирается выступить походом на Франкфурт и свергнуть своего дядю. |Отречение Карла Толстого.| Карл пытался собрать армию, но никто из его вассалов не захотел оказать ему помощь: в полном отчаянии он отправил свою королевскую корону и мантию Арнульфу, отказавшись от королевства и желая получить только пять поместий в своей родной Швабии, чтобы прокормиться в течение нескольких оставшихся дней. Герцог удовлетворил это пожелание, и неуклюжий экс-цезарь потащился на королевскую виллу в Нейдингене, где и умер менее чем через три месяца, измученный телесными недугами, которые являются единственным возможным оправданием его беспомощного и трусливого поведения в течение последних трех лет.

Тем временем Арнульф вступил во Франкфурт, и все графы и герцоги Германии приветствовали его как короля. Он был известен как храбрый и способный молодой человек, и хотя он был | Арнульф, король Германии, 888-899 гг.| но карлинг незаконнорожденной крови, восточные франки с радостью вверили себя защите его руки. Но другие части империи не считали себя обязанными следовать примеру Германии. В каждом из королевств знатный человек с большой местной известностью и властью выступил вперед, чтобы заявить права на корону своей родной земли.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА в 890 году.

В Нейстрии все еще оставался в живых один карлинг по прямой линии, мальчик Карл Простодушный, младший брат Карломана; но ему исполнилось всего восемь лет, и когда Париж был только что спасен, а датчане все еще находились на берегах Сены, было не время передавать корону детям. [Одо, король Франции.] Появились два претендента на нейстрийский трон: Видо, герцог Сполето, итальянский дворянин, мать которого была дочерью императора Лотаря, и Одо, граф Парижский, герой, спасший свой город от датчан в прошлом году. Хотя он не мог похвастаться отсутствием каролингской крови в своих жилах, Одо легко одержал победу над своим соперником; он был коронован в Компьене Вальтером, архиепископом Санса, и вскоре заставил Видо покинуть Францию и удалиться в Италию.

В другой главе мы расскажем, как Беренгар Фриульский был избран королем Италии и как ему пришлось вести ожесточенную борьбу за свою корону с Видо, когда последний вернулся из своей неудачной экспедиции во Францию.

[Рудольф, король Верхней Бургундии.] Четвертое королевство было основано в Юре и западных Альпах графом Рудольфом, одним из губернаторов Верхней Бургундии. Сначала он добился коронации в Сен-Маврикии графов и епископов Гельвеции, а затем, перейдя Юру, снова был провозглашен королем в Туле. Но Рудольф так и не смог прочно обосноваться в Лотарингии: его владения ограничивались землями к северу от Альп, к западу от Аара и к востоку от Соны. Главными городами этой — самой маленькой из частей королевства Каролингов — были Лозанна, Женева, Сен-Морис и Безансон.

Королевству Босо Арль, или Нижняя Бургундия, шел девятый год его существования; его основатель умер в 887 году, но его сын Людовик, каролинг по женской линии от своей матери Эрменгарды, дочери итальянского императора Людовика, без проблем унаследовал трон своего отца.

Таким образом, Франкская империя была разделена на пять государств, не эфемерных порождений раздела по наследству, как многие королевства, которые мы видели со времен Меровингов, а более постоянных подразделений, три из которых представляли реальные национальные различия, в то время как даже две другие — Верхняя и Нижняя Бургундии — обладали определенной национальной связью и индивидуальностью, и им было суждено просуществовать в течение нескольких поколений. Одним из пяти королевств правил незаконнорожденный каролинг; двумя — два принца, которые могли похвастаться каролингским происхождением со стороны веретена: только Франция и Верхняя Бургундия находились в руках монархов, которые не могли претендовать ни на каплю древней королевской крови.^[62]

62. Рудольф из Верхней Бургундии был связан узами брака с карлингами. Он был племянником императрицы Юдифи, матери Карла Лысого, и, следовательно, двоюродным братом всех нейстрийских карлингов.

ГЛАВА XXVI

ИТАЛИЯ И СИЦИЛИЯ В ДЕВЯТОМ ВЕКЕ

(827-924)

Вторжение мавров на Сицилию: завоевана западная половина острова —Гражданские войны на юге Италии—Мавры вторгаются в Италию—Победа папы Льва при Остии—Распри Восточной и Западной Церквей—Фальшивые Декреталии—Кампании императора Людовика II против мавров—Анархия в Италии после его смерти—Византийцы отвоевывают Южную Италию—Мавры в Кампании—Гражданские войны Видо и Беренгара—Вторжение короля Арнульфа в Италию—Длительный период анархии после его ухода.

О судьбе итальянского королевства, то есть старого Ломбардского королевства, которое теперь стало провинцией империи Карла Великого, мы уже не раз имели возможность касаться. Но в то время как северная Италия с ее королем, обосновавшимся в Павии, и центральная Италия с ее понтификом и буйной римской чернью время от времени привлекали наше внимание, у нас не было особой необходимости упоминать южную треть полуострова или большой остров, обращенный к нему через Мессинский пролив.

[Государство на юге Италии.] В девятом веке большая часть южной Италии, все те долины Апеннин, где в древности произрастала воинственная раса самнитов, все еще находились в руках герцогов Беневенто. Мы уже упоминали, что их не раз заставляли засвидетельствовать почтение Карлу Великому, но с тех пор империя оставила герцогство в покое. Два герцога, Сико и Сикард, владели Беневенто во время правления Людовика Благочестивого и имели отношение к его сыну Лотарю, субкоролю Ломбардии. К счастью для них, наследник империи был больше настроен на сохранение власти к северу от Альп, чем на завершение франкского господства в Италии.

Но беневентские герцоги правили не всей южной Италией. Восточноримские императоры никогда не теряли контроля над полуостровом (если мы можем использовать известное выражение, которое так хорошо описывает очертания Италии). В Бриндизи жил *стратег*, чья власть распространялась на южную часть древней Апулии. В Реджо другой губернатор правил древней землей Бруттий, ныне известной под названием Калабрия. За Мессинским проливом перед третьим военным правителем стояла нелегкая задача сохранить от сарацин наполовину утраченную "тему" Сицилии, где с 828 года бушевала нескончаемая борьба с мусульманскими захватчиками.

Помимо беневентского герцогства и византийских мотивов, в южной Италии было еще несколько государств. Неаполь сохранил шаткую независимость при чередовании наследственных консулов: он по-прежнему сохранял призрачную верность Восточной империи, как и соседние Амальфи и Гаэта, которые, как и Неаполь, никогда не попадали в руки лангобардов. Но эти

города были скорее союзниками, чем подданными византии, и не подчинялись правителям соседних тем.

Единственный важный элемент в политике южной Италии в IX веке следует искать в приближающейся опасности завоевания сарацинами. Сначала под угрозой были только византийские владения, но очень скоро все христианские государства оказались вовлечены в ту же беду. Грозовая туча с юга, которая угрожала Константинополю в 720 году и Галлии в 735 году, теперь изменила свое положение. Новая атака была проведена в центре, а не на восточном или западном фланге линии обороны христианского мира. В течение двадцати лет Италия находилась в смертельной опасности, и были все основания полагать, что Неаполь и Беневенто, если не Рим, разделят судьбу, постигшую Карфаген и Толедо сто пятьдесят лет назад.

Неприятности начались с высадки мусульманской армии на Сицилии в 827 году. Их призвал предатель по имени Евфимий, турмарх сицилийской тематики, который восстал против императора Михаила Аморийского. [Восстание Евфимия на Сицилии, 827 год.] Евфимий похитил монахиню из женского монастыря, и император приказал *стратегу* Сицилии наказать его, отрезав ему нос. Но солдат, вместо того чтобы подчиниться, убил правителя, поднял его войска на мятеж и захватил Сиракузы. Его восстание было подавлено флотом, посланным из Константинополя, но сам Евфимий спасся морем и нашел убежище у Зиадет-Аллаха, одного из аглабитских монархов, правивших северной Африкой с тех пор, как эта земля отказалась от своей верности багдадскому халифу.

[Евфимий зовет Мавров.] Мавр согласился оказать Евфимию помощь не для того, чтобы заменить его на сицилийском троне, а в надежде отвоевать Сицилию для ислама и присоединить ее к своим собственным владениям. Он провозгласил священную войну и назначил генералом Аседа ибн Фората, пожилого доктора права, которому вся Африка поклонялась как святому. Проповедь Аседа собрала множество фанатичных авантюристов — арабов, берберов и мавров — чтобы присоединиться к регулярным войскам, которые его хозяин отдал под его командование. Взяв с собой Евфимия в надежде, что сицилийцы восстанут в его защиту, сарацины высадились в Мазаре, на южном побережье острова, в начале июня 827 года. Местные жители ненавидели предателя и отказались присоединиться к нему, но когда *стратег* Фотиний повел армию Сицилии против захватчиков, он потерпел полное поражение. Фанатичная ярость мусульман сметала все на своем пути; нам рассказывают, что престарелый Асед сам атаковал в первых рядах, несмотря на свои семьдесят лет, и убил столько христиан, что запекшаяся кровь приклеила его копье к руке. Сицилийская армия была почти истреблена, а ее командующий бежал в Калабрию и там погиб.

Затем мусульмане захватили Гиргенти и двинулись на осаду Сиракуз. Но перед его стенами, когда они стояли лагерем в болотах Анапо, их поразила та же смертельная болотная лихорадка, которая сразила так много других осаждавших этот древний город. Асед умер от чумы, и его армия бежала из своего пораженного чумой лагеря и отступила к Кастроджованни (Энна), который они осадили. Здесь предатель Евфимий пал - как он того вполне заслуживал — сам став жертвой предательства. Он вмешивался в дела офицеров гарнизона, чтобы побудить их сдать крепость, когда два брата, притворившиеся, что выслушали его предложение, заманили его встретиться с ними под стенами и быстро отрубили ему голову, когда он пришел на тайную беседу. [Мавры отброшены от Сиракуз.] Вскоре после этого осада Энны была снята силами,

присланными из Константинополя, и мусульмане отступили к форту Минео, где были осаждены византийцами.

Но как раз в тот момент, когда казалось, что победа вот-вот увенчает знамена Восточного Рима, весь аспект войны внезапно изменился с прибытием двух новых сарацинских войск. Отряд, посланный Зиадет-Аллахом на помощь его первой армии, напал на Палермо и захватил его. Второе войско, состоявшее из мавров Испании, банды изгнанников, изгнанных со своей земли гражданской войной, высадилось на южном побережье, освободило своих единомышленников от осады в Минео и разгромил *стратегов* Сицилии в открытом поле.

В течение некоторого времени император Феофил, только что сменивший своего отца Михаила на византийском престоле, продолжал посылать помощь на Сицилию. Но в 832 году он был вовлечен в отчаянную войну с халифом Мотассемом, которая отвлекла все его внимание на Восток. Эта война в Азии привела к разорению Сицилии. Африканские мавры продолжали прибывать новыми фанатичными ордами и постепенно подчинили себе все города западной половины острова. [Мавры завоевывают Восточную Сицилию.] На мгновение показалось вероятным, что Сицилия навсегда будет разделена между грецией и Африкой, точно так же, как это было тысячу двести лет назад, во времена Дионисия и Гиерона II. Но в конце концов упорная оборона византийцев была сломлена двумя смертельными ударами: падением Мессины в 842 году и падением Энны, самого мощного поста в центре острова, семнадцать лет спустя, в 859 году. Это вынудило восточных римлян вернуться на восточное побережье, где они сохранили лишь окруженный морем город Сиракузы и сильные города у подножия горы Этна — Таормину, Катанию и Раметту. Мусульмане, хозяева большей части острова, теперь могли на досуге развернуть свое оружие дальше и пересечь Мессинский пролив, чтобы вторгнуться на материк.

На юге Италии все элементы стихийного бедствия были готовы. Герцог Беневенто Сикард, негодяй и деспот, был убит своими разъяренными подданными в 839 году. Затем беневентинцы провозгласили некоего графа Радельчиса своим князем. Но важные города Капуя и Салерно перешли на сторону Сиконульфа, брата покойного тирана. Между этими двумя претендентами вспыхнула гражданская война, которой было суждено продлиться, при многих превратностях судьбы, не менее двенадцати лет. На второй год борьбы (840 г.) Радельхис, испытывавший сильное давление со стороны своего соперника, имел несчастливое вдохновение обратиться за помощью к мусульманам Сицилии. Шанс был слишком хорош, чтобы его упустить, и мавританская армия высадилась в Бари, где ее приняли сторонники Радельчиса и позволили овладеть городом. Тогда Сиконульф, такой же безумный, как и его враг, ответил злом на зло, послав на Крит призвать к себе на помощь сарацинских пиратов Кандии. [Герцоги Беневенто вызывают мавров, 840 год.] Они пришли, и было увидено то же самое зрелище, которое произошло шестьсот лет спустя, когда соперничающие императоры Константинополя призвали турок. Вспомогательные войска каждого князя разграбляли города, удерживаемые его соперником, и обычно заканчивали тем, что размещали в них гарнизоны и удерживали их за свой счет. Апулия и Лукания были захвачены маврами и критянами, в то время как в тот же момент сицилийские сарацины пересекли пролив — Мессина только что пала — и пронеслись по всем византийским владениям в Калабрии. Между 843 и 851 годами вся Италия, от Реджо до ворот Рима, была захвачена мусульманскими мародерами, и казалось, что христианский мир вот-вот потеряет южную часть полуострова. Половина его городов - Бари, Таранто, Реджо, Бриндизи, даже замок Мизенум у самых ворот Неаполя - теперь превратились в сарацинские крепости. В 846 году огромный флот из Африки появился в Остии, и пираты захватили римскую

Кампанью и даже разграбили богатые церкви Святого Павла за Городскими стенами и Святого Петра в Ватикане. Если бы не мощные крепостные стены Аврелиана, они вошли бы в сам вечный город, и город Ромула и Григория мог бы стать мусульманской твердыней.

Но человек, которому Италия была обязана своим спасением больше всех остальных, уже пересек Альпы и приступил к делу своей жизни. Льюис, старший сын неразумного императора Лотаря, был назначен своим отцом королем Италии в 844 году, вскоре после раздела Вердена, и в следующем году предстал перед Сергием II для торжественной коронации в Риме. Папа заставил молодого франкского принца поклясться защищать Церковь и все ее привилегии, но после коронации Льюис заставил Сергия и всю римскую знать засвидетельствовать ему почтение, а когда в 847 году Сергий умер, и Льва IV. после него императорское право конфирмации было должным образом признано.

Льюис и Лео, жившие в согласии и дружбе, были первыми, кто привел сарацин в замешательство и дал некоторую надежду на спасение итальянскому христианскому миру. В 849 году африканские и сицилийские мусульмане отправили вторую и более крупную экспедицию против Рима. [Победа папы Льва при Остии, 849 год.] Папа Лев сам вышел на поле боя с войсками римских и латинских графов и баронов, в то время как флоты Неаполя и Амальфи под командованием консула Цезария охраняли гавань Остии. Когда появились неверные, на море завязалась битва, но поднялась буря, выбросившая большую часть африканского флота на берег. Оказавшись между неаполитанскими кораблями и армией папы римского, мавры были раздавлены: те немногие, кто избежал смерти от моря и меча, стали рабами римлян и были отправлены работать на стене, которую Лев построил для защиты Ватикана и собора Святого Петра — нового квартала Рима, получившего от него название Львиного города. Великая фреска Рафаэля, изображающая эту победу, сделала триумф папы Льва единственным событием девятого века в Италии, которое хорошо помнит мир.

[Людовик II. умиротворяет южную Италию.] В следующем году император Людовик вынудил соперничавших беневентских герцогов примириться. Он вошел в Самниум и пригрозил напасть на Радельхиса, если тот откажется заключить мир со своим врагом Сиконульфом. Под этим давлением был произведен раздел герцогства: Радельхис сохранил столицу и восточную половину княжества; Сиконульф стал 'принцем Салерно' и правил кампанской и луканской половиной. Заключение мира было отмечено резней сарацинских вспомогательных войск Радельхиса, которых герцог спокойно предал мечу Людовика, теперь, когда он больше не нуждался в их помощи (851).

Но, хотя гражданская война в южной Италии закончилась, ситуация по-прежнему оставалась опасной. Все побережье от Бари до Реджо все еще находилось в руках мусульман, которые объединялись в единое государство под руководством Мофарега ибн Салема, короля пиратов, правившего Бари. Он принял титул султана, и большинство его соотечественников оказали ему почтение. В течение восемнадцати лет (853-71) он наводил ужас на южную Италию и мог бы основать королевство и династию, если бы ему не противостоял такой же активный и упрямый воин, как он сам, в лице императора Людовика.

Молодой франкский цезарь уже давал о себе знать в Италии, чего не делали ни его отец, ни дед. В отличие от большинства представителей своей расы, он сосредоточил свои мысли на одном королевстве и посвятил себя его защите. В результате он стал превосходным правителем Италии, но так и не добился такого положения за Альпами, на которое мог бы претендовать,

будучи старшим наследником Карла Великого. Хотя он и был коронованным императором, он никогда не правил в Ахене и не владел ни пядью земли за пределами полуострова, за исключением единственного графства Прованс. Но в Италии его власть была вполне реальной. Наиболее жестко он обошелся с папством. При Бенедикте III. когда Анастасий оспорил папский престол в 855 году, императорский легат созвал следственный суд в Латеране и признал первого истинным преемником святого Петра. Николай I, следующий понтифик, был выдвинут Льюисом в противовес большинству римского духовенства; когда он осмелился выступить против своего создателя, он увидел, что его город занят ломбардской армией, и вскоре ему пришлось заключить мир.

Адриан II. последовавший за Николаем был не менее доволен тем, что поддерживал хорошие отношения с императором, которого он восхвалял как 'государя, который воюет не против христиан, как другие короли, а только против сынов Велиала, врагов христианской веры; а потому рука Апостольского престола всегда будет сильной на стороне этого благочестивейшего императора, и великий Распорядитель битв, благодаря заступничеству главы апостолов, обеспечит его триумф".

[Ссора Бенедикта и Фотия.] Успех Льюиса в удержании папства в руках был тем более заметен, что все три папы Бенедикт, Николай и Адриан были выдающимися людьми, которые навсегда оставили свой след в истории Римского престола. Именно Бенедикт начал ту ссору с константинопольским патриархом Фотием, которая привела к окончательному расколу между Восточной и Западной Церквями. Начавшись с простого спора относительно законности избрания Фотия, он вскоре осложнился спорами о верховенстве Римского престола над Иллирийским и Македонским епископствами, превосходстве, которое перестало быть реальным с тех пор, как Лев Исавриец объявил, что они не обязаны повиноваться никому, кроме Константинополя.^[63] Бенедикт умер в 858 году, но его преемник Николай энергично продолжал борьбу, объявив Фотия незванным гостем и узурпатором, потому что его предшественник никогда юридически не покидал патриархат, и, наконец, объявив его низложенным со своего столичного престола. То, что один патриарх осмелился сместить и отлучить от церкви другого без помощи общего собора и только в силу своей власти преемника Петра, казалось византийскому духовенству чудовищным. Они не обратили внимания на письма Николая, и император Михаил Пьяница пригрозил дать о себе знать в Италии и вернуть мечом права преемника Юстиниана на Рим. [Разрыв между Восточной и Западной Церквями.] Николай ответил, сравнив византийского правителя с Сеннахерибом и насмехаясь над ним потерей сарацинами Сицилии и Калабрии, что лишило его всякой возможности осуществлять свою власть к западу от Адриатики. После семи лет споров разделение между Востоком и Западом было окончательно сформулировано Константинопольским синодом (866 г.), на котором патриарх, император и тысяча епископов и аббатов составили восемь статей, объявляющих Римскую церковь отступившей от православной веры и дисциплины. Шесть статей касались только мелких ритуальных вопросов, таких как соблюдение Великого поста и бритье духовенства. Но третье, в котором принудительное безбрачие священства осуждалось как ловушка сатаны, и седьмое, в котором осуждалась римская доктрина об исхождении Святого Духа, были чрезвычайно важны. Восточная Церковь теперь официально заявила, что Западная Церковь, провозгласив, что Святой Дух исходит как от Отца, так и от Сына, впала в "ересь настолько ужасную, что заслуживает тысячи анафем".

63. См. стр. 284.

Вскоре после этого Фотий был низложен, но его падение не затянуло раскол между церквями, поскольку все византийские императоры и духовенство придерживались доктринальных положений, содержащихся в постановлении Константинопольского синода. По сей день они хранятся в Восточной церкви.

Николай I был не только понтификом, ускорившим ссору с Восточной церковью; его также будут помнить как защитника пострадавшей королевы Теутберги и карателя короля-прелюбодея Лотаря Лотарингского, о судьбе которого мы рассказали в другой главе.^[64] | Ложные расшифровки. | Но наибольшую известность он снискал благодаря тому, что был первым папой, использовавшим знаменитые 'Поддельные декреталии'. Вплоть до его времени собрание писем и эдиктов римских епископов, которые знала и использовала вся Церковь, распространялось не дальше, чем на Сирию (384 г. н.э.). Но примерно в 860 году в Рим было привезено собрание из пятидесяти девяти декреталий, которые предположительно принадлежали папам второго и третьего веков, и еще тридцать девять, которые были вставлены в подлинные документы, начиная с Сирия и заканчивая Григорием II. (384-731). В этой драгоценной коллекции также были знаменитое пожертвование Константина и акты нескольких соборов. Говорили, что эта замечательная серия документов была обнаружена в Испании Риккульфом, архиепископом Майнца. Оно сразу же было включено в подлинную серию Соборных актов, отредактированных великим Исидором Севильским, и в дальнейшем его именем назывались как новые, так и старые документы.

64. См. стр. 428.

Любому человеку, обладающему компетентными знаниями истории ранней церкви или склонному к текстологической критике, Фальшивые Декреталии сразу же выдали бы их характер. Но эти достижения были редкостью в девятом веке, и те немногие, кто мог бы разоблачить новые декреталии, были именно теми людьми, которые больше всего были заинтересованы в доказательстве их подлинности. Ибо, как это было естественно, учитывая их происхождение, они были полны авторитетных решений по тем вопросам, в которых интересовалось духовенство девятого века. Что может быть более восхитительным, чем обнаружить, что святой Климент или святой Феликс принимают именно такие решения по вопросам церковных земель или церковного безбрачия, какие были бы приняты правящим понтификом? Спрашивать, были ли у Церкви какие-либо земли в первом веке или тогда была распространена идея церковного безбрачия, было бы не только нечестиво, но и неразумно. Влияние ложных Декреталов. | Таким образом, фальшивые Декреталии со всеми их анахронизмами, смешением личностей, невозможностью стиля и формы были с жадностью проглочены папой и всем духовенством и быстро превратились в оружие войны против гражданской власти, Восточной церкви и любого другого врага, для поражения которого они были пригодны. Невозможно не предположить, что Николай I. знал, что делал, принимая декреталии: у него в руках были подлинные декреты пап от 384 года, сохраненные с заботой и точностью; как могло случиться, что в каком-то уголке Испании их было больше, чем в папской канцелярии? Были бы преданы забвению важнейшие титулы Римского престола, доказывающие, что со времен апостолов и далее папы осуществляли законодательную власть для всей Западной Церкви? На этот счет у Николая, должно быть, были свои взгляды, но документы были слишком заманчивы, чтобы ими пренебрегать, и с тех пор они свободно использовались в качестве основы для чудовищных притязаний средневекового папства.

Кто подделал псевдо-исидорианские декреталии, мы никогда не узнаем. Впервые о них услышали в Майнце, и, похоже, что они были сочинены либо в Майнце, либо в Реймсе. Рим, хотя и использовала их, не постеснялась вставить в рамку. Действительно, изначально они предназначались для служения целям местных епископов, а не папы римского. Впервые они были использованы в важном деле в 866 году. Хинкмар, архиепископ Реймса, сместил Ротада, епископа Суассона, за некомпетентность. Ротхад обратился к Николаю I. Ссылаясь на то, что, согласно Декреталиям, право низложения епископа принадлежит только папе римскому, а не архиепископу. Затем Николас восстановил епископа Суассонского на его престоле, к великому гневу Хинкмара, который отрекся бы от декреталий, если бы не тот прискорбный факт, что он сам воспользовался ими в предыдущем году. Ему пришлось довольствоваться осторожным заявлением о том, что документы были "мышеловкой для архиепископов" — *circumposita omnibus metropolitans muscipula* — потому что они передавали всю власть в руки римского понтифика.

Но мы должны вернуться к светским делам Италии. В 853 году император Людовик предпринял первую из своих попыток изгнать сарацин с полуострова; она потерпела неудачу из-за нерасторопности или предательства герцога Беневенто, который купил для себя частный мир у султана Бари и радовался, увидев, что худший из мусульманских набегов на его соседей Салерно был отбит. Неаполь также надолго запомнил тот день, когда Мофарег прорвался к самым его воротам и с триумфом восседал на куче трупов на берегу Себето, в то время как его солдаты клали головы своих жертв к его ногам.

[Успех Льюиса II. над маврами, 867-875. | Несколько лет спустя Льюис начал вторую серию кампаний против неверных. Сначала он столкнулся со многими препятствиями, но в 867 году вынудил герцогов Беневенто и Салерно засвидетельствовать ему свое почтение и присоединиться к его лангобардам в походе. Он взял один за другим многие города Апулии и, наконец, в 868 году осадил сам Бари. Чемпионат длился не менее трех лет, но пока он продолжался, Льюис очищал Луканию и Калабрию от врага. Тем не менее, пока море было открыто, Бари никогда не переставал получать провизию и подкрепления, и Льюис был вынужден изыскивать какие-нибудь военно-морские силы для поддержки. Он обратился за помощью к императору Василию Македонянину, который только что сменил Михаила Пьяницу на византийском троне. Соответственно, адмирал Никетас Орифас с сотней кораблей прочесал Адриатическое море и изгнал мусульман из его глубин. Затем он на некоторое время блокировал Бари, но вскоре поссорился с Льюисом и отступил. Султан, однако, лишенный господства на море, был доведен до крайности, и в феврале 871 года императору удалось — даже без помощи Византии — взять город штурмом. Гарнизон был предан мечу, все, кроме султана, которого герцог Адельгис Беневентский захватил в цитадели.

Теперь Льюис обратился к захвату Таранто, последнего оплота сарацин в Апулии, и говорил о завершении своей работы, очистив Калабрию и напав на Сицилию. Но предательство расстроило этот грандиозный и спасительный план. [Льюис похищен герцогом Адельгисом.] Пока император находился с визитом в Беневенто в компании своей жены и дочери, новый герцог Адельгис предательски схватил его и бросил в темницу. Говорят, что предатель был убежден своим пленником султаном Бари, что дальнейший успех Льюиса будет означать присоединение всей Италии к имперским владениям и исчезновение всех южных княжеств полуострова.

Но наказание было уже близко. Получив известие о падении Бари, африканский монарх-аглабит решил, что Италия не должна быть потеряна для ислама, и подготовил обширную экспедицию против южного христианского мира. Герцог Адельгис продержал своего сюзерена в плену всего сорок дней, когда, к своему ужасу, услышал, что 30 000 мавров под командованием генерала по имени Абдалла, который называл себя *Вали* Италии, высадились в Таранто. В ужасе от надвигающейся бури герцог освободил своего августейшего пленника, заставив его поклясться не держать зла за свое пленение. Считалось, что только Льюис может спасти Италию, и понадобятся армии лангобардов, чтобы изгнать африканцев. Тем временем Вали Абдаллах осадил Салерно, которое его герцог Вайфер защищал с большим мужеством.

В тот момент, когда он был освобожден, император созвал войска северной Италии в Рим: они собрали огромные силы, желая отомстить за Льюиса вероломному герцогу и папе Адриану II. немедленно объявил клятву, данную в Беневенто, недействительной, поскольку ее вымогали силой. [Льюис разгромил мавров, 872.] Но прежде чем наказать предателя, Льюис был достаточно великодушен, чтобы решить прогнать мавров, которые лежали перед Салерно. Его авангард под командованием графа Гюнтера разгромил близ Капуи армию прикрытия, с помощью которой осаждающие защищали свою главную операцию. Затем сам император обрушился на лагерь мавританцев: после короткой борьбы захватчики бежали на свои корабли. Прежде чем они успели выйти в море, на них налетела буря, и все вооружение было потоплено. (Август 872 г.)

Теперь пришло время разобраться с герцогом-предателем Беневенто. Весной 873 года Льюис, поддержанный торжественным благословением папы Иоанна VIII, вступил в герцогство, захватил его и прорвался к воротам столицы. Но его успешная кампания не закончилась, как можно было бы ожидать, аннексией владений Адельгиса. По ходатайству папы римского герцог был помилован, и после принесения почестей и епитимьи ему был возвращен суверенитет Беневенто.

Теперь у Льюиса было время осуществить свой великий план по изгнанию мавров из Калабрии и Сицилии. [Смерть Льюиса, 875 год. | Но, к горю всех своих подданных и вечному несчастью Италии, он умер в 875 году. В довершение катастрофы он не оставил наследника мужского пола, а только дочь, и принцесса Эрменгарда еще не была замужем за каким-либо доблестным графом, который мог бы отстаивать ее права на владения ее отца.

Льюис был, безусловно, лучшим из более поздних карлингов. Справедливый, набожный и всепрощающий, как его дед и тезка, он не был слабаком, каким был Льюис-старший, но могучим воином с юности. Если бы он наследовал своему отцу Лотарю во всех его королевствах, падение империи франков отложилось бы еще на одно поколение. Если бы он прожил дольше и оставил потомство мужского пола, вероятно, возникло бы сильное и компактное итальянское королевство. Но когда его похоронили в старой базилике Святого Амвросия в Милане, надежда на объединенную Италию была похоронена в его могиле, и "Железный век", как его впоследствии называли, наступил для всех провинций полуострова.

В другой главе мы рассказывали о бедах, которые обрушились на Италию и все другие королевства Франкской империи в связи с исчезновением старшей линии потомков Карла Великого и вакантностью императорского трона.^[65] Карл Лысый стал номинальным преемником Людовика II., но пока он отсутствовал в Нейстрии, сарацины, оправившиеся от своего страшного поражения в 872 году, снова начали наводнять Апулию и Кампанию. Они трижды

побеждали Адельгиса из Беневенто в открытом поле, и напрасно он и папа Иоанн объединились, чтобы умолять Карла Лысого вернуться и освободить их.

65. См. стр. 432-433.

Однако избавление пришло не с Запада, а с Востока. Пока франкский император не появлялся, Василий Македонянин решил взять на себя задачу изгнания мавров из Италии. Его армии пересекли Ионическое море и захватили Бари в 875 году. Они добились неизменного успеха. Города Апулии открывали свои ворота один за другим, чтобы получить помощь от неверных. | Византийцы завоевывают южную Италию, 875-94. | Две великолепные морские победы на время уничтожили пиратские флоты африканских и сицилийских мавров. Их крепость Таранто была взята штурмом, а затем, через три года, великий полководец Никифор Фока, дед одноименного императора, захватил Калабрию и не оставил ни одного сарацина на восточной стороне Италии (884-87). Затем византийцы продолжили атаку на герцогство Беневенто. Они с легкостью захватили его и вынудили герцога Урсо бежать в изгнание. В течение четырех лет восточноримские губернаторы правили в самом Беневенто, но в 894 году король Италии Видо изгнал их из этого города и воссоздал государство Беневента в меньших масштабах. Его юго-восточная половина, провинции, получившие от греков названия Базиликата и Катапаната, постоянно оставались в руках восточного императора. Странно обнаружить, что в то время как византийцы так хорошо справлялись в Италии, их судьба на Сицилии была катастрофической, если, конечно, успех в одной части не привел к пренебрежению другой. В 877 году огромная орда африканских и сицилийских мусульман осадила Сиракузы, главный опорный пункт восточно-римлян на острове. Его упорно защищали двое забытых достойных людей, Иоанн Патриций и Никита из Тарса, и продержались десять месяцев. | Сиракузы взяты маврами в 877 году. | К маю 878 года осажденным пришлось питаться травой, крапивой и нечистыми животными, и ослабевшие войска больше не могли охранять стены. Мавры ворвались внутрь и перебили патриция и остатки доблестного гарнизона. Теперь от империи на Сицилии ничего не осталось, кроме нескольких фортов подножия Этны и единственного города Катания. Они проводились на протяжении всей войны и прекратились только в начале следующего столетия.

В то время как византийцы продолжали свою борьбу в южной Италии и на Сицилии с аглабитскими монархами мавров, у Ломбардии и Рима были свои проблемы. Сильно раздосадованный вторжением сарацин в Кампанию, папа Иоанн VIII. призвал Карла Лысого вернуться в Италию. Король Нейстрии в кои-то веки появился, чтобы подтвердить свои имперские притязания в 877 году. Но это было только для того, чтобы бежать в спешке и испустить дух, пересекая перевал Мон-Сени.

Титул императора и королевство Ломбардия теперь были вакантны; несколько принцев выступили вперед, чтобы претендовать на них. Большинство североитальянцев во главе с епископом Милана выбрали своим правителем Карломана, старшего сына Людовика Немецкого, хотя папа пытался поддержать притязания графа Босо, бургундского дворянина, который только что женился на принцессе Эрменгарде, наследнице доброго императора Людовика II. Но Карломану так и не удалось наладить свое правление Ломбардией; вскоре после своего избрания он потерял здоровье и впал в летаргию, которая вынудила его отказаться от всех государственных дел. И все же до своей смерти в 880 году он носил титул короля Италии.

Между тем полуострову жилось очень плохо без руки правителя, который руководил бы им. В то время как восточноримские армии изгоняли мавров с побережья Адриатики, изгнанные

неверные продолжали нападать на Лаций и Кампанию. С помощью новых полчищ из Африки они наводнили районы вокруг Неаполя, Капуи и Гаэты, пока, в отчаянии, Неаполитанская республика не заключила с ними частный мир и не купила неприкосновенность от их опустошительных действий, позволив своей гавани стать базой операций по разграблению соседних земель. |Мавры в Кампании. Вскоре на берегах Гарильяно была основана настоящая колония мусульман, и с 882 по 916 год центральноитальянские державы были совершенно неспособны изгнать их оттуда. Их опустошительные действия распространились далеко вглубь Самнитских Апеннин и даже до Тосканы. И все же, как ни странно, авантюристам так и не удалось захватить Гаэту, Капую или любой другой из окружавших их сильных городов. Они вели чисто хищнический образ жизни и не проявляли никаких признаков превращения в организованное государство.

В своих отчаянных поисках императора, который должен был спасти Рим и Италию, папа Иоанн в конце концов короновал Карла Толстого, самого бесперспективного кандидата, на которого он только мог сделать ставку. Но неспособный и неповоротливый монарх вскоре вернулся в Германию и даже взял с собой на северные войны лангобардских рекрутов, которых Иоанн наивно надеялся использовать для истребления кампанских мусульман (881).

В следующем году Иоанн VIII. умер. Он был последним из тех способных понтификов девятого века, которые делали все возможное, чтобы защитить Италию от неверных, а также укрепить и распространить папскую власть над франкскими королями и франкской церковью. После его кончины та же беда, которая уже обрушилась на дом Карла Великого, казалось, обрушилась и на носителей римских ключей. За восемь лет умерли три папы, и люди марки перестали появляться на папском престоле. В последние пятнадцать лет столетия появились первые из тех скандальных прелатов, которые на столетие стали позором христианского мира.

Бесславное правление Карла Толстого оказалось не менее роковым для Италии, чем для остальных франкских королевств. Мавры Сицилии и их колонисты на реке Гарильяно отправляли свои экспедиции все дальше и дальше; их суда были замечены на севере до Пизы и Генуи. |Мавры Фраксинета, 888-975 годы.| В тот же момент другой отряд из Испании высадился на побережье Прованса и захватил окруженную морем крепость Фраксинет, где они основали сильную колонию, просуществовавшую почти сто лет (888-975). Набеги мавров Фраксине распространились далеко вглубь страны, несмотря на королей Арля и Верхней Бургундии. К нашему удивлению, мы читали о вторжениях, которые опустошили всю долину Роны и достигли Лозанны и Сен-Мориса в Швейцарии. Однажды отряд провансальских сарацин и отряд мадьяр с Дуная встретились и сразились при Орбе в земле Во. Казалось, что враги Европы встретились в ее центральной точке и что христианский мир обречен на гибель.

После низложения Карла Толстого в живых больше не осталось карлингов законной крови. Италии, как и другим франкским королевствам, пришлось искать новый королевский дом. Два принца добились голосования в ломбардском сейме и благословения папы римского — Видо, герцог Сполето, самый могущественный и буйный из дворян центральной Италии, и Беренгар, маркграф Фриульского похода, итальянской пограничной области по отношению к славянам Иллирии. Оба утверждали, что на стороне веретена была кровь Карлинга. Беренгар был сыном Гизелы, дочери Людовика Благочестивого и императрицы Юдифи; мать Видо была дочерью Лотаря I. и сестрой доброго императора Людовика II. Поначалу появился некоторый шанс, что два соперника не подерутся, поскольку у Видо возникла смелая идея перейти Альпы и захватить

лотарингские владения своего деда Лотаря во время общего распада империи, последовавшего за низложением Карла Толстого. Он согласился позволить Беренгару короноваться королем Италии, если ему самому окажут помощь в его трансальпийских планах. Таким образом, маркграф Фриули был должным образом избран ломбардским сеймом и помазан на царство архиепископом Милана, в то время как герцог Видо вступил в Бургундию и короновался в Лангре. Войны Видо и Беренгара. | Но после короткой борьбы с французским королем Одо сполетанский принц отказался от своих надежд за Альпами и вернулся в Италию. Затем, пренебрегая клятвами, которые он дал Беренгару, он начал интриговать с графами центральной Италии и вскоре предъявил права на корону. Последовали четыре года ожесточенной войны между Беренгаром и Видо, первого поддерживала Ломбардия, второго - Тоскана и вся центральная Италия при поддержке папы римского. Делая вид, что архиепископ Милана не должен был короновать Беренгара - привилегия, принадлежащая только Папскому престолу, - Стефан V. помазал Видо и провозгласил его императором, а также королем Италии (891). Борьба между королями-соперниками закончилась победой Видо, который захватил Павию, изгнал Беренгара обратно в его собственное герцогство Фриули и правил всем ломбардским королевством в течение трех лет. Он заставил папу Формоза короновать своего сына Ламберта в качестве соправителя императора вместе с ним и считал, что его династия прочно утвердилась.

| Арнульф вторгается в Италию, 894 год. | Униженный Беренгар отправляется за Альпы просить помощи у Арнульфа, короля Германии. Этот принц всегда претендовал на первенство среди различных правителей, которые теперь делили между собой империю Карла Великого, и был только рад возможности вмешаться в дела Италии. Он пересек Альпы в 894 году, к нему присоединился Беренгар, и он осадил Бергамо, крепкий, построенный на скалах город, который возвышается над Ломбардскими равнинами от последнего отрога Альп. Немцы ворвались в город, и Арнульф повесил графа Амброзия, губернатора, в его доспехах перед воротами, предварительно перебив весь гарнизон. Ужас этого поступка привел в ужас партизан Видо, и вся Италия к северу от По почтила память Арнульфа. Император Сполетии удалился на юг, чтобы подготовиться к защите линии Апеннин. Там он умер, оставив свои права своему сыну Ламберту.

В следующем году Арнульф вернулся с большим войском, с триумфом прошел через Тоскану и, хотя болезнь сильно поредела в рядах его армии, предстал перед стенами Рима. Не Ламберт из Сполето, а его мать Энгельтруд защищала Вечный город. | Арнульф берет Рим, 895 год. | Вдохновленные ею, римляне продержались несколько дней, но когда Арнульф взял штурмом "Львиный город", новый квартал за Тибром, императрица и ее воины бежали, и папа открыл ворота. Формоз, который всегда выступал против сполетанцев, смотрел на Арнульфа как на освободителя и с радостью короновал его императором; но насилие и грабежи солдат — победителей вызвали отвращение у населения Рима, доверие которого не было завоевано первым актом Арнульфа - обезглавливанием тридцати граждан, которые поддерживали дело Видо и Ламберта.

Пораженный лихорадкой и паралитическим инсультом, Арнульф вернулся в Германию, так и не завоевав наследственное герцогство Ламберта на Умбрийских Апеннинах. В тот момент, когда он ушел, вся центральная Италия восстала в пользу сполетана. Папа Формоз, главный сторонник Арнульфа, умер в этот момент, и новый папа Стефан VI, ярый сторонник фракции

Ламберта, осквернил гробницу своего предшественника, объявил его антипапой и узурпатором и сбросил его труп в Тибр (896).

Арнульф, сраженный болезнью, больше не возвращался в Италию, и в его отсутствие Беренгар Фриульский снова стал хозяином Ломбардии, в то время как Ламберт Сполетский был признан в Риме, Тоскане и Умбрии. |Беренгар, единственный король Италии, 900 год.| К счастью для Италии, Ламберт умер восемнадцать месяцев спустя, разбившись при падении с лошади, и его мать Энгельтруд послала к Беренгару, чтобы признать его единоличным королем, не предъявляя никаких претензий от имени своего юного внука, сына Ламберта. Арнульф умер годом позже, и, таким образом, в последний год столетия (900 год) Беренгар остался без конкурентов.

Из предыдущих страниц можно сделать вывод, что его правление вряд ли было счастливым. Сарацины Кампании все еще сражались; новое бедствие, мадьяры с Дуная, впервые появились в Италии в 899 году и совершали набеги вплоть до Вероны, показывая своей зверской жестокостью, что у христианского мира могут быть еще худшие враги, чем мусульмане. Рим тем временем был жертвой анархии; шесть пап умерли за четыре года, и их потеря не вызвала особого сожаления. Бонифаций VII. дважды был низложен с поста священника за расточительство. Что касается Стефана VI, который проявил свое расположение ужасным обращением с трупом Формоза, то нам не нужно сильно горевать, когда мы читаем, что враги поймали его и задушили в тюрьме. О других папах, правивших несколько месяцев, мы знаем так мало, что трудно проявлять какой-либо интерес к их судьбе. Они представляли собой не более чем партии граждан Рима или баронов Лация.

Так завершился девятый век, с такими же мрачными перспективами для Италии, как и для других королевств, которые за сто лет до этого объединились, приветствуя Карла Великого как императора. Единственным благоприятным моментом в этом прогнозе была надежда на то, что национальное ломбардское правление может быть вновь восстановлено в лице Беренгара.

Именно неудачная связь между папой римским, итальянской короной и императорским титулом все еще оставалась проклятием Беренгара. Едва он мирно правил год (900), как папа Бенедикт IV. и остатки партии Ламберта Сполетского нашли нового конкурента, который выступил против него. Это был Людовик, король Прованса (или Арля), сын короля Босо и итальянской принцессы Эрменгарды и, следовательно, внук доброго императора Людовика II. Льюис одержал несколько побед над Беренгаром, был коронован королем Ломбардии в Павии, а затем получил императорскую корону в Риме в феврале 901 года. Но он не мог постоянно отстаивать свои права. После года сражений Беренгару удалось преследовать его за Альпами. |Беренгар покоряет мавров.| Он вернулся в 905 году, снова призванный мятежными графами центральной Италии, и снова получил некоторые мимолетные преимущества перед местным королем. Но когда он лежал в Вероне, его внезапно окружила армия сторонников Беренгара; ночью местные жители распахнули ворота, и молодой провансальский император попал в руки своего соперника. Беренгар приказал своим слугам ослепить пленника и в плачевном состоянии отправил его обратно в свое королевство на берегу Роны. 'И вот, наконец, он твердо удержал итальянскую корону, которая стоила жизни стольким принцам'. Но Беренгар наслаждался лишь ненадежной империей на Ломбардской равнине. Папа и графы центральной Италии, даже когда они не выдвигали против него никаких соперников, систематически сводили его приказы на нет. Императорский титул он либо не желал, либо не мог получить от папы, пока в 915 году

Иоанн Х. не купил его поддержку против сарацин Гарильяно, присвоив ему долго удерживаемое достоинство. В следующем году Италия была счастливо освобождена от этой банды мародеров. Войска Беренгара, герцогов Сполето и Беневенто и папы римского в кои-то веки объединились в священной войне, и, объединившись, они оказались непобедимыми. Крепости мусульман были взяты штурмом, их армии разбиты на поле боя, и вся колония в конце концов была уничтожена.

Но после этого триумфа Беренгару не суждено было умереть спокойно. В старости его враги настроили против него еще одного короля из-за Альп, Рудольфа II. из Верхней Бургундии. Многие из его последователей снова покинули Беренгара, и снова большая часть Ломбардии была захвачена трансальпийской армией. [Смерть Беренгара, 924 год.] Но на этот раз ему не суждено было пережить свои невзгоды. Во время осады Вероны в 924 году он был убит предателями и лишился своей жизни, а также королевской и императорских корон, за которые он так часто боролся.

ГЛАВА XXVII

ГЕРМАНИЯ 888-918

Арнульф, король Германии — Его победа при Лувене над датчанами—Его поход в Италию—Его проблемы с сыном Звентиiboldом—Приближение мадьяр—Правление Людовика Дитя—Внутренняя анархия и бедствия, вызванные вторжениями мадьяр—Правление Конрада Франконийского—Его проблемы и смерть.

Арнульф Каринтийский был низшего происхождения, сыном славянской любовницы короля Карломана, но он обладал значительной долей силы и напористости своих предков. В течение двенадцати лет его правления германское королевство противостояло своим врагам на севере и востоке и удерживало первенство среди государств христианского мира. К тому времени Франкская империя распалась на пять государств, но все короли, владевшие остальными долями, пришли искать Арнульфа и добиться от него признания своих прав. Одо, правитель Западных франков, был первым, кто предстал перед германским монархом и просил его дружбы. [Верховенство Арнульфа в империи.] Казалось бы, он почти признал Арнульфа своим начальником и сеньором, поскольку по возвращении в Нейстрию он сам был коронован во второй раз в Реймсе в присутствии немецких послов и с диадемой, которую подарил ему Арнульф. Рудольф, правитель Верхней Бургундии, был следующим, кто посетил немецкий двор: он прибыл в Регенсбург, получил признание от Арнульфа и вернулся с миром. Беренгар Ломбардский, которому уже угрожал войной его конкурент Видо из Сполето, встретился с королем Германии в Тренте, на границе своих владений, и пообещал быть его верным сторонником во всем. Наконец, Эрменгарда, вдова Босо из Нижней Бургундии (Арль), отдала

своего маленького сына Льюиса под защиту Арнульфа и умоляла его взять на себя регентство в Провансальском королевстве.

Хотя Арнульф не получил императорского титула, на практике он был гораздо большим сюзереном и правителем всего Франкского королевства, чем кто-либо из его родственников за последние пятьдесят лет. Лучшим признаком его силы было то, что ему удалось сдержать набеги викингов таким образом, что в будущем они стали наименее опасными из многочисленных врагов Германии. В 891 году датчане с огромной силой вторглись в Австразию и разорили все земли по берегам Мааса и Мозеля. Местные войска Лотарингии были разбиты, и Сандерольд, архиепископ Майнца, возглавлявший их, пал на поле боя. [Битва при Лувене, 891 год.] Но Арнульф, который был далеко, в Баварии, при известии об этом бедствии бросился на запад и преследовал датчан до их большого укрепленного лагеря в Лувене на реке Дайл. Там они окопались так, чтобы река была у них за спиной, а впереди простиралось болото, из-за чего франкские всадники не могли к ним приблизиться. Но Арнульф приказал всем своим воинам спешиться и, взяв в руки топоры, повел их через болото к датским частоколам. Немцы срубили бруствер, ворвались в лагерь и сбросили датчан в реку, где большинство из них погибло. Это было последнее первоклассное сражение, в котором датчане когда-либо участвовали в Восточно-Франкском королевстве. Они продолжали совершать грабительские набеги на Фризию и нижний Рейн, но больше никогда не пытались ни проникнуть вглубь страны, ни основать какое-либо независимое княжество на ее границах.

[Арнульф в Италии.] После победы над датчанами и подавления нескольких восстаний своих восточнославянских вассалов, чехов и моравов, Арнульф предпринял неразумное предприятие по завоеванию Италии, откуда его друг и вассал Беренгар недавно был изгнан Видо из Сполето. О деталях его двух вторжений 894 и 895-6 гг. мы подробно говорили в нашей итальянской главе.^[66] Арнульф вернулся из Италии в императорской короне, великолепии которой, казалось, подтверждало главенство, которым он уже обладал над своими братьями-королями; но его здоровье было подорвано лихорадкой, которую он подхватил во время римской кампании, и он оставил Италию позади себя в состоянии полного беспорядка, и в основном в руках Ламберта Сполетского.

66. Смотрите страницы 463-4.

После его итальянской экспедиции правление Арнульфа было гораздо менее удачным. В его собственном доме возникли фатальные трудности с преемственностью, которые вызвали бесконечные неприятности. В течение многих лет у него не было законного потомства, поэтому он убедил национальный совет немцев разрешить ему назначить своим наследником своего внебрачного сына Цвентибольда (889). Четыре года спустя он сделал этого принца субкоролем Лотарингии. | Династические смуты, 893-99. | Но в том же году (893) его законная жена Ота родила ему сына, известного в истории как Льюис Младенец, который, таким образом, был признан законным наследником империи, к великому огорчению и гневу нового короля Лотарингии. С этого времени Звентибольд, неуправляемый и буйный молодой человек, был постоянной занозой в боку своего отца. Он не желал, чтобы его малолетний брат унаследовал германское королевство, и упорно разжигал междоусобицу. Он вступил в долгую и кровавую вражду с некоторыми главными дворянами Лотарингии, и особенно с Реджинальдом-с-Длинной-шеей, графом Эно и Масгау. В отместку за свою тиранию Реджинальд и многие другие австразийцы призвали к себе на помощь Карла Простого, монарха Нейстрии, и

засвидетельствовали ему свое почтение как королю Лотарингии, передав ему старые королевские города Ахен и Нимуэген. Попытка отторгнуть Австразию от Германии провалилась не из-за оружия Звентибольда, а потому, что Карл Простодушный побоялся столкнуться со всей силой восточно-франкского королевства, когда Арнульф встал на сторону своего сына (898). Он согласился уехать в свои собственные штаты и эвакуировался из Австрии.

[Венгры.] Еще большим злом для Германии, чем непокорность Цвентибольда, было появление на восточной границе королевства новой расы врагов. Это было угорское племя мадьяр, или венгров, появившееся в 896 году на среднем Дунае и Тайсе, где ныне жили распадающиеся остатки аваров, смешанные со славяно-моравами. Мадьяры были оттеснены на запад другой дикой ордой, татарскими печенегами, которые изгнали их из Южной Руси и вынудили искать новые дома. Это была раса легких всадников, великолепно владеющих луком, искусных во внезапных нападениях и притворных отступлениях, но им не хватало упорства и стойкой силы в решительном бою, которые сделали бы их непобедимыми. Их набеги были еще более быстрыми и разрушительными, чем набеги северян, но они не были такими грозными противниками, как викинги, поскольку они так и не научились осаждать укрепленное место, или защищаться в укрепленных лагерях, или сражаться в регулярном строю. Все их атаки были просто засадами или внезапными сюрпризами, и они редко позволяли тяжелым всадникам Германии сражаться с ними на равных и в открытом поле. Их обычаем было скакать по открытой местности, сжигая незащищенные монастыри и деревни, но избегая городов, окруженных стенами, и всегда поспешно убегая, если ополченцы округа выступали против них в полную силу.

Сам Арнульф был ответственен за первый визит мадьяр в империю. Во время своей моравской войны он нанял нескольких их воинов, чтобы они следовали за ним на поле боя в качестве вспомогательной легкой кавалерии. Таким образом, они узнали дорогу как в Моравию, так и в Германию: при жизни самого Арнульфа они, по-видимому, всерьез не посягали на его королевство, поскольку были в основном заняты изгнанием славян с равнин у Дуная. Но как только император умер, они начали распространять свои опустошительные действия на Баварию и Тюрингию. В еще более ранний период они уже вторгались в северную Италию и терзали душу короля Беренгара, разоряя его родное герцогство Фриули (899).

[Смерть Арнульфа, 899 год.] В декабре 899 года Арнульф умер, состарившись раньше времени, и был похоронен в своем любимом городе Регенсбурге. Затем герцоги, графы и епископы Германии встретились в Форххайме и выбрали королем Льюиса Младенца, шестилетнего сына их покойного монарха. Правление несовершеннолетнего всегда было опасно для старых тевтонских королевств, и правление Людовика не было исключением из правил. Одиннадцать лет, в течение которых он номинально правил как король Германии, были едва ли не самыми катастрофическими из когда-либо известных в истории Восточно-Франкского королевства. До сих пор стране везло на ее правителей; из всех потомков Карла Великого немецкая линия была, безусловно, самой способной и энергичной; за исключением несчастного Карла Толстого, который правил всего пять лет, все они оказались сильными и способными правителями.

[Слабость Ребенка Льюиса.] Но теперь, находясь под номинальным влиянием Льюиса-Ребенка, все зло, которое сдерживалось сильной рукой его отца, внезапно вышло наружу. Германия была лишена всякой центральной власти и оказалась перед лицом сразу двух зол: вторжения врага извне и гражданской войны внутри страны.

Первые неприятности пришли из Лотарингии, где король Звентиболд вызвал к себе такую ненависть, что многие австразийские вельможи решили отречься от своей верности ему и признать его младшего брата непосредственным правителем, а также сюзереном. Ведя войну со своими мятежными подданными, Звентибольд пал в битве; поскольку он, к счастью, не оставил потомства мужского пола, его королевство сразу же воссоединилось с основной частью германского королевства.

Но худшее было впереди: в 902 году разразилась первая из великих семейных распрей, которые впоследствии стали таким проклятием для Германии. В течение последнего поколения наследование должностей герцога, графа и маркграфа по всей стране все больше и больше склонялось к праву наследования. Оставление сына на службе отца и передача братьям графств в непосредственной близости друг от друга становилось обычным делом. При сильном правительстве это не представляло никакой опасности. Арнульф был достаточно могуществен, чтобы содержать всех своих вассалов в порядке. Но его сын был всего лишь ребенком, рядом с которым не было ни одного взрослого родственника, который мог бы выступить в роли защитника, и у него даже не было сильного мэра Дворца, чтобы отстаивать королевскую власть. Насколько вообще существовало центральное правительство, им управляли два великих епископа, Адальберо Аугсбургский и Хатто Майнцский — злой прелат из немецких сказок, о котором потомки упорно верили, что его заживо сожрали крысы в божественное наказание за его грехи. Но Хатто и Адальберо даже официально не были признаны национальным парламентом регентами и не имели права использовать королевское имя, кроме как для исполнения распоряжений этого совета.

[Гражданские войны во Франконии.] На третий год правления Льюиса две могущественные семейные группы графов Франконии начали открытую войну друг с другом, но не под каким-либо предлогом служения короне, а исключительно для улаживания личной вражды. Адальберт Бамбергский и два его родственника, правившие землями Зааль и верхний Майн, напали на Конрада и Эберхарда, двух братьев, правивших в Гессене и на Лане, и в течение четырех лет центральная Германия была раздираема их периодическими столкновениями. Заседание национального совета и анафемы епископов оказались совершенно неспособными положить конец вражде. Вскоре ссора перекинулась на западную Лотарингию, где два других графа, Герхард и Матфрид, встали на сторону Адальберта и напали на его врагов в Гессене. Только после того, как четыре графа пали в битве, а вся Главная долина была жестоко разорена, сейм, созванный епископом Хатто в Трибуре, наконец наложил запрет на Адальберта Бамбергского, как зачинщика войны, и поднял против него огромную армию. Он был осажден национальным сбором в своем замке Терез, схвачен и казнен, в то время как его друзья Герхард и Матфрид были сосланы. Но потребовалось четыре года, чтобы заставить нацию сдвинуться с места, а тем временем другие великие графы и герцоги усвоили урок, что они могут долго наслаждаться безнаказанностью, какое бы бурное предприятие они ни затеяли. Несколькими годами позже мы обнаруживаем, что Бурхард, маркграф Реции, пытается сделать себя герцогом всей Швабии, принуждая мелких губернаторов по соседству; когда он был свергнут и казнен по совету епископов, окружавших молодого короля, народные симпатии были явно на стороне феодального узурпатора, а не центрального правительства. В Лотарингии тоже не прекращались беспорядки; кульминацией их стала вторая попытка графа Реджинальда с Длинной шеей передать австразийские страны королю Нейстрии Карлу Простому.

[Нашествия венгров.] Но какими бы серьезными ни были эти междоусобицы, их значение было ничем по сравнению с более масштабными бедствиями, вызванными опустошительными действиями венгров на восточной границе. Начиная с первого года правления короля Людовика, их атаки не знали перерыва. Они начали с набегов на Баварию и Каринтию; немного позже, когда шла гражданская война во Франконии, мы обнаруживаем, что они проникают в Швабию и даже в далекую Саксонию. В 907 году они разгромили всю Баварию и убили ее герцога Луитпольда вместе с архиепископом Зальцбурга и епископами Фрайзинга и Себена. Следствием этой катастрофы стала временная потеря Германией ее восточной границы, баварского 'Остмарка', который мы теперь знаем как Австрию; мадьяры захватили всю ее до Энса. Уже в следующем году победоносная орда вошла в Тюрингию и убила ее герцога вместе с епископом Вюрцбурга. В 910 году сам молодой король, которому сейчас было шестнадцать лет, впервые выступил против них в поход, и на этот раз баварцы, швабы и франконцы были объединены под его началом для общей кампании против захватчика. Но первое сражение короля Людовика обернулось катастрофой: его армия попала в засаду и была разгромлена с большой резней, только баварским войскам удалось избежать паники и остановить наступление победоносного врага.

Мы не можем сказать, как бы сложились дела у Льюиса в будущей войне против мадьяр, поскольку год спустя, еще не достигнув порога зрелости, его унесла болезнь. С ним пресеклась немецкая линия каролингского дома, ибо он не оставил наследника мужского пола любого рода, будь то брат, дядя или двоюродный брат, чтобы принять тяжелое наследие Тевтонской короны. (911.)

Единственной альтернативой, которая теперь стояла перед немецкой знатью, было либо избрать королем представителя французской ветви Каролингов, либо последовать примеру бургундцев, итальянцев и провансальцев и выбрать кого-то из себя в качестве нового правителя. [Избрание Конрада I., 911.] После долгих колебаний сейм одобрил последнее, и в Форхгейме франконцы, саксонцы, швабы и баварцы объединились, чтобы возвести на трон Конрада, графа нижней Франконии, сына того Конрада, который пал в войне с Адальбертом Бамбергским пять лет назад. Только австрийцы, теперь, как всегда, верные дому Карла Великого, отказались признать нового короля и вновь выразили почтение Карлу Простому, слабому, но амбициозному монарху Нейстрии. Конрад, по-видимому, происходил отдаленно по женской линии от дома Св. Арнульфов, но не мог претендовать на то, чтобы представлять старые традиции франкской королевской семьи. Он был просто самым могущественным или почти самым могущественным человеком среди немецких дворянских домов и был выбран исключительно за его военные способности.

Семилетнее правление Конрада (911-918) было сплошной историей восстаний и катастроф. При правителе новой линии, которого они считали просто одним из своих, местные правители стали еще более наглыми по отношению к центральной власти, чем раньше. Они воевали друг с другом по своему усмотрению, и каждый стремился подавить своих более слабых соседей и завладеть их владениями. Каждое из древних подразделений Германского королевства, первоначальные племенные объединения швабов и баварцев, саксов и франков, проявляли тенденцию к отдалению от своих братьев. Каждый стремился утвердить свою индивидуальность при каком-нибудь новом правителе, провозгласить своего сильнейшего дворянина герцогом и следовать за ним даже против короля. Требовался сильный и

настойчивый монарх, чтобы сдержать эту сепаратистскую тенденцию и не допустить ее раскола королевства.

Конраду I. не хватало ни энергии, ни настойчивости. Все его правление было наполнено борьбой с узурпацией более крупной знати, но он был все еще далек от победы, когда умер. За исключением своих соотечественников во Франконии и высшего духовенства, он получил мало помощи в борьбе, и его собственные последние слова были предупреждением немцам, что они должны выбрать более сильного короля, чем он, если их королевство хочет выжить.

| Восстания против Конрада I. | Было бы утомительно рассказывать о многочисленных кампаниях Конрада против своих слишком могущественных подданных, рассказывать, как палатинский граф Эрчангер пытался стать герцогом Швабии; как Арнульф, сын того Луитпольда, которого убили венгры, претендовал на герцогскую власть в Баварии; как великий саксонец Генрих, сын герцога Отто, который несколько лет спустя станет более известен как король Генрих Первый, бросил вызов своему сеньору, чтобы изгнать его из Саксонии. Конрад, как правило, терпел неудачу в своей борьбе с повстанцами; это правда, что он победил, взял в плен и казнил будущего герцога Швабии и что он на некоторое время отправил Арнульфа Баварского в изгнание. Но он потерпел полную неудачу в своей попытке отвоевать Австрию у Карла Простого, и его экспедиция в Саксонию против герцога Генриха закончилась катастрофически, так что он был вынужден заключить мир и признать герцогскую власть Генриха над всей страной. Говорят, что Хатто, великий архиепископ Майнца, умер от гнева и отвращения, услышав о триумфе саксонца, на которого у него был личный зуб. Хатто был главным сторонником центрального правительства в правление Конрада, как и в правление Люйиса Младенца, и ему было невыносимо видеть, как силы разобщения в конце концов одержали победу.

| Дальнейшие набеги мадьяр. | Вряд ли нужно добавлять, что в то время как гражданская война бушевала по всему германскому королевству, внешний враг был активен как никогда. Вместо того чтобы нанести удар только по восточной границе страны, мадьяры наводнили ее всю. Они даже достигли Рейна: в 913 году мы находим их у стен Кобленца; в 917 году они захватили врасплох и сожгли Базель, самый юго-западный из всех городов королевства. Тем временем швабы и баварцы были слишком заняты сопротивлением королю, чтобы иметь возможность ни объединиться, ни защититься.

| Смерть Конрада, 918 год. | При таком печальном положении дел Конрад I. скончался 23 декабря 918 года. Его последним поступком было собрать своих братьев и главных советников у своей постели и предупредить их, что, если Германия хочет быть спасена, они должны найти более сильного человека, чем он, для коронации в качестве короля. Он посоветовал им не заглядывать в его собственную семью, а избрать его соперника, могущественного герцога Генриха Саксонского. Хотя Генрих был заклятым врагом самому себе, Конрад считал его самым сильным и способным государственным деятелем в королевстве и, отбросив всякую личную вражду, отдал свой голос в пользу саксонца. Его совету последовали, и последовали самые счастливые результаты.

Итак, мы должны покинуть Германию, все еще находящуюся в тяжелом положении, но накануне лучших событий. Ей еще предстояло решить вопрос, сохранится ли дело Карла Великого — слияние франков, саксонцев, швабов и баварцев в единую национальность — или разрушительные тенденции все еще слишком сильны. К счастью для нее, в пользу единства

действовали две великие силы. Церковь обязана своим возвышением и ростом в Германии защите великих франкских королей и в благодарность всегда сражалась на стороне королевской власти и унии. Но еще более важным было давление враждебных соседей извне: после смерти короля Арнульфа даже самым буйным швабским графам и самым неуправляемым саксонским племенам стало очевидно, что если Германия хочет выжить, она должна подчиниться единому правителю. Если правления Людовика Младенца и Конрада Франконца были катастрофическими неудачами, то это потому, что один был слишком молод, а другой слишком лишен как наследственных притязаний, так и личных сторонников. Когда место Конрада занял сильный человек с одним из великих герцогств за спиной, проблема спасения Германии оказалась не такой уж неразрешимой.

ГЛАВА XXVIII

ВОСТОЧНАЯ ИМПЕРИЯ В ДЕВЯТОМ ВЕКЕ

802-912

Никифор I и его войны—Он убит болгарами—Короткое правление Михаила I.—Лев V. побеждает болгар—Его церковные проблемы—Михаил Аморийец свергает его с престола и правит девять лет—Его политика—Правление Феофила—Его войны с халифами—Он преследует идолопоклонников—Долгое меньшинство Михаила III.—Восстановление поклонения образам—Оргии и конец Михаила—Василий I. и македонская династия.

Восточно-Римская империя всегда была в лучшем состоянии, когда на протяжении нескольких поколений подчинялась принципам одной семьи; в худшем - в периоды между падением одной династии и возвышением другой, когда корона на мгновение становилась призом, который мог получить каждый успешный полководец или интригующий государственный деятель. В такие времена попытки узурпации власти становились настолько частыми, что гражданская война превратилась в эндемическую болезнь, и в то время как внутри империи царили беспорядки, внешние враги всегда были готовы воспользоваться случаем, чтобы напасть на нее извне. Мы уже отмечали один из таких анархических и катастрофических периодов, произошедший между 695 и 717 годами, когда пал дом Ираклия, а дом Льва Исаврийца еще не вышел на передний план. Теперь мы должны описать второй период короткого правления и смут как внутри страны, так и за границей, между низложением императрицы Ирины и восшествием на трон Михаила Аморийца, основателя следующей династии. Этот период, занявший промежуток между 802 и 820 годами, ни в коем случае не был таким катастрофическим, как тот, который последовал за падением Юстиниана II. в предыдущем столетии, но, тем не менее, это было явно время упадка, на восстановление после которого империи потребовалось много лет.

Злая императрица Ирина была свергнута с престола, как мы уже имели случай рассказать, в результате дворцового заговора, возглавляемого ее главным казначеем Никифором. Новый монарх был человеком зрелых лет, который был известен всего лишь как способный министр финансов, и его никогда не подозревали в каких-либо больших амбициях. Когда он взял в свои руки бразды правления, он доказал, что у него больше характера, больше своеволия и больше энергии, чем ему приписывали современники. Он с успехом подавил два восстания недовольных военачальников, которые считали, что имеют такое же право на трон, как и он, и так прочно утвердился на своем троне, что никто не мог поколебать его. В вопросах церковных он изменил политику суеверной Ирины и проявил совершенную терпимость к иконоборцам, а также ко всем другим диссидентским сектам в империи. Он держал твердой рукой патриарха и духовенство, которые были бы рады преследовать этих раскольников, и этот факт, вероятно, объясняет горечь, с которой летописцы последующих веков пишут о нем, — горечь, которую, кажется, ничто в его действиях не оправдывает. Он не был ни жестоким, ни деспотичным в своем правлении, и единственное обвинение против него, которое, кажется, имеет наименьшее основание, заключается в том, что после своего восшествия на престол он все еще слишком много выполнял функций главного казначея, больше заботясь о хорошем балансе в казне, чем о благополучии своих подданных.

Правление Никифора не было безоблачным из-за войн. Гарун аль-Рашид все еще восседал на троне Багдада, и халифат по-прежнему был опасным соседом империи. Никифор отказался платить дань, которую Ирина обещала сарацинам, поэтому Гарун возобновил периодическую войну с восточными римлянами, которая тянулась с небольшими перерывами еще со времен Константина Копронима. [Война с халифом.] Удача на войне не улыбнулась императору; похоже, что неправильное управление министрами-евнухами Ирины привело к ослаблению армии, и дела пошли настолько плохо, что Никифор был рад купить мир, когда Гарун предложил ему его даровать. Император должен был выплачивать 30 000 *солидов* ежегодно, помимо — любопытная деталь — шести больших золотых медалей большего веса для себя и одной для своего сына и наследника Ставрация.

Несмотря на этот унижительный договор, не сарацинская война стала самой серьезной проблемой для Никифора; не так уж плохо ему пришлось и в борьбе с Карлом Великим. Долгая и разрозненная война с новой западной империей завершилась договором, который оставил франков и восточных римлян именно там, с чего они начали. Не была принесена в жертву даже Венеция, которая теперь была полностью окружена владениями Карла и которая какое-то время находилась в его руках. Никифор также не был вынужден пойти на то, что он расценил бы как унижительный шаг - признать Карла равным себе и коллегой в управлении империей.

Это была война со сравнительно незначительными силами болгар, которая должна была стать худшим из бедствий Никифора. После провала великой экспедиции Константина VI в 796 году хищное племя за Балканами становилось все более и более отважным. При новом царе, жестоком, но способном Крамне, они совершали набеги далеко во Фракию, что в конце концов вынудило Никифора лично выступить против них. Во главе огромной армии, набранной из всех европейских и азиатских стран, и в сопровождении своего сына Ставрация он пересек Балканы в 811 году. Сначала победа увенчала его оружие; он разбил болгар в открытом поле и захватил и разграбил дворец их царя. [Никифор убит болгарами, 811.] Но несколько дней спустя, когда его победоносная армия небрежно расположилась лагерем и не обращала внимания на поверженного врага, она подверглась ожесточенной ночной атаке. В последовавших за этим

замешательстве и панике император был убит, а его сын Ставраций смертельно ранен. Оставшись без предводителя, византийская армия распалась и отступила в большом беспорядке, оставив тело императора вместе с телами многих его военачальников на поле боя. Болгарский царь отрубил голову Никифору и сделал из его черепа чашу для питья, как Альбоин сделал с черепом короля Кунимунда три столетия назад.

Остатки императорской армии собрались в Адрианополе, куда был доставлен раненый Ставраций. Его сразу же провозгласили Августом в комнате его отца, но он так и не поднялся со своего ложа, потому что его рана была смертельной. Было очевидно, что его конец близок и что его коронаскоро достанется какому-нибудь узурпатору. Видя это, его шурин Михаил Рангабе, женившийся на единственной дочери Никифора I, подкупил стражу своего умирающего хозяина и сам был провозглашен императором еще до того, как из тела Ставрация испустили дух (812).

Майкл Рангабе был обязан своим возвышением исключительно случаю, который соединил его с семьей Никифора. Лично он был незначительным, суеверным и трусливым. Но его восшествие на престол имело определенное значение с религиозной точки зрения; он был европейским греком — первым из своей расы, кто еще носил императорскую корону, — и, как большинство его соотечественников, был сильным иконопочитателем и полностью выступал против толерантной церковной политики своего тестя. Он окружил себя монахами-фанатиками и приступил к работе, чтобы обратить вспять деяния Никифора и отстранить всех иконоборцев от высоких постов в государстве и армии.

Эти действия могли бы быть популярны, если бы Михаил был человеком сильным и энергичным; но он был слабым и неспособным правителем. Некоторое время он отказывался выходить на поле боя против болгар, которые опустошали Фракию вдоль и поперек, и когда он наконец возглавил армию, то потерпел сокрушительное поражение. Он предпринял то, что его подданные сочли унижительным шагом по примирению франков, официально признав Карла Великого законным императором и обращаясь с ним как с равным. Во всем, что он делал, прослеживались нерешительность и недостаток мужества.

Армии было суждено стать орудием падения Михаила. Она была глубоко пропитана иконоборческими чувствами и крайне недовольна мастером, который не посылал ей ни поощрения, ни приказов. Наконец, когда Михаил позволил королю Крумну проникнуть во Фракию так далеко, что тот фактически приблизился к стенам столицы, армия, сосредоточенная в Адрианополе, открыто отказалась от присяги и сделала решающий шаг, отдав честь императора одному из своих генералов, Льву Армянину. [Падение Михаила I. 813.] Священники и придворные не смогли оказать Майклу Рангабе особой поддержки, когда вся военная каста отвернулась от него; он был свергнут без особых хлопот и отправлен в монастырь, в то время как грубый солдат, возглавивший восстание, стал императором вместо него (813).

Армянин Лев был способным человеком, не лишенным хороших качеств, который мог бы основать династию, если бы фортуна была к нему благосклонна. Он успешно выполнил задачу, ради которой был избран императором, — положил конец болгарской войне. Сразу после своего восшествия на престол король Болгарии подошел к самым стенам Константинополя и расположился лагерем против него. Сначала Лев пытался избавиться от Крамна бесчестным способом, попытавшись схватить или убить его на конференции — подобно тому, как Карл Толстый расправился с королем Годфредом. [Лев V. побеждает болгар, 814.] Эта попытка

провалилась, но болгары, разграбив пригороды, отступили от стен, и в следующем году, когда они снова двинулись во Фракию, Лев встретил их в Месембрии и нанес им кровавое поражение. Обратное было настолько сокрушительным, что новый болгарский царь немедленно запросил мира, и империя не была обеспокоена очередным болгарским вторжением, пока не прошло целое поколение.

Лев правил еще шесть лет, не обремененный внешними войнами и державший скипетр очень твердой рукой. Он реорганизовал армию и финансы и многое сделал для устранения ущерба, причиненного сарацинскими и болгарскими набегами в правление Никифора I и Михаила Рангабе. Но, к несчастью для себя и империи, вскоре он был вовлечен в старую иконоборческую полемику, и с тех пор у него не было покоя. Лев был, как и большинство жителей восточных тем и большинство высших офицеров армии, сильно проникнут доктринами своего великого тезки Исавра. Первые два года своего правления он держал свое мнение при себе и старался поддерживать строгий нейтралитет между почитателями образов и их разрушителями. Но духовенство иконопочитания было слишком яростным, а сам Лев слишком добросовестным, чтобы такое перемирие продлилось очень долго. В 815 году вспыхнула борьба: Лев попросил патриарха Никифора приказать поднять некоторые изображения, которые были особыми камнями преткновения для иконоборцев, из-за низкопоклонства народа, которое они вызывали, так высоко от земли, чтобы верующие больше не могли целовать и обнимать их. Патриарх отказался, приказал всему своему духовенству начать особые молитвы об избавлении, поскольку церковь была в опасности, и отлучил от церкви епископа, которого он подозревал в том, что он консультировал императорский орден. Лев ответил смещением Никифора и заменой его преемником убежденных иконоборческих взглядов. Новый патриарх немедленно созвал собор, который объявил поклонение образам суеверием и подтвердил все указы против него, принятые в 754 году синодом, возглавляемым Константином Копронимом. Лев V. и иконопочитатели.] Но Лев не подвергся преследованиям, как это сделал его предшественник-исавриец: за исключением отстранения от должности нескольких церковных сановников и изгнания аббата, который устроил открытую демонстрацию изображений на улицах столицы, он не предпринял никаких репрессивных мер против иконопочитателей. Его умеренность принесла ему мало пользы, поскольку приверженцы идолопоклонства ненавидели еретика так же сильно, как и гонителя, а его мягкость только давала им больше возможностей интриговать и составлять заговоры против него. Последние годы его правления, хотя и были полны внешнего процветания, были временем скрытого недовольства и волнений, и считалось, что он оскорбил слишком многих своих подданных, чтобы его жизнь или трон были в безопасности. Зная об этом, беспокойные настроения среди его генералов и придворных начали объединяться и составлять заговор против него.

Главарем этих недовольных был Михаил Амориец, буйный солдат, который был близким другом императора, когда оба были частными лицами, и которого повысили до высокого поста, когда Лев получил корону. Его заговор был раскрыт, и он был брошен в тюрьму, но когда его сообщники узнали, что им угрожает разоблачение, они решили нанести удар немедленно, пока их не арестовали. Лео присутствовал на рождественской заутрене в своей частной часовне, когда на него напали заговорщики. Схватив с алтаря большой крест, он отчаянно отбивался им от нападавших, но прежде чем подоспела помощь, его зарубили, и он упал замертво в святилище.

Убийцы поспешили в камеру Михаила Аморианца и приветствовали его как императора. Он был выведен из своей темницы и представлен народу в императорских одеждах еще до того, как с его ног были сняты оковы, и еще до конца дня патриарх короновал его в Святой Софии (25 декабря 820 года). Майкл был намного ниже человека, которого он сверг с престола: у него не было ничего, что могло бы поддержать его, кроме его военного таланта и определенной доли беспринципности. Он был совершенно необразован, и его провинциальный диалект и неграмотные выражения были предметом насмешек двора и столицы. Но он знал, как нанести сильный удар, и его суровость пугала его врагов больше, чем мягкая политика Льва Армянина. Его восшествие на престол стало сигналом к восстанию по всей империи: некий Фома поднял на восстание еретические секты Малой Азии и сторонников покойного императора-иконоборца и на три года сделал трон Михаила ненадежным. Он даже осадил Константинополь и мог бы взять его, если бы его последователи не вызвали недовольства общественности своими опустошительными действиями по соседству. В конечном счете он был свергнут и убит, но его восстание нанесло серьезный урон империи. В то время как весь императорский флот и армия действовали против него, орда сарацинских пиратов обрушилась на великий остров Крит и захватила его из конца в конец (825). После восстановления мира Михаил предпринял две попытки изгнать авантюристов, но обе потерпели неудачу, и в течение ста тридцати пяти лет 'остров ста городов' оставался сарацинским форпостом и печальным препятствием для эгейской торговли. [Потеря Крита и Сицилии.] Едва экспедиции, отправленные против Крита, вернулись с потерями и позором, как Михаил услышал, что новая провинция подвергается нападению того же врага. В 827 году мусульмане Африки, призванные предателем Евфимием, высадились на Сицилии и начали завоевание этого острова. Мы описали его медленный, но неуклонный прогресс в другой главе.^[67]

67. См. стр. 448 и 449.

Потеря этих двух отдаленных провинций, похоже, не беспокоила Майкла. Возможно, он был доволен тем, что его уберегли от более масштабной сарацинской войны со всеми силами халифата благодаря междоусобице потомков Гарун-аль-Рашида. Мирный Людовик Благочестивый также не поднял против него франков. Завоевание Крита и Сицилии было досадным инцидентом, а не насущной опасностью.

При решении острых церковных вопросов, которые оказались столь опасными для его предшественника, Михаил Амориец проявлял скорее осторожность, чем рвение. Его восшествие на престол было поддержано почитателями образа, которые искренне ненавидели Льва Армянина. Но, оказавшись в безопасности на троне, он отказался отдать себя в их руки или начать преследование иконоборцев. Вероятно, в глубине души он сам презирал изображения, а его сын и коллега Феофил испытывал к ним лютую ненависть. Его политическая линия состояла в том, чтобы провозгласить полную терпимость к обеим партиям, а также отозвать и заменить прелатов, которых Лев изгнал. Но в общественном богослужении он поддерживал то состояние вещей, которое считал существующим, и отказывался восстанавливать изображения, которые его предшественник удалил или искалечил. С другой стороны, он позволил сохранить те фигурки и рисунки, которые ускользнули от руки Льва, и разрешил монахам практиковать столько суеверий, сколько им заблагорассудится, в стенах своих монастырей. Ни одна из сторон не была удовлетворена; обе обвинили Михаила в халатном служении Богу, но они сохраняли спокойствие, и спор на какое-то время затих.

Михаил правил всего девять лет и после своей смерти в 829 году оставил трон своему старшему сыну Феофилу, человеку гораздо более заметному и индивидуальному, чем он сам. Новый император был активным воинственным принцем, с большой любовью к великолепию и помпезности и твердой решимостью во всем придерживаться собственной воли. Более того — и это, несомненно, принесло империи смутные времена — он был твердым и добросовестным иконоборцем: отцу с большим трудом удалось удержать его от принятия суровых мер против поклонения образам, когда он все еще был всего лишь его младшим коллегой на троне. Хроники убедительно свидетельствуют о его мужестве, его личных добродетелях и его беспристрастном правосудии, но его вмешательства в церковные дела было достаточно, чтобы очертить его характер на их страницах.

Большая часть правления Феофила была занята длительной борьбой с халифатом. Империя Аббасидов была сильно ослаблена после смерти Гарун-аль-Рашида, сначала гражданской враждой между его сыновьями, а затем религиозными войнами, развязанными неортодоксальным халифом Эль-Мамуном. Феофил полагал, что древний враг был настолько ослаблен потерей многих отдаленных провинций и длительной внутренней борьбой, что империя сможет отвоевать некоторые из земель, потерянных Ираклием два столетия назад. Соответственно, он спровоцировал войну с Эль-Мамуном, приютив множество беженцев из Персии и Сирии, которые бежали от преследований халифа. К несчастью для Феофила, неприятности его противника только что подошли к концу, и у сарацин снова были развязаны руки для борьбы с империей. Начавшаяся долгая война показала, что силы халифа и императора теперь были настолько уравновешены, что ни один из них не мог нанести другому ни одного смертельного удара, но для каждого было вполне возможно нарушать границы другого на неопределенное время. С некоторыми незначительными перерывами на перемирия это продолжалось более тридцати лет. Халиф начал борьбу, вторгшись в каппадокийские границы своего соседа и захватив земли вплоть до Гераклеи (831). Его флотилии в то же время совершили несколько заходов на Киклады и Мизийское побережье. Эль-Мамун лично возглавил три экспедиции в Малую Азию и, овладев перевалами Тавр, взял большой город Тиана у их северного выхода и укрепил его в качестве базы для дальнейших операций. К счастью для Феофила, халиф умер в этот момент, и его армии отступили в Тарс, оставив свои завоевания за горами. Императору больше повезло против нового сарацинского монарха Эль-Мотассема, брата Эль-Мамуна. Феофил смог вторгнуться в Сирию и Месопотамию и захватить важный город Самосату, где византийских знамен не видели со времен Константина Копронима. Но опустошительные действия Феофила на Евфрате, и особенно разграбление им Запеты, места, к которому Эль-Мотассем питал особое уважение, побудили сарацин предпринять еще большие усилия. В 838 году халиф выступил в поход во главе огромной армии: он поклялся разграбить место рождения императора, Аморий, в отместку за разграбление Запеты, и говорят, что 130 000 человек вышли маршем из Тарса, у каждого на щите было нарисовано слово 'Аморий'. [Феофил, побежденный сарацинами, 838 год.] Феофил поспешил защитить город своих предков, но одно подразделение сарацинской армии нанесло ему сокрушительное поражение при Дасимоне, в то время как другое, по личному приказу халифа, взяло штурмом Амориум и перебило все население — мужчин, женщин и детей — числом не менее 30 000 человек.

Такое бедствие и вид войск халифа, продвигавшихся до центра Фригии, казалось, предвещали опасность для империи. Но, утолив свой гнев и жажду мести, Эль-Мотассем удалился, и полководцы Феофила вернули себе все утраченные земли вплоть до линии Тавра. Внутренние

проблемы не давали халифу покоя дома, и после того, как восточноримляне возобновили свои вторжения в Сирию и захватили Лаодикию, порт Антиохии, было заключено перемирие, которое длилось с некоторыми перерывами вплоть до смерти императора и халифа, срок действия которых истек в 842 году.

|Феофил преследует идолопоклонников.| Когда Феофил не участвовал в боевых действиях против сарацин, он был занят дома борьбой с идолопоклонниками. В 832 году он издал эдикт, запрещающий любые изображения Господа нашего и Святых, будь то в виде статуй, картин или мозаик, и приказал разыскивать и уничтожать их не только в общественных местах, но и в монастырях и частных жилищах. Особый гнев он приберегал для художников, которых он застал тайно работающими над воспроизведением запрещенных фигур; он калечил их непослушные руки раскаленным железом и клеймил их лбы оскорбительными словами. Патриарх Иоанн Грамматик помог императору, отлучив от церкви всех священнослужителей, отказавшихся подчиняться постановлениям синода 754 года. Затем Феофил наложил руки на непокорных монахов и епископов и заключил их в тюрьму или изгнал. Его гнев, однако, не довел его до крайностей, которые одобряли исаврийские императоры; он не приговаривал к смертной казни за неповиновение и не пытался подавить монашескую систему, подобно Константину Копрониму. Те, кто склонялся перед бурей, не встречали жестокого обращения: только открытое неповиновение приводило Феофила в ярость. Сам его дворец был полон тайных почитателей образов, главной из которых была его собственная жена, императрица Феодора.

Подобно своему западному современнику Льюису Благочестивому, император поддался несчастливому побуждению выбрать вторую жену путем публичного состязания. Когда в 830 году умерла его бездетная императрица, он призвал ко двору всех прекраснейших дочерей своей знати и представил их на обозрение. Его внимание привлекла юная Феодора, дочь верховного адмирала Маринуса, и он женился на ней, не потрудившись обнаружить, что она была пылкой и фанатичной поклонницей изображений. При жизни мужа она скрывала свои взгляды и довольствовалась тем, что защищала всех иконопочитателей, которых могла приютить. Но после смерти Феофила ей было суждено разрушить все его религиозные планы и воспитать его детей в отвращении к вероучению их отца.

Несмотря на сарацинскую войну и церковные распри, которые омрачили его жизнь, правление Феофила, как и правление его отца, не было неблагоприятным временем для империи. Его строгое и точное правосудие принесло гораздо больше пользы его подданным, чем его фанатизм причинил вреда. Доход был в таком хорошем состоянии, что даже в военное время он смог выполнить множество крупных общественных работ — таких как укрепление и украшение стен столицы, а также строительство многих дворцов и больниц. Его забота о развитии торговли проявилась в заключении торговых договоров не только с Людовиком Благочестивым, но даже с далеким халифом Кордовы; и Константинополь стал в его время более чем когда-либо центром всей торговли Европы, потому что итальянские порты, которые были ее единственными соперниками, теперь сильно страдали от оккупации центрального Средиземноморья маврами Сицилии.

К великой потере империи, Феофил умер в 842 году, все еще находясь в расцвете сил, оставив сына и наследника всего четырех лет от роду. Мы уже не раз говорили об опасностях длительного пребывания в меньшинстве в то время и о молодости Михаила III. Это не должно было стать исключением из правил. В течение четырнадцати лет регентский совет правил от его

имени с небольшой выгодой для империи. | Феодора восстанавливает Иконодули. | Главное место в нем занимала вдовствующая императрица, интересы которой были в основном религиозными. Почти до того, как из тела ее мужа испустили дух, Феодора приступила к работе, чтобы отменить его политику. Призвав к себе на помощь всю сторонников изображений во дворце, она низложила патриарха, отправила в изгнание главных епископов-иконоборцев и созвала собор в Константинополе, который предал анафеме врагов изображений и вновь подтвердил все доктрины, осужденные в 830 году по приказу Феофила. Всего через тридцать дней после начала нового царствования иконоборчество снова стало православным, а иконоборчество было запрещено. Последовали активные преследования еретиков; с павликианами и другими диссидентами Малой Азии обращались так жестоко, что они в *массовом порядке* мигрировали во владения халифа и оттуда мстили за себя, совершая вторжения в империю.

Двумя мужчинами, которые делили главную власть с Феодорой, были ее никчемный брат Бардас и граф Феоктист: они горько завидовали друг другу, и Бардас в конце концов добился смерти своего соперника. Каждый из этих персонажей считал себя великим полководцем, и их амбициозные, но плохо организованные экспедиции против сарацин закончились полной катастрофой. К счастью для империи, халифат теперь перешел в руки двух неспособных фанатиков и развратников, Ватека и Мотаваккеля, которые были совершенно неспособны воспользоваться слабостью своего соседа (842-861). Действительно, византийское оружие добилось некоторого успеха, когда ни Барды, ни Феоктиста рядом не было, и одна смелая экспедиция даже захватила Александрию и удерживала ее в течение года. Долгая, изнурительная война затянулась, но ни империя, ни халифат не получили от нее никакой выгоды.

В 856 году молодому Михаилу исполнилось восемнадцать лет, и он взял управление страной в свои руки. Он сразу же отослал свою мать, на чье долгое господство втайне негодовал, и конфисковал большую часть ее сокровищ и поместий. Майкл был неприятным юношей, но во многом своим дурным характером был обязан своему дяде Бардасу, который воспитал его в наихудших условиях и научил его, еще будучи совсем мальчиком, погружаться в пьянство, азартные игры и разврат. Майкл и его дядя были заклятыми соратниками во всевозможном сквернословии и порочной жизни, и их двор был ареной постоянных скандалов. Барда стал цезарем в 862 году и в течение следующих четырех лет имел такое же отношение к управлению империей, как и его племянник. Но он был достаточно неразумен, чтобы взваливать на себя слишком много, обращаться с Михаилом как с пьяным мальчишкой и предполагать над ним превосходство, с которым молодой император не мог смириться. После того, как они правили вместе четыре года, Михаил приказал убить своего дядю и взял другого соратника в империи (866).

Его новым коллегой был Василий Македонянин, молодой человек славянского происхождения, который долгое время был одним из его приятелей. Когда Майкл был еще мальчиком, он был впечатлен мужеством и силой Бэзила, который поступил к нему на службу в качестве конюха. Молодой император переводил его с одной должности на другую, пока он не стал *протостратором*, или графом—маршалом конюшен, как его называли бы в западной монархии. Новый фаворит был смел, находчив и твердолюб; он мог напоить самого императора на их пирах — сила, внушавшая Михаилу величайшее уважение. Так доверившись вере друга своей юности, Майкл предпочел его на место убитого Бардаса.

Когда Михаил Пьяница, как называли его подданные, не находился под воздействием чаши с вином, он был воинственным и энергичным правителем. Он часто выходил на поле боя против сарацин и болгар и иногда добивался успеха, когда храбрость могла заменить стратегию. После успешной кампании за Балканами он вынудил болгарского царя не только оказать ему почтение, но и принять христианство, что в последующие годы во многом облегчило отношения между империей и ее северными соседями.

Майкл иногда занимался церковными делами: его мать воспитала его ревностным почитателем образов, и, когда наступили годы благоразумия, он отличился позорным эксгумированием и сожжением тел Константина Копронима и патриарха Иоанна, главных представителей иконоборчества — мирских и духовных. Другое из его деяний имело более серьезные последствия: именно он, оскорбленный суровой моралью патриарха Игнатия, низложил его и назначил на его место Фотия. Избрание Фотия было, как мы уже указывали, когда речь шла о папстве, первоначальной причиной того разрыва между Востоком и Западом, который до сих пор не залечен.^[68]

68. См. страницы [453-454](#).

[Василий I. убивает Михаила III., 867.] Майклу исполнился тридцать один год, и, казалось, ему было суждено править еще много лет, когда его внезапно оборвали. Его друг и соратник Бэзил, которого он вырастил из конюха цезарем, был убийцей. В конце одного из их дебошей македонянин поднялся и приказал нескольким своим друзьям убить его благодетеля. Михаила зарезали, когда он лежал в пьяном сне, и корона перешла к аморианскому дому (867). Василий уже, как коллега по империи, взял бразды правления в свои руки, и убийство Михаила осталось неотомщенным. Никто не повысил голоса в защиту малолетних сыновей покойного, и новая династия была основана без борьбы или гражданской войны.

Македонянин, хотя и показал себя неблагодарным предателем, был человеком больших способностей. Он твердо держался за свою несправедливо добытую корону и основал самую долгую династию, когда-либо сидевшую на византийском троне. Его дом угас только в 1056 году. Как император, он делал все, что мог, чтобы заставить своих подданных забыть о том, что когда-то он был любителем выпить Михаилом III. Он проявил себя трудолюбивым государем, экономным, благоразумным и рассудительным, и империя процветала под его правлением. Некоторым его работам было суждено стать постоянными; его кодекс, новая редакция законов Юстиниана, заменившая *Эклогу* Льва Исаврийца, оставался учебником восточной империи до ее последних дней. Его финансовому устройству, которое, по-видимому, было превосходным, также было суждено просуществовать почти два столетия. В церковных вопросах он делал все возможное, чтобы залатать разрыв с римской церковью; он восстановил на посту свергнутого патриарха Игнатия и отправил Фотия в частную жизнь; но, хотя причина обиды была устранена, ссора осталась, а непомерные притязания пап препятствовали какому-либо воссоединению Востока и Запада. Убедившись в этом, Василий восстановил Фотия после смерти Игнатия и позволил событиям идти своим неизбежным чередом.

За исключением Сицилии, войны Василия в целом были успешными. Империя халифов быстро распадалась; династия Саффаридов отторгла восточные провинции своего королевства, и Египет попал в руки Ахмеда ибн Тулуна. За девять лет (861-9 гг.) были убиты четыре халифа, а непрекращающаяся гражданская война, бушевавшая в Багдаде, лишила сарацинскую границу большинства ее защитников. Таким образом, дела христианского оружия шли неплохо во время

правления Василия и его сына Льва, и впервые восточно-римская граница начала сдвигаться на восток, и на захваченной территории появились новые темы. Византийские армии опустошили северную Сирию и Месопотамию вплоть до Амиды и Алеппо. Кипр был восстановлен, хотя и лишь на время, и восстание павликийских еретиков на армянской границе было подавлено. [Войны Василия I.] В то же время флоты Василия одерживали победы в Эгейском и Ионическом морях над корсарами Крита и Африки. Мы уже упоминали в другом месте, как адмирал Орифас помогал Льюису II. отвоевать Бари, и как Никифор Фока изгнал сарацин из Лукании и Бруттия и присоединил южный полуостров Италии к владениям своего господина. Только на Сицилии произошла катастрофа; падение Сиракуз в 878 году знаменует практическое угасание восточноримской власти на этом острове. Но успех в других местах искупил эту единственную потерю.

Если бы Василий сменил сильный и энергичный правитель, Восточно-римская империя могла бы получить возможность распространить свое влияние почти на все провинции, которые подчинялись Юстиниану три столетия назад. Халифат становился все более и более дряхлым: Италия, как мы уже видели, более полувека была жертвой анархии, а славяне Восточной Европы были раздавлены новоприбывшей ордой мадьяр. Никто из них не смог бы противостоять какой-либо сильной обороне против способного командира, возглавляющего хорошо вооруженное и дисциплинированное войско, которое Восточная империя могла послать. Но сын и внук Василия, чье долгое правление заняло следующие восемьдесят лет, были парой узколобых и педантичных литераторов, одинаково лишенных вкуса и способности участвовать в замыслах завоеваний. [Правление Льва Мудрого, 886-912 годы.] Лев VI, которого из поколения в поколение называли Львом Мудрым не за его практический ум, а потому, что он имел вкус к оккультным наукам и писал неясные пророчества, был непосредственным преемником Василия. По какой-то странной прихоти природы сильно пьющий, беспринципный, энергичный македонский узурпатор стал отцом кропотливого составителя книг, самого кроткого и наименее волнующего из людей. Пророческие оракулы Льва и его церковные сочинения не приносят большой пользы читателю, но потомки должны признать, что они в большом долгу перед ним за публикацию его *Tactica*, военного руководства, дающего превосходный отчет об организации, стратегии и тактике византийских армий, с полезными примечаниями о привычках и манерах врагов, с которыми армии пришлось столкнуться. Вероятно, империи повезло, что он никогда не пытался применить свои книжные знания о военных делах на практике в полевых условиях.

Несмотря на слабую личность Льва и тот факт, что его небрежность иногда позволяла врагам империи получать неожиданные преимущества, это правление было временем роста имперских границ. Новые темы "Ликанда" и "Месопотамии" были отвоеваны у ослабевшего халифата; Апулия была отвоевана у герцогов Беневенто и итальянских сарацин и оформилась в тему "Лангобардии". Сам Беневенто в течение нескольких лет находился в руках Льва,^[69] и если бы он проявил чуть больше энергии, он мог бы подтолкнуть свою армию к воротам Рима, в то время как графы центральной Италии были заняты своими бесконечными препирательствами с королем Беренгаром. Но император пренебрег поддержкой своих генералов и со спокойной душой позволил им потерпеть неудачу из-за нехватки ресурсов.

69. См. страницу 460.

Лев умер в 912 году, оставив трон своему единственному сыну Константину VII, более известному как Константин Багрянородный, слабому литератору того же типа, что и он сам.

Новому императору было всего пять лет, и все его правление было одним долгим меньшинством, поскольку, достигнув зрелости, он позволил другим править за него и погрузился в свои книги.

Но, несмотря на слабость Льва и Константина, дела империи шли хорошо. Его соседи были слишком слабы, чтобы беспокоить его серьезными войнами, хотя время от времени случались катастрофы, такие как захват Фессалоники африканскими пиратами в 904 году. Такие несчастья были вызваны неправильным использованием ресурсов империи, а не их недостаточностью для обороны. Королевство никогда не было богаче и сильнее со времен Юстиниана; Константинополь стал единственным центром торговли христианского мира, единственным местом, где Восток и Запад могли свободно обмениваться своими товарами. Доходы были обильными и легко собирались, армия хорошо оплачивалась и была боеспособной, и требовались только адекватные генералы, которые позволили бы ей начать широкую завоевательную карьеру. Но империи еще много лет не суждено было обрести способного правителя; дни Иоанна Цимисхия и Василия Булгароктоноса были еще далеки, а тем временем восточные римляне под слабым руководством Льва и Константина оставались в состоянии постоянного процветания благодаря хорошо организованной администрации империи. Византийская государственная служба была вполне способна выполнять обязанности правительства, если только ей не мешало присутствие на троне жестокого тирана, и какими бы ни были их недостатки, государи македонского дома никогда не заслуживали этого названия. Для любого королевства есть вещи похуже, чем череда посредственностей на троне.

ГЛАВА XXIX

КОНЕЦ IX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правление Одо во Франции—Его датские войны—Его гражданская война с Карлом Простым—Карл наследует трон—Он передает Нормандию Хрольфу—Лотарингия присоединена к Франции—Роберт и Рудольф восстают против Карла Простого—Убийство Карла в Перонне—Испания и мавры—Рост королевства Астурия при Пелагиусе и трех Альфонсо—Его продолжающийся прогресс—Краткое описание периода—Феодализм, его военное и политическое значение—Заключение.

Мы покинули сильно раздосадованное Нейстрийское королевство, переданное королю, чье право на корону зависело от его сильной руки и доброго меча, а не от какого-либо наследственного права. Одо, граф Парижский, не происходил ни по отцовской, ни по материнской линии из дома Карлингов. Его отцом был Роберт Сильный, граф Анже и Блуа при Карле Лысом, один из немногих франкских вождей, завоевавших репутацию в борьбе с викингами. Когда Роберт пал от датской стрелы, его сын появляется несколько лет спустя у

власти в среднем течении Сены и Луары, и особенно во главе Парижа, где он завоевал свое великое имя и корону благодаря доблестной защите города в 886-7 годах.

Одо, без сомнения, был лучшим кандидатом, которого можно было выбрать на западно-франкский престол. Единственному законному наследнику Карллингов — Карлу Простому, посмертному сыну Льюиса Заики, — было всего восемь лет, и передать королевство несовершеннолетнему было бы безумием. Тем не менее выбор Одо был в лучшем случае плохой альтернативой: он был всего лишь одним из дюжины людей равного положения, каждый из которых считал себя равным своему новому хозяину. Между 850 и 887 годами все крупные графства Нейстрии и Аквитании становились наследственными. | Рост крупных феодальных владений во Франции. | Карл Лысый и его недолговечные преемники повсюду покупали временную свободу от неприятностей, назначая сына на место отца, и в следующем поколении правители графств и герцогств рассматривали свой титул преемника губернаторства своего предка как неизменный и абсолютный. В каждом из этих округов, которые впоследствии стали известны как 'Великие феоды', первое начало наследственного правления относится к роковым дням между битвой при Фонтене и низложением Карла Толстого. Первый правитель графства Тулуза, передавший свои владения сыну, датируется 852 годом: во Фландрии - 862 годом: в Пуату - 867 годом: в Анжу - 870 годом: в Гаскони - 872 годом: в Бургундии - 877 годом: в Оверни - 886 годом. Для всех этих правителей Одо был всего лишь равным по счастью человеком, которого они согласились возвести на трон из-за неминуемой опасности, которой подвергалось королевство из-за набегов викингов. Несмотря на клятвы, которые они ему принесли, они сами по себе не могли смотреть на него как на короля того же сорта, каким были карлинги. Во времена, когда наследственное право начинало цениться так высоко, для короля было фатальной слабостью быть обязанным своей властью только старомутевтонскому избирательному праву. Читая хроники этого периода французской истории, мы поразительным образом вспоминаем смуты королей испанских вестготов. Мы снова сталкиваемся с полной неразберихой, которая возникает из-за выборной системы, когда знать слишком сильна, а королевская фамилия принижена рядом слабых или неспособных правителей.

В первый год правления Одо он был сравнительно свободен от внутренних проблем; викинги были разбросаны по всей стране, и даже беспокойные графы Нейстрии воздержались от восстания перед лицом опасности, в то время как Видо из Сполето, соперник нового короля, был вынужден покинуть королевство из-за нехватки последователей. Избрание Одо получило свое наилучшее обоснование, когда в июне 888 года он разбил огромную армию датчан при Монфоконе в Шампани и изгнал их из долин Мааса и Марны. Все королевство охотно поддержало его вторую коронацию в Реймсе, где он был награжден короной, которую прислал ему его сосед Арнульф в знак дружбы, а также притязаний на сюзеренитет.

Даже далекий и вечно мятежный юг на какое-то время склонился перед скипетром Одо: когда он вторгся в Аквитанию, Рамнульф, граф Пуатье, который на мгновение задумался о том, чтобы утвердиться в качестве независимого герцога к югу от Луары, не нанес ему удара, но сразу же засвидетельствовал почтение. Войны Одо с датчанами. | Но пока Одо был в Пуату, викинги снова собрались большими силами в низовьях Сены под предводительством вождей, среди которых мы впервые встречаем имя Хрольфа или Ролло, будущего герцога Нормандии. Они в третий раз осадили Париж: храбрый город держался много месяцев, но Одо, менее способный защитить свое старое поместье как король, чем как граф, последовал прискорбному прецеденту Карла Толстого и дал им денег, чтобы они могли уехать в Бретань.

Конечно, вскоре они вернулись, но когда они снова вторглись в центральную Францию, Одо нанес им сокрушительное поражение при Монпансье: их вождь Оскител был взят в плен со многими своими людьми. Подобно Гутруму в Англии, побежденный датчанин предложил стать христианином, но когда он выходил из баптистерия, граф Инго, знаменосец Одо, зарубил его. "Никогда не доверяй датчанину, крещеному или некрещеному", - сказал убийца, и его хозяин оставил его безнаказанным, как будто посчитал циничное заявление достаточным оправданием (892).

|Гражданские войны Одона и Карла Простого.| Как раз в тот момент, когда он казался самым сильным, Одо на самом деле был близок к своей самой большой опасности. Когда датчане были на время отброшены, непокорные графы Франции, избавленные от надвигающегося террора, сразу же начали составлять заговор против своего короля. Он был слишком самостоятельным человеком, чтобы они считали его своим абсолютным хозяином, и слишком властным, чтобы они могли спокойно владеть своими новыми наследственными владениями. В 893 году некоторые знатные люди послали за мальчиком Карлом Простоватым, наследником Карллингов, из его убежища в Англии. Ричард, герцог Бургундии, Вильгельм, граф Оверни, Хериберт, граф Вермандуа, и Фулько, архиепископ Реймса, были главарями повстанцев. Последовали шесть лет отчаянной гражданской войны: Одо был слишком силен для четырнадцатилетнего мальчика, которого его вероломные вассалы подняли против него: снова и снова он изгонял Карла из городов, где тот укрепился, и наказывал мятежников, которые примкнули к нему. Но какой-нибудь из графов Нейстрии или Аквитании всегда выступал в пользу карллингов. Изгнанный из одного округа, он появлялся в другом, и земля не знала покоя. Напрасно Одо однажды предложил сделать своего соперника королем Аквитании и самому править в Нейстрии единолично: такой компромисс не устроил бы его амбициозных вассалов, которые были вдохновлены не какой-либо реальной преданностью древнему дому, а желанием обрести полную местную независимость.

Наконец Одо, измученный борьбой, умер в последний день 898 года. Его брат и наследник Роберт отказался продолжать борьбу против наследника Карллингов и засвидетельствовал почтение Карлу Простому, получив от него подтверждение в качестве правителя 'герцогства Франции' — земель Парижа, Орлеана, Тура, Шартра, Бове и Ле-Мана. Так закончилась гражданская война, но ценой создания еще одного великого феода, охватывающего все сердце Нейстрии, самого по себе королевства.

|Карл простодушный, король Франции в 899-929 годах.| Карл Простой теперь был бесспорным королем всего королевства Западных франков и признавался его правителем в течение тридцати одного года, вплоть до своей безвременной кончины в 929 году. К этому времени ему исполнилось двадцать лет, и он приобрел большой опыт в неопределенностях войны и в том, как переносить неблагоприятную судьбу (899). Он был энергичным и находчивым человеком, достойным братом давно умершего Людовика III, и его прозвище "Простак", данное ему за то, что он был слишком склонен доверять своим вероломным вассалам и так часто ими обманывался, является скорее почетным титулом, чем наоборот. С самого начала его позиция была намного слабее, чем у любого из его предшественников. Крупные феодальные владения теперь определенно передавались по наследству: любая попытка воспрепятствовать возвращению земли отца сыну рассматривалась как узурпация со стороны короля и вызывала негодование у всех вассалов королевства. Во всех частях Нейстрии и Аквитании графы и

герцоги теперь стали полунезависимыми суверенами, и только в королевских владениях и на землях крупных церковных феодалов король сохранил монархическую власть.

Карл ни в коем случае не был лишен ни амбиций, ни энергии. Он делал все возможное, чтобы утвердить свою королевскую власть над своими вассалами и справиться с непрекращающимися вторжениями датчан. Он не забывал традиционную политику нейстрийских карлгов, их желание объединить со своим собственным королевством всю Лотарингию или ее часть, план, который привел его деда Карла Лысого к стольким несчастливым войнам. Карлу повезло больше, чем его предку, и он сумел прибрать к рукам значительную часть спорных владений. Австрийцы устали от своего союза с Германией, находясь под властью беспокойного и тиранического Цвентибольда, которого Арнульф поставил над ними. После смерти Арнульфа они изгнали и убили его незаконнорожденного сына и какое-то время придерживались Льюиса-Ребенка. Но когда юный Людовик последовал за своим отцом в могилу, лотарингцы отказались согласиться с другими тевтонскими расами в возведении на трон Конрада Франконца. [Лотарингия присоединилась к Франции в 912 году.] Возглавляемые графом Эно, Реджинальдом с Длинной Шеей, они заявили, что не желают, чтобы ими правил никто, кроме карлинга, и бросились в объятия Карла Простодушного. С 912 года он правил как их король и нашел своих лучших сторонников среди их воинов, поскольку Австразия еще не была так феодализирована, как Нейстрия, и любовь старого королевского дома все еще была сильна в ее пределах.

Набеги викингов не прекращались во время правления Карла. Гражданская война 893-8 годов дала датчанам возможность вернуться в Нейстрию, и они не замедлили ею воспользоваться. Когда хронисты того времени не рассказывают о восстаниях непокорных подданных Карла, они обычно заняты подробным описанием опустошительных действий Дании. Но теперь следует отметить, что набеги викингов далеко не так опасны для королевства, как это было раньше: чары непобедимости северян были разрушены, и всякий раз, когда они появлялись, местные графы и герцоги яростно сопротивлялись им. Земля больше не давала им такой богатой добычи, потому что открытые города теперь окружали себя стенами и не были, как раньше, беззащитными жертвами каждого разбойника, который мог собрать у себя за спиной несколько сотен человек. И все жезахватчики не переставали прибывать, ибо многие из их прежних полей действий теперь были закрыты: в Англии Альфред и его сын были слишком сильны для них, а в Германии им так и не улыбнулась былая удача после их великого поражения при Лувене. Таким образом, Франции теперь пришлось принять на себя основную тяжесть их атак, и все их орды сосредоточились на побережье между Шельдой и Гаронной.

[Хрольф на Сене, 910-11. | Именно в 911 году Карл Простодушный предпринял шаг, который должен был изменить аспект великой борьбы с датчанами. Их основная армия теперь стояла в низовьях Сены, а их главный лагерь находился в Руане, большом городе, который они разграбили, опустошили и сделали своим собственным. Их военным вождем теперь был морской король Хрольф, или Ролло, как называли его франки, который утвердил свою власть по праву превосходства над всеми другими ярлами. Отряды Хрольфа разбрелись по всей долине Сены и вели кровавую, но нерешительную битву при Шартре с войском франков, возглавляемым величайшими вассалами короля, герцогами Франции и Бургундии и графом Пуату.

Отчаявшись, как тридцать лет назад Альфред отчаивался в том, что когда-либо сможет прогнать датчан, Карл предпринял тот же шаг, что и великий король Уэссекса. Он решил предложить вождю викингов большой участок земли в качестве поселения для своих последователей, если тот согласится объединить их всех и заключить прочный мир. Этот эксперимент уже проводился франкскими монархами, но не принес обнадеживающих результатов, и история о Карле Толстом и короле Годфреде, должно быть, была свежа в памяти викингов. Мирный договор в Клер-сюр-Эпте, 911 год. Тем не менее предложение было сделано еще раз: если Хрольф остепенится, у него будет достаточно *Данелага* — как называли бы это англичане — для его людей. Карл предложил ему Руан и нижнюю долину Сены, а вместе с ними и руку своей дочери Гизелы. Северянин бушевал и делал вид, что презирает предложение короля, но вскоре начал торговаться и обсуждать условия. Монарх Западных франков и морской король-ветеран встретились в Клер-сюр-Эпте, и там сделка была заключена. Хрольф попросил и получил все земли от реки Эпте до моря — дар, который датчане истолковали как передачу им всего побережья от устья Соммы до границ Бретани. Карл добавил к этому легкое обещание сюзеренитета самой Бретани, когда Хрольфу удастся покорить непокорных князей этой земли, которые в течение многих лет не присягали франкской короне.

Таким образом, викинг получил руку королевской дочери, пообещал принять крещение и ‘стал мужем’ Карла Простодушного. Хорошо известная история рассказывает о том, как Хрольф отказался сам преклонить колено перед франком, когда нужно было принести клятву верности, и назначил одного из своих вождей своим доверенным лицом, и как датчанину с намеренной неуклюжестью, когда он склонился к ногам короля, удалось опрокинуть короля и трон вместе взятые. Но Карл не обратил внимания на оскорбление в обмен на ощутимые выгоды, связанные с подчинением Хрольфа, и при их отъезде осыпал датчан подарками.

[Герцогство Нормандия.] Поэтому вождь викингов поселился как франкский герцог в Руане: он сам принял крещение, как и обещал, и большинство его воинов последовали его примеру. Вопреки тому, что можно было ожидать, эксперимент по высадке северян в нижнем течении Сены оказался для франкского короля полным успехом. Большинство датских военных отрядов в Галлии один за другим перешли на сторону сторонников Хрольфа и получили от него постоянное поселение в его новом герцогстве. Пожертвовав частью своего королевства, Карл Простодушный спас все остальное. Герцог Нормандии, уже *непиратский король*, а доверенный вассал короля, в целом был очень верен клятвам, которые он дал в Клер-сюр-Эпте. Он поддерживал короля Карла во всех его бедах и посылал ему отряд датчан всякий раз, когда к нему обращались за помощью. Только когда Карл был свергнут мятежниками, Хрольф снова направил свои грабительские банды на Францию и снова стал бичом Нейстрии.

Летом 912 года Карл был освобожден от своей войны с викингами уступкой Нормандии и провозглашен австразийцами королем Лотарингии. Следующие восемь лет были самым удачным периодом его правления: он не вел серьезных войн за границей и не испытывал серьезных проблем дома. Но его власть над большей частью Франции была очень ограниченной: особенно в землях к югу от Луары ему предоставлялось только на словах: от великих графов Юга нельзя было ожидать ни дани, ни военной помощи. И все же, каким бы слабым он ни был, Карл Простодушный был сильнее, чем того хотели его великие вассалы. | Восстание Роберта Французского. | Трое величайших магнатов его королевства решили добиться его низложения: их главой был Роберт, герцог Франции, который на старости лет начал жаждать короны, на которую отказался претендовать в 899 году. Его союзниками были

Рудольф, второй герцог Бургундии, и Хериберт, граф Вермандуа. Они начали свои действия с того, что приказали королю уволить его главного министра и фаворита, графа Хагано. Когда он отказался, они послали ему официальное отречение от своей верности и через некоторое время провозгласили Роберта Французского королем Западных франков.

Сразу же началась гражданская война: поддержанный лотарингцами и норманнами король Карл выступил против мятежников, хотя они подняли против него всех воинов Франции и Бургундии. Армии встретились при Суассоне для решающего сражения: войска карлингов были разбиты, но в момент победы король-мятежник был пронзен нормандским копьем, и со смертью Роберта восстание осталось без лидера (923).

Великие вассалы были на мгновение напуганы падением своего вождя и сильно отвлечены датским вторжением. Ролло направил против территорий мятежных герцогов огромную орду северян, и к захватчикам присоединилась свежая армия из Англии под командованием Регнальда, которого Эдуард Старший только что сверг с престола короля Нортумбрии. [Продолжающиеся гражданские войны.] Но, несмотря на опустошительные действия датчан, которые вторглись в Бургундию и угрожали основать второй Данелаг в долине Соны, мятежники решили не подчиняться своему законному господину. Теперь они объявили выступающего против короля Рудольфа герцогом Бургундским, поскольку Гуго, сын Роберта Французского, отказался принять притязания своего отца. Карл мог бы подавить восстание, ибо на помощь ему шла огромная нормандская армия, если бы он не пал из-за предательства. Хериберт Вермандуа предложил ему подчиниться и умолял приехать на конференцию в Перонну. Простой король поспешил на встречу, был схвачен и брошен в темницу (923). Единственной каплей горечи в чаше мятежников стало то, что Эдгива, английская жена Карла, сбежала со своим сыном Льюисом ко двору своего отца, короля Эдуарда Старшего. Наследник дома Карлингов все еще находился в безопасности за морями.

В течение четырех беспокойных лет Рудольф Бургундский правил как король Франции, а Карл Простодушный находился в заключении в Перонне. Рудольф был всего лишь призрачным королем: Аквитания отказывалась признавать его: датчане разбрелись по всем его владениям и с особой яростью осаждали его родное герцогство Бургундию. Его собственные сообщники по восстанию оказали ему скудное почтение и пошли каждый своим путем. Через некоторое время Хериберт Вермандуа поссорился с Рудольфом и назло новому королю вытащил Карла из темницы и снова провозгласил его монархом Западных франков. Но Рудольф подкупил двойного предателя, чтобы тот присоединился к нему: и Хериберт во второй раз завладел личностью своего естественного господина и повелителя. [Убийство Карла Простодушного, 929 год.] На этот раз Карлу удалось отделаться не простым тюремным заключением: жестокий и вероломный граф замори его голодом в Перонне. Наконец-то Рудольф Бургундский мог без споров называть себя королем Франции (929).

Здесь мы должны оставить историю западного королевства в тот момент, когда оно достигло почти такого же плачевного состояния, какого достигла Германия ко времени смерти Конрада I. Более несчастные, чем их восточные соседи, франки Нейстрии и Аквитании еще не видели, чтобы над ними ставили таких великих правителей, как Генрих Первый и Оттон Великий. Им было суждено испытать чашу феодальной анархии до дна, прежде чем среди них снова возникнет сильная монархия. Борьбе между Карллингками и герцогами Франции предстояло затянуться еще на два поколения, прежде чем Гуго Капет наконец получил корону, которую носили его дед

Роберт и двоюродный дед Одо. И когда дом герцогов Французских захватил трон, им предстояло на долгие века оказаться такими же бессильными, как карлинги, которых они вытеснили.

Пока единственным благоприятным симптомом в положении Франции был сравнительный иммунитет, которым она начинала пользоваться, от набегов викингов. Благодаря феодальному всаднику и феодальному замку, а еще больше благодаря ограничению датских амбиций нормандским герцогством и соседними землями Мэн и Бретань, королевство начало в определенной степени наслаждаться миром со стороны внешнего врага. К сожалению, великие вассалы короны использовали свою возможность только для того, чтобы удвоить свою жестокую вражду, и злейшими врагами нации на долгие дни стали ее собственные домочадцы.

[История Испании, 700-918.] В Европе все еще есть один регион, на который мы не обращали внимания в течение ста лет. Но судьба Испании лежит далеко в стороне от судьбы Франкской империи, и в течение девятого и десятого веков она не является частью общей истории христианского мира. Однако у нас была возможность упомянуть, что мусульманские завоеватели полуострова в течение сорока лет сохраняли неустойчивую верность омейядским халифам и какое-то время находились под властью ряда эфемерных вице-королей, большинство из которых покончили жизнь самоубийством. О судьбе тех из них, кто отважился напасть на франкскую империю, мы говорили, когда изучали летописи Карла Мартелла и Пиппина Короткого.

В 756 году Испания отделилась от Багдадского халифата. После резни, устроенной домом Оммеядов их преемником при Аббассиде, один член старшей семьи сбежал в Испанию. Молодой Абдерахман после долгой борьбы сверг всех, кто выступал против него, и стал независимым правителем. Он правил в Кордове более тридцати лет, и не без успеха, хотя всю свою жизнь был раздосадован непрекращающимися восстаниями, такими как восстание вождей, которые в 778 году призвали против него Карла Великого и привели франков к воротам Сарагосы.

Но в то время, когда Абдерахман правил великим государством в Толедо и Кордове и вызывал восхищение всего мусульманского мира своим мужеством, мудростью и великолепием, на западе поднялось небольшое облако, которому в последующие дни предстояло затмить всю мусульманскую Испанию.

После разрушения Вестготского королевства в 711-12 годах вице-короли Испании захватили почти всю землю и густо заселили ее колонистами из Аравии, Сирии и Африки. Но им так и не удалось полностью покорить крайний северо-запад полуострова. Кантабрийское и Астурийское нагорье всегда было последним убежищем разбитых племен с самого начала истории Испании. Там галеки и астуры долгое время противостояли римским легионам: там, в более позднюю эпоху, свевы более столетия сопротивлялись вестготам. И теперь, в тех же самых суровых холмах, последний из вестготов укрылся от наступающих сарацин. [Пелагий в Астурии.] Летописи этого сурового региона очень скудны, но мы узнаем, что некий граф Пелагиус, вождь с римским именем и, возможно, следовательно, в жилах которого текла испанская, а не готская кровь, успешно сражался с мусульманами. Узкий скалистый тракт между Бискайским заливом и Кантабрийскими горами мало привлекал сарацин, которые предпочитали селиться на плодородных равнинах Андалусии и Валенсии, и они не обратили внимания на Пелагия, когда он изгнал их рассеянные гарнизоны из Астурии и основал для себя маленькое королевство на

холмах. Говорят, что он правил астурийцами восемнадцать лет (718-36). После его смерти на трон взошли его сын Фавила и зять Хильдефунс (Альдефонсус, Альфонсо). Последний, чье чисто вестготское имя напоминает имя святого архиепископа Толедского, был основателем величия нового королевства. Воспользовавшись гражданскими войнами сарацин, он спустился со своих холмов и напал на соседнюю провинцию Галисию, где несколько берберских вождей подавляли недовольное христианское население. Местные жители поднялись, чтобы помочь ему, и мусульманские поселенцы были изгнаны с земли и загнаны на равнины северной Испании (751).

[Завоевания Альфонсо I.] Альфонсо последовал за бегущим врагом и обосновался на южном склоне Кантабрийских холмов, заняв города Асторга и Леон и продвинув свои вторжения до северного берега Дору. Говорят, что он полностью изгнал сарацин с обширной *Тьерра-де-Кампос*, равнины Леона, и оставил за собой необитаемую пустыню, когда отступил в свои крепости в горах. Он превратил Порту, Самору и Саламанку в руины, но не был достаточно силен, чтобы занять их и присоединить к своему королевству.

Альфонсо умер в 757 году, как раз в тот момент, когда полуостров переходил в руки Абдерахмана Омейядского. Короли Кордовы оказались более грозными врагами новому христианскому государству, чем старые вице-короли Испании, и в течение нескольких поколений его рост был сравнительно медленным. В течение пятидесяти лет короли Астурии и Галисии были для нас просто именами: по-видимому, они часто были вынуждены платить дань князьям Омейядов и что они находили свою главную безопасность в гражданских войнах, которые так постоянно досаждали мусульманам.

Альфонсо II (791-842) успешно отразил последнюю попытку мусульман отвоевать Галисию. Он появляется один раз во франкской истории как отправляющий послов к Карлу Великому, чтобы сказать, что он считает себя 'человеком' великого короля, и выразить свое почтение. Но франки не приобрели никакого реального сюзеренитета над Астурией и не вступали в какой-либо контакт с ее границами. [Графство Барселона.] Правление Карла, однако, оставило свой след в истории полуострова в другом аспекте: именно он отвоевал у сарацин 'поход Испании', который под своим более поздним названием графства Барселона стал вторым великим христианским государством за Пиренеями. Сначала "Испанский поход" находился в зависимости от герцогства Септимания, но вскоре они были разделены, и граф Барселоны стал таким же свободным от любого активного вмешательства со стороны франкских королей, как и его соседи, графы Аквитании.

Долгое правление Альфонсо II. было периодом быстрого роста и расширения королевства Астурия. Он продвинул свои руки вперед до самого Тахо и в ходе одной экспедиции захватил и разграбил Лиссабон. Но он провел линию своих гарнизонов в Дору, которая некоторое время оставалась пределом оккупации астурийцев. Целое поколение они были заняты повторным заселением пустынных равнин Леона, которые долгое время были пустыней между христианами и мусульманами.

[Успехи Альфонсо III.] Другой Альфонсо, третий по имени, взошедший на трон в 866 году, был следующим принцем, продвинувшим границу Астурии. К королевству, которое он унаследовал, он добавил Старую Кастилию, северную Португалию и земли за Дору, *крайнюю Дурию*, которая по сей день носит свое название Эстремадура. Мухаммед, король Кордовы, ничего не мог противопоставить ему, поскольку восстание под предводительством вождя по имени Омар-бен-

Хафс вырвало у него северные владения, и, пытаясь усмирить мятежника, он был вынужден предоставить королю Астурии беспрепятственно продвигаться вперед.

Во времена Альфонсо произошло возвышение графства Кастилия и королевства Наварра. Первый представлял собой пограничный поход против мавров, который король доверил самому храброму из своих вассалов. Последний был основан гасконским графом Санчо, который, хотя и был вассалом франкской короны, самостоятельно совершал завоевания за Пиренеями и заручился помощью короля Астурии, оказав ему почтение.

Альфонсо укрепил свое королевство, построив огромные пограничные крепости Самора, Симанкас и Осма, чтобы защитить свои новые приобретения от набегов мусульман. В 910 году его сын Гарсия перенес свою резиденцию из астурийского города Овьедо в Леон, к югу от холмов, словно для того, чтобы обозначить продвижение своих границ на равнины северной Испании.

Продвижение христиан на юг и восток никогда не было остановлено, хотя оно часто задерживалось на некоторое время, когда на троне Кордовы восседали сильные правители. Три столетия назад именно готы были буйной неуправляемой аристократией, правившей нацией крепостных, а сарацины за два года стерли их монархию с лица земли. Испанские мавры. | Теперь мусульманин стал таким же, как его готский предшественник, роскошным, гордым, неверным своему королю, жестоким хозяином для крестьян, которые платили ему пошлину. Религиозные преследования не были редкостью, и Андалусия могла насчитать немало мучеников; обвинение в богохульстве имени Мухаммеда всегда побуждало мусульманскую толпу к внезапной жестокости, и жертвы всех возрастов и состояний, от архиепископа Толедского до безвестных монахов и ремесленников, страдали по этому обвинению. В то время как завоеватели теряли свою древнюю силу, новое христианское королевство на северо-западе выращивало в своих суровых горах расу людей с железными руками, расу, жизнь которой была одним постоянным крестовым походом против неверных. В общей опасности они утратили всякую память о древних обидах, разделявших вестготов и римлян,^[70] и стали совершенно однородным народом, полностью спаянным воедино днем невзгод. Упрямая испанская нация, бедная, гордая, воинственная и фанатично ортодоксальная, была естественным продуктом того времени, когда христианство и свободу можно было сохранить, только согласившись на изгнание в кантабрийских горах и жизнь в постоянной борьбе с сарацинами. Мусульманская аристократия, культурная, богатая, роскошная, буйная и эгоистичная, в конце концов не смогла противостоять таким врагам. Несмотря на храбрость и многочисленность, они были разделены бесчисленными местными, семейными и национальными распрями — араб ненавидел сирийца и бербера, в то время как все трое презирали мусульманина испанского происхождения. Их монарх в Кордове существовал только за счет натравливания одной фракции на другую и часто на целые годы был лишен контроля над важным городом или провинцией.

70. Примечательно отметить, что римские и готские имена соседствуют в списках королей Астурии. Римские имена, такие как Пелагий, Аврелий, Маурикат, чередуются с готскими именами, такими как Хильдефунс (Альфонсо), Беремуд (Бермудо) и Фавила.

Поэтому неудивительно, что Астурийское королевство процветало, в то время как кордовский халифат приходил в упадок. Возможно, нам скорее следует удивляться тому, что мусульмане правили в Испании так долго и с таким блеском, несмотря на все их междоусобицы и гражданские войны. Странно, что среди такого большого количества бурных беспорядков они

смогли основать очень содержательную литературу и оставить свой след на лице страны в виде таких триумфов архитектуры, как великая мечеть Кордовы или севильский Алькасар. Конечно, сарацин проявил себя с лучшей стороны в Испании; в других землях, которые он завоевал, упадок наступал гораздо быстрее. Багдадские аббасиды пришли в упадок за некоторое время до того, как Оммеяды Кордовы потерпели поражение. Сирия, Египет и Персия стали добычей турок, мамлюков и татар задолго до того, как Андалусия уступила христианству. Сама Аравия погрузилась в оцепенение с поразительной быстротой и легкостью. Несомненно, именно в Испании мусульмане-завоеватели дольше всего сохраняли все лучшие и достойнейшие черты времен своего раннего величия.

[Краткое содержание.] Мы покидаем Европу в конце нашего периода, в день уныния и депрессии. В этой картине действительно есть свои яркие моменты: в Испании баланс сил определенно изменился в пользу христианского мира, и число сторонников полумесяца уже начало уменьшаться. Правление династии Базилиан в Константинополе обещало период постоянного процветания, даже если не появится сильного императора, который снова привел бы византийские армии к победе. Но в тех великих землях Центральной Европы, которые тогда и всегда составляли сердце христианского мира, перспективы были очень мрачными — чернее, чем когда-либо со злых дней седьмого века. Если атаки викингов заметно ослабевали, и если сарацины в последний раз были изгнаны из южной Италии, так что захватчики извне были на какое-то время сдержаны, то все же положение дел внутри страны не проявляло никаких признаков улучшения. Империя была мертва: папство впадало в преждевременный упадок и коррупцию.

Посреди всей этой измены и эгоизма, войн, убийств и восстаний мрачного века, который лежит между битвой при Фонтенэ и концом десятого века, есть только одна мысль, которая может дать студенту хоть какое-то утешение. После распада империи Карла Великого, когда датчане, сарацины, венгры и славяне одновременно осаждали ворота христианского мира, возникла очень серьезная опасность того, что ткань цивилизованной Европы может развалиться на куски под их ударами. То, что этого не произошло, должно быть объяснено неожиданной силой сопротивления, развитой распавшимися частями франкской империи при феодальной системе. Какими бы катастрофическими ни были большинство последствий этой системы, она, по крайней мере, оправдывала свое существование, спасая христианский мир от внешнего врага. То, чего не смогли сделать преемники Карла Великого, когда за их спинами стояла вся военная сила империи, было выполнено мелкими графами и маркграфами, чья власть укрепилась на руинах центральной власти. Именно феодальный всадник в кольчуге и неприступные стены феодального замка отразили атаки датчан, сарацин и венгров.

В то время как ожидалось, что император или король будет защищать каждый уголок королевства, а на самом деле не защищал ничего из этого, губернаторы *гауса* и марок в целом оказались способны справиться с этой задачей, когда у них развязались руки и они не были скованы пристальным надзором своего хозяина. Европа действительно скатилась к полной децентрализации и на столетия утратила административное единство, обещанное правлением Карла Великого. Тяжелый удар был нанесен по медленно развивающейся культуре и цивилизации, возникшей в восьмом веке. Не без основания девятый, десятый и одиннадцатый века были названы 'Темными веками'. Литература и искусство снова опустились на тот уровень,

с которого их на время поднял Карл Великий; историю снова приходится реконструировать по самым скудным материалам. Архитектура пребывала в застое, за исключением единственного направления строительства замков - единственного развития, которое было произведено за эти столетия. Внутренняя история континентальной Европы, когда она перестает быть серией датских, сарацинских и мадьярских набегов, превращается в мрачную летопись утомительных местных распрей и частных войн. Остатки старой тевтонской свободы, которые сохранились в медленно уменьшающейся мере, в конце концов исчезают по мере совершенствования феодализма, и свободный человек повсюду становится вассалом какого-нибудь большего или меньшего лорда.

Но все подробности этой печальной перемены не должны заслонять от нас тот факт, что христианский мир был спасен от разрушения людьми феодальной эпохи. Несмотря на все недостатки их системы, ее эгоизм, ее партикуляризм, ее междоусобицы, ее деградацию низших классов, она служила требуемой цели, создавая условия для военной эффективности, которые были необходимы для отражения вторжений орд извне. Феодальные всадники. Проблема, с которой пришлось столкнуться Европе, заключалась в том, что она столкнулась с быстро перемещающимися противниками, чьей целью был в первую очередь грабеж, а не борьба, и которых, следовательно, нужно было поймать и усмирить, если они хотели быть сдержанными. Медленно передвигающиеся массы пехоты, которые Франкская империя выставила на поле боя, были совершенно неспособны справиться с этой проблемой. Легкая кавалерия мадьяр и сарацин могла объезжать их или удаляться от них: датчанин сел на свои корабли и исчез, когда они с опозданием подкрались, чтобы отогнать его от добычи. Местный граф или герцог, который мог выставить в поле боя несколько сотен закованных в кольчуги всадников признанной доблести, людей, связанных с ним всеми узами дисциплины и послушания и приученных к войне с юности, на самом деле был гораздо более грозным врагом для грабящего захватчика. Даже если он не мог остановить налетчиков из-за нехватки численности, его отряд всадников окружал незваных гостей, отсекал отставших, перехватывал их на каждом удобном для обороны перевале или броду, где немногие могут противостоять многим, обходил их перекрестками дорог, которые туземец должен знать лучше, чем чужак.

[Феодальный замок.] Не менее важным, чем появление всадника в кольчуге, было возвышение феодального замка. Во Франкской империи укрепленные места до сих пор были редкостью: за исключением городов с древнеримскими стенами, похоже, не было ни одного, способного защититься: франкские представления о фортификации не шли дальше насыпания насыпи, окружения ее рвом и возведения частокола. Таких временных опорных пунктов было недостаточно, и безопасность от датчан обеспечивалась только использованием постоянных укреплений из прочного камня. Каждый город, который не погиб, окружал себя кольцевой стеной: были построены укрепленные мосты, чтобы перекрыть реки для кораблей викингов. Но самым важным из всех были замки, которые возвышались со всех сторон, чтобы служить безопасными резиденциями для вождей, которые когда-то жили на открытых виллах, и служить опорными пунктами для обороны сельской местности. Поначалу немногочисленные, они постепенно распространились по всей стране, по мере того как каждый способный лорд возводил себе крепость. Существование этих замков изменило весь облик войны: при появлении врага теперь оставалось бесчисленное множество мест, где можно было укрыться, и захватчик, вместо того чтобы легко прочесывать округу в поисках добычи, обнаружил, что в будущем ее можно будет добыть только ценой серии длительных осад. Вряд ли был известен какой-либо надежный способ захватить укрепленный пункт, кроме как взять его измором; но

сидеть три месяца перед замком, пока голод не сведет его с ног, было не тем, чего желали датчане или мадьяры. Их добыча была бы ограничена, в то время как задержка позволила бы собрать против них всю военную мощь страны. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что возвышение феодального замка было лучшим средством, которое можно было найти против насущного зла, угрожавшего христианскому миру в девятом веке.

[Заключение.] Военный триумф обернулся политической катастрофой. В тот момент, когда королевская власть была поколеблена несчастливыми гражданскими войнами потомков Карла Великого, когда почти за каждую провинцию спорили два лорда, было абсолютно фатально, что контроль над воинственной мощью Европы перешел в руки толпы мелких магнатов, каждый из которых стремился к собственному возвышению и нисколько не заботился об общем благополучии королевства, пока его собственное графство хорошо охранялось. Цена, которой христианский мир купил свою безопасность, была огромной: тем не менее, когда на карту было поставлено будущее Европы, никакая цена не была слишком высокой. Стоило заплатить любой выкуп, если таким образом Рим был спасен от сарацин, Майнц - от мадьяр, Париж - от язычников Севера.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦЫ ГОСУДАРЕЙ

(1) Информацию о королях вандалов смотрите в таблице на странице [12](#).

(2) Информацию о франкских королях смотрите в таблицах на страницах [166](#), [260](#) и [413](#).

(3) Информацию о королях Ломбардии смотрите в таблице на странице [183](#).

(4) Императоры в Константинополе

Зенон, 474-91.

Анастасий I., 491-518.

Джастин I., 518-27.

Юстиниан I., 527-65.

Юстин II., 565-78.

Tiberius Constantinus, 578-82.

Морис, 582-602.

Фока, 602-10.

Ираклий, 610-41.

Ираклий Константин, 641 год.

Гераклеонас, 641-42.

Constantinus (Constans II.), 641-68.

Константин IV. или V., Погонатус, 668-85гг.

Юстиниан II., 685-95.

Леонтий, 695-98.

Тиберий Аписмар, 698-705.

Юстиниан II. (восстановлен), 705-11.

Филиппик, 711-13.

Artemius Anastasius, 713-15.

Theodosius III., 715-17.

Лев III, исавриец, 717-41гг.

Константин V. или VI., Копроним, 741-75.

Лев IV. хазар, 775-80.

Константин VI. или VII., 780-97гг.

Ирина, 797-802.

Никифор I., 802-11.

Stauracius, 811-12.

Майкл И., Рангабе, 812-13гг.

Лев В., армянин, 813-20.

Михаил II, Амориец, 820-29гг.

Феофилакт, 829-42.

Михаил III, Пьяница, 842-67.

Василий I, Македонянин, 867-86гг.

Лев VI, Мудрый, 886-912гг.

Константин VII или VIII, Багрянородный, 912-59гг.

(5) Остготские короли в Италии

Теодорих, 493-526.

Аталарих, 526-34.

Теодахат, 534-36.

Витигес, 536-40.

Хильдибад, 540-41.

Эрарик, 541.

Бадуила (Тотила), 541-52.

Теіа, 552-53.

(6) Вестготские короли в Испании

Эврик, 466-83.

Аларих II., 483-506.

Теодорих и Амальрик, 506-22.

Один Амальрик, 522-31.

Теудис, 531-48.

Теудигизель, 548-49.

Agila, 549-54.

Атанагильд, 554-67.

Леова II., 567-72.

Леовигильд, 570-86.

Вспомнил I., 586-601.

Леова II., 601-03.

Виттерих, 603-10.

Гундимар, 610-12.

Сисибут, 612-20.

Рессаред II., 620-21.

Свинтила, 620-31.

Сисинанд, 631-36.

Чинтхила, 636-40.

Тулга, 640-41.

Чиндасвинт, 641-52.

Рексвинт, 652-72.

Вамба, 672-80.

пропал без вести: Эрвиг, 680-87.

Egica, 687-701.

Витиза, 701-10.

Родерик, 710-11.

(7) Папы римские

Simplicius, 468-83.

Феликс III., 483-92.

Gelasius I., 492-96.

Anastasius II., 496-98.

Симмах, 498-514.

Хормиздас, 514-23.

Джон I., 523-26.

Феликс IV., 526-530.

Bonifacius II., 530-32.

Иоанн II, 532-35.

Агапет I., 535-36.

Silverius, 536-37.

Vigilius, 537-55

Пелагий I., 555-60.

Иоанн III, 560-74.

Бенедикт I., 574-78.

Pelagius II., 578-90.

Григорий I., 590-604.

Sabinianus, 604-07.

Bonifacius III., 607.

Bonifacius IV., 607-15.

Deusdedit, 615-18.

Bonifacius V., 618-25.

Гонорий I., 625-38.

Северин, 638-40.

Иоанн IV, 640-42.

Теодорус I., 642-49.

Мартин И., 649-54.

Eugenius I., 654-57.

Виталиан, 657-72.

Адеодатус, 672-76.

Donus I., 676-78.

Агато, 678-82.

Leo II., 682-83.

Бенедикт II, 683-85.

Джон В., 685 год.

Конон, 685-87.

Сергий I., 687-701.

Иоанн VI., 701-05.

Иоанн VII, 705-08.

Sisinius, 708.

Константин, 708-15.

Григорий II, 715-31.

Григорий III, 731-41.

Zacharias, 741-52.

Стефан II, 752-57.

Павел I., 757-68.

Стефан III, 768-772.

Адриан I., 772-95.

Leo III., 795-816.

Стефан IV, 816-17.

Пасхалий I., 817-24.

Eugenius II., 824-27.

Valentinus, 827.

Григорий IV, 827-44.

Сергий II., 844-47.

Лев IV., 847-55.

Бенедикт III, 855-58.

Николай I., 858-67.

Адриан II, 867-72гг.

Иоанн VIII, 872-82.

Мартин II., 882-84.

Адриан III., 884-85.

Стефан V., 885-91.

Формоз, 891-96.

Bonifacius V., 896.

Стефан VI., 896-97.

Romanus, 897.

Theodorus II., 897-98.

Иоанн IX, 898-900.

Бенедикт IV, 900-03.

Лев V., 903.

Христофор, 903-04.

Сергий II., 904-11.

Anastasius III., 911-13.

Ландо, 913-14.

Джон X., 914-28.

(8) Халифы.

Abu Bekr, 632-34.

Омар, 634-43.

Осман, 643-56.

Али, 656-61.

ОММЕЯДЫ.

Муавия I., 661-79.

Езид I., 679-83.

Муавия II., 683.

Мерван I., 683-84.

Абдельмелик, 684-705.

Велид I., 705-15.

Солиман, 715-17.

Омар II., 717-20.

Езид II., 720-24.

Хишам, 724-43.

Велид II., 743-44.

Езид III, 744 г.

Ибрагим, 744 года.

Мерван II., 744-50.

АББАССИДЫ.

Абуль Аббас, 750-54.

El Mansur, 754-75.

Эль-Мехди, 775-85.

El Hadi, 785-86.

Гарун-эль-Рашид, 786-809.

Эль-Амин, 809-13.

Эль-Мамун, 813-33.

Эль-Мотассем, 833-41.

Ватек, 841-47.

Эль Мотаваккель, 847-61.

- Примечания переписчика:
 - Пропущенные или затемненные знаки препинания были исправлены автоматически.
 - Дополнительные примечания были перенесены, чтобы избежать разделения предложений.
 - Типографские ошибки были исправлены автоматически.
 - Непоследовательная орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие только тогда, когда в этой книге была найдена преобладающая форма.